НАУКА, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Science and Technology
St. Petersburg Branch
University of Tübingen

Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War

Editors: Eduard Kolchinsky, Dietrich Beyrau
and Julia Lajus

«Nestor-Historia» Publishers
St. Petersburg
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ТЮБИНГЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУКА, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО РОССИИ И ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отв. редакторы Э.И. Колчинский и Д. Байрау
Редактор-составитель Ю.А. Лайус

Издательство «Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

УДК 5.008(Р47+430) «1914–1918»
ББК 63.3(2)(4Гем)532:72.4

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. — 504 с.

ISBN 978-5981872-26-6

Рецензенты: К.В. Манойленко, Т.И. Юсупова.

В монографии дан историко-сравнительный анализ взаимоотношений между наукой, техникой и обществом в России и Германии в период Первой мировой войны. В статьях российских и немецких авторов рассматриваются различные аспекты воздействия войны на организацию науки, на ее взаимодействие с военной промышленностью, на соотношение фундаментальных и прикладных исследований, систему международных связей, на нормы и ценности научного сообщества. Освещена деятельность новых организаций, возникших с целью мобилизации науки. Всесторонне рассматривается трансформация социальных сетей и международных научных связей, а также «войны манифестов». Особое внимание уделено изменению тематики естественнонаучных исследований, обусловленному включением биологии, медицины, химии и др. наук в оборонные исследования. Исследуется влияние военного времени на этику ученых, их социальный статус и ценностные ориентации. Показаны пути формирования новых конфигураций отношений науки и власти. Книга вводит в научный оборот большой корпус новой архивной информации из фондов России и Германии, а также малоизвестные публикации тех лет. Труд издается впервые, право на его издание не передавалось другим лицам или организациям.

This monograph is provided the historical comparative analysis of interrelations between science, technology and society in Russia and Germany during the period of the First World War. In the papers written by Russian and German historians different aspects of the influence of the war on the organization of science, its interactions with the war industry, relations between pure and applyed science, international networks, norms and values of scientific community are discussed. The activities of new organizations which appeared during the war with the goal of “scientific mobilization” are elucidated. Transformation of social networks and international scientific relations, including “the war of manifests” are thoroughly considered. The special attention is paid to the changes of the subjects in natural sciences due to including of biology, medicine, chemistry and other scientific disciplines into the programme of the defense research. Influence of the war time on the ethics of scientists, their social status and values are studied. The ways of formation of new relations between science and authorities are shown. The book puts into scientific circulation a large amount of new information from Russian and German archives, and little-known publications of contemporary period. The monograph is publishing for the first time; right for publication was not transferred to the other persons or organizations.

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
РФФИ № 03-06-85025, РГНФ № 04-03-00067а, РГНФ № 06-0316020д.

ISBN 978-5981872-26-6

© Коллектив авторов, 2007
© СПбФ ИИЕТ РАН, 2007
© Издательство «Нестор-История», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. НАУКА РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ С ПОЗИЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Э. И. Колчинский. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НЕКОТОРЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУКИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ 9

Д. Байрау. НАУКА, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ..... 25

ИСПЫТАНИЯ НАУЧНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

А.Н. Дмитриев. ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ 32

Т. Маурер. «ВОЙНА УМОВ» И ОБЩНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА РУССКИХ УЧЕНЫХ НА ВОЗЗВАНИЕ ИХ ГЕРМАНСКИХ КОЛЛЕГ 57

Ш. Вольф. ФИЗИКИ В «ВОЙНЕ УМОВ»: ВОЗРАЖЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ВИНА ПРОТИВ «АНГЛИЦИЗМА» 79

Э. Фукс. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ 94

К. Штрупп. ВОСПРИЯТИЕ ГЕРМАНСКОЙ НАУКИ И ИССЛЕДОВАНИЙ В АМЕРИКЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 114

Ю.А. Лайус. МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ, РЫБНЫЕ РЕСУРСЫ И РАЗВИТИЕ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В РОССИИ НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 136

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Ю.А. Виноградов. НЕМЦЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ГОДЫ «ВЕЛИКОЙ» ВОЙНЫ 167

Э.И. Колчинский. АКАДЕМИЯ НАУК И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 184

А.Е. Иванов. ОТКЛИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 207

Т. Маурер. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОФЕССОРА И СТУДЕНТЫ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 221

А.Н. Дмитриев. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УНИВЕРСИТЕТСКИЕ РЕФОРМЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА 236

К. Корнелисен. ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 256

БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Ю.П. Голиков. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОТРУДНИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ 290

К.О. Россиянов. МЕТАФОРА ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ В ТРУДАХ И.И. МЕЧНИКОВА..... 310

И.Е. Сироткина. РОССИЙСКИЕ ПСИХИАТРЫ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ..... 326

Д. Кауфманн. «ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ УМЫ» И «СОГЛАШАТЕЛЬСКИЕ ДУШИ». К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 345

А.А. Федотова. РОССИЙСКИЕ БОТАНИКО-ГЕОГРАФЫ В ГОДЫ «ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ» 364

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА

М. Шелези-Янце. КОНСУЛЬТАНТ, АГЕНТ, БИЗНЕСМЕН? ФРИЦ ХАБЕР, ФИРМА BASF И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА НИТРОСОЕДИНЕНИЙ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 391

И.С. Дмитриев. БЕНЗОЛЬНОЕ КОЛЬЦО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СОЗДАНИЕ КОКСОБЕНЗОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)..... 412

Ф. Эспозито. «КРЫЛАТЫЕ МЕЧИ». ГЕРОИ И ТЕХНИКА: ОТ ТРАДИЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ..... 441

Е.Л. Желтова. АВИАЦИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОЖДЕНИЕ НОВОГО КУЛЬТУРНОГО МИФА..... 469

И.Ф. Цветков. РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 491

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 498

CONTENTS

INTRODUCTION. SCIENTIFIC COMMUNITIES IN RUSSIA AND GERMANY DURING THE FIRST WORLD WAR FROM A COMPARATIVE PERSPECTIVE

E.I. Kolchinsky. WWI AND SOME VECTORS OF THE TRANSFORMATION OF SCIENCE IN GERMANY AND RUSSIA..... 9

D. Beyrau. SCIENCE, TECHNOLOGY AND SOCIETY IN WWI..... 25

INTERNATIONAL SCIENCE AND ITS DISCONTENTS

A.N. Dmitriev. FROM ACADEMIC COSMOPOLITANISM TOWARD A SYSTEM OF NATION-STATE SCIENCE..... 32

T. Maurer. «WAR OF MINDS» AND COMMONALITIES OF EUROPEANS. REFLECTIONS ON THE REACTION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO THE PROCLAMATION OF THEIR GERMAN COLLEAGUES..... 57

S. Wolff. PHYSICS IN THE «WAR OF MINDS»: WILHELM WIEN'S OBJECTIONS AGAINST «ANGLICISM»..... 79

E. Fuchs. THE CONSEQUENCES OF WAR FOR INTERNATIONAL SCIENTIFIC RELATIONS..... 94

Ch. Strupp. PERCEPTIONS OF GERMAN SCIENCE AND RESEARCH IN THE U.S.A. DURING WWI..... 114

J. A. Lajus. INTERNATIONAL COOPERATION, FISH RESOURCES AND THE DEVELOPMENT OF FISHERY SCIENCE IN RUSSIA ON THE EVE, DURING AND AFTER WWI 136

ACADEMIC SCIENCE AND HIGH SCHOOL

Ju.A. Vinogradov. GERMANS IN THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES DURING THE «GREAT WAR» 167

E.I. Kolchinsky. THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES AND WWI 184

A.E. Ivanov. REACTIONS TO WWI IN HIGH SCHOOLS OF THE RUSSIAN EMPIRE..... 207

T. Maurer. EXCEPTIONALISM AND INTEGRATION: PROFESSORS AND STUDENTS IN GERMAN SOCIETY DURING WWI..... 221

A.N. Dmitriev. WWI: UNIVERSITY REFORMS AND INTERNATIONAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ACADEMIC SOCIETY..... 236

Ch. Cornelissen. THE FRONT GENERATION OF GERMAN HISTORIANS AND WWI..... 256

BIOLOGY AND MEDICINE

Ju.P. Golikov. WWI AND RESEARCHERS OF THE IMPERIAL INSTITUTE OF EXPERIMENTAL MEDICINE 290

K.O. Rossianov. METAPHORS OF WAR AND THE PROBLEM OF INTEGRITY IN THE STUDIES OF ILYA I. MECHNIKOV 310

I.E. Sirotkina. RUSSIAN PSYCHIATRISTS IN WWI 326

D. Kaufmann. «RESILIENT BRAINS» AND «SOULS UNWILLING TO FIGHT». TOWARDS A HISTORY OF CULTURE AND SCIENCE DURING WWI 345

A.A. Fedotova. RUSSIAN PHYTOGEORAPHERS DURING THE «SECOND PATRIOTIC WAR» 364

INDUSTRY AND TECHNOLOGY

M. Szöllösi-Janze. ADVISOR, REPRESENTATIVE, STAKEHOLDER? FRITZ HABER, BASF AND STATE POLICY IN THE FIELD OF NITROGEN PRODUCTION DURING WWI 391

I.S. Dmitriev. THE BENZENE RING OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE DEVELOPMENT OF THE BENZENE INDUSTRY IN THE RUSSIAN SOUTH DURING WWI) 412

F. Esposito. «FLYING SWORDS». HEROES AND TECHNOLOGY BETWEEN TRADITION AND CHANGE 441

E.L. Zheltova. AVIATION IN RUSSIA DURING WWI: THE BIRTH OF A NEW CULTURAL MYTH 469

I.F. Tsvetkov. RUSSIAN-GERMAN MILITARY-TECHNOLOGICAL CONNECTIONS IN THE FIELD OF SHIPBUILDING ON THE EVE OF WWI 491

LIST OF CONTRIBUTORS 498

ВВЕДЕНИЕ

НАУКА РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ С ПОЗИЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Э. И. Колчинский

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НЕКОТОРЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУКИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

До недавнего времени проблема «Наука и Первая мировая война» оставалась практически вне внимания российских историков науки. Не учитывали и воздействие Первой мировой войны на последующее развитие и институционализацию советской науки, за исключением изучения комплекса вопросов, связанных с историей Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС)[1]. Да и в них, как правило, не рассматривали специально вопрос о роли российской науки в событиях Первой мировой войны. Авторы обычно ограничивались кратким рассмотрением роли КЕПС или Химического комитета в жизни и творчестве ученых, принимавших активное участие в их создании и деятельности[2]. Особо ценные сведения содержатся в монографиях об ученых, руководивших КЕПС[3]. Однако при этом фактически игнорируют многие другие формы мобилизации науки, например, в учреждениях Министерства земледелия. Между тем, в его бюро, промысловых экспедициях, опытных станциях, ботанических садах и т. д. ученые также искали ответы на вызовы военного времени и старались мобилизовать

---

1 *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб., 1999.

2 См. статью И. С Дмитриева в этом сборнике.

3 *Мочалов И.И.* В.И. Вернадский (1863–1945). М., 1982; *Перельман А.И.* А.Е. Ферсман. 1883–1945. М., 1983; *Соловьев Ю.И.* Н.С. Курнаков. 1860–1941. М., 1986; *Строгонов Б.П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. 1835–1918. М., 1996.

при помощи науки сельское хозяйство и биоресурсы для обеспечения победы. Практически не исследована роль Военно-промышленных комитетов, созданных по всей стране для координации действий власти, земства и промышленности, в которых также участвовали ученые и инженеры. Мало известна и деятельность ученых в рамках Особого совещания при военном министре. Вообще тема Первой мировой войны оказалась практически забытой в советской историографии[4].

В ней приоритет явно отдавался событиям, последовавшим после Февральской революции, когда борьба за власть между различными политическими силами завершилась развалом российской армии и приходом к власти политических сил, фактически капитулировавших перед Германией на условиях этого «похабного», по выражению самого его инициатора В.И. Ленина, Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. По условиям договора, с которыми не мог согласиться даже нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий, против которых выступали как левые эсэры, так и значительная часть большевиков, Германия и ее союзники аннексировали огромные территории бывшей Российской империи. Для научного потенциала России особенно ощутимыми были потеря Польши, Финляндии и Прибалтики, где находились крупные университеты, а общий образовательный уровень населения был выше, чем в целом по стране. Примерно из 2,5 тыс. ученых и преподавателей высшей школы (около 25 % от их дореволюционного числа), оказавших-

[4] В этом отношении прямо противоположная картина складывалась в немецкой историографии, где практически сразу после поражения и Версальского мира появилось огромное количество работ, призванных осмыслить происшедшую катастрофу и выяснить ее причины (см., напр.: *Braun H.* Ost-Preussen Chronik. Kriegsbilder aus den beiden Russen-Entfällen 1914/1915. München, 1918; *Bischoff J.* Die letzte Front. Geschichte der Eisernen Division in Baltikum 1919. Berlin, 1935; *Dwinger E.E.* Die letzten Reiter. Jena, 1935; *Dietmann L.* Ostfront. Ein Denkmal des deutschen Kampfes in Bildern und Tagebuchblättern. Berlin, 1938. Интерес к этой теме не иссякает и в наши дни: *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. Erorberung, Koloniesierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002. Только литература о русско-немецких взаимодействиях в годы военного противостояния, а также в 1917–1924 гг., насчитывает более тысячи названий: см.: *Koenen G.* Blick nach Osten. Versuch einer Gesamt-Bibliographie der deutschsprachigen Literatur über Russland und den Bolschewismus 1917–1924 // Deutschland und die Russische Revolution 1917–1924/ Hg. G. Koenen, L. Kopelew. München, 1998; *Koenen G.* Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900 bis 1945. München, 2005.

ся после Гражданской войны за границей, не менее половины приходится на долю тех, кто оказался вне пределов СССР в результате обретения независимости бывшими территориями Российской империи[5].

В большинстве зарубежных исследований, посвященных проблеме военной мобилизации науки в период между Второй мировой и «холодной» войнами, остались в тени судьбы науки и ученых в 1914–1918 гг.[6] За последние шесть лет ситуация стала меняться (проведено несколько симпозиумов, вышли первые сборники и монографии, посвященные отдельным отраслям науки, учреждениям и ученым разных стран). Однако, развитие науки в целом в этот период, переломный для нее и общества, еще не становилось предметом комплексного и разностороннего анализа. Тем более отсутствовали попытки рассмотреть это развитие в рамках историко-сравнительных исследований науки в разных странах, получивших широкое распространение в современной историко-научной литературе[7]. В апреле 2003 г. в Санкт-Петер-

---

[5] *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. Кн. 2. 1917–1939. СПб. 2003. С. 165–169.

[6] Это справедливо и для работ по истории немецкой науки, хотя раздел о Первой мировой войне обязательно присутствует во всех обобщающих сводках по истории главных научных и учебных заведений в Германской империи. См., напр.: Die Preussische Akademie der Wissenschaft zu Berlin. 1914–1945 // Hg. W. Fischer unter Mitarbeit von R. Hohlfeld, P. Nőtzoldt. Berlin, 2000. S. 3–14; *Rasch M.* Geschichte des Kaiser-Wilhelm-Instituts für Kohlenforschung 1913–1943. 1989. S. 63–101; Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm / Max-Planck-Gesellschaft. Aus Anlass ihres 75jährigen Bestehens / Hg. R. Vierhaus. B. vom Brocke. Stuttgart, 1990. S. 163–197; *Maurer* T. (Hg.) Kollegen-Kommilitonen-Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 2006. Но чаще всего проблему мобилизации науки, скорее, обозначали, чем раскрывали. Исключение составляют, насколько мне известно, лишь фундаментальные труды о лауреате Нобелевской премии и создателе химического оружия Ф. Хабере: *Stoltzenberg D.* Fritz Haber. Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude: eine Biographie. Weinheim u. a., 1994. S. 223–350, и, особенно, *Szőllősi-Janze M.* Fritz Haber. 1868–1934: eine Biographie. München, 1998. S. 256–488. Последнее исследование, основанное на огромном массиве архивных материалов, совершенно в новом свете представляет деятельность Хабера и его взаимоотношения с властями, военными и промышленниками.

[7] Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000; Science and the Pacific War: Science and Survival in the Pacific, 1939–1945 / Ed. R. MacLeod. Dordrecht, 2000; Academia in Upheaval.

бурге при поддержке РФФИ и Немецкого фонда Герды Хенкель прошла совместная русско-германская конференция «Наука, техника и общество в Первой мировой войне» (сопредседатели Э. И. Колчинский и Д. Байрау), которая, по мнению ее участников, показала плодотворность сравнительного анализа роли науки в Германии и России в этот период. Заслушанные на конференции доклады составили основу настоящей коллективной монографии.

Совокупность публикуемых статей русских и германских историков науки является одной из первых попыток комплексно рассмотреть проблему мобилизации и реформирования науки во время Первой мировой войны, которая, поставив под угрозу существование многих государств, потребовала от научного сообщества не только лояльности, патриотизма, но и максимальных усилий в достижении общенациональных целей. Ученые всех стран, в том числе Германии и России, были призваны активно участвовать не только в реализации военно-оборонных проектов, создании новых технологий и техники, новых видов вооружения, но и в пропагандистском обеспечении внешней и внутренней политики, получившем название «Война умов».

Война породила совершенно новые формы взаимодействия науки, промышленности и власти. Как показала деятельность химиков В.Н. Ипатьева в России и Ф. Хабера в Германии, именно ученые брали на себя инициативу ускоренного поиска решения возникших проблем, преодолевая бюрократическую косность чиновников и находя понятные промышленникам доводы об исключительной экономической выгоде от скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны. Не всегда эта деятельность была бескорыстной, напротив, нередко ученые, высту-

---

Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime and East Central Europe / Ed. M. David-Fox and G. Péteri. Westpott; Connecticut; London, 2000; *Connelly J.* Captive Universiy: The Sovetization of East German, Czech and Polish Higher Education, 1945–1956. Chaptel Hill, 2000; Science and Colonial Enterprise / Ed. R. MacLeod. Chicago, 2001; За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002; *Schmiechen-Ackermann D.* Diktaturen im Vergleich. Darmstadt, 2002; Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003; Science and Ideology. Comparative History / Ed. M. Walker, London; New York, 2003; Politics and Science in Wartime. Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute / Ed. C. Sachse, M. Walker // 0siris, 2005. Vol. 20.

пая, как научные консультанты военных ведомств лоббировали интересы тех или иных компаний[8]. В итоге, подъем и процветание многих промышленных компаний были не только результатом верной стратегии их руководителей в условиях войны, но и следствием усилий ученых, не забывавших при решении общенациональных задач и собственные, порой далеко не научные интересы. Создатель химического оружия («Vater des Gaskriegs», как его обычно именуют в Германии) Ф. Хабер способствовал использованию мер, разработанных в прикладной энтомологии для борьбы с вредителями хозяйственно-полезных растений и переносчиками возбудителей болезней, для тотального уничтожения вражеских армий[9]. Здесь «союз науки и капитала» ради прогресса общества, за который ратовали в те годы ученые всех стран — главных участников Первой мировой войны, привел к первому эффективному переносу биотехнологий в сферу вооружений[10].

---

[8] В этом отношении показательна роль Ф. Хабера в размещении правительственных заказов на Баденской фабрике по производству анилина и соды, которые стали основой для превращения ее в гиганта химической промышленности, предприятия которого доминируют во многих странах мира и сейчас.

[9] Вообще фигура Ф. Хабера, мало освещенная в российской истории науки, одна из наиболее противоречивых в XX в. Если судить по зарубежной литературе, то существовало как бы два Хабера. Один из них «хороший Хабер», гениальный ученый, Нобелевский лауреат, работы которого по синтезу аммиака стали основой для решения продовольственной проблемы, основатель Фонда помощи немецкой науки, верный друг Р. Виллстэттера, М. Планка, А. Эйнштейна. Другой — это «плохой» Хабер-милитарист и немецкий националист, несмотря на свое еврейское происхождение, бессовестный инициатор «газовой войны» и военный преступник, бессердечный тиран в семье, сведший в могилу собственную жену.

[10] Именно на опыт Хабера в синтезе физико-химического, токсикологического и энтомологического знания опирался в 1920 г. его сотрудник, энтомолог, а впоследствии многолетний председатель Немецкого зоологического общества А. Хазе в своей программной статье «О технической биологии», в которой доказывал необходимость дальнейшего развития биологии, прежде всего, как биотехнологии: *Hase A*. Über technische Biologie. Ihre Aufgaben und Ziele, ihre prinzipielle und wirtschaftliche Bedeutung // Zs für technische Biologie, 1920. Bd. 8. S. 23–45. По мнению Р. Буда, это была одна из первых работ, где вводилось понятие «биотехнология» и точно очерчены рамки новой области знания, необходимого для достижения максимальной свободы действия в улучшении жизни общества: *Bud R*. Biotechnology in the Twentieth Century // Social Studies of Science, 1991. Vol. 21. P. 415–457.

В связи с этим, важно выяснить, как научные сообщества разных стран не только сумели адаптироваться к новым общенациональным целям, но и использовать сложившуюся конъюнктуру для реализации собственных целей и проектов, для решения своих организационных, административных и финансово-материальных задач. Мобилизация и реформирование науки Германии и России в эти годы вели к изменению статуса ученых, их вовлечению в общественно-политическую и научно-организационную деятельность, к модификации тематики, а иногда даже и языка научных исследований, традиций и этики научного сообщества, к разрыву прежних и созданию новых интернациональных научных связей, к возникновению новых форм диалога и сотрудничества научного сообщества и власти, к созданию новых научных институтов.

Историко-сравнительный анализ институциональных, идеологических, социально-политических, экономических, военных и психологических факторов перестройки системы взаимоотношений науки, государства и общества в России и в Германии в период Первой мировой войны позволит лучше понять воздействие событий 1914–1918 гг. на организацию науки в России и Германии XX в., определивших ей одно из главных мест в системе государственных приоритетов[11]. Отныне правительства этих стран не только играли ведущую роль в финансово-материальном обеспечении научных исследований, но и в выборе их стратегии. Представленный в некоторых статьях анализ механизмов укрепления связей науки и оборонной промышленности (химической, судостроительной, авиационной и др.) в период войны, а также изменений соотношений между фундаментальными и прикладными исследованиями (в химии, биологии, медицине и др.) позволяет выяснить пути включения ученых в принятие и проведение политических решений, а также способов их идеологического обоснования.

Особенно интересно исследовать, как создавались новые научные связи, как шла переориентация коммуникативных сетей, как складывались новые конфигурации науки и власти в ходе Первой мировой войны, как изменялся этос и ценностные ориентации научного сообщества. Сравнительный анализ институциональных изменений науки дает возможность выявить векторы трансформации науки в условиях глобаль-

---

[11] См. подробнее: *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). Л., 2007. С. 232–245, 300–316.

ного военно-экономического кризиса и роли научного сообщества в его преодолении. Активное участие ученых в поисках путей выхода из кризисной ситуации было обусловлено возросшей престижностью научной профессии и ростом социального статуса ученого. Однако в итоге в обеих странах это привело к снижению степени автономности научного сообщества в целом и его отдельных институтов, утрате независимого положения самих ученых, усилению их связей с государством.

Редакторы и авторы книги рассматривают ее лишь как один из первых шагов в изучении социальной истории науки в период Первой мировой войны. Сравнение ситуаций в России и Германии, на которую российская наука в значительной степени ориентировалась на протяжении двух столетий, позволяет выяснить сложности ее переориентации на новых партнеров.

Первая мировая война явилась мощным стимулом к формированию современной системы организации науки, к определению ее места в обществе и выработке способов взаимодействия ученых, власти, общества и промышленности. Участие ученых в военных разработках, в создании учреждений, комитетов и обществ, призванных мобилизовать интеллектуальные и материальные ресурсы, сыграло важную роль в преобразовании науки в годы войны, в возрастании роли государства в определении научной политики, в укреплении связей науки с промышленностью. Происшедшие в ходе Первой мировой войны изменения в производстве и применении научного знания, в его использовании для мобилизации всех сил и ресурсов воющих стран, в формировании интеллектуальной элиты стали направляющими факторами развития науки в XX в. и предопределили ее роль в современном обществе.

Особенно интересен вопрос о социокультурном контексте развития науки в царской России и кайзеровской Германии в начале XX в. В результате Франко-прусской и Русско-японской войн уже к первому десятилетию XX в. началась мощная конкуренция национальных центров и школ, явившаяся прямым следствием формирования идеологии имперского национализма в странах, которые готовились к переделу мира. До войны на общеевропейском университетском рынке доминировала немецкая модель организации науки, демонстрировавшая свою динамичность и эффективность в практическом применении фундаментального знания. При своеобразии образов науки в социокультурной среде Москвы, Петербурга, Берлина и других европейских столиц, научные сообщества разных стран верили в свою историческую миссию, в модернизацию и усовершенствование общества на основе использования

достижений науки и техники. Этой цели служили Международная ассоциация академий и международные конгрессы, демонстрировавшие мировой общественности возможности науки, ее реальные и мнимые успехи.

Проповедуя идеи научного интернационализма, ученые стремились представить себя членами международного сообщества, способными выйти за рамки узконациональных интересов. Особенно ярко это проявилось в России, где значительная часть элиты научного сообщества России была политически ангажированной. Оставаясь частью государственной машины и получая деньги от правительства, ученые вместе с тем ощущали себя носителями прогресса в отсталой стране. Они считали, что царский режим неспособен обеспечить научные исследования в масштабах, отвечавших потребностям страны. Они высказывались за коренные социально-политические и экономические реформы, в том числе усиление государственной поддержки науки, создание сети научных учреждений и фондов, демократизацию и автономность высшей школы, укрепление связи фундаментальных исследований с промышленностью и сельским хозяйством, добивались мер, стимулировавших подготовку кадров.

В предвоенные годы ученые России продолжали искать модели для подражания в Германии, что противоречило внешней политике страны, связанной союзническими обязательствами с Англией и Францией. Война заставила ученых включиться в идеологическую борьбу с недавними учителями и коллегами, проявившуюся в феноменах «войны манифестов» и «российского либерального империализма». Резко возросла публицистическая активность ученых, их роль в формировании образа противника — «вечного варвара» в массовом сознании, в дебатах об ответственности за развязывание войны, в организации комитетов по сотрудничеству и культурному сближению с союзниками. В качестве главных партнеров для русских ученых отныне должны были стать их коллегии из Англии, Франции, Японии и США, что, однако, не удалось осуществить.

Разразившаяся в августе 1914 г. мировая война впрямую затронула мировое научное сообщество. Впервые наука и образование оказывались полностью подчиненными оборонным целям. Распался интернационал ученых. Во всех странах они активно включались в идейно-пропагандистскую поддержку своих правительств, демонстрируя под флагом патриотизма и «защиты отечества» ненависть к коллегам в странах противника, оправдывая милитаризм, агрессивность и жесто-

кость собственных правительств и армий высокопарными сентенциями о защите мировой культуры и общечеловеческих ценностей.

Первая мировая война привела к формированию национально-государственных моделей организации науки, к усилению государственного участия в определении научных исследований и их финансировании, к созданию органов по координации деятельности научных учреждений, обществ и вузов, осуществлявших разработки оборонного значения. Во Франции это было Управление изобретениями, в Великобритании — Комитет по научным и промышленным исследованиям при Тайном совете, в США — Национальный исследовательский совет, в Германии — Отдел военного сырья и Фонд кайзера Вильгельма для военно-технических наук. В России эту функцию только в 1915 г. взяли на себя Особое совещание по обороне государства при военном министре, Центральный военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым и Химический комитет, выросший из Комиссии по производству взрывчатых веществ при Главном артиллерийском управлении, а затем и созданная по инициативе Академии наук КЕПС. В сферах, связанных с оборонной промышленностью, наблюдался бурный рост числа изобретений и интенсификация работы патентных ведомств. В октябре 1915 г. в условиях нараставшего дефицита продовольствия и сырья было оформлено Министерство земледелия, главной задачей которого была координация деятельности различных отраслей сельского хозяйства, лесоводства и промыслов с учетом последних научных разработок. Созданный при Министерстве Ученый совет, в который вошли ведущие специалисты в соответствующих отраслях прикладной биологии, руководил научными исследованиями в различного рода бюро, лабораториях и на опытных станциях, организовывал научно-промысловые экспедиции, составлял учебные планы и программы для подведомственных учебных заведений, вырабатывал научные рекомендации по планам развития земледелия и животноводства, эффективной эксплуатации лесных угодий и водных ресурсов, организации и регулировании рыбных и звериных промыслов, оказанию агрономической помощи при проведении землеустроительных и мелиоративных работ, использованию минеральных удобрений, новых сельскохозяйственных машин, технологий в винокурении, пивоварении и др. Существовавшие при министерстве Бюро по прикладной ботанике, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, Отдел земельных улучшений, Лесной специальный комитет, Гидрологический комитет, а также межведомственные комитеты по виноградарству и виноделию, овцеводству, льняной, торфяной, хлопковый,

Отдел рыбоводства и научно-промысловых исследований и т.д.[12] вскоре стали основой для развития всей системы сельскохозяйственных научных учреждений СССР, включая институты ВАСХНИЛ.

Высшая школа активно включалась в исследования и организацию производств, связанных с войной. Роль ученых возросла в мобилизации оборонных ресурсов, в обеспечении фронта и тыла стратегическим сырьем, в научно-техническом содействии выполнению оборонных заказов, в создании новых отраслей в промышленности, в охране памятников науки и культуры. Соответственно менялись темы исследований, шла трансформация отношений фундаментальной и прикладной науки, гуманитарных и естественных наук. Утверждался новый образ науки как фабрики знания, сыгравший огромную роль в формировании системы научно-исследовательских институтов в Германии и России. Создатели КЕПС как новой формы организации и проведения комплексных научных исследований в масштабах всей страны, использовали опыт Общества кайзера Вильгельма в становлении феномена коллективной и плановой научной работы.

Война сыграла важную роль в перестройке профессионального сознания и организаций научной интеллигенции, в создании национальных специализированных научных обществ и новых журналов, в политическом размежевании научных сообществ, в обострении борьбы патриотов и диссидентов, «оборонцев» и пацифистов, в формировании представлений о науке как субституте имперской мощи, а также идеи об установлении диктатуры интеллектуалов.

Неудачный исход мировой войны способствовал развенчанию модели науки, патронируемой авторитарным государством. В Германии и России все более популярными становились либеральные программы реформирования науки. При Временном правительстве и большевиках в 1918 г. были сделаны попытки их реализации[13]. В то же время реалии послевоенной разрухи заставляли ученых обеих стран сотрудничать с новыми властями. Ученые стремились участвовать в разработке и экспертизе правительственных проектов и планов по модернизации экономики. Не принимая зачастую идеологию новых властей, они старались использовать их для реализации собственных планов создания

---

[12] См.: Известия Министерства земледелия (1915–1917 гг.), Сельское хозяйство и лесоводство (1915–1918 гг.).

[13] Наука и кризисы. С. 385–394.

сети научных институтов, развития Академии наук или Общества кайзера Вильгельма, высшего образования.

Военное поражение Германии завершилось перераспределением ведущих позиций в мировой науке, приведшим к потере немецкой наукой своего особого статуса. Из лидера мировой науки она стала ее «изгоем», т.к. ученые Антанты вели политику бойкота науки бывших противников. В послеверсальском устройстве Европы особое место занимали русские ученые — «побежденные и победители» одновременно. Пойдя на сепаратный мир с Германией, новые российские власти упустили плоды близкой победы, а российское научное сообщество не воспринимали в странах Антанты в качестве сообщества страны-союзницы. К тому же их правительства не могли простить ему сотрудничество с большевистскими властями. В итоге российские ученые к началу 1920-х вместе с учеными Веймарской республики находились фактически в состоянии международной изоляции и обструкции.

Этим объясняется «брак по расчету» двух стран, организация совместных проектов, журналов, экспедиций, конференций, а также демонстративных мероприятий в виде Недель немецкой науки в Москве и Недель советской науки в Берлине. У этого научного сотрудничества друзей «по несчастью» было немало противников в обеих странах, и далеко не только по социально-политическим соображениям. «Война умов», в которой оппоненты старались побольнее оскорбить друг друга, ударяя по чувствительным точкам национального самолюбия, не прошла бесследно для членов двух научных сообществ. К этому прибавлялся и уникальный опыт русско-германского фронта, где в течение нескольких лет десятки миллионов жителей Германии и России оказывались в зоне активных боевых действий или временной оккупации. Их переживания неизбежно вели к демонизации противостоящих сил, восприятию области их взаимодействия как некого апокалипсического пространства, где никакое сотрудничество в принципе невозможно, и к переносу негативного опыта на целые нации, что неизбежно вело к правому радикализму, а в конечном итоге к расизму и национал-социализму[14]. В то же время для представителей

[14] См.: *Liulevicius V.G.* Der Osten als apokalyptischer Raum. Deutsche Frontwahrnehmungen im und nach dem Ersten Weltkrieg // Traumland Osten. Deutsche Bilder vom ős tlichen Europa im 20. Jahrhundert / Hg. von G. Thum, Berlin, 2006. S. 63. Неслучайно, в эти годы произошло превращение научного понятия «вредитель» в социально-политическую конструкцию, в которой армии про-

левой профессуры на Западе пропагандируемый советскими учеными «союз науки и труда» казался очень привлекательным, и они охотно шли на контакты с ними, становясь порою добровольными адвокатами Советской России на Западе. И среди них было немало крупных ученых (Дж. Мёллер, Дж. Хаксли, Дж. Б. Холдейн, О. Фогт, Ю. Шаксель, А. Эйнштейн и др.).

Первые послевоенные годы позволяют лучше понять значение «военного поколения в науке» в формировании самодостаточных национально-государственных научных объединений, а также влияние войны на осознание обществом парадоксов научного прогресса. Огромные материально-финансовые, экономические, людские и интеллектуальные ресурсы великих стран были подчинены военным целям, их безоглядная трата оказывала дезорганизующее воздействие на все сферы общественной жизни. Более 70 млн самого трудоспособного населения было мобилизовано, а общие потери составили 10 млн убитыми и свыше 20 млн ранеными. В воевавших странах доминировали дикие формы национализма. Военная техника, созданная трудами ученых и инженеров, наносила ущерб противостоявшим сторонам в таких масштабах, какие боевые генералы не могли себе раньше и представить. Новое оружие не отличало военных от мирных жителей. При бомбардировках, применении газов, торпедировании гражданских судов и артиллерийских обстрелах гибель не была избирательна. Не было различий между героями и трусами. Война окончательно теряла свой героический флёр, вела к всеобщему озлоблению и деморализации, долго сказывавшихся и после ее окончания.

В итоге первые 15 послевоенных лет были периодом перманентного кризиса. Само слово «кризис» стало неотъемлемым знаком духа времени. Интеллигенция беспрестанно говорила о кризисе основ мировоззрения, морали, о кризисе политики и всей западной цивилизации. Кризис в обществе и культуре оказался глубоко связан с кризисом познания. Социально-культурная и политическая среда прямо, а иногда и в самых грубых формах, воздействовала на науку во всех ее аспектах. Говорили о кризисе науки вообще и отдельных дисциплин в частности. Ученые чувствовали себя заброшенными в море социально-политической дема-

---

тивника стали восприниматься как некие орды «насекомых-вредителей», подлежащих массовому уничтожению химическим оружием. См. Подробнее: *Jansen S.* «Schädlinge». Geschichte eines wissenschaftlichen und politischen Konstrukts 1840–1920. Frankfurt am Main; New York, 2003. S. 335–380.

гогии, оккультизма, мистицизма и теософии, процветавших в обществе. Они ставили под сомнение основополагающие принципы науки Нового времени: причинность, закономерность и рационализм. В образованных слоях доминировала атмосфера квазирелигиозных обращений из одной веры в другую, была ли эта вера философской или политико-идеологической.

Агрессивная общественная среда неизбежно влияла на мировоззренческие и морально-ценностные основы мирового научного сообщества, поколебленные еще во время «войны манифестов». Наука оказывалась прямо вовлеченной в политическую борьбу и идеолого-философские дискуссии. От глобального кризиса ученые во всех странах страдали в первую очередь. Если промышленники, финансисты и политики заботились о себе сами, а рабочие отстаивали свои интересы в ожесточенной стачечной борьбе, то преподаватели вузов и сотрудники научных учреждений были беззащитны в социально-политической жизни послевоенного периода.

Особенно тяжелые испытания выпали на долю ученых России и Германии. Обе страны, сражавшиеся до последней капли крови, вышли из этой войны побежденными с социально-политическими революциями и потерями, поставившими под угрозу само существование их как целостных суверенных государств. Россия прошла еще и Гражданскую войну, а Германия, хотя и избежала социалистической революции, понесла на себе тяжести Версальского мира, который осознавался учеными Германии как национальная трагедия. Крах имперского сознания воспринимался столь же тяжело, как и огромные контрибуции, отобранные колонии и территории.

Приход большевиков к власти в России и их отношение к профессорско-преподавательскому корпусу стали для русской науки причинами болезненных метаморфоз. Ученые в полной мере испытали все тяготы времени: преследование властей, ненависть люмпенов, холод, голод, отсутствие элементарных условий для проведения исследований. Многие ученые, особенно пожилые, не выдержали тяжелых испытаний и умерли, другие эмигрировали, третьи гибли во время погромов и бессудных расстрелов. Лишь введение в годы нэпа золотого червонца както стабилизировало ситуацию, но выживание ученых было возможно только путем привилегий, предоставляемых властями наиболее нужным для них специалистам за оказываемые экспертно-консультативные услуги. Процесс установления рабочих отношений между наукой и новой властью был непростым и приобретал порой трагический характер.

Инициативу диалога с большевиками взяли на себя руководители Российской академии наук (А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов), которые сумели убедить власти, что только наука и техника могут обеспечить экономический и социальный прогресс, а соответственно научная работа является важной частью национального строительства, вкладом ученых в развитие страны. Как и при царском режиме, многие ученые считали, что руководить научными и учебными учреждениями — их долг перед страной, а не перед правительством. Не приняв революцию, не признавая идей и методов новой власти, ученые постепенно вступали в активные отношения с правительственными учреждениями, включались в государственную работу, связанную с экономическим и культурным восстановлением России, которое было невозможно без решения научно-технических проблем.

Диалог с большевиками российские ученые первоначально вели на базе общих представлений о практической ценности науки в служении народу, обществу и государству, о ее роли в выходе из кризиса, в развитии культуры, образования, промышленности и сельского хозяйства. Попытки ввести в диалог представление о классовом характере науки, ее партийности, философской и политической ангажированности не находили серьезного отклика. Только с 1923 г. общие идеологемы все чаще стали формулироваться на языке марксизма, наиболее понятном большевикам. Таким образом, часть научного сообщества демонстрировала готовность принять коммунистическую идеологию. Наука должна была адаптироваться к правительству, провозгласившему своей целью строительство коммунизма.

Тяжелые потери понесло и научное сообщество Германии. К концу 1923 г. были закрыты почти все основные научные институты Германии, у них не было денег ни на зарплату сотрудникам, ни на оплату отопления и электричества. Ни парламент, ни правительство не желали брать на себя ответственность за науку и тратить на нее бюджетные средства. Федеральное правительство сначала не желало заботиться о науке, успехи которой не предотвратили военного поражения, оказавшейся не в состоянии прокормить себя во время кризиса, масштабы которого в глазах значительной части общества были обусловлены ее же достижениями. Как и их российские коллеги, ученые Германии должны были активно действовать, чтобы создать формы организации и финансирования науки, не только удобные для них, но и приемлемые и даже привлекательные для правительства, парламента, финансово-промышленных кругов и основных социальных слоев. Основными

участниками в диалоге с новыми властями здесь также были академические ученые Ф. Хабер, А. Гарнак и М. Планк, имена которых служили символом блестящих достижений немецкой науки.

Налаживание отношений ученых России и Германии с новыми властями шло в различных социально-культурных контекстах, хотя в обоих случаях научное сообщество, в целом, было настроено оппозиционно. Профессора высшей школы, составлявшие основу научного сообщества Германии, были, как правило, недовольны Веймарской республикой. Они не были ультраконсерваторами, но их не устраивала и реальная демократия. Еще негативнее новые порядки воспринимали студенты. Еще до Первой мировой войны немецкие ученые способствовали формированию идеологии национализма. Например, создатели социальной гигиены, не будучи откровенными расистами, были озабочены усовершенствованием качества германской популяции путем роста рождаемости «высших» немцев и ограничения размножения носителей наследственных болезней. Их пугал низкий уровень рождаемости в Германии, ведущий к «расовому суициду», т.е. к подавлению немцев более плодовитыми расами. Расизм в немецкой биологии стал более экстремистским в Веймарской республике и становился все популярней, превращаясь в откровенный национализм, который становился характерным и для ученых.

К национализму ученых толкала не столько тоска по утраченной мощи, сколько чувство униженности от бойкота со стороны международного научного сообщества, исключившего их из всех международных организаций. Предчувствуя дегенерацию общества, многие ученые связывали себя с зарождавшимся национал-социалистическим движением. Осознавая, что политико-экономические последствия поражения и репараций могут покончить с процветающей наукой, и, стремясь преодолеть международную изоляцию, они ратовали за «национальную революцию», итогом которой станет установление сильной власти, призванной обеспечить «духовное возрождение немецкого народа».

С подобными настроениями должны были считаться власти Веймарской республики, так как профессорско-преподавательский корпус оставался серьезной социальной силой, хотя и не выступавшей самостоятельно на политической арене, но существенно воздействовавшей на общественное мнение. В симпатиях ученых нуждались различные политические партии, лидеры которых стали понимать, что поддержка науки в вузах имеет долговременное значение. Они знали, что хотя ученые не строят баррикад, а их нищенское положение не влияет

на политическую ситуацию сегодня, оно может сказаться позже через разочарованность воспитанной ими молодежи, проходящей через университеты и технические вузы.

Для Германии, в целом, и для немецких ученых, в первую очередь, стало характерным представление о науке как о «заменителе силы», «Ersatz-Macht». Доминировало убеждение, что «помимо прямой экономической, технической или военной выгоды, получаемой от лидерства в науке, сам факт того, что Германия является великой научной силой, оказывается качеством, в каком-то смысле конвертируемым в политический статус великой державы». Научные успехи и достижения, например, одновременное присуждение Ф. Хаберу, М. Планку и Й. Штарку в 1919 г. Нобелевских премий, воспринимали неким реваншем над странами Антанты, еще одним подтверждением того, что наука является Macht-Ersatz, т.е. источником и заменителем политической мощи. Культивировали идеи о том, что «немецкая наука — единственное, в чем мир еще завидует Германии, и ради ее сохранения необходимо выделить миллиарды из военного бюджета и заставить эти непродуктивные миллиарды снова работать для целей культуры и науки Германии»[15].

Таким образом, в результате Первой мировой войны весь мир и, прежде всего, Германия и Россия оказались в тисках жесточайшего и многолетнего социально-политического кризиса, вину за который нередко возлагали на научный прогресс. В то же время именно с наукой продолжали связывать надежды на выход из кризиса и последующий реванш. Насколько оправданны были эти надежды в обеих странах вскоре показала Вторая мировая война, закончившаяся страшным поражением Германии. Советская наука внесла огромный вклад в победу в этой войне и обеспечивала в течение нескольких десятилетий военный паритет с США, но в итоге все завершилась распадом СССР.

---

[15] *Forman P.* Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // Isis. 1973. Vol. 64. P. 64.

Д. Байрау

НАУКА, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Война, подготовка к войне и система вооружений были в XX в. важным рычагом развития техники и научных дисциплин. Так, строительство (достаточно бесполезное) военно-морского флота накануне Первой мировой войны, использование отравляющих газов, а также развитие ракетной техники и, наконец, изобретение атомной бомбы в ходе Второй мировой войны были наглядными примерами взаимодействия науки, техники и военного дела. Для единения политической и военной сфер в XX в. стали характерны не только использование науки и техники воюющими сторонами, но и становление тесной взаимосвязи между милитаризацией общественной жизни (равно как науки и техники), с одной стороны, и процессами «онаучивания», технологизацией самой войны, — с другой. Этому также сопутствовал невиданный доселе феномен социальной организации и планирования, динамику которому придала именно Первая мировая война. В дальнейшем, в особенности для Германии, но также и для России, недостаточная мобилизация людей, материалов и знаний будет признана ответственной за поражения. В этом смысле возникшие после Первой мировой войны в Германии и Советской России тоталитарные режимы могут быть истолкованы в качестве своего рода «ответов» на опыт войны. Такой подход может быть распространен также на изменения научных институций и технологических структур в рамках обеих систем.

Более тщательный анализ событий первой половины XX в. — как и прочих эпох[1] — ставит основополагающие вопросы о взаимоотношениях науки, техники, общества в ходе подготовки и ведения войны. В историографии и социологии последних десятилетий эти отношения изучаются с точки зрения различных теоретических подходов, которые, правда, в исследовательской практике часто пересекаются и сочетаются друг с другом[2]. В тех или иных видах они также представлены и в статьях настоящего сборника. Обозначаемая, скорее, как детерминистская,

---

1 *Crefeld M. van.* Technology and War. From 2000 B. C. to the Present. New York; London, 1989.

2 *Hacker B.C.* Military Institutions, Weapons and Social Change: Toward a New History of Military Technology // Technology and Culture, 1994. Vol. 35. S. 768–834; *Kaufmann S.* Technisiertes Militär. Methodische Überlegungen zu einem symbi-

позиция одних исходит из того, что науки развиваются, прежде всего, согласно имманентной логике (это значимо преимущественно для т.н. фундаментальных исследований). Их развитие рассматривается не просто в качестве ответа на запросы общества, но, напротив, представляется так, что результаты и выводы науки во всевозрастающей степени детерминируют сами социальные структуры. Согласно этому взгляду, наука и техника устанавливают нормы общественных действий и производят новые властные отношения. Это распространяется также и на военную сферу, которая в ходе двух мировых войн существенным образом определялась через развитие науки и техники.

Сторонники другой позиции исходят из того, что именно политика, государство, военное дело и индустрия (равно как и рынок) дают импульс развитию науки и, в особенности, техники. Они реагируют на социальные нужды, включающие в себя также ожидания, приготовление войны и сами боевые действия. В качестве доказательства можно привести постоянный рост расходов на военные исследования с начала XX в. (во время «холодной войны» они составляли даже бóльше половины всех затрат на науку и технику)[3].

В некотором отношении промежуточными можно считать те подходы, которые наделяют коммуникацию первостепенным значением для науки, техники и общественного планирования (с его притязанием на научность). В процессе онаучивания социальная сфера функционирует согласно стилям и образам мышления, связанным с наукой. Они претендуют прояснять развитие общества, науки и техники и предопределять их дальнейшую динамику. В этом плане можно указать также на распространение и дискурсивный перенос механистических или органическо-биологических представлений, роль дарвинизма или кибернетики как интерпретативный фон для истолкования социальных процессов и формулирования общественных целей. Если прежняя история науки занималась главным образом развитием научных дисциплин, то новые исследования концентрируются скорее на услови-

---

otischen Verhältnis // Was ist Militärgeschichte? / Hg. Th. Kühne, B. Ziemann. Paderborn; u. a. 2000. S. 195–209.

[3] Entwicklung und Rüstung // Hg. U. Holtz. Baden, 1984, S. 188; *Edgerton D.E.H.* British Scientific Intellectuals and the Relations of Science, Technology and War // National Military Establishments and the Advancement of Science and Technology. Studies in 20th Century History / Eds P. Forman, J. M. Sánchez-Ron. Dordrecht u. a. 1996. P. 1–35.

ях выработки научного и технического знания, а также на ученых и деятелях технической сферы как *агентах* (в социологическом понимании)[4]. Связанные в коммуникативные сети, дискурсивные стратегии играют для современного науковедения столь же большую роль, как и сами научные изыскания и их динамика. Сюда также относятся и легитимизация собственного образа действий, признание, как в рамках своей специальности, так и в кругах широкой общественности, власть истолковывать реальность, а также владение понятийными инструментами, и не в последнюю очередь — накопление и сохранение ресурсов. Предназначение науки и техники в публичной сфере обычно обсуждается в контексте социального прогресса. Но средства выделяются, по большей части, административными органами или фирмами, которые связаны, прежде всего, с оборонными исследованиями. И во времена «холодной войны» профессия ученого стала принадлежать к массовым — он работал в высокодифференцированной сфере институтов и иерархий, а в качестве научного менеджера принадлежал к властным элитам. Большинство ученых, однако, работали в качестве наемных служащих [Angestelle], «трудовой интеллигенции» (говоря советским языком тех лет) и на подчиненном положении.

Во время Первой мировой войны и в 1920-е гг. ученые еще рассматривались как привилегированное «дискурсивное сообщество», в качестве своего рода субэлиты. До революции 1905 г. российское образованное сословие представало как находящееся в оппозиции (или, по крайней мере, в конкурентных отношениях) к политическим учреждениям, в Германии же оно — в виде так называемых «мандаринов» — было составной и непременной частью правящего слоя. В Первую мировую войну и еще более в 1920-е гг. имел место переход от типа широко образованного ученого, претендовавшего на общую компетентность, к типу ученого-эксперта. Этот последний работал уже не в небольших институтах в рамках свободных, личностно определенных социальных сетей, а был одновременно и объектом и агентом институционализации, профессионализации и специализации — как составных частей процесса растущего разделения научного труда[5]. В Советской России такое развитие было ускорено грубым опреде-

---

[4] *Bourdieu P*. Homo academicus. Paris, 1984.

[5] *Metzler G*. Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Community, 1900–1960. Göttingen, 2000

лением ученых и прочих представителей интеллигенции в качестве «буржуазных специалистов». Такая безжалостная и чисто служебная функционализация сферы «интеллигентных профессий» в некоторых отношениях заранее указывала на то, что более медленно и плавно происходило и на «капиталистическом Западе». Германия до Первой мировой войны входила в круг великих научных держав[6], и множество студентов из России учились в немецких университетах и высших технических школах[7]. Хотя с 1890-х гг. начинается значительный рост российской науки, по сравнению с западными странами и Германией Россия все еще оставались «развивавшейся страной», во многом зависевшей от импорта знаний и технологий[8]. В связи с блокадой периода Первой мировой войны Германия лицом к лицу столкнулась с проблемой нехватки сырья и необходимостью поиска заменителей для многих видов материалов. С войной, блокадой, разрывом системы академических связей и прежних путей передачи знаний и технологий изменилось положение ученого и научных дисциплин в целом. Война по отношению к научному развитию, исследовательским областям и сфере научного «планирования» может рассматриваться как своего рода вызов; и именно так она виделась и многими современниками. С различной степенью интенсивности она стимулировала дальнейшее развитие военной техники. Период Первой мировой войны отмечен не только употреблением отравляющих газов, но и началом развития авиации и бронетехники, а также, не в последнюю очередь, внедрени-

---

[6] *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 1: Arbeitswelt und Bürgergeist. München, 1990. S. 602–691; Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft/ Max-Planck-Gesellschaft / Hg. R. Vierhaus, B. vom Brocke. Stuttgart, 1990.

[7] *Birkenmaier W.* Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch–russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1995; *Weill C.* Étudiants russes en Allemagne: 1900–1914; quand la Russie frappait aux portes de l`Europe, Paris 1996; Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer? Studenten aus dem Russischen Reich an deutschen Hochschulen vor dem Ersten Weltkrieg / Hg. H. R. Peter, Frankfurt / Main, 2001; Universitäten als Brücken in Europa / Les universités: des ponts à travers l`Europe. Studien zur Geschichte der studentischen Migration / Études sur l`histoire des migrations étudiantes // Hg. H.R. Peter, N. Tikhonova. Frankfurt / M., 2003.

[8] Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003; Власть и наука, ученые и власть 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного коллоквиума. СПб., 2003.

ем заменителей различных материалов и веществ. В России это было время усиленных поисков и открытий источников сырьевых ресурсов, к чему добавилось освобождение от технологической зависимости от Германии. В ходе войны эксперты и специалисты-плановики заполучили совершенно новый шанс по регулированию и организации распределения не только сырья, но также продовольствия и рабочей силы (вплоть до военнопленных). С этим связано и развитие органов планирования и распределения вместе с их экспертными отделами. Попытки планирования (названные сперва в Германии «военным социализмом» [Kriegssozialismus]) потерпели грандиозное фиаско, как в Германии, так и в России. Однако они не были при этом дискредитированы абсолютно, как показывает увлечение В.И. Ленина немецкой военной экономикой. Под политическими радикальными лозунгами военного коммунизма, сталинской плановой экономики или национал-социалистической «политики народонаселения» эта традиция «военного социализма» вновь и вновь возобновлялась[9].

Война с ее требованиями прогресса исследований и развития науки вела к дальнейшей реорганизации и институционализации многих научных отраслей. В годы войны и в последующий период происходил переход от свободных сетей и исследовательских учреждений, созданных под индивидуальных «научных лидеров», к систематической координации и организации науки и техники в рамках крупных институтов (по применению их результатов). Вопрос о том, можно ли говорить относительно этого периода о существовании т.н. «большой науки», остается нерешенным, хотя начало разделения труда в области исследований и научного развития приходится именно на это десятилетие. Наука отныне развертывается и утверждается в силовом поле политики, государственных учреждений, военных дел и экономических интересов. Но назвать это историей успеха трудно, и от нее мало что останется, если описывать развитие науки в тот период с точки зрения разрушений и потерь. В качестве примера можно взять смерть ученых

---

[9] *Raphael L.* Radikales Ordnungsdenken und die Organisation totalitärer Herrschaft. Weltanschauungseliten und Humanwissenschaften im NS-Regime // Geschichte und Gesellschaft, 2001. Bd. 27. S. 5–40; *Holquist P.* To Count, To Extract, and To Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial Russia and Soviet Russia // Eds. R.G. Suny, T. Martin; A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2001. P. 111–144.

и инженеров на фронтах, разрыв научных обменов и коммуникаций, стагнацию и прекращение развития не связанных с войной научных исследований. Не стоит забывать и про оглупление как результат военного патриотизма, который отвергал интернациональность и объективность научного исследования или превращал этническую принадлежность ученого в критерий для его поддержки или отстранения от работы. В какой степени война вела к интеллектуальной и научной блокаде, в случае Германии довольно хорошо показывает как война манифестов, так и возникновение течения так называемой «немецкой физики». С другой стороны, военная значимость позднее вела к тому, что идеологические заблуждения и химеры, вроде необходимости борьбы с «еврейской» или «буржуазной» теорией относительности или «буржуазной» генетикой, причинили сравнительно малый вред.

В истории отношений науки и войны присутствует также и более широкий аспект, касающийся дискурсивных стратегий как внутри, так и вне научных сфер или экспертных советов (в чем гуманитарные и социальные науки часто играли решающую роль). Не позднее Первой мировой войны ученые-гуманитарии стали заниматься не только производством и распространением идей, но также и «научной» организацией общества. Исследователь в области социальных наук через практическое употребление своих идей овладевал новыми исследовательскими областями, от социального обеспечения или психологических тестов вплоть до планирования пространства.

В период Первой мировой войны проявилось то направление развития, в котором шла демократизация послевоенного общества. Социальный статус ученого и его самосознание в военный период определялись через хабитус [набор репрезентативных признаков], принадлежащий субэлите. В особенности это касалось войны идей и ее невероятных манифестов. Тот пыл, с которым войну оправдывали, в особенности, на немецкой (и западной) стороне, был связан с интеграцией ученых в тогдашнюю элиту.

Но схожая ситуация существовала на всех фронтах — и во всех странах ученые находились на службе ведения войны. На это указывают те дискурсивные стратегии, которые подчеркивали необходимость и пользу науки и техники, как для нужд общества, так и для самой победы, что также поднимало и авторитет ученых. Тем самым ученые претендовали на роль привилегированных участников политического процесса и одновременно конкурировали за распределение ресурсов. В этих дискурсивных стратегиях особенно ясно обозначилась также и

зависимость ученых от циркуляции господствующих идей и интеллектуальных схем, в которых результаты исследований и научные открытия смешивались зачастую с весьма банальными предрассудками. Это распространялось не только на чисто научную сферу, но также и на общественную проблематику. Дарвинизм, биологизм, идеализм, материализм или марксизм были самыми известными шаблонами, согласно которым организовывали контроль и использование природной среды, производство знаний и способов видения, функционализация и «оцивилизовывание» человека, порой даже и то, что Ханс Фрайер назвал «завершением истории».

Перевод с нем. А. Дмитриева

ИСПЫТАНИЯ НАУЧНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

А.Н. Дмитриев

ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА К СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ[1]

Первая мировая война оказалась важнейшим рубежом в развитии науки особенно в плоскости ее институционального строительства и международной кооперации. Эта перемена также связана с трансформацией российской науки в науку советскую, вместе с изменением самого контекста европейского и мирового научного развития. Дальнейший анализ этих сдвигов будет строиться в рамках настоящей статьи преимущественно вокруг российских (советских) сюжетов и обстоятельств, поскольку именно здесь общие тенденции послевоенного развития проявились весьма рельефным и своеобычным образом. Сама проблематика научного интернационализма может рассматриваться в трех взаимосвязанных аспектах — когнитивном, организационном и практическом[2]:

1. с точки зрения принципиального единства науки как абстрактной совокупности знаний и техник их получения и проверки, независимо от национального контекста;

---

[1] Данное исследование подготовлено при финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (ФРГ), программа поддержки молодых исследователей в области истории в странах России, Украины, Белоруссии и Молдавии, проект № 01/SR/02.

[2] Отчасти схожим образом выделяют три сферы нормативной «транснациональности», организационно-коммуникативной «интернационализации» и «универсализма» в определении значимости исследовательских результатов авторы наиболее детального историко-методологического очерка проблемы научного интернационализма: *Danneberg L., Schönert J.* Zur Transnationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // Wie international ist die Literaturwissenschaft? Stuttgart, 1996. S. 7–86, особенно S. 13.

2. со стороны организационных структур межнационального взаимодействия — от сотрудничества академий и университетов до системы книгообмена, командировок и т.д. (именно этот аспект сотрудничества наиболее хорошо представлен источниками и в первую очередь исследуется историками науки);
3. в синтезирующей оба этих момента и исходной для них форме «непосредственной» научной кооперации, связанной с вовлечением в развитие научных исследований интеллектуальных и социальных ресурсов разного национального происхождения (от индекса цитирования до совместных проектов)[3].

События войны оказались жестоким испытанием именно для идеалов бескорыстного и нейтрального научного исследования по ту сторону всех национальных, классовых и т.п. границ — для представлений, свойственных позитивистскому мировоззрению «belle époque». Война изменила, прежде всего, веру в возможность хотя бы гипотетической реализации идеала «транснационального научного сообщества» (п. 1) и обусловила коренную реконструкцию всей системы международных научных организаций и мероприятий (п. 2), что с необходимостью сказалось и на уровне, и характере международного сотрудничества. И самое главное: в ходе войны трансформировался характер связи научных исследований с политическим и социальным развитием, а значит и с национально-государственным фактором в принципе[4]. Интернаци-

---

[3] Именно в этом содержательном пункте межнациональный контекст научной работы чрезвычайно вариативен в зависимости от страны, периода и дисциплины, а компаративные исследования невозможны без серьезной проработки этого первичного материала. В качестве удачных примеров укажем, например: *Fell U.* Disziplin, Profession und Nation: Die Ideologie der Chemiein Frankreich vom Zweiten Kaiserreich bis in die Zwischenkriegzeit. Leipzig, 2000 (с обширной библиографией) и *Kevles D.* The Physicists. New York, 1978. P. 116–154 (гл. 9, 10); *Nye M. J.* Before Big Science. The Pursuit of Modern Chemistry and Physics, 1800–1940. London, 1996. P. 189–224 (глава 7 о национализме и интернационализме в создании науки об атомном ядре в 1914–1940 гг.); *Mehrtens H.* Mathematics and War: Germany, 1900–1945 // National Military Establishments and the Advancement of Science and Technology. Studies in 20th Century History / Eds. P. Forman, and J. M. Sonchez-Ron. Dordrecht; Boston; London, 1996. P. 87–134.

[4] Общее рассмотрение темы национализма и интернационализма в науке см.: *Crawford E., Shinn T., Sörlin S.* The Nationalsation and Denationalisation of Science: An Introductionary Essay // Denationalizing Science. The Context of

ональные стороны научной кооперации на уровне непосредственного исследования во все большей степени стали зависеть от организационных систем сотрудничества и их государственного регулирования. Как отметил американский историк французской науки Г. Поль: «Не использование науки и технологии в военных целях было новым в Первой мировой войне, но характер и число произошедших изменений, по-видимому достаточных, чтобы превратить предыдущие отношения в своего рода доисторическую эпоху. Беспорядочность сменилась институциализацией, случайность консультаций — регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прометеевских открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны не был чисто техническим»[5].

Между тем обозначенное в заголовке данной статьи изменение системы межнациональных научных связей не было абсолютным разрывом, но содержало также важные моменты преемственности[6]. Современные исследования международных научных связей уже для рубежа XIX–XX вв. рисуют картину столкновения интересов, борьбы за научную гегемонию и национально окрашенного соперничества (особенно в германо-французских отношениях), а не абсолютной гармонии и полной открытости[7]. Во многом период до 1914 г. в качестве идеала

International Scientific Practice. Dordrecht, 1993. P. 1–52. На примере социальных наук растущую связь с задачами государственного регулирования в XX столетии детально описывает П. Вагнер: *Wagner P.* Sozialwissenschaft und Staat. Frankrech, Italien, Deutschland 1870–1980. NewYork, 1990. К сожалению, нам остался недоступен сборник: Internationalism and Science / Eds. A. Elzinga, C. Landström. Los Angeles, 1996.

5 *Paul H.* From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939. Berkley, 1985. P. 322. Для сравнения достаточно обратиться к влиянию и техническим новациям Франко-прусской войны: *Crosland M.* Science and Franco-Prussian War // Social Studies Science. 1976. Vol. 6. №. 2. P. 185–214; особенно: P. 206–209.

6 *Crawford E.* The Universe of International Science, 1880–1939 // Solomon's House Revisited: The Organisation and Institutialisation of Science / Ed. by T. Frängsmyr. Canton, 1990. P. 251–269.

7 Особенно детально это показано в статьях и диссертации Анн Расмуссен: *Rasmussen A.* Jalons pour une histoire des congrès internationaux au XIXe siècle: Règulatuion scientifique et propasgande intellectuelle // Relations internationales, n 62, été 1990. P. 115–133; Idem. A la recherche d'une lange internationale

межнационального научного сотрудничества и взаимодействия мог быть увиден только в ностальгической ретроспективе, после пожара библиотеки Лувенского университета и публичных кампаний организованного неприятия «вражеской» науки и культуры. Здесь необходимо подчеркнуть также специфику восприятия российскими учеными (в пору их студенческих стажировок или позднейших научных поездок) «Запада» или «Европы» как, в конечном счете, единого целого, по отношению к которому все тамошние внутринациональные различия и противоречия вторичны, малосущественны и даже малопонятны[8]. Таким образом, отечественные исследователи видели европейскую «республику знаний» более интернациональной, чем она была: отсюда удивление и неприятие многими из них той взаимной враждебности, например, немецких и французских коллег, с которой они сталкивались, попадая в Европу уже в 1920-е гг. в качестве эмигрантов или командированных[9].

---

de la science 1880–1914 // Sciences et langues en Europe / Sous la dir. R. Chartier, P. Corsi. Paris, 1996. P. 139–155; *Rasmussen A.* L'internationalite scientifique (1890–1914). Thèse de doctorat. Paris, 1995. Важный внешнеполитический аспект соперничества затронут также в: *Peyenson L.* Cultural Imperialism and Exact Sciences: German Expansion Overseas, 1900–1930. New.York, 1985; *Kirchberger U.* Deutsche Naturwissenschaftler im britischen Empire. Die Erforschung der außereuropäischen Welt im Spannungsfeld zwischen deutschem und britischem Imperialismus // Historische Zeitschrift. 2000. Bd. 271. H. 3. S. 621–660; и др.

8 См.: *Иванов А.Е.* Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – нач. XX вв. // ВИЕТ. 1998. № 1; *Щапов Н.Я.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // Исторические записки. 1987. Т. 115. Общий очерк см.: *Karady V.* La république des lettres des temps modernes. L'internationalisation des marchés universitaires occidentaux avant la Grande Guerre // Actes de la recherche en sciences sociales. 1998. N 121–122. Mars. О взгляде с немецкой стороны см.: *Wertheimer J.* The «Auslaendersfrage» at Institution of Higher Learning: A Controversy Over Russian-Jewish Students in Imperial Germany // Leo Baeck Institute Yearbook XXYII. 1982. S. 187–218.

9 См. письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу 25 марта 1921 г. из Упсалы: «...оказывается, есть еще и другая опасность, нужно быть свободным от подозрения сочувствия к Бошам [...] По-видимому, нам приходится выбирать: или работать в контакте с немцами, или с англо-французами. Пока приходится лавировать и сочинять». Цит. по: *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С 119. прим. 115. О позиции французских ученых по отношению к Германии глазами русского ученого-историка см.: *Добиаш-*

Одним из самых ярких пропагандистских эпизодов начавшейся войны был обмен коллективными воззваниями интеллектуалов (ученых, писателей и художников) с обоснованием прав и притязаний своей нации и культуры против устремлений и планов противника[10]. Другой формой «мобилизации духа» было участие в многочисленных комитетах, сборниках и общественных компаниях университетских профессоров и известных исследователей — как в странах Антанты, так и в центральноевропейских державах[11]. Эти умонастроения получили также легитимацию и в тезисе знаменитого французского физика Пьера Дюгема о существовании определенных национальных стилей в науке (в своих статьях военного времени он противопоставлял рациональную и экспериментальную французскую науку немецкому «абстрактному геометризму»[12]. За исключением воинствующих славянофилов вроде В.Ф. Эрна или С.Н. Булгакова, большинство российских ученых после эйфории лета – осени 1914 г. видели в войне на стороне Англии и Франции перспективу демократизации внутреннего строя империи и укрепления контактов с либеральными академическими кругами этих государств. Так, в статьях Н.К. Кольцова или проектах М.И. Ростовцева 1915–1918 гг. под-

---

Рождественская О.А. Впечатления академического Парижа // Анналы. 1922. Кн. 2. С. 33.

[10] Полнее и детальнее события 1914–1918 гг. освещены в нашей работе: *Dmitriev A. N.* La mobilisation intellectuelle (La communautė acadėmique internationale et la Première Guerre mondiale) // Cahiers du Monde Russe, Sovietique et Post-Sovietique. 2002. Vol. 43. № 4. P. 617–644.

[11] Особенно печально известным стало обращение «К культурному миру», подписанное 93-мя ведущими профессорами и писателями Германии. *Brokke B. vom* «Wissenschaft und Militarismus» Der Aufruf der «An die Kulturwelt!» und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg // Wilamowitz nach 50 Jahren / Hg. Von. W.M. Calder III. Darmstadt, 1985. S. 647–719; *Ungern-Sternberg von J. und W.* Der Aufruf «An die Kulturwelt!». Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. О России см.: *Maurer Trude.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt!» // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2004. № I. S. 221–247.

[12] *Paul H.* The Sorcerer Apprentice. The French Scientist's Image of German Science, 1870–1919. Gainesville, 1972. P. 54–76. Попытка по новому подойти к проблеме национального стиля в науке представлена в: *Harwood J.* Styles of Scientific Thought. The German Genetic Community. 1900–1933. Chicago and London, 1993. P. 138–180 (гл. 4: об американском и немецком стилях научного исследования в биологии).

черкивался стратегический характер этой ориентации на англо-французское научное и культурное сообщество[13]: идея переводов новейших работ, проведения конференций совместно с союзниками, а также создания целого ряда посредничающих институтов, вроде Французского института в Петербурге, выдвинутая Ростовцевым[14]. Необходимость мобилизации ресурсов страны позволила преодолеть прежние политические или элитаристские ограничения академической и образовательной системы: начали проводиться в жизнь реформаторские начинания министра П.Н. Игнатьева о расширении географической сети университетов и принятии нового, более либерального устава[15], а в рамках Академии наук создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), по образцу которой уже после 1917 г. стали складываться специализированные научно-исследовательские институты. Все эти преобразования (примером для системы НИИ было, безусловно, немецкое Общество кайзера Вильгельма) продолжились на новой идеологической основе и в соединении с принципом демократизации уже большевистским руководством[16].

Для современного историка науки, знакомого с ситуацией в международном академическом сообществе после Первой мировой войны, весьма парадоксально и даже вызывающе прозвучат слова физика и писателя Ч.П. Сноу: «Мир науки 20-х годов был настолько близок

---

[13] *Кольцов Н.К.* Отражение войны в научно-популярных журналах Англии и Америки // Природа. 1915 № 1. Стб. 155–164 (где подчеркивалась необходимость дистанцироваться от психоза первых месяцев или попыток полного бойкота немецкой науки); *Он же*. Национальная организация науки // Природа. 1915. Июль – август. Стб. 1018–1040; *Ростовцев М.И.* Международное научное общение // Русская мысль. 1916. № 3. С. 74–81 (отметим поставленную им проблему расширения круга ведущих научных держав и языков соответственно).

[14] Скифский роман. С. 89 (о проекте Русского института в Париже осени 1917 г.). С. 464–465 (Меморандум для комитета по русским делам при Министерстве пропаганды Великобритании и письмо Ростовцева А.В. Тырковой от 8 октября 1918 г.).

[15] *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 168–171, 184–187. Проект Устава, предложенного Игнатьевым: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1652.

[16] *Graham L.* The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science. 1975. Vol. 5. P. 303–329.

к идеальному интернациональному сообществу, насколько это вообще возможно... Научная атмосфера 20-х гг. была насыщена доброжелательством и великодушием, и люди, которые в нее окунались, невольно становились лучше. Тот, кто в те годы провел хотя бы неделю в Кембридже, Геттингене или в Копенгагене, знает это по собственному опыту»[17]. Между тем эта открытость на «практическом», третьем из выделенных нами уровней научного интернационализма, хотя и легитимировалась «транснациональной» идеологией науки по ту сторону государственных границ, но все же обеспечивалась именно организационной структурой национальных сообществ и сетью международных институтов. Именно поэтому в дальнейшем нами будет уделено особое внимание деятельности международных научных союзов и межгосударственной научной политике. Всепроникающая и мобилизующая роль государства в научной сфере особенно ярко проявилась именно в межвоенный период, с окончательной консолидацией и замыканием национальных дисциплинарных сообществ. В частности, именно поэтому государственный союз «парий Версаля» — Советской России и Веймарской Германии, начиная с Рапалльского договора 1922 г. оказался так легко дополнен тесным сотрудничеством ученых кругов, которые еще недавно безраздельно поддерживали курс на войну до победного конца друг против друга. Специфика отношений отечественных ученых к недавним врагам и, в связи с этим, к организационным вопросам международного научного сотрудничества, будут далее рассмотрены наиболее детально[18].

* * *

Начало войны было отмечено прекращением работы большинства международных научных ассоциаций и обществ, в первую очередь созданной в 1899 г. Международной ассоциации академий, под эгидой которой осуществлялся целый ряд важных интернациональных научных проектов.[19] Уже осенью 1914 г. Прусская королевская академия пред-

---

[17] *Сноу Ч.П.* Портреты и размышления. М., 1985. С. 285.

[18] См.: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Под. ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2001.

[19] *Басаргина Е.Ю.* Петербургская Академия наук и Международная ассоциация академий // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции. СПб., 1999. Т. II. С. 176–179; *Alter P.* The Royal Society and the International Association of Academies,

ложила Амстердамской академии (как расположенной в нейтральной стране) передать на время войны свои функции председательствующей в ассоциации; та согласилась, но при условии одобрения этого шага со стороны ведущих научных учреждений Англии, Франции и России. Императорская академия наук в Петрограде[20] и Королевское общество в Лондоне ответили положительно, однако Французская академия наук отказалась на период войны поддерживать как прямые, так и косвенные отношения с академиями Германии, и де-факто Международная ассоциация академий перестала существовать[21]. Вместо нее (после предварительного совещания осенью 1918 г.) в июле 1919 г. в Брюсселе был создан Международный совет исследований, с тавший частью Лиги Наций (ведущую роль в нем играли представители Франции и Бельгии)[22]. В отличие от рыхлой ассоциации, призванной согласовывать проведение научных работ, выходящих за пределы компетенции национальных академий, и организовывать конгрессы по отдельным дисциплинам, МСИ объединил на централизованных нача-

---

1897–1919 // Notes and Records of Royal Society. London. 1979. № 3–4. P. 333 и след.

[20] Под непосредственным давлением правительства, согласно высочайше утвержденному заключению Совета министров от 31 октября 1914 г., из Академии 4 марта 1915 г. были фактически исключены те члены, которые подписали в октябре 1914 г. печально знаменитое «Воззвание 93-х», а 6 (19) февраля 1916 г. — списком и без посылки соответствующих извещений — и все подданные Германии и Австро-Венгрии, кроме лиц славянского происхождения (всего 51 чел.). См.: *Виноградов Ю.А.* Германские ученые — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции. СПб., 1999. Т. III. С. 45–51; о сходных действиях университетского сообщества см.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы Второй отечественной войны // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 61–62.

[21] См.: *Grau C.* Die Preussische Akademie und die Wiederanknüpfung internationalen Wissenschaftskontakte nach 1918 // Hg. W. Fischer Die Preussische Akademie der Wissenschaft zu Berlin 1914–1945. Berlin, 2000. S. 279–315; *MacLeod R.* Der wissenschaftlische Internationalismus in der Krise. Die Akademien der Alliierten und ihre Reaktion (Reaktionen) auf den Ersten Weltkrieg // Ibid. S. 317–349.

[22] О предыстории создания МСИ: *Kevles D.J.* «Into Hostile Political Camps»: The Reorganisation of International Science in World War I// ISIS. Vol. 62. Part. 1. Spring 1971. P. 47–60. О его деятельности подробнее: *Cock A.* Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vol. 37. № 2. P. 249–288.

лах сеть специализированных научных союзов в естественных науках. К работе последних (согласно уставу МСИ) не допускались научные общества стран, воевавших в 1914–1918 гг. против держав Антанты, т.е. ученые Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции. Сходной была и организационная структура Международного академического союза, объединяющего с 1919 г. научные ассоциации по гуманитарным специальностям. В начале 1920-х гг. оказавшиеся в эмиграции историки М.И. Ростовцев и П.Г. Виноградов в качестве представителей Российской академии наук участвовали в заседаниях Международного академического союза. Находившийся в заграничной командировке академик Ф.И. Щербатской сообщил в начале 1922 г. С.Ф. Ольденбургу о том, что он с помощью советского представителя Л.Б. Красина внес членский взнос за Россию за два года, однако вследствие антисоветской и «антисоглашательской» позиции Ростовцева (и выбора Виноградова в пользу представительства английской науки) вопрос об участии России в Международном академическом союзе фактически более не поднимался[23].

Когда в первой половине 1920-х гг. встал вопрос о возобновлении на организационном уровне прерванных в 1914 г. международных контактов, российское научное сообщество по примеру академий нейтральных стран (Голландии и Дании) стремилось наладить связи с двумя соперничающими группировками — как с МСИ, так и с картелем пяти немецких академий, пытавшихся сохранить формально не ликвидированную систему Международной ассоциации академий. Вопрос об отношении к международным научным объединениям был поставлен в практическую плоскость летом 1924 г. на последнем заседании Особого временного комитета науки в связи с приглашением советских ученых участвовать в работе Союза геодезии и геофизики, особенно по отделу сейсмологии. Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов, особой заботой которого было восстановление сети сейсмических станций на территории СССР, подготовил еще в феврале 1924 г. специальную записку на имя председателя Совнаркома А.И. Рыкова, где одновременно ставил два взаимосвязанных вопроса — о вступлении в МСИ и об образовании в

[23] См. письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу 17 мая 1921 г. из Берлина: «По-видимому, французы совсем неспособны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходит до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1919. Д. 6. Л. 35 об.).

связи с этим общесоюзного координирующего органа — постоянного комитета науки при Совнаркоме СССР, поскольку «при содействии такого комитета Академия наук могла бы вступать в международные организации не как отдельное учреждение, а как представительница союзных республик, т.е. не только она одна, но и само государство СССР вошло бы в число стран, объединяемых в Международный совет и различные союзы»[24]. Хотя на этом заседании и было принято постановление о желательности вступления в МСИ[25], это решение так и не вступило в силу в первую очередь из-за учета позиции германской науки. Кроме того, поскольку СССР не входил в Лигу Наций, политический характер устава МСИ способствовал проявлению чувства солидарности к «бойкотируемой» немецкой науке, в том числе и со стороны официальных правительственных инстанций. Как позднее указывал Ольденбург, при обсуждении этого вопроса «Наркоминдел заявил, что он со своей стороны считает невозможным вступление в Международный исследовательский совет научных учреждений нашего Союза до тех пор, пока не будут изменены соответствующие пункты статута данного союза»[26]. Соответствующее обращение, посланное к руководству МСИ по поводу пересмотра дискриминационных пунктов его устава, отправленное Ольденбургом еще в конце 1924 г., осталось без ответа[27].

Международная изоляция немецкой науки в первой половине 1920-х гг. не только подразумевала невозможность ее участия в работе обществ и ассоциаций, объединяемых в МСИ, но также выражалась в исключении немецкого языка из круга международного академического общения, в бойкоте немецких работ в периодике стран-победителей, переносе работ по реферированию и международной библиографии научных публикаций за пределы Германии[28]. Особенно болезненным было неприглашение немецких ученых на большинство международных научных съездов и конгрессов до середины 1920-х гг. Так, в официальном правительственном меморандуме «Немецкая наука и загра-

---

[24] ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 136. Л. 104.

[25] Там же. Л. 96.

[26] Из выступления на заседании Комиссии по содействию работам Академии наук 16 декабря 1926 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 131).

[27] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 1.

[28] См.: *Schröder-Gudehus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. Geneve, 1966. S. 111–120.

ница» (январь 1925 г.) приводились следующие данные за 1922–1924 гг. по соотношению количества проведенных без участия Германии международных конгрессов к общему их числу: по общественным и естественным наукам — 51 из 57, по техническим — 17 из 20, по вспомогательным — 16 из 21[29]. В Германии существовало и противоположное течение, стремившееся организовать систему контрбойкота: в 1923 г. руководитель Национального центра научного реферирования и один из лидеров Союза немецких преподавателей высшей школы Карл Керкхоф даже предложил вообще не посылать делегатов из Германии на международные научные конгрессы и выйти из тех организаций, где было разрешено членство Германии (включая Международный комитет мер и весов). Однако большинство немецких научных организаций не поддержало это предложение (включая Общество помощи немецкой науки, притом, что Общество кайзера Вильгельма воздержалось)[30]. Режим наибольшего благоприятствования для статей из близких к Германии стран (вроде Советского Союза) в специализированных журналах дополнялся тем, что публикации авторов из стран бывшей Антанты были весьма редки. Так, появление работы индийца Ш. Бозе на страницах «Zeitschrift für Physik» в 1924 г. стало причиной скандала и раскола в Немецком физическом обществе, и большинство сходилось на том, что в немецком журнале не должны публиковаться английские статьи[31].

Несомненное влияние на то, чтобы отложить вступление СССР в послевоенные интернациональные научные объединения, оказали события, связанные с 200-летним юбилеем Академии наук (тогда же она, наконец, получила статус Всесоюзной). Инициатива С.Ф. Ольденбурга и В.А. Стеклова по приглашению делегаций иностранных ученых, поддержанная НКИД в лице Г.В. Чичерина, была одобрена Политбюро

---

[29] *Космач В. А.* Советская Россия в германской внешней культурной политике в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 263. — Этот меморандум был также известен и в соответствующих советских инстанциях (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 61. Л. 102).

[30] *Heilbron J.L.* The Dilemmas of Upright Man. Max Planck as Spokesman for German Science. Berlkey: 1986. P. 108–109. О немецкой позиции детальней: *Schröder-Gudehus B.* Internationale Wissenschaftsbeziehungen und auswärtige Kulturpolitik 1919–1933. Vom Boykott und Gegenboykott zu ihrer Wiederaufnahme // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm/Max-Planck-Gesellschaft. Stuttgart, 1990. S. 858–885.

[31] *Иоффе А.Ф.* Встречи с физиками: Мои воспоминания о зарубежных физиках. Л., 1983. С. 69.

ЦК РКП(б) ввиду важности международных научных контактов для дипломатического признания Советского государства на Западе (приглашение чешского президента Я. Масарика, французского премьера Пенлеве)[32]. Показательно, что Германия была представлена делегацией из 28 человек, включая руководителей крупнейших научных учреждений, в то время как Французская академия наук официально отклонила приглашение для участия в юбилее[33]. В то же время делегаты от США и Италии, поддержанные учеными нейтральных стран, предложили Академии наук совместные действия по пересмотру устава МСИ в смысле допущения к его работам представителей всех без исключения государств, и, прежде всего, Германии[34]. Вопрос о содействии возвращению международного статуса и равноправия немецкой науки (предположительно в виде возврата к довоенной ассоциации академий) стал предметом переговоров руководства Академии наук в ходе зарубежных командировок В.А. Стеклова (по поручению А.И. Рыкова) осенью 1925 г.[35] и С.Ф. Ольденбурга летом 1926 г.[36] Уже через месяц после юбилейных торжеств, в начале октября 1925 г., достигнутые договоренности были закреплены во время визита в Германию Н.П. Горбунова в ходе его бесед с руководителем Общества помощи немецкой науке Ф. Шмидт-Оттом. Горбунов сообщал своему заместителю И.И. Ирошникову, что встретил со стороны немцев «чрезвычайно сочувственное отношение», отмечая: «Самое трудное — Франция с ее реакционнейшей академией. Но Франция особенно важна, так как фактически в ее руках важнейшие международные организации, су-

---

[32] *Сорокина М.Ю.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Якобсона» // In Memoriam А.И. Добкина. М., 2000; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 36–40.

[33] На заседании Академии моральных и политических наук экс-президент Франции А.Е. Мильеран зачитал якобы «прогерманские» отрывки из недавно опубликованной книги Ольденбурга «Европа в сумерках» (*Сорокина М.Ю.* «Придать... импозантный характер» // Природа. 1999. № 12. С. 64–65).

[34] Это предложение было одобрено на заседании Комиссии СНК по содействию организации 200-летнего юбилея АН СССР (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 6).

[35] И.И. Ирошников – В. А. Стеклову от 9 октября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 29. Л. 1,4.

[36] В.А. Стеклов–в Управление делами СНК СССР от 13 февраля 1926 г. // Там же. Л. 67–67 об.

ществование которых в современном виде является огромным тормозом в установлении настоящих, а не формальных научных связей»[37].

Формальные препятствия для вступления Германии в МСИ исчезли после изменения на его чрезвычайной сессии в июле 1926 г. устава совета, что также было связано с приемом Германии в Лигу Наций и общим курсом на «возвращение» ее в Европу. Однако, поскольку МСИ оставался в глазах большинства ученых Германии организацией бойкота немецкой науки, меморандум картеля германских академий от 20 мая 1927 г. фактически свидетельствовал о стремлении ограничиться сотрудничеством отдельных исследователей в рамках союзов по специальности без патронажа особой наднациональной организации[38]. Кроме того, принцип «одна страна — один голос» в руководстве МСИ привел бы к тому, что Германия (с ее пятью академиями и многовековыми научными традициями) располагала бы в нем такими же правами, как Бразилия или Сиам. На этот излишне бюрократический и централизованно-политический характер МСИ указывал в 1927 г. в Берлине в беседе с сейсмологом П.М. Никифоровым непременный секретарь Берлинской академии Макс Планк[39]. Когда в декабре 1926 г. на Комиссии по содействию работам Академии наук при СНК во главе с А.С. Енукидзе обсуждался вопрос о формах международного научного сотрудничества, Ольденбург подчеркивал, что в условиях фактического прекращения деятельности Международной ассоциации академий и ограничительного характера Международного совета исследований будущее стоит за новым, третьим типом организации. Хотя со времени изменения устава МСИ прошло почти полгода, Академия наук СССР никакого официального извещения об этом не получила, что Ольденбург объяснял германофобскими и, вероятно, советофобскими предубеждениями генерального секретаря МСИ астронома Артура Шустера[40]. Тем не менее, по получении такого сообщения на

---

[37] ГАРФ.Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 18; Ср.: *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 80–81.

[38] *Schröder-Gudehus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. Geneve, 1966. S. 258.

[39] Отчет зав. сейсмическим отделом Физико-математического института П.М. Никифорова о заграничной командировке от 31 декабря 1927 г. см.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 20. Л. 104об.

[40] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 130. — На самом деле позиция А. Шустера — немца по происхождению — по отношению к вопросу о приеме Германии в МСИ была, скорее, позитивной (*Cock A.* Chauvinism and Internationalism in

Общем собрании Академии наук СССР 7 мая 1927 г. было признано, «что в настоящее время принципиальных препятствий к вступлению Академии наук в состав Research Council не имеется»[41].

Во время Недели советских естествоиспытателей в Берлине в 1927 г., когда затрагивался вопрос о вхождении в МСИ, отношение немцев к этой организации оставалось отрицательным, но в целом к проблеме систематического научного представительства ввиду невозможности охватить все стороны сотрудничества случайными связями было решено подходить пока в форме конкретных отдельных начинаний[42]. Составленная в конце 1927 г. Ольденбургом записка о международных научных объединениях и отношение НКИД Горбунову от 13 января 1928 г., подписанное М.М. Литвиновым, предполагали участие в международных научных объединениях под эгидой МСИ без разрешения пока вопроса о вхождении в совет впредь до согласования его с Германией[43]. С другой стороны, ввиду провала плана расширения МСИ за счет вхождения в него центральных держав, на заседании комиссии Енукидзе от 26 января 1928 г. было решено вновь поставить перед иностранными научными учреждениями путем предварительных переговоров вопрос о возобновлении деятельности довоенной Международной ассоциации академий[44]. На этом же заседании было признано возможным участие в деловой работе Международного союза по геодезии и геофизике, Международного астрономического союза, а также Постоянного комитета исторических наук, относящегося к ведению Международного академического союза по гуманитарным наукам (вступление в который было также обусловлено вхождением в него научных учреждений стран Центральной Европы)[45]. В целом, советская сторона при вопросе о вступлении в МСИ даже после изменения его устава последовательно ориентировалась на поведение немецких ученых, притом мнение

Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vo1. 37. № 2. P. 269.

41 ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 82об.

42 Материалы к докладу А.Е. Ферсмана по вопросу о международных научных связях на заседании Комиссии по содействию работам Академии наук от 7 июля 1927 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 128–128об.).

43 ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 20. Л. 99 и след., 113 об.

44 Там же. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 151.

45 Там же. Д. 6. Л. 119–119об.; см. также: Организация советской науки в 1926–1932 гг. Л., 1972. С. 155.

последних обычно представляло Общество по изучению Восточной Европы. Именно на мнение его генерального секретаря Г. Ионаса опирался экономическо-правовой отдел НКИД, указывая в письме в Отдел научных учреждений СНК СССР от 13 сентября 1928 г.: «Нам не следует обсуждать вопрос о вхождении в названный совет до тех пор, пока германские ученые практически не осуществят своего участия в совете, так как наше вхождение в настоящее время было бы истолковано как нелояльный по отношению к Германии шаг, имея в виду, что недопущение Германии в совет было вызвано версальскими настроениями»[46]. Хотя начиная с 1926–1927 гг. представители Германии участвуют в большинстве международных конгрессов, а немецкие научные союзы активно работают в международных объединениях в таких актуальных для сотрудничества областях, как геодезия и геофизика, чистая и прикладная химия и астрономия[47], но официальное вхождение германских и советских обществ в соответствующие ассоциации будет происходить уже позднее (полностью и формально — уже после 1945 г.)[48]. Весьма проблематичным было также сотрудничество немецких и советских ученых в рамках Международной комиссии интеллектуальной кооперации (созданной в 1922 г.) и одноименного института в Париже, работавших в тесной взаимосвязи с Лигой Наций и французским правительством[49]. Их основные усилия были направлены на усовершенствование международной библиографической системы, координацию деятельности международного книгообмена, унификацию научной терминологии и научно-технической документации[50]. В деятельности комиссии принимали участие А. Эйнштейн, пользовавшийся еще со времен войны репутацией пацифиста и противника всякого рода шовинизма, а с советской стороны — А.В. Луначарский.

---

[46] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 62. Л. 102.

[47] *Schröder-Gudehus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 112, 262–264.

[48] *Митрякова Н.М.* Международные научные связи Академии наук СССР в 30-е годы // История СССР. 1974. № 3; см. также весьма общий очерк: *Greenaway Fr.* Science International. A History of the International Council of Scientific Union. Cambgidge (Mass.), 1996. Гл. 1.

[49] *Schröder-Gudehus B.* Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 136–179.

[50] *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб., 1999. С. 51.

Однако помимо сотрудничества (зачастую достаточно формального и организационно малоэффективного) на уровне международных академических организаций после Первой мировой войны должна была наладиться и прежняя система каналов интернациональной научной коммуникации: книгообмена, переводов / реферирования (а здесь итоги послевоенного бойкота для Германии были особенно ощутимы), системы студенческих поездок[51], а также конгрессов, экспедиций и стажировок уже состоявшихся ученых[52]. В условиях затрудненных или запаздывавших контактов на уровне публикаций, на первый план в 1920–1930-е гг. по эффективности выходит именно научная командировка в центры становящихся новых школ и направлений (атомной физики и т.д.). Вместо прежней роли вспомогательного средства повышения квалификации и пути расширения кругозора (будущего или настоящего) университетского преподавателя, заграничная командировка становится — особенно для относительно периферийных прежде сообществ — значимым фактором научной инновации. На это указывал совсем незадолго до решающих перемен в жизни Академии С.Ф. Ольденбург в отправленной из Парижа Е.П. Воронову записке «О международных научных сношениях и их организации» от 17 июня

---

[51] Много ценной информации о контактах советских ученых в послереволюционный период содержит монография: *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975. Важную роль в послевоенном восстановлении системы академических связей должен был сыграть студенческий обмен и созданная в Германии специальная служба DAAD, не распространявшаяся, однако, на СССР; см.: *Космач В.А.* Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики. Минск, 1994. С. 104–110; *Laitenberger V.* Organisations- und Strukturprobleme der auswärtigen Kulturpolitik und akademischen Austauschs in der zwanziger und dreissiger Jahren // *Düwell K.*, *Link W.* Deutsche auswärtige Kulturpolitik seit 1871. Kőln; Wien, 1981. S. 72–96.

[52] О политическом и идеологическом использовании института академических обменов и стажировок до Первой мировой войны, особенно в германо-американских отношениях см.: *Brocke B. vom.* Internationale Wissenschaftsbeziehungen und die Anfänge einer deutschen auswärtige Kulturpolitik: Der Professorenaustausch mit Nordamerika // Hg B. vom Brocke. Wissenschaftsgeschichte und Wissenschaftspolitik im Industriezeitalter. Das «system Althoff» in historische Perspektive. Hildesheim, 1991. S. 181–242. Именно ситуация противостояния основных «игроков» научного рынка позволила выдвинуться в межвоенной ситуации на первый план таким центрам, как Копенгаген, или конференциям, вроде Сольвеевских конгрессов.

1929 г.: «Редкость приездов наших ученых теперь за границу вызывает здесь полное недоумение и искреннее огорчение. Для нас, для нашей работы это тягчайший удар, ибо при отсутствии у нас значительной части выходящих за границей научных книг заграничные поездки были для советских ученых единственным способом не отставать от науки. На заграничные поездки должно быть обращено исключительное внимание, ибо без них мы останемся в хвосте у всех»[53]. Именно поэтому государство в СССР начинает особенно пристально контролировать этот ранее достаточно автономный, «внутринаучный» механизм (включая и выезды на конгрессы и конференции)[54].

Когда после окончания Гражданской войны научная командировка за рубеж постепенно перестала быть чем-то чрезвычайным, начался процесс упорядочения дела заграничных командировок как одного из инструментов государственного регулирования научной деятельности. Решающую роль в деле выезда за границу во второй половине 1920-х гг. играла секретная Комиссия по выездам за границу, работавшая при ЦК РКП(б)–ЦК ВКП(б) и состоявшая из представителей ЦК, ЦКК и иностранного отдела ОГПУ[55] (до этого — в 1922–1923 гг. — вопрос о выезде за границу решался непосредственно Всероссийской чрезвычайной комиссией)[56]. С самого начала комиссия руководствовалась следующими установками: «1) сведение командировок к действительно необходимому минимуму; 2) повышение дело-

[53] Организация советской науки в 1926–1932 гг. С. 384.

[54] В качестве некоторого прообраза этой командировочной политики стоит учитывать реализованный в 1911–1914 гг. проект Л.А. Кассо о преимущественно заграничной подготовке будущих профессоров российских университетах в специальных институтах при ведущих западных университетах (Париж, Берлин, Тюбинген, Карлсруэ, Лейпциг). См.: РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 24, 25, 26. Этот составленный после увольнения массы преподавателей Московского университета охранительный проект вызвал в 1911 г. ожесточенную критику как в левых и либеральных, так и в правых, националистических кругах. В целом доля командированных за рубеж в общем числе готовившихся к профессорскому званию лиц колебалась в России начала XX века около 10–15 %. См. таблицу по годам: *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 211.

[55] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 68. Л. 34. Подробнее о системе командировок и разрешений: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. С. 163–171.

[56] Там же. Оп. 85. Д. 650. Л. 130.

вой и политической квалификации командируемых; 3) определение действительного срока временных командировок»[57]. Эффективность командировок (помимо их научной значимости) с самого начала рассматривалась двояко — с точки зрения политической целесообразности и в плане экономии валютных средств. Комиссия по выездам при ЦК открыто декларировала идеологический характер разрешения командировок, поскольку на запросы от Наркомпроса обычно давалось наибольшее число отказов из-за недостаточного количества среди кандидатов на поездку членов ВКП(б).

Нужно отметить, что немаловажную финансовую помощь работа советских ученых — главным образом физиков и биологов — в университетах Германии и других стран получила со стороны Рокфеллеровского фонда[58]. Во многом благодаря этим командировкам, полученным при содействии П. Эренфеста и А.Ф. Иоффе, был обеспечен «рывок» советской школы в физике, занявшей видное место в общем развитии этой дисциплины (особенно по сравнению с отечественной физикой начала века)[59].

В смысле соотношения приоритетов для поездок в общем списке запрошенных командировок по наркоматам в 1924–1925 гг. Германия количественно преобладает (примерно в два раза больше заявок, чем на поездки во Францию и Англию вместе взятые). В списке планов загранкомандировок Наркомпроса на 1927 г. из 62 командировок (в том числе в несколько стран одновременно) 52 приходятся на Германию, 22 — на Францию[60].

Во второй половине 1920-х гг. среди инстанций, ведавших делом заграничных командировок, помимо НКИД, также заметно возросло влияние ОГПУ и его Иностранного отдела, представители которого возглавляли и Комиссию ЦК по выездам (Трилиссер, Угаров). ИНО ОГПУ в январе 1927 г. санкционировал совместные советско-германские научные экспедиции на Алтай, в Бурят-Монгольскую АССР и

---

[57] Там же. Д. 650. Л. 127.

[58] *Кожевников А.Б.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // ВИЕТ. 1993. № 2; *Solomon S.G., Krementsov N.* Giving and Taking across Borders. The Rockfeller Foundation and Russia, 1919–1929 // Minerva. 2001. Vol. 39. № 3. P. 265–298.

[59] *Френкель В.Я., Джозефсон П.* Советские физики — стипендиаты Рокфеллеровского фонда // Успехи физических наук. 1990. Т. 160; *Гамов Г.А.* Моя мировая линия: Неформальная автобиография / Пер. с англ. М., 1994. С. 49–58.

[60] РГАСПИ. Ф. 17. Д. 650. Л. 96; Д. 658. Л. 356–357.

запланированную на 1927–1928 гг. экспедицию по изучению финно-угорских народностей, а также рассматривал персональный состав их участников[61]. Именно ИНО ОГПУ проверял предварительно каждую командировку (хотя не всегда его резолюция являлась окончательной), и возникавшие в связи с этим проволочки и задержки зачастую приводили к срыву участия ученых СССР в международных конгрессах из-за опозданий к началу их работы[62]. Помимо непосредственного влияния государственных органов, немаловажную роль в научных контактах с заграницей играл также ВОКС — Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей, при формальной независимости, безусловно, реализовывавшее принципы государственной политики[63]. В общем, государственное воздействие в сфере командировок было гораздо более комплексным и важным, чем простая процедура «фильтрации».

Окончательная советизация Академии наук вместе с разворачиванием осенью 1929 г. так называемого «академического дела» подвела черту под предыдущим «послереволюционным» развитием научной жизни в СССР, что не могло не сказаться на сворачивании международных связей ученых. Постепенное сокращение контактов с Германией, которая до этого была (точнее оставалась с дореволюционных времен) особенным партнером в научных делах, и практически полное их прекращение после 1933 г. не было компенсировано налаживанием связей с Англией, Францией или США. На повестке дня стояло укрепление бурно и экстенсивно развивавшейся собственно советской науки под прямым государственным патронажем[64].

* * *

Характеризуя послевоенную ситуацию в сравнительном аспекте, в целом можно констатировать, что российские ученые в течение 1920-х гг. гораздо охотнее, чем исследователи стран, ранее входив-

---

[61] См.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 17. Л. 68; Д. 11. Л. 5–5об.

[62] См. пояснения помощника начальника ОГПУ Угарова в письме Н.П. Горбунову от 20 июля 1928 г.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 28. Л. 15.

[63] *David-Fox M.* From Illusory «Society» to Intellectual «Public»: VOKS, International Travel and Party-Intelligentsia Relations in the Interwar Period // Contemporary European History. 2002. Vol. 11. № 1. P. 7–32.

[64] Апофеозом стала идеологическая кампания против известного математика Н.Н. Лузина и «преклонения перед Западом», развязанная в 1936 г. в «Правде» и поддержанная рядом его учеников. Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов и Б.В. Левшин. СПб., 1999.

ших в Антанту, шли на контакты и совместные разработки с немецкими коллегами[65]. Достаточно ли усмотреть причину такой «германофилии» в прежней тесной связи русской науки именно с немецкой традицией?[66] Скорее, российские ученые руководствовались прагматическими соображениями: в условиях политической изоляции (до середины 1920-х гг.) *любые* контакты по восстановлению прежнего уровня и характера научных исследований, даже с прежними противниками, воспринимались как допустимые и абсолютно оправданные. Тем более, что бедствия Гражданской войны и разрухи для ученого мира России были гораздо более чувствительны и очевидны, чем неприязнь и обиды 1914–1915 гг. И здесь «транснациональная» идеология науки как таковой, совершенно независимой от государственно-национального контекста происхождения, также снимала для российских исследователей вопрос о необходимости ***выбирать***, например, между сотрудничеством с немецкими — или французскими (английскими) коллегами. Кроме того, можно отметить определенную близость идеологического и даже отчасти социально-психологического положения академической интеллигенции в России и Германии после революционных потрясений 1917–1918 гг. В том и ином случае она отнеслась к окружающим преобразованиям скорее настороженно или даже враждебно, по своим установкам тяготела скорее к консерватизму и склонна была критически относиться к новым — советским или веймарским порядкам[67]. Вместе с тем, русская научная общественность все же была в целом ориенти-

---

[65] Конечно, не безоговорочно: степень участия и роль немецких коллег устанавливалась в 1920-е гг. советской стороной именно как паритетная или вспомогательная, но не более. См: Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. С. 311–312.

[66] См. в этой связи о «немецкости» Академии наук: *Старостин Б.А.* Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Российская Академия Наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 259–321.

[67] См. о противостоянии академического сообщества попыткам реформ в Веймарский период или контроля над выделением средств на науку со стороны фракции СДПГ в Рейхстаге: *Müller G.* Weltpolitische Bildung und akademische Reform. Carl Heinrich Becker Wissenschafts- und Hochschulpolitik 1908–1930. Kőln; Weimar, 1991. S. 224–334 (Гл. 7, 8); Schrőder-Gudehus B.The Argument for the Self-Government and Public Support of Science in Weimar Germany // Minerva. 1972. № 10. P. 560–567. О позиции большевиков и «старой» академической интеллигенции: David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997; Наука и кризисы. Ис-

рована скорее леволиберально (относительно «мандаринской» идеологии согласно Ф. Рингеру[68], разделяя свойственную отечественной интеллигенции этику социальной ответственности, убеждение в необходимости приносить пользу своему народу.

Рост специализации, интенсификация и соответственно удорожание экспериментального оборудования (и организационной подготовки) фундаментальных научных исследований в процессе становления неклассического естествознания первой трети XX в. помимо прочих идеологических факторов активно подвигали ученых ориентироваться именно на ***свое*** государство как на естественного и необходимого партнера, союзника и покровителя. В ходе и после Первой мировой войны государство в большинстве стран становится главным организатором (пускай даже в роли «нежеланного патрона») научной жизни[69]. Именно поэтому представления о государстве, как главном и, по сути, единственном агенте, определявшем новый характер советской науки по сравнению с дореволюционным периодом, нуждаются, во-первых, в дополнении компаративным анализом моделей межвоенной научной политики других стран и, во-вторых, в учете трансформаций самого академического сообщества[70]. Детальное изучение Д.А. Александро-

---

торико-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 357–549, 577–664 (гл. 8, 9, 12, написанные Э.И. Колчинским).

[68] *Ringer F.* The Decline of German Mandarine. The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge (Mass.), 1969. См. также перевод отрывков из книги Рингера в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 53 / 2001. № 1/) вместе со статьями Д.А. Александрова, В.М. Алпатова и М.А. Робинсона, рассматривающими близкие подходу Рингера сюжеты на русском материале.

[69] Непосредственной причиной заинтересованости в науке были, кончено, нужды военного времени — в новых средствах ведения боевых действий и обороны, связи, медикаментах и т.д. См. общий очерк: *Hartcup G.* The War of Inventions. Scientific Development 1914–18. London, 1988.

[70] Специфику представлений немецкого академического сообщества о международном характере науки и использовании науки как замены утраченной военно-политической мощи см.: *Forman P.* Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: the Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I // ISIS. Vol. 64. 1973. S. 151–180. (Для сравнения по довоенной ситуации см: *Bruch R. Vom.* Weltpolitik als Kulturmission. Auswärtige Kulturpolitik und Bildungsbürgertum in Deutschland am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Paderborn, 1982.) Для российской (советской) науки наиболее развернутый анализ см.: *Kojevnikov A.* The Great War, the Russian Civil War, and the invention of big science // Science in Context. 2002. Vol. 15, № 2. June. P. 239–275.

вым причин отказа отечественных исследователей от печатания за границей в 1920–1930-е гг. показывает, что ориентация на самодостаточную советскую науку была не только государственным императивом, но также и ставкой более молодого и амбициозного поколения ученых, обязанных своей карьерой уже новой социально-политической системе. «Обычное» генерационное столкновение молодых аспирантов и исследователей послереволюционного призыва с поколением учителей с их европейским образовательным уровнем, системой личных связей и иноязычных публикаций неизбежно обретало с подачи первых идеологизированные и более-менее изоляционистские черты[71]. Очевидна перекличка этого тезиса о поддержке курса на самодостаточность наименее привилегированными слоями научными работников с более общим тезисом о социальной, а не только «тоталитарно»-политической природе культурной революции в СССР, выдвинутой еще в 1970-е гг. Шейлой Фицпатрик и ее учениками[72]. Стоит обратить особое внимание на то, что если в победивших европейских странах более молодые ученые середины 1920-х гг. в целом были настроены более интернационалистски (по сравнению с воевавшими «отцами»)[73], то и в Советской России и в Германии, напротив, значимая прослойка младшего поколения академического корпуса склонялась в начале 1930-х гг. к изоляционизму и радикализму соответственно левого и правого толка — против этаблированного и еще недостаточно «государственно мыслящего» научного истеблишмента[74]. Активное вмешательство политической власти в сферу научного исследования и планирования было частью общего процесса огосударствления социальной жизни

---

[71] *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

[72] *Fitzpatrick Sh.* Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia / Ed. by Sh. Fitzpatrick. 1918–1931. Bloomington, 1984. P. 8–40.

[73] На это обращает внимание А. Кок: *Cock A.* Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1983. Vol. 37. № 2. P. 275–277.

[74] Эту тенденцию еще для немецкой довоенной ситуации отметил К. Яраш: *Jarausch K.* Students, Society and Politics in Imperial Germany. The Rise of Academic Liberalism. Princeton, 1982. P. 399–425. Об установках «красного студенчества» в СССР в 1920–1930-е гг.: *Halfin E.* From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburg, 2000 (в особенности главы 4 и 5).

западных обществ (включая и Россию), — процесса, инициированного Первой мировой войной, но продолжившегося и в менее чрезвычайной форме в послевоенный период[75]. Становление целенаправленной государственной научной политики, реформирование академической системы и, соответственно изменение, социальной роли ученого были тесно связаны друг с другом[76]. В рамках этого эпохального поворота советский вариант развития предусматривал авторитарно-мобилизационное разрешение задач модернизации, не в последнюю очередь — как в самой области научного знания, так и более широко — за счет средств и ресурсов науки[77]. Превращение СССР и США после Первой

---

[75] Показательна в этом процессе сворачивания европейского академического рынка смена функций социально-научной эмиграции, весьма важного института общероссийской интеллектуальной эволюции, — от интернациональной и открытой лаборатории левой и либеральной мысли в начале XX века к евразийскому или неовеховскому изоляционизму межвоенного периода. См. подробнее: *Дмитриев А.Н.* Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920–1930-е гг.) // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 211–256.

[76] См.: *Szőllősi-Janze M.* Der Wissenschaftler als Experte: Kooperationsverhältnisse von Staat, Militär, Wirtschaft und Wissenschaft, 1914–1933 // Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus / Hg. D. Kaufmann Göttingen: Wallstein, 2000. S. 47–64; Idem. Die institutionelle Umgestaltung der Wissenschaftslandschaft im Übergang vom späten Kaiserreich zum Weimarer Republik // Wissenschaften und Wissenschaftspolitik: Bestandsaufnahmen zu Formationen, Brüchen und Kontinuitäten im Deutschland des 20. Jahrhunderts / Bruch R. vom, Kaderas B. Stuttgart, 2002. S. 60–74; *Johnson J.A.; MacLeod R.M.* War Work and Scientific Self-Image. Pursuing Comparative Perspectives on German and Allied Scientists in the Great War // Ibid. S. 169–179. Для Франции см.: *Hanna M.* The Mobilisation of Intellect: French Scholars and Writers during the Great War. Cambridge (Mass.), 1996. P. 177–193 и заключение, а также *Picard F., Produra E.* La longue marche vers de CNRS (1901–1945) // Cahiers pour l'histoire du CNRS, 1939–1989. 1988. № 1. P. 7–39; для Англии: *Alter P.* The Reluctant Patron: Science and State in Britain 1850–1920. Oxford; New York, 1987. P. 191–213; *Vernon K.* Science and Technology // The First World War in British History / Ed. by St. Constantine etc. London, 1995. P. 81–105; для Соединенных Штатов: *Kevles D. J.* George Ellery Hale, The First World War and the Advancement of Science in America// ISIS. 1968. Vol. 59. Winter. №. 4. P. 431 и след; *Tobey R.* The American Ideology of National Science. [Pittsburgh], 1971. P. 20–61.

[77] *Александров Д.А., Колчинский Э.И.* Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность

мировой войны в страны первостепенной значимости на международной арене также включало признание роста их научных потенциалов, а значит и вмешательство этих сил в прежний почти исключительно немецко-англо-французский европейский концерт мировой науки[78]. Одним из главных итогов Первой мировой войны было изменение состава ведущих научных держав мира, конец уникального и практически лидерского положения немецкой науки, достигнутого впечатляющим «рывком» второй половины XIX в.[79] Несомненный рост удельного веса советской науки относительно прежнего периода, интенсификация и специализация исследований были помимо прочего также и реализацией заложенных в период войны тенденций демократизации и социализации науки, общих для всех стран и академических сообществ. Этот парадокс войны, которая наряду с разрушением, неожиданно выявляет важные прогрессивные, в том числе и организационные начинания, отметил еще в начале 1917 г. В.И. Вернадский[80]. Советский путь может рассматриваться как крайнее выражение этих усилий по государственной мобилизации науки; и этот путь наглядно выявил превращение этих общецивилизационных (на коротком, но важном историческом этапе) факторов роста в установки, в конечном итоге сдерживающие научное развитие.

России. М.: Наука, 2000. С. 288–325. См. также чрезвычайно важную обобщающую статью Ст. Коткина, опубликованную также в журнале «Kritika»: *Коткин Ст.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // М. Фуко и Россия. СПб., 2001. С. 239–315 (и близкие по духу новейшие исследования П. Холквиста).

[78] На примере интернационального фона инноваций в гуманитарной науке 1920-х гг. см. наш анализ русского формализма: *Dmitriev A.N.* Le context europeenne du formalisme russe // Cahiers du Monde Russe, Sovietique et Post-Sovietique. 2002. № 3. P. 120–139. О научных связях Франции и Германии послевоенного времени см. также статьи в сборнике: Entre Locarno et Vichy. Les relations culturelles franco-allemandes dans les années 1930 / Sous dir. Bock H.-M. etc. Paris,: CNRS, [1995]. Vol. 1–2 (статьи о взаимоотношениях историков, немецком контексте школы «Анналов», германистах и романистах двух стран и т.д.).

[79] *Gizycky R.* Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th Century// Minerva. Vol. XI. № 4. October 1973. P. 474–494, особенно P. 479–480.

[80] *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 199–207, 241–251 (ст. «Война и прогресс науки», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»).

Наука в ходе войны решающим образом изменила свой социальный облик, институциональное обеспечение и интернациональное устройство. Государственная централизация и бюрократизация научной деятельности, вместе с приоритетным развитием прикладного аспекта исследовательской работы, стала решающим фактором в форсированном переходе от космополитического, «наднационального» понимания научного творчества к формированию под патронажем политической власти самодостаточных сообществ в каждой из академических дисциплин[81]. «Интернационализм патриотов»[82] университетской (и преимущественно европейской) «республики ученых» предвоенного периода уступал место государственно регулируемому взаимодействию исследователей, определяемых в первую очередь в качестве представителей собственных наций, дисциплин и национальных научных школ.

---

[81] *Crawford E.* Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939. Four Studies of the Nobel Population. Cambridge (Mass.), 1992. (Chap. 3: Internationalism in Science as a Causality in World War I. P. 49–78); о росте технологического и экономического потенциала науки в тот период см.: *MacLeod R., MacLeod K.* The Social Relations of Science and Technology, 1914–1939 // The Fontana Economic History of Europe. Vol. 5. London, 1976. P. 301–363.

[82] По выражению Б. Шредер-Гудехус: *Schröder-Gudehus B.* Division of Labor and the Common Good: The International Association of Academies, 1899–1914 // Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel / Eds. C.G. Bernhard, E. Crawford, P. Sörbom. Oxford, 1982. P. 14–16.

Т. Маурер

«ВОЙНА УМОВ» И ОБЩНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА РУССКИХ УЧЕНЫХ НА ВОЗЗВАНИЕ ИХ ГЕРМАНСКИХ КОЛЛЕГ

Поздней осенью 1914 г. русские газеты сообщили: «Ученые организации всего мира энергично протестуют против неслыханного вандализма германцев»[1]. То обстоятельство, что германские солдаты 25–27 августа подожгли и превратили в пепел Библиотеку Левена и почти весь бельгийский университетский город, а 20 сентября обстреляли Реймсский собор, с точки зрения союзников по Антанте, провело границу между их собственной цивилизованностью и германской культурой. К протесту присоединились также ученые Российской империи. Развитие событий в первые недели войны привело к пересмотру их позиции относительно Германии и ее ученых, с которыми у них перед войной существовали особенно тесные научные связи и взаимообмен.

В XIX в. германская университетская система считалась самой успешной в мире — гарантом высшего академического уровня. Среди множества иностранцев, которые стремились учиться в Германии, перед Первой мировой войной особенно большую группу составляли студенты из Российской империи[2]. Но, главное, многие российские ученые для повышения своей квалификации проводили определенное время в германских университетах[3]. Помимо подражания немецкому образцу и личных

---

[1] Это текст подписи под карикатурой «Они протестуют», украшавшей внутреннюю сторону обложки нового еженедельника «Отечество». 1914. № 1.

[2] См. статистику: *Schairer R.* Die Studenten im internationalen Kulturleben. Beiträge zur Frage des Studiums im fremden Lande. Münster, 1927. S. 19. Согласно этим данным, в зимний семестр 1913–1914 гг. из 4 520 иностранных студентов 1885 (41,7 %), были родом из Российской империи. Разумеется, речь идет лишь о приблизительной оценке, т.к. США, остальные страны Америки и Азии в таблице не представлены (вследствие отсутствия статистики о студентах из этих стран в некоторых университетах. Но это не отменяет лидирующей позиции российских студентов. Ср. Также: *Bergmann C.* Das Studium der Ausländer an deutschen Hochschulen und die Internationalen Studentenvereine // Jb. des Verbandes der Internationalen Studentenvereine an Deutschen Hochschulen. 1914. № 1. S. 79–105, цит. S. 91.

[3] *Maurer T.* «Abkommandiert» in die «akademische Freiheit». Russischer Professorennachwuchs in Deutschland im 19. Jahrhundert // Tel Aviver Jb. für deutsche Geschichte. 1995. № 24. S. 63–104.

контактов, обе университетские системы были связаны между собой и тем, что высшие учебные заведения являлись государственными учреждениями, с задачей образовательной подготовки государственных чиновников. В последние десятилетия перед Первой мировой войной они развивались в сходных направлениях: в обеих странах расширилась социальная база профессорско-преподавательского состава и студенчества, увеличилось количество студентов, факультетов и университетов, к тому же возросло государственное вмешательство в их автономию. Наконец, у российских и немецких преподавателей высшей школы осознание себя особым ученым сословием, и понимание самой науки, совпадали в большей степени, чем, к примеру, у немецких и английских. Это выражалось в объединении всех университетских ученых специальностей в одно понятие («наука»), и квазирелигиозном чрезмерном завышении его значения[4].

Воздействие немецкого образца и пребывания на обучении в Германии зимой 1914–1915 гг. обрисовал в «Московских ведомостях» А.Г.: «Мы были рады, если получали от своих учителей похвалу за то, что стали на них похожи. «Немецкое» и «европейское» стали для нас синонимами». Считалось, что, делая себе имя в Германии, русский ученый тем самым становился известным и на европейском уровне[5]. Особенно оживленными были научные и культурные обмены между Россией и Западной Европой в годы перед Первой мировой войной. Русские рассматривали себя членами нации, занявшей место среди других народов Европы со своим специфическим голосом. И хотя различия между Востоком и Западом не были забыты, их больше не видели разъединяющими[6].

Когда в декабре 1913 г. началась подготовка к предстоявшему в 1918 г. Международному конгрессу историков в Петербурге, организаторы опасались натянутых отношений между представителями разных наций. Но, по

---

[4] О самосознании ученых и о понятии науки см.: *Maurer T*. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar;Wien, 1998. S. 567–575. О понятии науки см. также: *Wallace S*. War and the Image of Germany. British Academics 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 5.

[5] *А. Г.* [Гершун А.Л. — *пер.*] Русские туристы и ученые в Германии // Московские ведомости, 19 дек. 1914 (1 янв. 1915). С.1. Сравните высказывание известнейшего крайне правого русского журналиста того времени об идеализации всего немецкого у русских образованных людей, которых он описывал из личного опыта и с разочарованием: *Меньшиков М.О*. Письма к ближним. Родина Ницше // Новое время. 21 сент.(4 окт.) 1914. С. 5.

[6] *Weidlé W*. Rußland. Weg und Abweg. Stuttgart, 1956. S. 141, 143.

свидетельству специалиста по новой истории Европы Николая Кареева, никому и в голову не приходило, что через полгода может стать актуальным вопрос о русско-германских отношениях[7]. Еще летом 1914 г. ведущий германский историк древности Эдуард Мейер и его русский коллега Михаил Ростовцев обменялись теплыми письмами по случаю избрания Ростовцева в члены-корреспонденты Прусской академии наук[8].

Потрясение в связи с началом Первой мировой войны в различных воевавших странах привело к переоценке германских университетов[9]. На то, что позднее они уже не могли служить всеобщим образцом, менее всего повлияли сами методы, которыми Германия вела войну, но гораздо более позиция, которую заняли в ней германские ученые. Если во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. представители обеих наций вели спор путем личной переписки, то теперь они перешли к коллективному обмену ударами[10]. В Первую мировую войну «академики всех воевавших государств» с самого начала чувствовали себя обязанными поддерживать — по крайней мере, пером — военные усилия собственной нации[11].

После того, как иностранная пресса подробно написала об актах насилия германских солдат в Бельгии, в сентябре 1914 г., 93 немецких ученых и писателя, частным путем, разослали зарубежным коллегам

---

[7] *Кареев Н.И.* Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 77–93. Цит.: С. 80.

[8] См.: *Maurer T.* Der Weg zur Mündigkeit. Auslandsaufenthalte russländischer Wissenschaftler im 19. und frühen 20. Jahrhundert // Hyperboreus (в печати).

[9] *Wallace.* War and the Image of Germany. P. 4, 39. В XIX в. Германия притягивала половину студентов со всего мира, обучавшихся за границей, в 1930 г. их было только 9 %: *Siebe Daniela.* Ausländische Studenten in Gießen [1900–1949] Akzeptanz, Umwerbung und Ausgrenzung. Gießen, 2000. S. 5.

[10] *Ungern-Sternberg J. von.* Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? Zum Gebrauch der Begriffe «deutsche Kultur» und «Militarismus» im Herbst 1914 / Hg. J. Wolfgang Mommsen // Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. München, 1996. S. 76–96. Цит.: S. 89. Подробнее о германо-французском споре см. у М. Фёлькеля: *Völkel M.* Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71. Historische Zs. 1993. № 257. S. 63–107.

[11] *Mommsen W. J.* (см. сноску 10). Wissenschaft, Krieg und die Berliner Akademie der Wissenschaften. Die Preussische Akademie der Wissenschaften in den beiden Weltkriegen / Hg. W. Fischer, unter Mitarbeit von R. Hohlfeld und P. Nötzoldt // Die Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1914–1945. Berlin, 2000. S. 3–23. Цит.: S. 4.

тысячи экземпляров своего призыва «К культурному миру»[12]. Наконец, 4 октября он был опубликован в германской прессе. Шестикратным «это неправда...» подписавшиеся отклонили утверждения своих зарубежных коллег о том, что Германия несет ответственность за войну, а также обвинения в ее неуважении к международному праву и в жестоких методах ведения войны: немецкие ученые расценивали эти обвинения как «отравленное оружие лжи». Напротив, они сочли борьбу, которую вели противники Германии против немецкого милитаризма, борьбой против немецкой культуры. Они утверждали, что «Германская армия и немецкий народ — едины», а германский милитаризм развился из германской культуры с целью «её защиты»[13]. Оправданием, что, мол, бельгийское население само спровоцировало германское наступление своими коварными нападениями, германские ученые пытались разрешить открывшееся противоречие между праведным автопортретом германских борцов и реальностью[14]. Воззвание «К культурному миру» и последовавшая вскоре «Декларация преподавателей высших школ Германской Империи», собравшая более 4 000 подписей (т. е. подписались почти все преподаватели), привлекли к себе большое внимание во всем мире[15]. Его оценили как доказательства шовинистической настроенности германских преподавателей высших школ, с одной стороны, и развал международной республики ученых, с другой.

---

[12] Эта датировка следует из письма одного из инициаторов, Германа Зудермана к капитану флота (в Имперском ведомстве военно-морского флота) Генриху Лёлейну 30.09.1914. Опубликовали его братья Юрген и Вольфганг фон Унгерн-Штернберг: *Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W.* Der Aufruf «An die Kulturwelt!» Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. S. 181. О том, как появилось воззвание, подробнее см. гл. 1 этой книги (S. 17–26).

[13] Сводное представление трех проектов (включая печатные тексты) см.: *Ungern-Sternberg W.* Der Aufruf. S. 156–160. Список подписавшихся см.: Hg. *H. Kellermann Hermann.* Der Krieg der Geister. Eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg. Weimar, 1915. S. 64–68.

[14] Сформулировано, опираясь на С. Мейнеке: *Meineke S.* Friedrich Meinecke. Persönlichkeit und politisches Denken bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Berlin, 1995. S. 235–239.

[15] См. по этому поводу: *vom Brocke Bernhard.* «Wissenschaft und Militarismus». Der Aufruf der 93 «An die Kulturwelt!» und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg //Hg. III Calder M. William, H. Flashar, Th. Lindken // Wilamowitz nach 50 Jahren. Darmstadt, 1985. S. 649–719. (S. 667–679) (с многочисленными доказательствами).

В России это воззвание вызвало, по меньшей мере, семь встречных деклараций, а также дебаты, в которых участвовали газеты всей империи[16]. И хотя воззвание, по всей вероятности, не было отправлено в Россию[17], российские художники и писатели уже через неделю после его публикации в Германии обратились с призывом к «Родине и всему цивилизованному миру»[18]. Все же до того как ученые, наконец, опубликовали свою встречную декларацию (4 декабря)[19], прошло почти два месяца.

Между тем, 2 ноября подробный анализ воззвания[20] опубликовал Павел Милюков. Наконец, почти одновременно с протестом свыше 250 «представителей русской науки»[21] появился и «протест Университета» в Петрограде, к которому присоединились, по меньшей мере, 350 преподавателей высших школ обеих столиц[22]. С некоторым

---

[16] Разбор встречных шести воззваний и публицистических дискуссий в прессе см.: *Maurer T.* Russische Reaktionen auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt!» // Jb. für Wirtschaftsgeschichte. 2004. № 1. S. 221–247 (завершено осенью 2000). Кроме этих воззваний см.: Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым = Le Conseil de L'Université Impériale de Kasan. Réponse aux savants allemands. Казань, 1915. Этот поздний ответ, опубликованный, согласно А.Н. Дмитриеву, в «Уч. зап. Имп. Казанского ун-та», отчетливее, чем другие ответы, противопоставляет образу Германии — защитницы культуры, распространенному среди немецких ученых, соответствующий образ России «в защите цивилизации и славянства» (С. 1). *Dmitriev A.N.* La mobilisation intellectuelle. La communauté académique internationale et la Première Guerre mondiale // Cahiers du Monde Russe, 2000. № 43. P. 617–644. Цит.: P. 625 с примеч. 29.

[17] Детальное обоснование этого предположения см.: *Maurer*. Krieg der Professoren. Anm. 16.

[18] Здесь и далее я цитирую каждое встречное воззвание только по одному из тех органов, где он был опубликован. «От писателей, художников и артистов» // Вест. воспитания. 1914. № 7 (октябрь). Хроника. С. 120–124. Более обширные доказательства из многократно изданных текстов см.: *Maurer*. Krieg der Professoren.

[19] Поскольку речь идет о реакции на немецкие высказывания, все даты в тексте пересчитаны по григорианскому календарю. В ссылках, однако, сохранены даты публикаций по действовавшему тогда в России юлианскому календарю.

[20] *Милюков П. [Н.]* Германская интеллигенция и война // Речь. 1914. 20 окт. (2 нояб.). С. 3.

[21] Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германией и Австро-Венгрией // Новое время. 1914. 21 ноябр. (04 дек.). С. 3.

[22] Протест Университета // Вест. Европы. 1914. № 12. С. 376–378. (В рубрике «Хроника. Вопросы внутренней жизни.) Ср. далее прим. 62.

отставанием прореагировали педагоги[23], Киевский университет[24], преподаватели Военно-Медицинской академии[25] и, наконец, Казанский университет[26]. Промедление объясняется, скорее всего, большой неуверенностью, которую вызвало воззвание «К культурному миру» среди ученых царской державы, а также политическими разногласиями среди российской профессуры. Первый ответ ученых, очевидно, инициировал бывший помощник министра народного просвещения Н.П. Боголепова, Николай Андреевич Зверев, который был назначен членом Государственного совета в 1909 г. и председательствовал на съездах правых профессоров. Поэтому либерально настроенные преподаватели высших школ опубликовали свой собственный протест[27].

Анализируя русские дебаты по этому воззванию, следует:

1. Обрисовать в общих чертах переоценку образа Германии в первые месяцы войны.
2. Определить, как российские ученые понимали патриотизм.
3. Изучить, какие последствия имело это понятие патриотизма в связи с пониманием науки, для выработки позиции по отношению к ученым других наций.
4. Сравнить основные черты русских дебатов с реакцией в других странах.

Образ Германии в первые военные месяцы

Для многих ученых царской России война представляла собой величайшую катастрофу в истории европейских народов, и, как высказался московский философ Лев Лопатин в январе 1917 г. на годичном

---

[23] От русских педагогов // Юрьевский вестник. 1914. 20 дек. (1915. 2 янв.). С. 1. Упомянутый там недатированный оттиск из «Биржевых ведомостей» найти не удалось.

[24] Ответ профессоров и преподавателей Имп. ун-та св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям» (...) / Réponse des professeurs de l'université Impériale de Saint-Vladimir à l' "Adresse aux Nations civilisées" (...) / Киев. Без года. В заголовке французского перевода отсутствует (сообразно французскому словоупотреблению) выражение, соответствующее словам «и преподавателей».

[25] Ответ на воззвание «К культурному миру» представителей германской науки и искусства. (От Конференции Имп. военно-медицинской академии) // Речь. 1915. 29 янв. (11 февр). С. 5.

[26] Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым.

[27] На основании анализа списков подписей в *Maurer*. Krieg der Professoren.

акте университета, падение европейской культуры[28]. «Под гром пушек» шла «коренная переоценка ценностей». Чудовищное разочарование в германских ученых наиболее сильно выразил П.И. Вальден, латыш, воспитанный в немецкой культуре, профессор химии в Рижском политехническом институте: «Те, кто еще недавно, считались нашими учителями и образцами, высокомерно отвернулись от нас, назвав нас «варварами»[29]. Вальден отметил два центральных момента германского воззвания для российских ученых: прежние представления о немецкой культуре были поколеблены, и европейская самоидентификация русских ученых оказалась под ударом. Формулировкой «орды, забивающие [как скот] женщин и детей», русских исключили из европейской цивилизации. К тому же, подписавшиеся отказали англичанам и французам в праве «претендовать на защиту европейской цивилизации», так как они «были союзниками сербов и русских»[30].

Новая оценка Германии уже включала в себя опыт, приобретенный русскими студентами и учеными, которые находились в Германии в момент начала войны. Студентов, как гражданских интернированных, неделями держали в заключении, не разрешая получить смену чистого белья, мечта о котором свидетельствовала об их цивилизованности, а отказ — о нецивилизованности немцев[31]. В целом, традиционный образ был перевернут. И ученик политэконома Луйо Брентано [Людвига Иосифа Брентано, иностр. корр. ИАН с 1895 г. — *перев.*], московский профессор Иосиф Гольдштейн, который до войны высоко ценил немецкую культуру, по возвращении из интернирования утверждал, что немецкой культуры

---

[28] По ст.: *Novgorotsev Paul J.* Russian Universities and Higher Technical Schools During the War // *Ignatiev Paul I., Odinetz Dimitry M., Novgorotsev Paul. J.* Russian Schools and Universities in the World War, New Haven. 1929. P. 131–239. Цит.: P. 168.

[29] *Вальден П.И.* О творческой силе русских химиков // В тылу. Литературно-художественный альманах кассы «Взаимопомощи» студентов Рижского Политехнического ин-та. Пг., 1915. С. 141 (в т.ч. мысли о переоценке ценностей).

[30] Aufruf an die Kulturwelt // *Kellerman.* Krieg der Geister. S. 65.

[31] *-д* [Аноним] Русские студенты и Германия. (Из беседы) // Южная мысль. 1914. 9 (22) окт. С. 3. О российских студентах, не сумевших вовремя покинуть Германию перед началом войны см. очерк: *Maurer T.* Weder Kombattanten noch Kommilitonen. «Feindliche Ausländer» in einer deutschen Universitätsstadt während des Ersten Weltkriegs // Jb. für Universitätsgeschichte. 2005. № 8. S. 185–210.

нет и не было.[32] Под влиянием войны усилились впечатления, неприятно поражавшие и раньше. Московский профессор энциклопедии права и истории философии права Евгений Трубецкой, выразительно представил подчиненность личности и абсолютизацию государства в Германии.[33] А приват-доцент Моисей Рубинштейн открыл, что в войне «тонкий слой культурных румян», который наносила школа, моментально отпал. «Варварская сердцевина» оставалась непоколебимой. Кроме того, на основе своего опыта, почерпнутого во время студенческих собраний и педагогических конгрессов, он установил, что в Германии не только армию теперь почитают школой нации, в то же время школы и университеты милитаризированы[34].

Относительно методов ведения войны, снова и снова шла речь о немцах — диких и озверевших варварах[35]. Более показательными были такие формулировки, как «современные тевтоны с новейшей техникой»[36], или «дикари» с «современной и какой-то утонченно-садической психологией»[37], в целом охваченные понятием «варваров XX века»[38]. В связи со многими свидетельствами об употреблении современной и ужаснейшей военной техники[39], это понятие доказывало, что русские, подобно

---

[32] [И.]М. Гольдштейн в плену // В немецком плену. М., 1915. С. 61–64 (61).

[33] *Трубецкой. Е.[Н].* Что с ними сделалось? // Рус. ведомости. 1914. 02 (15) дек. С. 3. II. Там же. 04 (17) дек. 1914. С. 3.

[34] Там же. С. 3.

[35] *Погодин А.* Воспитание великих душ // Биржевые ведомости. 1914. 08 (21) окт. С. 2–3; *Котляревский Нестор.* Кончина властной идеи? // Биржевые ведомости. 1914. 02 (15) нояб. С. 3; *Д[аман]ская А[вгуста][Фил.]* Метерлинк и Гауптман // Утро России. 1914. 11 (24) сен. С. 1–2; В Религиозно-Философском обществе // Русские ведомости. 1914. 07 (20) окт. С. 4; *Астахов М.* Радикальные Митрофаны // Московские Ведомости. 1914. 16 (29) окт. С. 2.

[36] Из речи ректора Казанского университета. См. отчёт об этом: В университете // Казанский телеграф. 1914. 02 (15) окт. С. 4. Ср. также: *Адрианов С.* Пророчества Ф.М. Достоевского // Биржевые ведомости. 05 (18) сент. 1914. С. 2.

[37] *Н. С.* Dura lex, sed lex! (К вопросу о германских зверствах) // Утро России. 1914. 11 (24) сент. С. 1.

[38] Как в прим. 21. См. также: Совет Казанского ун-та. С. 1.

[39] См. также, кроме примеров, названных в прим. 36: *Ященко А.* Что сталось с международным правом? // Биржевые ведомости. 1914. 28 дек. (1915. 10 янв.). С. 3. Указание на бомбардировку с самолетов также в стихотворении *А.Ш.* Маленький фельетон: Немецкая культура // Южная мысль. 1914. 02 (15) дек. С. 3.

западным военным противникам Германии, воспринимали германское варварство не просто каким-то отрицательным состоянием, обусловленным природой, но также извращением цивилизаторских достижений[40]. Германские ученые уверяли, что не было никакой «недисциплинированной жестокости», а в логической импликации «дисциплинированной жестокости», Милюков признавал, «к сожалению», не оговорку, «но довольно точное определение существа отношения германской интеллигенции к войне»[41].

Несмотря на эти острые реплики, представление о Германии среди ученых не было плакатным и однообразным. Причиной всех различий было представление о двух Германиях: классической Германии культуры и Германии современного милитаризма. Это историческое различие, однако, вело к интерпретации, что основание империи изменило Германию: с русской точки зрения она стала Великой Пруссией. При этом московский историк Роберт Виппер смог прямо-таки любовно нарисовать Германию XVIII в. по контрасту к ее настоящему[42], историк искусства В.Я. Курбатов приписал прежние культурные достижения соревнованию отдельных германских государств, и, напротив, современное искусство за немногими исключениями счел незначительным[43].

---

[40] Формулировка заимствована у М. Яйсмана, сделавшего подобное наблюдение во французском контексте: *Jeismann Michael*. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart, 1992. С. 324.

[41] Как в прим. 20.

[42] *Виппер Р.Ю.* Старая и новая Германия // Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций. 1914–1918 гг. М. 1918. С. 26–47. (Однако начало изменений датировано уже войной за независимость против Наполеона). Представление о двух Германиях также в упомянутой в прим. 52 статье А. Говорова.

[43] Первоначальное сомнение, что Германия И.Х.Ф. фон Шиллера и И.-В. Гёте могла допустить такой вандализм в Реймсе или Левене, он комментирует замечанием, что никто и не думал, имели ли Шиллер и Гёте вообще какое либо отношение к современной Германии. Тем самым он прямо отвергал утверждение германского воззвания, что немцы до конца вели бы войну, как культурный народ, верный наследию Гёте, Бетховена и Канта. (*Курбатов В.Я.* Опасности германской художественной культуры // Чего ждет Россия. С. 125–143. (С. 128 и далее). Ср., впрочем, позицию против представления о двух Германиях (которая только раньше была правильной): *Боборыкин П.Д.* Высококультурная орда // Русское слово 1914. 25 дек. (1915. 7 янв.). С. 3.

На этом фоне и германская наука подверглась критической оценке: от постулирования германской расы некоторыми антропологами[44] до капитуляции правоведов-международников перед культом силы[45]. Размышления над германским правом в целом и отдельными предложениями немецких специалистов по уголовному праву привели одного русского специалиста к выводу: «Тевтоны остались тевтонами»[46]. Обобщающие замечания берлинского слависта Александра Брюкнера послужили доказательством того, как национальное высокомерие вторгается в науку[47]. Харьковский исследователь всеобщей истории Владислав Бузескул открыл в германской исторической науке XIX в., уже перед 1870 г., следы всех черт, которые русские столь отчетливо ощутили в войне: признание силы, как фактора, решающего все, культ бронированного кулака, грубое попрание права, презрение к слабым, превозношение германской нации и культуры, презрительное отношение к другим нациям, как к вырождающимся или низшим расам, патриотизм и национализм, которые приняли отталкивающие формы[48].

Патриотизм российских ученых

Волну патриотизма, охватившего население России, включая еще недавно бастовавших рабочих и критиковавшую правительство интеллигенцию, выразительно описали иностранные наблюдатели[49]. Через три

---

[44] *Оршанский И.Г.* Задача социальной гигиены // Вест. Европы. 1915. № 10. С. 119 и далее; *Виппер.* Старая и новая Германия. С. 44 и далее; ср. также *Яблоновский Александр.* Отравленная душа // Киевская мысль. 1914. 10(23) дек. С. 3.

[45] *Гессен В.М.* Война и право // Туган-Барановский М.И. (изд.) Вопросы мировой войны. СПб., 1915. С. 484–506. Цит.: С. 500.

[46] *Есипов В.[В.]* Германская жестокость // Биржевые ведомости. 1914. 5(18). сент. С. 1–2.

[47] *Сумцов Н.Ф.* О германском национальном высокомерии // Южный край. 1914. 07(20) дек. С. 8.

[48] См. отчет о его докладе «Современная Германия и германская историческая наука» в Историко-филологическом обществе (Харьков): Германская апология культа силы // Южный край. 1914. 07.(20) дек. С. 6; ср. также обработанное изложение: *Бузескул В.* Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии. Пг., 1915.

[49] См. к примеру воспоминания французских и английских послов в Петербурге: *Paléologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. 20 Juillet 1914–2 Juin 1915. Paris, 1921. P. 45–47; *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Vol. 1. London; New York; Toronto; Melbourn,

дня после объявления войны немцами газета, издаваемая Милюковым и выражавшая взгляды либеральных и прогрессивных кругов, представила свою позицию в новой ситуации: независимо от доселе критического отношения к правительству, первый долг сейчас — поддерживать единство страны и ее положение среди других наций[50]. Патриотический подъем сыграл важную роль в основании и в выборе названия журнала «Отечество», в котором участвовали сливки либеральной интеллигенции, выражавшей надежду, что война послужит катализатором уже давно срочно необходимых коренных реформ. На практике наблюдались все те же виды активности, что и в Германии: преподаватели высшей школы учреждали дополнительные лазареты, сотрудничали в комитетах военной промышленности и участвовали в организации снабжения[51].

Но либеральная интеллигенция придавала большое значение дистанцированию от национализма и шовинизма. Патриотизм, как можно было прочитать в «Одесских известиях», — это необходимая, критически творческая любовь к Отечеству, шовинизм, наоборот, исключает любую критику. В то же время предостерегали от ошибки искоренять в национальном или шовинистическом угаре все германское, заимствованное и оказавшееся полезным для России. Тесная связь с немцами обернулась ненавистью. Возможно, лучше было бы быть к ним равнодушными[52]. Сергей Гессен в статье «Идея нации» выделил два типа патриота: «Тот, который, думая только о настоящем, ведет к духовной нивелировке общества», как ныне в Германии; и тот, «который, живя будущим и объединяя людей в общем творческом действии, еще резче проявляет их индивидуальные различия и особенности». Для России он надеялся на

1923. P. 207, 211–215. Об интеллигенции в войне см.: *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война (Мат-лы междунар. научн. коллоквиума). СПб., 1999. С. 257–270; *Носков В.В.* «Война, в которую мы верим»: Начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война. С. 326–340.

[50] Речь. 1914. № 193. 22 июля (04 авг.). По: *Novgorotsev*. Russian Universities. P. 155.

[51] *Novgorotsev*. Russian Universities. S. 171, 178, 185; Летопись Московского ун-та 1755–1979. М. 1979. С. 166; 275 лет Санкт-Петербургский гос. ун-т. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 279.

[52] Не ненависть, а равнодушие // Одесские новости. 1914. 06(19) окт. С. 1. Ср. также предостережение одного профессора, — отменить рождественскую елку только потому, что она исходит от немцев: *Говоров А.* Происхождение рождественской елки // Камско-Волжская речь. 1914. 03(16) дек. С. 4.

последнее[53]. Наконец, князь Евгений Трубецкой противопоставил германскому национализму русский патриотизм. В первом он видел только голый национальный эгоизм, который обещал жестокое угнетение всем, кто не принадлежит к господствовавшей национальности. В русском же патриотизме — чувство, объединявшее все народы империи, без присущих национализму презрения и ненависти к другим народам. Трубецкой утверждал, что этот патриотизм — сверхнароден, а в этой войне Россия борется за права всех национальностей. Пламенный патриотизм нужно связать со справедливым, дружеским отношением к другим национальностям. В национальном вопросе следует занимать такую позицию, которая исключала бы как космополитизм, так и национализм[54]. В то время как ученые формулировали эти перспективы как надежды и рекомендации, они одновременно осознавали, что их собственная страна не является идеальным образцом, который можно противопоставить столь остро критикуемой Германии[55].

Эта форма патриотизма оставляла товарищеские отношения с лицами, принадлежащими к разным нациям, принципиально возможными, а некоторые участники дебатов даже требовали этого и от граждан воюющих государств во время войны.

Понимание науки и коллегиальность

Когда историк Кареев, возвращаясь после начала войны из Карлсбада, оказался в Дрездене, он обратился оттуда к берлинскому орди-

---

[53] Речь идет не только о победе, но также о том, зачем будет достигнута эта победа и что грядет после. *Гессен С.И.* Идея нации // Туган-Барановский. Вопросы мировой войны. С. 561–589. (С. 561 и далее).

[54] *Трубецкой Евг.* Патриотизм против национализма // *Трубецкой Е.* Смысл войны. Вып. I. М. 1914. С. 5–11. (Первоначально: Русские ведомости. 1914. 02(15) авг. Ср. также: *Трубецкой Е.Н.* Война и мировая задача России. М., 1915. Эта задача — единство народов.

[55] См., например, следующий пассаж: *Трубецкой.* Патриотизм. С. 10: «А внутри России будем вести себя так, чтобы не одни русские, но все инородцы, не исключая поляков, финляндцев и евреев, видели и ощущали в России свою великую Родину». В ответе Совета Казанского университета, однако, такие нюансы отсутствуют. Тоном глубочайшего убеждения Совет подтверждает «исконную роль» России как «защитницы слабых». Поэтому «Россия обнажила меч в защиту Сербии». Совет Имп. Казанского ун-та. Ответ германским ученым. С. 1.

нарному профессору восточноевропейской истории Теодору Шиману, хотя политические взгляды обоих сильно различались: балтийский немец Шиман был сотрудником органа консерваторов «*Neue Preußische Zeitung*»[56], считался другом кайзера и врагом русских. Уповая на то, что коллегиальность ученых («товарищество по науке») есть своего рода «Братство во Христе», Кареев обратился по-русски к Шиману с просьбой, оказать ему помощь с выездом. Действительно, Шиман пошел навстречу этой просьбе; кроме того, он сотрудничал с Берлинским комитетом, помогавшим оказавшимся в беде российским подданным. По неоднократно повторенному свидетельству Кареева, Шиман отвечал на каждую просьбу с готовностью, в очень тактичной форме, и даже с теплотой[57]. На основании этого опыта Кареев позднее смог требовать от своих собственных коллег соблюдения этого «Братства во Христе» в отношении немцев. Такой формулировкой он намекал на мысль, которую не раз высказывал апостол Павел, проповедовавший, что во Христе нет различия между евреем и греком, а в послании колоссянам упомянувший даже скифов[58]. Таким образом, Кареев полагал, что национальные различия, не должны играть в науке никакой роли. Он твердо придерживался представления о «нейтральности науки», несмотря на то, что чувствовал себя лично задетым воззванием «*К культурному миру*». Он в равной мере осуждал и немцев, и русских: первым не следовало бы писать воззвание, а вторые не должны были бы следовать «дурному примеру». Как граждане воюющей страны, они, конечно, должны были желать ей победы над врагом. «Но разве для этого нужна ли какая бы то ни было перебранка ученых, писателей, художников?»[59]. Выражением его собственной коллегиальности был стыд за своих германских коллег. Тем самым, он как бы становился с ними на одну ступень.

При этом Кареев ни в коем случае не был некритичен по отношению к германской науке. Наоборот, он наблюдал там сужение горизонта из-за того, что немецкие ученые не учитывали научные достижения

---

[56] По железному кресту, помещенному в шапке титульной страницы, ее назы вали в обиходе «Крестовой газетой» (Kreuzzeitung).

[57] См. об этом: *Кареев Н. [И.]* Пять недель в германском плену // В немецком плену. С. 11–20, особенно С. 14 и далее, 19 и далее. Ср.: *Кареев Н.[И.]* «Ex praeterito spes in futurum» // Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Пг., 1915. С. 36 и далее.

[58] Римлянам 10: 12; Галатам 3: 28; Коринфянам 12: 13; Колоссянам 3: 28.

[59] *Кареев*. Ex praeterito spes in futurum. С. 36 и далее.

других стран, и объяснял это политическим развитием Германии с начала 1860-х гг. Уже в 1915 г. Кареев предупредил своих коллег: победители в мировой войне должны быть осторожны, чтобы не сделаться столь же односторонними в своем развитии, как немцы после 1870 г.[60] Подобное же утверждал историк права и социолог Максим Ковалевский, который семь с половиной месяцев находился в австрийском плену для гражданских лиц: «Метерлинк и Рол[л]ан говорят о немцах, как о новых гуннах, а немцы не знают для русских другого прозвища кроме как «варвары». Цвет науки и искусства забыл, что знание и творчество не ведает географических границ»[61].

Российские ученые не отказались от представления о международном научном сообществе, и даже не хотели исключить из него своих немецких учителей и коллег (которые, как они чувствовали, их предали). Об этом свидетельствуют осторожные формулировки[62]. Более того, они пытались объяснить поведение немцев, и даже простить их — из соображения, что может быть, те подписывали воззвание под давлением[63], или находясь под влиянием какого-то «патриотического гипноза»[64], парализовавшего рассудок. Как много для них значило мнение сообщест-

---

[60] *Кареев Н.И.* Мысли о русской науке. С. 84 и далее, 91 и далее.

[61] *Ковалевский М.[М.]* В плену // Невский альманах. С. 82–86. Цит. С. 82.

[62] Так, к примеру, в Петербургском заявлении говорили о «Воззвании» «некоторых» германских писателей и ученых. Правда, так было сказано впервые примерно месяцем позднее и лишь в публикации петербургского заявления в двух либеральных газетах, (Ответ германским ученым // День. 1914. 21 дек. (1915. 03 01 янв.). С. 3 и далее; Отклики германского воззвания //Речь. 1914. 22 дек. (1915. 04 янв.). С. 3). Неясно, внесли ли его дополнительно (например, под давлением подписавшихся позднее в Петербурге и Москве).

[63] Соображения по этому поводу, но, в конечном счете, с отклонением гипотезы есть у Милюкова в ст. «Германская интеллигенция». См. также формулировку: германские ученые «никогда бы не согласились скрепить своими именами документ» (воззвание «К культурному миру»), если бы они действительно дорожили своей честью (цитата: Ответ профессоров... ун-та Св. Владимира. С. 4. Ср. кроме того: Печать // Речь. 1914. 11(24) дек. С. 2; Печать // Речь. 1915. 17(30) дек. С. 2.

[64] *Слонимский Л.[З.]* Германские ученые и милитаризм // Вестн. Европы. 1914. № 11. С. 342–350 Цит.: С. 344 и 348. Ср. также: риторические фигуры о якобы «массовом гипнозе» немцев в *N.S.* Dura lex; *Ландау Г.* Шовинизм и его врачеватели (Кровь прекраснодушия) // Утро России. 1914. 28 сент. (11окт.). С. 1–2. (С.1); *Трубецкой.Е.* Что с ними сделалось? (I и II); От русских педагогов.

ва ученых, возможно из-за критического отношения к собственному государству, видно из их ответов на требование правительства исключить подданных вражеских государств из государственных учреждений, в том числе из Академии наук и университетов. С целым рядом формальных и содержательных аргументов против этого шага к общественности обратились такие ученые, как Нобелевский лауреат Иван Павлов и ректор Петроградского университета Эрвин Гримм, поясняя, почему они не могут исключать иностранных ученых. Только одного германского ученого еще ранее исключили из почетных членов Петроградского университета: Франца фон Листа, берлинского специалиста по уголовному праву, члена Рейхстага, прогрессиста, который до этого вел семинар в Петербурге, получил за него гонорар, был чествован, и, тем не менее, подписал воззвание «К культурному миру»[65].

Только после того, как правая и националистическая пресса продолжила травлю Академии, как учреждения, где явно преобладали немцы, и правительство усилило свой нажим, наконец, в 1916 г. был исключен 51 почетный член и корреспондент Академии наук германского и австрийского подданства (неславянского происхождения)[66].

Позиция российских ученых в сравнительной перспективе

Наблюдения за откликами на германский манифест в России осенью 1914 г. наводят на ряд параллелей в других странах. Англичане и французы сочли воззвание «К культурному миру » образцом подав-

---

[65] В учебных заведениях // Новое время. 1914. 12(25) дек. С. 7; К исключению подданных воюющих держав (Беседа с ректором Университета, проф. Э.Д. Гриммом) // День. 1914. 10(23) дек. С. 3; ср.: Печать // Речь. 1914. 11(24) дек. С. 2; *А.О.* Исключение ученых неприятельских держав // День. 1914. 12(25) дек. (с комментарием Павлова). С. 3. Подробнее см. *Maurer*. Krieg der Professoren.

[66] Эта мера не была распространена на подданных обеих вражеских стран, если они были славянского происхождения (по: *Dmitriev*. Mobilisation Intellectuelle. P. 640). Долгое время имело силу советское стандартное представление о том, что Академия временно исключала большое число лиц на время войны. *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В двух томах. Т. 1. М. 1977. С. 358. Подробнее об этом см.: *Виноградов Ю. А.* Германские ученые — члены Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. К 275-летиюАкадемии наук. Т. III. СПб., 1999. С. 40–55.

ления немецкой учености соображениями государственной политики. Англичане жалели об отсутствии чувства пропорции, объективности и взвешенности решения — качеств, которых следовало бы ожидать от каждого ученого. Некоторые находили своих германских коллег доверчивыми, легковерными и послушными. Подобно тому, как в России освещались проблематичные аспекты развития науки в Германии, в Англии высказывались сомнения в немецкой учености. Во всяком случае, британская научная общественность реагировала неодинаково. Неприкрытые осуждения ни в коем случае не были типичными для нее, во всяком случае, в публичных высказываниях[67].

Для быстрой новой оценки военного противника, даже для переворота традиционного представления о нем, нашли параллели в других воевавших странах, не исключая Германию. Здесь перед войной научные отношения с Англией играли большую роль, и всё-таки, а может быть именно поэтому, немецкие ученые рассматривали Англию главным врагом в войне[68]. Быть может, самый разительный пример переоценки ценностей представляет изменение взглядов политэконома Вернера Зомбарта, который со своими «преувеличениями» остается, в конце концов, разумеется, «аутсайдером среди профессорской пропаганды войны». Зомбарт развивал уже в 1913 г. принципиальную типологию «торговцев и героев», давшую заглавие его пресловутому военному сочинению 1915 г. Но в 1913 г. он еще относил англичан (как и немцев) ко второй категории, тогда как во время войны — уже к торговцам, даже к лавочникам. Тем самым они являлись для Зомбарта полной противоположностью немецкого «геройства»[69].

Русское представление двух Германий было характерно и для союзников. Более того, они имело предшественника: уже после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. во Франции такое разделение стало обычным[70], а к началу Первой мировой войны его использовали и в Англии, но, в отличие от России, не как два разных исторических этапа, а как характеристику разных групп немецкого населения. Однако поведение

---

[67] Подробнее об этом см.: *Wallace*. War and the Image of Germany. Ch. 1.

[68] *Schwabe K*. Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieges. Göttingen; Zürich; Frankfurt, 1969. S. 26.

[69] *Lenger Fr*. Werner Sombart als Propagandist eines deutschen Krieges // Hg. Mommsen. Kultur und Krieg. S. 65–76. (S. 65, 68, 71).

[70] См.: *Völkel*. Geschichte als Vergeltung. S. 99–107.

немецких ученых уже к октябрю 1914 г. показало, что такое деление не соответствует действительности. И ведущий представитель точки зрения о существовании «двух Германий», ученый и политик лорд Джеймс Брайс, для которого еще в 1916 г. немецкий народ и германское правительство были две разные вещи, признал чудовищность Германии, подобно русским, приравняв ее к Пруссии[71].

Однако подобные попытки дифференциации (которые также подчеркивали общеевропейский образ ученых), встретили осуждение у немецких ученых. В «Заявлении преподавателей высших школ Германской Империи» подавляющее большинство немецких профессоров «с возмущением отвергало» различия, которые иностранцы находили между духом германской науки и прусским милитаризмом: «В германской армии нет иного духа, чем у немецкого народа, потому что они едины, и мы также часть этого единства». Доказательствами этому служило утверждение, что армия занимается и наукой, а военная служба подготавливает молодежь к науке. Далее они уверяли: «Этот дух живет не только в Пруссии, но и в любой из земель Германской империи»72. Возникшее только в шестидесятые годы XIX в. понятие «милитаризм» в кайзеровской империи употребляли только в критическом или даже уничижительном смысле, и всегда имели в виду других. В период Первой мировой войны, благодаря воззванию «К культурному миру» и последовавшему за ним «Заявлению преподавателей высших школ» его стали применять, обозначая положительное свойство армии и государственного строя[73]. Ученые идентифицировали себя с милитаризмом.

---

[71] См. цитату лорда Брайса (Lord Bryce) в публикации: *Wallace*. War and the Image of Germany. S. 31, 175.

[72] Декларация (или Заявление) была переиздана: *Böhme K*. (Hg.) Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1975. S. 49 и далее., цитата S. 49. Ср. также речь: Militarismus und Wissenschaft от 20 нояб. 1914 // Hg. U. von Wilamowitz-Moellendorf. Reden aus der Kriegszeit. Bd. 2–3. Berlin, 1915. (Bd.2. S. 32–47). Некоторые даже позднее сохранили убеждение о связи между германским милитаризмом и немецкой культурой, вроде математика Феликса Клейна, когда он критиковал отдельные места воззвания «К культурному миру» как неверные. *Tollmien C*. Die Universität Göttingen im Kaiserreich // Hg. R. von Thadden, G.J. Tritte. Geschichte einer Universitätsstadt. Bd. 3. Von der preußischen Mittelstadt zur südniedersächsischen Großstadt 1866–1989. Göttingen, 1999. S. 357–393 (S. 392).

[73] См. об этом и о направлениях прежнего критического взгляда: *Stumpf R.*, *Conze W.*, *Geyer M*. Militarismus // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches

Представление о сверхнациональном характере науке, которое столь решительно защищал Кареев, не исчезло в годы Первой мировой войны и в Германии, но играло не такую важную роль как отстаивание национальных целей. Это выразил берлинский филолог-классик Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф в своей речи «от имени университета» к 100-летию со дня рождения Бисмарка: «Бисмарк в нас, Германство сильнее даже самой науки»[74].

Макс Планк, правда, в 1915 г. объявил в день Лейбница (который ежегодно отмечала Прусская Академия в честь своего основателя), что отрицать вопрос о возобновлении международных контактов является прегрешением по отношению к науке. Но в отличие от Кареева, который имел в виду возобновление отношений сразу после войны, Планк полагал это возможным в принципе или, вероятно, не только по психологически-риторическим причинам — делом отдаленного будущего[75].

В данный же момент, более актуальным был вопрос о прекращении международного сотрудничества. Разумеется, при этом некоторые ученые уже призывали своих коллег подумать о будущем и осуждали все «дешевые демонстрации вне поля битвы». Но происходило это в письмах,[76] а не в публикациях, как у Кареева. Ученик Мейера Виктор

Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 4. Stuttgart, 1978. S. 1–47. (S. 1, 30–44). Интерпретацию «неограниченного признания германским духом милитаризма» критически рассмотрел Ungern-Sternberg: Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? S. 91 и далее.

[74] «Наука не принадлежит ни государству, ни народу. Тот согрешит пред ней, кто захочет лишить науку её сверхнациональной, сверхземной сущности. Но чему мы Вас теперь, прежде всего, должны научить, это тому, что мы сегодня сами узнаем о себе. То, чем была наполнена наша жизнь, что для нас было самым ценным, научная работа, стало для нас почти невозможным, потому что единственная мысль, занимающая нашу душу — это мысль об отечестве. Бисмарк в нас, германство сильнее даже самой науки». (Wilamowitz-Moellendorf. Reden aus der Kriegszeit. 3. S. 51–76. (S. 51, 76).

[75] Он поклялся сначала духу 4 августа и необходимости, в любом случае, сохранять единство нации. Затем добавил вопрос: возможно ли будет «когда-нибудь, может через поколения [!], снова, как прежде, собрать культурные нации для совместной научной работы» и ответил на это: «Если бы кто даже усомнился в этом вопросе, то согрешил бы пред духом науки». (Цитата из отчетов о заседаниях Академии за 1915). S. 484. *Mommsen.* Wissenschaft, Krieg und Berliner Akademie. S. 7 и далее).

[76] Поводом было предложение В. Зомбарта, прекратить отношения Германского общества социологии с Институтом Сольвея в Брюсселе. Цитата из

Эренберг в недоумении спрашивал своего учителя, действительно ли война означает «конец международной науки»[77].

А коллега Мейера по Академии, Адольф Эрман, в 1916 г. все еще придерживался интернациональности науки, которую сам Мейер называл «утопией»[78]. Политэконом Эберхард Готайн в письме своей жене подчеркнул необходимость «возобновить контакт с заграницей, после того, как фурия войны перебесится». Он считал, что «серьезная работа над общей объективной культурой никогда не должна прекращаться». Напротив, Вернер Зомбарт полагавший, что немцы «при «обмене... почти всегда были дающими», публично заявил: «... даже если бы все международные журналы погибли, если бы научный обмен отменили, для нас это не было бы никаким ущербом»[79].

Что касается решения об исключении подданных вражеских воюющих держав из ученых ассоциаций, то и немцы соблюдали осторожную сдержанность. Когда подписавшие воззвание «К культурному миру» (а не все немецкие ученые) были исключены из Парижских академий, многие члены Прусской академии наук требовали заявления, что отношения были прерваны французской стороной. Но принята была резолюция Планка и Эрдмана, согласно которой «все возможные шаги против Академий вражеских стран должны быть отложены до конца войны».[80] С другой стороны, сдержанность Академии как учреждения, сопровождалась широким участием многих отдельных ее членов в военной публицистике, т.е. «оправданием, даже ... агрессивной защитой ведения войны Империей»[81].

письма Г. Зиммельса Г. Беку от 12.10.1914 из: *Lenger*. Sombart, als Propagandist des Krieges. S. 71. Там же: напоминание Э. Жаффé [Edgar Jaffés] «думать о том, что будет потом» (письмо Зомбарту от 18.нояб. 1914). С. 70.

[77] «Что же, не могут более Гент и Виламовиц вместе обрабатывать Oxyrhynchus Papyri? Тогда я уже не знаю...». (Письмо от 19 апр. 1915 // *Audring Gert, Hoffmann Christhard, Ungern-Sternberg Jürgen, von*. Eduard Meyer–Victor Ehrenberg. Ein Briefwechsel 1914–1930. Berlin; Stuttgart. 1990. S. 50.

[78] Цитата из письма Эрмана от 03.апр.1916: *Ungern-Sternberg*. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? S. 81.

[79] *Sombart W*. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen. München; Leipzig. 1915. S. 136.

[80] Цитата из: *Ungern-Sternberg*. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? S. 82.

[81] *Mommsen*. Wissenschaft, Krieg und Berliner Akademie. S. 5.

Заключение

Российские ученые, как и их коллеги из всех участвовавших в войне стран, были охвачены патриотическим подъемом в начале войны, а также чувством солидарности с собственным правительством и армейским руководством, ведшими борьбу против врага. Принимая участие в военной публицистике, они, как и немцы, стремились дискредитировать противника и оправдать ведение войны своим правительством и русской армией. На первый взгляд, они кажутся более разумными и сдержанными, чем их немецкие коллеги[82]. Но насколько они отличались от них, еще предстоит выяснить соответствующими исследованиями с российской стороны и критическим рассмотрением существующих анализов немецкой ситуации[83]. Во всяком случае, относительно внутренней политики, в России ученые продолжали соблюдать дистанцию по отношению к собственному правительству, которая снова увеличилась и переросла в открытую оппозицию. Различия политических взглядов в ученом сообществе царской империи не позволили образовать блок против ученых вражеских держав. Это показывают отдельные ответы либеральных ученых, изложенные скромно, но отчетливо понятным образом для знатоков политического и образовательного ландшафта.

Защита германскими учеными не только действий армии, но и милитаризма, как такового, делала их в высшей степени чуждыми русским коллегам. Причину такого поведения они видели в однозначной ориентации немецких ученых на государство, которой русские ученые, исходя из привычного для них отношения к государству, противились. И в противоположность германскому оправданию эксцессов, они снова и снова отстаивали международное право.

---

[82] Сравните текст книги Э. Мейера и рецензию на нее М.И. Ростовцева: *Meyer E.* England. Seine staatliche und politische Entwicklung und der Krieg gegen Deutschland. Stuttgart; Berlin 1915 и *Ростовцев М.* Историк древности об Англии и Великой войне // Речь 11(24) янв. 1916. С. 2.

[83] Это запланировано в рамках сравнительного проекта автора о германских и русских университетах в Первую мировую войну. Инициативы к дифференцированной оценке высказываний, учитывая «полемическую ситуацию разговоров осени 1914 г.» и к точной интерпретации (которая различает воодушевление единством и возможно переоцененное военное воодушевление) в ст.: *Ungern-Sternberg*. Wie gibt man dem Sinnlosen einen Sinn? (Цитата со с. 92; о дифференциации понятий см.: С. 78, прим. 5).

В 1915 г. немецкий издатель документации «Война умов» (Krieg der Geister) ошибочно говорил о «герметической закрытости, которая отделяет российский духовный мир войны от остальной Европы»[84]. Однако, тот факт, что он не знал о русской реакции на заявления немецких ученых, говорит скорее об изоляции Германии. Именно в русских дебатах можно видеть, в какой степени авторы знакомы с западноевропейской культурой и как внимательно они следили за западной дискуссией еще во время войны[85]. Их реакция на немецкое воззвание показывает, что эпоха учебы у немцев, так называемой европеизации России со времени Петра Великого, завершилась, так как образ Германии у русских стал чем-то наподобие зеркального отражения образа России у немцев. Теперь они, в свою очередь, видели в немцах, в том числе в немецких ученых, только то слепое послушание, то подчинение государству, которые отмечали у русских немецкие путешественники прошлого. Русские ученые осуждали отсутствие независимости и характера у немецких ученых, и тем самым подтверждали, насколько глубоко они сами впитали ценности немецкого бюргерства.

Принимая участие в публицистических дебатах, они, с одной стороны, отмежевывались от немцев, а с другой, подтверждали общность ценностей (даже если уверяли, что немцы им изменили). Все это, т.е. отстаивание национальных целей собственной страны (пусть даже частично необдуманным и некритичным образом), новая оценка науч-

---

[84] *Kellermann*. Krieg der Geister. S. 48 и далее.

[85] В «Русских ведомостях», слывших профессорской газетой, были не только статьи о манифесте западных союзников, там напечатали также открытые письма Ромена Роллана и Герхарта Гауптмана: Русские ведомости. 1914. 19 сент. (1окт.). С. 2; 21 сент. (4 окт.). С. 6 и далее. Уже в начале ноября 1914 в «Одесских новостях» появилось сообщение о статье из октябрьской тетради «Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik» (*Иновин Ал.* Культурная Германия о войне // Одесские новости. 1914. 25 окт. (7 нояб.). С. 6. А из телефонного отчета корреспондента в Копенгагене читатели «Русских ведомостей» узнали о статье Теодора Вольфа в газете «Berliner Tageblatt», в которой он жаловался «на эксцессы немецких профессоров» («Berliner Tageblatt» против немецких профессоров // Русские ведомости. 1914. 27 ноябр. (10 дек.). С. 2). Во всяком случае, в сфере науки вскоре наступил разрыв: в 1915 г. в читальных залах университетов отсутствовали специальные журналы, не только немецкие, но и английские и французские: ранее их доставляли немецкие книготорговцы! (*Кареев.* Мысли о русской науке. С. 77 и далее).

ных партнеров, ставших врагами, похожая аргументация у русских и союзников, даже аналогичные ценности у русских и немцев, показало, как сильно враждовавшие стороны все еще были связаны общими принципиальными взглядами.

Я выражаю благодарность Л.А. Булгаковой (С.-Петербург) за поиск русских источников для моей статьи, обозначенной в примечании № 16, которые послужили основой и данной статьи, а также М.В. Горелику (Гёттинген) за огромную помощь при редакции перевода.

Авторизированный перевод Т. Маурер

Ш. Вольф

ФИЗИКИ В «ВОЙНЕ УМОВ»: ВОЗРАЖЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ВИНА ПРОТИВ «АНГЛИЦИЗМА»

Введение

Начало Первой мировой войны в Германии было встречено с воодушевлением, главным образом, зажиточной средней буржуазией. Особую роль при этом играла академическая элита.

В своих публичных заявлениях многие немецкие ученые выступали против попыток иностранцев провести различия между немецкой культурой и немецким милитаризмом. Самым известным из таких обращений стало «Воззвание к культурному миру», которое подписали 93 интеллектуала, широко признанные за рубежом. Это «воззвание» — одно из многочисленных заявлений и опровержений, совокупность которых вскоре была названа «война умов»[1].

Среди представителей немецкого академического сообщества особую роль сыграла небольшая группа физиков, чьи действия не преследовали целей воздействия на внешний мир, а были направлены на своеобразную «самомобилизацию», о которой после войны старался не вспоминать ни один из участников. Позднее, когда речь шла о международном сотрудничестве в области науки, часто цитировалось заявление Альберта Эйнштейна, сделанное в августе 1915 г., в котором он говорил, что представители естественнонаучных дисциплин проявили меньшую склонность к шовинизму, чем их коллеги-гуманитарии. В результате, когда речь заходила о науке в межнациональном разрезе, физики оставались в тени, оставляя львиную долю внимания гуманитариям[2].

Вообще говоря, международные связи в то время активно развивались (одним из результатов этого развития стали знаменитые конференции Сольвея в 1911 и 1913 гг.), и это, казалось бы, говорило скорее

---

1 *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. Dresden, 1915.

2 Письмо Эйнштейна Лорентцу от 02.08.1915 // Albert Einstein über den Frieden / Hg. O. Nathan, H. Norden; Bern, 1975; см. также: *Schulmann R. et al.* The Collected papers of Albert Einstein, Vol. 8: The Berlin Years: Correspondence 1914–1918, Part B: 1914–1917, Princeton, 1998. P. 155–156; *Tollmien C.* Der Krieg der Geister in der Provinz — das Beispiel der Universität Göttingen 1914–1919 // Göttinger Jahrbuch. 1992. № 40. S. 137–210. Цит.: S. 202.

об интернациональном характере науки. Впоследствии часто можно было услышать истории, которые подтверждали это мнение. Так, венский профессор Штефан Мейер (1872–1949), шутя, рассказывал о том, что у него был «английский военнопленный», студент по обмену, который после начала войны не мог вернуться на родину, но, благодаря вмешательству Мейера, не был интернирован и смог продолжить работу в его лаборатории. Российский подданный Пауль Софус Эпштейн находился в Мюнхене под надзором полиции, при этом он обладал свободой передвижения по территории института Арнольда Зоммерфельда (1868–1951)[3]. Тяжелее пришлось Петеру Прингсгейму (1881–1963) и Джеймсу Чедвику (1891–1974), когда они оказались в аналогичной ситуации. Прингсгейм был интернирован после участия в проводившейся в Австралии конференции «Британская ассоциация за развитие науки», а Чедвик, который работал в Берлине у Гейгера, во время войны был вынужден жить в так называемом «английском лагере» в берлинском предместье Рулебен. Так же 7 августа в Одессе были задержаны и участники российской экспедиции из Германии, занимавшиеся изучением затмения солнца[4]. Все эти факты говорят о том, что, на самом деле, и в научном сообществе того времени международная солидарность была лишь видимостью.

Помимо общего возмущения вступлением Англии в войну многие немецкие физики также выражали недовольство тем, что достижения немецких ученых были недостаточно высоко оценены их английскими коллегами, и более того, иногда выдавались ими за свои собственные. В знак протеста против политики Англии некоторые университетские

---

[3] *Lawson R.W.* Nachruf // Nature, 1950. № 165. P. 549; *Meyer H.* Fortschritt und Krisis 1914–1964 // Physikalische Blätter. 1965. № 21. S. 101–105. Об Эпштейне: *Eckert M.* Die Atomphysiker, Braunschweig, 1993. S. 54–55 и письмо Зоммерфельда Эпштейну от 12.02.1922 // Archiv Pasadena, CalTech Epstein 8.3, Internet: www.lrz-muenchen.de/ Sommerfeld/.

[4] Запись Sommerfeld an Wien am 25.12.1914 // Physikalische Zeitschrift. 1915. № 16. S. 16. Напечатано в: Arnold Sommerfeld Wissenschaftlicher Briefwechsel // Eckert M., Märker K.. Bd. 1. Berlin. 2000. S. 489–491. Что касается исследовательских контактов, см., например, письмо Прингсгейма Рутерфорду от 15.11.1915, письмо Чэдвика Рутерфорду от 14.09.1915, Наследие Рутерфорда / Университетская библиотека Кембриджа. Также упоминается: *McCormmach R.* Nachtgedanken eines klassischen Physikers. Frankfurt, 1984. S. 217–218; *Struve H. et al.* Sonnenfinsternis vom 21.August 1914 // Astronomische Nachrichten. 1914. № 199. S. 363–265.

преподаватели даже отказались от английских знаков отличия[5]. В их числе был лауреат Нобелевской премии 1905 г. Филипп Ленард (1862–1947), который пожертвовал семьям баденских борцов денежное вознаграждение, полагавшееся ему как обладателю медали им. Рамфорда, полученной в 1896 г. от Лондонского Королевского общества[6]. После начала войны из-под пера Ленарда вышла 16-страничная брошюра под названием «Англия и Германия во время великой войны». В ней он выразил свое критическое отношение к необоснованному восхищению английской наукой, которое, по его мнению, принижало немецкое национальное достоинство. Ленард выражал осуждение политики Англии, не проводя при этом различий между политическими и научными категориями и прибегая к непривычно агрессивной даже для того времени риторике. По словам Ленарда, война против этой страны была «крестовым походом ради торжества честности на земле»[7]. Многие коллеги Ленарда получили от него эту брошюру, в том числе Вильгельм Вин (1864–1928), который охотно поддержал формулировки Ленарда[8]. Остальные же адресаты поначалу восприняли брошюру Ленарда болезненно, поскольку видели в ней реакцию коллеги, который был обижен недостаточным вниманием к его трудам. Но вскоре точку зрения Ленарда, особенно некоторые его лозунги, уже разделяли большинство его коллег.

«Воззвание» Вина

Истоки

Среди уважаемых немецких физиков был политически мыслящий человек —Вильгельм Вин, лауреат Нобелевской премии 1911 г., который заведовал кафедрой в Вюрцбурге. В конце 1914 г. он осознал, что направленная против Англии инициатива содержит в себе возможность мобилизации немецких физиков. Эта идея пришла Вину в голову благодаря письму его коллеги из Аахена Йоханнеса Штарка (1874–1957), в котором он выражал свое недовольство по поводу письма Хендрика

---

[5] *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. S. 28–29.

[6] Вырезка из Heidelberger Tagesblatt от августа 1914 // Библиотека университета в Гейдельберге.

[7] *Lenard F.* England und Deutschland zur Zeit des großen Krieges. Heidelberg, 1914. S. 16.

[8] Письмо Вина Ленарду от 24.10.1914 // Nachlass Wien DMM.

Антоона Лорентца (1853–1928) и Пауля Эренфеста (1880–1933), преподававших в то время в нейтральных Нидерландах[9]. Они адресовали немецким физикам письмо, опровергавшее слухи о том, что бельгийские граждане нанесли немецким солдатам увечья, и приложили к письму отчет врача из Нидерландов[10]. Вместо того, чтобы попытаться выяснить суть происшедшего, Штарк выразил Вину свою обеспокоенность масштабами английского влияния в физике и «англоманией в немецких физических кругах»[11]. Штарк призывал Вина подготовить «воззвание» немецких физиков против «англомании» для того, чтобы защитить интересы «нашей», как он говорил, науки[12]. Как раз в декабре 1914 г. некоторым немецким профессорам, в том числе Ленарду и Вину, передали немецкий перевод заявления английских ученых, в котором они оправдывали политику Англии и ее решение вступить в войну[13]. Это заявление подписали восемь физиков. Разочарованный таким шагом, Вин отметил недостаточное понимание ими ситуации в Германии. В этих условиях идея, высказанная Штарком Вину, упала на благодарную почву. В своем ответе Штарку Вин говорил, что столь частое цитирование немецкими авторами английских источников в ущерб немецким неуместно, особенно если учитывать, что английские ученые

---

[9] Письмо Штарка Вину от 19.12.1914; также краткая ссылка на это письмо в Штаргардтском аукционном каталоге № 609. Марбург, 1976. С. 145.

[10] Заверенная Лорентцом и Эренфестом в ноябре 1914 г. копия сообщения доктора Ван дер Гота от 25.10.1914; письмо Штарка Эренфесту и Лорентцу от 12.12.1914; письмо Лорентца Штарку от 16.12.1914 // Nachlaß Stark, Lorentz 32–34, SBPK; письмо Эренфеста Штарку от 18.12.1914 // Nachlaß Stark, Ehrenfest, SBPK. См. также: *Hermann A.* Albert Einstein und Johannes Stark. Briefwechsel und Verhältnis der beiden Nobelpreisträger // Sudhoffs Archiv. 1966. № 50. S. 267–285. Цит. S. 280; Idem. H.A. Lorentz-Praeceptor Physicae, Sein Briefwechsel mit dem deutschen Nobelpreisträger Johannes Stark. Janus. 1966. № 53. S. 99–114.

[11] Штарк в письме Вину от 19.12. 1914 (см. прим. 9)

[12] Штарк в письме Вину от 19.12.1914 (там же)

[13] Экземпляр на четырех страницах в «Nachlaß Wien DMM». См. также: *B. vom Brocke*. Wissenschaft und Militarismus // Wilamowitz nach 50 Jahren / Hg. W.M. Calder, H. Flashar, T. Lindken, Darmstadt, 1985. S. 648–717; hier: S. 670–671. Не совсем точный перевод «Ответа немецким профессорам» со списком «подписантов» см.: *Kellermann H.* Der Krieg der Geister. S. 36–44. *Ungern-Sternberg J. u. W.* Der Aufruf «An die Kulturwelt!» das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. S. 95. Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914 // Библиотека университета Гейдельберг.

крайне редко дают ссылки на своих немецких коллег[14]. Однако Вину было недостаточно просто выразить свою позицию по данному вопросу. Ему было важно, чтобы физики в границах немецкоязычного пространства сумели четко сформулировать свою позицию, и чтобы эта позиция имела ощутимые последствия. Уже на следующий день Вин послал письмо с приложенным к нему проектом «воззвания» 21 известному физику. Среди адресатов помимо президента Императорского физико-технического института в Берлине были 16 заведующих физическими кафедрами в 14 из 20 других университетов (за исключением Вюрцбурга), по одному письму получили 11 высших технических школ Германии, в которых преподавалась физика (за исключением Аахена).

В своем письме Вин заявил, что, поскольку из письма английских коллег видно, что они не понимают ситуацию, он больше не надеется на то, что личные отношения между немцами и англичанами в обозримом будущем могут быть восстановлены. Вин говорил, что необходимо «вновь устранить необоснованное английское влияние, проникшее в немецкую физику». «Конечно, речь не идет об отрицании научных идей и инициатив английских ученых, но в нашей науке заметно увлечение немцев иностранным, которое так часто подвергается критике. В первую очередь, это проявляется в том, что в наших работах по физике научные достижения очень часто приписываются англичанам, в то время как в действительности эти результаты были получены нашими соотечественниками». Вин также осуждал публикацию немецких работ в английских журналах и то, что немецкие издатели выпускают большое количество английских книг. В завершение он указал, кому будет адресовано это «воззвание»: это «все преподаватели физики в университетах Германии, Австрии и немецкой части Швейцарии, а также все члены Немецкого физического общества»[15].

Первый из трех пунктов «воззвания» содержал положение о том, «что при цитировании используемой литературы англичанам не следует уделять больше внимания, чем соотечественникам, как это уже неоднократно случалось», и предполагал, таким образом, необоснованное количественное ограничение на цитирование английских источников даже на уровне отдельной публикации. В отличие от других воззваний, в которых как естествоиспытатели, так и представители

---

[14] Письмо Вина Штарку от 21.12.1914 // Nachlaß Stark. SBPK.

[15] Письмо Вина «Уважаемому господину коллеге» от 22.12.1914 // Nachlaß Sommerfeld, DMM NL 89Б 059. Напечатан: Eckert et al. S. 487–488.

других дисциплин выступали с оправданием войны и поддерживали армию, Вин в своем воззвании сделал попытку подчинить политическим критериям сами принципы науки. Ведь, являясь рабочим инструментом, цитирование в то же время имеет и этическое значение, поскольку содержит информацию о том, какие идеи и результаты были позаимствованы автором. Таким образом, формулируя данное положение, Вин покушался на этический принцип ученого.

В двух следующих положениях воззвания Вин призывал немецких физиков отказаться от публикаций в английских журналах, а издателей — печатать научные работы только на немецком языке и издавать переводы только в случае особой литературной ценности произведения.

Отказ Фридриха Пашена и берлинцев

Принципиальным отказом принять участие в акции ответили только два адресата воззвания. Фридрих Пашен (1865–1947) из Тюбингена, известный своими исследованиями в области спектроскопии, с недоумением отнесся к идее установить какие-то правила в этой сфере. Он считал также, что это может осложнить восстановление научных контактов после войны, и даже собирался написать опровержение[16]. Воззвание Вина было также отвергнуто Эмилем Варбургом (1846–1931), президентом расположенного в Берлине Императорского Физико-технического института. Он коротко ответил Вину, что в науке нет места политике и что он против каких-либо действий в указанном направлении[17].

В основе других отказов лежали не столь принципиальные возражения. Заведующий кафедрой в Берлине профессор Генрих Рубенс (1865–1922) ответил только в начале января, после того, как обсудил этот вопрос с коллегами после Рождества. Принципиальных возражений против «воззвания» он не высказал. Более того, Рубенс считал, что подобные правила установятся естественным путем. Однако на фоне многочисленных других воззваний он не видел смысла в еще

---

[16] Письмо Пашена Вину от 27.12.1914 и 24.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 627. Marburg, 1982, 60 und 677, 2003, 243. См. также: письмо Пашена Зоммерфельду от 07.02.1915 // Nachlaß Sommerfeld DMM, HS1977 — 28/A, 253, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

[17] Письмо Варбурга Вину от 28.12.1914 // Nachlaß Wien DMM; письмо Варбурга Вину от 21.01.1915 // Autograph I/1454, SBPK.

одном публичном заявлении, и поэтому не стал подписывать воззвание Вина[18].

Возможно, что среди тех, с кем обсуждал этот вопрос Рубенс, был и Макс Планк (1858–1947), занимавший должность заведующего кафедрой теоретической физики в Берлине. Его ответ был похож на ответ Рубенса. Планк заявил, что целиком и полностью поддерживает содержание «воззвания», но, поскольку идеи «воззвания» не потеряют свою актуальность и после войны, целесообразнее было бы сделать такое заявление после ее окончания. Для Планка важно было, чтобы ученые продемонстрировали иностранным державам, что они поддерживают армию. Поскольку это уже произошло, Планк на тот момент не видел необходимости в каких-либо дополнительных действиях[19].

Вольдемар Фойгт — документация внутреннего раздора

Вольдемар Фойгт (1850–1919), принимавший участие во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., достал старую униформу и вернулся в армию. Ему поручили осуществлять надзор за французскими и английскими ранеными. Он упрекал английских интеллигентов в том, что за них рискуют жизнью наемные солдаты, и считал, что каждый патриот обязан принести Германии личную жертву, когда ей угрожает опасность[20]. С другой стороны, Фойгт лучше, чем многие его немецкие коллеги, осознавал ценность международных научных контактов. Когда он был за границей, в частности в Лондоне и России, у него появились там знакомые, и даже после начала войны Фойгт с восторгом отзывался о бельгийце Сольвее и о проводившейся при его поддержке за год до этого конференции в Брюсселе. Выступая перед сотрудниками Гёттингенского университета 31 октября 1914 г., Фойгт говорил о конфликте между долгом патриота и приверженностью международным научным связям. В заключение Фойгт подчеркнул, что в этой ситуации важнее долг патриота, но при этом выразил сожаление по поводу того, что в жертву придется принести международные научные

---

[18] Письмо Рубенса Вину от 08.01.1915 //Autogr I/1257 SBPK, 22.01.1915, Nachlaß Wien DMM.

[19] Письмо Планка Вину от 01.01.1915 // Nachlaß Wien Nr. 78, SBPK.

[20] Письмо Фойгта Цееману от 05.09. и 24.09.1914 // Zeeman Papers Rijksarchief Haarlem.

связи: «Так разрушаются самые благородные культурные ценности, и мы, люди науки, наряду с потерями, которые мы несем вместе с другими, должны смириться и с этой потерей» [21]. Фойгт был согласен с содержанием «воззвания», но предложил разослать его коллегам после окончания войны.

Согласие без подписи: Рентген и Ленард

Для Вильгельма Конрада Рентгена (1845–1923) международные научные контакты имели скорее второстепенное значение, так как он вел замкнутый образ жизни, хотя и признавался в письме Лорентцу в апреле 1915 г., что, после того, как отношения со многими зарубежными коллегами были прекращены, он особенно ценит те немногие контакты, которые удалось сохранить[22]. Рентген писал Вину, что после начала войны по собственной инициативе в более узком кругу уже обсуждал затронутые в «воззвании» вопросы. Он сообщал о том, что все его личные контакты с англичанами были прерваны. Рентген разделял недовольство Вина «англоманией», но считал, что после войны личную переписку нужно возобновить. В то же время он считал, что в настоящий момент более важные вещи поставлены на карту[23].

Совсем по-другому звучал отказ Ленарда, который сначала с большим воодушевлением отозвался на воззвание Вина: «Как можете Вы сомневаться в моей самой активной поддержке?!» [24] Ленард писал, что, хотя уже в течение десяти лет он действует в духе «воззвания», до настоящего времени чувствовал себя одиноким в своих убеждениях. «Воззвание» же показало, что в условиях войны его позицию стали разделять многие.

---

[21] Ansprache gelegentlich der Zusammenkunft der Lehrer der Georgia-Augusta am 31.Oktober 1914 // Nachlaß Wien DMM. Об интернационализме Фойгта см. также: *Torkar G.* Die Ehrendoktorate des Woldemar Voigt: Auszüge aus den Aufzeichnungen seiner Ehefrau Marie // Wissenschaftliches Jahrbuch des Deutschen Museums 1989. München, 1989. S. 159–174.

[22] Письмо Рентгена Лорентцу от 12.04.1915, цит. по: *Fölsching*. Wilhelm Conrad Röntgen. München; Wien, 1995. S. 311.

[23] Письмо Рентгена Вину от 25.12.1914 и 21.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog. Marburg, 1976. Nr. 609. S. 140; открытка Рентгена, адресованная Вину, от 10.02.1915 // Nachlaß Wien DMM.

[24] Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914 // Heidelberger Hs. 3853, 1–3, Universitätsbibliothek Heidelberg.

Ленард внес несколько дополнений, которые носили более радикальный характер, но Вин не принял их, опасаясь, что для достижения консенсуса нужен все же более нейтральный вариант. Выражая свое разочарование, Ленард писал Вину: «Если когда-нибудь будет сделан по-настоящему решительный шаг, я буду активным участником; кроме того, я считаю, что этот лживый народ едва ли достоин того, чтобы тратить с ним время на что либо другое, кроме как на пальбу из пушек»[25]. Спустя несколько недель Ленард все же отметил заслугу Вина, говоря, что наконец-то было что-то сделано «в таком нужном направлении»[26].

Подписанты

Отказы подписать «воззвание» были рассмотрены подробно, так как благодаря их анализу был выявлен широкий спектр мнений. И хотя положительные ответы на письмо Вина едва ли требуют столь детальных комментариев, некоторые различия проявились и здесь. Вильгельм Халльвакс (1859–1922), Франц Химштедт (1852–1933), Вальтер Кениг (1859–1936), Отто Луммер (1860–1925) (снабдивший свой краткий ответ популярной в то время фразой «Боже, покарай Англию!»), Эдуард Рике (1845–1927), двоюродный брат Вильгельма Вина Макс Вин (1866–1938), Отто Винер (1862–1927) и Густав Ми (1868–1957) (считавший брошюру Ленарда «немного односторонней и слишком категоричной»), а также Франц Рихарц (1860–1920) (удивлявшийся, что у кого-то еще могут быть сомнения по этому поводу), выразили «воззванию» безоговорочную поддержку[27].

Экснер из Вены, хотя и считал сначала, что лучше подождать до окончания войны, не хотел оставаться в стороне, после того как большинство

---

[25] Письмо Ленарда Вину от 25.12.1914. 03.01 и 21.01.1915; Heidelberger Hs. 3853, 1-3, Universitätsbibliothek Heidelberg.

[26] Письмо Ленарда Вину от 23.03.1915 // Nachlaß Wien DMM.

[27] Письмо Халльвакса Вину от 21.01.1915; недатированный, отмеченный пометками экземляр первого проекта «воззвания»; письмо Химштедта Вину от 05.01. и 21.01.1915; письмо Кенига Вину от 02.01. и 02.02.1915; письмо Люммера Вину, без даты, по-видимому, относящееся к концу января 1915; письмо Вина Ми от 01.02.1915 // Nachlaß Wien DMM. Письмо Ми Вину от 06.01. и 02.02.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 609, Marburg 1976, 129. Письмо Рихарца Вину от 02.01. и 23.01.1915 // Nachlaß Wien DMM. Письмо Макса Вина Вину от 24.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 609, Marburg 1976, 152. Письмо венцев Вину от 21.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

коллег решили действовать без промедления[28]. Лехер, который тоже преподавал в Вене, обозначил в своем письме Вину возникший в этой ситуации конфликт. Заявляя о личной ненависти к англичанам, он, тем не менее, подчеркнул, что в науке подобным чувствам не место, ибо ей известна только истина, и потому она должна оставаться интернациональной. Требования Вина казались ему очевидными, но особого воодушевления по поводу этой акции он не испытывал и, как и Экснер, считал, что целесообразнее было бы подождать до заключения мира. Высказав свои возражения, Лехер заявил, что, несмотря ни на что, присоединяется к мнению большинства[29].

Сформулированный Лехером конфликт получил отражение даже в резком ответе Швейдлера из Инсбрука. Тем не менее, Швейдлер четко обозначил главный приоритет. «Исходя из того, что воззвание является косвенным признанием подписавшихся в том, что они проводят в жизнь свои национальные убеждения и хотят предостеречь от бесхарактерного космополитизма (допустимого с чисто профессиональной точки зрения)», он поддержал воззвание Вина[30].

Арнольд Зоммерфельд (1868–1951) поначалу одобрил воззвание. Однако, услышав критические замечания коллег из Гёттингена и Берлина о том, что письмо Вина могут интерпретировать как призыв отказаться от цитирования, решил, что публиковать «воззвание» не стоит. Зоммерфельд призывал считать «воззвание» секретной инструкцией, не допуская, чтобы о нем стало известно за границей[31]. За то, чтобы «воззвание» было документом для внутреннего пользования в кругу немецких и австрийских физиков и не подвергалось огласке, выступал и Эрнст Дорн (1848–1916). Он готов был подписать воззвание при выполнении этого условия[32].

Кроме Штарка, который дал импульс всему проекту, письмо подписали 16 человек. «Воззвание» было напечатано тиражом 700 экземп-

---

[28] Письмо Экснера Вину от 22.01.1915 // Autograph Nr. 1431. SBPK. Berlin.

[29] Письмо Лехера Вину от 31.12.1914 с пояснительной пометкой Экснера и письмо от 22.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

[30] Письмо Швайдлера Вину от 31.12.1914 и 23.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

[31] Письмо Зоммерфельда Вину от 22.01.1915 // Stargardt Auktionskatalog Nr. 627, Marburg 1982, 60. Письмо Зоммерфельда Вину от 03.05.1915, письмо Вина Зоммерфельду от 04.05.1915. Напечатано в: *Eckert et al.* (сноска 4), S. 493–495, а также в: Nachlaß, Wien. DMM.

[32] Письмо Дорна Вину от 10.01. и от 23.01.1915, письмо Вина Дорну от 08.01.1915 // Nachlaß Wien DMM.

ляров и в начале марта разослано в немецкие и австрийские высшие школы. Вузы немецкой части Швейцарии в список адресатов Вин не включил, исходя из своего восприятия ситуации в них[33]. Однако сохранять письмо в тайне удавалось недолго. 28 апреля 1915 г. в утреннем выпуске «Франкфуртер Цайтунг» появилась статья «Немецкие физики и Англия». Помимо отдельных фрагментов «воззвания» в ней был представлен полный список тех, кто его подписал[34].

Эпилог

После войны Вин и Ленард стремились наряду с децентрализацией Немецкого физического общества изменить правила подготовки физических сообщений. Некоторые идеи «воззвания» были озвучены вновь. Речь шла о том, чтобы при составлении рефератов соблюдалась «справедливость относительно немецкой литературы»[35]. По инициативе Ленарда Вин снова воплотил эту идею в конкретный проект и разослал соответствующее циркулярное письмо некоторым коллегам[36]. В соответствии с ним подготовка статей должна было быть не *«берлинским»* (термин, который якобы указывал на отсутствие национального достоинства), а общегерманским делом. Прежде всего, при этом необходимо было «гарантировать, чтобы немецкая литература учитывалась в достаточной степени по сравнению с иностранной»[37]. Контроль над выполнением этого требования Ленард предлагал поручить промежуточному звену редакторов, которые, когда это необходимо, вносили бы в статьи необходимые дополнения. В сентябре 1920 г. этот

---

[33] Письмо Вина Штарку от 26.02. 1915 // Nachlaß Stark SBPK; третье циркулярное письмо Вина от 19.01.1915 // и то, и другое из папки с копиями корреспонденции с Ми в Nachlaß Wien DMM.

[34] Die deutschen Physiker und England // Frankfurter Zeitung, 28.April 1915, Nr. 117; Erstes Morgenblatt. См. также Jahrbuch der Telegraphie und Telephonie, 1915. Bd. X. S. 181–185, в котором воспроизводился текст из газеты, снабженный дальнейшими комментариями.

[35] Письмо Вина Ленарду от 12.02.1920 // Kopie im Nachlaß Wien. DMM.

[36] Письма Вина Ленарду от 25.02., 01.03. и 09.04.1920 // Kopie im Nachlaß Wien DMM.

[37] Письмо Mey et al. Зоммерфельду от 28.04.1920: Отчет о совместном заседании представителей Немецкого физического общества и Немецкого общества технической физики 28.04.1920 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 8, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

проект готовы были одобрить 54 человека[38]. За день до начала работы осеннего заседания в курорте Наухайм Вин и Ленард обсуждали этот вопрос в узком кругу коллег (около десяти человек), исповедовавших народническое («фёлькиш») миросозерцание и относившихся по своим убеждениям к правому политическому спектру. На заседании, которое вошло в историю, прежде всего, из-за конфликта Эйнштейна и Ленарда, было принято решение о структурной реформе, а Вин был избран новым председателем «Немецкого физического общества». Однако предложения об изменении порядка цитирования приняты не были.

Вместе с тем продолжалось недовольство влиянием английских работ в физике. Его выражением стала бурная реакция немецких физиков на появление в 1925 г. в «Физическом журнале» публикации на английском языке. Как председатель Немецкого физического общества Макс Вин адресовал коллегам письмо, в котором он говорил о том, что публикация этой работы свидетельствует о «недостатке национального достоинства»[39]. В знак протеста Вин и его предшественник Химштедт ушли со своих постов. Вальтеру Нернсту (1864–1941), который считал, что на фоне более важных проблем, которые стоят перед немецкими физиками, этот случай имеет второстепенное значение, Химштедт возразил: «Для многих, надеюсь, для большинства коллег защита немецкого достоинства значительно важнее, чем физика»[40]. Еще раньше о своем выходе из рядов Немецкого физического общества в связи с публикацией этой статьи объявил Ленард[41]. По всей

---

[38] Письмо Ленарда Зоммерфельду от 02.09.1920 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 8, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/.

[39] Обращение Вина к членам комиссии журнала Немецкого физического общества 12.06.1925 // Nachlaß Wien DMM; Письмо М. Вина Зоммерфельду от 11.05.1925 // Nachlaß Sommerfeld DMM, NL 89, 018, Mappe 3, 7, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/; Письмо Макса Вина Вину от 30.05.1925 // Nachlaß Wien DMM; письмо Вина Планку в июле 1925 и Планка Вину от 25.07.1925 // Nachlaß Wien SBPK Berlin; речь шла о статье: *Ghosh R.N.* On the Electrical Conductivity of Heated Gas // Z. f. Physik, 1925. № 32. S. 113–118. Об этом см. также Hermann A. Die Deutsche Physikalische Gesellschaft 1899–1945 // Physikalische Blätter. 1995, № 51. F61-F105, цит. F89-F90.

[40] Письмо Химштедта Нернсту от 15.07.1925 // Nachlaß Wien DMM.

[41] Письмо Ленарда Максу Вину от 20.05.1925 / Kopie im Nachlaß Wien DMM; см. также Beyerchen A. Wissenschaftler unter Hitler. Frankfurt; Berlin; Wien, 1982. S. 139.

видимости, Лауэ был прав, когда говорил, что причины этих противоречий лежат в глубинных конфликтах, характеризующих «всю немецкую физику»[42].

Заключение

Значение «воззвания» ни в коем случае не ограничивается его непосредственным, скорее незначительным воздействием. Впоследствии инициатор «воззвания» Вин не питал иллюзий по поводу применения сформулированных им правил. В 1916 г., осознавая свое бессилие, он писал, что от «иностранщины», на борьбу с которой было брошено столько сил, вряд ли удастся избавиться[43]. «Воззвание» представляло собой нечто большее, чем просто технические указания о надлежащем способе цитирования английских изданий. Его необходимо рассматривать в контексте «войны умов», в которой оно заняло особое положение.

Сначала «воззвание» было реакцией на то, что известные английские физики оказались в числе подписавших заявление, в котором оправдывалось вступление Англии в войну. Возмущение, которое это заявление вызвало у немецких физиков, было созвучно ярко выраженному враждебному отношению к Англии, которое царило в обществе. Свою роль здесь сыграло и соперничество с английскими физиками. С другими странами такого соперничества не было ввиду их меньшего научного значения[44]. Однако немецкие физики вместо того, чтобы составить ответ английским коллегам, подписавшим это заявление, выразили свое недовольство в «воззвании», которое было адресовано внутрь сообщества и потому выполняло другие функции. Оно преследовало цель обеспечить немецким физикам престиж и общественное признание в их соревновании с Англией. При этом едва ли обсуждался вопрос, насколько сформулированные правила практичны, и способно ли их соблюдение привести к желаемой цели. Таким образом, другой, возможно, более важной причиной появления «воззвания» стала необходимость мобилизации немецких физиков.

---

[42] Письмо Лауэ Зоммерфельду от 20.07.1925, DMM HS 1977 — 28/A, 197, Internet: www.lrz-muenchen.de/~Sommerfeld/

[43] Письмо Вина Ленарду от 19.06.1916 // Nachlaß Wien DMM.

[44] Согласно Вину от других народов не исходило такого «вредного влияния» // Письмо Вина Зоммерфельду от 04.05. 1915 (сноска 31).

Вин считал «иностранщину» симптомом недостатка национального достоинства[45]. В атмосфере, сложившейся после начала войны, оказалось, что в этих категориях заложен потенциал для мобилизации немецкого сообщества физиков. Часто превозносимый интернациональный характер науки воспринимался отныне исключительно как инструмент для осуществления информационного обмена, и лишь немногие ученые, главным образом представители старшего поколения (Фойгт) вспоминали о международном научном сообществе как о сообществе наднациональном.

В других воюющих странах ученые также принимали участие в шовинистической травле. При этом ученые не только обсуждали политические вопросы, но и не стеснялись соединить их с нападками на содержание научного творчества. Так, в изданной во Франции в 1916 г. книге «Немцы и наука» 23 автора, представлявшие различные специальности, выразили свою негативную оценку немецкой науки. Их упрек в том, что работам французских авторов не уделяется достаточного внимания, был созвучен идеям «воззвания». Физик Пьер Дюгем (1861–1916), говоря о теории относительности, даже заявил, будто немецкие ученые пренебрегают здравым смыслом[46].

Тем не менее, «воззвание» представляло собой нечто иное. Оно стало согласованной акцией, которая была направлена на мобилизацию ученых всей отрасли, а потому стояло в «войне умов» особняком. Внутренние противоречия, проявившиеся при этом среди немецких физиков, не исчезли и после окончания войны. Во время дискуссии, развернувшейся в 1920 г. на страницах журналов, прозвучали знакомые еще со времен борьбы с «англоманией» идеи о признании немецкой литературы, связанные с народническим («фёлькиш») миросозерцанием. Эти лозунги разделяли Ленард и Штарк, относительно рано выразившие поддержку национал-социализму, Вильгельм Вин, который всегда брал инициативу в свои руки, а также влиятельные группы немецких физиков. «Война умов» обнажила идеологические проблемы внутри физического сообщества Германии.

---

[45] *Wien*. Die künftigen Kulturbeziehungen der Völker / машинописный манускрипт, дата не проставлена, 19 страниц, с. 4 // Nachlaß Wien DMM.

[46] *Kleinert A*. Von der Science Allemande zur deutschen Physik // Francia, № 6, 1978. S. 509–525, цит. 519. См. Также: *Berliner A*. Die Deutschen und die Wissenschaft // Die Naturwissenschaften. 1917. № 5. S. 652–654.

Приложение
Воззвание

Во время войны отношения ученых-физиков с враждебными странами будут регулироваться иначе. В особенности это касается Англии — после того, как английские ученые, в том числе восемь известных физиков (Брэгг, Крукс, Флеминг, Лэмб, Лодж, Рамзай, Рэлей, Дж. Дж. Томсон), подписали враждебное, игнорирующее ситуацию в Германии заявление.

Заявление английских ученых показало, что попытки прийти к взаимопониманию с англичанами, которые предпринимаются уже много лет, оказались неудачными и в обозримом будущем не могут быть предприняты снова. Уступки, на которые мы шли в целях сближения научных кругов обоих народов, теперь ничем не оправданы. Поэтому необходимо снова освободить немецкую физику от необоснованного английского влияния.

Конечно, речь не идет об отрицании научных идей и предложений английских ученых. Но увлечение немцев иностранным, которое часто подвергается критике, стало столь заметно в нашей науке, что на него необходимо указать.

Высказав эти соображения, для начала ограничимся тем, что предложим всем физикам действовать в соответствии со следующими правилами:

1. В списке литературы английские авторы не должны упоминаться чаще, чем наши соотечественники, как это уже не раз случалось.
2. Немецкие физики должны отказаться от публикации в английских журналах своих статей за исключением работ, содержащих возражения.
3. Издатели должны публиковать научные работы только на немецком языке, а переводы издавать лишь в случае признанной экспертами исключительной литературной ценности произведения.
4. Переводы не должны осуществляться за счет средств государственной казны.

Э. Дорн, Ф. Экснер, В. Халльвакс, Ф. Химштедт, В. Кениг, Э. Лехер, О. Луммер, Г. Ми, Ф. Рихарц, Э. Рике, Э. фон Швейдлер, А. Зоммерфельд, Й. Штарк, М. Вин, О. Винер.

Перевод О.Ю. Лашкул

Э. Фукс

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Историческое место Первой мировой войны и ее транснациональные последствия являются вечными темами для историков. Будучи «тотальной», эта «великая война», так или иначе, сказалась на каждом члене общества и потребовала от ее участников всех экономических, административных и человеческих ресурсов. Мобилизация ученых для проведения исследований в военных целях стала одним из решающих средств ведения войны, содействуя тем самым учреждению новых национальных и международных институтов по координации научных исследований.

Хотя не следует переоценивать значение науки и техники в этой «новой войне науки и информации»[1], к нашему удивлению, все еще нет систематического исторического исследования этого значения, как на национальном, так и международном уровнях. Что касается международных последствий войны, то в историческом дискурсе превалировало мнение о прекращении международного сотрудничества до середины 1920-х гг. С этой точки зрения война рассматривалась как главная причина разрыва с практикой и этическими нормами научного интернационализма XIX в.[2]

Я постараюсь пересмотреть этот тезис, фокусируя внимание на научных институтах, которые возникли в результате войны и были нацелены на интенсификацию международного научного сотрудничества в послевоенный период. «Научный интернационализм» далее используется в двух значениях: во-первых, как «интернационализация», что означает социальную практику международных научных связей посредством организаций, институтов и коммуникаций; во-вторых, как «интернационализм». Во втором значении этот термин образует ряд нормативных положений, которые восходят к этосу современной науки. Этот этос основан на вере в объективный характер науки и ее универсальность, а также в существование космополитического научного сообщества,

---

1 *MacLeod R.* Secrets Among Friends: The Research Information Service and the «Special Relationship» in Allied Scientific Information and Intelligence, 1916–1918 // Minerva. 1999. Vol. 37. P. 202.

2 The Mechanics of Internationalism. Culture, Society and Politics from the 1840s to the First World War // Eds. M.H. Geyer, J. Paulmann. Oxford, 2001.

разделяющего взгляды на то, что международное сотрудничество — нормативная предпосылка для получения знаний и обмена ими, которая с учетом социальных последствий преследует цель добиться прогресса человечества и международного взаимопонимания[3].

В своем подходе к этой проблеме я делаю акцент на обоих типах научного интернационализма и следую двум тезисам. Во-первых, я доказываю, что Первая мировая война не привела к разрушению научного интернационализма, а, совсем наоборот, он географически расширился и никогда не отказывался от социальной практики и этоса предвоенного периода. Во-вторых, я стараюсь показать, что главным последствием войны для мировой науки было становление США как лидирующей научной силы, игравшей с того времени главную роль в ее организации. В связи с этим я начну с научного сотрудничества между союзниками, продолжу странами Тихоокеанского бассейна и Латинской Америки, а закончу Россией.

Союзники

Как только началась война, в США, как и в других воюющих странах, начались важные реформы в политической администрации направленные на то, чтобы эффективнее использовать науку и технику в военных целях. Управление изобретениями (Direction des inventions interéssant de la Défense nationale) в Париже; Комитет по научным и промышленным исследованиям (Board of Invention and Research) в Лондоне; Отдел военного сырья и Фонд кайзера Вильгельма для военно-технических наук (Kriegsrohstoffabteilung und Kaiser-Wilhelm-Stiftung für Kriegstechnische Wissenschaft) в Берлине; и Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в Петрограде относятся к числу новых учреждений. В США Академия наук и Национальный совет по

[3] См.: *Danneberg L., Schönert J.* Zur Transnationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // Wie international ist die Literaturwissenschaft? / Eds. L. Danneberg, F. Vollhardt in Zusammenarbeit mit H. Böhme und J. Schönert. Stuttgart, 1996. S. 7–85; *Metzler G.* Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Community 1900–1960. Göttingen, 2000. S. 12. О научном интернационализме в общем см: *Geyer M., Paulmann J.* Introduction: The Mechanics of Internationalism // The Mechanics of Internationalism. S. 1–25; Madeleine Herren, Hintertüren zur Macht. Internationalismus und modernisierungsorientierte Außenpolitik in Belgien, der Schweiz und den USA 1865–1914. München, 2000.

науке (NRC) в Вашингтоне стали главными учреждениями по координации и мобилизации науки в военных целях. Национальная Академия наук США, основанная в 1863 г. как правительственный научно-консультационный институт и до 1914 г. имевшая незначительное политическое влияние, положила начало координации научных исследований в стране. После того, как немецкие субмарины стали топить американские пароходы, президент США В. Вильсон принял предложение Академии наук о создании центрального учреждения для координации военных научно-технических исследований. Национальный Совет по науке был основан в сентябре 1916 г. а в начале 1917 г. был создан Департамент по науке и научным исследованиям как секция Совета национальной обороны. Ее членами были военные, директора ведущих научных учреждений, таких как Смитсоновский институт и Комитет стандартов, ученые университетов и представители научно-инженерных сотрудников из промышленности. Деятельность Национального совета по науке была направлена на централизацию и координацию научных исследований для решения военных проблем, чтобы гарантировать выпуск вооружения, не завися от импорта из Германии. Вся научно-исследовательская работа находилась под непосредственным контролем правительства, однако ее финансирование проводилось не только из государственных средств. Без пожертвований со стороны филантропических учреждений и академических обществ на разработку научных исследований потребовалось бы гораздо больше времени, прежде чем Национальный Совет по науке смог бы начать свою деятельность. Именно пожертвования позволили за короткий срок создать многочисленные филиалы фактически по всем отраслям военно-научной тематики.

Директор Национального совета по науке и главный администратор его отдела по внешним связям Дж. Э. Хейл стал главной фигурой на правительственном уровне по организации научных исследований и сотрудничества между различными учреждениями. Хейл, директор знаменитой обсерватории на горе Вильсон (Mt. Wilson), имел международную репутацию, основав Международный союз по исследованию солнца. Благодаря своим многочисленным международным связям, начиная с 1910 г. он был секретарем иностранных дел в Национальной Академии наук. Помимо работы по координации военно-научных исследований Хейл одной из своих главных задач считал установление тесного международного сотрудничества с американскими союзниками в Европе. С этой целью был создан Комитет международной служ-

бы, который сразу же завязал связи с Академиями наук в Лондоне, Париже, Петрограде и Риме. Несмотря на вовлечение многих ученых в исследовательскую работу по военной тематике, единую политику в этих странах, а также на попытки двустороннего сотрудничества между Францией и Великобританией, координированных действий в области военных исследований в течение первых двух лет войны не было.

Все изменилось в 1917 г. В апреле этого года в Британию и Францию отправилась делегация Комитета международной службы с тем, чтобы получить от государственных и научных учреждений, ответственных за военные исследования, информацию о социальных, экономических, технических и военных проблемах. Американцы увидели неблагополучную ситуацию во Франции и содействовали усилению научного сотрудничества. Американцы были заинтересованы не только в поддержке союзников, но и в использовании военного опыта, технических новшеств и результатов экспериментальных исследований американской военной машиной. Уже спустя месяц, в мае 1917 г., «англо-французская научная миссия» пересекла Атлантический океан, чтобы обменяться знаниями и обсудить формы и выявить области сотрудничества. Кульминационным моментом данной миссии была конференция по подводным лодкам и открытие базы для субмарин в штате Коннектикут.

Для того, чтобы установить систематические контакты со своими союзниками в декабре 1917 г. Национальный совет по науке учредил Комитет по научной информации (позднее переименованный в Службу научной информации), который незамедлительно назначил так называемых «научных атташе» в американские посольства в Лондоне, Париже и Риме. Этот шаг привел к более координированному научному сотрудничеству, включавшему в себя обмен научными результатами и учеными. В создании Службы информации и института «научных атташе» отразилась важность науки, научно-технического сотрудничества и коммуникаций для военных усилий союзников. Политическое отношение к науке, как в зеркале, отражалось и на ученых, один из которых сказал: «Что поражает меня больше всего, так это огромный диапазон, в котором используется научная работа. Без сомнения труд ученых сотрудников так же важен для победоносной войны, как и усилия военных»[4].

---

[4] Reid to Hale. 1 June 1917 // Archives of National Academy of Sciences (NAS), 1914–1918. Administration, Executive Committee, Foreign Service Committee, March 1917.

Однако новая форма международного научного сотрудничества в условиях войны и разрушений формировалось не без сложностей. Проблемы были связаны с недостаточной координацией между различными государственными службами, армией и морским флотом, с нечетким распределением полномочий, проволочкой в обмене результатами научных исследований, бюрократической канцелярщиной и конкуренцией между учеными, учреждениями и тремя странами, а также разными точками зрения на методы науки. Например, лондонский «научный атташе» сообщал, что некоторые ученые, прибывшие из США по обмену, не могли справиться с «грубыми и легковесными методами, которые преподносятся британскими экспериментаторами. Они говорят, что эти методы «ненаучны», что значительно лучше и более тщательно такая работа выполняется в Соединенных Штатах»[5]. Все вместе: посылка «научных атташе», регулярные научные встречи и конференции, обмен информацией и учеными служили не только интересам национальной обороны четырех стран. Многие из этих контактов шли по каналам американской секретной службы, например, через Американскую военно-техническую миссию, которая использовала ученых с целью получения секретной военной информации. Это явилось одной из главных причин, почему офисы «научных атташе» были закрыты в 1919 г., но Служба исследовательской информации и заново основанный Отдел международных связей принял дела от Национального совета по науке.

В конечном счете, сотрудничество союзников во время войны дало уникальную возможность США догнать передовую европейскую науку. Вместе с тем предполагалось, что новые формы научных контактов между союзниками станут базой для организации новой системы международного научного сотрудничества в послевоенный период. Уже в 1917 г. Хейл и А. Шустер из Лондонского Королевского общества стали первыми, кто предпринял усилия по восстановлению международного сообщества. Еще ранее Хейл выказывал недовольство работой Международной ассоциации академий. В 1917 г. он предложил, беря за пример Национальный совет по науке, создать Международный совет по научным исследованиям. Дебаты между Э. Пикаром, секретарем Французской академии наук, Шустером и Хейлом относительно структуры новой организации и будущей роли Германии отражены в документах, на

[5] Bumstead to Hale. 8 May 1918 // Archives of NAS. 1914–1918, Divisions of the NRC. General Relations, Research Information Service, Foreign Offices. London, General, March 1918.

которых мы здесь не будем останавливаться. В конце концов, предложение американцев создать национальные советы по научным исследованиям в качестве основы международной организации, было принято. Осенью 1918 г. в Лондоне на конференции союзных академий был создан Межсоюзнический совет исследований, который в 1919 г. в Брюсселе был переименован в Международный совет исследований. Цель и дух новой организации не отличались от ее предвоенных предшественников. Как сказал Хейл: «Приятно ... видеть ученых, собравшихся со всех частей света, работающих вместе в полном сердечном согласии и с полным пренебрежением к национальным границам. Таким людям со временем обеспечено более широкое влияния и в национальных делах, так как ценность их знаний и опыта все больше и больше признается государством. Поэтому я верю, что поддержка и расширение международного сотрудничества в научных исследованиях станет благоприятным полем деятельности для всех, кто заинтересован в деле обеспечения мира»[6].

Нет сомнения в том, что политические мотивы были основной движущей силой к учреждению новой организации. В Европе процесс интернационализации науки сопровождался напряженными отношениями между национализмом и космополитизмом, совпадая с расцветом национальной науки и националистического мышления. Международные институты, таким образом, обеспечили платформу, на которой за счет науки можно было использовать политические разногласия. Несмотря на то, что немцы не были допущены в МСИ, а позднее и в Международный союз академий, американцы и представители бывших нейтральных стран демонстрировали успехи в науке благодаря своей трезвой политике во взаимоотношениях с Германией. Требования Франции и Бельгии исключить немецких ученых из всех международных ассоциаций, прекратить всяческие контакты с ними, уволить всех немецких членов из зарубежных академий наук не нашло своего отражения в уставе МСИ.

Научный интернационализм за пределами Европы: Тихоокеанский бассейн и Латинская Америка

Вряд ли европейские ученые заметили, что международное научное сообщество начало проникать в неевропейские районы — особенно в связи с международными конгрессами в странах Азии и Ла-

[6] Цит.: *Wright H.* Explorer of the Universe. A Biography of George Ellery Hale, New York, 1966. P. 303.

тинской Америки — еще в начале XX столетия[7]. Среди американских ученых, однако, интерес в данной области проявился еще до 1914 г. Гарвардский географ В.М. Дэвис был одним из первых среди ученых, кто призвал к научному исследованию Тихого океана. В 1916 г. он организовал симпозиум по проблемам исследования Тихого океана в рамках годичной конференции Национальной академии наук, где представил план систематического изучения Тихого океана в послевоенный период[8]. В то же самое время группа американских ученых с Западного побережья обсуждала эту тему на годичной конференции Американской ассоциации за научный прогресс в 1915 г. Спустя год протагонисты с Восточного и Западного побережий встретились и объединили свои планы в рамках деятельности Комитета по исследованию Тихого океана при Национальной академии наук. Его задача состояла в координации американских исследований Тихого океана и налаживании международного сотрудничества. Этот комитет, который в 1920 г. стал частью Национального совета по науке, решил организовать научный конгресс в Гонолулу. И это не удивительно, поскольку программа совместного изучения Тихоокеанского бассейна исходила от Института по исследованию Тихого океана, основанного в 1907 г., и Пантихоокеанского союза (1917). В обоих институтах идея создания «международного братства» совпала с планами научного исследования Тихого океана[9].

---

[7] Конгресс по социальным наукам состоялся в Мельбурне в 1880 г. по случаю Всемирной выставки, 14-й конгресс ориенталистов — в Алжире в 1905 г., 11-й конгресс американистов — в Мехико в 1895 г., 17-й — в Буэнос-Айресе в 1912 г. Предложение провести 9-й конгресс ориенталистов в Каире, выдвинутое в Стокгольме в 1889 г., было отвергнуто участниками.

[8] *Davis W.M.* The Exploration of the Pacific // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1916. № 2. P. 391–394.

[9] Подробнее о ранней истории Тихоокеанских конгрессов см.: *Rehbock Ph. F.* Organizing Pacific Science: Local and International Origins of the Pacific Science Association // Nature in its Greatest Extent. Western Science in the Pacific / Eds. R. MacLeod & P. Rehbock. Honolulu, 1988. P. 195–221. Общий обзор см.: *Elkin A.P.* Pacific Science Association: Its History and Role in International Cooperation // Bernice P. Bishop Museum. Special Publication. Vol. 48. Honolulu, 1961. Дополнительные материалы: Report on the Pacific Science Association. Bernice P. Bishop Museum. Special Publication. Vol. 41. Prepared by the Secretariat of the Pacific Science Council, Honolulu, 1951. Я хотел бы поблагодарить Льюса Элдриджа, исполнительного секретаря

Без сомнения, несмотря на предварительную работу Тихоокеанского союза и Института исследований Тихого океана, заслуга созыва первого конгресса с участниками из семи стран, в первую очередь, принадлежит американцам. Организация, подготовка программы и ее выполнение были в ведении Комитета по исследованию Тихого океана, который стал «подлинным отцом этого начинания»[10].

Гавайцы боялись, что Соединенные Штаты возьмут под контроль работы по Тихому океану, и эти опасения имели под собой основание. Однако вскоре Пантихоокеанский союз должен был признать, что без поддержки американцев им не осуществить свои амбициозные планы. Инициатива американцев скоро привела к установлению тесных взаимоотношений с научными институтами из Канады, Японии, Филиппин, Австралии и Новой Зеландии. А Комитет по тихоокеанским исследованиям провел предварительные переговоры в 1921–1922 гг. с соответствующими научными и правительственными учреждениями, которые были решающими для созыва второго конгресса[11].

На втором Пантихоокеанском научном конгрессе (Мельбурн, Сидней, 1923) было решено учредить Тихоокеанскую научную ассоциацию, которая в конце концов была создана на четвертом конгрессе в Токио в 1926 г., и ее участниками стали представители из четырнадцати стран[12]. В своем уставе Ассоциация утвердила две основные задачи: продви-

---

этого музея в Гонолулу за предоставление в мое распоряжение этих двух публикаций.

[10] Objects and Organization of the Pan-Pacific Science Congresses // Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress / Ed. G. Lightfoot. Australia, 1923. Held Under the Auspices of The Australian National Research Council and Through the Generosity of The Commonwealth and State Governments. Vol. 1. Melbourne, 1923. P. 1590. Из американских институтов большой вклад в организацию этого конгресса внесли также Музей епископа Бернике в Гонолулу, Институт Карнеги, Американский музей естественной истории и Калифорнийская Академии наук. См.: *Herbert E. Gregory*. Memorandum for the Secretary of the Navy of January 13, 1922 // Archives of NAS. NAS 1919–1939, Foreign Relations: Committee on Pacific Investigations, 1921–1924, General.

[11] Second Pan-Pacific Science Congress, Introductory Note // Archives of NAS. NAS 1919–1939. Foreign Relations: International Congresses, Pan-Pacific Science: Second, Melbourn; Sydney: General.

[12] Это были Австралия, Великобритания, Гавайи, Голландия, Голландская Индия, Индо-Китай, Канада, Китай, Новая Зеландия, Филиппинские острова, Франция, СССР, США и Япония.

жение научного сотрудничества и сохранение мира между народами и странами Тихоокеанского побережья[13].

Поражает факт, что, как и в период Первой мировой войны, так и после, когда идея о создании в Европе интернационального миролюбивого научного сообщества была почти иллюзорной, ученые вновь собрались вместе под влиянием тех же самых идей. Мирное равноправное сотрудничество, в которое больше не верили воевавшие европейские нации, вновь становилось реальностью в Тихоокеанском бассейне. Президент конгресса в Мельбурне сэр Д.О. Массон пояснил в своем инаугурационном обращении, что ведущим мотивом Конгресса является сохранение «мира между нациями». Другие ораторы призывали к «культурным связям», «связям между нациями на основе интеллектуального сотрудничества при обоюдном уважении и доверии»[14].

В противоположность Пантихоокеанским научным конгрессам инициатива по установлению научного сотрудничества в Латинской Америке исходила не от США, а от Аргентины в 1870-х гг. Но это было только до 1898 г., когда в столице Аргентины состоялся Латиноамериканский конгресс, который стал первым в длинном списке южноамериканских конгрессов, созываемых регулярно[15]. Следующие конгрессы проходили в 1901 г. в Монтевидео и в 1905 г. снова в Рио-де-Жанейро.

В 1908 г. на четвертом Конгрессе, проходившем в столице Чили Сантьяго, впервые принимали участие все (21) южноамериканские республики. Эта конференция расширила географию стран-участников до всего американского континента, так как были приглашены и США. Включение «саксонских американцев» в состав Латиноамериканских конгрессов, а затем в Панамериканский конгресс символизировало отказ от этнически определенного членства в Южноамерикан-

---

[13] См.: Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress. Australia, 1923. P. 39; The National Research Council of Japan. Proceedings of the Third Pan-Pacific Science Congress. Tokyo. October 30th-November 11th, 1926. Held under the Auspices of the National Research Council of Japan and through the Generosity of the Imperial Japanese Government. Vol. 1. Tokyo, 1928. P. 98.

[14] Proceedings of the Pan-Pacific Science Congress Australia, 1923. P. 17, 27.

[15] Общество по изучению Латинской Америки было основано в 1872 г. Кроме издания «Анналов» оно организовало научно-техническую выставку в 1875–1876 гг. и было инициатором экспедиции в Анды. См.: Sociedad científica Argentina. Congreso Científico Internacional Americano. Buenos Aires, 1910. P. 7.

ском научном сообществе[16]. Это стало также знаменательным фактом, поскольку один из национальных институтов превратился в Международный научный форум.

Панамериканские конгрессы отразили по-новому научные амбиции южноамериканцев и показали миру не только их научные достижения во многих областях науки, но также сплоченность ученых Западного полушария. Превращение этих конференций в символ единства двух Америк, начавшееся в Сантьяго, завершилось подчинением этого научного форума политическим целям США, что произошло в 1915 г. в Вашингтоне, где 5-й Панамериканский конгресс призвал к учреждению панамериканизма в западном полушарии[17]. Конгресс был организован в тесном сотрудничестве с Панамериканским союзом, отметившим свою 25-ю годовщину в 1915 г., и с правительством США. Ввиду войны в Европе, политическая миссия Конгресса была изложена в циркулярном письме американской прессы, в котором говорилось, что учреждение панамериканизма — это осуществление мечты Дж. Монро и С. Боливара, т.е. создание «новой всемирной группы» в контексте «нового интернационализма». С этой точки зрения у новой панамериканской группы молодых наций была задача восстановления политических, экономических и интеллектуальных разрушений, вызванных войной. Не должно было быть и тени сомнений в том, что это возрождение будет осуществлено под руководством США. Штаб-квартира Панамериканского Союза в Вашингтоне рассматривалась как «Капитолий Пан-Америки»[18].

---

[16] Этот и следующие Панамериканские конгрессы в 1915–1917 гг. в Вашингтоне и в 1924–1925 гг. в Лиме первоначально считались первым тремя Панамериканскими конгрессами. В Лиме было решено включить Латиноамериканские научные конгрессы в их число. В результате конгресс в Лиме стал считаться шестым Панамериканским научным конгрессом. См.: Report of the Delegates of the United States of America to The Third Pan American Scientific Congress. Held at Lima, Peru. December 20, 1924 to January 6, 1925. Washington, 1925. Дополнительно к этой серии Международный американский научный конгресс проходил в Буэнос-Айресе по случаю столетия майской революции. См.: Sociedad científica Argentina. Congreso Científico Internacional Americano. Buenos Aires, 1910. Европейские ученые также участвовали в этом конгрессе.

[17] *Seidel R.N.* Progressive Pan Americanism: Development and United States Policy Towards South America, 1906–1931. Ph.D. diss., Cornell University. 1973.

[18] *Swiggett G.L.* Circular Letter to the Press // Second Pan American Scientific Congress. Report of the Secretary General.

Южноамериканские республики встали под американское знамя. Интернационалистическая доктрина панамериканизма, интегрированная США в традицию южноамериканской освободительной борьбы, преследовала цель замаскировать угрозу американского империализма в Южной Америке. Для преодоления изоляции народов Америки был выдвинут лозунг континентальной солидарности и создания единой идентичности для обеих Америк, а именно «американской» идентичности, что в итоге и стало лейтмотивом движения по организации конгрессов, имевшего своей целью возвестить о новой эпохе интеллектуального сотрудничества в Западном полушарии[19].

Россия

В отличие от неевропейских стран Россия стала частью западного международного научного сообщества уже в XIX в. Хотя предреволюционная Россия в области науки все еще отставала от ведущих европейских стран, в этой стране была разработана современная институциональная структура научных обществ, университетов и Императорской академии наук, которая дала немало ученых с мировой репутацией. Однако ограниченное финансирование, политическая обструкция со стороны царского правительства, экономическая отсталость России, недостаток промышленных исследований, слабое спонсирование науки, социальные перевороты — все это усложняло работу ученых, и вынуждало российских выпускников продолжать обучение за рубежом. «Большой науки» еще не было, но Академия наук стала ведущим национальным научным учреждением[20]. Наука была полностью централизованной, и такими же централизованными были и международные контакты.

Если иметь в виду, что международные контакты российской науки имели двухвековую историю, то не удивительно, что Императорская академия наук вступила в Международную ассоциацию академий в 1899 г. В 1913 г. она организовала конференцию академий в Санкт-Петербурге[21].

---

[19] Report of the Delegates of the United States to the Pan-American Scientific Congress. 1909. P. 13.

[20] См.: *Vucinich A*. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley, 1984.

[21] *Grau C*. Die Petersburger Akademie der Wissenschaften in den interakademischen Beziehungen 1899–1915 // Jb. für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1982. Bd. 25. H. 2. S. 51–68.

Хотя русские ученые, как и ученые всех других воюющих стран, были поставлены на службу нации, Октябрьская революция и послевоенный период военного коммунизма привели их, по крайней мере, на первый взгляд, к изоляции от международного сообщества. До 1921 г. Запад не признавал Советскую Россию и не имел с ней дипломатических отношений. Следовательно, восстановление международных научных связей преследовало две цели. Первая — реинтеграция российских ученых в международное сообщество, и вторая — передача (трансфер) структур, знания и ученых для того, чтобы реформировать национальную систему организации научных исследований.

Я выделяю шесть основных моментов в международных научных контактах России.

Во-первых, в институциональном отношении Академия наук была основным фактором международных связей. Новый режим радикально изменил организационную структуру высшего образования в соответствии с коммунистической идеологией. Однако включение Академии наук в административную систему научных и научно-художественных институтов, подчинявшихся Главнауке Наркомпроса, не сказалось на ее относительной автономии в начале 1920-х гг.[22] Академия быстро осознала, что только сотрудничество с новым режимом может обеспечить ее существование. Интерес советских властей к КЕПС подтверждал эту стратегию. В итоге, Академия смогла сохранить участие в международных проектах, насколько позволяли скудное финансирование и очень сложные условия для исследовательской работы, особенно в ранние послереволюционные годы. Реформа науки в 1920-х гг. была проведена новым режимом не только по идеологическим соображениям, но и из-за необходимости ликвидировать отставание от науки и образования Западной Европы, используя такие зарубежные организационные модели, как научно-исследовательские институты. 18 июля 1918 г. непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург поставил перед Наркомпросом вопрос о восстановлении международных научных связей, но не добился быстрого его решения[23]. Финансовые и экономические трудности, а также устав Международного совета по исследованиям, делали возможным в 1920–1921 гг. только поездки с целью приобретения науч-

---

[22] *Vucinich A.* Empire of Knowledge. S. 111.

[23] Sowjetmacht und Wissenschaft. Dokumente zur Rolle Lenins bei der Entwicklung der Akademie der Wissenschaften / Eds. G. Kröber, B. Lange, Berlin, 1975. Dok. №. 45.

ной литературы и оборудования. Они организовывались при помощи личных контактов, которые ученые имели с довоенных времен. Эти хорошо налаженные личные контакты были главной составляющей международной деятельности непосредственно в послевоенный период. Русские ученые проявляли большую активность в международном сообществе. Так как до 1923 г. участие советских ученых в международных конгрессах было невозможным, правительство РСФСР посылало их за границу для изучения иностранной системы и для обмена информацией: 11 человек (среди которых был один член Академии) в 1918 г., 10 (3) в 1920 г., 17 (8) в 1922 г., 25 (12) в 1924 г. и 44 (15) в 1926 г.[24] Начиная с 1923 г. Академия делегировала своих представителей на все значительные научные конгрессы. Воспоминания физика А.Ф. Иоффе свидетельствуют о существовании широкой международной сети ученых[25]. Ольденбург, например, ездил в Германию, Францию, Великобританию в 1923 и 1926 гг., чтобы посетить научно-исследовательские институты; Иоффе пересек Атлантический океан в 1926 г., чтобы встретиться с американскими коллегами.

Во-вторых, из-за широких международных связей Академии наук и ученых, большевикам пришлось столкнуться с дилеммой, оставившей в стороне финансовые проблемы. Попытка преодолеть международную изоляцию и вступить в международные общества вступала в противоречие с политикой встраивания национальных институтов в политическую систему. Вступление в Международный совет исследований предполагало существование единого национального научно-исследовательского института, коим в России могла быть только Академия наук. Но советское правительство отвергло идею автономности Академии наук в международных связях, оставляя за собой контроль над ними. Таким образом, только после коммунистической реформы Академии наук советская Россия стала членом международных научных организаций, хотя официальные предложения вступить в некоторые из них были уже в 1919 г.[26] Но до 1928 г. большевики предпочитали участвовать в международных мероприятиях от случая к случаю и только на двусторонней основе[27]. Неудивительно, что советское правительство

---

[24] *Komkov G.D.* Geschichte der Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1981. S. 376.

[25] *Joffe A.F.* Begegnungen mit Physikern. Basel, 1967.

[26] *Lersch E.* Die auswärtige Kulturpolitik der Sowjetunion in ihren Auswirkungen auf Deutschland 1921–1929, Frankfurt, 1979. S. 114. Note 8.

[27] Ibid. S. 117.

создало новую структуру для контроля международных научных связей. Кроме упомянутой уже Главнауки, в марте 1921 г. советское правительство создало в Берлине Бюро иностранной науки и техники (БИНТ)[28], которое подчинялось Научно-техническому отделу (НТО) ВСНХ, точнее его комиссии по науке[29].

НТО стал первым правительственным органом, который был предназначен контролировать технические науки, не входившие в ведение Наркомпроса[30]. Главными задачами БИНТ были сбор информации о новейших исследованиях за рубежом, налаживание связи с зарубежными учеными, перевод на русский важнейших трудов и закупка научного оборудования. Однако БИНТ действовало не очень оперативно и без большого успеха. После реорганизации бюро еще продолжало работать, но уже к концу 1920 гг. потеряло свое значение[31]. Координация работы БИНТ с деятельностью НТО была незначительной[32].

В-третьих, обмен литературой и информацией, а также закупка научного оборудования были главными целями русского интернационализма на раннем этапе. После окончания блокады Антантой в 1920 г. начался обмен литературой между Академией и зарубежными учреждениями[33]. Спустя два года в Академии было учреждено Бюро по книгообмену[34]. Уже в 1921 г. при Наркомпросе была создана Комиссия по закупке книг за границей[35]. Между 1922 и 1924 гг. под руководством БИНТ осуществлялась работа над семью томами «Сис-

---

[28] *Komkov*. Geschichte der Akademie der Wissenschaften. S. 356.

[29] *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 97.

[30] *Vucinich*. Empire of Knowledge. P. 109

[31] *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 102.

[32] Deutschland–Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. Zum 50. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1966. S. 138.

[33] Die Berliner Akademie der Wissenschaften in der Zeit des Imperialismus. Teil 2: Von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution bis 1933 / Hg. W. Schlicker. Berlin, 1975. S. 134.

[34] В литературе называют разные даты его основания: *Komkov*. Geschichte der Akademie der Wissenschaften. S. 377 (указан 1921 г.); *Lersch*. Auswärtige Kulturpolitik. S. 106. Dok. №. 96 (указан 1923 г.); Sowjetmacht und Wissenschaft. S. 211 (указан 1922 г.). Решение о создании Бюро по международному книгообмену было принято в 1922 г. // Протоколы Общего собрания РАН, 1922. § 174. С. 65–66.

[35] Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. № 77.

тематического обзора научной литературы в период 1914–1921 гг.». В 1923 г. в Историческом музее в Москве была организована выставка немецкой академической литературы. В ноябре 1924 г. немецкое и российское правительство подписали договор об обмене книгами и журналами[36].

В-четвертых, в центре внимания русских оказалась Германия. О ее научных достижениях писали не только в академических журналах, ее науку пропагандировали и в общественно-политических публикациях как предпочтительную модель в связи с длительной традицией двухсторонних академических связей начиная с XVIII в., широко распространенной практикой получения образования многими русскими учеными в немецких университетах в начале XX в. и политической ситуацией, в которой оказались оба государства. Как и Веймарская Германия, советская Россия стремилась адаптировать науку и ее институты к нуждам нового правительства, и она так же, как и Германия, была изолирована от международного сообщества. Подобно немецким коллегам у русских ученых не было доступа к вновь образовавшимся международным научным организациям. Поэтому специфические внутренние и внешние факторы в послереволюционной России и Веймарской республике привели к уникальному двухстороннему сотрудничеству в 1920-е гг.[37] Договор, подписанный в Рапалло, был только вершиной айсберга разнообразных научных контактов между двумя странами. Учреждение БИНТ в Бюро торговли в Берлине, германская экспедиция по борьбе с голодом между 1921 и 1923 гг., которая привела к тесному сотрудничеству в области медицинской науки[38], и возобновление официальных отношений между академиями в Берлине и Петрограде в 1923 г. ознаменовали начало этого сотрудничества. Русские ученые рентгенолог М.И. Неменов в 1920 г. и физик О.Д. Хвольсон посетили Германию в 1921 г., многие другие ученые

---

[36] Deutschland–Sowjetunion. S. 159.

[37] Traditionen der deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen und die wissenschaftliche Zusammenarbeit zwischen der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und der Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin, 1976; Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kultruellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag / Eds.W. Steinitz, P.N. Berkov, B. Suchodolski und J. Dolansky. Berlin, 1966.

[38] *Jähn G.* Über das Hilfswerk der deutschen Regierung für die Hungernden in Sowjetrußland 1921–1923 // Jb. für die Geschichte der UdSSR, 1964. № 8. S. 125–142. О БИНТ см.: Sowjetmacht und Wissenschaft, Dok. №. 75.

приехали в последующие годы[39]. Общество содействия немецкой науки поддержало поездку немецкого географа Э. Обста в Россию в 1923 г., а в 1924 г. были профинансированы уже три научные командировки[40]. Немецкие стипендиаты и ученые, такие как историк О. Хётч и физик В. Вестфаль (приглашенный Максимом Горьким в Советскую Россию в качестве первого немецкого ученого) посетили Россию в 1922 г. и были вовлечены в содействие научному сотрудничеству двух стран[41]. Хётч возродил Немецкое общество по изучению Восточной Европы (основанное в 1913 г.), Вестфаль основал в 1923 г. комитет, в составе 44 ученых, (среди них были Ф. Хабер, А. Эйнштейн, М. Планк, Б. Нернст, А. Гарнак и В. Зомбарт), который имел целью учредить «Рапалло в науке» [42]. Эйнштейн в письме 1921 г. обещал поддержку советской науке и международному сотрудничеству[43]. Эти инициативы нашли положительный отклик у немецкого правительства (К.Г. Беккер) и научной администрации. Ф. Шмидт-Отт, президент Немецкого общества по изучению Восточной Европы и глава Общества содействия немецкой науке стал одним из самых выдающихся покровителей научных связей между двумя странами после подписания соглашения в Рапалло, действуя, конечно, всегда согласовано с Министерством иностранных дел[44]. В данной статье за неимением возможности мы не вдаемся в подробности. Участие 35 немецких ученых, среди которых были М. Планк и Э. Мейер, в праздновании 200-летней годовщины АН СССР в 1925 г. можно считать началом интенсивного научного сотрудничества в разнообразных областях науки в последующее десятилетие[45]. Хотя за этим

---

[39] Deutschland–Sowjetunion. S. 42. См. также: Письмо М.И. Неменова от 15 окт. 1920 г. // Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. №. 59.

[40] Deutschland–Sowjetunion. S. 135.

[41] *Striegnitz S.* Bemerkungen zum Bericht Wilhelm Westphals über seine Reise nach Sowjetrussland (Oktober 1922) // Deutschland-Sowjetunion. S. 473–479.

[42] *Liszkowski U.* Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch. Vol. 2. Berlin, 1988. S. 484. *Schröder-Gudehus B.* Deutsche Wissenschaft und Internationale Zusammenarbeit 1914–1928. Ein Beitrag zum Studium kultureller Beziehungen in politischen Krisenzeiten. Thèse. Geneva, 1966. S. 236.

[43] Письмо А. Эйнштейна от 27 янв. 1921 г. // Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. №. 69.

[44] *Schmidt-Ott F.* Erlebtes und Erstrebtes. 1860–1950, Wiesbaden,1952. 217 S.

[45] *Stupperich R.* Die Teilnahme deutscher Gelehrter am 200 jährigen Jubiläum der Russischen Akademie der Wissenschaften (1925) // Jb für Geschichte Osteuropas.

сотрудничеством не последовало организационной программы, были реализованы лишь единичные проекты и конференции, оно было уникальным.

В-пятых, был научный интерес также и в других западноевропейских странах. Будучи министром прсвещения во Временном правительстве, Ольденбург еще в 1917 г. предлагал учредить русские научные общества за рубежом по французской модели. Хотя Париж и приветствовал это предложение, Октябрьская революция прервала дальнейшую деятельность в этом направлении[46]. После этого научные контакты никогда уже больше не выходили за рамки личных отношений, хотя созданное в 1925 г. Научное общество по сближению Франции и СССР организовывало академические командировки[47]. И опять США стали исключением. Американцы были первыми, кто заново восстановил научные контакты с Россией. Конечно же, в период 1917–1933 гг. Вашингтон не шел на дипломатическое признание России, но в рамках Американской комиссии помощи голодающим уже во время Гражданской войны были возобновлены личные контакты. Обеспокоенная проблемами своих коллег, Комиссия направила в 1919 г. в Россию В. Келлога, чтобы представить отчет о ситуации в академическом сообществе. Ввиду нехватки в России научной литературы, Келлог по возвращении на родину создал Американский комитет по снабжению русских ученых литературой. В 1922 и 1923 гг. около 360 организаций отправили на корабле литературу в Москву при содействии этого Комитета. Кроме того, такие русские ученые, как Д.Н. Бородин приехали в США еще в 1919 г., занимаясь здесь по поручению Н.И. Вавилова сбором семенного материала. С 1923 г. в советскую Россию стали ездить американские ученые[48]. В этом же году в Вашингтоне было создано Советское бюро информации как отдел при Всесоюзном обществе культурных связей с зарубежными странами. В целом, у него была та же задача,

---

N.F., 1976. Bd. 24. S. 218–229; *Conrad Grau C.* Die deutschen Universitäten und die 200-Jahr-Feier der Akademie der Wissenschaften der UdSSR 1925 // Deutschland–Sowjetunion. S. 172–178; *Schmidt-Ott.* Erlebtes. S. 221; *Lersch.* Auswärtige Kulturpolitik. S. 123.

46 Письмо С.Ф. Ольденбурга в Наркомпрос от 18 июля 1918 // Sowjetmacht und Wissenschaft. Dok. № 45. S. 150.

47 О поездках в Англию см.: *Armytage W.H.G.* The Russian Influence on English Education. London, 1969. P. 77.

48 *Parks J.D.* Culture, Conflict and Coexistence. American-Soviet Cultural Relations, 1917–1958. Jefferson (N.C.), 1983. P. 15.

что и у БИНТ, т.е. организация обмена литературой и информацией[49]. Уже в 1921 г. Фонд Рокфеллера выделил русским студентам стипендии для обучения в западных университетах, всего была получена 21 стипендия в с 1921 по 1929 гг. Фонд также финансово поддерживал российские научно-исследовательские институты[50].

В-шестых, мало известен факт, что Академия наук хотела установить организационно-научные связи с незападными странами еще до Первой мировой войны наподобие латиноамериканских и панатлантических научных объединений. К.В. Ягич — специалист по славянским языкам с высокой международной репутацией, член Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (ИАН), стал протагонистом тесного сотрудничества между восточноевропейскими научными учреждениями в первом десятилетии XX в. Академии наук в Восточной Европе, например в Праге, не были членами Международной ассоциации академий, и их содействие славянской науке следует рассматривать в контексте попыток этих стран добиться независимость и национальной идентификации. Ягич был членом ведущих академий на Западе и хорошо знал их международные сети, поэтому мог усилить коалицию академий Белграда, Загреба, Софии, Кракова и Праги. Под руководством Отделения русского языка и литературы Академии наук устав новой ассоциации был учрежден в мае 1911 г., но академии в Праге и Кракове отказались участвовать в этой ассоциации. Главными причинами их отказа были: первостепенная роль ИАН, сведение научной деятельности до одного только Отделения, исключение естественных наук, политические ограничения. Ягич тоже отверг устав, поскольку он не соответствовал его первоначальным намерениям[51]. Спустя год переделанный устав был принят на конференции, проходившей в российской столице. Академия в Праге поставила свою подпись, но Академия в Кракове так и не вступила в Ассоциацию из-за натянутых политических отношений между Россией и Польшей. Основной задачей Ассоциации было содействие совместным проектам в области изучения славянских языков. Важность создания новой Ассоциации славянских академий была очевидна, но война помешала материализовать ее идеи. В 1920-е гг. годы интерес России был направлен в сторону Запада. Но советская Россия также проявила интерес к активным действиям в Тихом океане.

---

[49] Ibid. P. 22.

[50] Ibid. P. 24.

[51] *Grau*. Die Petersburger Akademie. S. 63–67.

В 1926 г. Российская академия наук отправила своих представителей на Международный Пантихоокеанский Конгресс в Токио[52].

Заключение

Первая мировая война привела к серьезным сдвигам в международных научных отношениях, к изменению их организационной структуры. Восстановление европейско-атлантического международного научного сообщества и создание новых международных научных институтов сопровождалось в Европе националистическими и политическими обидами. Это можно видеть на примере создания двух больших организаций, таких как Международный совет исследований и Международный союз Академий в Брюсселе в 1919 г. Эти организации продемонстрировали, что идея и практика научного интернационализма не погибли во время войны. Конечно, война содействовала, по крайней мере, первые два года, официальной кооперации воюющих стран, но в то же самое время, это привело к интенсификации сотрудничества между союзниками. Новые организации приветствовали как новые методы интернационализма. Исключение из них Центральных держав имело свои корни в политике, а не в самой идее интернационализации.

Опыт войны сделал очевидным политическую ответственность ученых. Среди поборников научного интернационализма в период между двумя мировыми войнами превалировала непоколебимая и оптимистическая точка зрения о необходимости и возможности укрепления международного сотрудничества. Моральный авторитет научного интернационализма не только выжил, но и привел к расширению его географического ареала. В глазах ученых латиноамериканского континента и тихоокеанского бассейна Европа потеряла лидерство в мировой науке. Жители стран Западного полушария, в частности, видели в инаугурации своих научных организаций возможность предотвратить войну и насилие[53]. Для них Великая война была доказательством не гибели идеального миролюбивого научного сотрудничества, а целесообразности его создания на новом фундаменте, направленном против глобаль-

---

[52] *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. Москва, 1975. С. 255.

[53] *Gregory H.E.* Responses to Delegates // Proceedings of the Third Pan-Pacific Congress. P. 130.

ной гегемонии западной науки[54]. Американцы были связующим звеном между учреждением неевропейских международных организаций и попытками интенсифицировать и реорганизовать международное сотрудничество в Европе. Вновь созданные научные учреждения отражали изменившееся соотношение сил между нациями. В течение длительного времени Бельгия и Франция при своей жесткой, бескомпромиссной позиции по отношению к Центральным державам стояли в стороне и, главным образом, США сделали возможной быструю реинтеграцию немецких ученых в международное сообщество. Но война фактически лишила Германию господствующего влияния в научном мире.

Опыт между двумя мировыми войнами свидетельствует, что научный интернационализм не может быть подавлен политическими влияниями. Попытка изолировать Германию и Россию от международных институтов привела к тесному партнерству этих стран на определенный период времени, результатом чего стали плодотворные проекты и, в конечном счете, вернула обе страны на международную арену.

Война также продемонстрировала, что единство интернационализации и нормативного интернационализма временами мог ослаблять глобальный политический кризис, и международное научное сотрудничество использовалось исключительно в национальных интересах, как, например, это продемонстрировало межсоюзническое сотрудничество. С учетом разнообразия политических, культурных и научных факторов и долговременной вовлеченности США в мировую науку во время и после войны центр науки стал перемещаться из Европы в Америку. Поскольку американцы начали играть главную роль в европейском научном сообществе в 1920-е гг. они быстро распространили свое влияние на Латинскую Америку и страны Тихоокеанского бассейна. Превращение США в политическую и экономическую сверхдержаву естественно в последующие годы выразилось в том, что Америка стала интеллектуальным гегемоном в международном научном сообществе.

Перевод И.А. Белозеровой

[54] *Sakurai Joji*. President's Banquet // Proceedings of the Third Pan-Pacific Congress. P. 128.

К. Штрупп

ВОСПРИЯТИЕ ГЕРМАНСКОЙ НАУКИ И ИССЛЕДОВАНИЙ В АМЕРИКЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. В апреле 1919 г., спустя несколько месяцев после прекращения военных действий, журнал «Атлантический ежемесячник» (Atlantic Monthly) опубликовал юмористическую заметку о «демобилизовавшемся профессоре». Автор сделал вывод о том, что «профессор в течение нескольких месяцев проживал настоящую жизнь». Он «наконец-то наслаждался иллюзией могущества». Правда, он был несколько разочарован тем, что война окончилась так быстро — «было ощущение, что ты не успел показать все, на что ты способен» [1].

Американские профессора были задействованы во многих проектах, разнообразие которых впечатляло: проведение исследований ядовитых газов; разработка новых медицинских процедур; решение вопросов пищи, питания и санитарии; выработка основ американских военно-морских сил; создание системы оккупационной классификации; дешифровка; слежение за международной торговлей, моральным состояние своего фронта и фронта противника; анализ будущей карты Европы и т.д. Совершенно очевидно, что война для профессора были залогом успеха в Вашингтоне и где-либо еще в основном благодаря своим, как мы бы сейчас сказали, «ключевым квалификациям», то есть возможности решать новые проблемы и быстро извлекать уроки из опыта, систематичности и интеллекту, и, в обобщенном смысле, способности много работать[2].

Германские и русские ученые и профессора университетов за четыре года Первой мировой войны получили возможность мгновенно доказать ценность своих научных изысканий для общества, и «научность» была, безусловно, важнейшей новой чертой этой войны в Европе. В Соединенных Штатах академическое сообщество находилось в стороне вплоть до 1917 г., но сразу после объявления войны Америкой оно с огромным размахом включилось в мобилизацию и

---

1 *Без автора.* The Demobilized Professor // Atlantic Monthly. 1919. Vol. 123. P. 537–545, 537–538.

2 Ibid. P. 538–539; *Thwing C.F.* The American Colleges and Universities in the Great War 1914–1919. New York, 1920. P. 115–139; The New World of Science. Its Development During the War // Ed. R. M. Yerkes. New York, 1920.

реорганизацию научной инфраструктуры. Во многих случаях обычная университетская жизнь приостановилась: большая часть студентов попала в ополчение, остальные проходили строевую подготовку в студенческих городках. Ведущие сотрудники факультетов перешли на работу в правительственные учреждения Вашингтона или предоставили свои лаборатории и исследовательские ресурсы для военных целей[3].

В 1917 г. многие были убеждены, что вступление Америки в европейскую войну стало поворотным моментом для страны, экстренной ситуацией, требовавшей радикальных перемен, жертв и нового взгляда на вещи. Университеты не были исключением[4]. Мгновенно проявившимся последствием войны стало усиление независимости американской науки от своего германского двойника в силу затрудненности личных и институциональных контактов, а также потому, что многие американские ученые презирали своих бывших учителей за их готовность поддерживать жестокий режим. Новые организации и сближение с государством и армией привели к «национализации» науки[5]. В итоге война способствовала широкому принятию практического применения науки и исследований. Университеты стали «членами» общества благодаря своему прямому вкладу в социальный и экономический прогресс, а общество с радостью наградило их беспрецедентными финансовыми средствами для работы в период войны и после нее.

2. Не может быть сомнений в том, что международное научное сообщество страдало от войны. Многие личные контакты были разорваны, совместные исследовательские проекты остановлены, обмен информацией и научной литературой прерван. Однако остался интерес к работе коллег за океаном и определенный элемент конкуренции. Во многих американских публикациях о достижениях и возможностях военного использования науки сравнивались позиции Америки и Евро-

---

[3] *Levine D.O.* The American College and the Culture of Aspiration 1915–1940. Ithaca; New York; London, 1986. P. 23–44; *Kelley R. L.* The American College and the Great War // Scribner's Magazine 1918. Vol. 63. P. 77–83. P. 81. Общий обзор ситуации в США, Германии, Англии и Франции см.: *Rudy W.* Total War and Twentieth-Century Higher Learning. Universities of the Western World in the First and Second World Wars. London; Toronto, 1991.

[4] *Curti M.* The American Scholar in Three Wars // J. of the History of Ideas.1942. Vol. 3. P. 241–264; P. 254, 257.

[5] См.: *Tobey R.C.* The American Ideology of National Science 1919–1930. Pittsburgh, PA 1971.

пы, в особенности Германии. Ведущий американский журнал *Science* не прекращал печатать в разделе новостей сообщения об Англии, Франции и России, а также Германии и Австрии.

Повышение уровня профессионализма американской науки и развитие современных университетов в Соединенных Штатах в XIX в. происходило во многом благодаря европейскому, в особенности германскому, влиянию[6]. Американские студенты, тысячами стекавшиеся в Берлин, Лейпциг, Мюнхен и Бонн, чтобы учиться у героев немецкой науки, не всегда могли до конца осознать философскую концепцию германских университетов. Тем не менее, ключевые элементы этой концепции легли в основу новых, научно ориентированных университетов, таких как Корнелл, Джона Хопкинса и Чикагский университет. Они так же повлияли на преобразование многих старых колледжей. Помимо университетов такие германские учреждения как Комиссия по урегулированию стандартов (Normal-Eichungskommission) и Имперский физико-технический институт (Physikalisch-Technische Reichsanstalt) стали ролевыми моделями для Американского бюро стандартов, которое было основано в 1901 г. Бюро было, вероятно, самым важным научным учреждением федерального уровня до войны[7].

«Американские интеллектуалы на рубеже веков обожали немецкие университеты за их превосходное преподавание, профессиональное обучение и, в меньшей степени, за либеральное образование»[8]. К 1914 г. большинство ведущих ученых в области естественных, равно как и социальных, наук уже побывали аспирантами в Германии и продолжали

---

[6] См. недавнее исследование: *Turner R.S.* Humboldt in North America? Reflections on the Research University and its Historians // Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Ed. R. Ch. Schwinges. Basel, 2001. P. 289–311; German Influence on Education in the United States to 1917 / Eds. H. Geitz, J. Heideking, J. Herbst. Cambridge, 1995; и классические работы: *Herbst J.* The German Historical School in American Scholarship. A Study in the Transfer of Culture. Ithaca; New York, 1965; *Veysey L.R.* The Emergence of the American University. Chicago, 1965.

[7] *Dupree A.H.* Science in the Federal Government. A History of Policies and Activities to 1940. Cambridge (Mass.) 1957. P. 271–277.

[8] *Jarausch K.* The Universities: An American View / Eds. J. R. Dukes, J. Remak. Another Germany: A Reconsideration of the Imperial Era. London, 1988. P. 181–206. P. 187. Детальный анализ автора основан на воспоминаниях и статьях в «Educational Review».

поддерживать контакты со своими «отцами-докторами»[9]. Несмотря на политические разногласия, Германией восхищались даже после 1914 г. за ее культурные и научные достижения и их «действенность». Тем не менее, начиная с 1880 г., сообщения путешественников, официальные и неофициальные отчеты германских обозревателей академической жизни, промышленности и политики, показывали растущее уважение за океаном к научному и экономическому потенциалу Соединенных Штатов[10].

3. Началу войны в Европе в августе 1914 г. в Соединенных Штатах придавали немного значения. Президент Вудро Вильсон публично сохранял позицию нейтралитета. Вплоть до 1916 г. правительство почти не прилагало усилий к тому, чтобы подготовить страну психологически или организационно к возможному вступлению в войну. Однако Вильсон не мог предотвратить роста народной озабоченности военной готовностью[11]. Ученые играли активную роль в жарких общественных дебатах между защитниками нейтралитета, сторонниками центральной власти, друзьями Антанты. К последним относилось подавляющее большинство университетских профессоров.

В то время как прогермански настроенная профессура становилась все более и более маргинальной (частично благодаря доходившим известиям о германских военных преступлениях и жестокости), научное крыло движения за подготовку добилось первых успехов. Под давлением Института Смитсона и его секретаря Чарльза Д. Уолкотта Конгресс в марте 1915 г. создал Национальный совещательный комитет по воздухоплаванию (аэронавтике), в который вошли семь членов из органов власти и пять научных экспертов со стороны. Уолкотт указал на то, что Соединенные Штаты оказались далеко позади зарубежных держав в исследованиях, посвященных воздушным силам, несмотря на

---

[9] Крупные немецкие ученые Р. Ойкен и Э. Геккель подчеркивали тесные связи в своем открытом письме «К университетам Америки» в августе 1914 г.: «Многочисленные американские ученые... убеждены в высоком качестве и миролюбивых тенденциях немецких исследований» // Harvard University Archives (HUA), UAI.5. 160. President Lowell's Correspondence 1914–17, folder 5, European War, general.

[10] *Siegmund-Schultze R.* Felix Kleins Beziehungen zu den Vereinigten Staaten, die Anfänge deutscher auswärtiger Wissenschaftspolitik und die Reform um 1900 // Sudhoffs Archiv. 1997. Vol. 81. P. 21–38; *Szöllösi-Janze M.* Fritz Haber: 1868–1934. Eine Biographie. München, 1998. S. 131–41.

[11] *Link A.S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, 1910–1917. New York, 1963. P. 177–96.

их очевидную военную важность: в 1914 г. в Германии было 1 000 аэропланов, а в США — 23[12]. Спустя два месяца, когда немецкая подлодка потопила «Лузитанию», изобретатель Томас Альва Эдисон написал статью в «New York Times», в которой призвал создать совещательный комитет, состоящий из военных и гражданских (по большей части промышленных) экспертов в области военно-морских сил и кораблестроения. В сентябре 1915 г. при поддержке Вильсона и военно-морского секретаря Дэниелса был создан Морской консультативный совет, и вскоре за этим последовало предложение о создании широкопрофильной лаборатории для военно-морских исследований[13]. Инженерный журнал (Engineering Magazine) наградил Эдисона похвалой, написав, что он «француз в своей блистательности, превосходит немцев в своем глубокомыслии, ...абсолютный американец в практическом применении своих гениальных идей» [14]. Эдисон продолжал воздействовать на Конгресс, чтобы тот выделил больше денег на его проект. В марте 1916 г. Вильсон назначил Ньютона Д. Бейкера военным секретарем, и Бейкер немедленно принял меры к улучшению технической подготовки армии. Он прикладывал усилия к созданию исследовательского корпуса гражданских экспертов и исследовательской инженерной лаборатории и реорганизовал авиационную секцию войск связи[15].

В считанные месяцы страна должна была наверстать упущенное за многие десятилетия. Ни частные, ни государственные университеты в прошлом не имели существенных контактов с федеральными властями. В то время, как прогрессивное движение призывало к тому, чтобы эксперты с университетским образованием играли большую роль в обществе, а президенты университетов и реформаторы системы образования подчеркивали социальную значимость высшего образования, конкретные проекты, в которых профессора работали совместно с представителями власти, были сильно ограничены и сведены к мест-

---

[12] *Kevles D. J.* The Physicists. The History of a Scientific Community in Modern America. New York, 1977. P. 104–105; *Dupree*. Science. P. 283–287; *Palmer F., N.D.* America at War, Vol. I. New York, 1931. P. 287–294.

[13] *van Keuren D.K.* Science, Progressivism, and Military Preparedness: The Case of the Naval Research Laboratory, 1915–1923 // Technology and Culture. 1992. Vol. 33. P. 710–736; *Kevles*. The Physicists. P. 105–6.

[14] Engineering Magazine. 1915. Vol. 50. Nov. P. 199. Цит. по: *Kevles*. The Physicists. P. 106.

[15] Ibid. P. 107.

ному уровню или уровню штата. Даже в 1918 г. президент университета Иллинойса Эдмунд Дж. Джеймс подвергал острой критике «безразличие или лень» американских государственных мужей[16]. Созданные недавно федеральные учреждения, такие как уже упоминавшееся Бюро стандартов (1901), Бюро переписи (1903) и Бюро подрывных работ (1913) можно рассматривать как предвестники перемен на пути к войне, но Америка все еще была очень далека от того, что было проделано и завершено в Германии[17]. В Германии назначенные правительством профессора и финансируемые правительством институты и лаборатории могли быть в кратчайшие сроки сориентированы на работу на военные нужды. Кроме того, Германия предприняла важные шаги в направлении «большой науки» и координации исследовательских инициатив путем основания Общества кайзера Вильгельма в 1911 г. и создания за пределами университетов мощных исследовательских институтов, которые также получали поддержку правительства[18]. В Соединенных Штатах университеты по-прежнему оставались как бы отдельными островками жизни, где, со слов все того же Джеймса, президента университета Иллинойса, «университетские лаборатории были учреждены незадолго до того, как правительственные чиновники объявили о нецелесообразности выделения федеральных денег на нужды высшего образования»[19]. Самая необходимая информация о научных ресурсах, как человеческих, так и институциональных, была недоступна федеральному правительству.

В первой половине 1916 г. стечение ряда обстоятельств привело к наиболее важному институционному нововведению в американской науке военных лет — основанию Национального совета по науке. В течение первых двух лет войны в Европе бесчисленное множество новшеств было внедрено в современные приемы ведения войны, и в большинство из них ученые были теснейшим образом вовлечены. Эти новшества не

---

[16] *James E.J.* The College Man and the War // Urbana, IL 1918 (University of Illinois Bulletin 15, 12.8.1918). P. 3.

[17] *Dupree*. Science. P. 289–301.

[18] *vom Brocke B.* Die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Kaiserreich. Vorgeschichte, Gründung und Entwicklung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkriegs / Hg. R. Vierhaus, B. vom Brocke. Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-/Max-Plank Gesellschaft. Stuttgart, 1990. S. 17–162.

[19] *James*. College Man. P. 3.

прошли незамеченными в Америке. Ученые и правительство были одинаково осведомлены о них через официальные и частные отчеты.

В начале 1916 г. президент Вильсон начал публично высказываться в пользу подготовки к войне. Если страна должна была вступить в войну, то ей следовало быть должным образом организованной и экипированной. Оба секретаря, Бейкер и Дэниелс, поддерживали эту позицию. Акт национальной безопасности и создание Совета по национальной безопасности в 1916 г. были выражением этого постепенного поворота в сторону конкретного планирования войны[20]. Однако подготовленность на институционном уровне по-прежнему базировалась больше на профессиональных знаниях и практической организованности, чем на научных ресурсах страны. Привлечение колледжей происходило главным образом за счет военной подготовки студентов и работы Корпуса подготовки офицеров запаса (ROTC) в вузах[21].

В апреле 1916 г., в разгар растущего напряжения между Америкой и Германией, Национальная академия наук, побуждаемая ее секретарем, астрономом Джорджем Э. Хейлом, предложила администрации свои услуги по организации научных ресурсов в стране[22]. Вильсон принял предложение, хотя и не охотно. Вскоре после этого Хейл отправился на несколько недель в Англию и Францию, чтобы узнать больше о той службе, которую несли их ученые, и о тех германских достижениях, которым американцы пытались противостоять. В сентябре 1916 г. Национальный совет по науке (NRC) начал функционировать, и Хейл стал его председателем. Он защищал взаимодействие научных обществ с университетами в целом. С самого начала он хотел, чтобы NRC был чем-то большим, нежели просто экстренной мерой, вызванной войной. Для него это было «величайшим шансом из тех, что у нас когда-либо

---

[20] *Breen W.J.* Uncle Sam at Home. Civilian Mobilization, Wartime Federalism, and the Council of National Defence. 1917–1919. Westport; London, 1984.

[21] *Neiberg M.S.* Making Citizen-Soldiers. ROTC and the Ideology of American Military Service, Cambridge (Mass); London, 2000. P. 22–27. См. например: President's Report 1916–1917 // Official Register of Harvard University. 1918. Vol. 15 № 6; Reports of the President and the Treasurer of Harvard College 1916–1917. Cambridge (Mass.). 1918. P. 5–27; President's Report 1917–1918 // Official Register of Harvard University. 1919. Vol. 16. № 10; Reports of the President and the Treasurer of Harvard College 1917–1918. Cambridge (Mass). 1919. P. 5–30.

[22] *Kevles D.J.* George Ellery Hale: The First World War and the Advancement of Science in America // Isis. 1968. Vol. 59. P. 427–37; Kevles / The Physicists. P. 109–118.

были, чтобы продвинуть научные исследования в Америке»[23]. Совет по науке был разделен на ряд комитетов, охватывавших области научных изысканий от аэронавтики, сельского хозяйства и анатомии до химии, инженерного дела и психологии, от подводных лодок до зоологии. Большинство комитетов имело множество подкомитетов. Движимый Хейлом и физиком Робертом А. Миликаном из Чикаго, Совет по науке во время войны предпринимал действия по координации правительственной научной работы и состоял в контакте с его различными департаментами, включая департаменты армии и флота. Он также поддерживал связь с заграничными исследовательскими институтами через офисы в Лондоне, Париже, а позднее и в Риме. Эти международные контакты Службы информации об исследованиях Совета по науке были прямым следствием зависимости от европейской науки[24].

Несмотря на определенные недостатки (неподходящее финансирование и содержание в начале деятельности, усложненную структуру, недоверие гражданским экспертам, особенно в военной части), Совет по науке был самой важной организацией подобного рода и сильно затенял другие организации, задействованные в сходной работе на войну, например, Межуниверситетское информационное бюро, основанное в феврале 1917 г., и Комитет патриотической службы американской ассоциации университетских профессоров. Однако Совет по науке не был правительственным учреждением. Он стал официально сотрудничать с Советом по национальной безопасности, но по-прежнему оставался предприятием Академии наук. Этим могло объясняться то, что после объявления войны администрация сама напрямую связывалась с университетами. 5 мая 1917 г. 180 представителей университетов и образовательных учреждений встретились в Вашингтоне с Совещательной комиссией Совета по национальной безопасности, чтобы обсудить их роль во время войны. Бюро образования Департамента внутренних дел было выбрано в качестве посредника и как место для обработки информации[25].

---

[23] G.E. Hale to J.A.B. Scherer, May 19, 1916. Цит. по: Wright H. Explorer of the Universe. A Biography of George Ellery Hale. New York, 1994. P. 288.

[24] Second Annual Report of the National Research Council. Washington DC, 1918.

[25] *Baker N.D.* The War and the Colleges. From an Address to Representatives of Colleges and Universities, Delivered at Continental Hall Washington, DC, May 5, 1917, New York 1917; *Capen S.P.* The Effect of the World War 1914–18 on American Colleges and Universities // Educational Record. 1940. Vol. 21. P. 40–48. P. 43.

Но проблемы продолжали препятствовать развитию согласованной правительственной политики в отношении использования академических учреждений и координации работы на войну, несмотря, а, возможно, благодаря созданию все новых учреждений, таких как Вспомогательный (позже — Американский) совет по образованию в январе 1918 г. и Комитет по образованию и специальной подготовке при Военном департаменте — месяцем позже[26]. Каждой организации было трудно поспеть за темпами развития проектов. С апреля 1917 г. постоянный поток экспертов из ведущих университетов потек в Вашингтон. Один только Гарвардский университет предоставил 128 отпусков в течение 1916–1917 учебного года. На следующий год отсутствовали уже 168 членов факультета, включая медицинских инструкторов[27]. Многие правительственные агентства, наиболее важным из которых был Военный департамент, напрямую входили в контакт с университетами и лично экспертами, если им необходима была помощь.

4. Зарубежные примеры постоянно влияли на попытки стран Европы, равно как и Соединенных Штатов, достичь взаимодействия науки и исследовательских учреждений во время войны. В 1916 г. журнал «Обозрение» («Die Umschau») осмеял восхваление германской образовательной системы в английских и французских публикациях[28]. Тем не менее, ранние британские инициативы по интеграции науки в войну, скорее всего, сыграли роль в учреждении в Германии Военно-технического Общества кайзера Вильгельма[29]. А в Соединенных Штатах энтузиазм в области мобилизации научного потенциала был обязан германскому примеру. После войны биолог Вернон Келлог вспоминал разговоры с офицерами германского Генерального штаба в Бельгии, происходившие в 1915–1916 гг. и произведшие на него «глубокое впечатление от того, насколько эти офицеры полагались на помощь, которую они получали и на которую всегда могли рассчитывать в будущем

---

[26] Ibid. P. 45.

[27] President's Report 1916–1917. P. 15. 108 членов штата инструкторов выполняли работу на войну в дополнение к своим университетским обязанностям; President's Report 1917–1918. P. 5.

[28] *Schneider M.* Deutschland als Vorbild seiner Feinde // Die Umschau. 1916. Bd. 20. S. 595–596.

[29] *Rasch M.* Wissenschaft und Militär: Die Kaiser-Wilhelm-Stiftung für kriegstechnische Wissenschaft // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1991. Vol. 49. P. 73–120; P. 78–79, 83.

со стороны германского научного сообщества»[30]. По словам Джозефа С. Эймса, физика из университета Джона Хопкинса, «с самого начала войны было совершенно очевидно, что Германия мобилизовала всех своих научных мужей, и использовала плоды их исследований совершенно неожиданным образом»[31]. Ханс Цинссер из Медицинской школы Колумбийского университета заявил в 1918 г.: «Если мы хотим найти фактор, которому более, чем всем остальным, Германия обязана своим решающим преимуществом перед противниками в первый год войны, нам следует искать его в этом, а именно в науках, промышленности, торговле, в том, что самые блестящие мозги и самые высоко развитые технические навыки были, так или иначе, положены в основу правительственных предприятий». В то же время неограниченные естественные ресурсы Соединенных Штатов и отсутствие конкуренции сделали ненужной «растрату наших сил»[32].

Год спустя Фредерик П. Кеппел, бывший декан Колумбийского университета, который во время войны служил специальным помощником военного секретаря Ньютона Бейкера, заявил, что «как страна мы, в отличие от Германии, не осознали важности человека, обладающего знанием, и знания о том, кто этот человек, где он находится; и в этом, возможно, состоит основная причина нашей неподготовленности»[33]. Выдающийся философ Джон Дьюи пришел к выводу, что «один аспект пруссианства, который позаимствован у врага под воздействием военного стресса и, скорее всего, останется навсегда, является систематическим применением научного эксперта»[34]. И только лишь в марте 1918 г. Джордж Э. Хейл в письме к Вильсону предупредил, что Америка не сможет «успешно конкурировать с Германией ни в военное, ни в мирное время до тех пор, пока мы полностью не используем науку для военных и промышленных

---

[30] *Kellog V*. The National Research Council // Educational Review. 1921. Vol. 62. P. 365–373; P. 365. Келлог был представителем Гуверовской Комиссии по освобождению в Бельгии.

[31] *Ames J. S*. The Trained Man of Science in the War // Science. 1918. Vol. 48. P. 401–10; P. 402.

[32] *Zinsser H*. Medicine, the great opportunity // Columbia University Quarterly. 1918. Vol. 20. P. 48–58. P. 51.

[33] *Keppel F.P*. American Scholarship in the War // Columbia University Quarterly. 1919.Vol. 21. P. 169–185. P. 175. О назначении Кеппела в Военный департамент см.: *Palmer F*. Baker N. D. Vol. I. P. 138–140.

[34] *Dewey J*. What are we fighting for? [1918] // *Dewey J*. The Middle Works. Vol. 11. Carbondale, 1982. P. 98–106; P. 99.

целей»[35]. Даже в конце войны американские физики были обеспокоены тем, что их тотальная сосредоточенность на военных разработках может привести к отставанию от германских коллег, которые продолжали осуществлять базовые теоретические исследования[36].

Была ли германская военная машина таким отлаженным механизмом, как ее воспринимали, и действительно ли германские ученые сыграли в этом основную роль — это другой вопрос. Многие наблюдатели с американской стороны могли руководствоваться чистым патриотизмом и искренней заботой об усилении американских позиций в войне. Но жалобы на успех Германии и отставание Америки, конечно же, использовались и для того, чтобы подчеркнуть важность чьего-то собственного проекта или предложения, привлечь общественное и частное финансирование, и, в целом, чтобы быть уверенными в том, что американская наука останется на передовых позициях. План создания Совета по науке Джорджа Э. Хейла — это лишь наиболее яркий пример тому.

Тем не менее, есть несколько примеров отдельных дисциплин, в которых деятельность американских ученых напрямую соотносилась с текущими германскими разработками. Важность химических исследований и прогресса, достигнутого Германией, была отмечена в США задолго до 1917 г. С американской точки зрения Германия в противоположность Англии и Франции «тщательно сберегла» своих химиков для дальнейшей работы на войну[37]. Немецкая химическая наука также служила ярчайшим примером успешного сотрудничества ученых и промышленности, сотрудничества, которое только усилилось по причине войны[38]. В Соединенных Штатах, хотя армия и не сразу оценила

---

[35] *Kevles*. George Ellery Hale. P. 432.

[36] *Metzler G*. Internationale Wissenschaft und nationale Kultur. Deutsche Physiker in der internationalen Community 1900–1960. Göttingen, 2000. P. 112, со ссылкой на: *Miller G.A*. Scientific Activity and the War // Science. 1918. Vol. 48. P. 117–118. Противоположного мнения придерживался Эймс (Ames).Trained Men. P. 409, когда заявил, что Германия потеряла ведущую позицию в науке из-за того, что «прусская форма правления не приветствовала индивидуализма или свободомыслия, которые жизненно важны для научных открытий и развития науки».

[37] *Parsons Ch.L*. The American Chemist in Warfare // Science. 1918. Vol. 48. P. 377–386. P. 377.

[38] *Jacobson C.A*. The Importance of Scientific Research to the Industries // Science. 1916. Vol. 44. P. 456–459. Сходным образом Уильям Сондерс (William L. Saunders) выступал в защиту координации отраслей промышленности: «Гер-

последствия применения хлорина в качестве оружия на бельгийском фронте в апреле 1915 г., исследования военных газов, инициированные Бюро подрывных работ, были хорошо поставлены летом 1917 г. Они ускорили процесс оснащения персоналом и экипировки нескольких лучших лабораторий США[39]. За этими усилиями Совета по мобилизации химических исследований для военных целей, в свою очередь, пристально наблюдали немецкие эксперты[40].

Американские физики раскрыли секрет германского метода производства красящих веществ и высококачественного оптического стекла, из-за которого Соединенные Штаты долгое время находились в зависимости от германских поставок. Они также работали над проблемами авиации, определения местонахождения и уничтожения подводных лодок, оптического наблюдения и сигнализации[41]. Перехваченные документы показали, что у немцев были простые системы звуковых радаров для обнаружения вражеских орудий. Американцы узнали о них в июне 1917 г. во время конференции в Вашингтоне, в которой участвовали британские, французские и итальянские научные эксперты. После этой конференции Августус Троубридж из Принстона и Теодор Лиман из Гарварда были командированы Армейским сигнальным корпусом во Францию для работы над улучшением союзнической системы[42]. Германские геологи с самого начала служили консультантами по военно-

---

мания наглядно показала какого высокого уровня эффективности можно достичь при условии научной кооперации между правительством и национальной промышленностью». Он считал, что было просто необходимо строить заводы по производству селитры по примеру Германии. См.: New York Times Magazine. 1916. 6 feb.

[39] *Jones D.P.* Chemical Warfare Research During World War I. A Model of Cooperative Research // Chemistry and Modern Society. Historical Essays in Honor of Aaron J. Ihde / Eds. J. Parascandola, J. C. Whorton. Washington, 1983. P. 165–185; P. 168–169; *Slotten H.R.* Humane Chemistry or Scientific Barbarism? American Responses to World War I Poison Gas, 1915–1930 // JAH. 1990. Vol. P. 476–498.

[40] *Dyes W.A.* Nordamerikas Rüstungen und das fünfte Jahr des Krieges // Chemiker-Zeitung. 1918. Vol. 42. P. 377–379.

[41] *Thwing.* American Colleges. P. 120–124. После вступления Америки в войну физическая лаборатория Гарварда была полностью ориентирована на военные нужды: President‘s Report. 1916–1917. P. 213.

[42] *Williams H.B.* Location of Enemy Guns by Sound // Columbia University Quarterly. 1919. Vol. 21. P. 319–28; P. 324–325.

полевой топографии, водным запасам и подрывным операциям. Геологическое управление Соединенных Штатов при взаимодействии с различными правительственными агентствами предложило подобные услуги[43].

Областью, в которой, безусловно, было важно отслеживать работу и методы противоположной стороны, была пропаганда. Томас Ф. Моран, профессор истории университета Пердью и помощник директора речевого отделения Комитета по информированию общественности (CPI) так описал функции Американской пропагандистской организации, созданной в апреле 1917 г.: «Она намеревается противостоять порочной и злобной германской пропаганде, которая велась в Соединенных Штатах многие годы, и в то же время выстроить четкое и позитивное общественное мнение в отношении наших людей»[44]. Франклин Джеймсон призвал своих коллег-историков использовать свои знания во благо страны и мобилизовать общественное мнение. Историки не должны отставать от ученых-естественников в поисках своей роли в военное время[45]. Еще до войны германские историки и экономисты, особенно в Берлинском университете, считались за рубежом необычайно влиятельными в политике и общественном мнении[46]. Теперь 93 немецких историка и мыслителя знаменитого «Воззвания» («Aufruf») 1914 г. повсеместно обвиняли в организации нового поля брани, на которое американские историки с готовностью вступили. Менее чем за два года Комитет по информированию общественности и его отде-

---

[43] *Frech F.* Die Naturwissenschaften im Weltkriege. III.: Schlachtfelder in geographisch-geologischer Hinsicht // Die Naturwissenschaften. 1915. Bd. 3. S. 101–110; *Hennig E.* Geologisches vom westlichen Kriegsschauplätze // Ibid. P. 425–429; *Thwing.* American Colleges. P. 124–125; Scientific Notes and News // Science. 1917. Vol. 45. P. 18.

[44] *Moran Th. F.* The Fight for Public Opinion [May 1918] // Proceedings of the Mississippi Valley Historical Association. 1915–1918. Vol. 9. P. 454–475. P. 454. Подробнее о CPI см.: *Vaughn S.* Holding Fast the Inner Lines. Democracy, Nationalism and the Committee on Public Information. Chapel Hill, 1980; *Blakey G.T.* Historians on the Home Front. American Propagandists for the Great War. Lexington, 1970.

[45] *Jameson J.F.* Historical Scholars in War-Time //AHR. 1916–1917. Vol. 22. P. 831–835.

[46] *vom Bruch R.* Historiker und Nationalökonomen im Wilhelminischen Deutschland // Deutsche Hochschullehrer als Elite 1815–1945 / Hg. K. Schwabe. Boppard, 1988. P. 105–50. P. 116.

ление гражданской и образовательной кооперации, в штате которого было огромное число историков, потратил более семи миллионов долларов на буклеты, книги, лекции и даже фильмы. Однако пропаганда была той областью, в которой американцы старались отделить себя от немцев, потому как методы тех и других были очень близки. Историки объявляли, что, в отличие от их германских коллег, они не стали «историками двора», а Джордж Крил, директор CPI, сделал своим девизом: «выяснить, что делают немцы, и не делать этого»[47].

5. Все то, что было достигнуто или даже просто объявлено университетами, членами факультетов и научно-исследовательских институтов во время войны, приводит к вопросу: что произошло в американской научной жизни после войны? Каким образом история блестящих успехов американской науки двадцатого столетия, среди всего прочего, может быть связана с ее успешным вовлечением в войну?

Единственным учреждением, пережившим войну, был Национальный совет по науке. Когда Вильсон поддерживал основание NRC в 1916 г., он подчеркивал, что ведущую позицию на национальном уровне он займет после войны, и что подобная кооперация и координация приведут Америку к заметному научному и промышленному прогрессу. Большая часть сложной структуры комитетов и подкомитетов, спланированной во время войны, не была осуществлена практически вплоть до окончания войны. Вслед за прекращением военных действий Джордж Э. Хейл в программном заявлении подчеркнул важность того, чтобы Совет по науке продолжил координировать научные проекты и внушать общественности ценность науки как таковой. И хотя он полностью признавал промышленные или прикладные исследования, производимые в лабораториях таких компаний как AT&T, Eastman, Kodak и Westinghouse, он выступал против умаления роли исследований, направленных на выработку фундаментальных знаний. Университеты и общества должны иметь адекватные финансовые средства для чистых исследований, и они должны быть в состоянии осуществлять свою образовательную миссию. Опасность войны «вытолкнула науку на фронт», как говорил

---

[47] *Ford G.S.* America's Fight for Public Opinion // Minnesota History Bulletin. 1919. Vol. 3. P. 3–26. Противоположная, критическая оценка работы историков дана в: *Grattan C.H.* The Historians cut loose // American Mercury. 1927. Vol. 11. P. 414–430; *Creel G.* Public Opinion in War Time // Annals of the American Academy of Political and Social Science 1918. Vol. 78. P. 185–191 (цит. по: P. 190).

Хейл, а теперь был необходим новый толчок для начала длительного прогресса. Другие страны, такие как Великобритания, Франция, Канада и Япония, с готовностью поддерживали крупномасштабные исследования. Хейл ожидал того же от Соединенных Штатов. Он настаивал, однако, на том, что Национальный совет по науке был создан не как правительственная организация и не должен становиться ею[48].

В том же номере бюллетеня Совета, в котором появилось заявление Хейла, Генри С. Притчетт, будущий директор Фонда Карнеги для усовершенствования обучения, указал на изменившийся характер современных исследований: «Люди науки в стране перестали быть отдельными индивидами, они стали организованной и взаимодействующей армией»[49]. Он использовал исследовательские учреждения Grosslichterfelde в окрестностях Берлина как ролевую модель «плодотворных» взаимоотношений между наукой и промышленностью. Фредерик П. Кеппел сходным образом сделал упор на «командную игру» в современной науке[50]. Война ввела в обиход американских ученых такие формы совместного исследования, которые до того были неизвестны. Например, в направленные на общий проект исследования, которые велись Службой химического оружия армии США, было вовлечено более 10 % всех химиков Америки[51]. Совет по науке сделал все, что было в его силах, чтобы продлить эту практику и в мирное время. Как сказал в 1921 г. Вернон Келлог, секретарь Совета, его руководители мечтали о «спланированной, целенаправленной атаке на крупные научные проблемы, в особенности те, которые требуют совместной работы множества человек и лабораторий, зачастую не в одной какой-то области, а в нескольких областях»[52]. Поскольку Совет не мог финансировать исследовательские проекты, то он зависел от той системы добровольного взаимодействия с существующими организациями и университетами, которая практиковалась в военное время.

---

[48] *Hale G.E.* The National Importance of Scientific and Industrial Research. The Purpose of the National Research Council // New World / Ed. R.M. Yerkes. P. 417–438. Р. Колер справедливо описал NRC как «научную торговую ассоциацию»: *Kohler R.* Partners in Science. Foundations and Natural Scientisits 1900–1945. Chicago; London, 1991. P. 83.

[49] *Pritchett H.S.* The Function of Scientific Research in a Modern State // Bulletin of the NRC 1919. Vol. 1. P. 10–11 (цит. по: P. 11).

[50] *Keppel.* American Scholarship. P. 177–178.

[51] *Jones.* Chemical Warfare Research. P. 166.

[52] *Kellog.* National Research Council. P. 366–367.

Имидж университетских профессоров изменился в лучшую сторону. Война размыла границы между «мандаринами» чистой науки и «экспертами» прикладного знания[53]. Гарвардский президент Лоуэлл объявил в январе 1919 г., что «если до войны деловые люди привычно называли профессоров академичными и непрактичными, то теперь обычно признается тот факт, что университетские профессора показали себя крайне эффективными в самых практических делах, даже в тех, которые далеко выходят за пределы их области знания»[54]. По словам Ханса Цинссера, из-за войны профессора больше не были в глазах общественности «одиночками, держащими яйцо в своей руке и замеряющими время варки по наручным часам»[55]. Эта картина была позже закреплена в многочисленных статьях и положила твердое основание найму экспертов во время национальных кризисов 1930-х и 1940-х гг. Это также способствовало резкому увеличению числа поступающих в вузы после войны. Высшее образование стало более желанным после того, как война доказала способность колледжей к обучению экспертов и лидеров, полезных обществу[56].

Война также оставила заметные следы в расписании американских университетов. Курсы по морской инженерии, аэронавтике, статистике и другим естественным и социальным наукам, поспешно введенным в военное время, продолжали преподаваться[57]. Гарвардский президент Лоуэлл предлагал провести критический пересмотр методов обучения на основании опыта, полученного в войне. Он призывал к преподаванию в университетах «искусства войны наравне с тем, как преподаются дру-

---

[53] *Johnson J.A., MacLeod R.M.* War Work and Scientific Self-Image. Pursuing Comparative Perspectives on German and Allied Scientists // Wissenschaften und Wissenschaftspolitik. Bestandsaufnahmen zu Formationen, Brüchen und Kontinuitäten im Deutschland des 20. Jahrhunderts // Hg. R. vom Bruch, B. Kaderas. Stuttgart, 2002. S. 169–179.

[54] President's Report. 1917–1918. P 5.

[55] *Zinsser*. Medicine. P. 53.

[56] *Levine*. American College. P. 23–24; см. также: *Hudson J.W*. The College and New America, New York; London, 1920.

[57] Популярные курсы «Западной цивилизации», которые до сих пор входят в программу для первокурсников большинства американских университетов, происходят из курса «Проблем войны», разработанного историками Колумбийского университета для студентов Военно-войсковых курсов. См.: *Schaffer R*. America in the Great War. The Rise of the Welfare State. New York; Oxford, 1991. P. 128.

гие практические науки и искусства», чтобы лучше подготовить офицеров к современным, быстро изменяющимся условиям войны. Он хотел отказаться от «тенденции разделения знаний по предмету на разные фрагменты, которым обучают в разных курсах» в пользу «исправления сознания в целом». По его мнению, обязанностью университетов было не допустить скатывания к «материализму», как это произошло после Гражданской войны и победы Германии над Францией в 1870 г.[58] Годом позже он подчеркивал, что война показала «необходимость специальных знаний, а потому и специального обучения», но при этом целью университетов должно быть обучение «граждан»[59]. Тем не менее, преподавание традиционных свободных искусств было сокращено в пользу более практичного образования[60].

Перемены также проявились в организационной структуре американских университетов и научных учреждений. Подъем целых дисциплин и научных теорий может быть связан с войной. Основание «Журнала промышленной гигиены» («Journal of Industrial Hygiene») в 1919 г., Школы промышленной гигиены при университете Джона Хопкинса и введение в Гарвардском университете обучающей программы для производственных врачей — все это было прямым следствием интенсификации военных исследований[61]. Промышленная психология, однако, переживала не такие хорошие времена в 1920-е гг. из-за экономического спада. Тогда как во время войны бизнес и правительственные агентства стремились к наиболее высокой продуктивности производства, а недостаток рабочей силы был главным стимулом для научных изысканий, после 1918 г. они просто потеряли актуальность[62]. Профессор Колумбийского университета Фредерик С. Ли продолжал

---

[58] President's Report. 1917–1918. P. 11–12, 17–18.

[59] President's Report 1918–1919 // Official Register of Harvard University. 1920 Vol. 17. № 7. Reports of the President and the Treasurer of Harvard College 1918–1819. Cambridge (Mass.). 1920. P. 5–26. P. 10. По этой теме см. также: *Keppel*. American Scholarship. P. 185: «Узкий специалист в какой-то области был относительно бесполезен».

[60] *Levine*. American College. P. 30, 40.

[61] *Lee F.S*. The Human Machine in the Factory // The Harvey Lectures. Delivered under the Auspices of the Harvey Society of New York 1918–1919. Philadelphia, PA; London 1920. P. 216–233; P. 218.

[62] *Derickson A*. Physiological Science and Scientific Management in the Progressive Era: Frederic S. Lee and the Committee on Industrial Fatigue // Business History Review. 1994. Vol. 68. P. 483–514; *Keppel*. American Scholarship. P. 173.

свою работу под крышей Совета по науке, несмотря на препятствия и расцвет другой научной специальности, которая многим была обязана войне, — прикладной психологии или, если быть более точными, прикладной психологии в понимании Роберта М. Иеркса.

Несмотря на серьезные возражения научного сообщества против его методов и результатов, Иеркс объявил тестирование 1,7 млн призывников во время войны своим главным успехом, и этот миф благополучно дожил до 1960-х гг.[63] Он вытеснил своих конкурентов, таких как Вальтер В. Бингэм и Вальтер Дилл Скотт, которые оба были видными психологами из Технического института Карнеги, а во время войны — лидерами «Комитета по классификации личного состава армии», и которые отдавали преимущество «здравомыслию» перед умственными способностями. Все трое поддерживали применение психологии к социальным проблемам образования и промышленности, но именно Иеркс добился огромных грантов из Фонда Рокфеллера на свои проекты, и именно он получил свой собственный исследовательский институт при Йельском университете в начале 1920-х гг. Конечно же, помогли ему и личные контакты со времен войны — в корпорации Рокфеллера с Бирдсли Рамлом, который был связан с программой тестирования и опубликовал программную статью в поддержку продления избирательных тестов Иеркса, а в Йельском университете с Джеймсом Р. Энджеллом, бывшим председателем Совета по науке[64].

Во время войны ученые и университетские сотрудники впервые получили почти неограниченный доступ к финансовым фондам. Фредерик Кеппел в 1919 г. с удивлением спрашивал, а могло ли это финансирование быть «в будущем вновь ограничено пределами ассигнований на университеты»[65]. Как показывает случай Роберта Иеркса,

---

[63] *von Mayrhauser R.T.* The Manager, the Medic and the Mediator: The Clash of Professional Psychological Styles and the Wartime Origins of Group Mental Testing // Psychological Testing and American Society 1890–1930 / Ed. M. Sokal. New Brunswick; New York; London, 1987. P 128–157; *Yerkes R.M.* Psychology in Relation to the War // Psychological Review. 1918. Vol. 25. P. 85–15; *Yerkes R.M.* Report of the Psychology Committee of the National Research Council // Psychological Review. 1919. Vol. 26. P. 83–149.

[64] *Ruml B.* The Extension of Selective Tests to Industry // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1919. Vol. 81. P. 38–46; *Reed J.* Robert M. Yerkes and the Mental Testing Movement // Psychological Testing / Ed. Sokal. P. 75–94; P. 76.

[65] *Keppel.* American Scholarship. P. 179–180.

ответ часто был отрицательным. Но вместо того, чтобы быть изъятым из университетов и направленным в промышленность, как опасались Кеппел и остальные[66], это финансирование было направлено в крупные частные фонды, оказывающие поддержку научным исследованиям.

Филантропия стала характерной чертой американской науки 1920-х гг. Совет по науке получил крупное пожертвование из корпорации Карнеги. Фонд Рокфеллера сыграл решающую роль в учреждении «Национальных исследовательских обществ» под надзором Национального совета по науке для формирования будущей научной элиты[67]. Фонд отклонил заявку Совета на финансирование нескольких крупномасштабных региональных центров исследований и обучения, но профинансировал новые небольшие учреждения. В 1920 г. деньги Рокфеллера поступили в Национальное бюро экономических исследований под руководством Уэсли С. Митчелла. Митчелл, бывший член Военно-промышленного совета, вместе с другими добился от Вильсона того, чтобы созданное для военных целей Центральное бюро планирования и статистики было сделано постоянным учреждением. Экономическое планирование, основанное исключительно на статистической информации, должно было стать гарантией защиты от неуверенности в бизнесе, социальных волнений и неуправляемых перемен[68]. Социологи надеялись получить в процессе послевоенной реконструкции такую же роль[69], какую получили учреждения, в которых практическая социальная работа комбинировалась с программами социальных реформ, как-то Совет по грузоперевозкам Корпорации вспомогательного флота США и Корпорация жилищного строительства США при Департаменте труда. Но ни Вильсон, ни Конгресс не желали допускать постоянного расширения правительственных функций. Конгресс урезал

---

[66] Ibid. P. 180; *Padelford Fr. M.* A Crisis in Scientific Research // The Pacific Review. 1920-1921. Vol. 1. P. 188–196.

[67] *Kohler.* Partners. Ch. 4; *Kevles D. J.* Foundations, Universities and Trends in Support for the Physical and Biological Sciences, 1900-1992 // Daedalus, 1992. Vol. 121. P. 195–235; P. 198–208.

[68] О Центральном Бюро см.: *Cuff R.D.* Creating Control Systems. Edwin F. Gay and the Central Bureau of Planning and Statistics, 1917–1919 // Business History Review. 1989. Vol. 63. P. 588–613.

[69] *Small A.W., et.al.* What May Sociologists Do Toward Solving the Problem of the Present War Situation? // American Journal of Sociology. 1917–1918. Vol. 23. P. 1–66. В статье представлены результаты опроса, проводившегося в июне 1917 г. среди американских социологов, которые дали 60 ответов.

финансирование и упразднил почти все учреждения военного времени. И тут на сцену вышли фонды. В 1922 г. корпорация Карнеги поддержала крупный Экономический институт, возглавляемый Харольдом Мултоном. Немногим позже, в 1923 г. Совет по исследованиям в области социальных наук начал свою работу под руководством Митчелла и политолога Чарльза Мирриама. Мирриам во время войны служил в Комитете по информированию общественности. Герберт Гувер, один из первых немногих политиков, с самого начала полагавшихся на помощь экспертов и внешних консультационных комиссий, в 1921 г. стал секретарем Торговли. Конечно, опыт работы с экспертами Гувер получил еще во время войны, когда, будучи «Властителем еды», он работал с ними и хвалил их добровольное сотрудничество, называя его настоящим американским поведением[70].

То, что происходило в Америке после 1918 г., было продолжением структуризации, начатой во время войны, но не в смысле немедленного продления разрозненных советов и комиссий, а в способах решения научных проблем и создании личных и институционных сетей, которые предотвращали возврат к довоенной ситуации. Война продемонстрировала общественности, что ученые могут быть полезны обществу, и стимулировала широкий интерес к их работе, несмотря на то, что политическая поддержка этой работы заметно ослабела после 1918 г. Ученые, вернувшиеся из Вашингтона, искали пути реорганизации своих факультетов в университетах. Университет Мичигана, например, разработал в 1921 г. план организации исследовательских отделений на всех факультетах, чтобы создать благоприятные условия для научной работы внутри самого университета. Похожим образом поступил Джеймс Шотвелл из Колумбийского университета, который пригласил в университет новых сотрудников на ставки, предназначенные исключительно для научно-исследовательской работы, и предложил снять в случае необходимости требование преподавательской деятельности, как это сделал Лоуренс Лоуэлл в Гарварде[71].

---

[70] *Smith J.A.* The Idea Brokers. Think Tanks and Rise of the New Policy Elite. New York, 1991. P. 63; *Hart D.M.* Forged Consensus. Science, Technology and Economic Policy in the United States, 1921–1953. Princeton, 1998. P. 30–44.

[71] *Shotwell J.T.* University War Problems // Columbia University Quarterly, 1918. Vol. 20. P. 225–234; P. 233; Отчет президента (President's Report. 1917–1918. Vol. 29): «Какая ужасная растрата молодых многообещающих жизней и разруха в Европе; нам более чем когда-либо нужно внести свой

6. Структурные изменения в Соединенных Штатах нашли отражение во многих подобных начинаниях в Европе. В Германии, как и в США, имидж науки и ученого получил выгоду от войны. Вклад ученых был отмечен и публично оценен. Новые дисциплины или новые подразделения уже существовавших дисциплин требовали включения в университетские курсы на основании того, как они показали себя во время войны. Однако мы можем увидеть, что тщательно разработанная сеть исследовательских институтов, не входящих в состав университетов, деградировала до состояния конца девятнадцатого века. В Германии Первая мировая война сыграла в создании новых всеобъемлющих структур меньшую роль, чем в Америке. Скорее, война значительно усилила уже существующие элементы централизации и планирования. Война создала новые связи между научным сообществом, государством, армией и промышленностью[72]. Однако оказалось трудным развивать эти связи в послевоенных обстоятельствах. Политическая борьба и экономические кризисы Веймарской республики не оставили места для структурных инноваций[73]. Новые Институты кайзера Вильгельма были основаны между 1920 и 1926 гг., а Военно-техническое Общество кайзера Вильгельма продолжило существовать после 1918 г. как Техническое Общество кайзера Вильгельма, но оно не смогло привлечь никакого об-

---

вклад в сокровищницу знаний человечества; но для этого ученые, обладающие необходимыми способностями, должны получить возможность уделять больше времени продуктивной работе».

[72] *Szöllösi-Janze M.* Der Wissenschaftler als Experte. Kooperationsverhältnisse von Staat, Militär, Wirtschaft und Wissenschaft, 1914–1933 // Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung / Hg. D. Kaufmann. Vol. l. Göttingen, 2000. S. 46–64; *Szöllösi-Janze M.* Die institutionelle Umgestaltung der Wissenschaftslandschaft im Übergang vom späten Kaiserreich zur Weimarer Republik // Wissenschaften / Hg. B. Kaderas. S. 60–74; see also: *Ash M.G.* Wissenschaft und Politik als Ressourcen für einander // P. 3–51; P. 36–37.

[73] См. о генетике, например: *Harwood J.* National Styles in Science. Genetics in Germany and the United States between the World Wars // Isis. 1987. Vol. 78. P. 390–414; P. 400–403. Однако обожание американцами германской науки не исчезло без следа. Если верить наблюдениям Августуса Троубриджа (Augustus Trowbridge), который посещал научные учреждения по всей Европе в 1925–1926 гг., то по сравнению с другими европейскими государствами дела в Германии по-прежнему шли хорошо: *Kohler.* Partners. P. 150–156.

щественного финансирования, и было распущено в 1925 г.[74] В прошлом ведущие германские промышленники финансировали научные исследования в области естественных наук, но инфляция военного времени и гиперинфляция 1923 г. уничтожили частный капитал, который в противном случае мог бы быть пущен на филантропические цели. Только что созданный Фонд поддержки немецкой науки (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft), который на долгое время стал самой важной институциональной инновацией в германской науке, внес некоторую разрядку в ситуацию. Американские фонды тоже вкладывали деньги в германские научные проекты, но в собственном развитии Соединенные Штаты имели тотальное преимущество, и довоенные опасения Германии на тему господства американских политических, промышленных и научных ресурсов стали явью.

Перевод Н.Е. Берегой

[74] *Rasch*. Wissenschaft. S. 85–86.

Ю.А. Лайус

МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ, РЫБНЫЕ РЕСУРСЫ И РАЗВИТИЕ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В РОССИИ НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кооперация в европейских морских рыбохозяйственных исследованиях накануне Первой мировой войны

По общепризнанному мнению, судьба Международного совета по исследованию моря (International Council for the Exploration of the Sea — сокращенно ICES, в русском варианте ИКЕС) очень успешна. В отличие от многих других международных организаций, Совет благополучно пережил Первую мировую войну, увеличил число своих членов, особенно после Второй мировой войны, и, несмотря на возросшее количество международных организаций, занимающихся исследованием и эксплуатацией морских ресурсов, до сих пор остается одной из самых влиятельных среди них.

Международная кооперация в сфере морских исследований была задумана и оформлена на рубеже XIX–XX вв., в период, известный всплеском оптимизма и верой в возможности и силу науки. Этот период характеризуется расцветом международной кооперации во многих областях[1]. Очевидно, время появления и степень международной кооперации в той или иной области науки зависят, по крайней мере, частично, от объекта этой науки. Представители наук о Земле объединялись, по-видимому, раньше других ученых. Одной из первых дисциплин, достигших международного оформления, была метеорология, в конце XIX в. в международную ассоциацию объединились геодезисты, чуть позднее — сейсмологи.

Кроме кооперации в смежных областях науки важной предпосылкой организации Совета было усиление международной координации всех аспектов деятельности людей на море. Море было включено в сферу международного права: происходило создание международных правил навигации, охраны подводных телеграфных кабелей и для отдельных районов — правил рыболовства. Как и метеорология, развитие которой было связано с необходимостью развития сельского хозяйства, морские исследования были нацелены на решение практи-

[1] См., например: *Lyons F.S.L.* Internationalism in Europe. Leyden, 1963.

ческих задач. Рыбы так же, как ветра́ и течения, не признают национальных границ — это выражение, быстро ставшее трюизмом, может быть признано девизом Международного совета[2]. Совет был организован на волне возраставшей озабоченности стран Северной Европы развитием морского рыболовства и уверенности в том, что исследования такого масштаба, которые необходимы для этого развития, под силу организовать только усилиями ученых многих стран[3].

Наиболее важными мероприятиями для развития международных контактов в области морских исследований до организации Совета нужно признать международные географические конгрессы и рыбопромышленные выставки, часто также сопровождавшиеся конгрессами. Если посмотреть на участников такого конгресса в Бергене в 1898 г., можно увидеть среди них значительную часть активных деятелей будущего Совета[4]. Особую роль в организации Совета сыграл Шестой Международный географический конгресс, состоявшийся в 1895 г. в Лондоне. Именно здесь с идеей организации международных исследований выступил шведский океанограф Отто Петтерссон (Otto Pettersson). Он представил на суд географов не просто витавшую в воздухе идею, но результаты совместной деятельности океанографов нескольких стран. Начав с объединения усилий ученых скандинавских стран в 1892 г., Петтерссон сумел вовлечь в исследования шотландских и немецких ученых. Они стали проводить одновременные рейсы в разных районах Балтийского и Северного морей для сбора данных по температуре и солености морской воды при помощи сходных инструментов, дававшие возможность нарисовать общую картину движения водных масс. Петтерссон был одним из первых, кто пытался отыскать связь между этими движениями и миграциями рыб и объяснить, таким образом, колебания уловов сельди, оказывавшие огромное влияние на экономику Швеции[5]. Он также поставил на повестку дня изучение связи гидро-

---

[2] См.: *Rozwadowski H.* The Sea Knows No Boundaries. A Century of Marine Science under ICES. Seattle, 2002.

[3] *Лайус Ю.А.* Становление международной кооперации в исследовании морей в конце XIX – начале XX в. //Третьи Петербургские чтения по новистике. Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.). СПб., 2003. С. 388–394.

[4] См.: Comptes rendus des seances du Congrés International des Péches. 1899. Publ. Dr. J. Brunchorst. Bergen.

[5] *Svansson A.* Herring and hydrography, Otto Pettersson and his ideas of the behaviour of the period herring // Swedish and international fisheries // Ed. by

графических и метеорологических явлений, в первую очередь, влияния Гольфстрима на погоду в Северной Европе.

«Международная кооперация в изучении морей Северной Европы началась с работ очень небольшого масштаба, проводившихся главным образом благодаря личной дружбе между учеными трех скандинавских стран», — писал позднее глава норвежского Бюро по рыболовству Йохан Йорт[6]. Время для развития этой кооперации оказалось благоприятным, а Географический конгресс — подходящим местом для привлечения внимания к этой идее. Тем не менее, прошло несколько лет, пока Петтерссону удалось сделать следующий шаг. За это время немецкие и голландские ученые сформулировали программу международных исследований в области морского рыболовства[7]. Резолюция Географического конгресса в поддержку международных исследований была послана шведскому королю Оскару II. Вскоре Петтерссон добился встречи с королем, убедил его в важности международных исследований и получил согласие на проведение конференции в Стокгольме.

То, что инициатива созыва конференции исходила от Швеции, помогло преодолеть сложности международной обстановки, связанные с англо-бурской войной, вызвавшей сильные антибританские настроения в Нидерландах и Германии. После длительных переговоров удалось собрать вместе делегации всех приглашенных стран, выработать общую программу исследований. Согласно этой программе Международный совет по исследованию моря создавался, по крайней мере, на пять лет, в него должны были войти по два представителя от каждой страны (не считая неопределенного числа экспертов, которые могли привлекаться к его работе). При Совете создавались Центральное бюро и лаборатория, координировавшие ежесезонные рейсы всех стран-участниц, обеспечивавшие их методической помощью и оборудованием, а также собиравшие рыболовную статистику.

B. Andersson. Rapport från ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs Universitet, 1999. № 13. P. 22–36.

[6] *Hjort J.* International Exploration of the Sea // Rapports et Proces — Verbaux des Reunions. Vol. CXV. 1945. P. 8.

[7] *Lenz W.* Die Überfischung der Nordsee — ein historischer Überblick des Konfliktes zwischen Politik und Wissenschaft // Historisch-Meereskundliches Jahrbuch. Bd. 1. Berlin, Hamburg, 1992. S. 87–108; *Smed J., Ramster J.* Overfishing, science, and politics: the background in the 1890s to the foundation of the International Council for the Exploration of the Sea // 100 Years of Science under ICES. ICES Marine Science Symposia. 2002. Vol. 215. P. 13–21.

Научная программа включала в себя части обеих ранее выработанных программ: программы физико-океанографических исследований, разработанной Петтерссоном, и программы биологических исследований. Каждая страна отвечала за изучение определенных участков северо-восточной части Атлантики, включая Балтийское море. Согласованность исследований и стандартизация методик были краеугольным камнем программы, в особенности физико-океанографической ее части, так как только они позволяли вести изучения океана как единого целого, что и являлось основной задачей.

Приглашение шведского короля принять участие в конференции было разослано правительствам Германии, Великобритании, Нидерландов, Дании, Норвегии и России[8]. Делегатом от России на этой конференции был инспектор по рыболовству Департамента земледелия Оскар Андреевич Гримм (1845–1921)[9]. Архивные документы дают представление о совместных усилиях Гримма и начальника Мурманской научно-промысловой экспедиции Николая Михайловича Книповича, способствовавших вступлению России в Совет[10]. В 1899 г. шведский король Оскар II послал через шведско-норвежское посольство специальную ноту, информировавшую об образовании Совета, министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву. Последний написал министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову,

---

[8] См.: *Rozwadowski H.M.* Указ. соч.; *Лайус Ю.А.* Участие русских ученых в деятельности Международного совета по исследованию моря // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX годичной конф. СПб отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. Вып. XV. СПб., 1999. С. 43–44.

[9] *Knipowitsch N.M.* Oscar von Grimm (1845–1921). Rapports et Proces-Verbaux des Reunions, Council International pour Exploration de la Mer. 1928. Vol. XL–VII. Rapport Jubilaire (1902–1927). S. 39; *Гримм О.А.* Международная конференция по вопросу исследования северных морей, бывшая в Стокгольме в июне 1899 г. // Вестник рыбопромышленности. 1899. Т. XIV. С. 405–420.

[10] Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398 (Департамент Земледелия). Оп. 72. Д. 28059 (Об участии России в задуманной Стокгольмской Академией наук в интересах рыбного промысла международной конференции и исследовании северных морей); См. также: *Lajus J.A.* «Foreign science» in Russian context: Murman Scientific-Fishery Expedition and Russian participation in early ICES activity // 100 Years of Science under ICES. ICES Marine Science Symposia. 2002. Vol. 215. P. 64–72.

в ведении которого находилось и рыбное хозяйство России[11]. В этом письме Муравьев утверждал, что участие в международных морских исследованиях очень желательно для России. Он подчеркивал, что это участие не повлечет за собой слишком больших материальных расходов, так как существует Мурманская экспедиция, чья деятельность очень хорошо вписывается в предполагаемые международные исследования.

В соответствии с решением Стокгольмской конференции России было предложено вести исследования в двух районах: в восточной части Балтийского моря, где исследования проводились в основном финскими учеными[12], и Баренцевом море, где работала Мурманская экспедиция. Однако вопрос о вступлении России в Совет долгое время оставался нерешенным. В конце 1899 г. А.С. Ермолов созвал Комиссию по рассмотрению резолюции Стокгольмской конференции при Министерстве земледелия и государственных имуществ, в которую были приглашены представители всех основных министерств и Академии наук[13]. Комиссия пришла к заключению, что Россия должна участвовать в международных исследованиях, но без участия в Международном бюро. Вместо этого было принято решение об организации российского бюро по морским исследованиям, которое должно было координировать все отечественные морские исследования.

Принимая такое решение, ученые и чиновники ссылались на опыт организации исследований в геологии и метеорологии, где впечатляющая координация работ и унификация методов исследования была достигнута без организации специальных международных организаций, а только путем регулярного созыва международных съездов и деятельности временных комитетов, работавших в период между съездами[14]. Особенно поддерживал такую схему международной ко-

---

[11] [Письмо министра иностранных дел гр. Муравьева министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову, 1899 г.] // РГИА. Ф. 398. Оп. 72. Д. 28059. Л. 2–3.

[12] *Malkki P.* Указ. соч.

[13] [О создании Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей, 11 декабря 1899 г.] // РГИА. Там же. Л. 71.

[14] [Журналы заседаний Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским Правительством решений Международной Стокгольмской конференции об

операции полярный геолог Ф.Н. Чернышев, имевший большой опыт международной деятельности, в частности, участие в многолетней шведско-российской экспедиции на Шпицберген в 1899–1903 гг. Против участия России в деятельности Международного бюро и выплаты соответствующего взноса выступил и министр финансов С.Ю. Витте, который указал Ермолову на то, что государственная казна и так расходует значительные суммы на финансирование экспедиций в северные районы страны, включая Мурманскую экспедицию[15].

Н.М. Книпович справедливо считал, что работы Мурманской экспедиции приобретут особую ценность, если они будут проводиться по единой международной программе, выработанной и применяемой всеми странами-участницами деятельности Совета. Как начальник экспедиции, стремясь осуществлять исследования на самом высоком современном уровне, Книпович был особенно заинтересован в участии России в деятельности Совета и его Международного бюро. Поэтому, когда это участие было поставлено под сомнение, Книпович высказал в письменном виде свое особое мнение по этому вопросу[16]. Не отрицая желательности русского бюро, он в то же время сомневался в возможности найти для него необходимые средства, а главное, квалифицированные кадры. По его мнению «постановление страдает излишним оптимизмом по отношению к нашим наличным научным силам. Именно в области гидрологии этих сил крайне мало..., а в области биологии моря и систематики морских животных у нас сил прямо крайне мало вследствие одностороннего направления, господствующего в современной русской зоологии»[17]. Он утверждал, что необходимо примкнуть к Международному бюро хотя бы на период первоначальных работ, высказывая надежду на то, что «за этот период техника новых исследований будет у нас вполне выработана, подготовятся люди для самостоятельных работ, и тогда, действительно, будет излишним дер-

---

изучении гидрографии и биологии северных морей, 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 130–131.

[15] [Письмо министра финансов С.Ю. Витте министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову от 3 февраля 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 97–98.

[16] [Особое мнение Н.М. Книповича по вопросу об участии России в деятельности Международного Совета по исследованию моря по результатам совещания в Министерстве земледелия в 1900 г.]// РГИА. Там же. Л. 137–138.

[17] Там же.

жаться какого-либо международного учреждения вместо своего русского»[18].

Весь 1900 г. российское правительство откладывало решение вопроса о вступлении России в Совет, по-видимому, ожидая, что решат правительства других стран. В декабре шведско-норвежское посольство в письме Ермолову подчеркивало, что вступление России является очень важным для Швеции[19]. Еромолов в письме Витте, утверждая, что вступление в Совет необходимо для России «как великой державы, стоящей на той же ступени развития, что и европейские страны», подчеркивал, что не считает желательным и даже возможным уклоняться от столь важного международного начинания[20]. Россия фактически уже участвовала в международных исследованиях не только работами Мурманской экспедиции, адмирал С.О. Макаров принимал участие в составлении новых, более точных гидрографических таблиц[21], на эту работу со стороны России была отпущена из казны одна тысяча рублей[22].

Когда в самом начале 1901 г. стало ясно, что большинство приглашенных стран собираются вступить в Совет, а Витте отказался финансировать российское бюро по морским исследованиям[23], Ермолов снова собрал Комиссию[24]. На этот раз члены Комиссии склонились

---

[18] Там же.

[19] *Smed J.* Three Russian Oceanographers and their Relations to Colleagues at Early ICES // History of Oceanography. Abstracts of the VII International Congress on the History of Oceanography. Kaliningrad. September 8–12, 2003. Kaliningrad, 2003. P. 93–98.

[20] [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте от 9 марта 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 105.

[21] [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте от 9 марта 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 103.

[22] *Smed J.* Early Discussion and Tests of the Validity of Knudsen's Hydrographical Tables // Historische-Meereskundliche Jahrbuch. Bd. 1. 1992. S. 79.

[23] См.: [Письмо министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова министру финансов С.Ю. Витте, июль 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 174–175 и [Письмо министра финансов С.Ю. Витте министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову] // РГИА. Там же. Л. 188.

[24] [Журналы заседаний Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей, 1900 г.] // РГИА. Там же. Л. 124–141.

к позитивному решению, которое, однако, еще не означало положительного ответа правительства.

Не дожидаясь окончательного решения о вступлении России в Совет, Книпович уже в 1900 г. начал исследования по Стокгольмской программе, о чем написал Петтерссону[25]. В своем выступлении в Комиссии Ермолова Книпович утверждал, что вся деятельность Мурманской экспедиции тесно связана со Стокгольмской программой, потому что он организовал все свои исследования в результате контактов в ходе заграничной поездки с учеными, которые были инициаторами организации Стокгольмской конференции[26].

Для окончательного оформления Совета было решено вскоре созвать еще одну конференцию. Однако потребовалось еще два года на согласование мест расположения бюро и лаборатории и распределение должностных обязанностей. Обсуждение этих проблем шло как между учеными, так и на самом высоком правительственном уровне.

Долгое время оставалось неясным, будет ли Россия принимать участие в новой конференции, так как вопрос о вступлении в Совет все еще оставался открытым. В декабре 1900 г. Книпович писал Петтерссону, что «он очень заинтересован в международной кооперации», добавляя, что Оскар фон Гримм тоже за кооперацию и делает все возможное для того, чтобы вопрос о вступлении России в Совет был решен положительно[27]. В феврале 1901 г. Книпович написал Петтерссону, что он получил финансирование для Мурманской экспедиции еще на четыре года работы и будет продолжать исследования по программе, принятой в Стокгольме, даже в том случае, если Россия не войдет в Совет[28]. Петтерссон был заинтересован в участии Книповича в конференции в Христиании и беспокоился о том, чтобы время

---

[25] [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 14 декабря 1900 г.] // Библиотека Гетеборгского университета (Universitetbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем. (нем.).

[26] [Выступление Н.М. Книповича на заседании Комиссии для выяснения вопроса о принятии русским правительством решений Международной Стокгольмской конференции об изучении гидрографии и биологии северных морей в апреле 1900 г. // РГИА. Там же. Л. 125–126.

[27] [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 14 декабря 1900 г.] // Библиотека Гетеборгского университета (Universitetbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем. (нем.).

[28] [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерссону от 16 февраля 1901 г.] // Там же.

ее проведения оказалось подходящим для него, так как в летнее время Книпович не мог покинуть свою экспедицию[29].

В конце концов, русское правительство решило послать представителя в Христианию. Гримм был болен и не смог поехать, поэтому Книпович был единственным делегатом от России[30]. Окончательно вопрос о вступлении России в Совет был решен лишь в марте 1902 г., когда император подписал соответствующий указ о вступлении сроком на два года. Впоследствии срок этот несколько раз продлевался.

На конференции в Христиании в 1901 г., кроме перечисленных выше стран, присутствовали также представители от Бельгии и Финляндии[31], которая некоторое время входила в Совет независимо от России. Итоговый документ, подписанный одним представителем от каждой страны, не был опубликован в сборнике трудов конференции, а был передан непосредственно в правительства. Копенгаген, единственный город, устраивавший как скандинавские страны, так и Германию, и Великобританию, несмотря на свою удаленность от открытого моря, был выбран местом размещения Центрального бюро. Подчиненная бюро Центральная лаборатория под началом Фритьофа Нансена была размещена в Христиании.

Чтобы сбалансировать скандинавское лидерство, глава Немецкой комиссии по морскому рыболовству Вальтер Хервиг (Walther Herwig) был избран президентом Совета[32], а голландец Паулус Хук (Paulus Hoek) — генеральным секретарем. Петтерссон стал его почетным вице-президентом. Были определены суммы, вносимые каждым правительством на содержание Бюро и Лаборатории.[33]

На конференции была принята рекомендация каждой стране построить специальное научно-исследовательское судно. К этому времени такие суда уже были у России — «Андрей Первозванный», и у Норвегии — «Михаил Сарс» («Michael Sars»), построенное в 1900 г. для норвежского

---

[29] *Smed J.* Three Russian Oceanographers...

[30] [Отчет Н.М. Книповича об участии в конференции Международного Совета по исследованию моря в Христиании, 1901 г.] // РГИА. Там же. Л. 292.

[31] *Malkki P.* The early membership of Finland in ICES // Deutsche Hydrographische Zs, Erganzungsheft. 1990. Reihe B. Bd. 22. P. 319–322.

[32] *Went A. E. J.* Seventy years agrowing: a history of the International Council of the Exploration of the Sea, 1902–1972 // Rapports et Proces–Verbaux des Reunions, Conseil International pour l'Exploration de la Mer. 1972. Vol. 165.

[33] Там же. На русском языке см.: *Алексеев А.П.* К истории создания и о первом периоде работ...

Бюро по рыболовству. Вскоре вошли в строй немецкое судно «Посейдон» («Poseidon») и датское «Тор» («Thor»). В июле 1902 г. организация Совета была официально утверждена на его Первом конгрессе в Копенгагене. Все основные документы Совета печатались на французском языке — языке дипломатии (хотя Франция и не была членом Совета), а научные материалы, главным образом, на немецком. Сочетание привычного дипломатического и формировавшегося международного научного стиля общения между представителями разных стран — характерная черта деятельности Совета.

Основателями Совета были крупные ученые, занимавшие государственные посты, часть из них была связана с правительствами своих стран. Сохранившаяся обширная переписка между учеными дает ясное представление о том, насколько органичным образованием, поддерживаемым живым научным и личным общением, была эта международная организация.

У каждой страны были свои первоочередные проблемы, которые она хотела решить при помощи развития международной научной кооперации. Для скандинавских стран существовала настоятельная необходимость понять связь между морем и погодой, изменениями погоды и течений и колебаниями численности промысловых рыб. Германия стремилась выйти на морские просторы и поставить свое, набиравшее силу морское рыболовство на такую же прочную научную основу, как сельское хозяйство, которым она по праву гордилась. Для Великобритании первым на повестке дня стоял вопрос о перелове рыбы в Северном море, приведшем к значительному падению уловов и обострению конкуренции между английскими, немецкими и голландскими рыбаками. Россия, озабоченная развитием Севера, поддерживала эту инициативу до тех пор, пока другие, более насущные вопросы, в особенности, необходимость регулирования рыболовства в Каспийском море, не отвлекли правительство и ученых от северных морей.

Уместно привести здесь слова известного историка океанографии Эрика Миллза: «ИКЕС был рожден в результате умного компромисса из задач, поставленных скандинавскими странами, которые, однако, могли формулироваться другими странами согласно их собственным интересам»[34].

Другой формой международной кооперации в морских исследованиях в предвоенный период были Океанографические курсы,

[34] *Mills E.* Указ. соч. P. 86.

проводившиеся с 1903 г. Бергенской биологической станцией. С самого начала Бергенская станция была частью международной сети морских биологических станций. Однако особенный импульс к своему развитию она получила после организации Международного совета по исследованию моря. Деятельность Совета требовала существенного увеличения числа квалифицированных морских исследователей, которые знали бы вырабатываемые Советом международные стандарты океанографических исследований, могли бы использовать новые методы и приборы. С целью такого обучения Бергенская станция организовала в 1903 г. курсы по океанографии. Объявления о курсах широко печатались в международных журналах, перепечатывались в национальной прессе, в том числе в России.

Курсы проводились совместно биологической станцией, Бергенским Музеем и Директоратом по рыболовству Норвегии. Преподавали на них лучшие специалисты, такие как зоолог Адольф Аппеллоф (Adolf Appellof), планктонолог Х.Х. Гран (H. H. Gran), ихтиолог Й. Йорт и его ассистент будущий крупный океанограф Бьорн Хелланд-Хансен (Bjorn Helland-Hansen).

Курсы состоялись 11 раз с 1903 по 1913 г. включительно, двумя потоками слушателей в 1903 г. (весной и в августе), и с пропуском 1910 г., который был связан с проведением в этом году Зоологического конгресса. Всего на курсах был обучен 171 человек из 15 стран. Рабочим языком курсов был немецкий, что позволяло принимать участие в их работе студентам из самых разных стран, поскольку немецкий язык в те годы был основным языком науки. Немецкие и скандинавские студенты составляли большинство слушателей. Русские участники не приезжали в Берген так регулярно, как немецкие, значительный перерыв их участия в 1905–1907 гг., несомненно, связан с революционными событиями в России. В целом, курсы посетили 20 молодых ученых и студентов из России.

Если посмотреть отчеты биологической станции и Бергенского музея, который печатались в его Ежегоднике[35], можно заметить, что многие слушатели, принимавшие участие в работе курсов, в следующие годы приезжали в Берген уже как исследователи. Информация о Бергенской станции благодаря курсам широко распространилась, и некоторые исследователи посещали станцию, не принимая участия в курсах. Из наиболее известных визитеров нужно отметить зоологов

[35] Bergens Museum Aarbok. 1903–1913.

из С.-Петербургского университета С.В. Аверинцева в 1904 и В.А. Догеля в 1906 г.

В архиве норвежского океанографа Б. Хелланд-Хансена в Бергене хранится документация и корреспонденция, связанная с работами Океанографических курсов. Там удалось обнаружить список предполагаемых слушателей на август 1914 г.[36] Большинство из них были немцы. Конечно, курсы в этом году не состоялись. Не состоялись они и в последующие военные годы. К сожалению, и после окончания войны эта полезная деятельность не была восстановлена.

Ежегодные совещания Совета и его комиссий для маститых ученых и Бергенские курсы для начинающих отлично дополняли друг друга. И те, и другие послужили быстрому формированию научного сообщества в морских исследованиях, самоидентификации членов этого сообщества как океанографов, независимо от их прошлых интересов и образования, распространению новых методов, возникновению и поддержанию многолетних контактов между учеными.

Международный совет по исследованию моря во время войны

Итак, накануне Первой мировой войны Международный совет по исследованию моря был сложившейся, устойчивой, широко известной международной организацией, членами которой были девять европейских стран и США. У ученых, работавших в Совете были амбициозные планы организации совместных исследований, плавучих лабораторий, конференций. Особенно важным был проект, подготовленный О. Петтерссоном по организации международного исследования Атлантического океана с борта военных кораблей, которые должны были участвовать в церемонии открытия Панамского канала[37].

Первая мировая война разорвала сложившиеся международные связи в научных сообществах, сделав невозможным не только организацию исследований моря, но и проведение обычных ежегодных конференций Совета. Налаженные пути обмена научными знаниями через переписку и личные встречи ученых также были нарушены. Для российских ученых-океанографов главным каналом получения информации во время войны стали скандинавские страны.

---

[36] Statsarkivet Bergen, Bjorn Helland Hansen archives.

[37] *Rozwadowski H.* Указ. соч. P. 56–58.

Международный совет был в числе тех немногих международных организаций, которым удалось пережить войну. Это стало возможным благодаря согласованной политике небольшой группы ученых нейтральных стран и Великобритании: в первую очередь президента Совета О. Петтерссона, его генерального секретаря, датского рыболовного инспектора и военно-морского офицера Кристиана Дрекселя (Christian Drechsel) и британского делегата Генри Мориса (Henry Maurice). Совет сумел собрать взносы от нейтральных стран, Великобритании и России и даже проводил во время войны некоторые, конечно, очень локальные исследования. Роль британских ученых в поддержании жизнедеятельности Совета во время войны была решающей, и она была высоко оценена научным сообществом, что проявилось, в частности, в избрании после войны Г. Мориса президентом Совета.

Россия не покинула Совет с началом войны и даже заплатила взнос за 1914–1915 гг. Это было сделано в 1915 г. во время визита Дрекселя в С.-Петербург. Однако по совету датского консульства деньги не были переведены в Данию, а положены на депозит в Азово-Донской банк, где они и хранились до самой революции[38]. Во время революции они были конфискованы, и проблема возвращения этих денег Совету стала неразрешимым препятствием на пути участия России (СССР) в деятельности Совета после окончания войны. Деньги эти так и не были возвращены, что задержало вступление СССР в Совет до 1956 г.

Книпович, для которого международная кооперация была делом всей его жизни и единственно возможным способом организации научной деятельности, использовал любую возможность для контактов с зарубежными коллегами, даже во время войны. Единственным отличием писем военного времени было использование французского языка вместо немецкого. В письме О. Петтерссону от 28 октября 1916 г. Книпович выражал надежду на скорое окончание войны и восстановление международной кооперации в науке[39].

Во время войны Россия построила в Норвегии несколько гидрографических судов. Наблюдение за их постройкой, как когда-то за постройкой «Андрея Первозванного» в Германии, было поручено Л.Л. Брейт-

---

[38] Письмо Н.М. Книповича В.И. Ленину от 10 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук: Сб. док. М., 1969. С. 219–220.

[39] [Письмо Н.М. Книповича О. Петтерсону от 28 октября 1916 г.] // Библиотека Гетеборгского университета (Universitetbiblioteket Gothenburg). Коллекция писем (нем.).

фусу. В 1915 г. он участвовал на этих судах в спасательных рейсах по розыску русских полярных экспедиций в Карском море[40]. Необходимо отметить, что интерес российского правительства к Северу во время войны сильно вырос. Это выразилось, в частности, в том, что в 1916 г. Россия объявила суверенитет над своими территориями в Арктике[41].

Война и возрастание интереса в России к рыбным ресурсам северных морей

Уже через год после начала войны ведущие ученые страны осознали необходимость содействия развитию промышленности России и освобождения ее от экономической зависимости от Германии, улучшения состояния сельского хозяйства и торговли[42]. В первую очередь требовалось наладить тщательный учет природных ресурсов. В заявлении, зачитанном В.И. Вернадским 21 января 1915 г. на заседании Физико-математического отделения АН, выдвигалась задача организации в системе Академии постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В круг деятельности Комиссии наряду со многими другими задачами, касающимися обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем, входило и изучение продовольственных ресурсов, в том числе и рыбных. В состав КЕПС вошли следующие ученые, связанные с рыбным хозяйством и морскими исследованиями: специалисты по рыбопромышленности Департамента земледелия В.К. Бражников, В.И. Мейснер и А.С. Скориков, профессора Л.С. Берг и К.М. Дерюгин, старшие зоологи Академии наук Н.М. Книпович и П.Ю. Шмидт.

1 апреля 1916 г. В.К. Бражников выступил на Общем собрании КЕПС с докладом, посвященным рыбному хозяйству страны в целом[43].

---

[40] *Брейтфус Л.Л.* Данные о плавании судов спасательных экспедиций — пароходов «Андромеда» и «Кит» («Полярный») в 1915 году // Записки по гидрографии. 1916. Т. XL, вып. 3. С. 431–452.

[41] *Пинхенсон Д.М.* Указ. соч. С. 644–645.

[42] *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб, 1999. С. 13–31. См. также: *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 322–323.

[43] Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Императорской Академии Наук. 1916. Пг., 1916. № 4. С. 66–69.

Он подчеркнул, что вопросы продовольствия страны в настоящий момент представляют особую важность. В обсуждении доклада были подняты вопросы рационального использования и охраны рыбных богатств. Бражников привел статистические данные по рыболовству, в том числе и в Баренцевом море. В дальнейшем очерки по промысловым рыбам, в том числе северным, были включены в шестой том сборника «Естественные производительные силы России», изданном КЕПС[44].

В следующем месяце КЕПС вернулась к этим вопросам при обсуждении доклада С.П. Максимова «Водное хозяйство в России», в котором было внесено предложение об учреждении Института водного хозяйства[45]. За создание такого учреждения в виде Центрального бюро (или Комиссии) по изучению вод и водных богатств России в 1917 году выступил ихтиолог П.Ю. Шмидт[46]. Он подчеркивал значение рыбного хозяйства в экономике России, как в настоящем, так и в особенности в будущем, после окончания войны, когда «потребность в правильной постановке дела исследования вод, их фауны и флоры, будет еще более настоятельной, чем сейчас»[47]. Ученый отмечал недостаточную согласованность исследований между различными ведомствами и отдельными экспедициями и биологическими станциями, неорганизованность и недопустимую длительность в обработке собранных материалов. Он предлагал «объединить те разрозненные силы, которые в настоящее время заняты изучением вод и водных богатств в России» и создать в столице центральное учреждение, аналогичное по заданиям Международной комиссии (Совету) по исследованию моря, «которая с такой честью и с таким выдающимся успехом вела за последние годы до войны все дело исследования морских вод Северной Европы»[48].

В целом, организация сети научно-исследовательских институтов была одной из основных задач дальнейшего развития российской науки

---

[44] Рыбы. Ч. 2. // Естественные производительные силы России. Т. VI. Животный мир Отдел III. Систематический обзор представителей животного царства, имеющих хозяйственное значение. Пг., 1920.

[45] *Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 35.

[46] *Шмидт П.* Об организации исследований водных богатств России // Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Академии наук. Пг., 1917. № 7. С. 134–136.

[47] Там же. С. 135.

[48] Там же. С. 135.

в этот период времени[49]. Для отыскания средств на организацию институтов весной 1917 г. была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», заместителем председателя исполнительного органа Ассоциации стал Н. М. Книпович[50].

О повышении интереса правительственных кругов к Северу во время войны свидетельствует созыв в декабре 1916 г. Особого междуведомственного совещания по вопросу об устроении и развитии Русского Севера. Его работа проходила под девизом: «Воссоздание северной окраины является национальной задачей»[51]. На первом месте стоял вопрос об использовании лесных богатств, но обсуждался и вопрос об улучшении рыбных промыслов. Никаких реальных мер по их развитию, впрочем, предложено не было. Меры, выдвинутые самими промышленниками, в том числе на Первом рыбопромышленном съезде Поморско-Мурманского района[52], и заключавшиеся в выплате ссуд на постройку кораблей, налаживании обеспечения солью и т.п., в военное время не могли быть выполнены.

С возрастанием роли Севера в широких кругах научной общественности происходило усиление интереса к изучению его природных богатств. В 1914 г. были организованы Постоянная полярная комиссия при АН[53] и Комитет Севера при Русском географическом обществе. В составе КЕПС была организована Подкомиссия по вопросу об изучении и использовании естественных производительных сил Русского Севера, которая позднее в 1918 г. была преобразована в Отдел по исследованию Севера[54]. Председателем Отдела стал А.П. Карпинский, его заместителем бывший вице-губернатор Архангельской губернии и организатор Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС) А.Ф. Шидловский. Отдел занимался главным образом систематизацией литературы, посвященной природным богатствам Севера, в том числе и рыбным.

---

[49] *Есаков В.Д.* От императорской к российской. Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132.

[50] *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 331.

[51] *Пинхенсон Д.М.* Указ. соч. С. 645.

[52] Труды Первого рыбопромышленного съезда Поморско-Мурманского района в с. Сороке, Кемского уезда Архангельской губернии. Архангельск, 1914.

[53] Постоянная Полярная комиссия Академии Наук СССР // Советский Север. 1930. № 1. С. 137–140.

[54] *Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 92.

Ухудшение ситуации с продовольствием вызвало увеличение интереса к рыболовству. Снабжение рыбой Петрограда было подвергнуто специальному анализу[55]. В связи с окончанием строительства Мурманской железной дороги появились надежды на снабжение столицы северной рыбой. Спрос на северную рыбу, особенно на мурманскую соленую треску, постоянно повышался[56]. Железная дорога должна была не только способствовать вывозу рыбы с промыслов, но и улучшению самих промыслов, в частности возрождению весеннего лова[57]. По данным инспектора рыболовства в 1915 г. в мурманском промысле участвовало 1 636 судов, более 3 000 человек[58]. Однако, после повышения тарифов на пассажирские перевозки Архангельско-Мурманским пароходством в 1916 г. для возмещения убытков военного времени, большинству поморов стало труднее добираться до места промыслов.

14 марта 1917 г. в Петрограде состоялось совещание при Отделе заготовок продуктов и фуража для действующей армии Министерства земледелия по вопросу о возможности использования рыбных промыслов Мурмана и Белого моря под председательством Н.М. Книповича[59]. Были выдвинуты предложения о привлечении к промыслам финнов, переселенцев-латышей и даже о том, чтобы допустить на Мурман норвежских рыбаков, с условием, чтобы они выловленную рыбу сдавали на российский рынок. Однако Морской главный штаб эти предложения не одобрил. При этом увеличение привоза рыбы из Норвегии признавалось желательным, так что даже, несмотря на запрет вывоза хлебных товаров из России в военное время, правительство сочло возможным

---

[55] *Веберман Э.А.* Снабжение рыбой Петрограда в 1916 г. // Вестник рыбопромышленности. 1916. № 11. С. 582–599.

[56] *Зайцев А.Ф., Родионов Н.Р.* Мурманская железная дорога и задачи экономической политики на Севере // Война и экономическая жизнь. Очерки и материалы для характеристики народного и государственного хозяйства в связи с войной. Вып. III. Пг., 1916. С. 17.

[57] Там же. С. 16.

[58] [Выписка из обзора современного положения мурманского промысла по данным 1915 г., составленная инспектором рыбных промыслов Талалаевым] // ПФА РАН. Ф. 269. Оп. 3. Д. 24. Л. 4.

[59] *Шрадер Т.А.* Русско-норежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 44–56.

разрешить в ограниченном количестве поморским судовладельцам продолжать традиционный обмен хлебных товаров на рыбу[60].

Первая мировая война, с одной стороны, оказала отрицательное влияние на промысловую деятельность, но с другой стороны, способствовала увеличению значения северных морей в экономике и торговле страны. Среди важных исторических последствий войны для дальнейшего развития рыболовства в Баренцевом море необходимо отметить строительство Мурманской железной дороги и покупку в Великобритании 12 минных тральщиков, которые после окончания войны были переоборудованы для промысла.

Военная обстановка не способствовала научным исследованиям на Мурмане. Так, Мурманская биологическая станция Петроградского Общества естествоиспытателей во время войны не функционировала, здания ее с лета 1915 г. были заняты Морским ведомством и оказались сильно попорчены[61]. Тем не менее, директор станции Г.А. Клюге продолжал жить в Александровске, не оставляя попыток восстановить научную жизнь станции. Позднее он писал, что «руки опускались при взгляде на этот погром и разрушение, особенно при сравнении с блестящим прошедшим периодом жизни Станции»[62].

Клюге предлагал переориентировать исследования станции на прикладную тематику, связанную с войной. Он выступил на общем собрании КЕПС и в Химическом отделе Военно-промышленного комитета с предложением организовать на станции «рациональную постановку добывания рыбьего жира»[63]. Осенью 1917 г. Постоянной полярной комиссией АН обсуждался вопрос о возобновлении деятельности станции

---

[60] Там же. С. 55.

[61] *Киселев А.А.* Мурманская биологическая станция и ее директор профессор Г.А. Клюге // Наука и бизнес на Мурмане. Сер. История и право. Т. 11. Мурманск, 2002. С. 45.

[62] *Клюге Г.А.* Исторический очерк развития Мурманской Биологической Станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. Л., 1925. С. 14.

[63] [Записка Г.А. Клюге о желательности рациональной постановки добывания рыбьего жира на Мурмане и возложении этой задачи на Мурманскую биологическую станцию] // ПФА РАН. Ф. 817 (Личный фонд П.Ю. Шмидта). Оп. 1. Д. 179 (Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции. 1918). Л. 58–59.

и использовании ее для нужд обороны. Полярная комиссия обратилась к военному министру с просьбой оказать станции поддержку, включив ее в число учреждений, работавших на оборону. В письме подчеркивалось, что станция помимо научных задач может и должна быть использована для нужд обороны, так как на ней могут проводиться исследования для рациональной постановки добывания рыбьего жира и йода из водорослей[64]. В связи со сменой власти в государстве эта просьба осталась невыполненной. Зимой 1918 г. вопрос о возобновлении деятельности Мурманской биологической станции рассматривался на заседании Александровского уездного земского собрания, но так и остался нерешенным[65].

Угроза голода в Петрограде стала стимулом к организации при КЕПС весной 1918 г. Мурманской разведывательной промысловой экспедиции, которую возглавил П.Ю. Шмидт[66]. В состав экспедиции входили девять человек: инженеры, специалисты по холодильному и бондарному делу, по посолу и консервированию рыбы, а также представитель Союза петроградских рабочих кооперативов, бывший министр труда К.А. Гвоздев[67]. Задачей экспедиции было выяснить обстановку на мурманских промыслах с целью «разработать общий план рационального использования Мурмана этим летом и выработать согласованный образ действий правительственных и общественных учреждений»[68].

Интерес большевистского правительства к укреплению своей власти на Мурмане был значителен. Вопросы обороны, хозяйственного состояния и перспектив развития Мурмана и Мурманской железной дороги только в апреле 1918 г. семь раз обсуждались на заседаниях

---

[64] [Письмо Военному министру от Полярной Комиссии АН от 23 октября 1917 г.] // ПФА РАН. Ф. 75 (Полярная Комиссия АН). Оп. 1. Д. 26 (Отношения в Министерство народного просвещение и военное о дальнейшем направлении деятельности Полярной комиссии АН и о возобновлении деятельности Мурманской биологической станции). Л. 3–4.

[65] [Журнал заседания Александровского уездного земского собрания от 22 января 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 35–35об.

[66] Подробнее см.: *Лайус Ю.А.* Научно-промысловые исследования на «красном» и «белом» Севере, 1918–1920 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научн. конф. М., 2002. С. 430–432.

[67] [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 17.

[68] Там же.

Совнаркома[69]. С января 1918 г. и всю весну в Мурманске находился представитель Центрснабарма И.И. Подвойский[70] (брат одного из руководителей Октябрьского восстания Н.И. Подвойского), который занимался реквизицией и закупкой продовольствия, в том числе рыбы, для армии. Для оживления промыслов Центросоюз командировал в январе 1918 г. своих уполномоченных. С помощью мурманских кооперативов Подвойскому удалось организовать промысловые артели, открыть фактории на побережье[71]. Повышенный интерес к этому району выразился также в организации несколькими месяцами позднее геолого-разведочной экспедиции КЕПС на мурманское побережье под руководством П.В. Виттенбурга[72].

Дорога в Мурманске и жизнь в нем были очень трудными, о чем дают яркое представление записи П.Ю. Шмидта[73]. За годы войны промысел упал почти втрое, почти две трети поморских судов находились в аварийном состоянии[74]. В течение всего 1917 г. в районе активно продолжали действовать немецкие подводные лодки[75]. 5 января 1918 г. по декрету СНК был национализирован морской и речной флот. В собственность государства перешли пароходы торговых домов И.В. Беззубикова, К.Ю. Спаде, Е.В. Могучего и др.[76]

В течение мая прошли несколько совещаний участников экспедиции с представителями местной власти и кооперации[77]. Для местной власти экспедиция из Петрограда была важным событием. В совещаниях участвовал управляющий делами Мурманского совета Г.М. Веселаго,

---

[69] *Киселев А.А.* Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974. С. 110.

[70] Там же.

[71] См.: *Пятовский В.* Преображенный Север. Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск, 1974. С. 55.

[72] *Виттенбург Е.* Время полярных стран. СПб., 2002. С. 30.

[73] [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179.

[74] [Журнал Совещания членов Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН.Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 28.

[75] *Киселев А.А.* Родное Заполярье... С. 11.

[76] *Пятовский В.* Преображенный Север... С. 57.

[77] [Протоколы Заседаний Торгово-промышленного Отдела Краевого Совета депутатов от 8 мая 1918 г., 9 мая 1918 г., 21 мая 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 36–37, 38–38об., 39–40.

который в конце июня 1918 г. сыграл ведущую роль в разрыве Мурманского краевого совета с Советским правительством[78].

Основным партнером экспедиции в сборе необходимых сведений и планировании будущей работы выступала Мурманская биологическая станция в лице ее директора Г. А. Клюге. Как результат проведенных совещаний, краевым советом было написано обращение в КЕПС о продолжении научно-промысловых исследований на Мурмане. В нем говорилось о необходимости объединить деятельность станции и экспедиции, а также гидрометеосети и промыслового телеграфа. Благодаря этому «на Мурмане создался бы крупный научно-прикладной центр.., который мог бы оказать большие услуги краю и промысловому делу»[79].

Интересно отметить, что в плане экспедиции были намечены практические опыты по консервированию (посолу) и перевозке рыбных продуктов. Для этого в состав экспедиции был включен вагон, в котором находилась соль и тара для рыбы. Этот вагон, впрочем, по техническим причинам до Мурманска не доехал. Рыбные продукты, которые экспедиция намеревалась привезти в Петроград, должны были «возможно более широко демонстрироваться в целях возбуждения общественного интереса к делу»[80].

В конце июня 1918 г. мурманские промыслы оказались отрезаны от России в результате начавшейся интервенции, и все планы каких-либо исследований в этом районе петроградскими учеными стали невыполнимыми.

Интерес к изучению и развитию промыслов вырос в период войны и в Архангельске. В 1916 г. во главе АОИРС впервые становится профессиональный ученый — начальник гидрометеорологической службы на Белом море В.В. Шипчинский[81]. Он призывал Общество начать

---

[78] *Голдин В.И.* Указатель имен // Белый Север. Т. 1. Архангельск, 1993. С. 379. См. Также: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920 гг. М., 1993; *Goldin V.* The Russian Revolution and the North // International Politics. 1996. № 33. P. 385–395; *Goldin V.* The Civil War in Northern Russia // Acta Borealia. 2000. Vol. 2. P. 65–82.

[79] [Обращение Краевого Совета депутатов в КЕПС АН] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 41.

[80] [Материалы Мурманской разведочной промысловой экспедиции 1918 г.] // ПФА РАН. Ф. 817. Оп. 1. Д. 179. Л. 17.

[81] После А.Ф. Шидловского во главе общества стояли директор гимназии А.Г. Суровцев, затем инженер П. Г. Минейко.

действительное изучение природных богатств края, привлекать специалистов и вступить в самую тесную связь с научно-общественными силами Петрограда[82]. Выступал он и за тесное единение всех общественных организаций северной России. С председательством Шипчинского связано заметное оживление деятельности общества. Больше внимания стало уделяться и промысловым вопросам. При этом в деле упорядочения и развития промыслов первенствующая роль была признана за крупным капиталом, который, будучи снабжен достаточными научными силами, мог бы всесторонне изучить и наладить промысел.

17 июня 1917 г. в губернии, наконец, было введено земство, представители которого стали активно участвовать в обсуждении насущных экономических проблем развития края. В сентябре 1917 г. состоялся первый губернский рыбопромышленный съезд, в котором участвовали как ученые и общественные, в том числе земские, деятели, так и рыбопромышленники[83]. Группа промышленников внесла предложение, чтобы все рыбные промыслы были переданы в руки земельных комитетов наравне с земельными, лесными и водными богатствами. Было предложено также всем поморам организоваться в артели и учредить их союз в Архангельске. Съезд постановил «ходатайствовать об освобождении поморов-рыболовов от военной службы на время настоящей войны, дабы они могли обеспечить фронт и страну продуктами рыболовства»[84].

В конце декабря состоялся Северо-восточный областной съезд, на котором Шипчинский возглавлял беспартийную радикально-демократическую группу. На съезде членами АОИРС были сделаны основные доклады: одним из учредителей общества И.И. Данишевским — об экономическом положении края; старшим специалистом по рыбному делу Министерства продовольствия Э.А. Веберманом и В.В. Шипчинским — о рыбных богатствах[85]. В самом начале 1918 г. по инициативе приехавшего из Петрограда С.В. Аверинцева и Э.А. Вебермана при поддержке Шипчинского возникло Северное научно-промысловое объединение,

---

[82] *Шипчинский В.* О направлении дальнейшей деятельности Архангельского Общества Изучения Русского Севера (Речь, произнесенная в Общем Собрании Общества 26 июня 1916 года) // Известия АОИРС. 1916. № 7–8. С. 325.

[83] Рыбопромышленный съезд // Известия АОИРС. 1917. № 9–10. С. 402–404.

[84] Там же. С. 403.

[85] Северо-восточный областной съезд // Известия АОИРС. 1917. № 11–12. С. 445–446.

членами-учредителями которого явились местные общественные организации — АОИРС, Бюро Северо-восточного областного съезда, губернский Продовольственный комитет и земство[86]. Позднее, когда все эти организации, кроме АОИРС, были уничтожены пришедшими к власти большевиками, объединение было поддержано набиравшим силу кооперативным движением.

Активно сотрудничая с Временным правительством Н.В. Чайковского, С.В. Аверинцев продолжал развивать свои взгляды о необходимости развития крупнокапиталистических форм хозяйства, в том числе в рыболовстве. Он, как и прежде, считал, что путь к будущему развитию северных промыслов лежит через привлечение крупного капитала. 8 декабря 1918 г. Аверинцев сделал доклад «Современное состояние и возможное будущее рыболовства на Севере России» на заседании Северного отдела Русско-американского комитета[87]. В обращении Комитета к АОИРС как к одному из «самых значительных факторов общественной работы на Севере»[88] говорилось, что «война раскрыла те громадные возможности новых путей в деле транспорта и торговли через Север, и несомненно, что значение его в этом смысле после войны не только не упадет, но еще и увеличится, так как к этому налицо все данные. Наряду с громадным будущим портов Севера в транзитной торговле России и заграницы, несомненно, также крупное международное значение его местной торговли и промышленности»[89].

В 1919 г. на Севере были организованы новые промысловые предприятия. Самым известных из них была фирма «Беззубиков и сыновья». Эта фирма совместно с отделением Центросоюза получила разрешение правительства взять в аренду 12 старых минных тральщиков английской постройки. Суда были переоборудованы за рубежом, было закуплено траловое оборудование, приглашены специалисты-инструкторы из Англии и Норвегии. До наступления зимы траулеры

---

[86] *В.* Северное научно-промысловое объединение // Товарищеское дело. 1918. № 5. С. 7–10.

[87] *Аверинцев С.В.* Современное состояние и возможное будущее рыболовства на севере России // Журнал Отделения земледелия Временного Правительства Северной области. Архангельск. 1919. № 1. С. 52–60. (Доклад на заседании Северного отдела Русско-американского комитета 8 дек. 1918 г.).

[88] [Обращение Северного отдела Русско-Американского Комитета к Архангельскому Обществу изучения Русского Севера] // ГААО. Ф. 83. Оп.1. Д. 88. Л. 186об.

[89] Там же. Л. 186.

сделали по несколько рейсов в район Канинского мелководья, а затем из-за отсутствия топлива стали на зимовку на специально организованную базу на Восточном Мурмане. Суда Центросоюза обосновались на Западном Мурмане.

Итак, в период Первой мировой и Гражданской войн на Севере интерес центральной и местной власти в развитии промысла был связан с необходимостью решения социальных проблем местного населения. В предвоенный период задача исследования этого региона постепенно переносится из центральных в местные, в первую очередь общественные, организации и во многом становится делом самих промышленников и связанных с ними кругов. С организацией в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера основные дискуссии по развитию рыболовства и научно-промысловых исследований начинают вестись в этом обществе. Его деятельность подтверждает общую тенденцию возрастания в начале XX в. роли многоотраслевых краеведческих организаций, которые стремились охватить весь комплекс проблем, связанных с исследованием того или иного края, и объединявших широкие круги местной интеллигенции[90].

С началом Первой мировой войны изучение рыбных ресурсов становится частью исследований производительных сил страны. Известно, что связанное с войной закрытие границ обнажило перекос в соотношении фундаментальной и прикладной науки в России, и поставило на повестку дня вопрос о разработке отечественных технологий для промышленности и сельского хозяйства[91]. Деятельность КЕПС и близких к ней кругов была направлена на создание целой системы прикладных исследовательских учреждений, согласованная работа которых рассматривалась как один из важнейших факторов подъема исследовательской работы и возрождения экономики России[92]. Развитию рыбного хозяйства в этом контексте придавалось большое значение. Этой деятельностью были созданы предпосылки для работы новых учреждений, созданных уже при Советской власти, руководство которых привлекло высококвалифицированных столичных ученых для оценки местных ресурсов с целью их использования в масштабах всей

---

[90] См., например: *Бастракова М.С.* Указ. соч. С. 27–28.

[91] См. Например: *Елина О.Ю.* Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // ВИЕТ. 2001. № 3. С. 3–36.

[92] *Бастракова М.С.* Указ. соч. С. 42–49.

страны. Очень важным является то, что КЕПС ставила перед собой задачу объединения работников «в области отвлеченного, прикладного и социального знания»[93]. Деятели КЕПС считали, что ценности природы только через деятельность человека превращаются в ценности культуры, и поэтому ставили задачу изучения отдельных сторон народнохозяйственной жизни[94]. Всплеск интереса к Северу во время Первой мировой войны, захвативший и центральные организации, и, в определенной мере, правительство, не вылился в организацию масштабных исследований, которые в военной обстановке были невозможны. В период Гражданской войны и иностранной интервенции обособление Архангельской губернии от центральной власти делало возможным также только небольшие региональные исследования рыбных ресурсов и их использования для продовольственного снабжения.

Становление морских рыбохозяйственных исследований в первые годы Советской власти

Советское правительство активно и успешно использовало проекты «мобилизации прикладной науки», возникшие в период Первой мировой войны[95], поэтому при описании взаимоотношений морских исследований, рыбохозяйственной науки и рыболовства в советский период, необходимо в первую очередь подчеркнуть непрерывность перехода от дореволюционной науки к послереволюционной, что определялось, прежде всего, ограниченным составом специалистов, многие из которых остались на своих рабочих местах. Сохранились и некоторые общества, в первую очередь чисто научные, не связанные впрямую с хозяйственной деятельностью: Географическое общество, связанные с университетами общества естествоиспытателей. В то же время, Общество рыбоводства и рыболовства, Общество судоходства, Общество акклиматизации животных и растений, имевшее Отдел ихтиологии, которые служили организаторами прикладных исследований и имели среди своих членов большое число чиновников, промышленников и помещиков, перестали существовать.

---

[93] Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1968. С. 115.

[94] Там же. С. 116; *Ярошевский М.Г.* Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л., 1991.С. 16.

[95] См. для сравнения: *Елина О.Ю.* Мир, война и «туковый вопрос»…

После революции новые исследовательские институты стали расти как грибы — словно в стране изменился климат[96]. Созданный в декабре 1917 г. ВСНХ с первых шагов по организации промышленности столкнулся с необходимостью развертывания прикладных исследований[97]. Как и в других отраслях науки, новые учреждения стали возникать и в области научно-промысловых исследований. Но если посмотреть на эти институты более внимательно, хорошо видно, что первая волна этих учреждений была воплощением идей, выношенных и созревших еще до революции, главным образом, в годы Первой мировой войны, и реализовывались эти идеи все теми же людьми, которые пытались реализовать их при царском правительстве и терпели неудачи из-за бюрократии и подозрительного отношения к науке со стороны этого правительства.

Борьба за Север в период интервенции подогрела и так возросший во время войны интерес к его исследованию. Еще в начале 1919 г. в Петрограде при Научно-техническом отделе ВСНХ была организована Комиссия по изучению и практическому использованию производительных сил Севера[98], в которую вошли представители ВСНХ и Наркомата торговли и промышленности, Полярной комиссии АН, КЕПС и ее Северного отделения, Геологического комитета и Комитета земледелия, Наркомата просвещения[99]. Управление Северной научно-промысловой экспедиции в первый год ее существования было сосредоточено в помещении Полярной комиссии АН[100].

---

[96] *Александров Д.А.* Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Ред. Э.И. Колчинский, М. Хайнеманн. СПб., 2002. С. 152–165.

[97] *Стрекопытов С.П.* Органы государственного руководства наукой... М., 1987. С. 45.

[98] Из протокола заседания коллегии НТО ВСНХ об утверждении Положения о Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера // Организация науки в первые годы Советской власти... С. 311–312.

[99] [Выписка из Протокола № 1 первого заседания Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Севера, состоявшегося 3 февраля 1919 г.]// РГАЭ. Ф. 466. (Личный фонд Р.Л. Самойловича). Оп. 1. Д. 285 (Выписки из протоколов заседаний Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Русского Севера № 1–7 за февраль–март 1919 г. и проект положения о комиссии. 1919 г.). Л. 1–3.

[100] Постоянная Полярная комиссия Академии Наук СССР // Советский Север. 1930. № 1. С. 137–140.

К работе комиссии был привлечен бывший начальник Главного Гидрографического управления, человек, много сделавший для гидрографии севера, М.Е. Жданко[101] и ихтиолог П.Ю. Шмидт, проводивший весной 1918 г. обследование мурманских рыбных промыслов. Секретарем комиссии был избран Рудольф Лазаревич Самойлович, полярный геолог, участник экспедиции В.А. Русанова на Шпицберген в 1912 г. После гибели Русанова он возглавил освоение шпицбергенских угольных месторождений в 1913–1916 гг. В годы войны он занимался разработкой месторождений различных полезных ископаемых на Севере. В сентябре 1919 г. он принимал участие в Кооперативном съезде, проходившем в Петрограде[102], много писал о необходимости изучения и развития горнорудных, рыболовных, лесных и прочих промыслов Севера.

Комиссия по изучению и практическому использованию производительных сил Севера имела целью согласование деятельности различных ведомств и учреждений по изучению Русского Севера, разработку планов экспедиций на Север, в том числе морских[103]. Однако до начала 1920 г. выхода к европейским северным морям у Советской России не было.

За два дня до вступления советских войск в Архангельск В.И. Ленину была послана телеграмма от Особой комиссии Северного фронта, в которой была признана необходимой организация специального междуведомственного органа для руководства хозяйственной и исследовательской деятельностью на Севере. Ленин переслал ее в Президиум ВСНХ[104]. Инициатива создания нового учреждения исходила от ученых, давно связавших свою деятельность с Севером, подолгу там живших и работавших, бывших активными членами АОИРС, но, при этом, не сочувствовавших Временному правительству Северной области. Это были: Р.Л. Самойлович, С.В. Керцелли — ветеринарный врач, занимавшийся проблемами оленеводства, и геолог Н.А. Кулик.

---

[101] *Жданко М.* Северная научно-промысловая экспедиция // Природа. 1921. № 1–3. С. 87–88.

[102] [Доклад Р.Л. Самойловича «Полезные ископаемые Северной области и использование их кустарной промышленностью», написанный для кооперативного съезда Северной области 5–10 сент. 1919 г.] // РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 224.

[103] [Проект положения о Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера при НТО ВСНХ] // РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 285. Л. 4.

[104] См.: Организация науки в первые годы Советской власти... С. 313–318; *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание, 1917–1932 гг. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Л., 1959. С. 64.

Согласно постановлению Президиума ВСНХ от 4 марта 1920 г. Северная научно-промысловая экспедиция создавалась «в целях научно-практических исследований и попутного использования естественных производительных сил, по преимуществу звериных, рыбных промыслов и оленеводства на Крайнем Севере»[105]. Экспедиция организовывалась с большим размахом как крупное государственное учреждение, управляемое из центра и имеющее филиалы во всех районах Севера. Принадлежность к высшему хозяйственному органу страны должна была гарантировать прочность и долговременность задуманного научного учреждения. Экспедиция считалась ударным учреждением государственного значения, на обеспечение ее работы выделялись значительные средства. Во главе экспедиции стоял Ученый совет, почетным председателем которого был президент АН А.П. Карпинский. В Совет входили крупные ученые, которые работали в КЕПС: А.Е. Ферсман, Н.М. Книпович, Ю.М. Шокальский, К.М. Дерюгин, Л.С. Берг и др.

Первое заседание Совета экспедиции прошло в здании Географического общества, на нем был выбран распорядительный орган экспедиции — президиум, возглавляемый Р.Л. Самойловичем. Экспедиция была организована как комплексное учреждение: в ее состав входили отдельные отряды, занимавшиеся геологическими, гидрологическими, ботаническими, ихтиологическими, экономическими, этнографическими исследованиями.

Самойлович был председателем и так называемого Междуведомственного совещания при экспедиции, в состав которого входили представители местных архангельских военных и хозяйственных учреждений. В Архангельске же находилось и хозяйственное управление экспедиции. Таким образом, Самойловичу удалось связать в деятельности одного учреждения маститых столичных профессоров и местных архангельских краеведов. Поскольку в стране остро стояла продовольственная проблема, основное внимание морских исследований экспедиции было направлено на изучение рыбных ресурсов и развитие рыбного промысла.

Переговоры по снабжению Севэкспедиции научным и промысловым инвентарем и углем весной 1920 г. велись в Норвегии. Но они были неудачны. Ответственный за эти переговоры Л.Л. Брейтфус писал в Петербург, что получить уголь и приборы совершенно невозможно: «Приборы Норвегия получала из Германии, которая сейчас еще не наладила

[105] Там же. С. 125.

их производство... даже нейтральные государства по причине отсутствия угля и инструментов не могут приступить к международным исследованиям северных морей»[106].

Один из отрядов экспедиции, как и в 1920 г., был сформирован при Мурманской станции. Ученый совет станции предложил начальнику этого отряда Клюге попытаться организовать «работы по Кольскому меридиану, имеющие чрезвычайно важное значение не только для выяснения вопросов гидрологии и биологии Баренцева моря, но и для вопросов общей климатологии всего нашего Севера»[107]. Выполнение этих исследований хорошо вписывалось в новый курс развития станции, согласно которому попутно с продолжавшимися теоретическими исследованиями, было предложено обратить особое внимание на выполнение практических заданий, тесно связанных с промыслами и являющихся продолжением работ Мурманской научно-промысловой экспедиции[108].

Это изменение в направлении работы Станции является очень важным. В дореволюционный период, несмотря на тесные контакты с Мурманской научно-промысловой экспедицией во время ее деятельности и полученное наследство в виде научного оборудования после ее ликвидации, станция никогда не считала себя преемницей экспедиции, скорее наоборот, всячески старалась подчеркнуть свое отличие и свои преимущества как стационарного учреждения. Нацеленность на практические задачи, которая впервые проявилась в планах работ станции во время войны, стала основным способом ее выживания в советских условиях.

Интересно отметить, что все, как вновь возникшие, так и возрождавшиеся учреждения, которые ставили своей задачей биологические исследования северных морей, постоянно декларировали свою преемственность Мурманской экспедиции: Северная научно-промысловая экспедиция самим своим названием, Плавучий морской научный

---

[106] *Жданко М.* Из научных работ на Ледовитом океане // Природа. 1921. № 1–3. С. 82.

[107] *Дерюгин К.М.* Баренцово море по Кольскому меридиану (33 0 30' в.д.) // Труды Северной Научно-Промысловой Экспедиции. Вып. 19. М.; Л., 1924. С. 3.

[108] *Клюге Г.А.* Исторический очерк развития Мурманской Биологической Станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. Л., 1925. С. 15.

институт — прямыми ссылками на преемственность программы исследований и акцентом на исследования удаленных районов с борта хорошо оснащенного судна, Мурманская станция — возрождением рейсов по Кольскому меридиану.

Первые два рейса по Кольскому меридиану были проведены в мае и августе 1921 г. Так как ни у станции, ни у Северной экспедиции не было собственного судна, проведение «международных» рейсов стало возможным только благодаря помощи со стороны военных. Первый рейс выполнялся на военном судне «Соколица», предоставленном с разрешения командующего морскими силами в Северном Ледовитом океане[109]. Подготавливая августовский рейс, Дерюгин и Клюге посетили командующего, а затем он нанес ответный визит на станцию и распорядился передать ученым во временное распоряжение военный тральщик № 21. Северная экспедиция дала уголь и продовольствие.

Для подчеркивания значимости своих исследований в глазах военных патронов ученые пользовались риторикой важности международных связей — рейсы продолжали называться «международными», несмотря на то, что Россия уже не входила в Международный совет по исследованию моря. Считалось, что эти «международные» рейсы имеют «важное государственное значение»[110]. Ученые во главе с Книповичем надеялись, что Россия вернется в Совет. Поэтому они по собственной инициативе решили возобновить рейсы по Кольскому меридиану, подобно тому, как поступил Книпович в 1900 г., начав проводить регулярные рейсы по программе Совета еще до формальной его организации.

После того, как летом 1921 г. успешно было проведено два рейса, Книпович 10 октября обратился с запиской к Ленину с просьбой найти возможность вернуть Совету конфискованный взнос за 1913–1914 гг.[111] В начале 1922 г. СНК принял постановление о желательности возобновления участия в Совете и о принципиальной возможности возвра-

---

[109] *Дерюгин К.М.* Сравнительная оценка результатов гидрологических разрезов по Кольскому меридиану // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. 1925. С. 131.

[110] Там же. С. 137.

[111] Письмо Н.М. Книповича В.И. Ленину от 10 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук: Сб. док. М., 1969. С. 219–220.

щения долга при условии этого возобновления[112]. Но решение вопроса застопорилось из-за того, что у России не было дипломатических отношений с Данией, ведавшей всеми сношениями по делам Совета. Хотя возвращение России в Совет было отложено до лучших времен, Мурманская станция продолжала проводить исследования по Кольскому меридиану, но Книпович больше не принимал в этом участия. Его интересы опять сместились в сторону южных морей.

В первые годы Советской власти рыбохозяйственные исследования в северных морях проводили научные организации разных институциональных форм и ведомств. Северная научно-промысловая экспедиция — многолетняя экспедиция, организованная при ВСНХ с привлечением самых лучших научных кадров и относительно хорошо финансировавшаяся, быстро превратилась в научно-исследовательский Институт по изучению Севера, сохранивший все многообразие тем исследований, которые были представлены в экспедиции. Сезонные экспедиции центральных институтов, таких как Институт рыбного хозяйства и Отдел научно-промысловых исследований Государственного института опытной агрономии выполняли важные задачи по сбору научного материала, подчас в труднодоступных районах. Биологические станции: Мурманская станция и станция Института по изучению Севера в Порчнихе вели локальные, но зато круглогодичные и многолетние исследования биологии промысловых рыб.

Ресурсы Баренцева моря изучались главным образом организациями Северо-западного региона страны с центром в Ленинграде. Московские институты не занимали лидирующего положения. Созданный в 1921 г. в Москве для изучения арктических морей Плавморнин проводил в основном фундаментальные исследования и почти не участвовал в решении рыбохозяйственных вопросов. Накопленные его сотрудниками знания по океанографии и биологии Баренцева моря, комплексный подход к исследованиям и разработанные количественные методы в гидробиологии оказались востребованы позднее в период индустриализации, когда на базе Плавморнина был организован Государственный океанографический институт с отделением на Мурмане.

---

[112] Организация науки в первые годы Советской власти. С. 397. См. также: Записка В.И. Ленина Н.П. Горбунову от 26 октября 1921 г. // Ленин и Академия наук. С. 220–221.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Ю.А. Виноградов

НЕМЦЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ГОДЫ «ВЕЛИКОЙ» ВОЙНЫ

К 1914 г. Императорскую С.-Петербургскую академию наук (далее ИАН) — по-немецки Kaiserliche Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg — в обиходе называли по-разному: «Петербургской» (Petersburger), «Русской» (Russische) или «Российской» (des Russlands). По преимуществу, она таковой и была.

Первое название отвечало месту ее пребывания и обязательного присутствия академиков в столице на заседаниях в ИАН[1]. Правда, к XX в. академиков стали избирать и из «иногородних»: они прибывали на заседания на поездах.

Второе — национальному составу: члены и прочие сотрудники Академии в большинстве своем были русскими;

третье — представленности в ней российских подданных многих других национальностей, населявших Российскую империю и ее столицу. Среди 38 академиков, кроме русских, были также немцы, поляки, украинцы, француз, швед и др. Сотрудниками ИАН, кроме представителей названных национальностей, были также армяне, греки, грузины, евреи, литовцы, сербы, финны, чехи и др.[2]

---

[1] Устав Императорской Санктпетербургской академии наук, [утвержденный указом Императора Николая I Правительствующему Сенату 8.(20.)01.1836] // Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 124. По § 94 Устава, Обыкновенные собрания или Конференции бывали один раз в неделю, помимо экстраординарных. Это обязывало членов Академии жительствовать в столице постоянно, за исключением времени разрешенных командировок, вакаций и отпусков по болезни для лечения.

[2] См.: Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год: Выпущена 20 марта 1914 года. СПб., 1914. С. 25–141.

К началу XX в. в ИАН немецкое присутствие среди действительных членов Конференции АН — академиков — весьма существенно сократилось по сравнению с полным его преобладанием в XVIII в. Если на протяжении XVIII в. из 113 академиков немцев было 62 чел. (54,8 %), русских — 29 (25,6 %), то на протяжении XIX в. из 177 академиков немцев было 57 чел. (32 %), а русских — 101 (57 %).

В целом, перед «Второй Отечественной» или «Великой европейской» войной немцы, рожденные за рубежом, или в России, составляли в ИАН весьма заметную часть. Один из наиболее ярких примеров — непременный секретарь ИАН с 4(17).10.1904 г., российский немец Сергей Фёдорович Ольденбург. Он проявил административный и политический талант, участвуя в руководстве Академией в тяжелые времена войны и революции и позже, вплоть до своего отстранения большевиками в 1930 г.[3]

В справочнике ИАН на 1914 г.[4] немецких фамилий — 162 или 18,7 % из 862. Большинство академиков к тому времени были русскими (из 38 — 29 русских и 5 немцев). Тем не менее, даже в предвоенные 1910–1913 гг. избрали трех академиков немецкого происхождения[5]. К 1914 г. немцы — академики преобладали в «Разряде по литературе и истории азиатских народов», а немцы — члены-корреспонденты были в большинстве в «Разряде лингвистики»: к 1914 г. из пяти занятых в нем мест три занимали немцы из Лейпцига, Кенигсберга и Гейдельберга.[6]

К XX в. немцы были в обеих основных группах членов и сотрудников ИАН: 1. Российские подданные — отечественные члены ИАН и сотрудники ее учреждений и организаций. 2. Иностранные подданные — члены ИАН.

В 1-й группе (700 чел.) немцев, в основном уроженцев России, было 108. Их доля по категориям состава ИАН показана в таблице 1[7].

---

[3] *Каганович Б.С.* Российская академия наук в 1920-начале 1930-х гг. (по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // За железным занавесом: Мифы и реалии советской науки. Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002. С. 56–71.

[4] См.: Памятная книжка. С. 195–242.

[5] См.: Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 1999. С. 92–93.

[6] См.: Памятная книжка. С. 49–52.

[7] Здесь и далее, если нет другой ссылки, сведения на 1914 г. по: «Памятная книжка... ».

Таблица 1. Доля немцев в ИАН (1914 г.)

Категория	Всего	Немцы	%
Действительные члены	37	5	13,0
Почетные академики Отделения русского языка и словесности по Разряду изящной словесности	8	0	0,0
Почетные члены отечественные	16	2	13,0
Члены-корреспонденты отечественные	105	10	9,5
Сотрудники научных и др. учреждений	534	91	17,0
Итого	700	108	15,4

2-я группа — 162 иностранца (157 ученых и 5 монархов), из них немцев — 54.

Таблица 2. Доля немцев среди иностранных подданных — членов ИАН (1914 г.)

Категория	Всего	Немцы	%
Действительные члены	1	1	100 %
Почетные члены иностранные	13	4	30,76 %
Члены-корреспонденты иностранные	143	50	34,2 %
Итого	157	54	34,39 %

Это означало, что зарубежная мировая наука в ИАН к 1914 г. на треть была представлена германскими учеными[8]. И это несмотря на антигерманскую политику, проводившуюся еще со времен Александра III и частично коснувшуюся ИАН. Так, с 1876 г. германских императоров не выбирали в почетные члены Академии[9]. Есть некоторая неясность с числом лиц, отнесенных к понятию «немецкий ученый, член ИАН». Например, Вольфганг Гельбиг (Wolfgang Helbig) (1839–1915) — выдающийся археолог, специалист по геркуланумским и помпеянским настенным росписям. Он родился в Дрездене, учился в Германии, всю жизнь основные труды издавал на немецком языке в Лейпциге. В 1876 г. он был избран в члены-корреспонденты по Историко-филологическому отделению ИАН, но

[8] Там же. С. 25–77, 195–242.

[9] Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 444–528.; *Виноградов Ю.А* Почетные звания Императорской академии наук и внешняя политика. Вчера и сегодня // Петербургская академия наук в истории академий мира: К 275-летию Акад. наук. Материалы Междунар. конф. 28.06–04.07.1999. СПб., 1999. Т. II. С. 181–189.

жил и умер в Риме, возможно, итальянским гражданином. В справочнике по личному составу РАН на 1899 г. он указан как иностранный член-корреспондент, а страной его принадлежности отмечена Италия. Но, даже если принимать за основу подданство, все-таки он немец, хотя и «итальянский»[10].

Другой случай — отечественный член-корреспондент, физик, метеоролог Артур Александрович фон Эттинген, он же Arthur Ioachim von Oettingen. Этот прибалтийский немец родился в Дерпте 28.03.1836 г., в 1876 г. был избран в ИАН, далее оказался в Лейпцигском университете, о чем каждый год и печатали в Памятных книжках ИАН «...Эттинген, в Лейпциге». Во время войны он оставался в Германии, где и скончался 5.09.1920 г., в Бенсгейме. В справочниках о персональном составе АН он указан среди отечественных членов-корреспондентов, очевидно, по российскому подданству. Возможно, во время войны он мог принять германское подданство, но формального решения о переводе его в иностранные члены найти не удалось[11].

Среди академиков немецкого происхождения пятеро были российскими немцами, уроженцами России:

— востоковед Василий Владимирович Бартольд [Basil Barthold, Bartold] родился в Петербурге в семье выходцев из Риги и Гамбурга 15(27).11.1869 г., умер в Ленинграде 19.08.1930 г. Продолжая научные занятия, в военные 1914–1918 гг. помогал бедствующим в Петрограде, действуя в городском Попечительстве о бедных и детских яслях[12];

— химик-технолог Павел Иванович Вальден [Paul Walden или Valdens] родился в имении Розенбек близ г. Вендена Лифляндской губ. (ныне пос. Розула волости Сталбес р–на Цесу в Видземе, Латвия) в семье лютеран-землевладельцев 26.07.(07.08.)1863 г. Выдающийся ученый, он не оставил Рижский политехнический институт и после избрания 1(14).05.1910 г. в члены ИАН. С 7(20).12.1911 г. Вальден руководил Химической лабораторией ИАН. В 1912 г. он был избран в Президенты

---

[10] Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 440.

[11] Памятная книжка... С. 59; Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 160.

[12] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть 1. А–Л // Имп. Акад. наук. 1889–1914. [Ч.] III. Пг., 1915. С. 19–24; *Крутикова М.В.* Бартольд Василий Васильевич (Ф. 68) [Обозрение фонда]// Архив Академии наук СССР: Обозрение архивных материалов Т. II / Под ред. Г.А. Князева и Л.Б. Модзалевского / Труды Архива. Вып. 5. М.; Л., 1946. С. 228.

9-го Международного съезда по прикладной химии, который предполагался в 1915 г. в Петербурге, но не состоялся из-за войны. Позднее он вернулся в Прибалтику, умер в ФРГ 22.01.1957 г.[13];

— востоковед-иранист, филолог Карл Германович Залеман [Carl Gustav Hermann Saleman] родился в Ревеле Эстляндской губернии в семье пасторов и купцов (выходцев XVII в. из Померании) 28.12.1849 (09.01.1850) г. Умер он во время войны в Петрограде 30.11.(13.12.)1916 г. С 4.(17.)10.1904 г. до конца жизни Залеман возглавлял Азиатский музей и, во многом, руководил деятельностью академических востоковедов[14];

— филолог-классик, славист и востоковед Фёдор Евгеньевич Корш родился в Москве 22.04 (04.05).1843 г. в семье потомков горнорабочего из Силезии, переселившегося в Россию при Петре I. Он был профессором Московского университета, занимался эллинской, латинской, персидской и тюркской филологией. Академик с 15(27).01.1900 г., он приезжал в ИАН на заседания несколько раз в год, но после начала войны болел и умер 16.02 (01.03).1915 г.[15];

— востоковед-индолог Сергей Фёдорович Ольденбург [Serge Oldenburg] родился в с. Бянкино Забайкальской обл. 15(27).09.1863 г. После смерти К.Г. Залемана он с декабря 1916 г. заведовал Азиатским музеем. В течение военных лет оба они были озабочены судьбой восточных рукописей, оказавшихся в зоне театра военных действий, пополнением и обработкой восточных рукописных собраний ИАН. Как отметила А.А. Долинина, «с Кавказского фронта все время поступали спасенные рукописи, в большинстве своем арабские» [16].

В Германии, в Берлине родился лишь востоковед-тюрколог, лингвист, археолог, этнограф Фридрих Вильгельм или Василий Васильевич Радлов [Friedrich Wilhelm Radloff] 5(17).01.1837 г. Крупнейший ученый, он был членом множества отечественных и зарубежных научных учреждений. В Петербурге он работал в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии. С 16(28).03.1894 г. и до конца жизни был

---

[13] Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 92; Материалы. С. 126–134.

[14] Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 76; Материалы. С. 296–298.

[15] Автобиография–Материалы. С. 346–361.

[16] Памятная книжка... С. 24–25, 50, 101–102, 106–109, 123, 131, 134, 137; Российская академия наук. Персональный состав 1999. С. 87; См. также: *Долинина А.А.* Невольник долга / Архив российского востоковедения. СПб., 1994. С. 143.

директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и председателем его Попечительного совета. Радлов обсуждал музейные дела в Комиссии директоров академических музеев. Он был также членом Издательской комиссии ИАН. Умер 12.05.1918 г. в Петрограде[17].

Отечественных почетных членов немецкого происхождения в годы войны было двое:

— географ-путешественник Фёдор Романович барон фон-дер Остен-Сакен родился в С.-Петербурге 18.02.(01.03.)1832 г. Его исследования территории России на Дальнем Востоке принесли ему очень высокий авторитет, его избрали в почетные члены 2(14).12.1889 г. Во время войны он оставался членом Совета министра иностранных дел. Умер в Петрограде 19.04.(01.05.)1916 г.[18];

— топограф Отто Эдуардович барон фон-дер Штубендорф родился 6(18).02.1837 г., Генерального Штаба генерал от инфантерии, он был почетным членом ИАН с 2(15).12.1900 г. Деятельно участвовал в подготовке российских северных экспедиций и подготовке введения в России нового стиля. Умер в Петрограде 10.07.1918 г.[19]

Немцы, бывшие отечественными членами-корреспондентами:

— лингвист К.Я. Грот (родился в Царском Селе); историк-византинист, славист, В.Э. Регель (родился в С.-Петербурге, умер в Каунасе /Ковно/ в Литве, в декабре 1932 г.); астроном Н.Я. Цингер, (родился в Москве, умер 16.10.1918 г. в Петрограде); геофизик Э.В. Штеллинг (родился в Дерпте, умер 2.07.1922 г. в Петрограде); астроном В.П. Энгельгардт (родился в с. Кустовичи Гродненской губ., умер в Дрездене 6.05.1915 г.); физик А.А. (А.И.) фон Эттинген (см. выше); филолог-классик, византинист Э.Г. Курц (родился 1.01.1846 г. в Митаве /ныне г. Елгава на р. Лиелупе, Латвия/, умер 13.07.1925 г. в Риге).

Сведения о членах, штатных и внештатных научных сотрудниках, служащих, членах комитетов, комиссий и советов (108) ИАН немецкого происхождения на 1914 г. даны также в приложенном к статье Алфавитном указателе.

Из 13 иностранных почетных членов германских ученых было 4. Из 160 иностранных членов-корреспондентов немцев — 54 (германских подданных — 53). По научным специальностям они распределялись так:

---

[17] Памятная книжка... С. 23, 49, 86–87, 107–108, 137, 139; Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 75.

[18] Памятная книжка... С. 54, 102, 111.

[19] Памятная книжка... С. 55, 102–103, 110–111.

в Физико-математическом отделении (ФМО)	— 81 (немцев — 29)
по Разряду математическому	— 22 (немцев — 7)
по Разряду физическому	— 37 (немцев — 13)
по Разряду биологическому	— 22 (немцев — 9)
в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС)	— 20 (немцев — 3)
в Историко-филологическом отделении (ИФО)	— 43 (немцев — 15/16/)
по Разряду историко-политических наук	— 14 (немцев — 6)
по Разряду классической филологии и археологии	— 9 (немцев — 4+1 /В. Гельбиг. Италия/)
по Разряду восточной словесности[20]	— 15 (немцев — 4)
по Разряду лингвистики	— 5 (немцев — 3)
Итого иностранных членов-корреспондентов	— 160,
немцев	— 53 (33 %)

В Библиотеке ИАН, во II Отделении (книги на иностранных языках), работали под руководством К.Г. Залемана В.В. Бук, Г.Ф. Гансен, Э.К. Мейнсгаузен, А.А. Петерс, Г.М. Шмидт и др. У В.И. Вернадского в Геологическом и Минералогическом музее трудились П.В. фон Виттенбург, Б.А. Линденер, И. Петц, Э.Г. фон Шредер и др. В Зоологическом музее — Н.Н. Аделунг, О.Н. Брант, М.К. Ремпен, К.И. Функсон и др. В Азиатском музее фонды хранили О.Э. фон Лемм и Ф. А. Розенберг. В Попечительном совете Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в большинстве были немцы: И.И. Леман, барон Ф.Е. Мейендорф, Г. Мейер, К.К. Шейблер, Ф.Ю. фон Шотлендер и др. Но особенно много немцев было в геофизике и метеорологии — в Николаевской главной физической обсерватории, в обсерваториях в Павловске, Тифлисе и Екатеринбурге. Семь немцев участвовали в усилиях Комиссии по введению в России нового стиля, столько же действовали в Бюро международной библиографии. Немцы участвовали в работе 25 из 30 комиссий ИАН. Немцы служили в административных органах ИАН — в Правлении и его канцелярии. Немцами были академические архитектор и врач, управляющий типографией и др.[21]

[20] Другое название: «Разряд по литературе и истории азиатских народов».
[21] Там же. С. 78–141.

Надо сказать, что к 1914 г. немцы ИАН были сравнительно благополучны в бытовом отношении. Например, около 50 % академических немцев-петроградцев — наравне с прочими их столичными коллегами по Памятной книжке ИАН на 1914 г. — имели дома, телефоны, примерно столько же, сколько и то же количество других столичных жителей.[22] Причем некоторые, из указанных в Памятной книжке ИАН, на 1914 г. домашними телефонами обзавелись в годы войны[23].

Волна шовинизма с началом войны поставила ИАН и лиц с немецкими фамилиями в ней в трудное положение. Вплоть до 6(19).02.1916 г. академики противились указанию правительства исключить подданных стран-противников из состава ИАН. Но были вынуждены травлей в прессе и угрозами черносотенцев формально исключить 52 здравствовавших иностранных почетных членов и членов-корреспондентов, являвшихся подданными Германии и Австро-Венгрии, но без упоминания фамилий исключаемых.

Запуганный, видимо, как и другие академики-немцы, К.Г. Залеман, очевидно, голосовавший за исключение, вопреки здравому смыслу, потребовал — вскоре после тайного (!) голосования — внести в протокол фамилии тех, кто голосовал за исключение. Выполнить просьбу было невозможно, ограничились составлением списка голосовавших[24].

Под видом «борьбы с немецким засильем» газеты публиковали нападки на лингвистические принципы русского правописания академика Я.К. Грота, легшие в основу учебников русского языка.[25] Гонителем покойного лингвиста был некто А.В. Ниртов, журналист, публицист, филолог по образованию, и даже ученик академика А.А. Шахматова, автор наполненных злобой выпадов против выдающегося ученого[26]. Этот ученик академика А.А. Шахматова, «патриотически» ставя вопрос: «Можно ли писать по Гроту?»[27], предлагал «писать, как говоришь,

---

[22] Там же. С. 195–240.

[23] Весь Петроград 1917. Пг., 1917.

[24] См.: *Виноградов Ю.А.* Германские ученые — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и Первая Мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. Т. III. С. 47.

[25] *Грот Я.К.* Русское правописание: Руководство, составленное по поручению II Отделения Императорской Академии наук. СПб., 1885 и переиздания по 10-е в 1893.

[26] *Ниртов А.В.* Русско-немецкое правописание академика Я.К. Грота. Пг., 1915.

[27] *Ниртов А.В.* Можно ли писать по Гроту? (К вопросу об искажениях русской речи академиком Я.К. Гротом). Пг., 1916.

как слышится». Например, не «Втораго», но «Фтарова». Фонетические правила Ниртова были еще сложнее, чем правила Грота. К тому же, приняв предложения Ниртова, единая русская языковая культура распалась бы, а прессу и литературу наполнили бы диалектизмы и малограмотные фантазии, непонятные многим читателям[28].

Здесь следует напомнить, что в образованной в 1904 г. под председательством Августейшего президента ИАН его имп. высочества вел. кн. Константина Константиновича «Комиссии по вопросу о русском правописании» среди 41 члена — от академиков до рядовых преподавателей средних учебных заведений — и в ее подкомиссиях — 10 человек, специалистов по русскому языкознанию, были немцами. Московский профессор Р.Ф. Брандт; профессор Казанского университета Е.Ф. Будде; преподаватель Ф.А. Витберг, председатель Союза ревнителей русского слова; преподаватель Имп. Александровского лицея Н.К. Кульман; непременный секретарь ИАН С.Ф. Ольденбург и его брат, педагог Тверской земской учительской школы Ф.Ф. Ольденбург и др. До революции, правда, так и не решились на реформу, но именно результаты работы Комиссии были использованы после революции при переходе на новую орфографию. И, конечно, реформа ничего общего не имела с писаниями Ниртовых[29].

Однако обвинения в германофильстве привели к тому, что ученые ИАН вынуждены были отказаться от использования немецкого языка в публикациях. Пришлось оправдываться по поводу нескольких слов на немецком языке, в статье написанной еще в 1911 г.[30] Вероятно, трудно пришлось и академику-востоковеду В.В. Радлову, составителю и редактору выходившего с 1866 г. серийного издания ИАН: «Образцы народной литературы тюркских племен. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme herausgegeben von Dr W. Radloff». К 1914 г. вышли 10 его частей[31].

В 1914 г. в Петрограде стихийно стали устраивать сотни частных лазаретов и госпиталей для раненых, во множестве поступавших

---

[28] Еще решительнее предлагали некоторые реформаторы в Китае: перейти от иероглифов (понятных в любых провинциях) к фонетическому письму (отражавшему все особенности местных говоров, но сделавшими бы чтение малопонятным даже в соседней провинции). К чести ученых в обоих случаях эти невежественные требования были отметены.

[29] Памятная книжка... С. 129–133.

[30] *Виноградов Ю.А.* Германские ученые — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и Первая Мировая война. С. 46.

[31] Памятная книжка... С. 147.

с полей жестоких сражений. В ИАН, в главном здании, также устроили лазарет для нижних чинов на 40 коек. Среди академиков, пожелавших отдавать на лазарет 5 % от жалованья, были все, имевшие немецкие фамилии. В дамском комитете, сестрами милосердия, сиделками, помощницами по хозяйству, в лазаретной библиотеке служили наряду с другими десятки жен, дочерей и других родственниц ученых с немецкими фамилиями. Вот некоторые фамилии на одном из подписных листов для желавших в 1914 г. вносить 2 % жалованья в пользу лазарета ИАН: «Э.Э. Якобсон [помощник столоначальника. — *Ю.В.*], А.М. Мюллер [архитектор ИАН. — *Ю.В.*], Е.Я. Кюне [вольнонаемная в Правлении ИАН. — *Ю.В.*], Н.А. Линден [?], М. Форш [?], М. Гофман [член Комиссии по изданию «Академической библиотеки Русских писателей», преподаватель в Женской гимназии Шафф. — *Ю.В.*], Е. Штейнберг [?], Гримм Вольдемар [?] ...»[32]. Тут был, видимо, не только показ лояльности в тревожной обстановке антинемецких выступлений прессы и погромов немецких фирм, но и трагический повод к лютеранской благотворительности, воплощение принципа «Вера без дела мертва». Многие из этих людей в те годы помогали и другим частным лазаретам в Петрограде. Так, Фр. Ю. Левинсон-Лессинг (лютеранин, мать еврейка) к 1917 г. был попечителем Госпиталя № 1 Красного Креста Ее Имп. Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны[33]. Почетный член ИАН барон Ф.Е. Мейендорф был почетным попечителем приюта для ампутированных и увечных воинов в Петрограде[34].

К 1917 г. почти все здравствовавшие лица с немецкими фамилиями, продолжали научную или административную работу в ИАН. Появились и новые: избрали в члены-корреспонденты 29.11.(12.12.) 1914 г. геолога, минералога и петрографа Ф.Ю. Левинсона-Лессинга; 3 (16).12.1916 г. филолога Е.Ф. Будде, а 2(15).12.1917 г. уже Российская АН избрала А.А. Кизеветтера.[35] Поступили в Николаевскую Главную физическую обсерваторию В.Я. Альтберг, в Зоологический музей — В.О. Бер и П.Ю. Шмидт; в Библиотеку ИАН — В.Р. Гримм и т.д. [36]

---

[32] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф.16. Оп.1. Д.12. Л. 1-7.

[33] Весь Петроград 1917 год. Пг., 1917. С. 390.

[34] Там же. С. 443.

[35] Российская академия наук. Персональный состав. 1999. С. 203–206.

[36] Весь Петроград 1917. Пг. 1917.

Великая европейская война 1914–1918 гг. была трудным временем. Но академики и руководители ИАН не позволяли черносотенным и германофобским настроениям вредить жизни «высшего научного сословия». Члены его, независимо от национальной или конфессиональной принадлежности, в целом, относились лояльно к коллегам по ИАН немецкого происхождения или с немецкими фамилиями. А последние активно участвовали в научной и общественной работе на пользу Российского Отечества.

Приложение

Алфавитный указатель лиц немецкого происхождения, связанных с Императорской Академией наук к 1914 г.: члены и сотрудники ИАН, ее структурных частей, комитетов и комиссий в России и за рубежом — на правах отечественных членов и сотрудников.

Полужирным шрифтом отмечены члены ИАН; курсивом — избранные в члены Академии позднее; звездочкой * — внештатные сотрудники комиссий, комитетов, попечительных советов ИАН. В конце сведений о персонаже, чье архивное наследие сохранено в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН), указан номер его фонда или архивной коллекции. Сокращения: БАН — Библиотека имп. академии наук, БМ — Ботанический музей, БМБ — Бюро международной библиографии, ВО — Васильевский остров, ГАО — Николаевская Главная астрономическая обсерватория (Пулково), ГММ — Геологический и минералогический музей им. Имп. Петра Великого, ГФО — Николаевская Главная физическая обсерватория, дсс — действительный статский советник, ЗМ — Зоологический музей, ка — коллежский ассесор, КИС — Международная комиссия по исследованиям Солнца, Русское отделение, КМС — Комитет Метеорологических съездов, КНС — Высочайше утвержденная Комиссия по введению в России нового стиля (с 1899), кс — коллежский советник, кск — коллежский секретарь, МагнК — Магнитная комиссия, МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, ММО — Магнитная и метеорологическая обсерватория, нс — надворный советник, ПВК — Постоянная водомерная комиссия, ПС — Петербургская (с начала войны Петроградская) сторона, РПЭ — Высочайше утвержденная Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции (... барона Эдуарда Васильевича Толля) (с 1899 г.), сс — статский советник, тс — тайный советник, ттс — титулярный советник.

Абельс Герман Федорович, геофизик, дсс., дир. Екатеринбургской ММО (с 1885).

Абельс Роберт Германович, физик, там же.

Аделунг Николай Николаевич, ст. зоолог ЗМ, сс. ВО, 10 л., 5–6.

Бартольд Василий Владимирович, востоковед, академик, проф., сс. ВО, 4 л., 19. Ф. 67.

Бауман Владимир Иванович, магнитолог, сс., проф. Горного ин-та. ВО, 21 л., 2.

Баумгарт Карл Карлович, физик, чл. БМБ, кс. Университетская наб., 7. Р. IV. Оп. 82.

Бейер Артур Робертович, метеоролог, инспектор метеостанций Тифлисской Физ. обсерватории, кс.

Берг Эмилий Юльевич, зав. Отд-нием метеостанций ГФО, кс. ВО, Большой пр., 52.

*Блумбах Фёдор (Фриц) Иванович, чл КНС, КИС, ПВК, МагнК и КМС гл. механик Гл. палаты мер и весов, сс. Забалканский пр., 19.

*Боргман Иван Иванович, чл. МагнК., дсс., проф. Имп. СПб ун-та. ВО, Университетская наб., 7–9.

Брандт Роман Фёдорович, чл.-корр., филолог-славист, проф., дсс. Москва, село Богородское, Театральный проезд, 12.

Будде Евгений Фёдорович, чл.-корр., филолог-славист, языковед, проф., сс., чл. Комис. по вопросу о русском правописании, представитель Педагогич. об-ва при Казанском ун-те. Казань.

Бук Вольдемар Вольдемарович, пом. библиотекаря II Отд-ния БАН, сс. ВО, Средний пр., 53. Тлф.

Буш Николай Адольфович, ботаник-систематик, кс. Б. Гребецкая ул., 8. Тлф (чл.-корр. 1920).

Бушман Гергард Иванович, экспедитор Типографии ИАН. ВО, 11 л., 34–47, кв. 62. Тлф.

Вальден Павел Иванович, химик, ординарный акад., дсс. Рига, Политехнический ин-т.

Вангенгейм Феодосий Петрович, метеоролог. ст. Арбузово Курс3ви

*Витберг Фёдор Александрович, чл. Комис. по вопросу о Русском правописании, преподаватель-русист, пред. Союза ревнителей Русского слова, дсс. Суворовский пр., 9–18.

Виттенбург фон, Павел Владимирович, геолог, мл. ученый хранитель ГММ. Лахта, Ольгино, Лесная ул., 21.

Вóльтер Евгений Эдуардович, вычислитель ГФО. ВО, 6 л., 1.

Вóльтер Эдуард Александрович, библиотекарь БАН, магистр, сс. ВО, 7 л., 2, кв. 20. Тлф. Ф. 158. Оп. 4; Ф. 178.

*Врангель барон Николай Николаевич, чл. Комис. по изданию «Академической библиотеки Русских писателей». Бассейная ул., 27. Тел.

*Врангель барон, Фердинанд Фердинандович, чл. РПЭ, дсс. Гороховая, 8.

Ганнот Сергей Яковлевич, метеоролог, зав. Отд-нием предупреждений о метелях Екатеринбургской ММО, нс.

Гансен Готлиб Фёдорович, библиотекарь II Отд-ния БАН, нс. ВО, 10 л., 25.

*Гезехус Николай Александрович, физик, чл. Междунар. комис. по исследованиям Солнца, дсс, проф. Технологического ин-та. Загородный пр., 49.

*Гейден граф, Александр Фёдорович, чл. РПЭ, свиты его величества контр-адмирал. Воскресенская наб., 26. Тлф.

Гейнц Евгений Альфредович, метеоролог, учен. секр. ГФО, секр. БМБ, секр. Комис. по исследованию верхних слоев атмосферы, чл. КМС, кс. ВО, Средний пр., 27. Тлф.

Герлит Ольга Робертовна, ботаник, приватный сотр. БМ. Невский пр., 36.

Гертнер Фридрих-Эгон Вильгельмович, метеоролог, адъюнкт Отд-ния штормовых предостережений Иркутской ММО.

Гильзен Карл Карлович, этнограф, приватный сотр. Отд. Средней и Южной Америки МАЭ. Николаевская ул., 75. Тлф.

***Глазенап фон, Сергей Павлович**, астроном, чл. КМС, дсс, проф. ВО, Биржевая л., 18. Тлф. (*чл.-корр. 1928 и поч. чл. 1929*). Ф. 283.

*Гольдгаммер Дмитрий Александрович, физик, магнитолог, чл. КМС, проф. Казанского ун-та.

*Гофман Модест Людвигович, чл. Комис по изданию «Академической библиотеки Русских писателей». Захарьевская ул., 17. Тлф.

*Гримм Герман Давидович, архитектор-строитель, чл. Комис. по надстройке 3-го этажа ЗМ, акад. архитектуры, сс. ПС, Большой пр., 76. Тлф.

Грот Константин Яковлевич, филолог-славист, архивист, чл.-корр., дсс. Воскресенская наб., 22. Тлф. Ф. 281.

Гроте Маргарита Германовна, каталогизатор ГММ. Ст. Сергиево Балтийской ж.д., Паровозная ул., 82.

Догель Александр Станиславович, гистолог, чл.-корр., проф., дсс. ВО, Большой пр., 8–4. Тлф. Ф. 960.

Залеман Карл Германович (Карл Густав Герман), иранист, акад., дир. БАН, дир. АМ, зав. Русским нумизматическим кабинетом, представитель ИАН в Международном союзе академий, чл. БМБ, пред. Комиссии директоров академических музеев, тс. ВО, Университетская л., 1. Тлф. Ф. 87.

З е й б о т Яков Мартинович, адъюнкт-астроном, ГАО. Тлф.

Зенгер Григорий Эдуардович, филолог-классик, чл.-корр., тс. ВО, 14 л., 31. Тлф.

*Кауфман фон, Петр Михайлович, чл. Комис. по постройке памятника А.С. Пушкину в С.-Петербурге, дсс, обер-гофмейстер. Новоисаакиевская ул., 22. Тлф.

Келлерман Владимир Вольдемарович, физик Отд-ния метеостанций III разряда ГФО, кск. ВО, 18 л., 9.

*Кинше Константин Александрович, делопроизводитель Комиссии к охранению Кавказского зубра. Невский пр., 154. Тлф.

Корш Фёдор Евгеньевич, филолог-классик, славист, востоковед, акад., тс, Москва, Остоженка, 2-й Ушаковский пер., 5, дом Шебардина. Тлф.

*Кульман Николай Карлович, филолог-русист, чл. Комис. по вопросу о Русском правописании, сс, преподаватель Имп. Александровского лицея. ПС, Введенская 19. Тлф.

Курц Эдуард Гейнрихович (Эдуард Генрих), филолог-классик, византинист, чл.-корр. Рига, Альбертовская ул. 1.

Кюне Елизавета Яковлевна, вольнонаемная сотр. Правления ИАН. Лахта Приморск. ж. д., 121.

Левинсон-Лессинг Франц Юльевич, геолог, минералог, петрограф, чл.-корр., (акад. 1925).

*Лейст Эрнест Егорович, чл. Постоянной центральной сейсмической комис., проф. Имп. Московского ун-та, дсс.

Леман (позднее Леман-Балановская) Инна Николаевна, астроном-вычислитель ГАО. Пулково. Тлф. Ф. 882.

Леман Иосиф Иосифович, чл. Попечительного совета МАЭ. Звенигородская, 20.

Лемм фон Оскар Эдуардович, востоковед, чл.-корр., ст. ученый хранитель АМ, сс. ВО, Николаевская наб., 1.

*Линдеман Иосиф Карлович, филолог-русист, диалектолог, чл. Комис. для составления диалектологической карты русского языка, сс. Москва, Ордынский тупик, 3.

Линденер Борис Александрович, геолог, младший ученый хранитель ГММ. Гулярная, 10, кв. 26.

Мазинг Гуго Александрович, механик Физической лаб. Университетская наб., 5 (дворовый флигель), кв. 1.

*Мартинсон Федор Андреевич, чл. Комис. по изданию памятников древнерусской литературы, ка. Царское Село, Магазейная ул., 5.

Мейендорф барон Феофил Егорович, чл. Попечительного совета МАЭ, ген.-адъютант. ВО 1 л. 10 Тлф.

Мейер Герман, др., чл. Попечительного совета МАЭ. Лейпциг.

Мейнсгаузен Эмилия Карловна, пом. библиотекаря II Отд-ния БАН. ВО, 12 л. 23, кв. 142.

Мерварт Герман Христианович, этнограф Отд. Индии МАЭ Лиговка, 44 (д. Перцова), кв. 425. Тлф. (с весны в Индии).

Мессер Виктор Александрович, механик ГАО. Тлф.

Мюллер Арнольд Мельхиорович, архитектор Правления ИАН. ВО, Большой пр., 60-Б, кв. 33. Тлф.

Мюллер Павел Карлович, метеоролог, помощник дир. Екатеринбургской ММО, кс.

Нейман Эдуард Эдуардович, метеоролог, адъюнкт ГФО, Покровская ул., 30.

Нерлинг Елисавета-Эльфрида Николаевна, вычислитель ГФО. Итальянская, 15.

Нилэндер Александра Владимировна, вычислитель ГФО. Б. Конюшенная, 6–8.

Нордгейм фон, Владимир Васильевич, управл. Типографией ИАН, кск. ВО, 9 л., 12. Тлф.

Ольденбург Сергей Фёдорович, востоковед, акад., Непременный Секретарь, дсс, ВО, Университетская л., 1 (Главное здание ИАН). Тлф. Ф. 208.

*Ольденбург Фёдор Фёдорович, педагог Тверской земской.учительской школы, Тверь. Ф. 887.

Остен-Сакен барон фон-дер, **Фёдор Романович**, почетный чл., чл. Комис. по введению нового стиля и Комис. по РПЭ, дтс. Фурштадтская, 25. Ф. 1061.

Петерс Александр Александрович, библиотекарь II Отд-ния БАН, сс. ВО, 7 л., 2.

Петри Бернгард Эдуардович, этнограф МАЭ. Александровский пр., 25 Тлф.

Петри Евгения Львовна, младший этнограф МАЭ. Александровский пр., 25. Тлф.

Петц Иосиф Эдуардович, препаратор ГММ. Измайловский пр. 1-я рота, 1.

Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельмович), востоковед, тюрколог, этнограф, академик, дтс. ВО, 7 л., 2. Тлф. Ф. 177.

Радлов Эрнест Львович, писатель, философ, дсс. (чл.-корр. 1920). ВО, 1 л., 40. Тлф. Ф. 1052.

Раунер Станислав Юльевич, чл. ПВК, дсс. ВО, Б. пр., 35.

Рауш ф о н–Т р а у б е н б е р г, барон Павел Александрович, чл. Комис. по РПЭ, дсс. Б. Монетная ул., 22. Тлф.

Регель Василий Эдуардович, историк-византинист, славист, чл.-корр., чл. Комис. по изд. соч. В.Г. Васильевского, дсс. ВО, Средний пр., 11 (кв. Зибольд).

*Рейнбот Павел Евгеньевич, чл. Комис. по постройке памятника А.С. Пушкину, присяжный поверенный, сс. Фурштадтская, 35. Тлф.

Реммей Цецилия Карловна, вычислитель ГФО. Мойка, 8.

Ремпен Мария Карловна, помощник зоолога ЗМ. Церковная 4. Тлф.

Ренц Франц Францович, старший астроном ГАО, дсс. Тлф.

Розенберг Фридрих Александрович, востоковед-иранист, старший ученый хранитель АМ, ка, (чл.-корр. 1923). ВО, 2 л. 15. Тлф. Ф. 850.

*Розенталь Эльмар Генрихович, чл. МагнК, проф. Имп. Варшавского ун-та.

Рорданц Карл Карлович, механик ГФО, поч. гражд, ВО, 23 л., 2.

Скрибановиц Федор Федорович, пом. библиотекаря II отд-ния БАН.

*Струве Людвиг Оттонович, чл. КМС, чл. Постоянной Центральной сейсмической комис., дир. Харьковской обсерватории, проф. Харьковского ун-та, дсс.

Ферингер Анна Богдановна, и.о. библиотекаря и архивариуса ГФО. Фонтанка, 116.

*Фогель Роберт Филиппович, проф. Киевского ун-та Св. Владимира, дир. Киевской астрономической обсерватории., сс.

Фридман Александр Александрович, физик Романовской аэрологической обсерватории близ Павловска.

*Фус Виктор Егорович, чл. ПВК, отставной тс. Спасская, 17.

*Шейблер Карл Карлович, чл. Попечительного совета МАЭ, коммерческий советник. Лодзь.

*Шеффер Петр Николаевич, чл. Комис. по изданию памятников древнерусской литературы, кс. Инженерная, 4. Тлф.

Шмидт Ганс Максимилианович, помощник библиотекаря II Отдния БАН. Колпинская, 21.

*Шотлендер фон, Феликс Юльевич, чл. Попечительного совета МАЭ. ВО, 16 л., 9. Тлф.

*Шпиндлер фон, Иосиф Бернгардович, чл. ПВК и Комис. по исследованию верхних слоев атмосферы, генерал-лейтенант. ВО, 16 л., 9. Тлф.

Шредер фон, Эльза Германовна, каталогизатор ГММ. Потемкинская, 2.

Шрейдер Михаил Николаевич, врач ГАО, сс. Царское Село, Госпитальная ул., 3 (дом Госпиталя Дворцового ведомства).

Штакельберг барон, Александр Павлович, правитель дел Канцелярии Правления ИАН, кс. ВО, 7 л., 2. Тлф.

Штеллинг Павел Эдуардович, геофизик, ттс. Екатеринбург обсерватория.

Штеллинг Эдуард Васильевич, геофизик, чл.-корр., пом. дир. ГФО, чл. Постоянной центральной сейсмической комис., Постоянной водомерной комис. и Магнитной комис. ВО, 18 л., 9. Тлф.

Штубендорф фон, Отто Эдуардович, почетный чл., чл. Комис. по введению нового стиля, Комис по градусному измерению на островах Шпицбергена и Комис. РПЭ, генерал-от-инфантерии. Николаевская ул., 75.

Эттинген фон, Артур Артурович (Артур Иоахим), физик, метеоролог, чл.-корр. Лейпциг.

Эттингер Владимир Антонович, метеоролог, адъюнкт ГФО, ка. Английский пр., 22.

Якобсон Георгий Георгиевич, старший зоолог ЗМ, СС. ПС, Большой пр., 56.

Якобсон Эдуард Эдуардович, журналист и архивариус Канцелярии правления ИАН. Университетская л., 1.

Итого 108 человек. 24 человека жили вне Петрограда. 28 — добровольные члены комиссий, комитетов и попечительных советов.

Э.И. Колчинский

АКАДЕМИЯ НАУК И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Академия наук и власть в предвоенное десятилетие

В десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, Академия наук оказалась в двойственном положении, предопределившем, в конечном счете, поведение ее членов в 1914–1918 гг. С одной стороны, ученые были членами международного научного сообщества, входили в престижные общества и академии, их труды получали широкое общественное признание. Проведя многие годы в Западной Европы, они стремились перенести в Россию укоренившиеся там формы организации науки, ее этос, взаимоотношения между учеными, обществом и властями. В профессиональной культуре, поведении, языке, быте российские ученые практически не отличались от своих зарубежных коллег. Они были убеждены, что их деятельность служит государству и народу. В публикациях ученые подчеркивали объективность своих исследований, их оригинальность и новизну. Съезды российских ученых и научные общества, объединяли их по научно-дисциплинарным основаниям, обеспечивая свободное «гражданское» пространство. Здесь они чувствовали себя экспертами, людьми с высокой профессиональной репутацией.

С другой стороны, Академия наук оставалась частью государственной машины, которую финансировало правительство, а выборы ее членов утверждал император. Находясь на службе у правительства, члены Академии ощущали на себе, как оно вольно или невольно подавляло их активность. Они понимали, что правительство не способно обеспечить научные исследования в масштабах, отвечавшим потребностям страны. Возникал опасный разрыв между гражданским и профессиональным статусом академиков как «слуг правительства» и «жрецов истины», что неизбежно вело к противостоянию.

Вначале академики, дистанцируясь от политических проблем, подчеркивали независимость своих сочинений от социально-культурного контекста. Но возросшая практическая ценность науки и ощущение своей незаменимости побуждало их претендовать на особую роль в решении проблем, возникших перед Россией во время Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Борьбу за политические свободы многие академики посчитали лучшим способом для обеспечения

профессиональной самореализации и самоидентификации. Участвуя в либеральном движении, апологеты «чистой науки» втягивались в политику, их академические интересы отступали на второй план, заменяясь общественно-организационной деятельностью, от которой они во благо народа и страны считали не вправе отказаться.

Часть академиков была убеждена, что правительство не способно решить назревшие проблемы, и, воспринимая себя носителями прогресса в отсталой стране, свое будущее связывали с коренными социально-политическими и экономическими реформами, созывом Учредительного собрания и введением конституционной монархии. Во время волнений 1905 г. они протестовали против размещения полиции и воинских частей в зданиях Академии наук, призывали офицеров и солдат не подчиняться приказам и уверяли, что волнения, забастовки и военные бунты расплата за преступления властей[1]. Это вело их к столкновению с президентом Академии наук, вел. кн. Константином Константиновичем[2]. При этом не забывались и профессиональные интересы. Академики высказывались за усиление государственной поддержки науки, отмену цензуры, развитие народного образования, демократизацию и автономность высшей школы[3].

Выразителем настроений, взглядов и чаяний либеральных академиков стал Академический союз, созданный в 1905 г., а затем и партия конституционных демократов. После вооруженных восстаний ученые уже не мечтали о «слиянии с народом», а боялись его, по выражению М.О. Гершензона, «пуще всех казней власти», славя ее за то, что она «штыками и тюрьмами» еще ограждала их от «ярости народной»[4]. Как констатировал с горечью С.Н. Булгаков: «В революционные дни опять повторилось гонение на знание... Наша интеллигентная молодежь не

---

1 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 15, 19–21; Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 289. Л. 3; Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 57–58; Протоколы заседаний Общего собрания Академии наук (далее ОС АН). 1905. С. 216.

2 ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 113–114, 119, 124, 137–140, 148, 151; Там же. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 20.

3 Записка о нуждах просвещения в России // Наша жизнь. 1905. 20 янв.; Протоколы заседаний ОС АН за 1905 г. Приложение к протоколу ОС АН 18 февраля 1905 года. С. 22; Там же. Приложения к протоколу заседания от 24 марта 1905 г. 1-е прил. С. 1–2; Приложение к протоколу заседания экстраординарного ОС АН от 11 мая 1905 г. С. 1–3.

4 Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 92.

может признать самостоятельного значения науки, философии, просвещения, университетов...»[5] и чуждается их, не видя возможности использовать знание во зло царизму. В итоге академическое сообщество, включая руководство, оказалось резко дифференцированным по политическим пристрастиям. Консервативную политику двора разделял президент, вел. кн. Константин Константинович, к октябристам примкнул вице-президент П.В. Никитин, а непременный секретарь С.Ф. Ольденбург придерживался либерально-демократических воззрений. Неудача в работе Государственного совета депутатов от Академической курии похоронила надежды на реформы «сверху» в области науки и образования. Профессура решила, что она должна взять на себя заботу об их дальнейшем развитии.

Выход из создавшейся ситуации многие академики видели в укреплении связи фундаментальных исследований с промышленностью и сельским хозяйством, в повышении их роли в социально-экономическом и культурном развитии России, а также в привлечении в науку частных, кооперативных и земских средств. Создавая частные вузы, общественные фонды и научно-технические общества они расширяли социальную базу науки. По примеру Германии и США они основали в Москве Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова.

Активно участвуя в самоорганизации науки, академики не забывали и о патриотических чувствах правительства. «Такая великая страна, как Россия, — писал В.И. Вернадский по поводу создания Ломоносовского института, — не может и не должна остаться чуждой тому напряженному соревнованию, которое на этом поприще проявляют народы Западной Европы и страны за океаном. Этого не допускает не только благородное чувство национальной гордости, но, насколько могут об этом судить люди науки, и сознание государственной пользы»[6]. От императора и правительства академики по-прежнему добивались расширения учреждений Академии наук, увеличения ее финансирования, принятия нового Устава, укрепления международных связей, приведения высшего образования в соответствие с нуждами экономики и его демократизации. Это вело к новым столкновениям с властью, как это произошло в 1911 г. в связи с событиями в Московском универ-

---

[5] Там же. С. 28.

[6] *Вернадский В.И.* О Ломоносовском институте Императорской Академии наук // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1965. Т. 6. С. 297.

ситете[7]. Таким образом, шел интенсивный процесс самоорганизации российской науки, вынашивались планы ее трансформации в сеть государственных научно-исследовательских институтов по примеру Общества кайзера Вильгельма.

В предвоенные годы германские научные учреждения, общества и университеты традиционно оставались главными научными партнерами Академии наук[8]. Ее сотрудники, например этнограф Б.Ф. Адлер, историк М.А. Дьяконов, востоковеды К.Г. Залеман, П.К. Коковцев, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов, зоолог Н.Я. Кузнецов, экономист И.И. Янжул и другие направлялись в Германию для «ученых занятий»: приобретения коллекций, сбора и фотографирования материалов, участия в международных конгрессах и т.д. Российские ученые участвовали в подготовке и праздновании юбилеев Берлинской Академии наук, Гёттингенского ученого общества, Шлезвигского общества отечественной культуры в Бреславе, Общества естествоиспытателей в Брауншвейге, Бреславского и Лейпцигского университетов, Университета Фридриха-Вильгельма в Берлине и т.д. Академия наук содействовала научным командировкам Р. Хеймонса (R. Heymons), М. Замтера (M. Samter), Ф. Зольгера (F. Solger) и других немецких естествоиспытателей на Кавказ и в Среднюю Азию, а также Германской арктической экспедиции на полуостров Таймыр. Велась работа по совместному изданию сочинений Л. Эйлера, по подготовке Конвенции о защите авторских прав, которую Россия предполагала заключить с Австро-Венгрией, Германией и Францией. Шло взаимное предоставление во временное пользование книг, рукописей и коллекций. Через издательства и книготорговые фирмы, в основном Лейпцига (B.G. Teubner, O. Harrovitz, M. Weg, G. Fock, B. Liebich), а также Берлина (R. Friedlaender, W. Junk), Йены (G. Fischer) и других городов Германии шло распространение изданий Академии наук и закупка иностранной литературы. Фирма «Mendellsohn & Co» способствовала оплате счетов различных немецких фирм и типографий, изготавливавших для Императорской Академии наук инструменты, аппаратуру, фотографии, таблицы. Весной 1914 г. на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге был открыт специальный Русский отдел.

Традиционно высоким был процент немецких ученых, избранных в 1901–1913 гг. в число ее иностранных членов-корреспондентов (29 из 98)

---

[7] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1911. Д. 2. Л. 1–2, 63.

[8] Летопись Российской Академии наук. Т. 4. 1901–1934 / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Г.И. Смагина. СПб., 2004.

и почетных членов (5 из 14)[9]. Характерно, что от Англии было избрано только 2 почетных члена и 9 чл.-корреспондентов, а от Франции, соответственно, 2 и 19[10]. Все это свидетельствует о том, что академическое сообщество в предвоенные годы по-прежнему ориентировалось, главным образом, на связи с учеными Германии, а не со странами-союзниками по блоку Антанта.

Защищая Отечество

Первая мировой война заставила многих, в том числе и академиков, забыть о недовольстве правительством и вызвала всплеск патриотизма[11]. Академия наук удержалась от демонстративных верноподданнических действий, сохранила трезвость в шовинистическом угаре и дистанцировалась от университетской профессуры, призывавшей разорвать научные связи с учеными из Центральных держав и исключить их из числа почетных членов всех университетов, научных учреждений и обществ. Более года Общее собрание (ОС) тянуло с исполнением одобренного императором 19 ноября 1914 г. распоряжения правительства от 31 октября 1914 г., предписывавшего всем государственным учреждениям очиститься от подданных неприятельских стран. 14 марта 1915 г. в ответ на обращение и. о. министра народного просвещения М. Траубе академики заявили, что «не следует думать, что такая чрезвычайная мера, как лишение почетных званий, прежде ни в какие войны в качестве боевого средства не применявшаяся ни нашей Академией, ни другими, не имела бы никаких последствий для учреждения ее применившего»[12]. По предложению математика А.А. Маркова, поддержанного его коллегами А.М. Ляпуновым и В.А. Стекловым, императорское предписание было отклонено 21 голосом из 25. 9 января 1916 г. Академия наук аналогичным образом ответила на запрос Финляндского генерал-губернатора[13]. И только месяц спустя требуемое

---

[9] О проценте лиц немецкой национальности среди членов и сотрудников в ИАН подробно говорится в предыдущей статье Ю.А. Виноградова.

[10] Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1999. С. 496–525.

[11] *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 109.

[12] Протоколы ОС АН за 1914. С. 165. С. 222.

[13] ПФА РАН Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 17; Протоколы ОС АН за 1916 г. С. 2, 4.

решение было принято при двадцати «за» и одиннадцати «против»[14]. При этом академики «забыли» перечислить исключаемых, что лишало постановление всякой юридической силы, и оставили за собой право по окончанию войны восстановить «исключенных».

Вместе с тем, война отразилась на составе Академии. Вплоть до 1922 г. ни один немецкий ученый не был избран ее иностранным чл.-корреспондентом. В 1914–1918 гг. в их число были выбраны 4 француза, 4 англичанина, 2 бельгийца, 2 норвежца и 1 чех.

Академия стремилась компенсировать ущерб от разрыва российско-немецких контактов. С этой целью искали новые пути получения научных изданий, выходивших в Германии и Австро-Венгрии, перенесения центра закупки иностранной литературы из Лейпцига в Упсалу, обсуждали проблему переноса центра по руководству Международной ассоциацией академий из Берлина в Амстердам. Взамен традиционных связей предпринимали попытки установить тесные научные отношения с Англией и Францией. Эти намерения получили поддержку со стороны союзников. В письме от 13 марта 1916 г. министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву посол Великобритании Дж. У. Бьюкенен предложил расширить научные контакты между учеными двух стран. На Общем собрании 9 мая 1916 г. было решено создать специальную комиссию под председательством непременного секретаря С.Ф. Ольденбурга[15]. Состав комиссии был определен 8 октября 1916 г. В нее включили химика П.И. Вальдена, византиниста Н.П. Кондакова и медиевиста П.Г. Виноградова[16].

Через неделю возникла идея о том, что сферу деятельности комиссии и ее задачи следует существенно расширить, укрепляя научные контакты не только с учеными Англии, но и других союзных стран. Председателем Комиссии для усиления контактов с союзниками был назначен и.о. вице-президента Академии А.П. Карпинский[17], фактически возглавлявший ИАН после смерти президента вел. кн. Константина Константиновича и вице-президента П.В. Никитина. Помимо вышеназванных академиков туда вошли также математик В.А. Стеклов, литературовед Н.А. Котляровский (позднее вместо него филолог-славист А.И. Соболевский), историки А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахма-

---

[14] Там же. Л. 34–35. Протоколы ОС АН за 1916 г. С. 33–34. § 43.
[15] Там же. Л. 56об.;§ 108. Протоколы ОС АН за 1916. С. 786. § 108.
[16] Там же. Л. 96об.; § 221. Протоколы ОС АН за 1916. С. 159. § 221.
[17] Там же. Л. 103об.; § 242 Протоколы ОС АН за 1916. С. 174. § 242.

тов[18]. В Комиссию пригласили также представителей университетов и ученых обществ Петрограда.[19]

Комиссия должна была заняться, прежде всего, налаживанием обмена научной информацией между союзниками, обменом научными изданиями и их переводами, взаимными командировками профессоров для чтения лекций, командировками молодых ученых для обучения, организацией совместных экспедиций и проектов, типа издания «Истории России» на английском языке[20]. Предполагали оперативно готовить аналитические и библиографические данные о достижениях русской научной мысли и издавать на русском и французском языках периодические издания по физико-математическим и гуманитарным наукам, в которых публиковали бы обзоры и научная хроника[21].

Под председательством товарища министра народного просвещения, чл.-корреспондента ИАН зоолога В.Т. Шевякова, было созвано Особое совещание по культурному сближению России с дружескими странами, куда от ИАН направили А.П. Карпинского, В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского[22]. Февральская революция отодвинула эти проблемы на второй план, хотя правительственные органы Великобритании, США и Франции в 1917 г. еще не раз обращались к руководству ИАН с призывами активизировать усилия по укреплению научных контактов. Однако усиление контроля и цензуры в почтовых отправлениях не только не способствовали обмену информацией и печатными изданиями между учеными России со своими коллегами из-за рубежа, но, напротив, прерывали уже имевшиеся связи[23]. Вместе с тем, возникали новые проекты: устройство Русского института в Париже и посылка с этой целью делегации во Францию, перевод на французский язык еще не подготовленной книги «Русская наука» и т. п. В связи с созданием в ряде университетов Англии кафедр и курсов русского языка В.Т. Шевяков просил Академию оказать содействие в посылке в Англию академических изданий в качестве учебных пособий[24].

---

[18] Там же. Л. 111об.; § 277; Протоколы ОС АН за 1916. С. 190. § 276.
[19] Там же. Л. 103об.; Протоколы ОС АН за 1916. С. 174. § 242.
[20] Протоколы ОС АН за 1916. С. 168–171. Приложение I-11 к § 221.
[21] Там же. С. 219–221. Приложение III § 299.
[22] Там же. С. 69. § 80.
[23] Протоколы ОС АН за 1917. С. 12–13. § 37.
[24] Протоколы ОС АН за 1916. С. 181. § 256.

Под влиянием вышедшей в Париже в 1915 г. коллективной монографии «Французская наука» в декабре 1916 г. ИАН создала специальную комиссию по подготовке труда[25], в котором предполагали «показать, как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, лабораторий и опытных станций становятся доступными все более и более широкому кругу лиц»[26]. Первоначально Комиссию «Русская наука» возглавлял А.С. Лаппо-Данилевский, а после его смерти — С.Ф. Ольденбург. Военная разруха не позволила завершить задуманный коллективный труд, в котором участвовало более 50 авторов, и который, по словам Ольденбурга, дал бы «картину того крупного научного подвига, который внесен русскими учеными в мировую сокровищницу науки»[27].

В условиях нараставшего экономического и социально-политического кризиса не было закончено и четырехтомное издание «Императорская Академия наук (1889–1914)». Свет увидели только два тома — второй и третий в двух частях[28], содержащие исторические очерки о научных и административных учреждениях Академии и 93 биографии академиков. В 1915 г. Вернадский сдал в печать очерк «Академия наук в первое столетие своей истории», который был отпечатан, но так и остался в корректуре. В 1914 г. была предпринята первая попытка как-то организационно оформить исследования по истории науки, которая также была безрезультатной[29].

---

[25] *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний / Отв. ред. В. М. Орел и Г. И. Смагина. СПб., 2003. С. 637–659.

[26] Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 год, составленный Непременным Секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг., 1917. С. 8.

[27] Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и Исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1919 г. Пг., 1919. С. 4.

[28] Материалы для истории Императорской Академия наук в 1889–1914 гг.: [II] — Материалы для истории Академических учреждений... Пг., 1917 [1918]; То же. [III] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. А–Л. Пг., 1915; Ч. 2. М–Я. Пг., 1915 [1918].

[29] *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 3.

Война прямо сказалась на деятельности Академии наук, наложив «свою тяжелую руку и на развитие науки, — писал академик В.И. Вернадский в 1915 г., — отвлекала средства, ...на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников»[30]. В Стамбуле закрыли Русский Археологический институт[31], а в Лейпциге — Русский отдел Международной выставки книгопечатания[32]. В октябре 1914 г. в Большом конференц-зале Главного здания АН был открыт лазарет для раненых воинов, финансируемый за счет частных пожертвований академиков. Отныне заседания Общего собрания проходили в Малом конференц-зале[33].

С первых дней войны Академия наук занялась охраной памятников науки и культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения и конфискации. По инициативе академика А.А. Шахматова[34], Общее собрание уже 29 ноября 1914 г. создало Комиссию об охранении исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий в составе И.П. Бородина, В.И. Вернадского, М.А. Дьяконова, Н.П. Кондакова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.М. Истрина, Ф.И. Успенского, Н.В. Насонова, А.А. Шахматова, а 20 декабря 1914 г. назначила чл.-корреспондента ИАН Е.Ф. Шмурло своим уполномоченным по их охране в Галиции, Буковине и Польше[35], а позднее уполномоченным на Кавказском фронте с согласия Верховного главнокомандующего им стал академик Ф.И. Успенский[36]. 23 февраля 1915 г. на экстраординарном ОС по просьбе Общества охраны древностей Варшавы была также создана специальная комиссия[37]. 16 марта 1915 г правительство выделило Академии наук 6 000 руб. на расходы по охране исторических памятников, библиотек и коллекций в местностях военных действий[38]. 28 ноября 1916 г. было выделено еще 6 000 руб. на эти цели[39].

В 1915–1916 гг. Академия наук провела большую работу по учету и охране научных памятников на Юго-Западном и Кавказском фронтах.

---

[30] Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. М., 1989. С. 282.
[31] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1914. Д. 164. Л. 449.
[32] Там же. Д. 161. Л. 78.; Протоколы ОС АН за 1914. С. 135. § 162.
[33] Там же. Л. 86. Протоколы ОС АН за 1914. С. 151. § 193.
[34] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37-1914. Л. 28. Протоколы ОС АН за 1914. С. 158. § 208.
[35] Там же. Д. 161. Л. 89об., § 222; Протоколы ОС АН за 1914. С. 165. § 222.
[36] Протоколы ОС АН за 1915. С. 56. § 66; Протоколы ОС АН за 1916. С. 57–59. § 79.
[37] Там же. С. 26. § 43.
[38] Там же. С. 72. § 77.
[39] Протоколы ОС АН за 1917. С. 2. § 5.

Активное участие в ней принимали академики Н.Я. Марр, И.А. Орбели и Е.В. Шмурло. Под председательством президента ИАН вел. кн. Константина Константиновича предполагалось создать Комитет по описанию, охране и поддержании археологических памятников Цареграда (Стамбула) и его окрестностей, которые в случае победоносной войны должны были отойти к России[40]. С этой же целью неоднократно обсуждался вопрос о создании Палестинского Комитета[41]. Из занятого нашими войсками Трапезунда российские власти в 1916 г. вывезли коллекцию редких рукописных памятников. В то же время, как свидетельствуют многочисленные донесения, во время позиционной войны одни и те же местности не раз переходили из рук в руки, что сопровождалось многократным разграблением и гибелью уникальных памятников истории, рукописей и книг[42].

С первых дней войны, закрывшей для русских ученых возможность публиковаться в немецких журналах, практически все отрасли российской науки охватило стремление иметь национальные научные журналы и свои профессиональные общества. Так, в 1916 г. биолог, чл.-корреспондент Н.К. Кольцов подчеркивал, что стремление иметь сеть собственных национальных журналов диктуется отнюдь не узким национализмом, а желанием привлечь к научной работе «великие силы, таящиеся в русском народе»[43]. Отечественная наука жаждала стать самодостаточной. С этой целью 20–21 декабря 1915 г. в Петрограде по инициативе академиков А.С. Фаминцына и И.П. Бородина состоялся съезд ботаников, учредивших Русское ботаническое общество и его журнал. Так было положено начало созданию научных обществ при ИАН.

Никогда до этого Академия не была столь тесно связана с повседневными потребностями государства. Бурный рост промышленности и военных заказов накануне войны не решил проблемы снабжения армии необходимым вооружением, а также ликвидации сырьевой зависимости оборонной промышленности от импорта[44]. Для содействия

---

[40] Протоколы ОС АН за 1915. С. 98–100. § 105; С. 100–101. Приложение к § 105.

[41] Протоколы ОС АН за 1917. С. 70. § 82. С. 74–78. Приложение I к § 82.

[42] Записка академика Н.Я. Марра о регистрации как вывезенных, так и брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Армении // Изв. Имп. АН. VI сер. 1915. № 16. С. 1711–1719.

[43] *Кольцов Н.К.* Ученые общества и научные журналы в России // Природа, 1916. № 2. С. 253–254.

[44] *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М., 2003. С. 97–103.

правительству в мобилизации промышленности с середины 1915 г. стали создаваться военно-промышленные комитеты (ВПК), прообразом которых служили аналогичные комитеты в Германии. Центральный ВПК состоял из подотделов, во многих из которых (химическом, металлургическом, топливном, механическом, автомобильно-авиационном и др.) участвовали члены ИАН. ВПК действовали как контрагенты военных ведомств и как посредники казны и предприятий. При этом они финансировались за счет государственных субсидий, отчисляемых с суммы заказов, передаваемых военными ведомствами через комитеты, а также добровольных взносов. ВПК были тесно связаны с работой правительства, Государственного совета, Особых совещаний, Главного комитета по снабжению армии, Главного артиллерийского управления, Всероссийских земских и городских союзов, в которых также активно участвовали академики-либералы.

Чл.-корреспондент ИАН А.Н. Крылов, избранный в августе 1916 г. академиком и возглавивший Николаевскую главную физическую лабораторию, остался консультантом Металлического, Балтийского, Адмиралтейского и Путиловского заводов по вопросам кораблестроения, а в 1916 г. стал начальником Главного военно-метеорологического управления и участвовал в составе следственной комиссии по выяснению причин взрыва и гибели линкора «Императрица Мария»[45]. Как ведущего специалиста в области кораблестроения и знатока военной промышленности его назначали руководителем группы инспекторов Путиловского завода, срывавшего оборонные заказы. После проверки Крылов был назначен председателем правительственного правления секвестированного завода, и он сумел в короткий срок поднять производительность труда, обеспечив двукратное увеличение объема производства орудий, снарядов и их ассортимента[46].

Чл.-корреспондент ИАН В.Н. Ипатьев, избранный академиком в январе 1916 г., возглавлял Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, который занимался организацией производства взрывчатых веществ и фармацевтических препаратов[47]. В комитете рабо-

---

[45] *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. М., 1941; *Липилин В.* А.Н. Крылов. М., 1983.

[46] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода: 1800–1917. М., 1961. С. 532.

[47] *Ипатьев В.Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; О*н же*. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945.

тали также академик ИАН Н. С. Курнаков и будущие члены АН СССР В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворский, А.Е. Чичибабин, А.А. Яковкин и др. Безуспешные попытки заменить завозимые из Германии до войны составные взрывчатых материалов поставками из США и Англии толуола, бензола, тротила и пороха, в целом, показали безальтернативность ставки на отечественное производство различного рода взрывчатых веществ.

Благодаря энергичным мерам по созданию собственной химической промышленности комиссии удалось в течение года (с февраля 1915 по февраль 1916 г.) почти в 15 раз увеличить производство взрывчатки и на 20 созданных заводах наладить отечественное производство бензола. Схожие по объему и сложности проблемы решались с организацией производства серной и азотной кислот, селитры, аммиака и других составляющих производства боеприпасов и боевых отравляющих веществ, выпуск которых также был поручен Химическому комитету. Наряду с созданием новых заводов принимались меры по разработке отечественных месторождений серного колчедана, свинца, серы, селитры. Уже к 1917 г. в подчинении Химического комитета работало около 200 заводов, производивших не только различные виды взрывчатки, но и отравляющие вещества — хлор, фосген, хлорпикрин, как для газобаллонных атак, так и для снарядов. Химический комитет наладил производство средств защиты от газовых атак и производство медикаментов. В результате на вооружение русских войск поступили мокрый и сухой противогазы. Н.Д. Зелинскому принадлежит заслуга создания угольного противогаза, применение которого спасло многие тысячи солдат. А.Е. Чичибабин организовал и возглавил Московский комитет содействия фармацевтической промышленности, под патронажем которого разрабатывали способы производства аспирина, опия, морфия, кодеина, салола и фенацетина.

Академики В.Н. Ипатьев и Н.С. Курнаков входили в число учредителей Опытного завода, созданного в 1916 г. при Русском физико-химическом обществе и ставшего полигоном для отработки технологии массового производства химической продуктов, полученных в лаборатории. Завод сыграл важную роль не только для обороны, но и для подготовки инженеров и химиков[48].

---

[48] *Георгиевский С.С., Мануйлова С.С.* История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса // Наука и военная техника. СПб., 2001. С. 28–34; См. статью И.С. Дмитриева в этом сборнике.

Для достижения сырьевой независимости военной промышленности и мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС)[49], председателем которой в октябре 1915 г. был избран минералог и геохимик В.И. Вернадский, работавший также в Экономической комиссии Государственного совета и Межпарламентской торговой конференции союзных держав. Уже в первый состав КЕПС, сформированный в феврале 1915 г., вошли академики, представлявшие практически все отрасли естественных наук: биологи И.П. Бородин, В.В. Заленский, Н.В. Насонов, И.П. Павлов, В.И. Палладин, А.С. Фаминцын, геологи и палеонтологи Н.И. Андрусов и А.П. Карпинский, химики П.И. Вальден и Н.С. Курнаков, физики Б.Б. Голицын и М.А. Рыкачев. В дальнейшем к ним присоединились инженеры, гуманитарии, военные, правительственные чиновники, работники оборонных предприятий. К концу 1915 г. количество членов КЕПС достигло 109, к концу 1917 г. — 139. В 1916–1917 гг. в составе КЕПС функционировал Редакционный комитет по изданию очерков «Материалы для изучения естественных производительных сил России»; он подразделялся на подкомиссии: по битумам, по глинам и огнеупорным материалам, по микроскопии, по платине, по почвам, по исследованию Севера, по солям.

Центральное место в работе КЕПС занимали проблемы обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем. Ученые выезжали в геологические экспедиции, решали вопросы продовольственного снабжения. Результаты исследований обобщали в серийных изданиях КЕПС: «Естественные производительные силы России», «Богатства России», «Отчеты о деятельности КЕПС» и др. КЕПС развивалась как новая форма организации комплексных научных исследований, финансируемых разными правительственными учреждениями. Большая часть средств поступала от министерств и ведомств, заказы которых выполняла Комиссия. На заседаниях совета и общих собраниях КЕПС регулярно обсуждали вопросы совершенствования организационных форм науки. Были разработаны программы создания и деятельности Института физико-химического анализа, Института по изучению платины и других благородных металлов, основанных уже после Октябрьской революции. В ИАН создаются и другие учреждения: Полярная комиссия (1915), Постоянная лингвистическая комиссия (1915), Комиссия

[49] *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил. СПб., 1999.

по исследованию племенного состава населения областей, прилегающих к границам России (1917), Кавказский историко-археологический институт (1917) и др. В тесном сотрудничестве с КЕПС работал Геологический комитет, который вел поиски стратегического сырья: вольфрама, молибдена, висмута, олова и др.[50]

Некоторые члены ИАН считали, правда, что создание КЕПС продиктовано не столько стремлением помочь Отечеству во время войны, сколько желанием использовать сложившуюся обстановку для развития самой науки. По мнению, кристаллографа, академика Е.С. Федорова, было недопустимым в военной обстановке тратить огромные финансовые и материальные ресурсы на проекты, отдача от которых возможна лишь через несколько десятилетий. «В настоящую минуту, — призывал он, — нужно думать не о затратах для науки, а напрягать все силы, чтобы помочь армии и бедствующей части населения»[51].

Свой «вклад» в победу над врагом старались внести гуманитарии, доказывавшие в научных трудах, в публичных лекциях и статьях отечественный характер войны и необходимость разгрома вечных агрессоров — «немецких варваров». В Библиотеке Академии наук был создан «Архив войны», в котором собирали письма, открытки, карикатуры, лубочные картинки и другие свидетельства военного времени. Туда посылали также финансируемые ИАН сборы обрядовых причитаний при проводах рекрутов на войну, при похоронах погибших, молитвы и заговоры солдат, их письма, ладанки и т.д.

Вскоре академики стали понимать, что Россия не сможет победить, хотя еще сохраняли надежду, что благодаря союзникам она не будет побеждена. Война разрушала материально-финансовую базу научных исследований, инфляция съедала выделяемые ассигнования, а бюджет не пересматривали с 1912 г., так как было принято менять его только раз в пять лет. Единовременные дополнительные ассигнования не меняли существенно ситуации. Рост ассигнований на науку шел лишь через ВПК и КЕПС, выполнявшие заказы военных ведомств. Не было денег на ремонт зданий, закупку оборудования и книг.

---

[50] ВСЕГЕИ в развитии геологической науки и минерально-сырьевой базы страны. 1882–1982. Л., 1982. С. 56.

[51] Мнение проф. Е. Федорова о записке гг. академиков об изучении естественных производительных сил России // Изв. Имп. АН. VI сер. 1915. № 16. С. 1679–1680.

Наблюдая поворот высшей школы к решению прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, академики все активнее выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов, субсидируемых государством, но управляемых учеными. Последовательным пропагандистом этой идеи стал Вернадский, доказывавший «невозможность и невыгодность соединения научно-технической работы с современной высшей школой»[52]. Многие, как, например, академик В.А. Стеклов, уже летом 1915 г. ощущали, что страна несется «в пропасть, к явной гибели»[53]. Вновь зазвучали слова о неразрывности науки и демократии. Послевоенное устройство академикам грезилось как союз европейских стран, в условиях всеобщего разоружения и высоких этических норм. Экономическое и правовое устройство России должно было обеспечиваться всесторонним использованием научного знания. С такими демократическими мечтаниями они подошли к Февральской революции 1917 г.

Неудачи в реализации либеральной научной программы

Отречение царя и приход к власти Временного правительства большинство академиков встретило с воодушевлением. Министерство народного просвещения, которому подчинялась Академия наук, теперь возглавлял их коллега проф. А.А. Мануйлов, а с 26 июля 1917 г. — академик С.Ф. Ольденбург. Его заместителем был В.И. Вернадский. 4 марта 1917 г. руководители РАН направили обращение к Временному правительству, в котором приветствовали объединение России в «могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать её от внутренней разрухи и внешнего врага» и обещали представить «правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, которыми Академия служит России»[54]. 24 марта 1917 г. состоялось экстраординарное Общее собрание Академии наук, одобрившее это обращение[55].

Воспользовавшись близостью к правительству, ученые постарались реализовать свои замыслы по реформированию науки. Были предприняты реальные шаги по демократизации Академии наук: ввели автоном-

---

[52] Очерки и речи акад. В.И. Вернадского. Пг., 1922. С. 31.

[53] *Стеклов В.А.* Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991. С. 259.

[54] Изв. Академии наук. 1917. № 11. С. 39.

[55] Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 94.

ность правления и выбрали президента, отказались от обязательного проживания академиков в Петрограде, начали создавать исследовательские институты, ассоциации и т. д. Императорскую академию наук по указу Временного правительства от 11 июля 1917 г. стали называть Российской академией наук[56]. В тот же день ее первым президентом был утвержден А.П. Карпинский, избранный на этот пост ОС АН 15 мая 1917 г.[57]

Планируемые реформы не ограничивались рамками РАН. В проекте Союза научных учреждений, разработанном академиком А.А. Шахматовым, предлагалось сгруппировать все научные учреждения страны (музеи, общества, институты) и отдельных ученых по функциональному признаку, образуя союзы гуманитарных, естественнонаучных, научно-прикладных исследований[58]. В свою очередь, они должны были образовывать «союз союзов» во главе с Комитетом, председатель которого имел бы право прямо обращаться в Совет министров. При этом Союз не должен был осуществлять административный контроль над научными учреждениями. Его задача состояла лишь в обеспечении государственного финансирования научных исследований, а главным принципом его деятельности должна была стать автономия каждого коллектива и исследователя. Реформа должна была проводиться на основе и с сохранением существовавших учреждений. Были предприняты шаги для реализации этого проекта. В апреле 1917 г. под председательством А.П. Карпинского начало функционировать Совещание представителей ученых учреждений и вузов.

15 апреля 1917 г. Общее собрание приняло предложение о созыве съезда представителей ученых учреждений и ученых обществ России[59]. На нем предполагали создать Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук. Ее задачи состояли в привлечении внимания общественности и правительства к перспективам развития науки, пропаганде достижений науки и поиске средств для новых научных институтов[60]. Этот проект был поддержан рядом научно-

---

[56] Там же. С. 218. § 209. С. 219. Прил. 1 к § 209.

[57] Там же. § 210.

[58] *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. С. 210–211.

[59] Протоколы ОС АН за 1917 г. С. 112. § 112–125.

[60] *Конашев М.Б.* К истории создания Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XIV. СПб., 1998. С. 154–155.

просветительских обществ и учреждений Петрограда и Москвы, а также представителями исполнительной и законодательной властей. На состоявшихся в апреле–мае собраниях Ассоциации выступали министры Временного правительства, в том числе А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков. На учредительном собрании, проходившем 26 мая 1917 г., в Совет было выбрано 11 академиков, а его председателем стал академик В.А. Стеклов. Новое объединение, задуманное, прежде всего, как ассоциация точных наук, планировало создать Институт положительных наук с хорошо оборудованными лабораториями, библиотеками, музеями, аудиториями, а также привлечь к научной работе талантливую молодежь, обеспечив ее «надлежащим образом» материально. Но жизнь не дала возможность проверить реальность этих планов, которые, как подчеркивали сами авторы, могли быть реализованы только при демократии в России.

Тем не менее, многие из проектов, разработанных в ученых комитетах и комиссиях Временного правительства, были осуществлены при большевиках, включая открытие новых академий в Грузии, Сибири и на Украине, создание системы государственных исследовательских институтов. Эти проекты разработала Комиссия по ученым учреждениям и научным предприятиям во главе с В.И. Вернадским, созданная при Министерстве народного просвещения[61]. При его активном участии была подготовлена программная записка о создании университетов нового типа и предоставлении им права открывать факультеты и отделения по прикладным наукам, так как недостаток лиц с высшим образованием мешал экономическому и культурному развитию страны. Для быстрого исправления создавшегося положения предполагали создавать высшие учебные заведения, совмещавшие задачи чисто научного и профессионального образования.

Из-за военной опасности Петрограду и угрозы захвата его немцами с лета 1917 г. встал вопрос об эвакуации учреждений РАН и научных коллекций. 7 октября 1917 г. ОС признало, что научная работа, когда разрываются связи даже внутри одного и того же учреждения, становится невозможной, и решило командировать в Москву сроком на один год «представителей математики, механики, математической и опытной химии, ординарных академиков В.А. Стеклова, Н.С. Курнакова, А.Н. Крылова и П.П. Лазарева», деятельность которых имеет особое значение для обороны страны (изготовление точных измери-

[61] АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.

тельных приборов, авиационное дело, взрывчатые вещества, противогазы и т.п.)» и эвакуировать полностью Главную физическую лабораторию[62]. В октябре 1917 г. Академия наук эвакуировала в Саратовский университет и Исторический музей Москвы рукописные собрания, старопечатные книги и почти все издания XVIII в., библиотеки Азиатского музея и Архива.

Многие академики с августа 1917 г. с презрением относились к Временному правительству. Рос страх и перед народными массами, вновь занявшими позицию «левее здравого смысла»[63]. 24 августа 1917 г. В.А. Стеклов писал А.П. Карпинскому из Кисловодска, что очень сожалеет по поводу согласия Ольденбурга занять министерский пост[64]. Его утешало только то, что в министерской чехарде у Ольденбурга мало шансов удержаться надолго в правительстве, и Академия вновь сможет использовать его блестящие способности. Стеклов оказался прав. Уже 4 сентября министром народного просвещения стал профессор С.С. Салазкин, а способности Ольденбурга и самого Стеклова вскоре потребовались Академии не столько для реформ, сколько для ее выживания.

Осколок империи: от неприятия к подчинению

Академия наук не приняла Октябрьскую революцию, и захват власти большевиками, по словам В.И. Вернадского, восприняла как «небывалую в истории катастрофу»[65]. Общее собрание одобрило действия С.Ф. Ольденбурга, который заявил, что не признает Военно-революционный комитет. 8 ноября 1917 г. делегация, в которую входили С.Ф. Ольденбург и А.А. Шахматов, требовавшая освободить министров Временного правительства, была выслушана в Военно-революционном комитете; в тот же вечер с ними беседовал В.И. Ленин[66]. Посетив заключенных, Ольденбург опубликовал 16 ноября в газете «Русские ведомости» призыв к большевикам перестать «быть тюремщиками невинных людей». В тот же день появилось воззвание членов Временного правительства, среди них был

---

[62] Протоколы ОС АН. 1917. С. 260. § 272.

[63] «Интуитивное предвидение» Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) // Природа. 1994. № 3. С. 94. 32.

[64] ПФА. РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 558. Л. 1–1 об.

[65] *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев, 1994. С. 28.

[66] Петроградский ВРК. Документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 230, 238.

и В.И. Вернадский, призывавшее защитить Учредительное собрание[67]. Узнав о приказе арестовать его, Вернадский тайно покинул Петроград. Вскоре на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами, оказалась значительная часть академиков, а некоторые из них, как, например, П.Б. Струве, вошли в антисоветские правительства и комитеты.

18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН, на котором А.П. Карпинский заявил, что происходящие события угрожают гибелью страны и предложил подготовить протест, чтобы РАН «не молчала в такое исключительное время»[68]. Против этого резко выступил В.А. Стеклов, которого поддержал И.П. Бородин. Выяснилось, что к сотрудничеству с большевиками готовы математики, представители технических и естественных наук, тогда как гуманитарии были против. Через три дня состоялось следующее экстраординарное Общее собрание, на котором А.С. Лаппо-Данилевский зачитал обращение к ученым. В нем в частности говорилось: «...Русский народ ...ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов»[69]. Взывая к национальной гордости россиян, ученые не предполагали, насколько их призывы не соответствовали настроениям масс. К середине декабря возникли трудности при получении денег в казначействе и академики начали осознавать, что само существование Академии наук становиться предметом торга с новыми властями и ее прежняя роль в жизни страны, возможно, будет оспариваться[70]. Это беспокойство — лейтмотив речи С.Ф. Ольденбурга на годовом собрании РАН в декабре 1917 г. Он убеждал власть, что без работы ученых «немыслимо просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование»[71].

В конечном счете, осудив выход России из войны, А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов пошли на профессиональное сотрудничество с новой властью. Уже в конце января 1918 г. они начали переговоры с правительством об участии Академии наук в решении

---

[67] *Мочалов И.И.* «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонек, 1991. № 22. С. 10–13.

[68] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 148. § 306; Протоколы ОС АН. 1917. С. 298 § 306.

[69] Там же. Л. 165. С. 300. § 307; Протоколы ОС АН. 1917. С. 298. § 306.

[70] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. А-1917. Д. 164. Л. 170. § 3327. Протоколы ОС АН. 1917. С. 324. § 332.

[71] Отчет о деятельности РАН за 1917 г. Пг., 1917. С. 5.

государственных задач[72]. При этом академики стремились, сохраняя автономию, получать финансовую и материальную поддержку от государства, участвовать в разработке и экспертизе законов, правительственных проектов и планов. В сотрудничестве были заинтересованы и коммунистические вожди, охваченные прометеевской верой в возможность построении нового общества путем максимального использования научных достижений и модернизации экономики.

Немногочисленным академикам, оставшимся в Петрограде, пришлось в полной мере испытать тяготы времени: преследования властей, аресты, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для работы. С лета 1918 г. на Общих собраниях присутствовало не более четверти действительных членов. Остальные проживали или в Москве, или на территориях, неподвластных большевикам, в том числе и на оккупированных немецкими войсками. В условиях Брестского мира Германия становилась единственным партнером для получения книг, оборудования и приборов. В заседании ОС 14 сентября 1918 г. непременный секретарь С.Ф. Ольденбург доложил о предложении лейпцигских фирм восстановить книгообмен. Многие академики забыли о призывах вести войну до победы, воспринимая немцев как спасителей и надеясь с их помощью возродить Россию. Но в ноябре 1918 г. Германия капитулировала и тоже погрузилась в хаос социально-экономических и политических катаклизмов.

Революция изменила положение Академии в обществе. Первенствующее научное сообщество, боровшееся за изменение государственного устройства царской России, оказалось не очень нужным новым властям. К концу Первой мировой войны речь уже шла буквально о физическом выживании академиков. 25 сентября 1918 г. А.П. Карпинский и С.Ф. Ольденбург обратились в Наркомпрос с письмом о том, что среди ученых наблюдается особо сильное истощение и «ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу»[73]. 8 октября 1918 г. Ольденбург вновь обратился к А.В. Луначарскому, предложив создать специальную комиссию для принятия неотложных мер[74]. В последующие годы

---

[72] ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 23об., 30, 31–31об., 35, 172–173об., 188об.–189об., 367.

[73] ПФА РАН, Ф. 1. Оп. 1а-1918. Л. 93–94об.

[74] Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 174–177.

не раз еще пришлось взывать к властям принять меры для «спасения русской науки и русских ученых»[75] и напоминать правительству, что только наука будет прочным фундаментом экономики, что прикладное и чистое знание едины, что необходимо привлекать ученых к работе правительственных органов, реформам образования.

В конечном счете, им удалось добиться финансовой поддержки. Под руководством академиков стали создавать институты при народных комиссариатах. В апреле 1918 г. КЕПС организовала отделы, которые позднее превратились в институты, занимавшиеся прикладными проблемами. У академиков появлялся реальный шанс использовать государственные ресурсы для реализации своих научных планов и участвовать в разработке правительственных программ. И этот шанс они не упустили. Начинался беспрецедентный в мировой практике рост числа научных институтов. К концу Первой мировой войны была создана Украинская академия наук, два института и 25 научных отделов КЕПС. Создавались и провинциальные отделения КЕПС.[76] Резко увеличился штат РАН. Ученые, приобретшие опыт в годы Первой мировой войны по консультации царского правительства в решении оборонных задач, легко шли на профессиональное сотрудничество с новыми властями. Так, академик В.Н. Ипатьев преобразовал Химический комитет обороны в Комиссию по демобилизации химической промышленности. Академик А.Н. Крылов в 1918 г. стал консультантом Комиссии особых артиллерийских опытов и других различных учреждений флота и промышленности, а в 1919–1920 гг. возглавлял Морскую академию.

Оставшиеся в советской России академики начинали выстраивать свои приоритеты в соответствии с интересами властей[77]. В ущерб профессиональным интересам они занимались поиском полезных ископаемых, участвовали в реформе русского языка, производили учет

---

[75] Там же.

[76] Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук, 1918. № 12.

[77] Механизмы адаптации академического сообщества к новой власти недавно подробно проанализированы: Наука и кризисы / Ред.-сост. Э.И. Колчинский СПб., 2003. С. 357–549, 577–669, 728–772, а также в книгах «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки» / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб., 2003. С. 336–481; *Колчинский Э.И.* Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом. СПб., 2007. С. 245–299.

кадров и учреждений, составляли этнографические карты страны. Сотрудничество с правительством объяснялось национальными интересами и необходимостью сохранить науку. Им казалось, что нетрудно найти оптимум между «желаниями большевиков и своими представлениями о том, чем должна заниматься наука»[78].

С января 1919 г. Академия наук по предложению Наркомпроса приняла участие в обсуждении тематического заказа научной литературы в Германии и Швеции. Специальная комиссия Лейпцигского университета под председательством Ф. Брауна выявила важнейшие труды, изданные на Западе с 1914 г., и составила библиографический указатель по естественным наукам для обмена с Российской академией наук. Вскоре начался интенсивный книгообмен со многими академиями, научными учреждения и обществами Германии, поставлявшими в 1920-х гг. наибольшее количество иностранных изданий в академическую библиотеку.

Реалии послеверсальского устройства Европы обусловили возрастание многообразия форм научного сотрудничества Германии и Советской России, оказавшихся в положении стран-изгоев. Не столько традиции двухвекового взаимодействия германской и российской науки, сколько стремление разыграть «русскую» или «германскую» карту во взаимоотношениях со странами Антанты и выйти из изоляции, побуждало обе стороны к сотрудничеству в переводах, рецензировании и издании книг советских авторов в Германии и немецких в СССР, в организации совместных советско-германских экспедиций, в проведении «недель ученых», научных конгрессов, юбилейных мероприятий в резко возросших масштабах.[79] Десятки академических сотрудников ежегодно командировались в Германию. С 1922 г. возобновили избрание иностранных почетных членов и чл.-корреспондентов, среди которых вновь стал высоким процент немецких ученых. Так, до 1929 г., когда академическое сообщество было еще относительно свободно в их выборе, из 169 почти треть — 48 — составляли ученые Германии, в то время как ученых Франции было избрано 37, а Англии — 12[80]. Особенностью этого периода стало резкое увеличение по сравнению

---

[78] *Романовский С.И.* Российская Академия наук в годы Гражданской войны // Новый часовой. 1997. № 5. С. 121.

[79] Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2001.

[80] Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 2. 1918–1973. С. 337–376.

с довоенными годами количества избраний академиков РАН в чл.-корреспонденты различных научных обществ и академий Германии, что свидетельствовало о росте интереса немецкого научного сообщества к укреплению контактов с РАН.

* * *

Первая мировая война неожиданным образом завершила многолетнее противостояние академического сообщества с властями. Большевики, восприняв планы академиков по созданию сети государственных научных учреждений и вузов и, используя их в качестве экспертов, позволили Академии наук еще до 1927 г. действовать в рамках дореволюционного Устава. В то же время война существенно реформировала академическое сообщество, где все более значительную роль стали играть представители естественных и точных наук, способные решать прикладные проблемы и внедрять результаты лабораторных исследований в практику. Отныне в РАН чаще избирали ученых, тесно связанных с правительственными и промышленными кругами, а также организаторов оборонной промышленности. Это позволило большевикам в 1929 г. полностью подчинить Академию своему влиянию, увеличив состав академических кафедр в два раза и избрав в Академию ученых, способных решать задачу ускоренной модернизации страны и обеспечить перевооружение армии. Опыт по мобилизации науки и промышленности «во имя фронта» и «во имя победы», приобретенный академическим сообществом во время Первой мировой войны, был с максимальной эффективностью использован учеными и советским правительством в десятилетия между двумя мировыми войнами.

Приспособившись к новой государственной системе и получив мощную правительственную поддержку, члены АН СССР уже в 1930-х гг. не слишком нуждались в международном признании. Доля публикаций на иностранных языках в продукции советских ученых неуклонно снижалась, и эта тенденция была характерна для всех основных отраслей знания. Причем, политические репрессии и нежелание публиковаться в немецких журналах после прихода к власти нацистов отнюдь не были главными причинами нарастающего изоляционизма. Важнее было то, что еще во время Первой мировой войны российские ученые убедились в своих способностях самостоятельно решать научные, научно-организационные и прикладные проблемы.

А.Е. Иванов

ОТКЛИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Но есть великая война
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легионы
Встает пронзенная страна.
Когда отечество в огне
И нет воды, лей кровь, как воду...
Благословение народу!
Благословение войне!

Игорь Северянин.
Поэзия благословения

Эти строфы точно передают тональность чувств, охвативших с началом Первой мировой войны российское общество, включая и ту его часть, которая составляла «население» высшей школы — профессоров, преподавателей, студентов. На торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. его директор, академик В.М. Бехтерев говорил: «Еще так недавно, в период Русско-японской войны мы были свидетелями, как многими из общественных кругов выносились резолюции против ведения войны в пользу скорейшего заключения мира, мира во что бы то ни стало, хотя бы даже с ущербом для интересов и достоинства России. Ныне мы видим совсем другую картину. Общий клич “довести войну до победного конца” звучал почти во всех общественных организациях и съездах России»[1].

Раздался этот клич и из стен высших учебных заведений. Весть о начале военных действий одномоментно сплотила в общем патриотическом порыве профессоров и преподавателей — либералов, консерваторов, крайних националистов, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды, разожженной до крайних пределов министром народного просвещения Л.А. Кассо. В конечном счете, этот «внутренний мир» зиждился на доброй воле либеральной профессуры, преобладавшей в преподавательском корпусе высших учебных заведений. Она последовала призыву ЦК кадетской партии к политическим силам страны: «Отложим же внутренние

[1] *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. Пг., 1915. С. 6.

споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия»[2].

Война, однако, лишь кратковременно затушевала, но не изгладила политические противоречия в профессорско-преподавательском корпусе. И в круговерти событий военной поры профессура, не упуская из поля своего политического зрения послевоенное будущее России, поразному его себе представляла. Консерваторы с победой над Германией связывали упрочение самодержавия. Они с энтузиазмом подхватили идею М.К. Любавского о созыве раз в пятилетие, начиная с 1919 г., русских исторических съездов имени императора Николая II как покровителя отечественной истории, которые должны были стать апофеозом самодержца и самодержавия[3].

Либералы связывали с победой над «супостатом» широкие конституционные реформы по образцу Великобритании в условиях нового миропорядка, который зиждился бы на «идеалах права и свободы»[4]. Они были уверены, что победа вызовет широкое пробуждение производительных сил в стране.

Это политическое разномыслие не замедлило о себе заявить, и весьма скоро. Однако в 1914 г. казалось, что в академическом корпусе наступил идейный мир, а не всего лишь шаткое перемирие. Профессорские коллегии от имени своего, «младших» преподавателей, студентов единодушно, в предписанной чиновничьим этикетом форме «изъявили верноподданнические чувства, искреннюю безграничную любовь царю» и безоглядное намерение посвятить все свои силы служению «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства»[5]. 28 июля Совет профессоров Казанского университета в телеграмме Николаю II выразил «глубокую веру» в то, что «вынужденная с оружием в руках защищать принципы европейского мира и справедливости против дерзновенного натиска германских держав, великая и могучая Россия выйдет и в настоящую годину испытаний победительницей». Совет торжественно заявил о своей готовности «принести всякие жертвы на благо отечества в его защите славянства и борьбе за правое дело»[6]. Патриотическая

---

[2] Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 242.

[3] История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 379.

[4] *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 19–20.

[5] Протоколы заседания Совета имп. Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1916. № 70. С. 75.

[6] Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Д. 1277. Л. 145, 176.

эйфория на первых порах лишила казанскую профессуру способности реально оценивать военно-стратегическую обстановку. Она надеялась на молниеносную победу к 1 сентября, т.е. к началу учебного года[7].

Патриотические демарши профессоров и преподавателей, особенно в первые месяцы после начала войны, были окрашены в густые тона германофобии. Своих недавних коллег — немецких ученых они обвиняли в оправдании «милитаризма», успевшего «уже оказать свое гибельное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты стал меняться с некоторых пор постулатом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм»[8]. 1 сентября 1914 г. профессор Петербургского университета А.С. Догель в порицание зверских поступков «варваров XX в. — германцев» — против культуры (разрушение Лувенского университета в Бельгии) призвал своих коллег разорвать всякие научные связи с немецкими учеными и исключить из состава почетных членов российских университетов тех из них, которые «позорят и унижают науку»[9].

Эта и подобные ей инициативы подтолкнули Совет министров к изданию 31 октября 1914 г. законодательного постановления об исключении из состава преподавателей высших учебных заведений и сотрудников научных учреждений всех германских подданных. Первой жертвой этого постановления стал почетный член юридического факультета Петроградского университета Ф. фон Лист, основатель Международного союза криминалистов. Затем в университетах разыгралась форменная вакханалия охоты на лиц с немецкими фамилиями. Из состава почетных членов только одного Московского университета и состоявших при нем научных обществ было исключено около 70 германских подданных. Только Общество А.И. Чупрова для разработки общественных наук наотрез отказалось осуществить эту акцию на том основании, что не располагает данными о подданстве своих членов, поскольку его устав не предусматривал сбора такого рода сведений[10].

В академических кругах получил хождение тезис о фатальной предопределенности разразившейся войны. В.М. Бехтерев писал по этому

---

[7] Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 92. Д. 737. Л. 11.

[8] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 737. Л. 11.

[9] Протоколы заседания Совета имп. Петроградского университета за 1914 г. № 70. С. 79–80.

[10] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 735. Л. 12–29.

поводу: «Мирное развитие общечеловеческой культуры и прогресса всегда предпочтительнее насильственного разрешения мировых вопросов путем войны. Но как революция в известных условиях наступает неизбежно, как бы роковым образом, так и война при определенных международных взаимоотношениях столь же неизбежна»[11]. Вина за развязывание войны единодушно возлагалась на Германию и ее императора Вильгельма II. При этом широкое хождение в российском обществе приобрело предположение о клиническом безумии последнего. Это суждение отвергалось выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым, который, напротив, в действиях кайзера не находил «никакого нарушения в отношениях его личности», поскольку «он лицо, в котором, как в фокусе двояковыпуклой чечевицы (увеличительное стекло. — *А. И.*), собираются лучи германского милитаризма»[12].

Однако Бехтерев не отвергал реальности «частных указаний» о том, что «несколько лет назад» Вильгельм II испытывал «острый приступ психического расстройства», при котором он «будто бы бредил войной с Россией и Францией и давал в бреду распоряжения боевого характера». Да и в периоды относительного здоровья германский император «выставляет себя беззастенчиво исполнителем воли Бога, что граничит уже с бредом». Но эти отклонения от нормы поведения человека, по мнению В.М. Бехтерева, не укладываются «ни в одну из форм душевных болезней, а дают основание причислить их носителя к «дегенератам нероновского типа», которые «признаются по смыслу современного законодательства ответственными за совершаемые ими поступки»[13].

Лишь немногих российских ученых не захватило исступление шовинизма. «Звериным способом решения жизненных трудностей» назвал войну И.П. Павлов[14]. Мысль, созвучную этой, выразил К.А. Тимирязев: «Война имела, имеет и может иметь только два результата: у победителей... завоевания вызывают жадность к новым завоеваниям, вырождающуюся в манию всемирного владычества, а у побежденных растет сдавленная и тем более могучая злоба, воплощающаяся в давно знакомом слове “revanche”»[15].

---

[11] *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 20.
[12] *Бехтерев В.М.* Вильгельм — дегенерат нероновского типа. М., 1916. С. 7.
[13] Там же.
[14] *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 1. С. 17.
[15] *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. М., 1983. С. 373.

Это суждение, однако, не повлияло заметно на господствовавшее в академической среде отношение к войне. Профессора и преподаватели видели свой первостепенный долг в «военной мобилизации» высшей школы. Под ней подразумевались, во-первых, оборонно-направленные научно-технические, химические, медицинские разработки, во-вторых, — идеологическое «обеспечение» желанной победы[16].

* * *

Война, даже в ее изначальный момент патриотического вихря в российском обществе, не принесла «внутреннего мира» расколотому политически студенчеству, хотя и оно в своем абсолютном большинстве желало победы над внешним врагом и горело стремлением встать грудью на защиту Родины. Только малочисленные студенческие группы, шедшие за большевиками, безоговорочно поддержали лозунг своего вождя о поражении российского правительства во имя всемирной победы пролетарской революции. Но и среди них нашлись отступники, не согласившиеся с этим лозунгом. Член большевистской фракции Петроградского горного института В. Бажанов вспоминал: «Нам не пришлось долго обсуждать и растягивать прения — платформа нашего ЦК была безоговорочно принята нашей фракцией, ее активным ядром. С этого времени отошли от нас убежденные «оборонцы», которые оставались большевиками до этого решительного момента...»[17]. Сторонники «оборонческой» позиции обнаружились среди большевиков Московского коммерческого института[18], а также и в других высших учебных заведениях. Отношение к войне стало почвой идейной конфронтации между антивоенным меньшинством и патриотически-настроенным большинством студенчества. И.И. Дингельштедт, в 1914 г. представитель социал-демократической фракции Петроградского горного института в редакции большевистской «Правды», вспоминал: «Атмосфера в это время была подавленная (у революционных работников). Кого не встретишь — у всех на лицах вопрос: «А как смотрите на войну?». Некоторые даже руки не подавали, как только узнавали, что присоединился к тезисам Ленина. Особенно плохо было в среде студенчества: доброволь-

---

[16] См.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» // ВИЕТ. 1999. № 2.

[17] На пути к победе: Из революционной истории Горного института. Л., 1925. С. 155.

[18] *Островитянов К.В.* Думы о прошлом. М., 1967. С. 88.

чество, лазареты, манифестации — все это занимало патриотическую массу студентов»[19].

Прокламируя свою приверженность защите отечества, студенты-революционеры, демократы, либералы стремились отмежеваться от ура-патриотов черносотенного толка, рьяно демонстрировавших безмерную преданность царю. Резкое осуждение студенческой массы вызвало участие последних в промонархическом шествии 9 октября 1914 г. в Петербурге. «...Позорна вчерашняя картина коленопреклоненного студенчества перед Зимним дворцом, на площади, где 9 лет тому назад расстреляны наши товарищи. Но этот позор не может лечь на нас пятном. Мы пойдем на войну, но останемся с тем же ясным сознанием наших задач, с той же верой в торжество нашего дела. Мы пойдем, но гимном нашим будет Марсельеза»[20], — писали в своей листовке студенты-эсеры 10 октября 1914 г.

Осудив попытки академистов толкнуть учащуюся молодежь «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», студенты-трудовики призывали своих товарищей оставаться верными «заветам старого студенчества и возвысить свой голос за честь и достоинство родины»[21].

Принимая решение защищать Россию, «левое студенчество» требовало от царского правительства амнистии политическим заключенным.

Антисамодержавный патриотизм имел и такое выражение: «Я бы вступил в бельгийскую армию — защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступать считаю невозможным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за Россию»[22]. Это заявление студента Каминского прозвучало 13 октября 1914 г. на митинге в Петербургском политехникуме.

Неоднозначно к войне относилась и беспартийная студенческая масса, в которой также сильны были демократические устремления. Умонастроения беспартийных демократов, думается, точно передал в своих воспоминаниях академик Н.М. Дружинин, тогда студент последнего курса историко-филологического факультета Московского университета: «С одной стороны, я понимал, что война неизбежно вы-

---

[19] На пути к победе... С. 155.
[20] РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 64. Л. 53об.
[21] Там же.
[22] Там же. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 883. Л. 56.

зовет у нас революцию, которая покончит с самодержавием, с другой стороны, я считал, что при сложившейся обстановке необходимо защищать родину от германской агрессии. Мне были неясны империалистические истоки войны; тактические споры в рядах революционных партий доходили до меня в заглушенной форме; ленинские статьи против социал-шовинизма, опубликованные в зарубежной прессе, остались мне тогда неизвестные»[23].

Военные поражения, фатально преследовавшие Россию в текущей войне, постоянные наборы студентов в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, каждодневные вести с фронта об убитых и искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта — все это в совокупности умеряло ратоборческий пыл учащейся молодежи, все более погружавшейся в настроения житейского уныния и разочарованности. «Странные, неприятные чувства волнуют учащуюся молодежь, читающую объявления (о мобилизации в действующую армию. — *А. И.*), — вспоминал бывший студент Московского университета М. Воронков. — Война в высшей степени непопулярна. Многих душит злоба, другие — прощаются с прошлым беззаботным временем, третьим грустно от неудавшейся жизни, сорванной на первых порах. Энтузиазма не заметно даже у тех, кто «принимал» и «оправдывал» войну. Большинство удручено тем, что воевать нужно идти за Сухомлиновых и Распутиных»[24]. Если в 1914 г. студенты-добровольцы мгновенно заполнили все 2,5–3 тыс. курсантских вакансий в военных училищах, то в 1916 г. добровольно вступавшие в армию студенты насчитывались уже единицами.

Только черносотенное меньшинство студенчества продолжало рьяно демонстрировать свою воинственность. Весной 1915 г. оно участвовало в спровоцированных полицией погромах немецких магазинов в Москве, вызвавших крайнее негодование абсолютного большинства учащихся высших учебных заведений.

Глухое недовольство уставшего от войны студенчества бездарной самодержавной властью, не способной организовать отпор врагу, уже в 1915 г. стало переливаться в массовые антиправительственные беспорядки. Ректор Московского университета М.К. Любавский доносил 21 марта 1916 г. местному градоначальнику: «...Волнения, происхо-

---

[23] *Дружинин Н.М.* Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 16.

[24] *Воронков М.* Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С. 1.

дившие в последнее время в высших учебных заведениях — Коммерческом институте, Сельскохозяйственном и на Высших женских курсах, в конце концов, перекинулись и на университет. Общее впечатление от них таково: какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая к агитации. Сначала были выдвинуты лозунги: «Долой войну!, «Долой самодержавие!», «Да здравствует вторая российская революция!». Когда же эти лозунги не нашли большого сочувствия, стали агитировать за учинение протеста против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. На Женских курсах обеспокоились положением евреев — студентов, призываемых в армию, и внесли, поскольку мне известно, резолюцию о том, чтобы студенты-евреи наравне с русскими призывались для пополнения офицерских кадров. В университете забастовка пропагандировалась уже в виде протеста против ареста каких-то товарищей и ввода полиции в Коммерческий институт»[25].

К 1917 г. студенчество было охвачено уже антивоенными настроениями, кстати, не имевшими ничего общего с большевистскими. Оно желало не поражения своей Родине во имя пролетарской революции, а скорейшего и почетного выхода ее из войны во имя мира гражданского. В воспоминаниях студента Московского университета М. Воронкова читаем: «Огромное большинство студентов за то, что война проиграна Россией, и ее надо ликвидировать немедленно, иначе не избежать серьезных потрясений»[26].

* * *

С самого начала войны высшая школа была втянута в водоворот срочных правительственных и общественных мероприятий, имевших целью, хоть в какой-то степени, смягчить поразивший действовавшую армию кризис командных кадров, боеобеспечения, химической защиты, а в тылу — кризис продовольственный, топливный, транспортный. Пожалуй, никогда еще в истории Российской империи не выявлялась столь очевидно величайшая значимость науки и служивших ей людей, специалистов высшей квалификации для поддержания экономической и оборонной устойчивости страны.

Высшая школа сразу же стала едва ли не основным источником пополнения таявшего в боях младшего командного состава офицерского

[25] Красный архив. 1933. Т. 3 (58). С. 114.
[26] *Воронков М*. Указ. соч. С. 40.

корпуса. Российская империя начала воевать без необходимого командного резерва. Военное ведомство вынуждено было даже закрыть свои академии, направив в действующую армию всех их слушателей и преподавателей. Положением Совета министров от 30 сентября 1914 г. (возобновлялось ежегодно) отменялись отсрочки от военной службы для студентов, исключая выпускников. Они мобилизовались «нижними чинами» в запасные полки с последующим распределением сообразно специальностям и потребностям. «Достойных и способных» направляли на краткосрочное обучение (4–8 мес.) в военные училища, после чего они обретали первый офицерский чин прапорщика. Менее «достойные» призывники из студентов определялись в войска унтер-офицерами. И уже совсем «недостойные» — рядовыми. Читаем в воспоминаниях М. Воронкова о тех, кто не имел права на производство в офицерский чин: «Это — в большинстве евреи, два-три поляка и несколько человек русских, утерявших политическую благонадежность. Они сообщили новичкам потрясающие подробности о том, как их откомандировали рядовыми солдатами в полки и издевались там над ними. Общие нары, кишевшие паразитами; льющаяся сверху в дождливое время вода и по целым неделям — сон под мокрыми одеялами; пренебрежительное, издевательское отношение не только офицеров, но главным образом фельдфебелей»[27].

А впереди их ждал фронт, в огне которого каждодневно и ежечасно сгорали жизни студентов-новобранцев — рядовых, унтер-офицеров, новоиспеченных прапорщиков. С 1915 г. поминальные списки погибших в боях и от ран помещались в годовых отчетах высших учебных заведений и не только с относительно демократическим составом учащихся, таких, как университеты и народнохозяйственные институты, а и привилегированных, таких, как Александровский лицей и Училище правоведения. Имея в виду и эти скорбные поминовения, В.И. Вернадский писал: «Тысячи талантливых людей пали на полях битв и в лазаретах, среди них были и те, которые при отличном ходе жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, среди них и есть такие, которые рождаются раз в поколение»[28].

Бессмысленное растрачивание молодых интеллектуальных сил тревожило и министра народного просвещения П.Н. Игнатьева. 3 сен-

---

[27] *Воронков М.* Указ. соч. С. 38.

[28] *Вернадский В.И.* Война и прогресс науки // Очерки и речи акад. В.И. Вернадского. Пг., 1922. С. 134.

тября 1915 г. он писал в Совет министров, что привлечение студентов в войска должно иметь место «только в крайнем случае», исключительно для пополнения офицерского корпуса, поскольку «необходимо предусматривать, что с окончанием военных действий для восстановления нормального хода государственной работы потребуется весьма значительное число образованных работников»[29].

Предостережение Игнатьева осталось, однако, без последствий. Студенческие мобилизации следовали одна за другой через каждые два-три месяца. Об их масштабах можно судить по таким фактам: Петроградский политехникум в 1915–1916 гг. направил в армию 1 615 студентов; малолюдный Петроградский институт инженеров путей сообщения только в 1915 г. — 400 чел. Московский коммерческий институт в 1916 г. — 1 800 чел. Дабы удовлетворить все возраставшие потребности действующей армии и тыловых госпиталей во врачах медицинские факультеты университетов были переведены на сокращенную четырехлетнюю (вместо пятилетней) программу. Студенты и курсистки составляли немалую часть низшего и среднего персонала полевых, стационарных госпиталей и поездов Союза городов для раненых воинов[30]. На один из таких поездов в 1914 г. попал студент-филолог Московского университета К.Г. Паустовский. «Почти все санитары тылового поезда были добровольцы-студенты. Мы носили солдатскую форму. Нам разрешили оставить студенческие фуражки. Это обстоятельство много раз спасало нас от грубости и “цуканья” военных комендантов»[31], — вспоминал он.

Командировались студенты и на работы в оборонной промышленности в качестве и.о. инженеров, конструкторов, а также техниками-инструкторами и просто техниками, токарями-инструкторами и просто токарями и т. д. Только в январе–августе 1917 г. на военных предприятиях Москвы и губернии работали 200 студентов Московского технического училища[32]. Все чаще и все в большем числе студенты привлекались к общественным работам, например, к разгрузке дров.

Поразивший экономику России топливный и транспортный кризис стал причиной ускоренных выпусков специалистов такими народнохо-

---

[29] РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1369. Л. 4.

[30] *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 256.

[31] *Паустовский К.Г.* Собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 342–343.

[32] ЦИАМ. Ф. 372. Оп. 6. Д. 2. Л. 11.

зяйственными институтами, как Лесной — в Петрограде, Сельского хозяйства и лесоводства — в Новой Александрии, Московский и Петроградский институты инженеров путей сообщения, строительные факультеты политехникумов в Петрограде, Варшаве, Киеве.

В условиях военного лихолетья высшая школа, являясь средоточием основных ученых сил и фактически всей научно-экспериментальной базы страны, превратилась в ведущий центр научно-практических разработок оборонной значимости. Среди них едва ли не первостепенными стали фармакологические, остро необходимые для скорейшего развертывания фармацевтической промышленности, полностью отсутствовавшей в Российской империи. Читаем во «всеподданнейшем» докладе царю министра народного просвещения П.Н. Игнатьева в 1915 г.: «Испытываемый с возникновением войны недостаток химико-фармацевтических препаратов с совершенной наглядностью показал, в какой тесной зависимости от иностранного и, главным образом, германского рынка находилась в данном отношении наша Империя» [33].

В августе 1914 г. в Казани, при областном Военно-промышленном комитете прошел I Всероссийский съезд для выработки плана борьбы с «лекарственным голодом». Научные доклады на нем прочитали профессора Казанского и Саратовского университетов[34]. В сентябре того же года Министерство народного просвещения образовало из университетских профессоров-химиков, медиков, фармакологов «Особое совещание» для составления списка необходимых армии медикаментов, которые могли бы изготовляться силами студентов и лаборантов высших учебных заведений, в первую очередь физико-математических и медицинских факультетов университетов[35].

В абсолютной зависимости от иностранного импорта, в первую очередь германского, находилось обеспечение российской медицины хирургическим инструментом и лабораторным оборудованием. Этот факт констатировала возглавлявшаяся проф. Н.Ф. Высоцким комиссия при медицинском факультете Казанского университета, созданная для разработки совместно с профессурой прочих университетов мер к организации в России столь необходимого производства.

В комплексе с научно-практическими работами в области фармакологии и лабораторно-инструментального обеспечения военно-

[33] РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 631. Л. 8.
[34] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 16.
[35] Там же. Л. 15, 29.

полевой медицины в университетах форсированно разрабатывались средства против применявшихся Германией отравляющих газов, а также новые, более эффективные, чем имевшиеся, взрывчатые вещества. При Московском университете были открыты заводы — химико-фармацевтический и взрывчатых веществ. Производство лекарственных препаратов силами студентов наладило руководимое профессором С.Н. Реформатским Физико-химическое общество Киевского университета. Оно владело собственным заводом хлороформа, складами химических веществ и готовых медикаментов. Рентгеновские исследования в военных госпиталях Киева развернуло Физико-математическое общество Киевского университета, руководимое проф. Г.К. Сусловым[36].

Фактически полностью военно-прикладную направленность приобрела деятельность медицинских факультетов университетов. Их профессора были сосредоточены на подготовке военных врачей, на исследованиях в области военно-полевой медицины, на консультативной и практической работе в полевых госпиталях, наконец, на организационно-медицинской деятельности в Красном кресте и прочих военно-санитарных организациях.

Не менее масштабно, чем в университетах, «защитительная техническая работа против разрушительных сил войны»[37] развернулась в инженерно-промышленных институтах, которые в пожарном порядке ликвидировали множественные прорехи в техническом оснащении российской армии. «Трудные условия преподавания, которые создавались войной, усиливались еще отвлечением части профессоров и преподавательского персонала различными работами, связанными с обороной, в т. ч. и поездками за границу. Работами на оборону были заняты и некоторые лаборатории. Институт отводил помещения для различных требуемых военным ведомством курсов, мастерских, и даже специальных лабораторий»[38], — вспоминал директор Петроградского технологического института проф. А.А. Вороной.

Оборонно-исследовательская программа инженерных институтов формировалась субсидируемыми казной заказами военного ведомства. Петроградский технологический институт, например, выполнял задания Главного артиллерийского управления. Радиотелеграфные

---

[36] РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170. Л. 5.

[37] Очерки и речи академика В.И. Вернадского. С. 134.

[38] Технологический институт им. Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Л., 1927. Т. 1. С. 191.

приборы, электрические заграждения, самолетостроение, рентгеновская аппаратура, производство медикаментов — таков тематический состав оборонной программы Петроградского политехникума. Аналогичная программа Московского технического училища включала в себя теоретическую и практическую проблематику воздухоплавания, борьбу с удушливыми газами, рентгенологию, проблему ликвидации топливного кризиса.

За годы войны расширившаяся производственно-экспериментальная база инженерных институтов в значительной степени утратила исключительно учебное назначение, превратившись в руководимые преподавателями мелкие промышленные предприятия по производству, например, снарядов (Петроградский технологический институт), магнето, взрывателей, микротелефонных аппаратов (Петроградский политехникум) и т.д.

Уже в период войны российские ученые начинают разработку проектов, рассчитанных на долговременную перспективу в условиях стабильного мира. Наиболее впечатляющий среди них — программа созданной в 1915 г. В.И. Вернадским «Комиссии по изучению естественных производительных сил России» (КЕПС). Академик Вернадский утверждал, что наладить истощенное войной хозяйство можно только путем интенсивного использования «производительных сил, подъема народного творчества». Залогом этого он считал не только «капитал, хорошее государственное устройство, свободу народной жизни», но также и «расцвет научного творчества». «Широкую организацию работы» он ставил в один ряд с «просветительными, экономическими, политическими реформами»[39]. Изучение природы, сеть новых лабораторий, музеев, научно-исследовательских институтов не менее необходимы России, чем «улучшение нашей гражданской и политической жизни», — утверждал ученый[40].

Много и плодотворно писал в 1914–1917 гг. о созидательной социально-политической функции науки К.А. Тимирязев. Плодом этого творчества стала его знаменитая книга «Наука и демократия», впервые опубликованная в 1920 г. В науке и демократии, как понятиях нерасторжимых, ученый видел силу, враждебную войне, поскольку ее стихия — «ложь», а науки — «истина». Он писал: «Война зарождается во лжи и протекает в ее атмосфере; недаром первым ее условием является

[39] Очерки и речи академика В.И. Вернадского. С. 55.
[40] Там же. С. 140.

торжество цензуры. Основа реальной научной этики — социальное чувство, принцип «наибольшего блага, наибольшего числа»[41].

В размышлениях В.И. Вернадского и К.А. Тимирязева о судьбах отечественной науки сквозило предчувствие фундаментальных социальных и политических перемен, которыми чревата была российская жизнь времен Первой мировой войны.

[41] *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. М., 1963. С. 377. (см. сноску 15).

Т. Маурер

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОФЕССОРА И СТУДЕНТЫ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В своем пресловутом обращении «К цивилизованному миру», призванном опровергнуть обвинения со стороны союзников немецких военных злодеяний, 93 немецких писателя, художника и ученых заявили: «Немецкая армия и немецкий народ едины»[1]. Через несколько недель более 4 000 университетских преподавателей (т.е. почти весь штат преподавателей всех высших учебных заведений), подписавших еще одну общественную декларацию, повторили эту идею и добавили: «И мы также часть этого единства»[2]. В течение всей войны этот опыт единства, пережитого в августе 1914 г., часто вспоминался в призывах к народу, и он стал постоянно упоминаемым фактом в историографии. Все сходились на том, что он размыл границы между политическими лагерями и социальными классами. Однако совсем недавно эта точка зрения была подвергнута сомнению. Дух августа 1914 г. оказался распространенным мифом или даже фикцией[3].

Как показывает только что процитированное обращение, немецкие профессора и студенты считали себя частью нового порядка, вызванного вспыхнувшей войной. Концепция единства соответствовала их представлениям о самих себе. Десятилетиями они заявляли, что стоят выше всякой политической возни, и даже считали себя аполитичными. Это подкреплялось их представлением о том, что научная деятельность является политически нейтральной. Однако заявления об аполитичности можно было бы считать соответствующими действительности только в том случае, если понимать слова «политический»

---

1 «Deutsches Heer und deutsches Volk sind eins». The text and the list of signatories are reprinted in Der Krieg der Geister. Eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg / Hg. H. Kellermann. Weimar 1915. S. 64–69; zit. S. 66. Воззвание также можно найти в следующем сборнике: Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg / Hg. K. Bohme. Stuttgart, 1975. S. 47–49.

2 «denn beide sind eins, und wir gehören auch dazu»: Aufrufe und Reden. S. 49.

3 *Verhey J.* The Spirit of 1914. Cambridge; etc. 2000. Более подробно о пограничном городе см.: *Geinitz Ch.* Kriegsfurcht und Kampfbereitschaft. Das Augusterlebnis in Freiburg. Eine Studie zum Kriegsbeginn 1914. Essen, 1998.

и «демократический» как синонимы. «Аполитичность» не воспрещала им разделять консервативные, монархические или конституционные взгляды. На самом деле, после объединения Германии в ней началась волна антилиберализма, в особенности среди студентов. Но были также и профессора, которые открыто поддерживали Пангерманскую Лигу[4].

Все люди, получившие высшее образование, культивировали чувство социального превосходства. Они, безусловно, были частью немецкого *Bürgertum*, [что в переводе весьма приблизительно означает «средний класс». — Р*ед.*]. Однако традиционно профессора скорее причисляли себя к высшему ученому сословию (*Gelehrtenstand*), нежели к какому-либо классу. И лишь в результате модернизации страны и профессионализации их социальный статус приближался к статусу других социальных элит. Благодаря своей образованности и социальным позициям профессора и студенты, как либеральные, так и консервативные, были убеждены в том, что они стоят во главе нации.

Историографы университетов традиционно уделяли основное внимание академическим учреждениям и науке. Таким образом, их история представлялась, в основном, с позиций взгляда изнутри. С 1914 по 1918 г., однако, условия академической жизни определялись, в основном, военной ситуацией, т.е. взглядом со стороны. Как государственное учреждение, университет зависел от правительственного финансирования, и на нем отражалась судьба государства в целом. Преподавание и исследования требуют определенной регулярности, поэтому университет не может выполнять свою главную задачу должным образом во время войны[5].

Первая мировая война радикально изменила социально-политическую систему Германии. Некоторое время казалось, что война послужила катализатором для изменений и в университетской жизни. Историки затрагивали этот вопрос лишь случайно и вскользь. Таким

---

[4] *Jarausch K.H.* Students, Society, and Politics in Imperial Germany. The Rise of Academic Illiberalism. Princeton, 1982; *Schwabe K.* Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieges. Göttingen; Zürich; Frankfurt, 1969. S. 9–14.

[5] *Blessing W.K.* Universität im Krieg. Erlanger Schlüsseljahre im 19. und 20. Jahrhundert // Die deutsche Universität im 20. Jahrhundert. Die Entwicklung einer Institution zwischen Tradition, Autonomie, historischen und sozialen Rahmenbedingungen / Hg. K. Strobel. Vierow, 1994. S. 47–68; zit. S. 47f.

образом, детально была изучена только война умов, т.е. публицистическая и пропагандистская деятельность. В данной статье мы обсудим ту роль, которую университеты на самом деле играли в немецком обществе, рассматривая более подробно их изначальные задачи и участие в войне, т.е. их непосредственное участие в военных действиях и практическую деятельность на «домашнем фронте». В соответствии с традиционными представлениями ученых о самих себе и опытом августа 1914 г., фокусом этой дискуссии будут две полярные позиции — исключительность и интеграция.

Университеты во время войны

В отличие от России, и также в противоположность Франко-прусской войне 1870–1871 гг.[6], значительно бóльшая часть студентов и профессоров приняли участие в военных действиях Первой мировой войны. Летом 1914 г. в немецких университетах обучалось 60 тыс. студентов и еще около 20 тыс. в других высших учебных заведениях, что составляло 1,6 % всех молодых людей Германии в возрасте от 19 до 23 лет[7]. Половина из них ушла на фронт. В течение войны доля отсутствующих студентов возросла. Летом 1918 г. более двух третей всех студентов служили в армии. Если учитывать только лишь лиц мужского пола, участие в войне достигло 80 %. К тому же, процент смертности среди студентов был

---

[6] Обобщенные сведения о российских университетах во время войны см. в работах П.И. Новгородцева (1866–1924), который был профессором Московского университета до своей иммиграции в Прагу: *Novgorotsev P.J.* Russian Universities and Higher Technical Schools during the War // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929. P. 131–239. О военной службе студентов во время Франко-прусской войны см.: *Jarausch K.H.* Deutsche Studenten 1800–1970. Frankfurt a.Main, 1984. S 106; а также: *vom Brocke B.* Marburg im Kaiserreich 1866–1918. Geschichte und Gesellschaft, Parteien und Wahlen einer Universitätsstadt im wirtschaftlichen und sozialen Wandel der industriellen Revolution // Marburger Geschichte. Rückblicke auf die Stadtgeschichte in Einzelbeitragen / Hg. E. Dettmering, R. Grenz. Marburg, 1980. P. 367–540; zit. S. 538; *Buchner M.* Die Universität Würzburg im Weltkriege // Aus der Vergangenheit der Universität Würzburg. Festschrift zum 350 jährigen Bestehen der Universität / Hg. M. Buchner. Berlin, 1932. S. 42–101; zit. S. 44; *Blessing.* Universität im Krieg. S. 51.

[7] *Jarausch K.H.* Students in the First World War // Central European History. 1984. Vol. 17. S. 310–329; this reference: P. 311.

выше, чем в любой другой социальной группе.[8] С другой стороны, доля учащихся женского пола в университетах возросла не только пропорционально, но и численно — от почти 4 до 7 тыс. в 1918 г.[9]

Отсутствие большинства юношей-студентов и определенной части преподавательского состава отразилось на преподавании и обучении. Как заметил один из оставшихся профессоров, им пришлось столкнуться с «идеей абсолютно пустого пространства, выраженной практически». Вместо 50 или 100 студентов их лекции слушала только дюжина, и одеты они были в черные сюртуки или даже цветные юбки. Обыгрывая таким образом немецкое слово *Rock — im schwarzen oder auch im bunten Rock,* профессор протестантского университета намекает на католических богословов (которые были освобождены от военной службы) и женщин, которые демонстрировали пик «прилежания и усердия»[10].

В течение войны студенческий состав постоянно находился в текучем состоянии, и это в большой степени препятствовало непрерывной работе. К тому же, университетские здания использовались как госпитали для раненых или как школы. Из-за недостатка топлива университетские залы остались без отопления, а во второй половине войны сроки зимних семестров были несколько смещены[11]. Преподавателей, ушедших на фронт, заменили преподавателями смежных специальностей и из других университетов, профессорами-пенсионерами. Некоторые курсы вообще некому было читать[12]. Требования к экзаменам были снижены как в гимназиях (*Notabitur*), так и в университетах[13].

---

[8] *Jarausch*. Students in the First World War/ P. 318; *Jarausch*. Deutsche Studenten. S. 109.

[9] *Jarausch*. Students in the First World War. P. 320; *Jarausch*. Deutsche Studenten. S. 110.

[10] *Oertmann P*. Erlanger Juristenleben in der Kriegszeit // Erlangen in der Kriegszeit. Ein Gruß der Universität an ihre Studenten. [Erlangen], 1915. S. 8–11 zit. S. 10 («die praktische Vorstellung vom absolut leeren Raume»); также см. ежегодный отчет ректора боннского университета в: *Jarausch*. Students in the First World War. P. 320.

[11] Об условиях военного времени см.: *Buchner*. Würzburg im Weltkriege. S. 55f.; *Liermann H*. Die Friedrich-Alexander-Universität Erlangen 1910–1920., Neustadt, 1977. S. 43.

[12] *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 39. В возрасте 75 лет известный философ Г. Коэн ездил из Берлина в Марбург, чтобы замещать коллегу, воевавшего на фронте (*Brocke*. Marburg im Kaiserreich. S. 534).

[13] *Pinkerneil Fr. A*. Akademische Rundschau // Die Hochschule, 1917/1918. Bd. 1. № 5. S. 3-11; zit. S. 3–6; *Gercke A*. Wissenschaftlicher Unterricht an der Front //

Поскольку изменилось численное соотношение оставшихся профессоров и студентов, то их отношения стали ближе. И они еще более сблизились на общих собраниях, где профессора со студентами вместе читали стихотворения о войне и письма с фронта[14]. В то же время большинство юношей-студентов, служащих в армии, стали защитниками профессоров, оставшихся дома, а сами профессора из менторов превратились в опекаемых. Один из них заметил, что до сих пор задачей преподавателей было воспитать интеллектуальных лидеров. Теперь решающую роль играют поступки, а не слова. Как только молодые вернутся домой с победой, им придется учить стариков[15]. Таким образом, они поменялись ролями, произошла переоценка изначальной задачи профессоров.

Поскольку профессора и студенты были вовлечены в организацию повседневной жизни, заменяя тех, кто ушел на фронт, преподавание и обучение перестали быть их основным видом деятельности. Для Фридриха Майнеке, который активно занимался чтением публичных лекций и публикацией статей о различных сторонах войны, преподавание «не было больше центральной частью каждодневного труда, но сохранило, наряду с новой деятельностью, свое определенное значение»[16].

Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1918/19. Bd. 13. Cols. 81–96; this reference: Cols. 83–85; *Moraw P.* Kleine Geschichte der Universität Gießen 1607–1982. Gießen, 1992. S. 194; *Tollmien C.* Die Universität Göttingen im Kaiserreich // Göttingen. Geschichte einer Universitätsstadt. Vol. 3: Von der preußischen Mittelstadt zur südniedersächsischen Großstadt: 1866–1989 / Hg. R. von Thadden, G. J. Trittel. Göttingen, 1999. S. 357–393; zit. S. 386.

[14] *Liermann.* Friedrich-Alexander-Universität. S. 42 (Цитирую ректора. Для ясности я называю человека, который фактически исполнял обязанности ректора, ректором, хотя по-немецки он назывался проректором. Во многих немецких университетах того времени официальным ректором или Rector magnificentissimus был правитель определенной земли либо один из членов его семьи). *Oertmann.* Erlanger Juristenleben. S. 10; *Paletschek S.* Tübinger Hochschullehrer im Ersten Weltkrieg: Kriegserfahrungen an der «Heimatfront» Universität und im Feld // Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätgeschichte des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, D. Langewiesche, H.-P. Ullmann. Essen 1997. S. 83–106; zit. S. 95.

[15] Eberhard Gothein in November 1914: *Reichert F.* Wissenschaft und «Heimatfront». Heidelberger Hochschullehrer im Ersten Weltkrieg // Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur deutschen Universitätsgeschichte // Hg. A. Kohnle, F. Engehausen. Stuttgart, 2001. S. 494–519; S. 495.

[16] «<...> der Lehrberuf stand nicht mehr im Mittelpunkte der täglichen Arbeit, aber behauptete neben dem neuen Mittelpunkte doch seinen auskömmlichen Platz».

На протяжении XIX в. немецкие студенты разработали «субкультуру, находившуюся под сильным влиянием корпоративизма»[17]. Однако на рубеже веков независимые, не состоявшие в корпорациях студенты стали повсеместно объединяться в так называемые *Freistudentenschaft* и попытались получить влияние среди студенческого состава и организаций студенческого самоуправления. Во время войны такие традиционные развлечения студенческих братств, как дуэли и ритуалы распития спиртных напитков, замерли, и многие студенческие объединения предоставили свои дома Красному кресту. Корпорации и независимые студенты заключили перемирие и даже объединили свои усилия по снижению того ущерба, который война причиняла жителям их местности[18]. В конце, однако, национальный студенческий конгресс потерпел неудачу, корпорации снова взяли верх, и новообретенная солидарность сменилась прежним соперничеством[19].

Традиционные церемонии университетов также были адаптированы к изменившейся ситуации. В особенности в первой половине войны ректоры, вступавшие в должность, чаще обсуждали в своих инаугурационных речах актуальные моменты практических действий, нежели научные вопросы.[20] Был широко распространен отказ от традиционных празднований и вечеринок. С другой стороны, специальные церемонии проводились в честь таких событий национального значения, как столетие со дня рождения Бисмарка, четырехсотлетний юбилей реформации или просто день рождения императора[21]. Таким образом, общее

Friedrich Meinecke. Werke. Vol. 8: Autobiographische Schriften, Hg. Eberhard Kessel, Stuttgart 1969. S. 245.

[17] *Jarausch*. Students in the First World War. S. 312.

[18] *Jarausch*. Illiberalism. P. 398; *Jarausch*. Studenten. P. Ill; *Schulze Fr., Ssymank P*. Das deutsche Studententum von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart 1931. Vierte, völlig neu bearbeitete Aufl., München 1932, S. 458; напр.: *Buchner*. Würzburg im Weltkriege. S. 90; *Moraw*. Kleine Geschichte. S. 196; также см.: *Getzeny H*. Der Nationale Studentendienst an der Universität Tübingen. Tübingen, 1916.

[19] *Jarausch*. Students in the First World War. S. 324; *Jarausch*. Studenten. S. 112; о женской критике стремления корпораций доминировать в национальном студенческом конгрессе см.: *Kraus H*. Der Gedanke des deutschen Studententages // Die Studentin. 1918. Bd. 7. S. 46–48.

[20] Примеры можно найти в публичных выступлениях в Вюрцбурге в 1915 и 1916 гг. // *Buchner*. Würzburg im Weltkriege. S. 42, 53.

[21] *Gause Fr*. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Vol. 3: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln; Wien, 1971. S. 14.

дело немецкого народа преобладало над сугубо университетскими интересами. Присуждение званий почетных докторов за разработку оружия, организацию финансовой мобилизации или за победу в битве при Танненберге[22] (которая спасла Восточную Пруссию от «полчищ московитов») также привело к переоценке приоритетов за счет академических достижений[23].

Во многих университетах были организованы специальные циклы лекций с целью просвещения по вопросам войны и для сбора денег на военные цели. Впервые университеты открылись для посторонней публики.[24] Таким образом, размывание границ внутри студенческого сообщества, а также между университетом и горожанами, служит индикатором интеграции академического сообщества в общество в целом. И как бы это возможно сформулировали сами профессора: немецкие университеты и немецкий народ «были едины». К концу войны это вылилось в создание ассоциаций, призванных финансировать университеты[25].

Но интеграция университетов в общество была только частью действительности. В то же самое время студенты и профессора культивировали специфические академические традиции и внутринаучные отношения. Например, когда был завоеван Бухарест, они организовали патриотическую манифестацию в форме *Kommers*[26], т.е. ритуал, включающий распитие спиртных напитков, произнесение речей и исполнение песен, как

---

[22] *Lerche O.* Kriegsehrendoktoren // Akademische Rundschau. Zeitschrift für das gesamte Hochschulwesen und die akademischen Berufsstande. 1916/17. Bd. 5. S. 8–13; zit. S. 9 (Замечание: в переводах дипломов с латыни на немецкий использовалось слово «Moskowiterscharen», а не «Horden»). Cf. *Jarausch.* Studenten. S. ll0f.; *Gause.* Geschichte der Stadt Königsberg. Bd. 3. S. 5, 10.

[23] См. многочисленные протесты против того, чтобы университет Гейдельберга присуждал звания почетных докторов людям, сделавшим пожертвования: *Schüller H.* Aus der akademischen Bewegung, // Die Hochschule. 1918/19. Bd. 2. №. 1, S. 39–44; zit. S. 43.

[24] *Gundler Bettina.* Technische Bildung, Hochschule, Staat und Wirtschaft. Entwicklungslinien des Technischen Hochschulwesens 1914–1930. Das Beispiel der TH Braunschweig, Hildesheim 1991. S. 126; *Liermann.* Friedrich-Alexander-Universität. P. 46f.; *Paletschek.* Tübinger Hochschullehrer. S. 93f.; Göttinger Kriegsgedenkbuch 1914–1918, Göttingen 1935. S. 163f.

[25] *Wendehorst Alfred.* Geschichte der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg 1743–1993. München 1993. S. 148f. (on Erlangen, Göttingen and Bonn); *Moraw.* Kleine Geschichte. S. 198; *Brandi Karl.* Die Universität im Kriege // Göttinger Kriegsgedenkbuch. S. 145–153; zit. S. 153.

[26] *Buchner.* Würzburg im Weltkriege. S. 57.

это десятилетиями делали корпорации. Отношения со студентами, которые находились на фронте, поддерживались не только посылками на Рождество и Пасху, но также специальными публикациями и так называемыми военными журналами (*Kriegszeitungen*), которые издавались отдельными университетами[27].

Совмещение интеграции с обособленностью и даже исключительностью становится более отчетливым во второй части исследования, посвященной студентам и профессорам в армии.

Участие профессоров и студентов в военных действиях

Как в Германии, так и в России, срок обязательной военной службы был короче для тех, кто имел высшее образование. Но в отличие от своих русских противников, для которых служба откладывалась до момента окончания образования[28], часть немецких студентов прошла службу еще до поступления в университет. Другие могли избавиться от армейских обязательств, если поступали в батальон при университетском городке, где они могли совмещать военное обучение с академическими занятиями. (Однако только незначительное меньшинство студентов выбрало такую возможность). Звание лейтенанта запаса считалось престижным и часто указывалось перед обозначением ученой степени на визитных карточках юристов или учителей[29].

Когда вспыхнула война, добровольная мобилизация была воспринята как нечто само собой разумеющееся, и на членов студенческих корпораций стало оказываться заметное давление. И даже те, кто был

---

[27] *Jansen Ch.* Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935. Göttingen, 1992. S. Ill; Göttinger Kriegsgedenkbuch. S. 151; *Buchner.* Würzburg im Weltkriege. S. 47f., 71. Примеры военных журналов см.: Kriegszeitung der Universität Tübingen. Den Studenten im Felde gewidmet. № 1–2. (Tübingen), 1915–1916. В дополнение к ним издавался специальный журнал недавно созданной студенческой организации: Kriegs-Zeitung des Nationalen Studentendienstes Tübingen. № 1–4. Tübingen, 1916–1917. В Вюрцбурге студенческие корпорации издавали свои журналы отдельно: *Buchner.* Würzburg im Weltkriege. S. 91.

[28] В том случае если они вообще призывались. Несмотря на то, что существовала обязательная военная служба, те, кто действительно служил, избирались по жребию: *Beyrau D.* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köll; Wien, 1984. S. 275.

[29] *Jarausch.* Illiberalism. S. 344.

непригоден к военной службе, пытались записаться в армию[30]. Как заметил медиевист Карл Бранди (который прослужил на поле боя всю войну), слово «волонтер» стало официальным титулом, почти что рангом»[31]. Мобилизация студентов воспринималась и даже стилизировалась как поступок в лучших традициях освободительных войн против Наполеона и Франко-прусской войны 1870–1871 гг. В отличие от российской практики, профессора в возрасте до 45 лет также могли быть призваны в армию. Конечно, университеты могли настоять на том, чтобы последние не были призваны на фронт (*unabkömmlich*). Но очевидно, что они очень редко пользовались этой привилегией[32]. А поскольку война затягивалась, и многие частные предприятия рушились из-за того, что владельцы были забраны в армию, то уклонение от службы становилось все более и более неприемлемым[33]. На самом деле, многие профессора мобилизовались добровольно, некоторым из них было по 50 и более лет. В некоторых университетах, особенно в начале войны, приблизительно 30 % преподавательского состава служили в армии, на фронте или в госпиталях[34]. В частности, многие молодые преподаватели

---

[30] Wiedenhoff U. «... daß wir auch diese größte Mensur unseres Lebens in Ehren bestehen warden»: Kontinuitäten korporierter Mentalität im Ersten Weltkrieg // Kriegserfahrungen. S. 189–207; this reference: S. 193; *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 33.

[31] «wurde eine Dienstbezeichnung, fast ein Rang» (*Brandi*. Die Universität im Kriege. S. 146. О службе самого Бранди см.: *Selle G*. Die Georg-August-Universität zu Göttingen 1737–1937, Göttingen, 1937. S. 333.

[32] Эти сведения обнаружил Д. Буссе в своей, готовящейся к печати докторской диссертации о гёттингенских ученых: Eine Universität im Kriegszustand. Die Universität Göttingen und ihr wissenschaftliches Umfeld im Ersten Weltkrieg.

[33] *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 38f.

[34] Например, данные по Гиссену: в течение зимнего семестра 1914–1915 гг. 29 % профессоров (Ordinärien) служили в армии, хотя только небольшая часть из них в возрасте от 20 до 45 лет была обязаны служить. Летом 1918 г. на фронте находилось 15 %. Данные об адъюнкт-профессорах (Extraordinarien) варьируют от 29 до 36%, о лекторах (Privatdozenten) — от 37 до 65 % (*Moraw*. Kleine Geschichte. S. 194). В Тюбингене средний процент находящихся на фронте составлял 26 % профессоров, 38 % адъюнктов, 71 % приват-доцентов (*Paletschek*. Tübinger Hochschullehrer. S. 85. См.: Erlangen in Blessing, Universität im Krieg. S. 53; *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 39; for Heidelberg: *Jansen Ch*. Vom Gelehrten zum Beamten. Karriereverläufe und soziale Lage der Heidelberger Hochschullehrer: 1914–1933. Heidelberg 1992. S. 106f. n. 26; *Jansen*. Professoren und Politik. S. 121f. Однако значительная часть профессоров, которые были

были ранены или убиты[35]. В противоположность опыту освободительных и объединительных войн, действительный опыт Первой мировой войны привел не к «духовному подъему», а к «ожесточению»[36].

Поскольку члены и студенческих корпораций, и *Freistudentenschaft* (независимого объединения студентов) сражались на фронте вместе, то эти две группы уже не казались непримиримыми соперниками. Даже те, кто принципиально выступал против поединков и перестрелок, вступили в военные действия[37]. Что же касается вопроса интеграции и обособленности, то, с одной стороны, важность контактов с нижними классами общества и внеклассовый опыт войны постоянно подчеркивались как профессорами, так и студентами[38]. С другой стороны, обе группы держали дистанцию с теми, кто был плохо образован. Они заявляли, что, будучи более дисциплинированными, они не так сильно изматываются войной (*kriegsmüde*), как другие. Поскольку они привыкли считать личные чувства и ощущения чем-то второстепенным и посвящать себя целиком общему благу, то они считали, что война всей своей тяжестью обрушилась на их сознание сильнее, чем на сознание простого народа[39]. После ряда сражений, когда все надежды были утрачены, они искали «духовное убежище» (*geistige Zuflucht*). Некоторые, находясь в окопах, создали себе прибежище написанием небольших статей[40]. Но с осени 1916 г. их «духовный голод»[41] можно было удовлетворить, хотя бы отчасти, в специальных солдатских университетах, созданных в тыловых районах (*Etappenhochschulen*). В этих учреждениях (где курсы читались, как правило, в течение десяти дней или двух недель) военная

призваны или пошли на фронт добровольно, в действительности не воевали, а работали в военных госпиталях или даже в бараках в тылу.

35 Данные о Бонне см.: *Jarausch*. Students in War. S. 322. Некоторые погибшие члены вюрцбургского университета описаны в: *Buchner*. Würzburg im Kriege. S. 60.

36 *Jarausch*. Students in War. S. 319.

37 v. Salvisberg, редактор Hochschulnachrichten, цит. в: Erlangen in der Kriegszeit. S. 34.

38 *von Huene Fr. Fr.* Arbeitserinnerungen. Halle, 1944. S. 26. Более подробные воспоминания можно найти в мемуарах археолога, который, будучи профессором, добровольно пошел на фронт рядовым: *Curtius L.* Deutsche und antike Welt. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1956. S. 398–401.

39 *Gercke*. Wissenschaftlicher Unterricht. S. 85, 87.

40 *Otto Jessen* (автобиографическая речь, без названия) // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in München 36 (1951). S. 221–234; this reference: S. 225.

41 *Jarausch*. Students in War. S. 319.

иерархия сменилась общим ощущением, что все участники занятий являются «учениками науки»[42]. Курсы посещали в основном студенты и выпускники вузов и гимназий. Но были там и торговцы, и даже рабочие и ремесленники[43]. Эти учреждения, хоть и созданные для удовлетворения потребностей образованного сословия, были теперь открыты для всех. Каким бы показателем интеграции данная ситуация не являлась, все же жизнь в этих солдатских вузах была организована в соответствии с традиционными ритуалами.[44] Более того, при внимательном взгляде на членов студенческих корпораций выявляется, что они и на театре военных действий общались преимущественно со студентами своего братства. Таким образом, они сохраняли свое прежнее студенческое корпоративное сообщество, вместо того, чтобы интегрироваться в «солдатское братство окопов»[45]. На самом деле, тесные связи между бывшими студентами и пренебрежение боевым опытом изолировало их от товарищей по оружию.

Случалось, что профессора полностью интегрировались в армию ради достижения конкретных военных целей или заботы о раненых. Например, так поступил профессор католической теологии, который служил простым помощником санитаров и всего лишь переносил раненых[46]. Но чаще мы встречаем в мемуарах воспоминания о некоторых сложностях и даже напряженности, которая существовала между профессиональными офицерами и профессорами (которые часто служили в качестве медицинских экспертов)[47].

---

[42] «Jünger der Wissenschaft»: *Paul Ssymank*. Aus der Frühzeit des Etappenhochschulwesens // Neue Jahrbücher für Pädagogik 22 (1919). S. 69–75; zit. S. 72.

[43] См. статистику по Дурнику (Tournai) в: *Gercke*. Wissenschaftlicher Unterricht. S. 93.

[44] «Das ganze deutsche Kommersleben schien auf französischen Boden verpflanzt» (*Ssymank*. Frühzeit des Etappenhochschulwesesn. S. 74.

[45] В качестве примера см. письмо («Aus dem Osten») трех членов студенческой корпорации в Deutsche Korpszeitung 32 (1915/16). S. 3571; комментарии см. в: *Wiedenhoff*. Kontinuitäten korporierter Mentalität. S. 192.

[46] Как заметил профессор медицины: [Ludolf Krehl], Feldpostbriefe von Ludwig Krehl an seine Frau vom September 1914 bis September 1918. vols. I–II, (Leipzig) n. d. [1939]; zit. Vol. I. S. 31.

[47] См. письмо консервативного, религиозного (pietistic) профессора медицины: *Krehl*. Feldpostbriefe. Bd. I. S. 10, 21, 24; Bd. II. S. 425: или мемуары лектора-социалиста (приват-доцента, возведенного в звание профессора), который в начале войны пошел добровольцем, но не был взят, а позже был

В тылу были учреждены специальные организации в помощь инвалидам и раненым студентам и выпускникам вузов. Это кажется вполне разумным с точки зрения службы трудоустройства, но в то же время указывает на социальную исключительность в случае особых санаториев и домов отдыха.

Деятельность студентов и профессоров в тылу

Как частные лица, так и академические институты, участвовали в финансовой мобилизации. На военные займы подписывались не только студенты и профессора, но и целые университеты или факультеты и студенческие корпорации. Вюрцбургский университет даже пожертвовал должностную цепь ректора золотому запасу Рейха. Однако, поскольку война затягивалась, некоторые университеты отказались от практики коллективных пожертвований и предоставили право выбора частным лицам[48]. Причиной тому также могло быть и то, что профессора потеряли существенную часть своих доходов в связи с резким сокращением количества студентов, а, значит, и денежных сборов за обучение. Поддерживая мнение, что их потери были больше, чем потери любой другой социальной группы[49], они подавали себя как часть народа, заявляя в то же время о своей исключительной позиции.

Поскольку все больше и больше людей призывалось на фронт, профессора и студенты приложили значительные усилия к их замещению, чтобы сохранить повседневный уклад жизни и обеспечить необходимый запас пищи, топлива и энергии. В частности, профессора и члены их семей принимали участие в заботе о раненых, как под эгидой Красного креста, так и в кооперативах медсестер (и медбратьев), где все они были волонтерами[50]. Профессора медицины часто брали на себя руководство дополнительным госпиталем, тогда как профессо-

---

призван в качестве врача (Unterarzt des Landsturms): *Grotjahn A*. Erlebtes und Erstrebtes. Erinnerungen eines sozialistischen Arztes. Berlin, 1932. S. 160–162.

[48] *Buchner*. Würzburg im Weltkriege. S. 55, 58.

[49] См. доклад ректора Эрлангенского университета, цит. по: *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 42.

[50] *Paletschek*. Tübinger Hochschullehrer. S. 99; Ежегодный доклад ректора Бауэра в: Die Universität Heidelberg ihren Studenten im Feld. Neujahr 1916. S. 8.

ра гуманитарных наук замещали учителей в гимназиях[51]. В Гёттингене профессор физики взял на себя руководство энергостанцией[52]. Случай гёттингенского физика Макса Борна, который в то время был лишь приват-доцентом, был не типичным. Не будучи призван на фронт, он чувствовал себя «крайне бесполезным и беспокойным». Вместе с одним из своих студентов он ездил в ближайшую деревню и помогал собирать урожай.[53] В его случае, как и в ситуации в целом, была большая доля идеализма, но также и дилетантизма[54].

Закон о всеобщей гражданской повинности (Gesetz über den zivilen Hilfsdienst), изданный в декабре 1916 г., обязал работать всех лиц мужского пола в возрасте от 17 до 60 лет. Это привело к своего рода официальной интеграции профессоров в народ. Обычно они привлекались к несению службы в администрации, промышленности и военной экономике. Однако, в основном, этим занимались сотрудники технических вузов (*Technische Hochschulen*), в то время как число университетских преподавателей на этих должностях было невелико. Более того, все они могли совмещать эти обязанности со своей работой в университетах[55].

Вклад в пропаганду и издательское дело, которому отведено такое почетное место в историографии, не был общераспространенным феноменом. Прежде всего, в процентном отношении число тех, кто принимал участие в пропаганде, обычно сильно преувеличивают. Например, в Тюбингене преподавателей, служивших на фронте, было в два раза больше, чем авторов военных публикаций[56]. Во-вторых, этим занимались, в основном, гуманитарии и, в меньшей степени, экономисты и юристы, тогда как естественники и медики держались в стороне. Не только историки интерпретировали эту ситуацию, как компенсацию отсутствия действительной военной службы[57]. Скорее, эта интерпрета-

---

[51] *Reichert*. Wissenschaft und «Heimatfront». S. 500.

[52] *Meinhardt Günther*. Die Universität Göttingen. Ihre Entwicklung und Geschichte von 1734–1974. Frankfurt–Zürich, 1977. S. 76.

[53] *Born Max*. Mein Leben. Die Erinnerungen des Nobelpreisträgers. München, 1975. S. 225.

[54] Подобное восхищение деятельностью гейдельбергских профессоров можно найти в: *Reichert*. Wissenschaft und Heimatfront. S. 500.

[55] *Gundler*. Technische Bildung. S. 139f.

[56] *Paletschek*. Tübinger Hochschullehrer. S. 101.

[57] *Jarausch*. Studenten. S. 110; *Jansen*. Professoren und Politik. S. 125; *Brocke*. Marburg im Kaiserreich. S. 533.

ция исходит от современников, которые делали замечания относительно тех, кто «более или менее вынужденно остался в тылу»[58]. В то же время подобная деятельность лишь усилила их традиционные позиции интеллектуальных лидеров нации, так как они полагали, что это их задача — объяснять ход войны и ее значение. Студенты, основавшие «Национальную студенческую службу», оправдывали свою деятельность похожим образом: они организовывали помощь крестьянам по сбору урожая и открывали центры присмотра за солдатскими детьми (так как матерям приходилось работать). Им было «стыдно» оставаться в тылу, особенно когда они думали о своих товарищах-студентах на фронте. Поэтому они чувствовали себя обязанными работать во «вспомогательных патриотических программах». Но в то же время, они описывали свою деятельность в рамках роли «будущих народных лидеров». Они были обязаны заботиться о своем народе, сродни тому, как полевой командир обязан заботиться о своем полке. Вместо того, чтобы работать в уже существующих программах, они предпочли создать свою собственную организацию. А для того, чтобы привлечь новых членов, студенты оправдывали свое сегодняшнее служение своим лидерством в будущем. Когда они говорили об узах, объединяющих «студентов с народом»[59], то уже из самих формулировок было ясно, что «народ» — это кто-то другой, простые люди. На самом деле своей частичной интеграцией студенты еще сильнее укрепили свое стремление к лидерству[60].

---

[58] *Oertmann*. Erlanger Juristenleben. S. 8. См. эпиграф брошюры В. Зомбарта: *Sombart Werner*. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen. München–Leipzig, 1915. S. Vf.

[59] *Getzeny*. Nationaler Studentendienst. Quotations: S. 7, 8, 4, 30.

[60] Размышления людей, получивших академическое образование, о своем сословном положении в конце войны см. в: *Fischdick Wilhelm*. Akademisches Standesbewußtsein // Die Hochschule. Blätter für akademisches Leben und studentische Arbeit 2 (1918/1919). S. 185–192. Фишдик подчеркивает большую важность их обязанностей по сравнению с привилегиями, но добавляет: «В самом термине «сословие» скрыто значение, происходящее от положения человека, стоящего в определенной позиции. Это, однако, указывает на определенную позицию в рамках масштабной структуры, состоящей из обязанностей и работы. Вот, что важно». («Gewiß, der Sonderbezug im Begriff des Standes bleibt bestehen, denn Stand kommt von Stehen an einer besonderen Stelle, aber an einer besonderen Stelle im großen ganzen Arbeits- und Pflichtengefüge, darauf kommt es an»).

Таким образом, вырисовывается неоднозначная картина. На некоторое время война размыла четкие границы и даже навела мосты между традиционно разделенными группами, как внутри студенчества, так и между горожанами и университетской средой. Особенно на ранних этапах войны чувство общности хорошо сочеталось с всеобщей потребностью в единстве. Стараясь внести свой вклад в победу, ученые открыли двери лекционных залов для посторонних, взяли на себя ответственность по организации повседневной жизни и выполнению задач, которые явно были ниже их квалификации и в другое время были бы расценены как неподобающие им. Облегчив экзаменационные задания с целью в кратчайшие сроки обеспечить армию докторами и солдатами, они снизили академические стандарты. Это могло подорвать традиционное обоснование высокой позиции ученых и людей с высшим образованием (образованных) в обществе. Одновременно они делали упор на свои специфические потребности, создавали специальные учреждения для образованных жертв войны, культивировали академические традиции и таким образом усиливали связи внутри своей группы. Во время растущего равенства между разными социальными группами, ученые и студенты представляли свой вклад в дело войны, пропаганды и организации быта таким образом, чтобы еще более обосновать свои претензии на лидерство в обществе.

Перевод Н.Е. Берегой

Автор благодарит Е.А. Мингалеву (Тюмень, Гёттинген) за огромную помощь при редакции русского перевода.

А.Н. Дмитриев

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УНИВЕРСИТЕТСКИЕ РЕФОРМЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА[1]

Три с половиной года войны стали для российской высшей школы не только временем существенных потерь, но и периодом важных и существенных перемен как в организации и содержании преподавания, так и в отношениях с обществом в целом. Парадоксальным образом, именно военный период стал началом реализации многих важных реформаторских начинаний — и потому особенно интересен для анализа государственной политики, настроений студенчества и преподавательского корпуса, взаимоотношений общества, науки и власти.

Кроме того, Первая мировая война оказалась важнейшим рубежом в развитии науки, особенно в плоскости ее институционального строительства и международной кооперации. Эта перемена также связана с трансформацией российской науки в науку советскую, вместе с изменением самого контекста европейского и мирового научного развития. За первую треть XX в. российская наука совершила огромный прорыв вперед, даже на фоне общего ускоренного и революционного научного развития в Европе и Америке[2]. Принципиально изменился международный статус российской науки и характер ее связей с зарубежными научными сообществами.

Начиная с Петра Великого и вплоть до 1880–1890-х гг. влияние немецкой науки в России традиционно было преобладающим (в том числе за счет проживавших в стране и Петербурге этнических немцев, к числу которых принадлежали и многие сотрудники Академии наук и профессора университетов)[3]. Хотя к началу XX в. влияние так называемой «немецкой партии» в Императорской академии наук сходит на

---

[1] Этот текст подготовлен в рамках исследовательского проекта «Немецкие и русские университеты в Первой мировой войне», финансируемого Volkswagen-Stiftung.

[2] См. подробнее о русской науке первых десятилетий XX века: Наука и кризисы / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2003.

[3] *Старостин Б.А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной идентификации // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 259–321.

нет, возрастает роль Германии для русских ученых как примера, образца для систематического научного строительства. Именно тогда Германия занимала место ведущей научной державы мира, опережая Францию, Англию, Италию и США не в целом, но по совокупности разных параметров: уровню организации исследований, качеству аппаратуры и материалов, объему академической библиографии, за счет развитой сети академических коммуникаций: научных конференций и периодики. Однако совершенно неверно воспринимать российскую науку довоенного времени как зависимую или периферийную относительно немецкой. Так, просветительская идеология большей части российской академической интеллигенции была в описываемый период схожа с радикальным мировоззрением французских интеллектуалов-республиканцев, а не с немецким «мандаринским» идеалом государства — гаранта культурных ценностей (описанного в известной книге Фрица Рингера «The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community»)[4]. Несмотря на свой статус государственных служащих одного из императорских ведомств, российские академические интеллектуалы рассматривали свою ученую деятельность в университетах или в системе Академии наук как служение народу и содействие прогрессу общества. Они ориентировались на политические идеалы конституционной демократии[5].

Интеллектуальная мобилизация российской науки

Помимо довольно формализованных контактов на уровне структур академий наук и международных конгрессов, «республика ученых» в начале XX в. существовала в качестве относительно единого университетского рынка, особенно для выходцев из Восточной Европы и России, по тем или иным причинам не могущим получить высшее образование у себя на родине. В немецких университетах с начала века постоянно увеличивалась российская студенческая диаспора (где были широко представлены те группы населения Российской империи, доступ которых в университеты царской политикой был сознательно ограничен: женщины, евреи, поляки, а также члены радикальных партий). Растущий наплыв российских студентов вызывал недовольство

---

[4] *Vucinich A.* Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford, 1970.

[5] *McClelland J.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979. P. 76–79; *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 37–46, 207–237.

как немецких студентов, не желавших конкуренции, так и, в конечном счете, руководства университетов (например, в Галле и Гёттингене). Это привело к введению, начиная с 1912 г., в ряде высших учебных заведений Германии ограничительных мер против имматрикуляции выходцев из Восточной Европы[6].

Следующим этажом (и сегментом) этого преимущественно западноевропейского академического рынка была система последипломной подготовки ученых и защита докторских диссертаций (теперь уже зачастую в менее развитых в своих университетах областях и направлениях исследований); к этому, безусловно, относилась и система направляемых за границу российских профессорских стипендиатов. В Германию устремлялось большинство готовившихся к профессорскому званию выпускников университетов (всего до 1914 г. в заграничные командировки отправлялось около 10–15 % от всех, оставляемых при университетах). По проекту министра просвещения Льва Кассо с 1911 г. в Европе создавались специальные институты для подготовки русских кандидатов в профессора, главным образом, именно в Германии[7]. Главной заботой при этом была не декларируемая европеизация качества постдипломной подготовки, а изоляция будущих профессоров от радикальной студенческой среды и политической сферы вообще (после событий в Московском университете в 1911 г.) — против этой меры выступала и Академия наук в мае 1911 г. Однако начавшаяся война показала непродуманность такого «изолирующего» начинания.

Начало военных действий сразу же поставило вопрос о пребывании подданных враждебных держав в академиях и научных коллегиях тех или иных стран[8]. Уже 31 октября 1914 г. по высочайше утвержденно-

---

[6] См., помимо прочего: «Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer?» Studenten aus dem Russischen Reich an deutschen Hochschulen vor dem 1. Weltkrieg / Hg. H. R. Peter. Frankfurt am Main, 2001.

[7] См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 206–210. В составе этих стипендиатов были известные в будущем ученые, в частности, зоолог Д. Кашкаров и астроном В. Фесенков. Кратко этот вопрос рассмотрен в кн.: *Галкин К.Т*. Подготовка научных кадров в СССР. М., 1958. С. 70–71.

[8] Подробнее о европейских интеллектуальных кампаниях в связи с войной и о позиции ученых см.: Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: РАН, 2001. С. 296–335.

му заключению Совета министров из всех организаций должны были исключить граждан Германии и Австро-Венгрии, что и было проведено в университетах уже в ноябре 1914 г. В начале марта 1915 г. на страницах полуофициозной консервативно-националистической газеты «Новое время» был поставлен вопрос не только об иностранных членах Академии, подпадавших под действие этого постановления, но и о недостаточном патриотизме российских ученых немецкого происхождения. В частности, Николай II после очередного выступления «Нового времени» выражал свое неудовольствие министру просвещения П.Н. Игнатьеву в связи с тем, что Академия продолжает печатать некоторые работы на немецком языке[9].

Академики довольно долго противились огульному исключению своих коллег по признаку «государственной принадлежности». 4 марта 1915 г. из Императорской академии, вслед за действиями французских академий, были исключены авторы «Воззвания 93-х». И только 6 (19) февраля 1916 г. под прямым и настойчивым давлением правительства на заседании императорской академии были исключены все австрийские и немецкие подданные, кроме лиц славянских национальностей (всего 51 ученый)[10]. Это формальное решение было отменено (по инициативе Сергея Ольденбурга и Физико-математического отделения) Общим собранием Академии наук 6 ноября 1920 г.[11]

Под редакцией социолога Максима Ковалевского в 1916–1917 гг. выходил сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию», со статьями А. Веселовского, Н. Кареева, Е. Тарле, искусствоведа А. Сидорова, Э. Гримма, будущего сменовеховца Ю. Ключникова и др. (всего вышло три выпуска из предполагавшихся четырех). В ходе начавшейся коллективными манифестами «войны духа» лишь немногие русские гуманитарии переводили межгосударственный конфликт в метафизическую плоскость. Еще до войны консервативный философ Владимир Эрн противопоставлял русский (восточнохристианский) православный поиск Абсолюта и немецкий (по сути — западный) рационализм,

---

[9] *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб., 1993. С. 77.

[10] Из публикаций последнего времени по этой теме отметим: *Басаргина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. СПб., 2004. С. 259–270.

[11] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1-1920. Д. 8. Л. 3.

а вскоре после ее начала выступил с докладом под символическим названием «От Канта к Круппу»[12]. Эта смесь антимодернизма и антизападничества вовсе не была специфически русской: тот же комплекс идей характерен, например, для «Размышлений аполитичного» Томаса Манна, написанных как раз во время Первой мировой войны[13].

После устройства в Лондоне School of Slavonic Studies в конце 1915 г.[14] Министерство просвещения в марте 1916 г. через генеральное консульство в Лондоне и британского посланника инициировало обсуждение программы расширения академического сотрудничества союзников, главным образом с Англией. В начале апреля 1916 г. Министерство народного просвещения запросило Советы университетов и Академию наук о предлагаемых ими мерах по научному сближению с Англии и Францией[15]. В основном, предложения сводились к расширению преподавания английского языка в школах и университетах, к росту числа взаимных поездок ученых (в особенности молодых), организации экспедиций на территории двух империй и ознакомлению о работе друг друга через конференции, расширение книгообмена, библиографии и печатания научных статей в периодике англичанами в России и русскими в Англии[16]. Подготовку этих решений вплоть до марта 1917 г. курировал заместитель министра просвещения профессор зоологии Владимир Шевяков. Отклики университетских кругов и членов Академии[17] относительно планов интеллектуального сближения с Англией и союзниками (материалы Российского государственного исторического архива и Архива Академии наук) — ценный материал для анализа взглядов и намерений российской академической элиты во время Первой мировой войны.

В контактах представителей русской и английской общественности научные задачи перекликались с политическими целями. Летом 1916 г.

---

[12] *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 247–259.

[13] *Beßlich B.* Wege in den «Kulturkrieg». Zivilisationskritik in Deutschland 1890–1914. Darmstadt, 2000. S. 302–330.

[14] *Hughes M., Pares B.* Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. P. 510–535; *Roberts I.W.* History of the School of Slavonic and East European Studies, 1915–1990. London, 1991.

[15] РГИА Ф. 733 Оп. 156 Д. 764, Л. 140–141, 149–151.

[16] РГИА Ф. 1129. Оп. 1. Д. 46.

[17] См.: РГИА Ф. 733 Оп. 156. Д. 764. Л. 58–70.

ведущий историк Петербургской академии наук А.С. Лаппо-Данилевский вместе с коллегами и видными представителями кадетской думской оппозиции Павлом Милюковым и Петром Струве (а также польским журналистом-русофилом Романом Дмовским) посетили Англию. Им были торжественно вручены дипломы почетных докторов права Кембриджского университета, что стало одним из свидетельств сближения союзников не только в военной или экономической области, но также в культурной и научной[18]. Речь Лаппо-Данилевского об истории науки и образования в России была опубликована затем в специальном издании для ознакомления английской публики с проблемами внутренней политики важнейшего союзника по Антанте и с настроениями российской общественности[19]. Английские историки еще в мае 1915 г. также посетили Академию наук в Петербурге. В ходе этого визита обсуждалась также реализация идеи создания многотомного труда по истории и культуре России на английском языке, предназначенного для издательства Macmillan & Co (по инициативе профессора Ф.А. Голдера). Редактором этого труда должен был стать Лаппо-Данилевский, а авторами — С.Ф. Платонов, С.И. Рождественский, М.Д. Приселков, А.А. Шахматов и другие видные русские историки[20]. Значительную роль в налаживании русско-английских научных связей в первые десятилетия XX в. сыграл историк и правовед П.Г. Виноградов (профессор в Оксфорде с 1903 г.). Виноградов выступал с лекциями и статьями о России (одна из них была перепечатана в серии «Оксфордских памфлетов»), посещал с 1914 г. ежегодно Россию, являлся почетным секретарем Комитета помощи русским узникам войны, а с 1916 г. после смерти М.М. Ковалевского становится председателем Исполкома Общества английского флага (Русско-английского общества в Санкт-Петербурге)[21].

---

[18] См.: Русский сезон в Кембридже // Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2.

[19] The Development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. J.D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

[20] Подробнее см.: *Тараторкин Ф.Г.* А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

[21] *Антощенко А.В.* Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г. Виноградова // Археографический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 294–295; *Parker Ch.* Pavel Vinogradoff, the Delusion of Russian Liberalism and the Development of Russian Studies in Britain // The Slavonic and East European Review, 1991. Vol. 69. P. 40–59.

Особенно перспективной и долгосрочной обещала быть идея создания в Европе целого ряда посредничавших Русских институтов. И если в 1916 г. основные мероприятия по сближению ориентированы на Англию, то с весны 1917 г. на первое место выходит Франция. В Париже предполагалось открыть нечто напоминающее Французский институт в Петербурге (начавший работать в 1911 г. под руководством слависта Жозефа Патуйе) — конспекты из «Revue Internationale de l'Enseignement», «Revue Scientifique», «Minerva» в архиве Лаппо-Данилевского в соответствующем деле подтверждают внимательное отношение русских ученых к опыту аналогичных институций для представительства своей науки за границей[22]. В октябре 1917 года с этой же целью на уровне посланников, представителей Министерства просвещения и Министерства иностранных дел готовилась поездка Ольденбурга, Вернадского и Лаппо-Данилевского в Париж на три месяца по линии Академии наук[23]. Наряду с идеей воссоздания Русской высшей школы общественных наук летом 1917 г. в Париже, эти проекты устройства русских академических организаций-представительств обсуждался Ростовцевым и Ольденбургом вплоть до окончания Гражданской войны как в России, так и в эмиграции (эти идеи были отчасти воплощены в работе парижского Institut des Études Slaves[24].

Специально к Всемирной выставке в Сан-Франциско в 1915 г. Министерством общественного образования и культуры Франции был подготовлен итоговый сборник «Французская наука» (при участии Эмиля Дюркгейма, Анри Бергсона и др.). Этот фундаментальный сборник содержал обзор состояния всех научных дисциплин страны. Он послужил примером для Лаппо-Данилевского, поставившего в связи с предложениями о сближении с Англией вопрос о подготовке в 1916–1917 гг. аналогичного сборника «Русская наука» объемом более 100 печатных листов (а также о переводе его на английский и французский языки). Из этого начинания затем выросла Комиссия по истории знаний при Академии наук и далее пошла институциализация историко-научных

---

[22] См.: ПФА РАН Ф. 113. Оп. 2. Д. 86.

[23] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2315. Оп. 1. Д. 12.

[24] *Espagne M.* Le paradigme de l'étranger. Les chaires de littérature étrangère au XIXe siècle, Paris, 1993. P. 344–349; *Bernard A.* Les traits charactéristiques de l'Institut des études slaves à ses débuts // Ed. A. Bernard. L'Histoire de la slavistique. Le rôle des institutions. Paris, 2003. P. 106–121.

исследований в России вообще[25]. Точно также вопрос о подготовке для союзников библиографии и справочника о действующих ученых России (по образцу указателя «Minerva») по инициативе Ольденбурга завершился созданием важного справочника «Наука и ученые в России» уже в самом начале 1920-х гг.[26]

Вопрос о расширении преподавания английского языка и высвобождении из-под немецкого интеллектуального влияния был вызван тем, что в России главным языком научного общения оставался тогда именно немецкий. С начала 1916-1917 учебного года на нем было запрещено (распоряжением Совета министров от 12 июля 1916 г.) вести преподавание на всей территории империи во всех учебных заведениях, включая университеты[27].

Укрепление научных связей между странами Антанты в период войны — координация исследований, обмен важнейшими результатами и изобретениями, командировки ведущих специалистов были помимо пропагандистско-идеологических факторов обусловлены практическими нуждами восполнения потребностей военной отрасли в оптических приборах, химических веществах, средствах для воздушной и подводной войны, лекарствах и т.д. Химическая отрасль, нужды военной промышленности и медицины стали областью реализации научного знания и экспериментального метода. В ходе Первой мировой войны русские академические круги меняли ориентир не с германской науки на союзническую, а на самостоятельное научное развитие. Это был не государственный патриотизм или спиритуальный национализм в мандаринском духе. Скорее, государство понималось русскими академическими интеллектуалами как по необходимости (reluctant) самый оптимальный организатор и одновременно гарант научной деятельности, интернациональной, по сути, и граждански-национальной по социальному адресату. Именно поэтому далее я сосредоточусь в основном на министерских и правительственных реформах «сверху» периода Первой мировой

---

[25] Подробнее см.: *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. 2003. С. 637–659; *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вест. РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.

[26] ПФА РАН Ф. 2. Оп. 2-1916. Д. 44. Л. 62–63; *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 171–185.

[27] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 200.

войны в университетском вопросе, так как именно эта сторона всей академической жизни (в отличие от изменений в среде студенчества или организации науки) осталась наименее изученной в исследовательской литературе.

Война как пусковой механизм реформ?

Формально законодательной основой университетской жизни весь описываемый период оставался весьма консервативный Устав 1884 года, принятый в период правительственной реакции после убийства Александра II. Вопреки предыдущему либеральному Уставу 1863 года времени освобождения крестьян и «Великих реформ», этот руководящий документ лишал университетские коллегии самостоятельности (в частности, права выбора ректоров) и всецело отдавал власть в университете Министерству народного просвещения в лице попечителей соответствующих учебных округов. Студенческие волнения рубежа веков подтолкнули к пересмотру самых очевидных «надзирательных» сторон этого документа в пользу большей автономии университетской жизни. С 1901 г. берет начало длинный ряд дискуссий (с участием и по инициативе руководителей Министерства народного просвещения) о новых началах университетского самоуправления. При этом важное внимание уделялось как соответствующему зарубежному опыту, так и учету мнений самих университетских корпораций, в первую очередь, профессоров. Высшей точкой поворота лицом к университетам стал кризисный период 1905–1906 гг., когда министром просвещения был граф Иван Иванович Толстой, будущий городской голова Петрограда времени Первой мировой войны[28]. Многие пункты Устава 1884 года были фактически отменены Временными правилами управления университетами (принятые 27 августа 1905 г.), которые возвращали во внутриуниверситетскую жизнь выборное начало — самостоятельное избрание ректора и деканов профессорами[29]. Инициативы Толстого были, во многом, продолжены и подхвачены руководством Министерства просвещения как раз во время Первой мировой войны. Противоположным, консервативным полюсом университетской политики правительства была деятельность послереволюционных министров просвещения и университетских профессоров: классика Александра

[28] См. также: *Толстой И.И.* Мемуары. М., 2001.

[29] *Иванов А.Е.* Высшая школа в России начала XX века. М. 1991.

Шварца (1907–1910 гг.) и особенно юриста Льва Кассо (1911–1914 гг.). При Шварце был разработан обширный новый проект Устава, который закреплял и модифицировал положения Устава 1884 года с учетом политических перемен и академической практики его применения, однако этот проект был отозван при Кассо из Государственной Думы[30]. На бумаге, таким образом, статус-кво (одновременное действие устава 1884 и временных правил 1905 г.) сохранялся и далее; зато реальная политика Кассо, как министра, была почти провокационной и вызывающе консервативной: особенно громким был скандал вокруг Московского университета в 1911 г., в результате которого вслед за уволенным ректором университет покинули еще несколько десятков профессоров и приват-доцентов из числа наиболее известных и либерально ангажированных ученых. Вообще либеральный настрой большинства преподавательского корпуса («зажатого» между Сциллой преобладавшего правительственного консерватизма и Харибдой студенческого радикализма) был важной константой российской университетской жизни первых десятилетий XX в. Этому леволиберальному мейнстриму противостояло немногочисленное, но довольно сплоченное консервативное меньшинство (из которого часто рекрутировались попечители или крупные чиновники Министерства народного просвещения, ведавшие высшей школой). Левые, социалистические взгляды были представлены или одиночными фигурами, или скорее умонастроениями junior faculty — приват-доцентов из более молодого, чем либеральные «отцы»-профессора, поколения[31]. Среди студенчества левые симпатии и до, и после революции 1905 г. господствовали почти безраздельно, а «академисты» (консерваторы из молодых дворян, очень близкие к немецким студенческим корпорациям) оставались в явном меньшинстве. Эту идейную и программную расстановку сил следует учитывать, чтобы понять, почему и как в 1915–1916 гг. в правительственной политике в отношении университета возобладал не консервативный курс (в духе Кассо и Шварца), а скорее либеральная программа (в стиле графа Ивана Толстого).

Персональным воплощением этой политики стала фигура нового министра просвещения, назначенного Николаем II в январе 1915 г.

---

[30] См.: *Spieler S.* Autonomie oder Reglementierung. Die russische Universität am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Wien, 1981. S. 124–187.

[31] *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich: Ein Beitrag zur Russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 615–640.

(спустя несколько месяцев после смерти Кассо) — графа Павла Николаевича Игнатьева (1870–1945), выходца из семьи самой высокопоставленной бюрократии, в прошлом киевского губернатора и соратника Алексея Кривошеина по Министерству земледелия[32]. (Сам Кривошеин, в свою очередь, был правой рукой покойного премьера Петра Аркадьевича Столыпина в деле аграрных реформ.) На назначение Игнатьева, весьма далекого от академической жизни и ведомственных интересов Министерства народного просвещения, вероятно, повлияла его личная близость к императору во времена молодости. В условиях нараставшего уже со второй половины 1915 г. расхождения исполнительной власти с думской оппозицией Игнатьев оставался (вместе с министром иностранных дел Сазоновым или морским министром Григоровичем) одной из немногих фигур, вполне приемлемых для либеральных кругов, соединяя правительство и парламент, две стороны российской политической жизни того периода. Фамилия Игнатьева, участника так называемой «министерской забастовки» против сверхреакционного премьера Ивана Горемыкина весной 1915 г., значилась даже в нескольких ориентировочных списках ответственного (перед Думой) министерства или кабинета общественного доверия, создания которого оппозиционные круги тщетно ожидали от Николая II[33]. То, что Игнатьев сумел сохранить свой пост почти до самого конца режима, в условиях так называемой министерской чехарды, может объясняться потребностью исполнительной власти и самого императора, хотя бы формально сохранять видимость продолжения того курса на «священное единение» всех слоев общества в условиях войны, который был декларирован еще в начале осени 1914 г. На фоне углубления правительственного кризиса реформаторская деятельность Игнатьева виделась отрадным исключением в общей негативной тенденции «загнивания верхов». К этому «личному» фактору новой образовательной политики, помимо министра Игнатьева следует добавить и товарища министра по делам высшей школы профессора-зоолога Владимира Тимофеевича Шевякова (члена-корреспондента Академии наук), руководителя отвечавшего за университетские дела министерского департамента Павла Сурина и его заместителя Николая Палечека. Несмотря на то,

---

[32] *Куликов С.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 83–99, 444.

[33] *Игнатьев П.* Совет Министров в 1915–16 годах (Из воспоминаний) // Новый журн. 1944, № 9. С. 276–277.

что трое последних продолжали свою карьеру и при Кассо, они обеспечили реформаторским начинаниям нового министра необходимую поддержку на уровне административной и управленческой рутины. Об этом, в частности, свидетельствует достаточно теплая по тону и характеру переписка Игнатьева и Шевякова, сохранившаяся в Российском государственном историческом архиве[34]. Сурин и Палечек продолжали активно работать в министерстве вплоть до осени 1917 г.[35]

В университетском вопросе главными путями реализации реформаторских начинаний были, во-первых, подготовка нового устава, начатая уже вскоре после назначения Игнатьева, а во-вторых, расширение и видоизменение самой системы российских университетов в связи с потребностями и задачами военного времени.

Новый проект Устава обсуждался довольно долго, с необычайно широким привлечением и университетской общественности и государственных деятелей. Сначала предварительный вариант был разослан в июне 1915 г. по университетским советам для отзыва. Одновременно состоялось первое обсуждение этого проекта на специальном совещании под председательством Шевякова с участием попечителей университетских округов и ректоров университетов (окончательные формулировки ставились на голосование с последующим визированием всего текста проекта министром)[36]. Именно Шевякову (вместе с Палечеком) принадлежала ведущая роль в разработке этого пакета документов: проекта устава, объяснительной записки к нему, обосновывавшей появление этого документа, нового штата российских университетов (с увеличенными окладами!) и объяснительной записки к нему. Второе обсуждение переработанного варианта проходило в декабре 1915 г. с участием представителей законодательных учреждений: Госдумы и Государственного совета (причем среди участников совещания были профессора М. Новиков, А. Васильев, М. Ковалевский, известные думские деятели А.И. Шингарев и Е.П. Ковалевский и др.). Наконец, перед внесением в Совет министров этот вопрос обсуждался в марте 1916 г. с представителями ведомств, от военного и юстиции до Казначейства и Министерства земледелия. В итоге, одобренный Советом министров на заседании 9 августа 1916, окончательный проект устава с сопровождающими документами 5 ноября 1916 г. был отправлен в Государственную

---

[34] РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 107.

[35] *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 39.

[36] Детальнее всего ход совещаний представлен в: РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 52.

думу; однако вскоре Февральская революция дала иной порядок управления университетской сферой, и некоторые важные положения этого игнатьевского проекта были проведены в жизнь уже при новом политическом строе[37].

Важнейшими изменениями, согласно этому проекту, было закрепление принципа выборности ректора и расширение полномочий Совета (коллегии всех профессоров данного университета), что, безусловно, отвечало начинаниям графа И. Толстого периода первой русской революции и закрепляло окончательно соответствующие положения Временных правил 27 августа 1905 г.

Уже на первом из совещаний была коренным образом изменена предлагаемая формулировка одной из начальных статей устава, касавшаяся власти попечителя учебного округа. В окончательном проекте все университеты были подчинены министерству напрямую. Попечитель остался чисто вспомогательной фигурой, к услугам которого министр просвещения мог прибегать в университетских делах в случае надобности.

Основной задачей университета была определена подготовка высококлассных специалистов в той или иной сфере наук, а не государственных чиновников. Игнатьев решительно настаивал на отмене привязки университетского диплома к Табели о рангах (раньше выпускник автоматически получал звание коллежского или губернского секретаря — чин X или XII класса). Министр даже заручился безусловной поддержкой Николая II в этом вопросе[38]. И здесь установки высших чиновников (в частности статс-секретаря А.С. Танеева на заседании Совета министров в августе 1916 г.) решительно расходились с демократическими намерениями нового министра.

В новом уставе был проведен принцип единоначалия ректора и вручения ему дисциплинарной власти в университете (двухлетний срок его полномочий по первоначальному варианту был на первом совещании увеличен вдвое). Такие преимущества ректора относительно Совета были критически оценены в ряде университетских замечаний на проект устава (в частности, в отзыве коллегии Казанского университета) и затем, уже при обсуждении недостатков этого проекта после февраля 1917 г.

Учебный план на медицинском факультете предусматривал 5 лет обучения, на восточном —4 года, на всех прочих —3 года (ст. 73 окончательного проекта). Такое сокращение курсов, разбитых на основной

---

[37] См.: *Kassow*. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. P. 289–300.

[38] *Куликов С*. Бюрократическая элита Российской империи. С. 231.

и специальный отделы, было, несомненно, связано с войной, желанием увеличить выпуск специалистов и сократить число «вечных студентов». Указанные сроки определяли минимальный объем чтения всех необходимых для получения диплома предметов, а не сам срок учебы.

Вместо двух степеней — магистра и доктора — предусмотрена была единая ученая степень доктора (необходимая для занятия любой преподавательской должности). Эти пункты (5 и 6) также были встречены в университетской среде неоднозначно; критическим было отношение к этим предложениям и Академии наук[39].

На место прежней практики назначения экстраординарных профессоров был введен институт доцентуры — как штатной ступени (в отличие от приват-доцентов, чье существование и полномочия были подтверждены) на пути к полному профессорскому званию. Была ликвидирована вызывавшая множество нареканий гонорарная система оплаты в зависимости от количества слушателей на занятиях, приводившая к разительной диспропорции доходов преподавателей, к примеру, юридического факультета, с одной стороны, и восточного — с другой.

В качестве слушательниц в университеты были допущены (с разрешения Совета) и женщины, но это был только еще один из первых и очень робких шагов на пути к действительному равноправию в получении высшего образования. 28–30 июня 1915 г., по представлению Игнатьева, Совет министров одобрил прием женщин на физико-математический факультет в Казанском университете, медицинский — в Томском и Саратовском, на юридический — в Томском университете.

В целом, весьма позитивной была реакция на проект нового устава и общие начинания министра в прессе (особенно показателен, помимо газетных выступлений ряда московских и провинциальных профессоров, также большой очерк положений нового устава ректора Петроградского университета Эрвина Гримма в двух номерах либерально-респектабельного журнала «Русская мысль»)[40].

Одним из главных административных предложений проекта, который начал реализовываться уже по мере его обсуждения, стало создание Совета по делам высших учебных заведений при министре народного просвещения (его курировал, а также чаще всего председательствовал на его заседаниях товарищ министра по делам высшей школы — Шевяков).

---

[39] ПФА РАН Ф. 2. Оп. 1-1915. Л. 36, 201–202, 237–238об.

[40] *Гримм Э.Э.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 109–122. № 5. С. 52–67.

В Совет в качестве постоянных членов входили, помимо руководителей Департамента народного просвещения и Отдела промышленных училищ Министерства, попечитель Петроградского учебного округа, ректоры Петроградского университета, петроградских Технологического и Женского медицинского институтов. Совет создавался для объединения управления всеми институтами ведомства МНП, а также для предварительного обсуждения нормативных документов и постановлений, регулировавших жизнь высшей школы. Он фактически заменил собой попечителей и, соединяя в себе централизующее и коллегиальное начало, выгодно отличал новый этап министерской политики от индивидуалистского и одновременно авторитарно-бюрократического стиля Шварца и, особенно, Кассо. Положение о Совете было утверждено Николаем II 22 марта 1916 г., и до конца этого года целый ряд его заседаний был посвящен насущным вопросам университетской жизни[41]. Прежде всего, это был крайне важный в условиях войны вопрос об открытии новых университетов, а значит и о подготовке столь нужных для фронта и народного хозяйства специалистов: врачей, химиков, ветеринаров и др. К началу войны в России существовали 10 университетов: в Москве, Петрограде, Казани, Киеве, Харькове, Одессе, Томске, Саратове, Варшаве и Юрьеве (Тарту, Дерпт); из них Саратовский открылся только в 1910 г., а два последних оказались в прямой близости от фронта военных действий вскоре после начала войны. В России война особенно болезненно подчеркнула нехватку специалистов с высшим образованием и педагогов для растущей сети средних школ (именно Игнатьев впервые поставил вопрос о всеобщем неполном среднем образовании как о цели правительственной политики). Наряду со специальными высшими учебными заведениями, только открытие новых университетов и расширение прежних могли помочь разрешению этих задач. Из организационных проектов периода войны стоит отметить инициативу по созданию специального химического отделения при физико-математических факультетах (в Петрограде и Харькове), а также о безуспешных попытках открытия медицинского факультета в составе Петроградского университета — вплоть до осени 1917 г.

12 июля 1916 г. в Совете министров был положительно рассмотрен вопрос об открытии новых учебных заведений, на основе подробного представления (21.06.1916) и всеподданейшего доклада (13.06.1916) Игнатьева по этому вопросу, одобренного Николаем II. Следует особо

[41] РГИА Ф. 733. Оп. 156. Д. 639. (статут Совета см. Л. 22–22об.).

отметить, что, при всем внешне абсолютно лояльном характере, планы Игнатьева фактически отменяли и пересматривали указания императора о достаточном количестве уже существовавших университетов (2 апреля 1912 г.), и даже непосредственную резолюцию Николая II о желательности открытия новых учебных заведений, по примеру Англии, в менее крупных городах (30 июня 1916 г.). Совершенно очевидно, что император руководствовался при этом политическими соображениями стабильности режима, для которого студенты были опасным революционным элементом. Игнатьев и его сотрудники, исходя из действительных потребностей воюющей страны, предлагали дополнить историко-филологическим и физико-математическим факультетами Саратовский и Томский университеты (до этого в Саратове действовал только медицинский, а в Томске — юридический факультеты). Также предполагалось при полном содействии городских муниципалитетов открыть в полном комплекте факультетов два новых университета: в Ростове-на-Дону на основе эвакуированного Варшавского и в Перми (вначале как отделение Петроградского университета)[42]. Вопреки резолюции Николая II, это были довольно крупные центры Прикавказского и Урало-Вятского регионов, весьма нуждавшихся в подготовке квалифицированных местных кадров. Следующими центрами, где по планам дальнейшего университетского строительства (записка Н. Палечека о ближайших задачах Министерства народного просвещения в области высшего образования февраля 1915 г.) предполагались Тифлис в Закавказье, Иркутск в Восточной Сибири и Ташкент в Средней Азии. Показательно, это все были территории не европейской части страны, где потребность в университетах была весьма высока, и местные гимназии вместе с реальными училищами обеспечивали достаточное количество абитуриентов. Списки городов-кандидатов на открытие университетов рассматривались также особым совещанием при министре просвещения в конце апреля — мае 1915 г. (с участием попечителей, ректоров университетов и ряда профессоров). Затем практические мероприятия по открытию Пермского университета перешли в ведение упомянутого ранее Совета по делам высших учебных заведений. Во второй половине 1916 г. главными его заботами были вопросы о комплектовании студентами существовавших российских университетов, меры помощи медицинских факультетов потребностям фронта

[42] См. подробнее: *Данилов А.Г.* Интеллигенция Юга России в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 2000.

и проблемы дополнительного финансирования университетов в связи с резким вздорожанием жизни.

С начала 1916/1917 учебного года в связи переполненностью студенческого состава центральных университетов, особенно Петроградского, решено было записывать на первый курс университетов только абитуриентов из соответствовавших учебных округов. Процентная норма приема лиц иудейского вероисповедания также была распространена с лета 1916 г. не только на государственные, но и на общественные и частные вузы. Ведь именно туда устремился основной поток евреев, имевших до войны возможность получать высшее образование за границей, преимущественно в Германии. Это особенно болезненно сказалось на работе такого крупного центра, как Психоневрологический институт в Петрограде (деятельность негосударственной высшей школы, в том числе Московского народного университета им. А.Л. Шанявского, регулировалась законом от 1 июля 1914 г.). Материальное положение преподавателей хотя и было несколько поправлено новым законом об улучшении состояния преподавателей от 3 июля 1916 г., но инфляция быстро сводила на нет эти прибавки, а новый проектируемый штат (в приложении к игнатьевскому проекту устава) с повышенными преподавательскими ставками так и не вошел в действие. Помимо вздорожания жизни, новых репрессивных мер в связи с ростом студенческого движения в 1915–1916 гг., особенно чувствительными для студенческого корпуса были мобилизации, проводимые Военным министерством (после отмены отсрочек для студентов университета постановлением Совета министров от 30 сентября 1914 г.).

Реформаторские устремления Игнатьева в условиях перманентного кризиса «верхов» с нарастанием тенденции к прямому «охранительству» самодержавных устоев привели, в конце концов, к его отставке в декабре 1916 г. Ориентация Игнатьева на широкую связь с думскими кругами, свобода от борьбы университетских партий позволила ему реализовать за два года своего пребывания во главе министерства практически весь возможный либерально-реформаторский потенциал исполнительной власти, неизменно присущий ей в качестве дополнения к ее основной, охранительно-административной функции. Занявший место Игнатьева бывший профессор-медик, консервативный попечитель Петроградского учебного округа Николай Кульчицкий ничем заметным за два оставшихся царскому режиму месяца себя не проявил[43].

---

[43] *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1912. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 345–346.

Университетский вопрос и революция

Первым министром просвещения Временного правительства стал бывший ректор Московского университета, уволенный Кассо в 1911 г., экономист и правовед Александр Мануйлов, член руководства кадетской партии и председатель Экономического совета Всероссийского совета городов с 1914 г. Мануйлов решительно поддержал программу автономизации высшей школы. Его циркуляром от 15 апреля 1917 г. факультетам была предоставлена возможность самостоятельно решать порядок замещения вакантных должностей, без последующего утверждения министерством[44].

Главным центром разработки новых мер по управлению университетами стала созданная по инициативе депутата Госдумы либерального профессора-зоолога Михаила Новикова Комиссия по реформе высших учебных заведений, начавшая заседать под его председательством с 21 марта 1917 г. (ее членами были Вернадский, непременный секретарь Академии Ольденбург, ректор университета Гримм, историк Гревс и другие профессора). Всего до октября 1917 г. прошло 40 заседаний этой комиссии[45]. Она приняла, на себя фактически в сильно расширенном виде все полномочия Совета по делам высших учебных заведений 1916 г. С августа в ее заседаниях участвовали также несколько представителей возрожденного Академического союза — профессиональной организации ученых и преподавателей, созданной в годы революции 1905–1907 гг. Одним из самых острых среди обсуждаемых был вопрос о месте студентов в управлении высшими учебными заведениями (общесоциальные права студентов были закреплены законом от 24 июня 1917 г.). Здесь сказывалось скрытое противостояние «старших» радикальным стремлением студенчества к «прямой демократии», а также желание профессоров сохранить свои полномочия в учебных делах и только что обретенную решающую роль в жизни университета. Сохранившиеся протоколы отражают, в частности, позицию Вернадского (с августа — товарища министра просвещения по высшей школе и научным учреждениям), признавшего необходимость компромисса в этом вопросе. Он, в частности, указал на связь движения студентов за представительство при обсуждении университетских дел с новыми политическими явлениями, вроде советов рабочих и солдатских депутатов.

---

[44] Журн. Министерства народного просвещения. 1917. Т. 71. № 10. С. 73–75.
[45] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 278.

Радикально демократические и эгалитарные устремления созданного в конце апреля 1917 г. для поддержки реформ снизу Государственного комитета по народному образованию резко разошлась с осторожной позицией Мануйлова и министерских чиновников, которые скорее следовали за переменами политических событий и не желали скоропалительных и неподготовленных преобразований в своей сфере[46]. Сотрудничество с этим представительным общественным органом было налажено лишь при следующих министрах — Сергее Ольденбурге с июля по сентябрь 1917 г. и профессоре-медике, уволенном Кассо с поста директора Женского медицинского института, общественном деятеле Сергее Салазкине, занимавшем это пост всего месяц, с 25 сентября по 25 октября 1917 г.

В основном, решения Комиссии по реформе высших учебных заведений продолжали и закрепляли инициативы времен Игнатьева: введение должности доцентов в университетах, создание дополнительных факультетов в университетах Саратова и Томска, учреждение Пермского университета, обсуждение планов университета в Тифлисе и Ташкенте. Университеты получили также право самостоятельно устанавливать свою структуру, в том числе и открывать новые факультеты. В сентябре 1917 г. по инициативе Вернадского в связи с некомплектом кафедр в университетах было разрешено замещать вакансии, не требуя необходимых по прежнему уставу степеней (ранее подобная льгота действовала только для самого географически отдаленного Томского университета). Представленные на обсуждение Комиссии по реформе высших учебных заведений 24 октября 1917 г. обширные записки Н. Палечека рисовали весьма многоплановые перспективы строительства сети университетов (свои предложения он обосновывал как экономическими соображениями, так и статистическими выкладками состояния средней школы в регионах). При этом речь шла уже не только о чисто научном назначении университета, но и об университетах нового типа, со значительной поддержкой со стороны местного самоуправления и наличием в их составе политехнического, промышленно-технологического или иного «прикладного» факультета[47].

---

[46] *Смирнов Н.* Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности) // Петроградская интеллигенция в 1917 году. Л., 1990. С. 4–22.

[47] РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 292. Л. 16–30. Ср.: Ф. 733. Оп. 156. Д. 561. Л. 126–128об.

Октябрьские события 1917 г. большинство университетских преподавателей встретили враждебно. В Петрограде Совет университета присоединился к протестам Академии наук и прочих ведущих научных и образовательных учреждений города по поводу захвата власти большевиками. Забастовки служащих Министерства просвещения (во главе с товарищем министра и видной деятельницей партии кадетов графиней Софьей Паниной) и попытки бойкота новой власти университетскими кругами в последние месяцы 1917 г. не возымели действия в условиях системного политического и экономического кризиса. 20 ноября 1917 г. декретом Совета народных комиссаров Государственный комитет по народному образованию, не поддержавший переворот, был распущен. Вскоре после II Съезда Советов начали работать новый Наркомат просвещения во главе с А.В. Луначарским и Государственная комиссия по просвещению, но глава отдела автономных высших учебных заведений в этих инстанциях — большевик И. Егоров (студент историко-филологического факультета Петербургского университета в начале 1910-х гг.) фактически не стал, да и не мог вмешиваться в конкретные дела высшей школы. Только после решений III Съезда Советов (январь 1918 г.) началась подготовка реальных шагов по преобразованию высшей школы[48]. Осуществленные советским правительством и Наркомпросом радикальные мероприятия, касавшиеся максимального упрощения правил приема, полного уравнивания в правах всех преподавателей высшей школы и ликвидации ученых степеней, пройдут уже летом–осенью 1918 г. (параллельно с двумя широкими совещаниями по реформе высшей школы). Тем самым, новой властью были не только развиты и превзойдены, но и во многом переиначены и даже искажены важные реформаторские попытки 1914–1917 гг. Из-за решающих политических перемен Февраля, а затем и Октября 1917 г. инициативы военного времени по демократизации высшего образования, расширению его географической сети и росту взаимодействия с хозяйственной и социальной жизнью страны были реализованы уже в принципиально иных политических и социальных условиях.

---

[48] *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938). Уфа, 1973. С. 85–105; *Смирнова Т.М.* История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 7–38.

К. Корнелисен

ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА[1]

Более двадцати лет мы молчали, теперь же у людей появилась внутренняя возможность рассказать, ибо уже не начертано надо всем этим «напрасно».

Герхард Риттер, 14 янв. 1936 г.

События августа 1914 г. у многих немецких интеллигентов вызвали мощное воодушевление. Не только художники, писатели и журналисты, но и многие молодые историки рвались на фронт не в последнюю очередь потому, что надеялись испытать там «переживание абсолютного»[2]. Примечательна в этой связи, прежде всего, необычайно глубоко укоренившаяся убежденность этих людей в том, что война как раз ученому-историку дает возможность значительно обогатить свои знания о действительности и расширить кругозор. Доброволец Ханс Ротфельс, например, в начале войны писал о «непосредственном лицезрении великого чуда — исчезновения индивидуальности»[3], и даже в начале 1916 г. немецкий (австрийский) историк Генрих фон Srбик из г. Граца находил веские мотивы для своего возвращения на фронт, хотя летом 1915 г. он уже отвоевал положенный срок. Он пишет, что «рассмотрел все, что говорит в пользу отказа от нового участия в военных действиях: жена и ребенок, приостановка научных занятий, которым и так слишком многое мешает, риск для здоровья, далеко не блестящего, и так далее. И все же не могу иначе: сила впечатлений, которые я приобрел летом 1915 года, и величие событий, которые, оче-

---

[1] Впервые опубликовано в кн.: Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918 // Hg. J. Dülffer, G. Krumeich. Essen, 2002. S. 311–337.

[2] *Verhey J.* «Der Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000. S. 211–226. Выражение «переживание абсолютного» принадлежит философу Максу Шелеру. *Scheler M.* Der Genius des Krieges und der deutsche Krieg. Leipzig, 1915. См. также Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg // Hg. W.J. Mommsen. München, 1996.

[3] *Conze W.* Hans Rothfels // 1983. Historische Zs. Bd. 237. S. 314.

видно, еще предстоят, влекут меня неудержимо». В 1915 г. он высказывал сходные соображения в разговоре с венским коллегой Хансом Хиршем: «Это военное время отнюдь не потеряно для ученого: ты получаешь впечатления, которые надолго останутся ценными, без которых потом, когда нынешние тревоги, волнения и жертвы будут позади, ты задним числом ни за что не захотел бы обойтись»[4].

Ничуть не соответствовали этим надеждам реальные процессы в развитии немецкой историографии после 1918 г. Уже довольно давно Райнхарт Козеллек в одном из своих замечательных историко-антропологических очерков заметил, что исторические познания, приобретенные историками побежденной стороны, как правило, постоянно опережали те знания, которые войны давали победителям, однако этого не скажешь о работах историков Центральных держав, написанных после 1919 г. В большинстве, эти ученые так и не сумели использовать свой фронтовой военный опыт для плодотворного пересмотра традиционных представлений и методов. Многие историки после войны сосредоточились на «нравоучительной дискуссии о невиновности», а серьезное переосмысление прошлого и новое понимание ценностей и методов, несмотря на политический переворот 1918–1919 гг., по существу не состоялось[5]. Начавшаяся сравнительно недавно дискуссия о проводившихся в 1920-е гг. и позднее исторических исследованиях народов и поселений (Volks- und Siedlungsgeschichte) показала, однако, что немецкоязычная историография тех лет совершенно не придерживалась традиционных методологических и теоретических принципов[6]. Стремления к пересмотру политических

---

[4] *Srbik H.R. von.* Die wissenschaftliche Korrespondenz des Historikers 1912–1945 // Hg. J. von Kämmerer. Boppard am Rhein, 1988, 52, 59 f.: Brief an Hans Hirsch vom 11. Juni 1915; Brief an Emil von Ottenthal vom 10. Januar 1916; Brief an Wilhelm Bauer vom 23. August 1915, 57f.

[5] *Koselleck R.* Erfahrungswandel und Methodenwechsel. Eine historisch-anthropologische Skizze // Hg. Ch. Meier, J. Rüsen Historische Methode. München, 1988. S. 52 f.; *Stern F.* Die Historiker und der Erste Weltkrieg. Privates Erleben und öffentliche Erklärung // Transit. 1994. Bd, 8. S. 116–136. О влиянии «синдрома Версаля» на творчество немецких историков см.: *Corneließen Ch.* «Schuld am Weltfrieden»: Politische Kommentare und Deutungsversuche deutscher Historiker zum Versailler Vertrag 1919–1933 // Versailles 1919. Ziele-Wirkung-Wahrnehmung / Hg. G. Krumeich. Essen, 2000. S. 291–316.

[6] *Faulenbach B.* Die Ideologie des deutschen Weges. Die deutsche Geschichte in der Historiographie zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1980. О народной истории и генезисе «народно-исторических научных сооб-

событий, усилившиеся после Версальского мира, привели, особенно в области «исследования народности» (Volkstumsforschung), к внедрению картографических и статистических методов в немецкоязычной исторической науке. Тогда же начинало формироваться междисциплинарное сотрудничество историков с лингвистами, демографами, а также социологами.

Не менее противоречивый результат дает рассмотрение вопросов об изучении немецкими историками Первой мировой войны и о литературном творчестве ученых, отображавшем их сугубо личное прошлое периода 1914–1918 гг. С окончания Первой мировой войны и до начала 1960-х гг. в научном творчестве бывших солдат обнаруживаются сложные процессы переосмысления и новой расстановки акцентов. Именно они стали причиной того, что поражение в войне и его последствия, сказывавшиеся на протяжении ряда лет после 1918 г., постепенно вытесняли, трансформировали и канализировали как сами воспоминания о войне, так и ее историографические отображения[7]. Вместе с тем, после 1918 г. для некоторых представителей военного поколения Первая мировая война, очевидно, оставалась живой реальностью в такой мере, что мы вправе считать, что прошлое для этих людей по-настоящему не стало прошлым. Марбургский историк Вильгельм Моммзен в 1940 г. настойчиво подчеркивал это обстоятельство: «Тот, кому было дозволено носить серую солдатскую шинель в горделивой битве мировой войны — неважно, каким был ее исход — не был бы немцем, если бы, сняв эту шинель, отказался от духа, который вдохновлял его, когда он ее носил»[8]. Начиная с 1919 г. аналогичный взгляд прослеживается и в размышлениях других бывших фронтовых бойцов. Например, Ханс Херцфельд после окончания войны писал о 1914–1918 гг. как о времени, «когда мы воспринимали внешний мир, наверное, предельно интенсивно и с незабываемой яркостью»[9].

ществ» см.; *Fahlbusch M*. Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Baden-Baden, 1999; Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Göttingen, 2000. См. также: Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hg. W. Schulze, O.G. Oexle/ Frankfurt am Main, 2000.

7 *Koselleck R*. Der Einfluß der beiden Weltkriege auf das soziale Bewußtsein // Hg. W. Wette. Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, 1992. S. 331.

8 *Mommsen W*. Politik und Kriegführung. Marburg, 1940. S. 23.

9 Brief Hans Herzfelds an Siegfried A. Kaeler vom 4. April 1958 // *Ritter G.A*. Hans Herzfeld. Persönlichkeit und Werk / Hg. O. Busch. Berlin, 1983. S. 21. По мне-

Влияние таких оценок на историографические работы отдельных историков фронтового поколения далее не анализируется во всей полноте. Наша задача скромнее — представить очерк, в котором на отдельных значительных переломных моментах в содержательном и временном анализе исследуется характер работы историков фронтового поколения, на протяжении десятилетий занимавшихся вопросами Первой мировой войны. Основополагающие предварительные размышления несколько лет назад опубликовал Эрнст Шулин[10], однако, его соображения нуждаются в углублении, необходимо также расширение временных рамок и привлечение новых обоснований с учетом прежде неизвестных источников. В центре нашего внимания — эволюция фрайбургского историка Герхарда Риттера. Уже вскоре после перемирия 1918 г. военные впечатления этого солдата, который провоевал более трех лет как на Восточном, так и на Западном фронте, приобретают форму записанных воспоминаний. И уже тогда Риттера интересуют вопросы о причинах войны и ее последствиях. В 1919 г. Риттер неоднократно обращался к листовке, написанной полковником Максом Бауэром и озаглавленной «Могли ли мы войны избежать, войну выиграть или прекратить?» Ученого не устраивают утверждения Бауэра о неполном осуществлении плана Шлиффена, не устраивает и его допущение о том, что германская армия вплоть до лета 1919 г. могла продолжать бои. «Это соответствует Шлиффену?» — пишет он на полях опубликованной листовки в 1919 г.[11]

нию Зигфрида А. Кэлера, которое он высказал в 1929 г., пережитое во время Первой мировой войны было «уникальным для осознания нашей современности». См.: *Kaeler S.A.* Vom geschichtlichen Erlebnisgehalt der Versailler Schuldthese. Breslau, 1929. Людвиг Дейо после Второй мировой войны 18 января 1946 г. написал по требованию американских оккупационных властей автобиографию, в которой, говоря о своей солдатской службе на Первой мировой, пояснил: «В армии я в целом чувствовал себя хорошо, контраст с моей прежней жизнью ученого чрезвычайно благотворно на меня подействовал...» Staatsarchiv Marburg, Bestand 307d, Nr. 411, Acc. 1967/11 (Depositum der Philosoph. Fak. der Universität Marburg). Эти сведения о Дейо мне любезно сообщил г-н Томас Беккер в г. Дюссельдорфе.

[10] *Schulin E.* Weltkriegserfahrung und Historikerreaktion //Hg. W. Küttler u.a. Kriesenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945. Frankfurt a.M., 1997. S. 173–178.

[11] Личный экземпляр написанной Риттером аннотации книги Бауэра находится в научной исторической библиотеке Университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе.

Окончательный ответ на этот вопрос Риттер находит лишь в ходе работы над четырехтомным исследованием «Искусство государственности и ремесло войны», последняя часть которого вышла уже после смерти автора в 1968 г. Но даже та первая пометка на полях свидетельствует о том, что его воспоминания о войне не были стабильными, а были продиктованы конъюнктурными соображениями. Они изменялись, начиная с 1918 г., по мере рассмотрения Риттером конкретных последствий войны, отчасти были полностью пересмотрены им и, как будет показано ниже, под впечатлением опыта тотальной Второй мировой войны побудили Риттера к углубленному научному изучению истории Первой мировой войны.

Таким образом, поскольку далее мы намерены исследовать продолжающееся присутствие Первой мировой войны в сознании многих немецких историков фронтового поколения, необходимо более строго, чем это делалось раньше, подойти к вопросу о диахронии представлений о последствиях войны, а также о зависимости этих представлений от военных воспоминаний и постоянно приумножавшегося нового, актуального опыта[12]. В этом отношении нужно хронологически уточнить и изучить четыре фазы, начиная с первой, 1914–1918 гг., когда военные события в жизни каждого историка преломлялись по-разному, в зависимости от места прохождения службы и ее срока. Вторая фаза охватывает период после поражения Австрии и Германии и до середины 1930-х гг. Для этого периода отмечается амбивалентность оценок, которая в трудах историков проявляется в самых разнообразных прямых и косвенных высказываниях о военных событиях. С другой стороны обращает на себя внимание упорное молчание авторов об их участии в войне и собственных военных впечатлениях. Третья фаза охватывает годы от «военной суверенности» при национал-социализме и до окончания Второй мировой войны. Здесь можно отметить при-

[12] Странно, что этот вопрос почти не заинтересовал авторов сборника Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. J. Duppler, G.P. Groß. München, 1999. Влиянию современной исторической науки там, впрочем, и вообще уделено мало внимания. О развитии новейшей историографии см.: *Thoß B.* Militärische Entscheidung und politisch-gesellschaftlicher Umbruch. Das Jahr 1918 in der neueren Weltkriegsforschung. Там же С. 17–37. О новейших методологических воззрениях см.: *Rosenthal G.* Erzählbarkeit, biographische Notwendigkeit und soziale Funktion von Kriegserzählungen // Der lange Schatten. Widerspruchsvolle Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg aus der Mitte Europas 1939–1989 / Hg. K. Hartewig . Opladen, 1993. S. 6–24.

мечательную интенсивность научных исследований Первой мировой войны, предпринятых бывшими фронтовиками. Наконец, мы сделаем некоторые выводы о наличии последовательности в отношении историков к событиям Первой мировой войны и о попытках пересмотра оценок и суждений в период до середины 1960-х гг., то есть до начала спора вокруг трудов Фишера.

Пережитое на войне немецкими историками фронтового поколения

«Жизнь в Менине великолепна. Делать вовсе ничего не надо. Живу в славном, чистом и уютном доме, здесь всюду старинный фарфор, начищенная латунь, есть красивый маленький садик. Рисую и езжу верхом. Последнее — с великим удовольствием. <...> На рыночной площади бывают концерты, словом, у нас тут небольшой гарнизон в условиях тишайшего мира».[13] Это отрывок из письма Людвига Дейо от 18 июля 1915 г. В то время его автор находился на отдаленных от фронта позициях немецких оккупационных войск в Бельгии и исполнял обязанности «судебного офицера», то есть жизнью не рисковал. По его собственному признанию, жилось ему почти как «помещику» (письмо от 18–20 сентября 1915 г.).

Многочисленные упоминания о «нервном напряжении», заметном у многих солдат, которых приходилось допрашивать в связи с «самовольными отлучками» и прочими проявлениями «трусости», говорят, впрочем, еще и о том, что жизнь в отдалении от передовой не исчерпывалась личными коллизиями и интригами среди «честолюбцев, мечтающих об орденах», на которые постоянно жалуется Дейо (28.07.1915).

Несколькими месяцами ранее Дейо пришлось пережить нечто совсем иное. В ноябре 1914 г. он, ротный командир, впервые оказавшись на передовой, изведал, «что такое артиллерийский огонь». Большинству офицеров, призванных из запаса, в такие моменты, как отмечает страсбургский историк Дейо, «ужасные нервные переживания были не по силам». Однако он не хотел бы отказаться от опыта тех лет: «В известных временных рамках здешняя жизнь невероятно привлекательна». В связи с дальнейшим развитием боевых действий на Западном фронте, в апреле 1915 г. он даже вообразил, что находится «в средоточии мировой истории».

[13] Копии писем Людвига Дейо любезно предоставлены г-ном Георгом Дейо из г. Реппенштедта. Все цитируемые места заимствованы из его собрания.

Но через несколько недель война предстает ему во всей своей беспощадностью. В начале мая в блиндаж, где находился Дейо, попадают три зажигательных снаряда: «Я не уверен в своих нервах, так что не буду это описывать. Кругом убитые, умирающие, задыхающиеся, заваленные деревянными конструкциями, невозможно пошевелиться, удушающий дым...»[14]. Дейо тогда спасли; после войны он вошел в число тех немецких историков, которые, вместе с другими участниками войны, стали прототипами возвышенного, облагороженного и зачастую мифического образа фронтовика, активного воина.

Первая мировая война имела длительное влияние на общественные настроения и образ мыслей современников после 1918 г., о чем сохранилось немало свидетельств. Не было недостатка и в попытках рассказать об этом воздействии войны на различные поколения. В особенности это относится к поколению фронтовиков, то есть людей, родившихся в период трех последних десятилетий XIX в.[15] Среди наиболее примечательных высказываний об этом поколении заслуживают внимания наблюдения Эрнста Гюнтера Грюнделя, который уже в 1932 г. предпринял дифференцированное исследование военных впечатлений людей, принадлежавших к различным возрастным группам, и имевшим соответственно различный жизненный опыт. В работе Грюнделя плодотворно, прежде всего, разграничение возрастных групп призывников, которые «отправились на войну, разом оставив более или менее надежное положение в жизни и стойкое мировоззрение», и солдат 1890-х гг. рождения, т.е. более молодых людей. Эта молодежь, — пишет Грюндель, — «совсем зеленая, все остро воспринимающая, а острее всего — великое и ужасное». И как раз в их рядах, — отмечает Грюндель, — следует искать подлинных носителей «военного и фронтового опыта».

Данная мысль Грюнделя требует дальнейшей конкретизации, однако в глаза сразу бросается то, что после 1919 г. военные наиболее молодого возраста быстрее, чем их более старшие товарищи выразили

---

[14] Пражский историк Антон Эрнстбергер во время Первой мировой войны пережил еще более тяжелое событие. Он был ранен и, поскольку его считали мертвым, едва не похоронен. Спасла его только случайность — один из солдат заметил, что он жив. См.: *Fuchs W.P.* Anton Ernstberger 1894–1966 // Jb für fränkische Landesforschung. 1967. Bd. 27. S. 1–14.

[15] На войну не призывались лица 1900–1901 гг. рождения. *Gründel E.G.* Die Sendung der jungen Generation. Versuch einer umfassenden revolutionären Sinndeutung der Krise. München, 1932. S. 24.

свое стремление дополнить традиционные методы историографии новыми и заниматься новой тематикой[16].

За исключением немногих, например, мюнхенца Карла Александра фон Мюллера, историки после 1919 г. располагали значительным военным опытом, какого не было у их современников и коллег, а именно опытом непосредственного участия в военных действиях[17]. Грюндель полагает, что именно тогда каждый отдельный человек «возможно, постиг последние основы бытия».

Однако на деле так называемые фронтовые впечатления, о которых мы судим на основе оставленных фронтовиками свидетельств, (при том, что источники и документы зачастую имеют фрагментарный характер), многое предстает в совершенно ином свете[18]. По дошедшим до нас подлинным письмам с фронта и воспоминаниям немецких историков — участников войны, восстанавливается очень противоречивая картина. Героическое возвеличивание собственных боевых заслуг и описание своего участия в боях встречается крайне редко. На переднем плане обычно находится опыт, связанный с превращением динамичной войны в позиционную, и все тяготы, вытекающие из неимоверно трудных условий окопной войны, но... отчасти и «приятные» ее свойства[19].

О подобных впечатлениях рассказывает, например, в своих письмах Л. Дейо. Он писал их в ноябре 1914 г., находясь на Западном фронте в Бельгии и поначалу пребывая, по его словам, «в настроении веселом,

---

[16] Список немецких, австрийских и швейцарских историков-фронтовиков не является полным и заимствован из издания: Biographisches Lexikon zur Geschichtswissenschaft in Deutschland, Österreich und der Schweiz; die Lehrstuhlinhaber für Geschichte von den Anfängen des Faches bis 1970 / Hg. W. Weber. Frankfurt a.M., 1984. Автобиографические и биографические данные нами почерпнуты в следующих справочно-биографических работах: Biographische Enzyklopadie; Wer ist's (1928; 1935); Neue Deutsche Biographie; Badische Biographien; Kürschners Deutscher Gelehrtenkalender; и мн. др.

[17] Подробная информация о старшем фронтовом поколении немецких историков в форме таблицы опубликована в немецкой версии статьи. См.: Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918 // Hg. J. Dülffer, G. Krumeich. Essen, 2002. S. 311–337.

[18] *Ulrich B., Ziemann B.* Das soldatische Kriegserlebnis // Der Erste Weltkrieg / Hg. W. Kruse. 2.Aufl. Frankfurt a.M., 2000. S. 127–158.

[19] Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit / Hg. B. Ulrich, B. Ziemann. Frankfurt a.M., 1994; *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–33. Essen, 1997.

а то и разудалом»[20]. До своего тяжелого ранения в мае 1915 г. страсбургский историк много раз участвовал в боевых действиях. В первое время он испытывал «сильное любопытство к окопам» (18.11.1914) и находил, что «здешняя жизнь необычайно интересна» (19.11.1914). Но весьма скоро в письмах появляются жалобы на «невыносимую, непостижимую грязь», которая все больше отравляла будни солдат в условиях позиционной, окопной войны. Несмотря на все трудности, и понимая, что ни своя армия, ни противник не могут хотя бы немного продвинуться вперед, Дейо в декабре 1914 г. еще мечтает об основании немецкой «Средней империи» в Европе. Тут Дейо проявил себя как восприимчивый объект немецкой военной пропаганды, — он полагает, что основание такого государства это первоочередная задача Германии в войне. А «вторая — поквитаться с Англией» (5.12.1914). Кроме того, Дейо все больше симпатизирует идее «присоединения Бельгии». Ему кажется, что немецкий народ, в сущности, совершенно наперекор собственной воле принужден «вспомнить старую империю и старые задачи». А, вспомнив, он в будущем определенно сможет «вместе с Америкой, Англией и Россией осуществить покорение и раздел мира». Но в то же время Дейо сознает, что именно фронтовые бойцы «не имеют никаких известий об общем положении» и соответственно не могут серьезно о нем судить. Эта мысль перекликается с содержанием писем Зигфрида Кэлера, которые, однако, отличаются трезвостью оценок. Так, Кэлер, которого сначала не взяли на службу из-за слабого здоровья, но с октября 1915 г. все же приняли солдатом-добровольцем на Западный фронт, в том же месяце констатировал, «что неудача наступления на востоке и новое наступление на западе должно было открыть глаза опьяненным победами пангерманцам на то, что мы не выступили в поход ради покорения мира, а все еще вынуждены воевать за сохранение нашего народа и нашего государства». И позднее ни о радости по поводу победы, ни о желании завоевать весь мир в его письмах нет речи, Кэлер, напротив, пишет, что ощущает свою зависимость от неких сил, неподвластных влиянию отдельного человека[21].

Сходное признание мы находим в письмах Герхарда Риттера. До начала войны он был преподавателем гимназии в Магдебурге. На вой-

---

[20] Письмо Людвига Дейо родителям от 12 ноября 1914 г.

[21] *Bußmann W.* Siegfried A. Kaeler: Persönlichkeit und Werk. Ein Essay // Siegfried A. Kaeler: Briefe 1900–1963 / Hg. von W. Bußmann, G. Grünthal. Boppard am Rhein, 1993. S. 47.

не он исполнял различные обязанности. Назовем лишь некоторые: Риттер был активным бойцом, наблюдателем сражений и их «истолкователем», пропагандистом. В качестве наблюдателя Риттер предстает на страницах своих писем уже вскоре после прибытия на Восточный фронт — 5 апреля 1915 г. В середине апреля он пишет родителям: «Наблюдать сражение невероятно интересно. Ведь, сидя в земляных укрытиях, почти всегда играешь роль зрителя». После битвы на Сомме, в которой Риттер принимал участие с 30 августа по 18 сентября 1916 г., в одном из писем он отмечает: «То, что я там видел, дало мне во всех отношениях новое понимание этой войны»[22].

Весной 1917 г. Риттер участвовал в отражении двух мощных атак французов, после чего от его былого оптимизма относительно возможностей успешного прорыва немецкой армии не осталось и следа. Подобная мысль, пишет он, — полнейшая чушь, как и вообще помышления о каком-либо оперативном движении: «Если все холмы и деревни кишат людьми, битком набиты пулеметами и пушками, то нет никакого ведения войны, с обеих сторон происходит лишь тупое массовое убийство»[23]. И в марте 1918 г. он сообщал как очевидец военных событий: «Здесь происходят очень странные вещи, война еще никогда не была так интересна, как теперь. Если бы только интерес к войне вообще всем уже не осточертел»[24]. В остальном записи Риттера отражают специфический опыт позиционной войны, осознание противоположности между фронтом и родиной, между военными и гражданским населением. И в последнем случае Риттер обсуждает конфликты между офицерами и рядовыми, а также сложности, связанные с разным уровнем образованности у различных чинов.

Темы, затронутые немецкими историками в письмах с фронта, во многом совпадают с тем, что отражено Марком Блоком в его «Воспоминаниях» о Первой мировой войне. Однако, если сравнить письма немцев и воспоминания их французского коллеги в плане воздействия на современную историческую мысль, сразу становится ясно: несмотря на

---

[22] Bundesarchiv Koblenz (далее — BAK), Nl. Ritter, 1166/446. (Открытка Г. Риттера родителям от 21 ноября 1916 г. См. также письмо Л. Дейо его бабке от 23 апреля 1915 г.).

[23] Письмо Г. Риттера к Г. Витте от 16 мая 1917. С. 202 и след. См.: Gerhard Ritter: Ein politischer Historiker in seinen Briefen / Hg. K. Schwabe, R. Reichardt R. Boppard am Rhein, 1984. (далее — Ritter, Briefe).

[24] Письмо Г. Риттера к родителям от 17 марта 1918 г. BAK, Nl. Ritter, 1166/448.

многочисленные чисто формальные моменты сходства в восприятии, непосредственное синхронное осмысление историками конкретных, лично пережитых событий определялось содержимым «интеллектуального солдатского ранца» этих ученых-фронтовиков. Иначе говоря, тем, как ими был осмыслен и психологически переработан материал военных событий непосредственно во время войны. Очевидное различие состояло в том, опиралось ли это осмысление событий войны на методические положения такого философа как Эмиль Дюркгейм, что очевидно в «Воспоминаниях» Блока, или же на идеалистическое самосознание последователя Л. Ранке, каким был Риттер, иначе говоря, на политический консерватизм историка конца эпохи Вильгельма. Различным был путь социализации историков, различались социальные и религиозные условия среды, из которой они происходили. Благодаря этим факторам происходила фильтрация событий, а их осмысление приобретало то или иное направление[25].

Например, Дейо, сына искусствоведа, как ни странно, оставляет без комментариев вызванные войной разрушения. Судя по его письмам, он, скорее, воспринимал «мир на войне за линией фронта» (20.11.1915) как неплохую возможность совершать дальние верховые прогулки и обстоятельно описывать ландшафты и города. Неслучайно он постоянно носил с собой блокнот для эскизов. Осматривая Турне, город с множеством построек XIV в., он «научился высоко ценить это время» (15.11.1915). И даже стал «вдохновенным почитателем» бельгийских ландшафтов, а 23.08.1915 написал своей бабке: «Я стал исключительно зрителем. Ночью стою перед моим бараком, смотрю, как озаряют горизонт трепещущие конусы света прожекторов и вспышки взрывов, слушаю шум и гул тяжелых орудий и прочие ночные звуки, выстраиваю разные военные и политические комбинации». Однако ни в те дни, ни после войны Дейо не почувствовал потребности в осмыслении своих наблюдений под углом зрения историка. Вместо того он с известным оптимизмом взвешивал шансы на успех экспансии Германской империи, которая должна была бы следующим ударом «пробить стену мелких государств, отделяющих нас от Турции». А «последний удар» будет нанесен по Кале и оттуда — по Англии, так как иначе не видать немцам покоя. Конечно, при такой занятости этими планами у Дейо не оставалось времени на проблемы исторического восприятия событий. Нечто подобное мы

[25] *Kosellek*. Der Einfluß der beiden Weltkriege. S. 326 f. О реакции британских и американских историков в их работах см.: *Stern*. Die Historiker…

наблюдаем и в случае гамбуржца Перси Эрнста Шрамма, который в возрасте 19 лет пошел воевать добровольцем, но на фронте вскоре отрезвел и проникся отвращением к пафосу, царившему в буржуазных кругах, выходцем из которых он был. Хотя наставник Шрамма Аби Варбург еще во время войны настоятельно подчеркивал, что Шрамму нужно побыстрее научиться «все-таки смотреть на мир глазами историка», Шрамм на протяжении всей войны обольщался иллюзиями насчет победы германского оружия[26].

Блок, напротив, отличался большой чуткостью и мог опираться на свой опыт научной социализации, состоявшейся еще до войны; будучи наблюдателем, он обратил внимание на то, какое большое значение в условиях позиционной войны приобретает местность, где приходится действовать людям, а также морфология ландшафта. Отсюда им были сделаны выводы о психологии и познавательных способностях участников войны. Кроме того, в «Воспоминаниях» Блок обсуждает центральную философскую проблему познания времени в условиях войны. Ученому удалось постичь феномен растяжения и сокращения субъективного времени, а также зависимость восприятия времени от реальной и воображаемой степени опасности, который он понимает как важный элемент эпистемологической проблематики. По его мнению, не «реальное» время было действительно важно, а существование времени в системе тех или иных смысловых сетей. Как убедительно показал Ульрих Раульфф, особые условия позиционной войны стали для Блока определяющими факторами «продуктивного перелома в восприятии», поскольку Блок сумел внимательно проследить историческую динамику ландшафта в позиционной войне[27]. Но нам ничего не сообщается о фронтовом опыте, который между тем и побудил французского историка в 1920-х гг., изучая роль и воздействие слухов, сформулировать известный тезис о «высказываниях, объективно непригодных для

---

[26] *Grolle J.* Der Hamburger Percy Ernst Schramm — ein Historiker auf der Suche nach Wahrheit. Neumünster, 1989. S. 13.

[27] *Bloch M.* Souveniers de Guerre, 1914–1915 (=Cahiers des Annales 26). Paris, 1969. Речь идет о дневниковых записях с 10 августа 1914 до 5 января 1915 г. См. также: *Bloch M.* Ecrits de guerre 1914–1918 / Hg. A.-R.von Stephan Paris, 1997; *Bloch M.* Reflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre [1921]; *Bloch M.* Historie et Historiens. Paris, 1995. P. 147–166; *Bloch M.* Aus der Werkstatt des Historikers. Zur Theorie und Praxis der geschichtswissenschaft. Frankfurt am M., 2000; *Raulff U.* Marc Bloch. Ein Historiker im 20. Jahrhundert. Frankfurt am.M., 1995. S. 99 f.

сообщения истины»; однако, с методической точки зрения эти работы были проникнуты духом позитивизма[28].

В годы войны немецкие историки, как уже отмечалось, делали аналогичные наблюдения, о чем свидетельствуют письма с фронта. В них достаточно намеков на то, какую роль играли слухи. Однако немецкие историки подходят к данному материалу, как и к другим вопросам, иначе, нежели Блок. Одной из причин этого можно считать примечательную готовность историков прямо-таки «охотно» принимать на веру ложные, но внушавшие оптимизм слухи о военном положении немцев. У Риттера эта черта, очевидно, была обусловлена его христианским, протестантским, вероисповеданием и приверженностью прусскому идеалу верности долгу, который застил историку глаза не хуже пропагандистского тумана. В условиях позиционной войны с ее бесплодным ожиданием Риттер, конечно, понял, что возможность быть убитым воспринимается человеком «совсем не как “смерть героя”, не как собственное деяние и достижение». Сам себе поэтому «вовсе не кажешься великим, — наоборот, ощущаешь себя крохотным, игрушкой в незримой руке, “пылинкой на катящемся колесе” — и все же в глубине души чем-то большим»[29]. Свои сомнения, высказанные в данном письме и во многих других, убежденный протестант Риттер снова и снова отметает[30]. Это же происходит и тогда, когда Риттер испытывает принципиальные сомнения относительно смысла германской военной авантюры в целом. Он и тут находит утешение в своей непоколебимой вере «в незримое руководство со стороны божественной воли». Ничего не поделаешь: «Надо снова и снова черпать мужество в невыносимо трудной вере в будущее нашего народа, на которое влияют тысячи разных страхов, в волю творца, сокровенно — в глубочайшей тайне — направляющей мировые события согласно велениям разума, против которого, правда, восстает наш рассудок и все наши человеческие чувства. <...> Отдаться этой таинственной, незримой и благой творческой воле <...>

---

[28] *Raulff U.* Marc Bloch. Ein Historiker im 20. Jahrhundert. S. 145–148.

[29] Письмо Г. Риттера к родителям от 24 августа 1916 г. BAK, Nl. Ritter, 1166/446a.

[30] Письмо Г. Риттера к родителям от 31 августа 1916 г. Там же. Характерны и его размышления о фронте родины, например, в письме к Г. Витте от 12 декабря 1914 г: «Природа пылинки, свойственная нашему жалкому земному бытию, проповедуется тут буквально громоподобно и каждый день на новый лад». *Ritter.* Briefe.

и обрести в ней покой — как же это трудно»[31]. Даже вспоминая фронт в первые послевоенные годы, Риттер по-прежнему считает «сильное чувство простого долга» единственным руководящим принципом собственных поступков и мыслей; выстроенная им последовательность весьма показательна для самосознания Риттера: «Против Бога, против отечества, против тебя самого»[32]. Этот, понимаемый специфически по-немецки, «идеализм долга» Риттер с первых дней войны исповедует непреклонно. И в этом он был далеко не одинок среди немецких историков фронтового поколения. Даже католик Франц Шнабель, в годы войны весьма сдержанно относившийся к требованиям экономической автаркии и культурной автономии Германии, которые выдвигались, прежде всего, Вернером Зомбартом, все же попал под влияние «идей 1914 года». Конфессиональное перемирие с братьями по оружию — протестантами — не заставило Шнабеля забыть о своей привязанности к французской культуре, и все-таки во время войны мысль о германской геополитике, подчиненной культурной миссии немцев, нашла у него отклик[33].

Неослабевающая память о войне и молчание историков после 1919 года

«Позвольте мне умолчать о нашей ужасной катастрофе; я хотел бы лишь одного — снова надеть военный мундир и снова воевать моими малыми силами, но не с внешними врагами, а с разрушителями Австрии и славянскими ненавистниками нашего народа». Это гневная тирада Србика в письме Освальду Редлиху от 30 октября 1918 г. заключает в себе два момента, которые, несомненно, важны для понимания образа мыслей историков — участников войны в первые годы после 1918 г. Во-первых, здесь отразилось настроение глубокой подавленности,

---

[31] Письмо Г. Риттера к Маргарете Риттер от 1 мая 1917 г. Staatsarchiv Marburg, Nl. Karl Bernhard Ritter, 340 Ritter b, Nr. 146. Близки к этому высказывания Риттера в письмах к родителям от 20 марта и от 4 апреля 1917 г. «Чувствуешь лишь сильную жестокую руку того могущественного, кто мудро направляет все чудовищное целое!» BAK, Nl. Ritter, 1166/446a.

[32] *Ritter G.* Rede auf die gefallenen Philister // Dem Gedächtnis der im Weltkrieg 1914–1919 gefallenen lieben Philister, Inaktiven und Aktiven des Heidelberger Wingolf gewidmet S. l. [1919]. S. 8f.

[33] *Hertfelder Th.* Franz Schnabel und die deutsche Geschichtswissenschaft, Bd. 1. München, 1998. S. 126–140.

вызванное поражением и революционными событиями в Центральной Европе. Во-вторых, бывший фронтовик говорит о своей готовности снова броситься в бой, но теперь уже вести войну не только против внешних, но и против внутренних врагов. Эта оценка положения в то время была характерной для многих историков. Кэлер также в ноябре 1918 г. размышлял о том, что у него еще есть «офицерская сабля», которую он «заслужил перед лицом врага», и он «когда-нибудь снова станет солдатом... когда?» [34]

То же настроение было и у Герхарда Риттера, чье отношение к исходу войны оставалось удивительно неопределенным вплоть до окончания кризиса в Рурской области. В его оценках военных и политических процессов в то время обнаруживается вся широта диапазона от патетических возгласов до точного скрупулезного анализа ситуации. Первые сообщения о поражении Германской империи и о революционном движении повергли Риттера в глубокую депрессию: «Невозможно ни о чем думать, слышать, что-то обсуждать, даже в письмах, кроме постигшей отечество в эти дни столь колоссальной, ужасной беды: генеральное наступление на всех фронтах в двух частях света, предательство в стенах осажденной крепости! Кажется, будто все — давно переплавленные на пушки — колокола родины днем и ночью звонят и уже охрипли от своего горестного вопля: Господи, помилуй! <...> Германия, выдержи в буре атак, выдержи, выдержи!» [35] Такого конца войны Риттер не ожидал даже в самые «черные часы». Однако со временем оказалось, что для понимания взглядов и самосознания историка более важно другое — Риттер достаточно рано отметил и позитивное воздействие, которое сломленное «героическое мужество» оказало на характер немцев. С этой точки зрения все жертвы, по Риттеру, действительно не были «напрасными»: «Я уже говорил, что это завершение войны сокрушило меня. И все-таки я верю, при всем горе и всей горечи: не было “напрасным” то, что мы в течение четырех лет, даже дольше, могли выстоять против всего мира, нет, не было ни одной напрасно пролитой капли крови, ни одной слезы, ни одного акта мужественного терпения. И это навсегда останется в нашей истории. Когда-нибудь это принесет плоды для нашего народа...» [36]. Несмотря на то, что Рит-

[34] Письмо Кэлера к Дагмар Лобе от 20 ноября 1918 г. Kaeler, Briefe.

[35] Письмо Г. Риттера к родителям от 1 октября 1918 г. BAK, Nl. Ritter, 1166/446a.

[36] Письмо Г. Риттера к родителям от 7 октября 1918 г. Там же.

тер считал поражение Германии в войне катастрофой, его взгляд был устремлен на будущее страны. Ибо «древний великолепный немецкий народ» и в «новом, ставшем тесным и сером мире <...> не даст себя уничтожить». Уже с 1919 г. в письмах Риттера появляются ключевые понятия, которые затем станут центральными в его политической публицистике 1920–1930-х гг. Речь идет об «историческом наследстве» немцев — «авторитете и дисциплине и беззаветной преданности государству»; это наследие, пишет Риттер, однажды еще проявит себя, возможно, — в радикальных государственных формах[37].

Кроме того, совершенно очевидно, что представители военного поколения немецких историков после Первой мировой войны сами себя считали сплоченным и постоянно поддерживавшим взаимные контакты сообществом. В их работах, но, прежде всего, в письмах друг другу, мы находим убедительные свидетельства этих взаимоотношений представителей одного поколения. В опубликованных и неопубликованных размышлениях о войне проступает даже нечто вроде миссионерской идеи, которую можно рассматривать как характерную черту мышления этих историков. Как писал в 1935 г. Ханс Ротфельс, они чувствовали себя представителями поколения, оказавшегося «в определенной ситуации, о предпосылках которой, разумеется, говорили неохотно». Это способствовало тому, что о своих собственных военных впечатлениях они не пишут вообще или упоминают их крайне скупо. Ротфельс констатировал также, что для «случайно уцелевшего, чьи индивидуальные мнения и поступки не столь важны», подобное, в сущности, непозволительно: «однако он знает также, что навсегда поставлен “в строй” и обязан передать другим свое завещание»[38].

Формы, в которых выражалось это завещание, менялись в зависимости от характера военного опыта, но также и в соответствии с выводами, которые историки из этого опыта сделали. Можно подвести общий итог: почти все фронтовики-историки после 1918 г. были привержены историческому пессимизму, который они снова и снова противопоставляли

---

[37] Письмо Г. Риттера к родителям от 15 октября 1918г. Там же.

[38] *Rothfels H.* Ostraum, Preußentum und Rechsgedanke. Historische Abhandlungen, Vorträge und Reden. Leipzig 1935. Vorwort. S. V.; см. также более поздние высказывания Ротфельса: в 1952 г., в лекции по случаю вступления в должность он размышлял о «содержательном опыте поколения, которое пережило две мировые войны весьма различного рода». *Rothfels H.* Zur Krise des Nationalstaates // Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Göttingen, 1959. S. 124.

самодовольству историков старшего возраста. «Как водится, военные впечатления быстро привели к утрате никчемных иллюзий», — пессимистически отмечает Ханс Херцфельд в своих воспоминаниях о войне, в которых он, как и другие историки, бывшие фронтовики, притязал на воссоздание непосредственной реальной картины тогдашних событий[39]. Гораздо большую известность получила оценка Зигфрида Кэлера, сформулированная в январе 1919 г.: самого себя, писал он своему преподавателю и руководителю Ф. Майнекке, он уже не причисляет к тем, кто считает, что у отечества вообще есть будущее. Развитие событий ясно показало: «мы не обладаем даже “самостью”, чтобы чувствовать себя неким единством; об этом мы, глупые фронтовые солдаты, когда-то мечтали. То, что произошло, показало, что половина народа, по крайней мере, народа нашей родины, душой были в лагере противника»[40].

Однако после 1919 г. «фронтовые историки», исходя из соответствующих оценок политического положения, считали себя хранителями «завещания», что побуждало их, как и академических наставников более старшего возраста, невзирая на революционный переворот 1918–1919 гг., продолжать традицию консервативного понимания своего долга перед государством. В этом смысле они и после 1919 г. остались способными учениками своих учителей, которые, кстати, в ряде случаев позаботились о возвращении недавних фронтовиков к научной деятельности. Это привело к тому, что в течение длительного времени Первая мировая война была для историков фронтового поколения непосредственной темой и предметом их исследований, еще чаще вопросы ее истории затрагивались косвенно; однако свой собственный, личный фронтовой опыт подробно не исследовался. Умолчание о личных впечатлениях стало третьей характерной чертой историографии после 1919 г. Так, Фриц Хартунг во время войны подчеркивал, что солдатская жизнь для него «как историка» была «сильным переживанием». Но после войны Хартунг молчит о конкретных личных впечатлениях, и точно так же отмалчиваются многие его сверстники.[41]

---

[39] BAK, Nl. Herzfeld, Bd. 3, 1, 1. Weltkrieg Kriegsfreiwilliger 1914–1915. S. 19.

[40] Письмо Зигфрида Кэлера к Фридриху Майнеке от 22 января 1919 г. *Meinecke F.* Ausgewählter Briefwechsel / Hg. L. von Dehio, P. Claasen. Stuttgart, 1962. S. 329.

[41] Staatsbibliothek zu Berlin, NL Fritz Hartung, XVI, 1, «Meine Erinnerungen an der Ersten Weltkrieg 1914. Aufzeichnungen begonnen im Juni 1915 im Genesungsheim bei Seelbach, Nachträge im Frühjahr 1918», f.91. См. также: *Schochow W.*

Существенной причиной их молчания было заметное после 1919 г. перенасыщение военных воспоминаний материалами, в которых внимание сосредоточивалось на положениях Парижского мирного договора, многими историками воспринятого как «катастрофа». Начиная с 1918 г., борьба против так называемого «диктата о виновности в войне» и репараций еще больше сплотила все поколения немецких историков. Однако некоторые, хоть и немногие представители старшего поколения, в том числе Фридрих Майнекке и Герман Онкен, еще в момент политического переворота пошли по пути понимания новых условий, тогда как у большинства их учеников сформировалось решительное неприятие новой политической системы. Среди молодых были, впрочем, Вильгельм Моммзен, Франц Шнабель и Отто Беккер, выступившие в то время за укрепление республики[42].

Последствия, которые данная ситуация имела для историографии, были очень различными. Кэлер, поддавшись эмоциям, в 1920–1930-е гг. заявил о своей приверженности «реалистическому пониманию истории», которое, по крайней мере, в написанной Кэлером биографии Вильгельма фон Гумбольдта, следует расценить как атаку на индивидуализм историков старшего поколения[43]. Группа молодых историков — бывших фронтовиков обратились к истории немецкого народа. «Дом, в котором немецкая историческая наука обосновалась в дни Гумбольдта и Ранке», — пишет в 1931 г. данцигский историк Эрих Кайзер, — с увеличением числа учеников и изучаемых дисциплин, стал тесновато». Решение проблемы он, как и другие, — в основном представители «университетов приграничных стран», — видел в интеграции народнической («фёлькиш») идеи, евгеники и учения о расах в общий курс преподавания истории. Ибо, считал Кайзер, если немцы хотят и далее существовать как народ, они должны помнить «о корнях своей народности»[44]. В этой связи, разумеется, неслучайно то, что именно представители молодежи обратились к изучению истории немецкого

Ein Historiker in der Zeit. Versuch über Fritz Hartung (1883–1967) // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. 1983. Bd. 32. S. 223.

[42] *Schulin.* Weltkriegserfahrung. S. 177.

[43] *Kaeler S.A.* Wilhelm von Humboldt und der Staat. Ein Beitrag zur geschichte deutscher Lebensgestaltung um 1800. München, 1927.

[44] *Keyser E.* Die Geschichtswissenschaft. Aufbau und Aufgaben. München, 1931. О подоплеке обращения исследователей к истории народа см.: *Oberkrome W.* Volksgeschichte. Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. München, 1993.

народа, кроме того, они, по-видимому, отдавали предпочтение более радикальным решениям как в политике, так и в науке. Особенно это относится к поколению бывших молодых фронтовиков.

Одновременно с группой историков-народников, однако не в согласии с ними, а придерживаясь идей государственности, восходящих к Бисмарку и прусской государственной традиции, кенигсбергский кружок, сплотившийся вокруг Ханса Ротфельса, посвятил свои исследования особым условиям так называемой «зоны смешения народов» в Восточной Европе[45]. В середине 1920-х гг. кружок под руководством мэтра усиленно занялся обоснованием тезиса о том, что «национальное государство западного типа» для Восточной Европы представляет собой лишь «чисто идеологический» конструкт. Реальность восточной приграничной зоны, аргументирует Ротфельс в 1932 г., невозможно охватить западной государственной и национальной идеей, так как там, на Востоке, «преобладает тип этнически смешанного сообщества». Все характеристики этой зоны, будь то географические, экономические, этнические или социальные особенности, противоречат государственному устройству Европы, утвержденному Версальским договором[46].

Занимаясь конкретными вопросами истории Первой мировой войны, бывшие фронтовики после 1919 г. также следовали различными путями. С одной стороны, можно указать критическую работу Мартина Хобома «Социальные изъяны в армии как одна из причин германской катастрофы», в ней автор со всей возможной резкостью заклеймил ошибки и просчеты командования и третирование солдат, которое он испытал и на себе. В этом экспертном заключении, появившемся в результате работы следственной комиссии Конституционного учредительного собрания, Хобом пытается привлечь внимание к социальной несправедливости и офицерским привилегиям в кайзеровской, классовой по характеру, армии. Он опирается на документацию, которая в 1920-х гг. еще была доступна, и отмечает нараставшее недовольство рядового состава. Хобом высказывает мысль о том, что моральный упа-

---

[45] См. *Mommsen H.* Kommentar // Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus / Hg. R. Hohls, K. Jarausch. München, 2000. S. 171.

[46] *Rothfels H.* Bismarck und die Nationalitätenfragen des Ostens // *Rothfels.* Preußentum. S. 66; *Haar I.* «Revisionistische» Historiker und Jugendbewegung. Das Königsberger Beispiel // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 / Hg. P. Schöttler. Göttingen, 1997. S. 52–103.

док в войсках привел государство и военный аппарат власти к утрате легитимности[47].

В то же время, имеется работа Ханса Херцфельда «Немецкая социал-демократия и крах единого национального фронта в ходе мировой войны». Автор хотел, чтобы его работу рассматривали как исследование «истории процесса внутреннего разложения» в Германии военных лет. Он приходит, в частности, к выводу, что без «сознательной работы революционных активистов» пассивное недовольство в народе не вылилось бы в революционный «мятеж против борьбы нации за существование». «Крах единого национального фронта», по глубочайшему убеждению Херцфельда, стал решающей причиной поражения Германии. Херцфельд излагает приправленную научным гарниром редакцию мифа об «ударе кинжалом», который с 1918 г. в самых разных версиях обсуждался немецкой общественностью[48].

Г. Риттер занимал как бы промежуточное положение в системе этих взглядов. До завершения кризиса в Рурской области в 1923–1924 гг., собственно, нельзя сказать, что этот историк занимался серьезным научным исследованием Первой мировой войны. В первые послевоенные годы он считал своей политической задачей участие в борьбе против политических последствий Версальского договора. Поэтому Риттер выступил как агитатор на выборах в Немецкую национальную народную партию и, став известным публицистом, возглавил крестовый поход против сепаратистских устремлений юго-западных областей Германии. Однако в рамках этой, по существу, политической деятельности он вскоре выработал убеждения, которые в последующие десятилетия легли в основу его работ о мировой войне. Так, например, еще в 1920 г. он писал о «неизбежности германской мобилизации перед лицом вооружения русских», о «ненадежности австрийских союзников» и — мы не приводим весь длинный

---

[47] *Hobohm M.* Soziale Heeresumißstände als Teilursache des deutschen Zusammenbruchs von 1918 // Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919–1930. Hg. im Auftrage des Reichstages. 4. Reihe. Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs 1918. 2. Abt.: Der innere Zusammenbruch, Bd. 11. H. 1. Berlin, 1929. «Обобщенное рассмотрение» Хобома недавно переиздано, см.: *Wette* (Hg.) Der Krieg des kleinen Mannes. S. 136–145.

[48] *Herzfeld H.* Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege. Leipzig, 1928. S. 189–195. О создании легенды «кинжального удара» см.: *Krumeich G.* Die Dolchstoß-Legende // Deutsche Erinnerungsorte / Hg. H. Schulze, E. Francois.

список его аргументов — о «твердом намерении Англии любой ценой сломить германский милитаризм»[49].

Указанные факторы обусловили то, что уже в начале 1920-х гг. Риттер также отстаивает тезис о неотвратимости «катастрофического процесса», который и привел к мировой войне. Вопрос о виновности в развязывании войны, однако, не находился в центре его внимания после 1923 г. В относительно спокойные времена Веймарской республики Риттер старался обосновать невозможность взаимопонимания между Великобританией и Германской империей в период до 1914 г., стремился показать старые корни и последовательный характер гегемонистских притязаний Франции, но в целом область его научных о интересов была теперь иной — его занимала история немецкого гуманизма и Реформации, а также прусские реформы, в том числе преобразования барона фон Штайна. Именно этим вопросам посвящены важнейшие труды Риттера.[50]

Но некоторые публикации, подготовленные Риттером после 1923 г., недвусмысленно свидетельствуют, что в сознании историка не потускнели воспоминания о Первой мировой войне, и это особенно очевидно, если учесть значительную временную отдаленность тем и проблем его исследований от актуальных событий, происходивших в Веймарской республике. Многочисленные случаи явного осовременивания материала, как и неявные отсылки, говорят о том, что историк в своем труде перерабатывал еще свежие воспоминания о войне, размышляя о последствиях поражения. С другой стороны, в биографии Мартина Лютера, написанной Риттером в 1925 г., есть замечание о том, что люди давно разучились задаваться вопросом о «виновности» индивида, «коль скоро речь идет о сверхличном, историческом роке… Народ, пышущий природной, еще бесформенной, неукрощенной силой, как политическое целое парализованный, почти изувеченный — в силу переплетения вины и судьбы, исторического бремени, внешних препятствий, неспособности собственных его граждан, такой народ не в состоянии разрешить средствами порядка социальную напряженность, возникшую в его недрах и давно ставшую невыносимой»[51]. Что

---

[49] BAK, Nl. Ritter, 1166/430. (Рукопись речи озаглавленной «Виновность в войне».)

[50] Обратившись к этой тематике, Риттер приобщился к серьезным историографическим разногласиям, происходившим тогда среди его коллег. См.: *Faulenbach B.* Ideologie des deutschen Weges. Passim.

[51] *Ritter G.* Luther. Gestalt und Symbol. München, 1925. S. 118.

это — анализ «бурных лет», наставших после 1522 г., или все-таки мысли о 1919 г.? Сразу после накала политических страстей в связи с так называемым «Рурским сражением» эти размышления привели Риттера к особому акцентированию резкой противоположности между немецким и западноевропейским «характером», которую Риттер интерпретирует преимущественно как противоречие историческое и духовное по сути[52].

Аналогичным образом поступает Риттер и в двухтомной биографии барона фон Штайна, — фрайбургский историк Генрих Финке отмечал, что при чтении у него то и дело возникали мысли о современной ситуации[53]. Это объясняется многочисленными, по большей части скрытыми, намеками на политику современности. Например, помня разногласия по вопросу о репарациях, Риттер в 1931 г., когда была опубликована биография фон Штайна, раздраженно пишет о «форме нищенского попрошайничанья у могущественных зарубежных господ, особенно у столь презираемых обычно парижских властителей». Кроме того, риттеровский образ фон Штайна — «воспитателя нации» во многом происходит от осознания историком своей миссии: несмотря на военное поражение Германии, противопоставить что-то положительное все более нараставшей разочарованности немецкого населения. В этом смысле не только Риттеру буквально напрашивалось сравнение «почти одинаковых вынужденных политических ситуаций» — после 1806 и после 1919 г.[54]

Однако в трудах Риттера, написанных после 1919 г., бросается в глаза то, что Первая мировая война не стала для него предметом исторического изучения. Как и многие другие историки его поколения, после 1918–1919 гг. о войне и своих военных впечатлениях он публично не высказывался. Очевидно, именно молчание «красноречивей всяких слов» свидетельствовало о том, как интенсивно занимался своим собственным военным прошлым представитель фронтового поколения. Недавние дискуссии об историографии показали, что подобное молчание отнюдь не было феноменом, исключительной характерной чертой историков — бывших участников Первой мировой войны.

---

[52] Ibid. S. 154. О причинах см.: *Faulenbach B.* Ideologie des deutschen Weges. S. 125–131.

[53] Письмо Г. Финке к Г. Риттеру от 8 июля 1931 г. BAK, Nl. Ritter, 1166/127.

[54] *Ritter G.* Stein. Eine politische Biographie. Bd. 2. Stuttgart 1931. S. 12. О пробуждении после Первой мировой войны интереса историков к периоду после 1806 г. см.: *Faulenbach B.* Ideologie des deutschen Weges. S. 140–151.

После 1945 г. многие представители этого поколения, молодые солдаты Первой мировой войны, умалчивали о своем участии во властных структурах нацистского режима[55].

Рост числа научных исследований о Первой мировой войне в годы нацизма

Молчанию историков о Первой мировой войне настал конец в 1935 г., то есть в год возобновления всеобщей воинской обязанности. Можно с большой точностью установить временные рамки этого процесса, а в случае отдельных ученых даже точно датировать его. До сих пор этому явлению не уделялось достаточного внимания, хотя синхронность вдруг прорезавшихся голосов в высшей степени примечательна. Можно, исходя из этого, установить, что внешнеполитические успехи А. Гитлера в первые годы его режима оказали явное стимулирующее воздействие на немецких историков, и они, будто от чего-то освободившись, обратились к той фазе национального прошлого и тем специфически-личным воспоминаниям, о которых в течение многих лет умалчивали, а кто-то и сознательно старался вытеснить из своей памяти. Присоединение Австрии к гитлеровской Германии в марте 1938 г. стало первым кульминационным моментом в новом пересмотре истории, который эйфорически приветствовал берлинский историк Вильгельм Шюсслер: «Все же великолепная судьба: созвучие человека и судьбы! Государственный муж, достойный исторического часа! Я надеюсь, что это впечатление необратимости и окончательности покорит весь мир. Да, ныне завершается великая немецкая революция, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне»[56]. Лишь после военной победы над Францией в июне 1940 г. одобрение нацистского режима со стороны населения, а равно и историков стало еще большим, чем в марте 1938 г. Даже Риттер, в целом настроенный критически по

---

[55] *Koselleck*. Der Einfluß der beiden Weltkriege. S. 324. О молчании историков после 1945 г. см.: Deutsche Historiker im Nationalsozialismus; Versaumte Fragen.

[56] Письмо В. Шюсслера к Србику от 13 марта 1938 г. Srbik. Briefe. S. 485.; *Srbik*. Deutsche Einheit und gesamtdeutsche Geschichtsbetrachtung. Aufsätze und Reden. Stuttgart, 1937. О реакции немецких историков на присоединение Австрии см.: *Schönwälder K*. Historiker und Politik. Frankfurt, 1992. S. 127–130.

отношению к режиму Гитлера, на время перестал чувствовать свою отчужденность от властителей[57].

«Поворот» Риттера к исследованию Первой мировой войны можно датировать точно. С середины 1930-х гг. война оказалась в центре внимания его работ. Характерным можно считать такой пассаж из военных воспоминаний Риттера, написанных им в 1935 г. «Война началась для меня только в 1915 году. Самым тяжелым, самым ужасным впечатлением тогда было: столько страданий, столько мук, столько смертей — и все напрасно. И вдруг это впечатление исчезло. Наши жертвы были принесены, но эти жертвы почитаемы, эти безмерные жертвы вызвали уважение в мире. <...> Воспоминания перестали быть невыносимыми. Как бы то ни было, нынешний режим это осуществил». Примерно в то же время, в январе 1936 г., Риттер впервые изучает и свои собственные письма с фронта, которые писал родным в 1915–1918 гг. Об этом он упоминает в письме к матери: «Я сам немало был удивлен — ведь чего там [в письмах. — *Ред.*] только нет, и все это теперь ожило: люди, местности, война — тысяча вещей, о которых я давно позабыл. Более двадцати лет мы молчали, теперь же у людей появилась внутренняя возможность рассказать, ибо уже не начертано надо всем этим “напрасно”»[58]. Вряд ли можно найти более точное определение этой психологической ситуации — как по содержанию, так и во времени. Лишь в середине 1930-х гг. фрайбургский историк чувствует, что может обратиться к воспоминаниям о своем прошлом — о Первой мировой войне.

И это был не единичный случай среди немецких историков военного поколения — то же самое характерно для Германа Аубина, Ханса Херцфельда и Зигрфида Кэлера. Аубин, например в 1937 г., в исследовании, посвященном различным типам организации немецкого войска, недвусмысленно указывает на то, что Гитлер покончил с «проклятьем немецкой беззащитности». Только теперь, пишет он, можно чувствовать «большую внутреннюю свободу» и исследовать изменчивое соотношение «противящихся сил и зачастую слабой оборонительной армии», к которому привел весь ход немецкой истории. Немного позднее, в 1938 г., Аубин услужливо подготовил сборник статей, озаглавленный «О пространстве и границах немецкого народа», в котором

---

[57] О настроениях немецкой общественности в 1938 и в 1941 гг. см.: *Kershaw I.* Der Hitler-Mythos: Führerkult und Volksmeinung. Stuttgart, 2000. S. 161.

[58] BAK, Nl. Ritter, 1166/414, Kriegserlebnisse; Письмо Г. Риттера к матери от 14 января 1936 г. Ibid. 1166/458,

снова обнародовал свои изыскания по истории немцев, предпринятые после окончания Первой мировой войны. В этих исследованиях заметна связь как с событиями Первой мировой войны, так и политикой Гитлера. Если период с 1914 по 1918 г. «сплотил в единый фронт борьбы и голода» немцев в империи и за ее пределами, то теперь «с сердцем преисполненным благодарности» они достигли единства, которого жаждали с 1919 г., и теперь оно стало реальностью государства, возглавляемого Гитлером[59].

Если Аубин «перерабатывал» свой военный опыт косвенным образом, в рамках исследований по истории немецкого народа, то Кэлер и Херцфельд подошли к теме непосредственно. Оба занялись историей Первой мировой войны в середине 1930-х гг. Так, в 1935–1936 учебном году они совместно прочитали лекцию о войне, Херцфельд при этом поставил задачу рассматривать Первую мировую войну как «вводную стадию европейской мировой революции». Однако этот замысел историка — еврея по происхождению — не был воплощен — в 1938 г. нацисты «попросили» его оставить должность. Но до своего ареста в 1943 г. он все же мог продолжать исследовательскую работу в качестве сотрудника Военно-исторического научного учреждения войска в Потсдаме[60].

Герхард Риттер в «Третьем рейхе» имел, можно сказать, неограниченные возможности публиковать свои работы. И он использовал их, чтобы глубоко изучить принципиальный по его мнению вопрос об отношениях между политикой и ведением войны, о котором его научный руководитель Герман Онкен еще в 1928 г. высказал некоторые важные соображения[61]. Исходя из них, Риттер с середины 1940 г. занимался разработкой важнейшей проблемы, которая стала центральной в его четырехтомном труде «Государственное искусство и военное ремесло», а именно об отношении политической и военной мысли начиная с эпохи Фридриха Великого[62]. Имелся и весьма серьезный внешний повод для этого исследования. Бывший ученик Риттера, профессор философии в Бреслау Август Фауст, в середине 1940 г. призвал своего

---

[59] *Aubin H.* Wehrkraft, Wehrverfassung und Wehrmacht in der deutschen Geschichte. Breslau, 1937. S.3 f.; Von Raum und Grenzen des deutschen Volkes. Studien zur Volksgeschichte. Breslau, 1938. S. III–VII.

[60] *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. S. 28–30, 34–35.

[61] *Oncken H.* Politik und Kriegsführung. München, 1928. Corneließen Ch. Ritter G. Kap. XIII.

[62] *Corneließen Ch.* Gerhard Ritter. Kap. XIII.

учителя принять участие в общем проекте в рамках программы «Военная мобилизация гуманитарных наук»; Риттеру предлагалось дать в сборник статью об изменениях в ведении войн, начиная со времен Фридриха Великого[63]. Сегодня, глядя со стороны, может показаться иронией истории то, что именно из этой статьи, вошедшей в пропагандистский проект нацистов, постепенно вырос труд, в котором Риттер поставил перед собой цель провести критический анализ германского милитаризма.

То, что такой анализ вообще состоялся, не в последнюю очередь объясняется тем, что фрайбургский историк, по его собственным словам, вскоре сделался буквально «одержимым» темой[64]. Его «одержимость» понятна: бывший солдат фронтовик Первой мировой войны наконец решил дать самому себе полный отчет за столь важный период своей жизни, завершившийся крушением политических и моральных убеждений юности. Оживление воспоминаний о Первой мировой войне в связи с конкретным опытом современных и совершенно новых для Риттера военных событий, разыгрывавшихся с 1939 г., побудило историка в поисках подходящей модели обратиться к теме власти и политики при Фридрихе Великом и его последователях. Риттер задумал исследовать «взаимное отношение власти и права, правил борьбы и порядка мира», как сам он писал в 1942 г. в журнале «Мир дела» («Tatwelt»)[65].

Названные выше вопросы, подчеркнем, ставились не только в работах Риттера. Зигфрид А. Кэлер в 1937 г. выступил с докладом на тему «Состояние обороны и народ в Германии в период от Освободительных войн до Первой мировой войны». Он рассмотрел отношение государства и вооруженных сил, а также взаимопроникновение концепций государства и армии[66]. В. Моммзен, который в годы Веймарской республики отличался леволиберальными взглядами, в период Второй

---

[63] *Hausmann F.-R.* «Deutsche Geisteswissenschaft» im zweiten Weltkrieg. Die «Aktion Rittersbusch» (1940–1945). Dresden, 1998. S. 223–227.

[64] Письмо Г. Риттера к Г. Онкену от 27 февраля 1941 г. Ritter. Briefe. S. 363.

[65] *Ritter G.* Machtkampf und Friedensordnung. Eine historische Betrachtung // Die Tatwelt 18 (1942). S. 123–131; Vom Doppelsinn des Politischen // Deutsche Rundschau. Januar 1942. № 68. S. 4–10.

[66] *Kaeler S.* Wehrverfassung und Volk in Deutschland von den Freiheitskriegen bis zum Weltkriege // Mitteilungen des Universitätsbundes Göttingen. 1937. Bd. 18. S. 1–17. Единственной уступкой Кэлера «духу времени» было его утверждение, что народ обязан «фюреру» восстановлением обороноспособности страны. См. об этом: *Bußmann*, S. 71.

мировой также скатился к подобной постановке вопроса. В короткой статье «Политика и ведение войны», написанной в январе 1940 г., он рассматривает проблематику перехода от войн правительственных кабинетов к войнам народным. В результате такого превращения, разъясняет Моммзен, принципиально иным стал характер войны вообще: «Активная воля народа должна быть опорой войны, в противном случае все отдельные успехи напрасны». Но как раз этот пункт, с точки зрения Моммзена, и стал роковым для немцев во время Первой мировой войны, ибо несомненна и очевидна тогдашняя «полная несостоятельность единого руководства». На Западе же такие личности, как Клемансо и Ллойд Джордж, обеспечили адекватное единство[67].

Впрочем, наряду с этим взглядом, который, кстати, разделяли другие историки поколения фронтовиков, Моммзен в 1940 г. выразил готовность связать свои рассуждения с решительной защитой характера немецкого солдата: в нем всегда видели лишь «жесткое исполнение долга», однако в отличие от «других», солдатская служба является «для нас, немцев, выражением, в конечном счете, нравственно-политической позиции по отношению к государству и народу». Именно в тот момент, когда немецкий вермахт бодро поднимался к вершинам своих военных успехов, марбургский историк не устоял перед искушением заявить о личной лояльности нацистской власти: «В нашем народе, народе всеобщей воинской обязанности, сегодня окончательно перестала существовать противоположность между политикой и ведением войны, между солдатом и политиком. Став народом политических солдат и солдатских политиков, мы победим!»[68] В. Моммзен пребывал во власти серьезного заблуждения, оценивая ситуацию, что очевидно объясняется его идеалистически окрашенными воспоминаниями о собственном военном опыте. После 1945 г. ему пришлось жестоко поплатиться за эту ошибку[69]. Такое же ослепление и преданность иллюзиям можно обнаружить у многих бывших фронтовиков Первой мировой войны.

Г. Риттер, придерживавшийся консервативных политических взглядов, с середины 1930-х гг. занял позицию неприятия нацистского режи-

---

[67] *Mommsen W.* Politik und Kriegsführung. S. 19.

[68] Ibid. S. 23.

[69] О жизненном пути В. Моммзена после 1945 г. см.: *Nagel A.-Ch.* «Der Prototyp der Leute, die man entfernen soll, ist Mommsen». Entnazifizierung in der Provinz oder die Ambiguität moralischer Gewißheit // Jb. zur Liberalismus-Forschung. Bd. 10. S. 55–91.

ма, которая проистекала не в последнюю очередь из его религиозности. Однако в 1940 г. он вел себя более осторожно, чем его марбургский коллега. В моммзеновской интерпретации преобразования «войны кабинета в войну народа» Риттер обратил внимание на пренебрежение тем фактом, что существование «чистого воинства», кумира нацистского государства, чревато опасностями[70]. Для самого Риттера именно по причине открытого попрания права при нацистской диктатуре чрезвычайную важность приобрел вопрос об отношении власти и права, этот вопрос мучил его как чисто личный, и в своем многотомном труде он искал на него ответа. Первый том исследования, которое задумывалось как двухтомное, Риттер завершил в октябре 1944 г. Но по различным причинам публикация состоялась лишь в 1954 г. Три последующих тома вышли в 1960–1968 гг.

Немецкие историки — бывшие фронтовики о Первой мировой войне (в период 1945–1960 гг.)

Из-за инициированной Фрицем Фишером в конце пятидесятых годов дискуссии о немецком «рывке к мировому господству» впоследствии нередко забывали, что в предшествовавшей фазе, то есть с 1945 по 1959 гг., истолкование истории Первой мировой войны поначалу во многом определялось воззрениями историков, принадлежавших к поколению фронтовиков. В первую очередь следует назвать фундаментальный труд Риттера «Государственное искусство и военное ремесло». Каждый из четырех, весьма разных по характеру, томов этой работы рассматривает тесное переплетение политического опыта того времени и политической историографии, начиная с 1940 г. и до смерти фрайбургского историка в июле 1967 г. В рассуждениях Риттера отчетливо прослеживается взаимная зависимость претерпевшего изменения опыта историка, и его метода. Вне всякого сомнения, Риттер в конце указанной фазы все более отходил от настроений, господствовавших тогда в немецкой общественности. Непреклонное утверждение «немецкой картины истории» или высказывание об «известных политических модных течениях в сегодняшней Германии, согласно которым всякая форма немецкой великодержавной политики, в том числе

[70] См. принадлежавший Риттеру рукописный экземпляр книги Моммзена: *Mommsen W*. Politik und Kriegsführung. В аннотации Риттер пишет: «Но ведь оно уже стало опасным. Чистое воинство!» NL. Ritter. UB Düsseldorf.

и в эпоху европейского империализма, является просто отвратительной» (из доклада Риттера на Венском международном дне историка в 1965 г.) привели ученого в лагерь меньшинства, — подобные взгляды в то время разделялись лишь очень немногими консервативными историками[71].

Но здесь можно усмотреть и результат длительного процесса создания риттеровской «Истории немецкого милитаризма», в которой автор после 1940 г. анализирует историю Первой мировой войны, сравнивая ее с «тотальной войной», происходившей как раз во время написания книги. Правда, в значительной мере анализ опирался на ценности, которым Риттер был привержен в молодости и в свои солдатские годы во время Первой мировой войны. На них он и попытался после 1945 г. основать свое понимание истории[72]. Совмещение и смешение выводов, сделанных Риттером из опыта той и другой войны, заметно и в предложенном историком определении милитаризма. В качестве критериев он называет не только принятие политических решений в одностороннем порядке и подчинение их военным соображениям, но еще и «одностороннее преобладание воинственных, боевых черт в основной политической позиции государственного деятеля или целой нации». В 1946 г. Риттер писал: «Под “милитаризмом” и “национализмом” я понимаю позицию, когда... принципиально видят и признают лишь притязания на жизнь своей собственной нации, а притязания на жизнь других народов не признают, и не желают или оказываются неспособными входить в более высокое наднациональное сообщество»[73]. Очевидно, это определение появилось на свет исключительно благодаря личному опыту фрайбургского историка, немало претерпевшего в «Третьем рейхе».

Конкретная формулировка своего определения милитаризма была уточнена Риттером после прочтения вышедшего в 1937–1938 гг. серьезного исследования Альфреда Фагтса о милитаризме, хотя автор прислал свое сочинение Риттеру на рецензию лишь спустя десять лет, в 1948 г.

---

[71] *Ritter G.* Die politische Rolle Bethmann Hollwegs während des Ersten Weltkrieges // Comité International des Sciences Historiques. 12 Congrès International des Sciences Historiques, Bd. 4., Wien, 1965. S. 277.

[72] *Cornelieβen Ch.* Gerhard Ritter. Kap. XIII.

[73] Письмо Г. Риттера к Э. Эккерту от 8 июля 1946 г. Ritter. Briefe. S. 414. Об обосновании Риттером определения милитаризма см.: *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. 1. 4. Aufl. München, 1970. S. 13–24, 397–400.

Характерно для позиции Риттера то, что, по его мнению, Фагтс переоценил в своей книге значение социально-экономических факторов, тогда как необходимо считаться еще и с «подлинными нравственными побуждениями, ведь в сфере военной стихии в них никогда не было недостатка». Солдат-фронтовик и офицер Первой мировой войны все еще не желал расстаться с «ценностями прошлого», которые считал позитивными. Этим объясняются и языковые приемы самоидентификации Риттера и других историков фронтового поколения, постоянно писавших «мы» и «наш, наше», что свидетельствует об их стремлении сократить дистанцию между собой и своим объектом. Риттер последовательно придерживался этих языковых форм, не отказавшись от них даже тогда, когда исследования ученых разных стран о Первой мировой войне уже начали учитывать роль факторов социального и экономического характера.

В этот период оказалось, что давние личные воспоминания историков-фронтовиков о Первой мировой окончательно потускнели, на них все больше наслаивались знания и опыт, приобретенные в 1920–1930-е гг. и особенно при национал-социализме. Наиболее впечатляющий пример — научное творчество Ханса Херцфельда. Несмотря на проводившуюся нацистами с 1933 г. политику расовой дискриминации он поначалу еще пытался «утвердиться ... в должности», однако с 1938 до 1945 гг. был лишен возможности высказываться и подвергался гонениям. После ареста и заключения в феврале 1943 г. в мировоззрении бывшего немецкого националиста Херцфельда происходит решительный переворот, он, наконец, приходит к убеждению, что «Германия должна будет искать совершенно новых путей развития»[74]. В 1968 г. Херцфельд опубликовал очерк «Первая мировая война», в котором с очевидностью прослеживается новый взгляд на вещи. Чувствуется старание автора расширить кругозор немецких историков, все еще приверженных национализму, и в то же время поместить в центр рассмотрения вопросы социальной и экономической истории. Однако можно заметить и еще одно весьма примечательное отражение жизненного опыта представителя фронтового поколения Первой мировой войны, в 1968 г. Херцфельд открыто об этом заявляет, вспоминая о своем прошлом «добровольца и офицера на войне». Он пишет, что с тех пор «значительно отдалился от этих ранних впечатлений, а также взглядов», однако поэтому и не может примириться с самоуверенностью

[74] *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. S. 35, 42 f.

молодежи, возомнившей, будто она приближается к истине, находясь в «строго оберегаемом уединении за письменным столом»[75].

Что касается Г. Риттера, он не пошел по пути расширения исследований о Первой мировой войне за счет привлечения вопросов социальной и экономической истории. Существенную роль здесь сыграло то, что Риттер не мог и не хотел участвовать в «модификациях форм» историко-политического мышления, которые наметились в 1960-х гг., — его жизненный опыт после 1918 г. был иным[76]. Риттер продолжал работать в русле историографии, определявшейся чисто политическими проблемами, его изложение истории отличается почти чрезмерным обилием источников и отображает «великую политику европейских правительств» и отчасти политику Соединенных Штатов во время войны. Но, по субъективной оценке самого Риттера, как раз в этом для него и заключалось суть дела — в исследовании «превращения войны кабинета в войну народа». Как раз здесь он надеялся найти решение важнейшей проблемы — «антиномии политики (или двойного смысла политики)», то есть проблемы, которая, в конечном счете, была главным уроком периода нацизма.

Развитие Дейо как ученого обнаруживает весьма примечательные параллели с судьбой Херцфельда, а именно то, что весь предшествующий опыт — вынужденное дистанцирование от своего народа при нацизме, после войны привел к противоположному стремлению — к денационализации немецкой исторической картины. После 1933 г. марбургский историк пришел к горькому выводу, что окружавшие не признавали его своим соотечественником или, по выражению того времени, немецким товарищем («Volksgenosse»)[77]. Прежде настроенный националистически и консервативно, после Второй мировой войны Дейо вступил на путь решительной критики национальной традиции. Его взгляды, изложенные в 1948 г. в книге «Равновесие и гегемония», где он трактует Первую мировую войну как этап длительной борьбы за гегемонию в европейской системе власти, в то же время отличаются

---

[75] *Herzfeld H.* Der Erste Weltkrieg. 5. Aufl. München, 1979. S. 7. О причинах и условиях длительного изучения Херцфельдом социально-экономических факторов Первой мировой войны см.: *Ritter G.A.* Hans Herzfeld. S. 29 f.

[76] См. о формальных изменениях историко-политической мысли: *Mommsen W.J.* Die deutsche Kriegszielpolitik 1914–1918 // Kriegsausbruch 1914 / Hg. W. Laqueur, G.L. Mosse. München, 1967. S. 74.

[77] Письмо Дейо к Кэлеру от 15 мая 1933 г. Kaeler. Briefe. S. 237 f.

критичностью по отношению к внешней политике императора Вильгельма, то есть явно противопоставляются традиционализму Риттера[78]. Дейо, кроме того, указывает на сращение германской внешней и внутренней политики, которое в результате привело к неверным расчетам военных рисков Германии и ее союзников. В ряде статей начала 1950-х гг. на ту же тему Дейо еще больше усиливает критику германской политики. Завершилась она тезисом о том, что внешняя политика Германии до 1914 г., подводившая страну к войне, должна рассматриваться как последствие неразрешенного напряжения между социальной структурой и политической системой Германской империи[79]. При такой трактовке Дейо неизбежно оказывался противником Г. Риттера, который в своем анализе мировой войны даже после 1945 г. остался верен национализму своих молодых лет, что совершенно очевидно. В работах фрайбургского историка, как заметил еще Дейо, проявилась позиция оборончества, которая, вероятно, не в последнюю очередь обусловлена опытом фронтовика, сражавшегося в годы Первой мировой войны. В работах Риттера это привело к тому, что противопоставление политики и военных действий, задуманное им, в сущности, как структурно-историческое, постоянно уступает место злободневной, политически мотивированной полемике, в которую Риттер втянулся после 1945 г.[80]

С точки зрения методики и содержания, результат его исследования Первой мировой войны нельзя считать однозначным. Уже Клаус Швебе отметил, что в ходе дискуссии Фишера Риттер все охотнее интерпретировал политику М.А. Бетмана-Гольвега в качестве отражения действия внеличностных структур, тогда как якобы приверженный социально-исторической аргументации Фишер, напротив, постоянно подчеркивал самостоятельность личности рейхсканцлера[81]. Можно продолжить эту

---

[78] *Dehio L.* Gleichgewicht und Hegemonie. Krefeld, 1948. S. 309 f.

[79] *Dehio L.* Ranke und der deutsche Imperialismus // Historische Zs. 1950. Bd. 170. S. 307–320; Deutschland und die Epoche der Wekltkriege // Historische Zs. 1952. Bd. 173. S. 77–94; Gedanken über die deutsche Sendung 1900–1918 // Historische Zs. 1952. Bd. 174. S. 479–502. О воззрениях Дейо см.: *Beckers Th.* Ludwig Dehio und Kriegsräson — das Problem des Militarismus in Deutschland // Historische Zs. 1955. Bd. 180. S. 43–64.

[80] *Dehio L.* Um den deutschen Militarismus. Bemerkungen zu G. Ritters Buch «Staatskunst und Kriegsräson — das Problem des Militarismus in Deutschland» // Historische Zs. (1955). Bd. 180. S. 43–64.

[81] *Schwabe K.* Vorwort // Ritter. Briefe. S. 147 f.

мысль: Риттер собрал элементы для истории ментальности немецких правящих кругов, однако не свел отдельные элементы в систему. Поскольку его понимание истории было элитарным, он сосредоточился исключительно на «государственных деятелях» и видных военачальниках. Понятно, что его четырехтомный труд во многом носит характер классического исследования по истории дипломатии. Тем не менее, когда Риттер обсуждает «фатализм веры в неизбежность великих войн», свойственный политической и военной верхушке, он представляет также материалы, которые впоследствии оказали значительную помощь исследователям, занимавшимся понятием «молчаливого принятия» («unspoken assumption») (Дж. Джолл) или «тезисом о неизбежности войн» (В. И. Моммзен). Кроме того, Риттер затронул множество тем, которые лишь впоследствии исследовались более глубоко. Это, например, тема принудительной депортации бельгийских невоенно-обязанных рабочих во время Первой мировой войны, явление, которое Риттер в 1964 г. квалифицировал как практику настоящего «невольничьего рынка»[82].

Обобщая материал о формах, важнейших направлениях и состоянии исследований по истории Первой мировой войны, предпринятыми ее бывшими участниками, можно подвести следующий итог. Представленные историками фронтового поколения труды подверглись ретроспективному воздействию их собственных воспоминаний о войне. В дальнейшем наблюдалась некоторая трансформация, которая вела от начальных, сильно эмоционально окрашенных подходов и оценок к постепенному научному обоснованию изучения истории войны. Но для того, чтобы научное исследование вообще состоялось, потребовалась психологическая «атака», разблокировка. Только после прихода к власти нацистов и мнимо-успешного пересмотра положений Версальского договора большинство историков — бывших фронтовиков почувствовали, что настало время интенсивной разработки вопросов истории Первой мировой войны, участниками которой они были. Однако не только в случае Риттера на научную работу повлияли знания и система ценностей, которые во многом восходили к жизненному опыту

[82] О дальнейших исследования истории Первой мировой войны см.: *Krumreich G.* Kriegsgeschichte im Wandel // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld u.a. Essen. 1992. 11–24; Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. W. Michalka. München, 1994.

военных лет. В частности, вследствие этого процесса историографии Первой мировой войны до 1960-х гг. в Германии была свойственна «аура аутентичности», — с точки зрения тех, кто был участником войны или очевидцем ее событий. Труд Риттера «Государственное искусство и военное ремесло» в этом отношении представляет собой апофеоз и в то же время завершение соответствующего периода историографии.

Вместе с тем, в работах историков-фронтовиков можно выявить влияния новых впечатлений и опыта, появившихся после 1919 г. В итоге это привело к смешению в их работах по Первой мировой войне актуальных моментов и пережитого в 1914–1919 гг. Изучавшим мировые войны впоследствии снова и снова приходилось разделять эти временные пласты, чтобы получить непредвзятое впечатление о фазе начала войны и о дальнейшем ее ходе после августа 1914 г. В этом состояла одна из причин конфликта поколений в немецкой исторической науке, который открыто проявился в начале 1960-х гг. в рамках дискуссии Фишера.

Перевод Г.В. Снежинской

БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Ю.П. Голиков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОТРУДНИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

В столице России 8 декабря 1890 г. состоялось торжественное открытие *Императорского института экспериментальной медицины* — ИИЭМ — первого в стране и в мире научно-исследовательского центра в области биологии и медицины. Его организатором и попечителем был принц А.П. Ольденбургский, который вплоть до Февральской революции 1917 г. был теснейшим образом связан с ИИЭМ. Инициатива принца увенчалась полным успехом благодаря приглашенным им в институт известным ученым. Среди них были К.Я. Гельман, М.В. Ненцкий, С.Н. Виноградский, Э.Ф. Шперк, С.М. Лукьянов, Н.В. Усков и И.П. Павлов[1].

---

[1] Кристап Янович Гельман (1848–1892). Окончил Тартуский ветеринарный институт. Магистр ветеринарных наук, основатель Пастеровской станции в Санкт-Петербурге, один из организаторов ИИЭМ. Первый заведующий Отделом эпизоотологии ИИЭМ, основными направлениями его деятельности были исследования сапа, бешенства и туберкулеза. Открыл и создал маллеин — препарат для диагностики сапа.

Маркел Вильгельмович Ненцкий (1847–1901). Окончил медицинский факультет Берлинского университета в 1870 г. Доктор медицины и профессор Патологического института в Бернском университете (Швейцария). С 1891 г. первый заведующий Отделом физиологической химии ИИЭМ. Крупнейший биохимик конца XIX в. В Варшаве в 1920-х гг. был открыт Институт экспериментальной биологии им. М.В. Ненцкого.

Сергей Николаевич Виноградский (1856–1953). Учился на юридическом факультете университета Св. Владимира в Киеве, перешел на естественное отделение физико-математического факультета. Через два года оставил университет и поступил в Петербургскую консерваторию по классу фортепиано проф. Т. Лешетицкого. В ноябре 1877 г. Виноградов ушел из консерватории и возвратился на естественное отделение физико-математиче-

ИИЭМ получил государственное финансирование и статус высшего научного медицинского учреждения академического типа. Основной его задачей являлось всестороннее изучение причин болезней, главным образом заразных, а также «практическое применение способов борьбы с заболеваниями и последствиями оных». Тем самым намечались два взаимосвязанных направления деятельности: во-первых, комплексный

ского факультета, но уже Санкт-Петербургского университета. На кафедре физиологии растений он стал учеником А.С. Фаминцына, который создал в России лабораторию физиологии растений и открыл явление симбиоза в растительном мире, доказав двойственную природу лишайников. В 1881 г. Виноградский окончил университет и был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию, обнаружив выдающиеся способности экспериментатора: впервые применил методы исследования микроорганизмов, которые вошли в практику микробиологии. В итоге Виноградский сделал фундаментальные открытия — хемосинтез и круговорот азота в природе. Он был первым заведующим Отделом бактериологии ИИЭМ и третьим директором ИИЭМ в 1902–1905 гг.

Эдуард-Леонард Фридрихович Шперк (1837–1894). Окончил медицинский факультет Харьковского университета, доктор медицины. Главный врач Калинкинской кожно-венерологической больницы в Санкт-Петербурге. Приватно работал на Пастеровской станции столицы, пытаясь создать экспериментальную модель сифилиса на низших обезьянах. Первый директор ИИЭМ в 1891–1894 гг. Создал в ИИЭМ Отдел сифилидологии.

Сергей Михайлович Лукьянов (1855–1935). В 1879 г. первым окончил курс Медико-хирургической академии и был награжден премией Иванова. Ученик С.П. Боткина, доктор медицины. Заведовал кафедрой патологической физиологии Варшавского университета. С 1894 по 1902 г. был вторым директором ИИЭМ. Реорганизовал Отдел сифилидологии в Отдел общей патологии. Был товарищем министра народного образования, обер-прокурором Святейшего Синода, членом Государственного Совета и сенатором.

Николай Васильевич Усков (1849–1899). Окончил МХА в 1873 г. Ученик М.М. Руднева. Доктор медицины. Прозектор Калинкинского морского госпиталя и Боткинской барачной больницы. Первый заведующий Отделом патологической анатомии ИИЭМ. Впервые в мире создал представление о крови, как о ткани.

Иван Петрович Павлов (1849–1936). Окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета и МХА, доктор медицины. Лауреат Нобелевской премии за исследования по физиологии пищеварения (1904), основоположник физиологии нормальной и патологической высшей нервной деятельности. Руководил кафедрами фармакологии (1890–1895) и физиологии (1895–1925) ВМА, Отделом физиологии ИИЭМ (1891–1936) и лабораторией физиологии Академии наук с 1907 г.

экспериментальный и теоретический анализ разных фундаментальных проблем биологии и медицины; во-вторых, решение практических, прикладных задач клинической медицины и здравоохранения. Указанные во «Временном уставе ИИЭМ» (1891) направления определили работу ученых на протяжении более чем 115-летней его истории.

К лету 1914 г. в составе ИИЭМ имелись следующие подразделения, которыми руководили:

отделом бактериологии — В.Л. Омелянский, ученик С.Н. Виноградского;

отделом физиологической химии — Н.О. Зибер-Шумова, ученица М.В. Ненцкого;

отделом гигиены — С.К. Дзержговский (он же директор ИИЭМ), ученик М.В. Ненцкого;

отделом общей патологии — В.Н. Клименко, ученик В.В. Подвысоцкого;

патолого-бактериологическим кабинетом — Е.С. Лондон, ученик С.М. Лукьянова;

отделом патологической анатомии — А.Е. Селинов, ученик Н.В. Ускова;

отделом эпизоотологии — А.А. Владимиров, ученик К.Я. Гельмана и С.М. Лукьянова;

отделом физиологии — И.П. Павлов;

практическим прививочным отделением — В.А. Краюшкин;

клиникой кожных болезней им. В.К. Синягина и А.К. Чекалевой — А.Н. Соловьев, ученик Э.Ф. Шперка;

лабораторией сифилидологии — Д.К. Заболотный, ученик С.Н. Виноградского и В.В. Подвысоцкого;

особой лабораторией на форте «Император Александр I» — И.З. Шурупов с 1907 по 1916 г. и А.И. Бердников с 1916 по 1918 г.

Также ИИЭМ с 1897 г. был базовым учреждением «Особой комиссии по предупреждению занесения чумной заразы в пределы Российской империи» — КОМОЧУМ. Ее возглавлял принц А.П. Ольденбургский. КОМОЧУМ организовывал экспедиции в места эпидемий в стране и за рубежом. В Особой лаборатории для профилактики и лечения особо опасных инфекций было налажено производство вакцин и сывороток, а также на специальных курсах проводили подготовку эпидемиологов, т.е. первых специалистов в новой науке, которая зародилась в ИИЭМ.

Если при создании ИИЭМ его бюджет составлял 131 тыс. руб., то к 1914 г. он достиг 600 тыс. руб. и за годы войны еще увеличился.

В 1913–1914 гг. в институте работало около 50 постоянных сотрудников. В это же время для выполнения различных тем к институту было прикомандировано еще около 100 человек. С началом войны большинство сотрудников и прикомандированных прервали свою исследовательскую работу, потому что оказались мобилизованными в армию.

В отчете о научно-практической деятельности ИИЭМ за 1914 г. отмечалось, что «со времени открытия военных действий Австрией и Германией Институт, помимо своих обычных работ, проявил особенно энергичную деятельность в смысле посильного содействия нуждам, вызванным военными событиями, как в армии, так и среди гражданского населения»[2].

Следует отметить, что почетный директор ИИЭМ с 1913 г. И.П. Павлов, будучи истинным патриотом своей страны, не роптал по поводу ухода на фронт своих учеников. Он очень переживал и за их судьбу, и за судьбу Родины. Так же он реагировал на мобилизацию и во время Русско-японской (1904–1905), и в годы Первой мировой и Гражданской войн. Сотрудники ИИЭМ становились врачами госпиталей, лазаретов и санитарных поездов. Среди них были:

В.С. Дерябин — старший врач пехотного полка, старший ординатор дивизионного лазарета;

П.Ю. Кауфман, сменивший в связи с антинемецкими настроениями в стране свою фамилию на Ростовцев, — врач 3-го Сибирского корпуса;

А.Н. Крестовников — химик-бактериолог в санитарно-дезинфекционных отрядах Красного Креста на фронтах: Северо-Западном, Западном, Кавказском (Эрзерумском), Юго-Западном;

К.Н. Крышковский — врач Экспедиционного русского корпуса во Франции;

И.И. Крыжановский — старший врач этапного лазарета им. Петроградских высших учебных заведений в Лодзи, вместе с которым попал в плен. В порядке обмена пленными возвратился в Петербург в 1916 г.;

---

[2] Отчет о научно-практической деятельности ИИЭМ за 1914 // Архив биологических наук (далее — АБН). 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; *Неменов М.И.* Диагностика ранений взрывающимися пулями. Экспериментальное исследование на трупах // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1914 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 55–72; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1915. АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 73–82.

П.П. Пименов — начальник Георгиевского госпиталя Красного креста;

О.М. Чеботарева — старший врач передового отряда Красного креста;

А.И. Шемякин — главный врач полкового подвижного госпиталя на Западном фронте, находился в германском плену с 1915 по 1917 г.;

Д.С. Фурсиков — санитарный врач на Западном фронте;

М.В. Черноруцкий — главный врач 304-го полевого госпиталя. Один из немногих, кто сочетал лечебную работу в полевых условиях с научной, опубликовав статьи о цинге на фронте, о параксизмальной тахикардии и о периоде выздоровления при острозаразных инфекциях[3].

Вступление России на стороне Антанты в войну вызвало, буквально, в первые же дни создание в стране специальных медико-санитарных учреждений военного времени. Одним из них стало Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части всех фронтов при Ставке Российской армии. Приказом по Военному министерству № 568 от 3 августа 1914 г. на эту должность назначили принца А.П. Ольденбургского, предоставив ему широкие права и полномочия. Напомним, что принц, будучи попечителем ИИЭМ, стал активно привлекать его сотрудников к работе в указанном управлении. Верховным главнокомандующим Российской армии являлся вел. князь Николай Николаевич Младший, сын старшей сестры принца. Поэтому принцу часто удавалось быстро получать поддержку Ставки при решении вопросов, с которыми он туда обращался. Когда же великого князя на этом посту сменил царь, то и у него принц всегда находил одобрение своим предложениям.

В качестве своих помощников и консультантов Управления принц привлек проф. В.К. фон Анрепа и проф. С.М. Лукьянова, которых отлично знал. Анрепа по периоду организации ИИЭМ и как первого директора Женского медицинского института, второго — как руководителя Отдела патологии ИИЭМ и его директора в 1894–1902 гг. Он также привлек руководителя Отдела гигиены и директора ИИЭМ с 1913 г. С.К. Дзержговского в качестве специалиста и заведующего походной лабораторией начальника Управления.

Вел. князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях о тех годах дает интересную характеристику личности принца: «Принц Александр Петрович был тем самым командиром гвардейского корпуса,

---

[3] *Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К.* Физиологическая школа И.П. Павлова. Л., 1967.

который вызывал во всех страх... Его назначение во время войны на пост начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир, и на этот раз русская армия оценила благодетельную строгость принца»[4].

Принц был опытным администратором. Кадровый военный, прошедший путь от командира роты в Лейб-гвардии Преображенском полку до командующего гвардейским корпусом, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., он ознакомился с постановкой вверенного ему дела непосредственно на военном театре и начал с решения основной задачи — согласования действий Военно-медицинского ведомства, Ставки Верховного командования, Общества Красного креста, Всероссийского земского союза и Союза городов. По его указанию осуществили точный учет медицинского персонала России, произвели его перераспределение и приняли решение о досрочном выпуске студентов медицинских факультетов университетов и слушателей Императорской ВМА для работы их на фронте в качестве зауряд-врачей.

Среди них были П.С. Купалов, С.В. Аничков, М.А. Усиевич, В.М. Архангельский, А.Д. Сперанский, Л.Н. Федоров и др., которые в дальнейшем работали в институте. К ним можно отнести и Н.Н. Аничкова, окончившего в 1909 г. Военно-медицинскую академию. Он готовился к профессорскому званию, защитил в 1912 г. докторскую диссертацию. С началом войны его назначили старшим врачом 231-го полевого военно-санитарного поезда, и он непрерывно два года работал «по эвакуации раненых, главным образом в Галиции». В 1916 г. он прочитал пробные лекции, получил звание приват-доцента и в мае 1917 г. его назначили прозектором, а весной 1920 г. — проф. кафедры патологической анатомии академии и одновременно он возглавил Отдел патологической анатомии ИЭМ.

В результате этих мер уже к середине 1915 г. в строй военных врачей встало около 1 500 молодых специалистов. Также в качестве вольнонаемных в армию стали активно привлекать девушек и женщин, имевших медицинское образование, которые служили врачами и сестрами милосердия. Вот как описывает в своих мемуарах молодой врач появление принца в прифронтовом военном госпитале: «Очень подвижный, он регулярно объезжал фронт, и как человек, облеченный неограниченными полномочиями, имел право отрешать от должности и даже арестовывать на срок до месяца включительно любого работника санитарного ведомства.

---

[4] Великий князь Александр Михайлович. М. 1991. С. 128.

В эти объезды он брал с собой в вагон крупнейших специалистов — хирургов, терапевтов, инфекционистов, эпидемиологов, гигиенистов и т.п. — консультация с которыми действительно приносила пользу. Я помню эти объезды на нашем Западном фронте. Как только проходил слух, что принц Ольденбургский приезжает, немедленно начиналась подготовка во всех госпиталях: чистили дворы, вычищали погреба и сараи, белили палаты, красили кровати, и все это — в преддверии осмотра госпиталя»[5]. Эти записки, опубликованные в советское время, как и мемуары С.Ю. Витте, кроме отпечатка субъективности, несут и неизбежную отрицательную характеристику принца, например, — «самодур, не терпящий возражений». Простите, но в армии, наконец, есть уставы, и какие могут быть возражения вышестоящему начальнику?

Одним из видов участия Красного креста в помощи раненым были передовые отряды, развертывавшие перевязочные пункты в ближайшем тылу войск, у линии фронта. Большинство отрядов было рассчитано на обслуживание дивизий и корпусов. В столице и в губернских городах формировалось по нескольку передовых отрядов. По штатам военного времени в каждом было по два врача, пять-семь их помощников, т.е. студентов-медиков и несколько сестер милосердия, а также какого-то количества конюхов и ездовых. Обычно такой отряд возглавлял начальник из отставных офицеров. При такой малочисленности отряд, передвигавшийся на повозках, запряженных лошадьми, мог обслуживать лишь небольшое число раненных, причем функция подобного отряда сводилась, в основном, к перевозке раненных в подвижной госпиталь в нескольких десятках километрах от линии фронта. Задача первой помощи ложилась, главным образом, на полковую медицинскую службу, которая развертывала передовые перевязочные пункты. Они также были не в состоянии справиться с потоком раненых. О переливании крови или резекции кишечника речи не могло быть из-за отсутствия на передовой линии квалифицированных хирургов. Раненные в живот гибли от перитонита спустя несколько дней на перевязочных пунктах, потому что их не эвакуировали. Причем в первый год было большое количество ранений пальцев рук, то есть самострелов, которые естественно шли за помощью в отряды Красного креста, подчинявшиеся гражданскому, а не военному ведомству.

С началом военных действий прекратилось поступление в Россию из Германии хирургических инструментов и медикаментов. В столице

---

[5] *Миротворцев С.Р.* Страницы жизни. Л., 1956. С. 83.

оптовые фармацевтические фирмы «Штоль и Шмидт» и «Шаскольский и К», снабжавшие аптеки города, сразу же повысили на 20–25 % цены на медикаменты. В свою очередь, владельцы аптек тоже подняли цены на 50 %. Следствием этого явился приказ принца от 20 октября 1914 г. о создании двух комиссий. Первая контролировала запасы медикаментов и их распределение, вторая — организовывала закупку медикаментов, инструментов и препаратов за границей, например, во Франции или Англии, о чем упоминает граф А.А. Игнатьев в мемуарах «Пятьдесят лет в строю». По почину и благодаря инициативе принца начали промышленное производство йода из морских водорослей в районе Мурманска, а на Кавказе, благодаря его финансовой поддержке организовали сбор лекарственных трав и производство лекарств, используя местное растительное сырье. «Завод военно-врачебных заготовлений» на Аптекарском острове по требованию принца перевели на 3-х сменный график работы (в советское время завод получил название «Красногвардеец»).

Сегодня трудно себе даже представить, что же происходило на фронтах и почему 70-летнего принца назначили на эту должность. Вероятно, прав доктор С.Р. Миротворцев, очевидец тех событий, который писал: «Назначение его начальником санитарной части было продиктовано исключительно большими беспорядками, ухудшениями и неувязками, которые имели место в лечебных учреждениях военно-санитарного ведомства, Красного Креста и т.д. Нужен был человек, который мог бы координировать деятельность этих организаций, человек обладающий полнотой власти, которую ему давала близость к царской фамилии... в борьбе с расхлябанностью, развалом, воровством в интендантстве и вечными интригами в санитарных отделах... Конечно же, питание раненных при нем улучшалось, интендантство отпускало даже со складов дефицитные продукты питания, сменялось раненым белье и т.д.»[6]. Действительно, как только в сентябре 1914 г. принц возглавил Управление, он начал бороться за наведение порядка в своем ведомстве.

Принц нацелил работу Управления и на организацию коечной сети, чтобы максимально обеспечить прием всех раненных и больных. По всем лечебным учреждениям страны рациональным распределением пострадавших занимались губернаторы и градоначальники, которых принц сделал представителями своего Управления на местах, разослав им соответствующие инструкции. В какой-то степени деятельность

[6] Там же. С. 83.

Управления была связана с координацией деятельности большого числа так называемых «санитарных поездов». Значительную часть их организовали частные лица на личные средства, кроме этого, состоятельные граждане в своих домах и особняках открыли госпитали для выхаживания раненых и больных. Такие госпитали открыли в Зимнем, Царскосельском и других дворцах членов семьи Романовых, в здании Академии наук на Университетской набережной, во дворце самого принца на Миллионной, 2, а также во многих зданиях на Невском и других проспектах города. Причем число коек в таких госпиталях колебалось от 5–8 до нескольких десятков. Управление также занималось и архисложной проблемой — размещением, кормлением и лечением беженцев и военнопленных. На закупку продовольствия Управлению отпускались очень большие суммы денег. По воспоминаниям современников, проблем с питанием в годы войны в госпиталях, санитарных поездах и лагерях для военнопленных не существовало.

Во время войны А.П. Ольденбургский практически всегда оказывал содействие деятельности общественных организаций и особенно Обществу Красного Креста при решении целого ряда финансовых, хозяйственных и кадровых вопросов. Так, например: в здании «Клиники кожных болезней ИИЭМ» развернули лазарет общества Красного креста на 200 коек уже в сентябре 1914 г., хотя в мирное время на стационарном лечении в ней находилось не более 65 человек. Лазарет был обеспечен необходимым персоналом и инвентарем. Это организовал куратор клиники член-сотрудник ИИЭМ Н.К. Синягин частью на собственные средства, частью на привлеченные им пожертвования. Причем рентгеновский кабинет «Клиники кожных болезней ИИЭМ» обслуживал и другие лазареты города. Также для их нужд в ИИЭМ выполнялись химико-бактериологические и клинические анализы[7]. Главным врачом лазарета был А.Н. Соловьев, старшим врачом — М.Ю. Мошинский, хирургами-ординаторами — М.И. Неменов и Н.А. Добровольская, ординаторами — В.Е. Дембская, В.Э. Чегодаева, К.П. Цветкова и

[7] Отчет о научно-практической деятельности ИИЭМ за 1914 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; *Неменов М.И.* Диагностика ранений взрывающимися пулями. Экспериментальное исследование на трупах // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1914 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 55–72; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1915. АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 73–82.

Л.И. Цесаренко. Только М.И. Неменов частично обобщил свой практический опыт хирурга в статье «Диагностика ранений взрывающимися пулями. Экспериментальное исследование на трупах»[8].

В 1914 г. в этом лазарете прошли лечение 390 раненых и больных. Из них 119 вновь вернулись в армию, трое скончались, в другие лазареты для дальнейшего лечения перевели 68 человек, и на 1 января 1915 в лазарете осталось 200 пациентов. В 1915 г. в лазарет поступило 505 человек, из них 469 раненых, 24 больных, 11 контуженных и один с обмороженными конечностями, и на 1 января 1916 в лазарете остался 151 пациент.

Вот еще один интересный факт того времени. По рекомендации принца, с началом военных действий в 1914 г. проф. А.А. Владимирова (зав. Отделом эпизоотологии ИИЭМ и заместителя принца по КОМОЧУМ), назначили заведующим Военно-санитарным отрядом Петроградского железнодорожного узла с возложением на него санитарных и эпидемиологических задач еще и на Северном фронте, а также прилегающих к нему тылах.

26 августа 1914 г. Владимиров начал организовывать на столичных вокзалах пункты по дезинфекции вагонов, предназначенных для эвакуации раненых и больных воинов. Этим же делом занимались сотрудник Отдела эпизоотологии В.Н. Матвеев в Харькове и помощник заведующего Отделом химии Г.Г. Тар — в Курске. Уже в 1914 г. в связи с задачами военного времени Отдел эпизоотологии заготовил 87 321 склянку маллеина (препарат для диагностики сапа у лошадей) и 28 088 склянок туберкулина (препарат для диагностики туберкулеза).

Напомним, что с середины XIX в. и до начала войны 1914–1918 гг. в России существовала традиция командировать молодых способных ученых в лучшие лаборатории Европы. Поэтому не удивительно, что, Владимиров отправил своего сотрудника и ученика О.О. Гартоха в 1910 г. в Берлинский университет к проф. Фридбергеру, известному микробиологу и фармакологу. В 1912–1915 гг. Гартох, оставаясь сотрудником ИИЭМ, занимал там должности ассистента, приват-доцента, а затем исполнял обязанности заведующего кафедрой гигиены и бактериологии. Вторым его руководителем в годы командировки был проф. Вильгельм Колле, ближайший ученик проф. Р. Коха. Колле был хорошо известен Владимирову, поэтому на него и пал выбор. В начале войны Колле призвали в армию, и он передал заведование кафедрой Гартоху, который только весной 1915 г. возвратился в Россию. Причем

[8] Там же.

Гартох был призван в армию еще в сентябре 1914 г., но его отсутствие было уважительным — он находился в командировке. Волею обстоятельств учитель и ученик вынужденно оказались по разные стороны линии фронта в начале войны, но уже весной 1915 г. они соединились. В Военно-санитарном отряде Гартох занимался решением эпидемиологических проблем. Несколько его публикаций в этот период свидетельствуют об умении использовать свои теоретические знания для решения практических вопросов: профилактики инфекционных заболеваний. Ярким примером его выдающихся организаторских способностей стала успешная ликвидация вспышки холеры (1916 г.), возникшей в военном лагере в Красном Селе под Петроградом.

С началом военных действий в 1914 г. нашли самое широкое использование методические рекомендации по предотвращению эпидемий и эпизоотий, разработанные в ИИЭМ на основе проводившихся исследований и, в первую очередь, на базе данных полученных в Особой лаборатории. В годы войны в ней наладили бесперебойное производство сывороток и вакцин для предупреждения и лечения опасных инфекций. Во фронтовые и армейские госпитали, санитарные поезда и ветеринарные лазареты ИИЭМ поставлял десятки тысяч доз вакцин, сывороток и других препаратов против инфекционных заболеваний. Принц тщательно контролировал эти поставки, о чем свидетельствуют его телеграммы с запросами о поставках препаратов.

Основные кадры военных эпидемиологов и инфекционистов прошли подготовку на курсах в ИИЭМ и в Особой лаборатории (Чумном форте). Следует отметить, что если в мирное время штат Особой лаборатории состоял из заведующего с 3–4 сотрудниками и 5–10 прикомандированных стажеров, то с сентября 1914 г. в штате Особой лаборатории насчитывалось уже до 60 военных специалистов. Кроме этого с началом военных действий на форте разместили 500 лошадей для получения из их крови сыворотки для приготовления препаратов[9].

В 1916 г. Е.С. Лондона, изучавшего в мирное время обмен веществ в Патолого-бактериологическом кабинете и прослужившего два первых года войны в бактериологических лабораториях военных госпиталей на Северном и Западном фронтах, перевели, по распоряжению

---

[9] *Голиков Ю.П., Андрюшкевич Т.В.* Особая лаборатория. К столетию со дня основания. СПб., 2001. С. 13; *Дубинский А.М., Меркулов В.Л.* Ефим Семенович Лондон (1869–1939) // *Лондон Е.С.* Избр. тр. Л., 1968. С. 7–52; Энциклопедия практической медицины. Пг., 1915. Т. 5 допол.).

принца, на «Чумной форт», где он стал заниматься разработкой приемов очистки и выделения токсина столбняка. Перед ним и его сотрудниками стояла задача — быстро приготовить противостолбнячную сыворотку, которая была остро необходима раненым. Работа осложнялась отсутствием хорошего метода выделения токсина, его очистки и концентрации, без чего создание высокоэффективной сыворотки было нереально. Е.С. Лондон вместе с В.М. Аристовским разработали метод дробного осаждения коллоидного раствора. В дальнейшем этот метод использовали для выделения и очистки ферментов поджелудочного сока. За период 1914–1917 гг. включительно Лондон опубликовал 20 работ, в том числе ряд статей в «Энциклопедии практической медицины» [10].

Всемирно известного эпидемиолога проф. Д.К. Заболотного в 1915 г. назначили главным эпидемиологом армии. Он осуществлял контроль, а по сути дела налаживал эпидемиологическую, санитарно-гигиеническую службу в частях и в тылу на всех фронтах. Во время войны он обратил внимание медиков на проблему сыпного тифа, опубликовав работу, посвященную этому вопросу[11]. При активной поддержке принца ему удалось добиться в Ставке Верховного командования решения о принудительных прививках военнослужащим от дизентерии, тифа и других инфекционных заболеваний.

А.П. Ольденбургский, обеспокоенный возникновением массовых инфекционных заболеваний в войсках, среди населения прифронтовой полосы и военнопленных, приказом от 3.11.1914 г. образовал в своем Управлении Отдел по предупреждению распространения эпидемий. Он распорядился создать изоляционно-пропускные, питательные и врачебно-наблюдательные пункты в тылу и на путях эвакуации. В этой деятельности ему пригодился опыт работы, приобретенный при руководстве КОМОЧУМ. Принц лично участвовал в экспедиции на чуму в Астраханском крае в 1901 г.[12] Правильной организации подобного рода мероприятий также способствовало то, что при содействии принца в ИИЭМ и на фронтах с сентября 1914 г. создали курсы военных дезинфекторов, которыми руководил С.К. Дзержговский. За первый год войны через курсы прошло около 1 550 санитаров-дезинфекторов,

---

[10] Там же.

[11] *Заболотный Д.К.* К патогенезу сыпного тифа // Журн. микробиологии. 1915. Вып. 1/2. С. 220.

[12] *Голиков Ю.П., Андрюшкевич Т.В.* Особая лаборатория. К столетию со дня основания. СПб. 2001.

в 1915 — 1 100. В этом отделе с началом войны стали изучать методы борьбы с удушливыми газами неприятеля и способов активного использования отравляющих вещества (ОВ) армией России[13].

Известно, что во время военных действий германская армия впервые в мире использовала в качестве оружия ОВ. Из-за того, что против газов не было защитных систем, решение этой важной и срочной задачи поручили Управлению, во главе которого стоял принц. К производству повязок против газов привлекли правительственные, общественные и частные организации, поэтому потребность русской армии в простейших противогазах удовлетворили в кратчайший срок. Через некоторое время повязку сменил более действенный респиратор с фильтрами и маской. В.Н. Болдырев, ученик И.П. Павлова, был экспертом Красного креста по защите от отравляющих газов. В 1916 г. его командировали по указанию принца в Англию и Францию для ознакомления с защитными системами от ОВ в этих странах.

В России в ответ на использование газов неприятелем также стали вестись работы по созданию боевых ОВ, чтобы противостоять противнику его же оружием. Для этого при своем Управлении принц организовал Особый отдел, куда привлек для исследований ученых и артиллерийских офицеров. В результате в России наладили производство жидкого хлора.

Также проводились различные экспертизы и исследования по поручению Управления и Военного ведомства. В 1914 г. изготовили 61 486 склянок, а в 1915 г. — 254 321 скляну противотифозных, противодизентерийных и др. вакцин и сывороток для нужд армии[14].

С открытием военных действий деятельность дезинфекционных камер ИИЭМ была направлена на оказание помощи Военному ведомству и Главному управлению Красного Креста. Шла непрерывная обработка верхней армейской одежды, включая зимние вещи, и белья из различных лазаретов для раненных воинов (дворца принца А.П. Оль-

---

[13] Отчет о научно-практической деятельности ИИЭМ за 1914 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; *Неменов М.И.* Диагностика ранений взрывающимися пулями. Экспериментальное исследование на трупах //АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 3–55; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1914 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 55–72; Отчет о научно-практической деятельности Института экспериментальной медицины за 1915 // АБН. 1918. Т. 21. № 1, 2. С. 73–82.

[14] Там же.

денбургского, института принцессы Терезы Ольденбургской, Петровского парка, Добровольного флота, Смольного института, Екатерининской гимназии, Казанского собора, кружка дам Лейб-гвардии Гренадерского полка, Электротехнического института, Всероссийского земского союза и др.). ИИЭМ также собрал от частных лиц, продезинфицировал и отослал в Главное управление Красного креста 7 210 пакетов корпии по 150 *г* каждый[15].

А.П. Ольденбургский привлекал к работе в своем Управлении не только специалистов из ИИЭМ, но и ведущих медиков из других организаций. Так, главный военный медицинский инспектор хирург проф. Н.А. Вельяминов, известный принцу еще со времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., получил его поддержку при создании передвижных рентгеновских установок на автомобилях для армейских госпиталей. Благодаря их усилиям уже в 1915 г. на фронт направили первые шесть установок и начали производство отечественных рентгеновских трубок для стационарных госпитальных установок. Бесспорно, что в своих приказах и распоряжениях принц часто использовал мнения и советы опытных медиков — Н.Н. Бурденко, В.А. Оппеля, Д.К. Заболотного, А.А. Владимирова, Р.Р. Вредена и др., с которыми консультировался по лечебно-профилактическим и организационным вопросам.

Например, по предложению проф. Л.Г. Белляриминова к каждому фронту были прикомандированы летучие отряды офтальмологов, в ряде госпиталей были открыты глазные отделения, а на Юго-Западном фронте — специальные глазные госпитали. Предложение же профессора В.М. Бехтерева, переданное принцу, об оказании помощи душевнобольным воинам реализовали в Томске, где развернули психиатрический госпиталь.

Естественно в деятельности принца были и ошибки. К ним можно отнести его распоряжение о лечении всех венерических больных, не требующих стационарного режима, амбулаторно. Следствием этого явилось увеличение числа венерических заболеваний в войсках и среди гражданского населения.

Активная и энергичная деятельность принца приносила много пользы, однако не всегда встречала одобрение со стороны его подчиненных, недовольных его повышенной требовательностью, а также вспыльчивостью из-за безалаберности или разгильдяйства, свидетелями чего они иногда бывали. Генерал А.А. Поливанов, подчиненный

[15] Там же.

принца, вспоминая о периоде военного времени и о своем начальнике, писал, что в нем «причудливо соединялось высокое научное образование, доброта, бескорыстие, нелицеприятная любовь к общему благу с привычкой к грубой дрессировке ему подведомственного по строевому обряду времен Николая I»[16].

Его, так называемые чудачества, возводились порой в степень анекдотов или легенд, некоторым толкователям они давали повод характеризовать принца как глупого или же ненормального. Многие упрекали его за грубость с подчиненными офицерами, за излишнюю строгость. А, может быть, она не была лишней? Ведь дисциплина в армии — это основа основ. Во всяком случае, все современники принца сходятся в одном, что он производил впечатление истинно благородного, порядочного человека и вельможи. Бесспорно, что причиной строгости и вспыльчивости принца была его выдающаяся энергия. «Он был замечательным организатором, и его кипучая деятельность принесла много пользы России»[17].

Благородство — также было отличительной чертой принца: он до конца оставался преданным последнему русскому царю. Когда многие отвернулись от Николая II после его отречения и бросились спасать свои жизни, принц оставался в свите до отъезда царя из Ставки в Могилеве 8.03.1917 г. Генерал Д.Н. Дубенский отмечал, что «царя провожали на платформе в. к. Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович... и очень выделялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургского с красным обветренным лицом, в полушубке, он стоял, опираясь на палку»[18].

А в ИИЭМ на протяжении военных лет продолжалась обычная научная деятельность только в более скромных пределах, о чем свидетельствует, например, краткая выборка дел, которыми занимался И.П. Павлов.

1914 год

С 7 августа 1914 по 29 мая 1915 г. он исполнял обязанности директора института вместо С.К. Дзержговского, который в сентябре 1914 г. выехал в действующую армию для подготовки дезинфекторов. В письме к своему ученику, проф. Казанского университета А.Ф. Самойлову,

---

[16] *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний. М 1924. Т. 1. С. 177.

[17] *Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 284–285.

[18] *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Тайны истории. Отречение Николая II. М., 1998. С. 71.

Павлов писал 29.12.1914 г.: «Спасибо Вам за привет. Вот Вам и результат всяческих международных общений. Как-то и когда мы встретимся с нашими товарищами по науке? Какая загадочность человеческой жизни, человеческой культуры! Это занимает меня сейчас получше условных рефлексов»[19].

Сведения об Отделе физиологии в военные годы приводятся нами по Летописи жизни и деятельности академика И.П. Павлова[20]. В отделе продолжались исследования по условным рефлексам. Была опубликована докторская диссертация Б.А. Когана «Об иррадиации и концентрации угасательного торможения в коре больших полушарий». С учетом нужд армии заготовлено 15 144 флакона желудочного сока.

Павлов подготовил к назначенному на август 1914 г. съезду психиатрии, неврологии и психологии в Швейцарии доклад «Настоящая физиология» головного мозга», но из-за возникшей войны съезд не состоялся.

1915 год

21 января И.П. Павлова избрали в комиссию, которой поручили заняться вопросом развития естественных производительных сил в России, чтобы освободиться от иностранной экономической зависимости и способствовать росту промышленности, земледелия и торговли — КЕПС. Лондонское Королевское общество присудило ему медаль Коплея.

16 марта он председательствовал на заседании Хозяйственного комитета ИИЭМ, на котором обсуждались кредиты института и вопрос о предоставлении свободных участков земли в усадьбе института под огороды сотрудников.

8 мая Конференция ВМА продлила И.П. Павлову срок профессорства. А 11 июня 1915 г. царь утвердил это решение «в изъятие из закона и не в пример прочим, во внимание к выдающимся заслугам».

В октябре И.П. Павлов направил телеграмму принцу «о необходимости обратиться в Военное ведомство с просьбой о предоставлении ИИЭМ бракованных лошадей, годных для целей института», т.е. для изготовления лечебных сывороток.

8 декабря на заседании Совета он выступил с речью по поводу 25-летия ИИЭМ. Продолжались исследования по физиологии высшей нервной деятельности. Заготовлено 15 323 флакона желудочного сока.

---

[19] Переписка И.П. Павлова. Л. 1970. С. 87.

[20] Летопись жизни и деятельности академика И.П. Павлова. Л. 1969; СПб ФАН. Ф. 652. Оп. 2. № 161. Л. 2.

1916 год

2 января на III съезде экспериментальной педагогики И.П. Павлов сделал доклад «Рефлекс цели»[21], а 24 ноября 1916 г. на заседании философского общества прочел доклад «Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных». И.П. Павлов вошел в комиссию по учреждению Биологического института РАН.

С 1 марта 1916 г. к Отделу прикомандировали его ученика Г.В. фон Анрепа, приехавшего с фронта. Несколько подробнее расскажем о его судьбе, ибо она была, в некоторой степени, типичной для интеллигента того времени. В 1908 г. он поступил в Императорскую ВМА. С 1912 г. начал вести исследовательскую работу по физиологии под руководством И.П. Павлова в ИИЭМ. Неоднократно докладывал о результатах своих исследований на заседаниях Общества русских врачей. В марте 1913 г. его исключили из ВМА за неподчинение приказу военного министра об отдаче воинской чести студентами академии наряду с рядовым составом армии. В том же году он завершил образование, окончив медицинский факультет Юрьевского университета. По предложению Павлова летом 1912 г., а также в 1913 и 1914 гг. он ездил в Лондон для демонстрации проф. Э. Старлингу влияния блуждающего нерва на панкреатическую секрецию и для ознакомления английских коллег с методикой получения секретина.

Во время войны 1914–1918 гг. Глеб Васильевич служил врачом в военно-полевом госпитале, в 1916 г. был ранен и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Демобилизовался, вернулся в Петроград, где его с 31 марта 1916 г. прикомандировали к кафедре физиологии ВМА. Одновременно он возобновил как практикант исследования в Отделе физиологии по изучению условных рефлексов. В 1916–1918 гг. он сдал докторантские экзамены в ВМА, но защитить диссертацию не успел.

Во время Гражданской войны Анреп находился в рядах Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. В 1920 г. он эмигрировал в Англию, где вскоре получил степень доктора медицинских наук и стал ассистентом в лондонском Университетском колледже. В 1925 он получил английское подданство и с 1926 г. преподавал физиологию в Кембриджском университете. Его избрали членом Британского Королевского общества в 1928 г. С 1931 г. и почти до конца жизни он заведовал кафедрой физиологии медицинского факультета в университете Каира. Физиологические исследования, выполненные Анрепом,

[21] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 3. Кн. 1. С. 306–313.

продолжали основные направления исследований, которые проводил Павлов, и их можно условно разделить на три группы: по изучению механизмов высшей нервной деятельности, механизмов пищеварения и механизмов кровообращения. Изучением условнорефлекторной деятельности Анреп в основном занимался в Отделе физиологии в 1913–1917 гг. Он описал своеобразную форму иррадиирования возбуждения в коре головного мозга, при которой кора длительно и стойко изменяла свое функциональное состояние во время осуществления условного рефлекса. Упрочение условного рефлекса во время выработки не ослабляло иррадиирования. Анреп дал этому феномену название «статической иррадиации». Он также экспериментально установил, что распространение условного торможения в коре равномерно и одновременно охватывает все пункты кожного анализатора на всем его пространстве. Таким образом, как считал Анреп, здесь проявляется свойство анализатора, как целостной структуры, синхронно изменять свое функциональное состояние во всех пунктах. Он также определил «предел торможения» — наличие максимума тормозного напряжения коры при изучении взаимовлияний дифференцировочного и условного торможений.

24 декабря Павлов, идя по Лопухинской улице в ИИЭМ, упал и сломал шейку бедра, из-за чего был вынужден находиться дома. Он использовал эту возможность для работы над монографией «Лекции о работе больших полушарий головного мозга».

1917 год

И.П. Павлов в январе написал приветственное письмо I съезду русских физиологов. Предложил организовать научный институт в честь русской революции.

С 21 января по 7 марта тянулась история с выдвижением на премию Н.З. Юшенова (учреждена в 1880 г.) трехтомного учебника В.Я. Данилевского «Физиология человека» (1913–1915 гг.) в ВМА. Учебник вызвал большой интерес и горячую дискуссию среди членов Конференции академии. Специальная комиссия под председательством Павлова рассмотрела все материалы, и книгу одобрили. Однако Павлову, который болел и не мог присутствовать на нескольких заседаниях конференции, пришлось писать повторные отзывы и дискутировать в них с оппонентами автора учебника профессорами М.В. Яновским, Н.П. Кравковым и А.А. Максимовым, которые критиковали учебник. В итоге, несмотря на все усилия Павлова, премия за учебник не была присуждена вообще ни кому из конкурсантов.

10 мая на заседании ФМО АН И.П. Павлов сообщил, что им написано следующее ходатайство: «Фролих, австрийский подданный, доктор медицины и экстраординарный профессор физиологии при Боннском университете, взят в плен как военный врач. Находится в Хабаровске, и у него туберкулез легких. Просит ходатайствовать об обмене его на русского врача или переводе его в университетский город (Томск, Казань), где он мог бы работать в физиологической лаборатории». Необходимо отметить, что еще 31 марта 1915 г. к Павлову обращался доктор Люпшиц из Берна по поручению проф. Ферворна и просил узнать, где находится пленный Фролих, ученик Ферворна. Установив, что Фролих находится в Хабаровске, Павлов возбудил указанное ходатайство, и Фролиха отправили в Ташкент[22].

В мае И.П. Павлов выступил с докладом в Биологическом обществе «Рефлекс свободы» (соав. М.М. Губергриц), а в июне он писал «Наше наступление в Галиции и т.д. совершенно переделывает настроение. А как завертелись германцы?! Конечно, не наступали на нас не потому, что силы не было. Где они теперь найдут ее?»

В европейской части страны уже через год после начала войны стал ощущаться недостаток продовольствия. Ученые ИИЭМ откликнулись на эту проблему рядом разработок. Б.И. Словцев опубликовал «Пищевые раскладки» (1916?). Исходя из своего опыта в этом направлении он выступил на I съезде российских физиологов 6–9 апреля 1917 г. с докладом «Участие физиологов в вопросах питания», в котором обрисовал постепенное увеличение продовольственных затруднений, дошедшее к 1917 г. до суррогатирования. Он указал на назревшую необходимость научной коллективной работы физиологов и биохимиков по этой проблеме и на создание отдельного института для разработки этих вопросов.

В годы войны занимался проблемой питания и В.Л. Омелянский. Он написал ряд статей: «Война и хлебный кризис», «Брожение теста и приготовление хлеба», «Хлеб, его приготовление и свойства» и др. В 1916 г. его «за ученые заслуги в области биологических наук» ИАН избрала чл.-корреспондентом, в 1917 г. он получил от Петроградского университета без магистерского экзамена степень доктора ботаники *honoris causa*, а в 1923 г. стал действительным членом Академии.

9 февраля в непосредственно в ИИЭМ открыли практическое отделение по заготовлению вакцин и сывороток — зав. В.С. Дзержговский.

---

[22] Там же. С. 178, 210.

9 марта С.К. Дзержговский доложил Совету ИИЭМ, что ввиду изменившегося политического строя России необходимо пересмотреть Устав института и сообщил об уходе попечителя А.П. Ольденбургского в отставку, а также об отказе С.М. Лукьянова от исполнения обязанностей попечителя. Совет Государственного ИИЭМ принимает решение: права попечителя принять на себя. Через некоторое время этими правами наделяется уже директор института.

* * *

К началу Первой мировой войны ИИЭМ представлял собой довольно мощное по тому времени научно-исследовательское учреждение, занимавшееся основными разделами биологии и медицины, продолжавшее также вести огромную практическую работу по эпидемиологии и бешенству. На основе опыта и подготовленных КОМОЧУМ и ИИЭМ специалистов в стране в 1920-х гг. возникла сеть из шести институтов «Микроб», которые обеспечивали эпидемиологический контроль и боролись с особо опасными инфекциями.

Во время войны исследовательская работа ИИЭМ в области физиологии, биохимии и общей патологии стала менее интенсивной, более или менее успешно продолжалась лишь работа в области эпидемиологии и микробиологии.

После окончания Первой мировой и Гражданских войн в институт вернулись и стали его сотрудниками армейские врачи, получившие большой практический опыт.

К.О. Россиянов

МЕТАФОРА ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ В ТРУДАХ И.И. МЕЧНИКОВА[1]

Илья Ильич Мечников (1845–1916), создатель первой теории иммунитета и лауреат Нобелевской премии 1908 г., на протяжении многих лет пользовался широкой международной известностью. Несмотря на то, что в 1888 г. он переселился во Францию и до самой смерти работал в Институте Пастера в Париже, его научные открытия неизменно оставались в России предметом патриотической гордости. В то же время для образованных русских Мечников олицетворял саму возможность соединения достижений современной науки, с одной стороны, и ценностей культуры, просвещения и нравственности, с другой[2].

Неожиданное начало Первой мировой войны стало для Мечникова подлинным шоком: ведь он был уверен, что войны между цивилизованными народами отошли в прошлое и возможны они лишь в колониях. Примечательно, что начавшуюся войну он — подобно многим современникам — воспринял как победу «низшего», животного начала, постоянно присутствующего в человеке и только прикрытого тонким слоем культуры. Это представление об опасной нестабильности человеческой природы было прямо связано с особенностями биологических воззрений Мечникова. По его убеждению, человеческое тело

---

[1] Статья подготовлена при поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), грант № 01/SR/03.

[2] О Мечникове см.: *Tauber A.I., Chernyak L.* Metchnikoff and the Origins of Immunology: From Metaphor to Theory. Oxford, 1991. В этой же книге приводятся основные работы о Мечникове. См. также: *Todes D.* Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. New York, 1989. P. 82–103; *Гайсинович А.Е.* Эпистолярное наследие И.И. Мечникова // И.И. Мечников. Письма (1863–1916), М., 1974. С. 3–37; *Он же.* Хроника жизни и творчества И.И. Мечникова // И.И. Мечников Письма к О.Н. Мечниковой, 1876–1899. М., 1978. С. 3–21; *Он же.* Труды и дни И.И. Мечникова // И.И. Мечников Письма к О.Н. Мечниковой. 1900–1914. М., 1980. С. 3–42. Полный список работ самого Мечникова см.: *Хижняков В.В., Вайндрах Г.М., Хижнякова Н.В.* Творчество Мечникова и литература о нем (Библиографический указатель), Москва, 1951. При всем обилии публикаций о Мечникове современной, основывающейся на архивных источниках, биографии ученого до сих пор нет.

соединяет в себе органы, ткани и клетки различного эволюционного возраста и потому является ареной постоянной и жестокой борьбы между развитым и примитивным, «высшим» и «низшим». Но если учесть, что к этой идее Мечников пришел задолго до Первой мировой войны, то как мог он вообще надеяться на победу «культуры» над войнами, «животным» началом и варварством?

Восприятие Первой мировой войны как «неожиданной», и в то же время, как в высшей степени «соответствующей» человеческой природе, было характерно не для одного Мечникова, и не в последнюю очередь связано оно было с тогдашним эволюционным дискурсом, согласно которому эволюция включает как «восходящую», — ведущую к прогрессу, в том числе нравственному, — так и «нисходящую» ветвь, а сам человек, сформировавшись в ходе ожесточенной борьбы за существование, несет на себе неизгладимую печать «звероподобных» предков. Тем самым важная для историка проблема становится понятной при анализе более длительного, предшествовавшего мировой войне исторического периода, когда и сформировались эти особенности европейской эволюционной мысли. Два обстоятельства делают здесь «случай Мечникова» особенно интересным. Во-первых, самые, быть может, крупные научные открытия были им сделаны в попытке разрешить тот внутренний кризис, который постиг его еще в начале 1870-х гг., когда он впервые задумался о несовместимости теории эволюции с последовательной нравственной философией. Во-вторых, анализ биологических работ Мечникова, а также его статей об антропологии, гигиене, вопросах воспитания приводит к неожиданному заключению о том, что даже, казалось бы, сугубо «научное» понимание человеческого тела может существенно различаться в разных национальных контекстах.

В настоящей статье рассматриваются три последовательных этапа научных и философских исканий Мечникова. В первом разделе ранние представления Мечникова о человеческом теле связываются с особенностями восприятия в России органицистских теорий общества, а также с идеями о целостном и гармоничном человеке, которые в это время приобрели широкое хождение у русских авторов, преимущественно народнического направления. Во второй части анализируются радикальные изменения во взглядах Мечникова, произошедшие в 1870-е гг., когда под влиянием эволюционных и расовых теорий он сделал вывод об опасной несогласованности («дисгармониях») в развитии различных частей организма. Наконец, в третьем разделе, открытие в 1883 г. фагоцитов — чрезвычайно примитивных, но при этом полезных для организ-

ма клеток — рассматривается как своего рода компромисс между идеей целостности и очевидным присутствием «атавистических» органов, тканей и клеток. При этом в последние десятилетия жизни Мечников все больше задумывался и о таящейся в этом «компромиссе» фундаментальной угрозе: возможной потере контроля над «примитивным», пусть даже и выполняющим «полезную» функцию.

Мечников и «физиологическая» теория равенства

Родившись в семье отставного гвардейского офицера, Мечников уже в раннем возрасте испытал сильный интерес к естествознанию. Закончив в 1864 г. Харьковский университет, он отправился в Европу, где на протяжении нескольких лет работал в различных лабораториях. Избрав основным предметом своих занятий эмбриологию и тесно сотрудничая с А.О. Ковалевским, Мечников выполнил ряд важных работ, заложивших основание эволюционной эмбриологии и приблизивших к современному пониманию происхождения многоклеточных животных.

Характеризуя интерес к науке, проснувшийся в 1860-х гг. в русском обществе, Мечников позднее писал, что от естественных наук ждали ответа на «главнейшие вопросы, мучающие человечество»[3]. У поколения «нигилистов» интерес к научному знанию сочетался с эгалитарными устремлениями. Но, что если данные естественных наук войдут при этом в противоречие с требованиями справедливости и равенства или будут использованы против них?

По мнению известного литературного критика и публициста Д.И. Писарева, появление в России буржуазного класса было неизбежно. Однако просвещение и распространение в обществе привычки мыслить научно, т.е. в соответствии с наличными, эмпирическими фактами, приведут к тому, что, даже преследуя собственные интересы, образованный капиталист будет неизбежно действовать в интересах всех, смягчая неравенство, и особенно по сравнению с теми его формами, которые достались «в наследство» от дореформенной эпохи[4]. Примерно

---

[3] *Мечников И.И.* А.О. Ковалевский (Очерк из истории науки в России) (1902) // *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний: Сб. автобиографических статей, М., 1946. С. 14–44. Цит.: С. 44.

[4] *Писарев Д.И.* Нерешенный вопрос (статья третья и последняя) // Русское слово. 1864. № 11. Отд. 2 (литературное обозрение). С. 1–64.

с начала 1870-х гг. подобный ответ стал представляться сомнительным все большему числу образованных людей, чему способствовали не только непосредственные последствия реформ 1860-х гг., но и наблюдения над западным обществом[5]. Что если «неизбежное» появление индустриального капитализма в России приведет вовсе не к меньшему, а к большему неравенству?

Этот вопрос поставили, как известно, представители нового направления мысли, сменившего нигилизм — народники, которые в конце 1860-х – начале 1870-х гг. попытались сформулировать свою теорию некапиталистического развития. Согласно Н.К. Михайловскому, впервые высказавшему свои взгляды в форме критики органицистских теорий Спенсера («Что такое прогресс?», 1869), достижения науки могут быть опасны для личности, если будут использованы для дальнейшего порабощения ее обществом, следующим принципу «органического целого». Личность не может быть ни структурным компонентом, ни функциональным инструментом общества, которым грозит ее сделать современная система индустриальной организации и разделения труда. При этом идеальным состоянием общества является, по Михайловскому, состояние «простой» (а не «сложной») кооперации, при котором разделение труда не выражено, прообраз же этого «идеала» он, как и другие народники, видел в русской крестьянской общине. Иными словами, если использовать термины Э. Дюркгейма, которого Михайловский цитировал в поздних сочинениях, «механическая» солидарность предпочтительнее солидарности «органической».

Отсутствие разделения труда открывает путь к полному развитию личности именно потому, что уже в самом устройстве организма заложен изначально некий естественный баланс функций, который в современном обществе болезненно искажен. Тем самым, идеал «целостной» личности укореняется в «правильном» и «естественном» устройстве тела, которое, таким образом, становится предпосылкой общественной справедливости и равенства. А нравственным Михайловский объявляет такой прогресс, который ведет к «максимальному» развитию и разделению труда между органами тела и «минимальному» разделению труда в обществе[6].

---

[5] См.: *Walicki A*. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford, 1969. P. 26–27.

[6] Некоторые авторы усматривают непосредственную связь между идеями Н.К. Михайловского и теоретика анархизма П.Н. Кропоткина. См.: *Vucinich A*.

Хотя с этой конкретной «формулой» прогресса не соглашались многие даже в народнической среде (П.Л. Лавров и другие), характерным для всех было представление о вреде чрезмерного разделения труда, а также идеализация общины. Данное представление, в свою очередь, было связано с необыкновенно острым ощущением безнравственности того разрыва между интеллигенцией и народом, между умственным и физическим трудом, — той, в буквальном смысле, пропасти, которая существовала в России (возможно, становясь все глубже) и которую народники стремились, во что бы то ни стало, преодолеть. Несколько позднее сходная идея «опрощения» была высказана Л.Н. Толстым, хотя от народников его, разумеется, отличало очень многое, — в частности, огульное отрицание современной науки и образования.

Для нас здесь важно, что представления о «естественном» разделении труда между органами человеческого тела и, одновременно, о гармоничной, «неотчужденной» личности были восприняты в 1868–1869 гг. Мечниковым. Вывод этот опирается не только на его статьи, но и на сохранившиеся архивные материалы: записные книжки и дневниковые записи. В записи, сделанной в начале 1870-х гг., Мечников, ссылаясь на Михайловского, отмечает, что сам он еще в 1868 г. (т.е. до Михайловского), пришел к выводу о том, что человек «должен равномерно упражнять все свои органы, что это условие счастия и составляет цель жизни». Возможно, представление о «естественности» равномерного разделения труда между различными органами человеческого тела и о «вреде» такого же разделения труда в обществе Мечников каким-то образом почерпнул у русского биолога и революционера, рано умершего Н.Д. Ножина — близкого знакомого А.О. Ковалевского, а также Михайловского, на формирование взглядов которого Ножин оказал большое влияние. Как бы то ни было, в своей опубликованной в 1871 г. статье Мечников напишет о том, что задача воспитания заключается в исправлении «неравномерного развития ...частей [организма], “нормальное” отправление которых должно составлять нечто гармонически целое». Тогда же он вступит в прямую полемику с взглядами Г. Спенсера, отказываясь видеть в дифференциации общества и «чрезмерном разделении труда» — «прогресс»: «Возьмем пример разделения труда на фабриках. Всем известно, что доведенное до значительной степени разделение труда превращает отдельного человека в орган отдельной машины... прогрессисты восстают против чрезмерного

Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861–1917. Chicago; London, 1976. P. 83, 91.

разделения труда и превращения человека в составную часть особи высшего порядка, и, по моему мнению, они совершенно правы»[7].

Основываясь на «естественном» устройстве тела, Мечников надеется на создание рациональной этики. Сохранилось его свидетельство о том, что в конце 1860-х гг. он, будучи доцентом Петербургского университета, пытался устроить свою жизнь на принципе возможно меньшего разделения труда, не нанимая прислуги и обслуживая себя полностью сам, хотя и оставался при этом далеким как от политического радикализма, так и от какой-либо политической деятельности[8].

Постепенно накапливались и противоречившие этому воззрению научные и «жизненные» данные, но прошло еще несколько лет, прежде чем Мечников ясно понял, что представление о «естественном» разделении труда между органами — эта биологическая ставка целостной, неотчужденной личности — оказывается бита ничем иным, как «объективными» фактами его же науки.

Открытие примитивности

В 1873 или 1874 г. Мечников заносит в записную книжку признание: его прежние представления о естественном равновесии и необходимости равномерного развития всех органов человеческого тела оказались несостоятельными. При этом, пишет ученый, он постулировал «гармоничное устройство организма, которое в действительности не существует»[9].

Слому старого мировоззрения предшествовал глубокий личный кризис. Смерть от туберкулеза первой жены Мечникова — Людмилы Васильевны Федорович в апреле 1873 г. привела его к попытке самоубийства, вызвала чувство бессмысленности жизни, а также повлекла за собой кратковременное пристрастие к морфию. Заболевание глаз

---

[7] *Мечников И.И.* О цели человеческой жизни. О равновесии отправлений различных органов. Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 584 (И.И. Мечников). Оп. 1. Д. 271; *он же*. Воспитание с антропологической точки зрения. (1871) // *Мечников И.И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения. 3-е изд. М., 1923. С. 37–58. Цит.: С. 58; *Мечников И.И.* Задачи современной биологии (1871) // *Мечников И.И.* Собр. соч. Т. 4. М., 1960. С. 109–132. Цит.: С. 121; о Ножине см.: *Рудницкая Е.Л.* Шестидесятник Николай Ножин, М., 1975.

[8] См.: *Гайсинович А.Е.* Примечания // *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний. С. 246–247.

[9] АРАН. Ф. 584. Оп. 1. Д. 271.

заставило оставить на время занятия эмбриологией и задаться планом поездки с антропологическими целями в калмыцкую степь.

В свою очередь, для антропологических исследований Мечникова важным оказался воспринятый им «биогенетический закон» Э. Геккеля, согласно которому индивидуальное развитие организма (онтогенез) является непосредственным, хотя и видоизмененным, повторением тех стадий, которые данная группа организмов прошла в ходе развития эволюционного (филогенеза). Столкнувшись с тем, что один из частных, но чрезвычайно характерных признаков монгольской расы — строение века — проявляется у калмыков в детском возрасте сильнее, чем в пожилом, а также может иногда наблюдаться и в детском возрасте у европейцев, Мечников пришел к выводу не только о древности этого признака, но и о том, что наличие его у монголоидов является примером «остановки в развитии» (das Stehenbleiben in der Entwicklung).[10] Подкрепив это данными антропометрических измерений, проделанных во время состоявшейся в 1874 г. второй поездки в калмыцкую степь, Мечников сделал заключение, что и сама монголоидная раса демонстрирует «остановку в развитии» и соответствует «детскому» возрасту расы «кавказской» (европейской).

Вслед за этими антропологическими наблюдениями Мечников приходит к выводу о том, что в человеческом теле присутствуют и другие остановившиеся в развитии органы, при этом не как исключение, а, скорее, как правило. «...Распространено убеждение, — писал Мечников в 1874 г. в черновике неопубликованной работы, — что животный организм вообще, а человеческий — в особенности, представляют сложную и удивительную машину, отдельные части которой находятся во взаимной связи и, работая вместе, производят загадочные с первого взгляда явления жизни». Однако, добавляет он, «...животный организм должен быть сравниваем не с такой машиной, в которой каждая отдельная часть необходима для исполнения данной работы, но с такой, лишние винты которой не устранены, а сохранены в более или менее полном виде, рядом с частями, играющими существенную роль в жизни»[11].

---

[10] *Metschnikoff E.* Über die Beschaffenheit der Augenlider bei den Mongolen und Kaukasiern // Zeitschrift für Ethnologie. 1874. № 6. S. 153–160; об экспедициях в Калмыцкую степь см. также: *Белкин Р.И., Гремяцкий М.А.* Комментарии к статьям по антропологии и этнографии // *Мечников И.И.* Собр. соч. Т. 16. М., 1964. С. 365–386.

[11] *Мечников И.И.* Антропологические этюды о нравственности. АРАН. Ф. 584. О. 1. Д. 266. Л. 10.

Отсюда и явления «разлада между отправлениями отдельных частей», или неустранимых «дисгармоний». «Гармония» же отныне невозможна, ибо «свободное» развитие примитивных органов таит в себе опасность регресса. Ведь, как напишет Мечников в статье 1877 г., «...в человеческом теле заключено целое низшее животное существо». А позднее, полемизируя со взглядами Л.Н. Толстого о необходимости «естественной» жизни и соединения физического и умственного труда (по сути сходными с его собственными воззрениями до 1873 г.), он выразился еще определеннее: «Предоставьте ему [животному существу внутри человеческого тела. — *К. Р.*] ...только свободно развиваться на том основании, что оно составляет “естественное свойство” нашего организма, и оно не замедлит вырваться». И если следовать теории «естественного» развития органов, то должен ли, например, человек упражнять имеющуюся у него способность к хватательным движениям стопы, унаследованную от предков-обезьян?[12]

В то же время, «остановки», т.е. прекращение развития отдельных органов, полностью аналогичны «остановкам» в развитии отдельных рас, а сами «дисгармонии» описываются при помощи расовых метафор. Это заметно уже в появившейся в 1874 г. статье «Возраст вступления в брак», где впервые, если брать опубликованные труды ученого, проводится мысль о неустранимых дисгармониях человеческой природы (любопытно, что все расовые сравнения были изъяты — без обозначения купюр в тексте — при подготовке «полного», академического собрания сочинений Мечникова). Вообще-то, метафора, связывавшая заключенное в цивилизованном человеке атавистическое существо с «дикарем», была чрезвычайно характерной для европейского антропологического и культурного дискурса. О «высших» и «низших» расах идет речь и в двух статьях, опубликованных Мечниковым в либеральном журнале «Вестник Европы»[13].

---

[12] *Мечников И.И.* Возраст вступления в брак (1874). Цит. по: *Мечников И.И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения... С. 59–101; *Он же.* Очерк воззрений на человеческую природу (1877) С. 102–120; *Он же.* Закон жизни. По поводу некоторых произведений гр. Л. Толстого (1891). Там же. С. 208–209.

[13] *Мечников И.И.* Антропология и дарвинизм // Вест. Европы. 1875. Кн. 1. С. 159–195; Борьба за существование в обширном смысле // Там же. 1878, Кн. 7. С. 9–47; Кн. 8. С. 437–483; в последней статье едва ли не бóльшая часть текста при публикации в академическом собрании сочинений была изъята.

Любопытно, что высказанные в них представления о расах и кипящей в обществе борьбе за существование не получили отклика в русской печати. И можно ли было вообще связать эти идеи с насущными вопросами русской жизни? В отличие от европейских колониальных держав, проблема отсталости не имела в России никакого отношения к проблеме расы и «биологической» примитивности. Провести границу между расами: европейской и монголоидной было зачастую очень трудно. Вспоминая позднее о путешествиях по калмыцким степям, Мечников в шутку говорил, что каждый встреченный калмык казался ему «вылитым Иваном Михайловичем», т.е. профессором И.М. Сеченовым, его близким другом и коллегой по Одесскому университету, внешность которого отличалась выраженными монголоидными чертами. Далее, никто в России, кроме явно маргинальных авторов, не разделял представления о том, что борьба за существование ведет к нравственному совершенствованию человечества[14]. Не разделял этого мнения и Мечников, который, хотя и принимал совершающуюся в человеческом обществе ожесточенную борьбу за существование как неоспоримую данность, но в то же время был убежден в том, что нравственности на этом основании построить нельзя.

После 1870-х гг. Мечников не писал больше специальных статей, которые были бы посвящены «низшим» расам, либо проблеме борьбы за существование в обществе. Реальная угроза нравственности и человеческому счастью связана в дальнейшем не столько с представителями низшей расы, сколько с противоречиями низших и высших начал во внутреннем устройстве человека, заставляющими его страдать от неустранимого «разлада». (Хотя при этом представители «высших» рас чувствуют эти противоречия намного острее). В результате идее непримиримого расового конфликта суждено было сыграть важную эвристическую роль при анализе тела, а не общества.

Примечательно, что неустранимость дисгармоний объясняется тем, что они являются свойством «нормального» тела и вызваны «естественным» ходом эволюции, создающей новое и «совершенное» не «на месте» примитивного, а чаще всего «рядом» с ним (идея «неотвинченных» винтов). И в этом отношении идеи Мечникова опять-таки отличаются от получивших хождение в Европе (сначала в медицине, а затем, примерно с начала 1880-х гг., в эволюционной мысли) представлений о «вы-

[14] См.: *Vucinich A*. Social Thought in Tsarist Russia. P. 236.

рождении», или «дегенерации». Ведь «вырождение» — это своего рода «болезнь», которая проявляется наиболее ярко в отдельных людях — «дегенератах», и, следовательно, от угрожающей ему необратимой «порчи» человечество может «спастись», изолировав «дегенератов» и установив соответствующие барьеры в самом обществе.[15] Отмечаемые же Мечниковым эволюционные дисгармонии: «атавистические» черты зубной формулы, «ненужные» отделы толстого кишечника, несовпадение возраста половой, физической и социальной зрелости, наконец, даже сами примитивные инстинкты и особенности поведения, — присущи всем представителям общества и потому, вообще говоря, неустранимы социальными мерами.

В то же время эволюционный дискурс морального контроля не может привести к подлинной нравственности, ибо, хотя подавление примитивных инстинктов и является долгом «цивилизованного» человека, его все же недостаточно для устранения дисгармоний и «возврата» к «гармоничному» состоянию. Подобный «возврат» мыслим только как обращение эволюции вспять. Усиливающийся пессимизм приводит Мечникова в 1881 г. к новой попытке самоубийства. Но вслед за этим в жизни его намечается поворот к новому, более оптимистическому мировоззрению, в чем важную роль сыграло изменение его научных воззрений. Однако перед тем как Мечников нашел разрешение мучивших его противоречий, проблема «высшего» и «низшего» была им понята как коренящаяся еще более глубоко во внутренней организации тела — как проблема отношений не только органов, но и отдельных клеток.

Укрощение «зверя»

Сторонники т.н. теорий «клеточного государства», которые во множестве появлялись на страницах биологических трудов после того, как Р. Вирхов выступил со своей книгой о «Целлюлярной патологии», склонны были в устройстве многоклеточного организма, видеть осуществленный идеал общественной, или государственной гармонии, возникающей из разумного подчинения «клеток-граждан» интересам целого. Так, Э. Геккель проводил прямую параллель между колониями общественных насекомых (муравьев или пчел), государством и много-

[15] См.: *Pick D.* Faces of Degeneration: A European Disorder: 1848–1918. Cambridge, 1989.

клеточным организмом. Во всех этих случаях торжествует, по его словам, «великий закон разделения труда»[16].

Но Мечников не мог увидеть в подобном «разумном», «научном» неравенстве гармонии. Ведь неравенство структурных частей организма связано не только с их меньшим или большим значением для целого, но и с разным эволюционным возрастом этих частей, что совершенно неизбежно приводит к «дисгармониям». И впервые Мечников применяет этот принцип не только к органам, но и к клеткам в ходе исследований конца 1870-х – начала1880-х гг., посвященных происхождению первых многоклеточных животных и особенностям примитивного пищеварения[17].

По сути, асинхронии эволюционного развития порождаются первым же «разделением труда» между «равными» до этого клетками примитивной колонии при эволюционном превращении колонии в первобытный многоклеточный организм, состоящий из двух различных клеточных слоев: внешнего и внутреннего, которые выполняют, в свою очередь, две различные функции: двигательную и пищеварительную. Ведь в ходе дальнейшего эволюционного развития амебовидные клетки внутреннего слоя сохраняются, как полагал Мечников, практически неизменными в организме многоклеточных животных; так, некоторые примитивные черви, которые способны уже к «настоящему», полостному пищеварению, обладают способностью и к пищеварению внутриклеточному; очень похожие клетки присутствуют и в организме высших животных. В каком-то смысле это и есть самые древние и примитивные клетки в составе многоклеточных организмов, «остановившиеся» в развитии и унаследовавшие высокую степень автономии, в частности, способность к свободному передвижению внутри организма. Следует ли думать, что клетки эти сохранялись с древнейших времен только лишь в виде «чистого» рудимента?

В 1883 г. Мечников предположил, что и у высших животных амебовидные клетки выполняют функцию переваривания, но переваривания защитного, которое позволяет им захватывать и уничтожать проника-

---

[16] *Virchow R.* Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiologische und pathologische Gewebelehre. Berlin, 1858; *Haeckel E.* Über Arbeitstheilung in Natur- und Menschenleben. Berlin, 1869.

[17] Результаты этих исследований подытожены в **фундаментальном** труде Мечникова «Эмбриологические исследования над медузами» (1886) // *Мечников И.И.* Избр. биологические произведения. М., 1950. С. 271–472.

ющих в организм микробов и других паразитов. Драматическая история открытия этих, названных им вскоре «фагоцитами» клеток, — а вместе с тем, и новой, иммунной функции многоклеточного организма — описана самим Мечниковым и давно уже стала хрестоматийной. Но нам хотелось бы, обратить при этом внимание на то, что, выступая с первым же сообщением о своем открытии, он сравнил эти клетки с туземными армиями, которые европейские державы набирают в колониях для борьбы с «дикарями», причем эффективность этих армий определяется тем, что они находятся практически на той же ступени развития, что и их враги[18].

Метафора «частично» цивилизованного дикаря, обученного лишь азам европейской техники, важна, в частности, потому что указывает на необходимость сохранения «дикости», будь то туземные армии или иммунные клетки. Ведь именно «примитивность» позволяла объяснить способность фагоцитов самостоятельно перемещаться, находить, а затем уничтожать болезнетворные агенты и ненужные клетки самого организма, поглощая их как законную «добычу». И «примитивности» суждено было в дальнейшем сыграть роль ключевого довода в спорах Мечникова с оппонентами, обвинявшими его в том, что он приписывает отдельным клеткам способность к «разумным» и «целесообразным» действиям. Дело здесь, как указывал Мечников, не в «разумности» и «целесообразности», а в близости фагоцитов к одноклеточным организмам, позволяющей им действовать, в значительной степени, самостоятельно.

Открытие фагоцитоза изменило взгляд Мечникова на дисгармонии человеческой природы, знаменуя переход от беспросветного пессимизма к осторожному оптимизму. Ведь мучившая его дилемма — невозможность целостности при том, что отдельные части тела обладают разным эволюционным возрастом — обрела, наконец, решение: фагоциты сохраняют свою примитивность не как неустранимое «наследие» прошлого, а как важнейшее свойство, полезное организму в целом, т.е. своего рода приспособление. Значит, «низшее» могут связывать с «высшим» не только отношения фатального антагонизма, но и постепенно устанавливающегося сотрудничества.

---

[18] *Мечников И.И.* Мое пребывание в Мессине (Из воспоминаний прошлого) // *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний...(см. примеч. 3). С. 70–76; *Мечников И.И.* О целебных силах организма (1883) // *Мечников И.И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения... С. 191–199. Цит.: С. 198.

Вскоре после своего открытия Мечников окончательно оставляет эмбриологию и зоологию и становится бактериологом и иммунологом, развивая и отстаивая свои взгляды в полемике с патологами и медиками, а затем и с бактериологами-«гуморалистами», считавшими, что иммунитет обеспечивается не клетками, а циркулирующими в крови химическими веществами — т.н. «антителами», по определению П. Эрлиха. Ко времени Первой мировой войны полемика, в основном, завершилась признанием важной роли как фагоцитов, так и антител[19].

В каком-то смысле, благодаря теории иммунитета Мечников вновь вернулся к своей старой схеме, согласно которой целостность, всегда сохранявшая для него одновременно биологическое (целостность тела) и моральное (целостность «гармоничной», неотчужденной личности) значение, понималась как своего рода равновесие, «баланс». Но, в отличие от ранних представлений конца 1860-х гг., «баланс» этот был несовершенен, будучи не исходно «данным», «естественным» состоянием организма, а постепенно складывающимся в ходе эволюционной, следовательно, неполной и несовершенной «притирки» частей. В начале 1890-х гг. Мечников впервые отмечал, что по мере старения организма фагоциты выходят «из-под контроля» и набрасываются на «благородные», по определению Мечникова, «клеточные элементы»: клетки мозга, мускулов и внутренних органов. Надеясь замедлить старение, Мечников, в частности, пытался создать специальные сыворотки против фагоцитов, что позволило бы ослабить их активность[20].

Тем самым, прогресс медицины как будто требует безусловного подавления «низшего». Однако, в конечном итоге, идеал «гармонии» оказывался связан, все-таки, не с победой «высшего», а опять-таки с организмом как целым, пусть даже понятым совершенно парадоксальным образом. В поздних работах у Мечникова появилось спекулятивное, но чрезвычайно для него важное представление о «естественном» пределе жизни, достижение которого будет сопровождаться прямым желанием смерти. Причем это будет не просто чувство исполненности жизненных задач, но и переживание внутренней гармонии, чувство «насыщенности» жизнью, которое, в свою очередь, будет основываться на естественно возникающей физиологической потребности, подобной желанию сна. (Из всех живых организмов подобного «естественного» предела

---

[19] *Silverstein A. M.* A History of Immunology. San Diego, 1989. P. 38–58.

[20] Подробнее см.: *Гайсинович А.Е.* Труды и дни И.И. Мечникова (см. примеч. 2). С. 32.

жизни достигают, по мнению Мечникова, только поденки.) И на место старой, впоследствии им отвергнутой и осмеянной (в критике взглядов Толстого) идеи физиологической гармонии органов как некой природной, статичной данности приходит представление о гармоническом, «полном» «жизненном цикле» человека, как основной задаче научной гигиены и человечества в целом.

Несмотря на признание глубочайших, разрешаемых только смертью противоречий человеческой природы, мировая война оказалась для Мечникова неожиданной. Возможно, потому что неизбежно означала крушение жизненных надежд: и как своего рода «апофеоз» преждевременных смертей, и потому, что, мучительно умирая от болезни сердца, Мечников в то же время сознавал, что и его глобальная гигиеническая утопия в условиях войны, неизбежного послевоенного разорения и упадка культуры едва ли осуществима. Для историка же поздние работы Мечникова выглядят как своего рода «послесловие» к попыткам целого поколения образованных русских людей найти обоснование идеалам равенства и нравственной правды в данных естественных наук. Что осталось от этих стремлений у одного из самых даровитых представителей этого поколения? Не что иное, как «теория» смерти, ведь идеал «полного», неотчужденного существования достигается и переживается только в самый момент ухода в небытие — в момент «правильного» завершения жизненного цикла.

Заключительные замечания

Личность, несущая в себе атавистические, животные черты и потому обреченная на постоянный конфликт с самой собою, становится ближе к концу XIX в. достаточно общей темой как европейского научного, так и культурного дискурса[21]. Но в случае Мечникова конфликт «высшего» и «низшего» был не только предметом культурной и моральной рефлексии, а стал и отправной точкой для научных исследований, приведя в итоге к одному из крупнейших открытий биологии XIX в. Уникальным следует признать и то, что функция защиты целостности была «доверена» наиболее примитивным элементам организма, радикально переосмысленному и «прирученному» атавистическому началу.

---

[21] См., например: *Paradis J.G.* Evolution and Ethics: T.H.Huxley's «Evolution and Ethics» with New Essays on its Victorian and Sociobiological Context. Princeton, 1989.

По крайней мере, отчасти «необычность» воззрений Мечникова объясняется особенностями восприятия европейских биологических теорий в России. Как известно, расовая теория, а также идеи «вырождения» и социал-дарвинизма были здесь предметом почти исключительно академического дискурса[22]. С одной стороны, Мечников, по-видимому, выделяется на общем фоне, т.к. действительно глубоко воспринял эти идеи: «открытие» примитивных людей, а затем и примитивных органов подорвало его веру в то, что человеку суждено счастливо и гармонично устроиться на Земле. Эволюционные и социал-дарвинистские идеи он, еще находясь в России, пытался применить и к анализу общества. С другой стороны, эти попытки не встретили отклика, возможно потому, что в русской культуре с идеями этими не связывалось, какого бы то ни было, очевидного и общепонятного морального и практического смысла. А сам Мечников свел в дальнейшем причины порождаемых эволюцией противоречий и моральных проблем к дисгармониям внутреннего устройства тела — к проблеме асинхронии в эволюционном развитии различных частей организма, а вовсе не людей и рас. Примечательно, что и русские, и западные биографы Мечникова трактовали его идею биологических дисгармоний как нечто sui generis, начисто игнорируя ее несомненную связь с дискурсом расы на Западе.

Научные метафоры, могут, по словам Д. Тодеса, терять присущую им «силу очевидного (commonsensical power)», попадая в контекст иной национальной культуры[23]. И если одни из них просто перестают убеждать аудиторию, то другие активно переосмысливаются. Так, например, в России второй половины XIX в. многие видели в дифференцированном, правильно устроенном и функционирующем организме вовсе не прообраз общества, а скорее, физиологический «аналог» неотчужденной, «полной» человеческой личности. И, как мы видели, последнее сравнение, которое в молодости было воспринято Мечниковым, стало для него затем не только источником глубочайшего разочарования (когда выяснилось, что физиологической гармонии не

---

[22] См.: *Sunderland W.* Russians into Iakuts? ‘Going Native’ and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914 // Slavic Review. 1996. Vol. 55. P. 806–817; *Adams Mark B.* Eugenics in Russia, 1900–1940 // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. M. Adams. Oxford, 1989. P. 153–216.

[23] *Todes D.P.* Darwin without Malthus... P. 168. (примеч. 2).

существует), но и определило его пристальное внимание к внутренним дисгармониям тела, а также возможности их преодоления. Возможно, дальнейшие исследования в области истории наук о жизни в России позволят лучше судить о роли ученых в создании тех или иных «национальных» образов тела. Важно подчеркнуть, что речь может идти при этом не только о разных способах восприятия, понимания и инструментализации универсального научного знания, но и об «обратном» процессе: влиянии локальных, «национальных» метафор на развитие «общего» знания.

И.Е. Сироткина

РОССИЙСКИЕ ПСИХИАТРЫ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Благодаря работам западных историков наши представления о психиатрии времен Первой мировой войны за последнее десятилетие существенно расширились[1]. Вопреки мнению, что война никак не повлияла на психиатрические концепции, недавние исследования показывают: западная психиатрия вышла из войны не без приобретений. Во-первых, она прочно утвердила себя как одна из специальностей военной медицины. Во-вторых, дискуссии вокруг новой категории — травматический невроз, «shellshock», или «воздушная контузия», — способствовали широкой ассимиляции идеи о психогенных, т.е. порожденных психологическими причинами болезнях, и привели к росту престижа психотерапии в послевоенные годы[2].

На фоне этих работ Россия по-прежнему представляет белое пятно. Хотя исследования на эту тему начинают появляться, вопрос о сравнении психиатрии военного времени в России и на Западе в явном виде никем не ставился.[3] Конечно, все согласны с тем, что психиатрия в России развивалась не в изоляции: российские врачи традиционно ездили в Европу завершать свое образование, стажироваться у известных профессоров, знакомиться с новостями практической психиатрии. Но нельзя преуменьшать вызванные спецификой местной жизни отличия российской психиатрии от западной. Речь идет не о различиях в понятиях и концепциях, поскольку знание, полученное психиатрами в одной

---

1 *Rodebush M.O.* A Battle of nerves: Hysteria and its treatment in France during World War I. PhD thesis. University of Columbia at Berkeley, 1995; *Kaufmann D.* Science and cultural practice: Psychiatry in the First World War and Weimar Germany // J. of Contemporary History. Vol. 34. 1999. P. 125–144; *Lerner P.F.* Hysterical men: War, Neurosis, and German mental medicine, 1914–1921. PhD thesis, Columbia University, 1996; *Shepard Ben.* A War of nerves: Soldiers and psychiatrists, 1914–1994. London, 2000.

2 *Фридлендер Ким.* Несколько аспектов shellshock'а в России 1914–1916 // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 315–325; *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281.

3 *Фридлендер Ким.* Указ. соч; *Асташов А.Б.* Указ. соч.

стране, с теми или иными оговорками, становилось достоянием врачей других стран. Не слишком отличалась и практическая сторона дела: при постройке больниц в России использовался западный опыт, содержание и лечение в них душевнобольных принципиально не отличались. Так же, как и на Западе, российские частные лечебницы были гораздо лучше тех огромных и переполненных больниц, которые устраивало за свой счет государство. Так же, как и за границей, вроде бы, гуманное дело — помощь душевнобольным — была для многих из них источником страданий; психиатрия могла с легкостью быть использована в целях насилия и нарушения гражданских и личных прав.

Та разница между военной психиатрией в России и на Западе, о которой пойдет речь, относится скорее к особенностям профессионального сообщества психиатров в России и связана с политическими условиями. Известно, что в отличие от своих западных коллег, большая часть которых имела частную практику, врачи в России гораздо больше зависели от своего главного работодателя — государства. Возможно, поэтому они были одной из наиболее радикально настроенных групп интеллигенции; многие относились критически не только к политике государства в области здравоохранения, но и к царскому режиму вообще[4]. На политические события рубежа XIX–XX вв. медики откликались открытыми выступлениями, обвиняя репрессивный режим в нанесении вреда здоровью населения.

Психиатры были не менее, если не более радикальными, чем представители других медицинских профессий. Это связано с тем, что статус психиатрии по сравнению с другими медицинскими специальностями был невысок. Те, на кого не была возложена задача заниматься душевнобольными, считались надзирателями, а не врачами; только в конце XIX в. психиатрия начала превращаться в академическую дисциплину. Положение психиатров было незавидным: с одной стороны, общество ожидало от них решения проблем с положением душевнобольных; с другой стороны, оно весьма неохотно удовлетворяло требования психиатров об открытии новых больниц и улучшении условий

---

[4] *Frieden N.M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, Press, 1981; *Brown J.V.* Professionalization and Radicalization: Russian Psychiatrists Respond to 1905 // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. H.D. Balzer. Armonk, 1996. P. 143–167; Idem. Psychiatrists and the State in Tsarist Russia // Social Control and the State / eds. Stanley Cohen and Andrew Scull. New York, 1983. P. 267–287.

содержания пациентов и работы персонала. Даже земства и городские санитарные бюро далеко не всегда шли навстречу запросам психиатров. По мнению историка, накануне войны затяжной конфликт между психиатрами, с одной стороны, и правительством и земствами, с другой, ставил под угрозу само существование профессии[5].

Война еще более обострила ситуацию; организацией психиатрической помощи в армии занимались сразу несколько инстанций: Военное ведомство, Красный крест, земства, комиссия Верховного совета по инвалидам и Татьянинский комитет, на котором лежала забота о беженцах[6]. Организационная неразбериха, неумение наладить дело не прибавляли популярности чиновникам из правительства. В результате, большинство врачей приветствовали падение старого режима и установление нового, с которым они связывали надежды на улучшение здравоохранения. Радикальные настроения российских психиатров обусловили их главное отличие от западных коллег: их симпатии в войне были на стороне солдат и офицеров, а не правительства, которое посылало их на фронт. Это влияло и на различия в понимании душевных болезней.

Начало психиатрии в действующей армии

Российским психиатрам, как и их европейским коллегам, пришлось добиваться, чтобы армия и общество, в целом, признали необходимость их услуг. В России это произошло во время Русско-японской войны, которую часто называют прологом к Первой мировой войне. Именно тогда, в 1904–1905 гг., впервые был поставлен вопрос о присутствии психиатров в действующей армии. Когда в самом начале 1904 г. в Хабаровск приехал доктор Боришпольский и был представлен медицинскому инспектору Приамурского военного округа как психиатр-невропатолог, военный «улыбнулся и сказал мне, что едва ли на войне будет для меня работа по специальности»[7]. Однако все сложи-

---

[5] *Brown J.V.* The Professionalization of Russian Psychiatry: 1857–1922. PhD. diss., University of Pennsylvania, 1981; *Hutchinson J.F.* Politics and public health in revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore, 1990. P. 132–135.

[6] *Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951. С. 363.

[7] Цит. по: *Шумков Г.Е.* Первые шаги психиатрии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Доклад в заседании Общества киевских врачей 28 октября 1906 г. Киев, 1907. С. 6.

лось вопреки ожиданиям военачальников. В армии появились случаи психических заболеваний. Возможно, они остались бы незамеченными в мясорубке войны, не будь среди полевых врачей двух-трех невропатологов и психиатров. Не желая терять квалификацию, эти врачи требовали у начальства работы по специальности. Они и обнаружили в толпе раненых своих первых пациентов — душевнобольных.

Поддержав инициативу этих врачей о создании в армии системы психиатрической помощи, Красный крест послал на Дальний Восток своего уполномоченного по душевным болезням. Впервые в истории войн психиатрические учреждения — сборные и пересыльные пункты, специальные госпитали — появились в действующей армии, в непосредственной близости от фронта. Такой опыт был в то время редким, если не единственным. По словам американского наблюдателя, на Русско-японской войне «впервые в мировой истории специалисты особо ухаживали за психически больными — от линии фронта до тыла»[8]. При поддержке общественности врачам Красного креста удалось получить места как в земских и городских, так и в частных лечебницах для лечения эвакуируемых в Россию душевнобольных воинов[9]. Таким образом, уже до начала Первой мировой войны общественное мнение было подготовлено к тому, что психиатрическая помощь в армии необходима.

В войне с Японией, которая была крайне непопулярна в России, симпатии общественности были на стороне солдат. Социальный состав армии был неоднороден, но в ней служило много вчерашних крестьян, оторванных от деревенской жизни и не понимавших, за что они дерутся. Известно, что попытки командиров и полковых священников поднять боевой дух солдат и пробудить патриотизм к успеху не вели[10]. Как и либеральная интеллигенция в целом, психиатры осуждали войну. Они, во-первых, считали, что война вредно сказывается на здоровье армии. Сообщалось, что душевных заболеваний на фронте было вдвое больше по сравнению с их числом в армии в мирное время. Во-вторых, психиатры утверждали, что война тяжелее сказалась на солдатах, чем на офицерах. В одном из отчетов с фронта говорится, что, тогда как большинство офицеров заболевают на почве алкоголизма, прогрессивного паралича, неврастении и дегенерации (в глазах современников

---

[8] Цит. по: *Фридлендер*. Несколько аспектов shellshock'а. С. 316.

[9] *Юдин*. Очерки истории отечественной психиатрии. С. 361–362.

[10] *Жукова Л.В.* Проповедническая деятельность военного духовенства в Русско-японской войне // Военно-историческая антропология. 2002. С. 148–164.

все эти диагнозы носили печать морального осуждения), нижние чины страдают от собственно военных психозов, при которых содержание бреда и галлюцинаций связано с боевыми действиями[11]. Врач Московского военного госпиталя М.О. Шайкевич был склонен считать, что большинство заболевших офицеров «или были больны раньше, или, так или иначе, предрасположены». В отличие от офицеров, для нижних чинов война якобы была настоящей причиной душевного расстройства, которое, как сообщал врач, имело особую форму — «psychosis depressivo-stuporosa». В то же время, Шайкевич не мог с однозначностью утверждать, что эта болезнь вызвана исключительно обстановкой боя. По его мнению, «война только подчеркивает, как бы обостряет те специфические условия», в которых приходилось служить нижним чинам.[12] Иными словами, вслед за радикальной интеллигенцией психиатры утверждали, что неподготовленных и не желающих сражаться солдат и следует считать настоящими жертвами войны, а вернее, пославшего их на фронт правительства.

Политика и этиология

В условиях политического кризиса, вызванного Русско-японской войной и последовавшей за ней революцией, на повестку дня встал вопрос об этиологии психических расстройств. Приписать причины заболеваний тем или иным политическим событиям значило морально осудить и эти события и тех, кто нес за них ответственность. В разгар революционных событий 1905 г. Пироговское общество направило в Петербургское общество психиатров запрос о том, как влияют на душевное здоровье населения революция и реакция. Общество психиатров единогласно постановило, что главная причина душевных заболеваний — это репрессивный политический режим, основанный на «социально-экономическом рабстве русского народа» и культивировавший его «духовную приниженность» и «отсутствие в нем самодеятельности и самостоятельности». В числе прочих резолюций, пе-

[11] Хроника // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1905. Т. 5. № 6. С. 1214.

[12] *Шайкевич М.О.* О душевных заболеваниях в связи с Японской войной (Автореферат сообщения в собрании врачей Московского военного госпиталя) // Журн. невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1905. Т. 5. № 1. С. 18.

тербургские психиатры потребовали от правительства немедленного прекращения войны[13].

Не менее политизированным оказался и, на первый взгляд, отвлеченный вопрос о классификации болезней. Вопрос формулировался так: существуют ли особые формы психоза, такие как «военный», «тюремный» и «революционный», или же психические заболевания, связанные с пребыванием на войне, в тюрьме и у лиц, пострадавших от политических репрессий, ничем не отличаются от болезней мирного времени. Вопрос о том, как влияет на душевное здоровье одиночное заключение, был впервые поставлен в конце XIX в., а понятие «революционный невроз» возникло после Парижской коммуны. Оба служили аргументами в политических дискуссиях: радикалы настаивали, что одиночное заключение, как и политические репрессии в целом, разрушительно для психики. Возражая им, консерваторы отрицали этиологическое значение политических событий; у всех заболевших, считали они, события только проявили существовавшую раньше болезнь или дали развиться соответствующей предрасположенности[14].

Те психиатры, которые протестовали против выделения «тюремного» и «революционного» психозов в самостоятельную категорию, не соглашались и с диагнозом «военный психоз». Причины были, по-видимому, разными. По крайней мере, один из критиков — профессор Юрьевского университета (ныне Тарту, Эстония) В.Ф. Чиж — занимал крайне консервативную позицию. Другой, московский психиатр А.Н. Бернштейн, был убежденным сторонником немецкого психиатра Эмиля Крепелина; в сравнении со стройной нозологической классификацией последнего, новые диагнозы казались Бернштейну «уродливыми категориями»[15]. Но не только консерваторы выступали против

---

[13] Хроника // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1905. Т. 5. № 3–4. С. 758–759.

[14] О споре по вопросу, вызывают ли революционные события и последующая политическая реакция психические заболевания, см.: *Brown J.V.* Revolution and Psychosis: The Mixing of Science and Politics in Russian Psychiatric Medicine, 1905–1913 // The Russian Review. Vol. 46. 1987. P. 283–302; *Engelstein Laura.* The keys to happiness: Sex and the Search for Modernity in fin-de-siècle Russia. Ithaca. P. 255–264.

[15] Возражая Чижу и Бернштейну, Шайкевич писал, что даже Крепелин, хотя и опирается на устаревшие данные, «все же говорит особом содержании и окраске психозов на войне». *Шайкевич М.О.* Еще о психозах в войсках // Современная психиатрия. 1913. № 10. С. 794.

выделения «военного психоза» или «невроза войны» в самостоятельную категорию. В число критиков входили и прогрессивный директор психиатрической клиники Московского университета В.П. Сербский и другие врачи[16]. С новой силой дискуссия об этиологии и классификации болезней военного времени разгорелась с началом Первой мировой войны. Только теперь речь шла не о «военном психозе», а о «травматическом неврозе».

Рождение диагноза

По словам корреспондента «Русских ведомостей», одной из причин психических заболеваний в армии во время Русско-японской войны была «китайская водка — ханшин, от которой с непривычки глохнут и снова чумеют, если на другой день, после полного вытрезвления, выпить воды»[17]. Редактор официальной газеты российской армии в Маньчжурии подтверждал, что «главной причиной большинства наших поражений на Дальнем Востоке было пьянство солдат и офицеров». После окончания этой войны Вильгельм II иронически заметил, что в будущем военном конфликте в Европе победа будет на стороне трезвого[18]. Вскоре после вступления России в Первую мировую войну Николай II повелел прекратить продажу водки. Большая часть интеллигенции приветствовала эту меру, а психиатры, считавшие алкоголь ядом, вздохнули с огромным облегчением. Благотворному влиянию сухого закона приписывали тот факт, что в первые месяцы войны случаев душевных заболеваний в армии было меньше, чем в 1904–1905 гг.[19]

Тем не менее, уже в начале войны душевнобольных в приемные и сборные пункты Красного креста поступало достаточно[20]. Наблюдения

---

[16] Хроника // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1905. Т. 5. Кн. 1. С. 19.

[17] Хроника //Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1904. Т. 4. Кн. 4. С. 771.

[18] Цит. по: *Мак-Ки Артур*. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война. С. 152.

[19] По мнению уполномоченного Красного креста на Западном фронте А.В. Тимофеева. Хроника // Психиатрическая газета. 1915. № 11. С. 177.

[20] Полной статистики психических заболеваний в Первую мировую войну не было. По некоторым данным, на 1 апреля 1915 г. в 48 психиатрических больницах (около половины существовавших в России заведений этого типа)

психиатров напоминали сообщения их коллег десятилетней давности. Московский врач О.Б. Фельцман, одним из первых возобновивший дискуссию о «психозах военного времени», сообщал о преобладании у душевнобольных из действующей армии состояний депрессии и ступора, в соответствии с диагнозом, который ранее предложил Шайкевич[21]. Врач больницы Всех Скорбящих в Петрограде С.А. Суханов предсказывал, что «депрессивно-меланхолический синдром при разных психозах» будет распространен и в эту войну[22]. Однако главной темой публикаций по психиатрии военного периода стал не «psychosis depressivo-stuporosa» Шайкевича, а контузионный или травматический невроз, о котором впервые заговорили еще во время войны с Японией.

На Русско-японской войне впервые в таких масштабах была применена мощная, отвечавшая последнему слову техники артиллерия. Японская армия была вооружена немецкими орудиями, из которых только при осаде Порт-Артура было выпущено полтора миллиона снарядов. Вооружение российской армии, если и уступало, то ненамного, и артиллерийские канонады с обеих сторон следовали одна за другой.[23] Солдаты чувствовали себя «пушечным мясом». Кроме убитых или раненых осколками снарядов, были также «контуженные», чьи поражения были вызваны, предположительно, сотрясением мозга. Согласно московскому психиатру Н.А. Вырубову, болезнь начиналась с потери сознания; после пробуждения пострадавший ощущал сильнейшие боли в голове, головокружения, потерю слуха и речи. В дальнейшем появлялись судорожные движения, параличи и припадки, потеря памяти; больной был подавлен, полон тревоги и страхов[24].

Чтобы объяснить эти явления, врачи вспомнили о довольно редком в то время диагнозе — «травматический невроз». Этот термин воз-

---

было зарегистрировано 5 833 «военных» случая. По другим сведениям, на ноябрь 1915 г. в 68 больниц (примерно три четверти от общего их числа) с начала войны поступило 12 185 только военнослужащих, не считая беженцев, военнопленных и других категорий. См.: *Бинштоп В.И.*, *Каминский Г.С.* Народное питание и народное здравие в войну 1914–1918 гг. Л., 1929. С. 61–62.

[21] *Фельцман О.Б.* К вопросу о психозах военного времени (1914). Реферат А. Панафидиной // Психиатрическая газета. 1915. № 11. С. 174.

[22] *Суханов*. Материалы. С. 205.

[23] *Menning B.W.* Bayonets before bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. P. 170–190.

[24] *Вырубов Н.А.* Контузионный невроз и психоневроз. Клиническая картина, течение и патогенез. М., 1915. С. 4–8.

ник в конце XIX в. в связи с катастрофами на железной дороге, когда у пассажиров потерпевшего крушение поезда были зарегистрированы душевные расстройства. В большинстве случаев эти расстройства не сопровождались видимыми физическими повреждениями, но врачи все-таки подозревали поражение нервной системы. В 1902 г. в России было принято новое страховое законодательство, в котором в качестве оснований для выплаты компенсаций упоминались поражения нервной системы, вызванные физической или психической (sic!) травмой. Во время войны с Японией травматический невроз трактовался как органическое поражение нервной системы, как душевное заболевание, развивающееся «вследствие травматических повреждений различных частей мозга огнестрельными снарядами»[25]. О многочисленных случаях «неврастении», или «нервного истощения» под влиянием боев свидетельствовали психиатр А.И. Озерецкий и уполномоченный Красного креста на Дальнем Востоке П.М. Автократов (1857–1915)[26]. Статья последнего, в которой упоминался «неврастенический психоз» у попавших под артобстрел, была опубликована в немецком журнале. Именно она стала той первой ласточкой, после которой на Западе заговорили о травматическом неврозе от контузии воздушной волной — shellshock'e[27].

В классификации душевных болезней, принятой осенью 1905 г. на Втором съезде отечественных психиатров, травматический психоневроз определялся как «сотрясение нервной системы»; иными словами, акцент делался на второй части термина — «неврозе», понимавшемся в то время как органическое заболевание. Причиной травматического невроза считалась воздушная волна от пролетавших снарядов, которая вызывала нечто подобное кессонной болезни. Делались также предположения о микроскопических разрывах в легких и в кровеносных со-

---

[25] *Шумков Г.Е.* Первые шаги психиатрии в Русско-японскую войну / доклад на заседании Временного медицинского общества на Дальнем Востоке 31 июля 1904 г. Цит. по: *Юдин.* Очерки истории отечественной психиатрии. С. 361.

[26] *Озерецкий А.И.* «Неврастенический психоз» на Русско-японской войне // Обозрение психиатрии. 1906. № 7. С. 524–525; *Автократов П.М.* Призрение, лечение и эвакуация душевнобольных во время Русско-японской войны в 1904–1905 гг. // Обозрение психиатрии. 1906. № 10. С. 665–668; № 11. С. 721–741.

[27] *Awtokratow P.M.* Die Geisteskranken im Russischen Heere im Russisch-japanischen Kriege // Allgemeine Zs. für Psychiatrie. 1907. Bd. 64. P. 286–319; *Merskey H.* Post-traumatic stress disorder and shell shock // A History of clinical psychiatry / Ed. G. Berrios and R. Porter. London, 1995. P. 491.

судах, о молекулярных изменениях в нервной системе и т. п.[28] В классификацию душевных болезней включались только те случаи, которые сопровождались расстройством сознания и чувств; если же таковых не наблюдалось, случай относился к нервным болезням и в сферу компетенции психиатров не входил. В Русско-японскую войну нервные болезни шли по разряду соматических, поэтому больные с диагнозом «травматический невроз» поступали в общие госпитали и от внимания психиатров ускользали. Сожалея об этом, Шайкевич советовал передавать нервнобольных в ведение врача-невропатолога или психиатра и устраивать отделения для нервно- и душевнобольных в военных госпиталях по соседству друг с другом[29].

Однако уже во время войны с Японией обнаружилось, что психические заболевания часто возникают без видимых повреждений нервной системы, — например, в тех случаях, когда снаряд пролетел на расстоянии, слишком значительном, чтобы поразить человека физически, — и даже у тех солдат, которые не были под артиллерийским обстрелом. В этих случаях психиатры предпочитали говорить о «множественной этиологии болезни» — наложении таких факторов, как физическое утомление, влияние климата, недоедание, недосыпание, эмоциональные переживания, конституциональная предрасположенность. Тогда же появилась мысль о том, что причина травматического невроза — эмоциональный шок. Та же мысль содержалась и в просторечном названии контуженных — «сконфуженные»[30].

Накануне Первой мировой войны российские психиатры начали отдавать отчет в том перевороте, который происходил в понимании невроза на Западе. В руководстве «Душевные болезни» (1914) влиятельный психиатр Суханов отмечал два важнейших сдвига в классификации душевных болезней: первый он связывал с Крепелином, чьи идеи легли в основу современных классификаций, а второй — с «новыми концепциями в учении о психоневрозах», — главным образом, теориями французского психолога Пьера Жане. Однако, как и многие его современники, в том

---

[28] *Сегалов Т.Е.* К вопросу о сущности контузий современными артиллерийскими снарядами (Morbus decompressionis) // Современная психиатрия. 1915. № 3. С. 103–117; *Прозоров Л.А.* К вопросу о контузии. Историческая справка // Современная психиатрия. 1917. № 3–6. С. 172–174.

[29] *Сегалов Т.Е.* К вопросу о сущности контузий современными артиллерийскими снарядами (Morbus decompressionis). С. 103–117; *Прозоров Л.А.* К вопросу о контузии. С. 172–174.

[30] *Юдин.* Очерки... С. 365.

числе Жане и Зигмунд Фрейд, Суханов еще не мог совсем отказаться от идеи об органическом происхождении психоневрозов[31]. В отличие от него московский психиатр В.К. Хорошко считал, что изменения в организме при травматическом неврозе могут быть психогенными: «Вопрос сводится к тому, признаете ли Вы психофизический параллелизм [независимость тела и души] или теорию взаимодействия», иными словами, к тому, какой философии вы придерживаетесь. Хорошко привел случай солдата К., заболевшего во время штурма Брест-Литовской крепости, когда от взрыва погибло несколько сот человек. Больной все время галлюцинировал: «Горит, горит... Господи, сколько народу погибло... И Тимоха погиб...». Ни лекарства, ни физиотерапия в течение полугода не оказали на больного никакого влияния; К. оставался невменяемым. И только когда его приехали навестить жена и брат, и брат стал подолгу рассказывать К. о жизни в родной деревне, сознание последнего просветлело, и он вскоре был выписан из больницы[32]. «Шрапнель... не только ранит тело солдата, но и извращает его чувства, уродует его душу», — писал один из психиатров, приходя к выводу, что врач должен лечить именно эту последнюю[33].

Лечение невротиков в армии: российский вариант

Но долго рассуждать о причинах неврозов врачи не могли: надо было что-то делать. Разногласия по поводу того, что понимать под травматическим неврозом — последствие ли контузии или эмоционального шока — приводили к путанице в учете таких больных. Число их колебалось, в зависимости от источника информации, от «очень малого» до 60 % всех нервнобольных; главный уполномоченный Красного креста на Западном фронте А.В. Тимофеев писал о 10 % больных «истерическим психозом и психастенией»[34]. Из-за нерешенного вопроса о том, «куда относятся психастеники», их не принимали ни в психиатрические

---

[31] *Суханов С.А.* Душевные болезни. Руководство по частной психопатологии для врачей, юристов и учащихся. СПб., 1914. С. 257.

[32] *Хорошко В.К.* О душевных расстройствах вследствие физического и психического потрясения на войне (К учению о травматических психозах в действующей армии) // Психиатрическая газета. 1916. № 1. С. 3–10.

[33] Там же. С. 87.

[34] *Хорошко В.К.* Психиатрические впечатления и наблюдения в районе действующей армии // Психиатрическая газ. 1915. № 16. С. 381; Совещание по призрению душевно-больных и нервно-больных воинов. С. 209, 212; *Тимо-*

учреждения, ни в лазареты для больных с органическими поражениями нервной системы.[35] Если для психически больных и нервнобольных с органическими поражениями нервной системы существовали особые эвакуационные учреждения, лазареты и бараки, то так называемые невротики были этого лишены.

В тех же случаях, когда пострадавшие от шока или контузии все-таки попадали в психиатрические заведения, это не всегда оканчивалось для них благоприятно. Во-первых, диагноз «душевная болезнь» влек за собой последствия едва ли не худшие, чем сама травма, поскольку закреплялся за человеком навсегда. Люди с таким диагнозом лишались многих гражданских прав и несли несмываемую стигму в восприятии окружающих. Во-вторых, содержание и лечение психиатрических больных оставляло желать лучшего. Более того, традиционное психиатрическое лечение не всегда помогало, а иногда прямо вредило невротикам. Так, по правилам, нервнобольным полагались длительные, не менее полугода, отпуска. Однако многим солдатам, получавшим отпуск, было негде и не на что жить, так как «невротикам» пенсии не полагалось.

Психиатры и невропатологи пришли к мнению, что для невротиков полезнее отпуска кратковременные, которые не выключают человека из активной жизни. На совещании в июне 1915 г. они требовали создания специальных учреждений для невротиков в непосредственной близости от фронта, чтобы не только помочь им, но и, по возможности, вернуть их в армию[36]. Они также призвали внести изменения и в классификацию болезней, и в пенсионный устав, чтобы «инвалиды-невропаты» не остались без поддержки. Было предложено ввести в состав госпитальных

феев А.В. Где заболевают душевной болезнью воинские чины действующей армии? // Психиатрическая газета. 1915. № 16. С. 261–262.

[35] Вопрос о психастениках задал Н.А. Сокальский на Совещании по призрению душевно-больных и нервно-больных воинов в Петроградской области (25–27 июня 1915 г.). См.: Психиатрическая газета. 1915. № 13. С. 215. По свидетельству некоторых психиатров, в предыдущую войну «психоневрозы» регистрировались как душевные заболевания. Это косвенно доказывает статья ветерана Русско-японской войны, психиатра Шумкова, в которой он сожалел, что в настоящую войну «нервно-больные не находят ни призрения, ни сочувствия ни у врачей, ни у общества». См.: Хроника // Психиатрическая газета. 1915. № 20. С. 337; *Шумков Г.Е.* Нервно-больные воины. Реферат статьи // Психиатрическая газета. 1915. № 16. С. 278.

[36] Совещание по призрению душевно-больных и нервно-больных воинов. С. 209–210.

и эвакуационных комиссий невропатолога с правом голоса[37]. Несмотря на то, что ясности по вопросу о природе травматического невроза не было, практические нужды заставили врачей забыть теоретические разногласия и de facto признать новую категорию.

Хотя травматические невротики и им подобные были не самой многочисленной группой среди зарегистрированных больных, для психиатров они представляли наибольший интерес. Загадочным был механизм заболевания; предлагались все новые гипотетические объяснения. Не менее загадочным казалось и то, что многие больные выздоравливали при минимальном лечении, часто после одной только краткой беседы, в особенности, если пообещать им отпуск домой. Сообщалось об успешном применении к контуженным лечения, которым пользовались невротики в мирное время — водо- и электротерапии, рациональной терапии (т.е. обращенного к разуму больного убеждения), тренировки воли и выполняемых перед зеркалом упражнений на мышечный контроль[38]. Один врач писал, что травматический невроз «легко лечится... компрессами, теплом и осторожной гальванизацией»[39]. Другой сообщал об успешном лечении послеконтузионной глухоты промыванием ушей в течение десяти минут, слепоты 24-часовыми компрессами на глаза, а двигательных расстройств — внушением и фарадизацией ног. Он, правда, отдавал себе отчет в том, что в основе излечения лежит внушение и самовнушение, для которого все средства хороши: и «вызов сильной эмоции, в том числе религиозной», и массаж, и электризация. По его словам, в руках умелого врача «и самые сложные аппараты для диатермии, и простая кружка Эсмарха» (т.е. клизма) становятся волшебной палочкой. Единственный метод, который он считал здесь бесполезным, был «психоанализ Фрейда»[40].

Такие чудесные исцеления шли вразрез с предполагаемой органической природой болезни. Увидев, что невроз излечивается внушением, некоторые западные и российские врачи стали отрицать существование

---

[37] Там же. С. 212, 217.

[38] *Яновский В.В.* Два случая torticollis spastica травматического происхождения // Психиатрическая газета. 1915. № 2. С. 31–33.

[39] *Ротштейн И.Д.* К казуистике так называемых контузий военного времени и о их лечении. Реферат статьи // Психиатрическая газета. 1915. № 23. С. 385.

[40] *Аринштейн Л.С.* Невропатологические наблюдения над контуженными // Психиатрическая газета. 1915. № 6. С. 85–88.

травматического невроза как самостоятельной категории. Они считали, что все эти симптомы «целиком укладываются в давно известную группу истерии» — болезни, как тогда думали, на грани с притворством, по преимуществу женской[41]. Истерия считалась постыдной болезнью: заболевшие ей солдаты уподоблялись трусам и женщинам, а значит, вдвойне роняли свое мужское достоинство. За этим следовал тот вывод, что все связанные с истерией расстройства могут быть обузданы сильной волей. Психиатры сначала пытались, воздействуя на разум и совесть больного, убедить его вернуться в строй. Когда рациональная психотерапия, внушение и гипноз не помогали, некоторые западные врачи назначали более «активное» лечение — болезненный электрошок, мучительные 24-часовые ванны, изолятор. Они пытались сделать пребывание в клинике бóльшим злом, чем возвращение на фронт[42].

Некоторые российские психиатры также разделяли взгляд на невроз войны как «бегство в болезнь» и считали, что таким больным нужна, прежде всего, дисциплина. Известный своим консерватизмом Чиж, в годы войны уполномоченный Красного Креста на Западном фронте, был убежден, что травматический невроз — результат «самовнушения, аггравации, даже симуляции». Как упоминалось выше, Чиж еще раньше протестовал против таких диагнозов, как «тюремный психоз» заключенных и «революционный невроз» у населения после подавления революции. К диагнозу «травматический невроз» он также относился с недоверием. В частности, он не рекомендовал держать таких больных в госпитале дольше шести недель, задавая риторический вопрос: «что может дать больному больничное лечение, если ему приятно болеть, надеясь на вознаграждение, отпуск, отставку»? По прошествии некоторого времени, считал Чиж, такие больные должны быть отправлены в «команды выздоравливающих» со строгой военной дисциплиной[43].

Однако конкретные случаи такой «героической медицины», если и были, то в минимальном числе. Подавляющее большинство российских психиатров беспокоилось не о том, чтобы вернуть в строй максималь-

---

[41] *Давиденко С.* Случай развившегося во время сражения истерического психоза // Психиатрическая газета. 1916. № 11. С. 211–213.

[42] *Brunner.* Psychiatry, psychoanalysis, and politics; *Lerner.* Rationalizing the therapeutic arsenal.

[43] Отчет уполномоченного Красного креста Киевского района по рассеиванию душевнобольных воинов профессора В.Ф. Чижа за 1916 год // Психиатрическая газета. 1917. № 4. С. 103–104.

ное число солдат, а скорее, боялось того, что больной воин будет ошибочно признан здоровым и послан на фронт[44]. Хотя психиатры признавали некоторых попавших к ним солдат симулянтами, это не вызывало стойкого негативного отношения. Напротив, многие врачи призывали к самой внимательной врачебной экспертизе, чтобы при освидетельствовании перед отправкой на фронт не было совершено ошибки. Так, ветеран Русско-японской войны Шумков писал, что неоправданные подозрения в симуляции серьезно искажают действительную картину душевных болезней на войне[45]. Другой врач сообщал, что «подозрения в симуляции» возникают у психиатров только из-за недостатка опыта и призывал психиатров бороться с этим «сильнее, чем с самой симуляцией у исследуемых»[46].

Даже те из российских психиатров, кто приравнивал травматический невроз к истерии и считал, что лечить его следует твердым обращением, не применял практиковавшиеся на Западе болезненные методы, прежде всего, электрошок. Объяснений этому может быть несколько. Во-первых, в России, с ее огромным народонаселением, задача вернуть заболевших солдат на фронт не казалась столь острой, поскольку всегда можно было мобилизовать свежие силы. Во-вторых, не ставилась перед врачами и цель уменьшить пенсионные расходы, так как пенсии назначались далеко не всем солдатам с диагнозом «травматический невроз», не говоря уже о диагнозах «психастения» и «истерия». В-третьих, сказывалась бедность российских психиатрических больниц, не выдерживавших сравнения с прекрасно оборудованными западными, в особенности немецкими, нервными клиниками и санаториями. В большинстве из обслуживавших армию госпиталей не было ни аппаратов для электротерапии, ни ванн. Даже в столице было всего два заведения — больница Всех Скорбящих и лечебница близ Петрограда, в Сиворицах, удовлетворявшие все современные на тот момент требования к лечению невротиков[47].

---

[44] *Хорошко*. Психиатрические впечатления... С. 380–381.

[45] *Шумков Г.Е.* По вопросу о «числе» душевнобольных на войне // Психиатрическая газета. 1915. № 22. С. 363–366.

[46] *Панский А.* К вопросу о психоневрозе, как последствии контузии и боевой обстановки (по личным наблюдениям). Реферат А. Ильина // Психиатрическая газета. 1916. № 14. С. 288–289.

[47] Т.е. наличие электротерапии, ванн и загородное расположение. См.: *Кащенко П.П.* Об организации помощи душевнобольным воинам и о деятельности

Наконец, большинство врачей сходилось в том, что число травматических неврозов относительно невелико. Эти случаи терялись в массе «настоящих» душевных болезней, которые обнаруживались в ходе все новых мобилизаций. Много больных выявлялось уже при медицинском освидетельствовании призывников или на пути в действующую армию. Как считал врач Тимофеев, поскольку хронические заболевания успевали проявиться еще в тылу, на передовой заболевания острым психозом были необычны[48]. Тыловые больницы оказались переполнены хрониками, которые не были выявлены в мирное время и впервые представали перед глазами психиатров только во время призыва в армию. Врачи заключали, что количество обнаруженных во время войны случаев — свидетельство недостаточной психиатрической службы в мирное время. Среди учтенных душевнобольных до 30 % составляли люди с «врожденным умственным недоразвитием», чей интеллект не был приспособлен к тому, чтобы служить в армии, от 30 до 43 % приходилось на психозы, до 25 % — на эпилепсию. При таком положении вещей 4,5 % «травматических психоневрозов» просто тонули в массе только что выявленных больных[49].

К этому можно добавить, что категорию «травматический невроз» использовали очень немногие из учреждений, собиравших статистические данные. Так, эта категория имелась в отчетах Статистического бюро при Союзе земств и городов и психиатрического госпиталя Красного креста в Москве, но отсутствовала в губернских переписях душевнобольных. Наконец, в недооценке числа травматических неврозов могла сыграть роль установка на патриотизм. В начале войны немецкий генерал Пауль фон Гинденбург заявил, что в войне «победит тот, у кого нервы крепче». В мае 1915 г. влиятельный московский невропатолог Г.И. Россолимо откликнулся на это заявление статьей в «Русских ведомостях», озаглавленной «О крепких нервах и о победе». Он писал, возможно, выдавая желаемое за действительное, что «десять месяцев войны не привели нас еще к выводу о слабости нервов

четырех петроградских госпиталей для душевнобольных воинов // Психиатрическая газета. 1915. № 13. С. 214.

[48] *Тимофеев*. Где заболевают...С. 262.

[49] *Кащенко П.П.* Некоторые данные из пробной разработки сведений о душевнобольных воинах, произведенным сравнительным статистическо-психиатрическим бюро Земского и Городского союзов // Психиатрическая газета. 1916. № 18. С. 377–381.

в наших войсках», и сравнивал это с состоянием немецкой армии, где число душевнобольных по сравнению с мирным временем существенно увеличилось[50].

Революция и психиатры

Для отношения психиатров к военной травме очень важным было то, что симпатии большинства врачей в этой войне, как и в войне с Японией, были на стороне не правительства, а народа, которому война приносила только страдания. В отличие от патриотического подъема в западных странах, в России призыв в армию не вызывал энтузиазма. В противоположность идеологическим декларациям о патриотическом подъеме среди населения, мобилизация в деревне проходила трудно, во многих местностях сопровождалась бунтами. Крестьяне переживали разрыв с семьей и привычной жизнью как катастрофу[51]. Даже среди интеллигенции не было того единодушия, о котором сообщали газеты, а с ходом войны стал угасать и боевой дух армейских офицеров[52]. Психиатр Чиж в 1915 г. свидетельствовал: «Я не помню ни одного больного, который не желал бы быть отправлен домой, а стремился бы вернуться на фронт»[53].

Эти настроения, вместе с плохой организацией помощи душевнобольным в армии, и побудили российских психиатров выступить против старого режима, поддержав сначала Временное правительство, а потом и большевиков. Но революционные события и переход власти к солдатским советам разрушили армейскую иерархию. Пострадали и врачи, в особенности те, кто занимал высокие должности, например, уполномоченный Красного креста на Западном фронте Н.Н. Реформатский. Он уже однажды потерпел от демократии: в 1905 г., когда сотрудники больницы, где Реформатский был главным врачом, потребовали допустить их к управлению больницей. Когда же им было отказано, они вывезли своего директора за ограду здания на тачке[54]. Теперь, в начале

---

[50] Хроника // Психиатрическая газета. 1915. № 11. С. 178.

[51] *Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. С. 202–215.

[52] *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. С. 257–270.

[53] Отчет уполномоченного Красного креста. С. 104.

[54] Хроника // Современная психиатрия. 1907. № 10. С. 383.

1917 г., к находившемуся в армии Реформатскому пришли возглавляемые женщиной-врачом санитары из солдат и потребовали подписать «отречение» от руководства отделением Красного креста, по образцу только что отрекшегося от российского престола Николая II[55].

Тем не менее, большинство врачей заняли благожелательную по отношению к революции позицию и приняли деятельное участие в создании новой системы медицинской помощи. В апреле 1917 г. правление Союза отечественных невропатологов и психиатров созвало в Москве конференцию врачей, на которой вновь были поставлены вопросы о «демократизации» больниц. Обсуждался, например, вопрос о «коллегиальном» управлении психиатрическими больницами: речь шла о том, что больницей должен руководить не один главный врач, а выборная коллегия из врачей, санитаров и низшего персонала. Предлагалось также передать государственные и муниципальные больницы в руки общественных учреждений и учредить при будущем ведомстве народного здравия психиатрический совет из числа врачей и общественности. Эти революционные желания осуществить не удалось. В обстановке разрухи и голода речь шла о выживании самих больниц, их пациентов и врачей, а это диктовало необходимость централизованного управления. Но когда какое-то время спустя уже большевистский Совет врачебных коллегий создал Психиатрическую комиссию и обратился к уцелевшим членам Союза психиатров с просьбой прислать своих кандидатов для работы в ней, Союз немедленно откликнулся.

Врачам импонировало в новом правительстве именно то, чего так не хватало на войне — намерение наладить организацию психиатрической помощи, создать единый орган для руководства психиатрическим делом. Участвовать в работе комиссии вызвались первые люди Союза психиатров — его председатель П.П. Кащенко, много сил положивший на собирание статистики о душевнобольных на войне, и секретарь Л.А. Прозоров. Ставший после смерти Кащенко председателем Союза психиатров П.Б. Ганнушкин крайне негативно характеризовал итоги войны. «Последние три-четыре года», — писал он, — прошли для русских общественных психиатров под флагом борьбы с различными ведомствами и центральным правительством, и в этой борьбе вплоть до начала революции победа оставалась за представителями власти,

[55] Конференция врачей психиатров и невропатологов, созванных Правлением Союза в Москве 10–12 апреля 1917 г. // Современная психиатрия. 1917. № 3–6. С. 195–196.

которая передала все дело психиатрической помощи оторванным от жизни и населения бюрократическим учреждениям военного ведомства и прежнего Красного креста, не имевшим ни соответствующих традиций, ни привычных работников, ни даже учреждений»[56].

Либерализм российских психиатров, их традиционно сочувственное отношение к солдатам и оппозиция властям сказались не только на их взглядах на болезнь и лечение армейских невротиков. Они имели и организационные последствия, повлияв, в конечном счете, на судьбу российской психиатрии после войны. Но это уже другая история[57].

Скажем здесь лишь то, что советская система психиатрической помощи создавалась организационно и идейно как ответ на запросы военного времени. В 1920 г. самостоятельная психиатрическая организация Военного ведомства была уничтожена, и душевнобольные солдаты, теперь уже «красноармейцы», переданы гражданскому ведомству. К тому времени был образован Наркомат здравоохранения, и его Невро-психиатрическая подсекция стала монопольно ведать психиатрической помощью. Своей первостепенной задачей новообразованная подсекция сделала помощь «жертвам войны и революции». Фраза эта, когда-то очень эмоционально нагруженная, постепенно стала общеупотребительной, выхолостилась и превратилась в канцелярский термин. В 1920-е гг. этот термин часто встречался на страницах отчетов психиатрических учреждений, чтобы исчезнуть в начале 1930-х гг., когда говорить о «жертвах революции» стало двусмысленным и опасным. В этот период на смену «травматическому неврозу» пришли другие психиатрические категории, такие как психопатия и шизофрения.

---

[56] Цит. по: *Прозоров Л.А.* П.Б. Ганнушкин и общественная психиатрия // Памяти П.Б. Ганнушкина. М., 1934. С. 30.

[57] Я пишу о ней в своей статье «Война и ее влияние на организацию психиатрической помощи в Советской России» в готовящемся к изданию англоязычном сборнике по истории советской медицины.

Д. Кауфманн

«ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ УМЫ» И «СОГЛАШАТЕЛЬСКИЕ ДУШИ». К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Культурная история XIX–XX вв., т.е. исследование о самосознании и системах ценностей отдельных индивидов и групп, свойственном им образе мыслей, деятельности и эмоциях, невозможно написать удовлетворительным образом без серьезного учета и осмысления той роли, которую играла в этот период наука. Начиная со второй половины XIX и, особенно в XX в., проникновение науки в социальную и политическую жизнь становится все более значительным[1]. В ведение ученых экспертов передаются выявление, истолкование и разрешение социальных кризисных явлений. Однако ни самих экспертов, ни предлагавшиеся ими научные заключения нельзя считать лишь инструментом, используемым для достижения государственных, экономических или военных целей. Ученые систематизируют уже существующие и создают новые социальные реальности. В особенности, представители естественных наук в XX и XXI вв. приобретают высокий культурный авторитет и задают тон в истолковании социальных явлений.

В настоящей статье предпринята попытка выяснить, как и по каким причинам специфический исторический феномен, а именно психические нарушения, наблюдавшиеся у большого числа участников Первой мировой войны, были отданы в ведение ученых экспертов-психиатров, и к каким последствиям это привело. В отчете Германского военно-медицинского ведомства за 1914–1918 гг. сообщалось, что по поводу «заболеваний нервов» проходили лечение в лазаретах 613 047 участников войны.[2] Страдавших парезами, неукротимой рвотой, потерей слуха или зрения, афазией, делириями, тремором конечностей считали больными

---

[1] Dazu: *Raphael L.* Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts // Geschichte und Gesellschaft / Bd. 2. 1996. S. 165–193; *Peukert D.* Der «Traum der Vernunft» // ders; *Webers M.* Diagnose der Moderne. Göttingen 1989. S. 55–91.

[2] Sanitätsbericht über das Deutsche Heer im Weltkriege 1914/1918. Bd. 3: Die Krankenbewegung bei dem Deutschen Feld- und Besatzungsheer, bearb. in der Heeres-Sanitätsinspektion des Rechswehrministeriums. Berlin, 1934. S. 145. Указываемая обычно в литературе цифра 313 399 относится только к действующей армии.

«военной» истерией, «военным» тремором, травматическим, или «военным» неврозом.

Далее мы даем краткий очерк состояния научных исследований по данной теме и рассматриваем два их основных направления.

В первой части статьи показано, как на деле происходил перенос ответственности за социальные проблемы в область научно-медицинских исследований и экспертиз. Наиболее важны следующие вопросы: как составлялись психиатрические заключения относительно «человеческого фактора на войне»[3] и какое значение при этом имели социальный и политический контексты Первой мировой войны? Во второй части статьи в двух аспектах исследуется значение психиатрических интерпретаций Первой мировой войны. Во-первых, с точки зрения утверждения определенных воззрений на природу человека и внедрения определенных практических методов по отношению к уклонявшимся от военных действий. Во-вторых, рассматривается вопрос о том значении, которое имела интерпретация психиатрами военных событий для переработки участниками войны их личного опыта.

Исследование базируется на ряде недавно появившихся работ по истории культуры и ментальности, в которых психические воздействия военного опыта изучаются, в основном, в рамках следующих тем.

Специфические изменения характера военных действий после 1914 г., т.е. применение новых типов и видов вооружения, а также специфические условия пространства и акустики считаются пусковыми механизмами так называемых военных неврозов. Эти заболевания явились «логическим и необходимым результатом реальностей современной войны», — пишет Эрик Лид[4]. Появление военной индустрии, применение дальнобойной артиллерии, пулеметов и колючей проволоки привели к тому, что война стала позиционной. Вынужденная неподвижность

---

[3] Об этом современном термине см.: *Gundlach H.* Faktor Mensch im Krieg. Der Eintritt der Psychologie und Psychotechnik in den Krieg // Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte. 1996. Bd. 19. S. 131–143.

[4] *Leed E.* No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 163–192. См. также высказывания фронтовых бойцов об овладении ими военной техникой в кн.: Kriegsbriefe gefallener Studenten // Hg. Ph.Wiykpp. München, 1929: «Когда сидишь в окопе и не должен шевелиться, если летит снаряд или гранаты, то это, конечно, борьба, но не живой поступок, а кошмарная его противоположность. Это и вообще самое ужасное в нынешней войне, все становится механизированным, войну можно назвать индустрией убийства людей...» (S. 101).

требовала от солдат пассивности «перед лицом мощи механизированной резни»; прежде всего, на Западном фронте это означало для солдата необходимость вырабатывать у себя новые навыки дисциплины и внутреннего самоконтроля; ответом на подобную ситуацию все чаще становились психические расстройства.

Данное объяснение приводят также историки, считающие индивидуальное событие психического срыва частью фронтового опыта. В Германии авторами работ данного типа являются Бернд Ульрих и Беньямин Циман[5]. «Душа на войне» — такой подзаголовок имеет статья названных авторов, посвященная восприятию войны солдатами; психическая жизнь людей во время войны здесь исследуется почти исключительно на основе данных психиатрии, а именно на материале историй болезни[6]. Психиатрия предстает как инстанция принуждения к социальной дисциплине, поставленная на службу военным интересам.

В последние годы в истории медицины пристально изучалась деятельность психиатров во время войны[7]. В центре внимания авторов этих работ — отсутствие этической ответственности и политически ошибочные действия военно-полевых психиатров; в качестве типичных примеров приводятся тогдашние методы лечения, более всего напоминающие пытки[8].

---

[5] Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit. Quellen und Dokumente / Hg. B. Ulrich, B. Ziemann. Frankfurt am Main, 1994. S. 102–109.

[6] *Ulrich B., Ziemann B.* Das soldatische Kriegserlebnis // Hg. K. Wolfgang. Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914–1918. Frankfurt am Main, 1997. S. 127–158.

[7] Grundlegend: *Lerner P.* Hysterical Men. War, Neurosis and German Mental Medicine, 1914–1921. Phil. Diss. Columbia University 1996; ders. «Ein Sieg deutschen Willens». Wille und Gemeinschaft in der deutschen Kriegspsychiatrie // Die Medizin und der Erste Weltkrieg / Hg. W. Eckart, Ch. Gradmann. Pfaffenweiler, 1996, S. 85–107; ders.: Rationalizing the Therapeutic Arsenal. German Neuropsychiatry in World War I // Medicine and Modernity. Public Health and Medical Care in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany / Hg. M. Berg, G. Cocks. Cambridge, 1997. S. 121–148.

[8] См.: *Riedesser P. Verderber A.* «Maschinengewehre hinter der Front». Zur Geschichte der deutschen Militärpsychiatrie. Frankfurt am Main 1996; *Komo G.* «Für Volk und Vaterland». Die Militärpsychiatrie in den Weltkriegen. Münster, 1992; *Büttner P.* Freud und der Erste Weltkrieg. Eine Untersuchung über die Beziehung von medizinischer Theorie und gesellschaftlicher Praxis der Psychoanalyse. Phil. Diss. Heidelberg 1975; *Brunner J.* Freud and the Politics of Psychoanalysis. Oxford, 1995. S. 106–122; *Roth K.-H.* Die Modernisierung der Folter in den beiden Weltkriegen. Der Konflikt der Psychotherapeuten und Schulpsychia-

Названные выше подходы основаны на общей посылке, а именно: феномен так называемых военных неврозов (уже само название говорит о патологическом характере исследуемых состояний), несомненно, входит в компетенцию психиатрической науки и практики. Однако достаточно обратиться к тому, что нам известно о других странах — участницах войны, чтобы убедиться: данное утверждение далеко не безупречно и нуждается в пояснениях.

Подход, ориентированный на связь культурной истории и истории науки, позволяет избежать недостатков, свойственных прежним исследованиям. Принцип принуждения к социальной дисциплине, который видит в науке лишь инструмент для осуществления господства, упускает из поля зрения самостоятельное значение научных выводов и способность науки оказывать воздействие на структуры сознания. Этот аспект недооценивает также история культуры и ментальности, если она пытается реконструировать — что неверно — непосредственный, или аутентичный опыт на основании индивидуальных высказываний о жизни.

Как создавались представления психиатрии о «человеческом факторе на войне»?

Начало Первой мировой войны большинство немецких образованных граждан приветствовали как выход из духовного и культурного кризиса. Психиатры также возлагали надежды на «мощное воспитательное воздействие войны», видя в ней средство преодоления «вредных влияний процессов последних лет на душу народа». Вредные влияния, по мнению медиков, выразились в «невероятно быстром росте нервно-психических болезненных явлений у молодого поколения»[9]. Ожидания, как будто, оправдывались. Профессор психиатрии Отто Бинсвангер спустя несколько недель после начала

ter um die deutschen «Kriegsneurotiker» 1915–1945 // Zs für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts. 1987. S. 8–75.

[9] *Binswanger O.* Die seelischen Wirkungen des Krieges. Stuttgart, 1914. S. 7, 10, 11. В связи с понятием нервов в политическом и культурном довоенном развитии см.: *Steiner A.* «Das nervöse Zeitalter». Der Begriff der Nervosität bei Laien und Ärzten in Deutschland und Österreich um 1900. Zürich, 1964; *Ulrich B.* Nerven und Krieg // Geschichte und Psychologie. 163–192; *Radkau J.* Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler. München, 1998.

войны в работе «О воздействии войны на психику» писал, что у многих молодых пациентов, находившихся в клинике Йенского университета, с началом войны вдруг разом исчезли нервные расстройства и признаки слабости воли, эти люди пошли на войну добровольцами и прекрасно себя проявили[10].

Оптимизм начальной фазы вскоре был опровергнут реальностью. В марте 1915 г. один из коллег Бинсвангера констатировал, что среди молодых добровольцев многие «попросту не обладают нервной системой, способной выносить лишения и ужасы современной войны»[11]. Роберт Гаупп, директор нервной клиники г. Тюбингена, впоследствии генерал обер-арцт и медицинский эксперт 13-го армейского корпуса, отмечал: «...примерно с декабря 1914 года возрастает число страдающих нервными и психическими заболеваниями, и главной причиной этого обычно называют испуг, пережитый при разрыве снаряда. Французское наступление, начавшееся в середине декабря 1914 и продолжавшееся до конца января 1915 года, привело к появлению значительного числа случаев болезненного возбуждения и нервных срывов, которые наблюдались у лиц, переживших в самой непосредственной близости разрывы снарядов. Возникновение нервного расстройства при этом вовсе не было связано с ранением; испуг, нередко и сильнейшее душевное потрясение, вызванное видом убитых товарищей — этого было больше чем достаточно»[12]. Заголовок, данный Гауппом своей статье — «Истерия и участие в войне» — одновременно был и диагнозом, под который автором были подведены парезы, судороги, делирии и сумеречные состояния. Кроме того, этим названием Гаупп связал свою работу с итогами предвоенных дискуссий о проблеме истерии[13].

---

[10] *Binswanger*. Wirkungen. S. 21–22.

[11] *Gaupp P*. Hysterie und Kriegsdienst // Münchener Medizinische Wochenschrift. 1915. Bd. 62. S. 361–363. Zitat.: S. 361.

[12] Ebd.

[13] Siehe u.a. Goldstein J. Console and Classify. The French Psychiatric Profession in the Nineteenth Century. Cambridge, 1987; dies.: The Uses of Male Hysteria. Medical and Literary Discourse in Nineteenth-Century France. Representations. 1991. Bd. 34. S. 134–165; *Micale M.S*. Approaching Hysteria. Disease and Its Interpretation. Princeton, 1995; *de Marneffe D*. Looking and Listening. The Construction of Clinical Knowledge in Charcot and Freud. Signs 17, 1991, S. 71–111; *Showalter E*. The Female Malady. Women, Madness, and English Culture, 1830–1980. New York, 1987; dies.: Hystorien. Hysterische Epidemien im Zeitalter der Medien. Berlin 1997; *Harris R*. Murders and Madness. Medicine, Law, and Soci-

В первые годы XX в. утвердилось психологическое объяснение причин истерии. Предметом дискуссий медиков оставались лишь травматические неврозы, вызванные несчастными случаями и катастрофами, шли споры о роли в их возникновении скрытых дефектов центральной нервной системы, то есть соматических факторов[14]. Скрытые дефекты ЦНС, как тогда считали, проявляются при одновременном механическом и психическом потрясении, то есть шоке ЦНС, например, у лиц, переживших железнодорожную катастрофу. Вольфганг Шивельбуш в книге «История поездки по железной дороге» ярко описал эти ужасы, олицетворявшие проблемы психической адаптации человека в условиях всеобщей индустриализации жизни[15]. Решающим фактором, пусковым механизмом заболевания в случае истерии и травматического невроза медики считали унаследованную или приобретенную психопатическую конституцию. Понятие конституции представляло собой связующее звено — оно позволяло примирить концепции соматической либо психогенной основы болезни. Утверждалось, что психопатическая конституция характеризуется состояниями слабости и нарушениями развития ЦНС. Считалось, что данный тип конституции характерен для женщин. К истерическим психопатам относили также «мужчин из рабочего класса» и так называемых «деклассированных» элементов[16]. В этой социальной среде, по мнению врачей, травматические неврозы были особенно распространены.

В Германии начала XX в. истерия была «не в почете» и фактически ушла из поля зрения исследователей, не признававших метод психоанализа в психиатрии. В последней трети XIX в. главное внимание уделялось изучению процессов, поддающихся измерению и описанию естественнонаучными методами, особенно активно ученые занимались взаимосвязью психических функций и функций головного мозга. Исте-

---

ety in the Fin de Siècle. Oxford, 1989; *Oppenheim J.* «Shattered Nerves». Doctors, Patients, and Depression in Victorian England. Oxford, 1991.

[14] *Fischer-Homberger E.* Die traumatische Neurose. Vom somatischen zum sozialen Leiden. Bern, 1975; *Caplan E.M.* Trains, Brains and Sprains. Railway Spine and the Origins of Psychoneuroses // Bulletin of the History of Medicine, 1995. Vol. 69. P. 387–419; *Keller Th.* Railway Spine Revisited. Traumatic Neurosis or Neurotrauma? // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1995. Vol. 50. P. 507–524.

[15] *Schivelbusch W.* Geschichte der Eisenbahnreise. Zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1977. S. 106–51.

[16] *Binswanger O.* Die Hysterie. Wien, 1914. S. 86.

рия в эту тематику не входила, так как соматические заболевания истериков не вписывались в привычные типы взаимосвязей анатомической и физиологической природы. «Истеричность» определили как «тип личной реакции без отчетливых границ с общим здоровым состоянием»[17].

Было бы неверно полагать, что естественнонаучный характер тогдашней психиатрии привел к уединению исследователей в недавно обустроенных лабораториях психиатрических больниц и университетских клиник. Исходная установка, согласно которой то или иное социальное поведение основано на определенной физической конституции, самым непосредственным образом поддерживало убеждение, что «дело психиатров — по поведению человека судить о нормальности или ненормальности его психики»[18]. Интерес психиатров, расширяясь, со временем охватил все группы и всех индивидов, которые не отвечали нормам, установленным психиатрами для социальной и культурной жизни: заключенных, лиц без определенного места жительства, проституток, незамужних матерей, артистическую богему и политическую оппозицию. Самое позднее в последней трети XIX в. психиатрия начинает активно участвовать в новом истолковании кризисных явлений культуры и общества, интерпретируя их как картины болезни[19]. Психиатрия использовала свой научный авторитет для осмысления социальных проблем как патологических явлений в таких областях как криминологическая антропология, обсуждение вопросов уголовного законодательства и научных основ деятельности полиции[20]. Психиатры сыграли видную роль в решающем прорыве генетики, или расовой гигиены в начале

---

[17] *Kraepelin E.* Über Hysterie // Zs für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1913. Bd. 18. S. 261–279. Zitat.: S. 266.

[18] *Möbius P.J.* Über Entartung. Wiesbaden, 1900. S. 102.

[19] О Франции см.: *Robert A. Nye.* Crime, Madness, and Politics // Modern France. The Medical Concept of National Decline. Princeton, 1984.

[20] См.: *Weindling P.* Health, race and German politics between the unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge, 1989; Rasse, Blut und Gene. Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland / Hg. P. Weingart. Jü. Kroll, K. Bayertz. Frankfurt am Main 1992; *Engstrom E.* Emil Kraepelin. Psychiatry and public affairs in Wilhelmine Germany // History of Psychiatry. 1991. Vol. 2. P. 111–132; *Weber M.M.* Ernst Rüdin. Eine kritische Biographie. Berlin, 1993; *Wetzell P.F.* The Medicalization of Criminal Law Reform in Imperial Germany // Institutions of Confinement / Hg. N. Finzsch, R. Jütte. Cambridge, 1996. S. 275–283; *Becker P.* Vom «Haltlosen» zur «Bestie». Das polizeiliche Bild des «Verbrechers» im 19. Jahrhundert // «Sicherheit» und «Wohlfahrt». Polizei, Gesellschaft und

века[21]. Многие психиатры вели активную деятельность в обществах евгеников, боровшихся с сифилисом, проституцией и алкоголизмом. После создания в 80-х гг. XIX в. системы государственного страхования от несчастных случаев, психиатры в качестве экспертов стали оказывать существенное влияние на государственных чиновников здравоохранения. Возрастал профессионализм врачей, что сопровождалось учреждением в университетах кафедр психиатрии, а плоды повышения профессиональной подготовки врачей обнаружились, прежде всего, в классической психиатрии. В Германской империи строилось огромное количество государственных психбольниц, где, в основном, содержались и находились на лечении психически больные[22].

Подводя итоги, можно сказать, что психиатрия в Германии до 1914 г. «сделала карьеру». Области компетенции и деятельности психиатрии как научной и институциональной системы значительно расширились и все больше проникали в жизнь общества. Показательно то, что Верховное армейское командование немедленно поручило научному сообществу (scientific community) психиатров решать проблему психических заболеваний солдат, которая уже к концу 1914 г. приняла неожиданно широкие масштабы. На психиатров возложили также задачу определения дееспособности дезертиров и так называемых «уклонистов».

Этот процесс не был чем-то обычным. В Италии, Франции и Англии солдаты, которые не хотели или не могли воевать, не подвергались обследованиям в таких же масштабах — их без долгих разговоров отправляли под трибунал[23]. Особенно любопытно сравнение с Англи-

---

Herrschaft im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. A. Lüdtke. Frankfurt am Main, 1992. S. 97–132.

[21] *Kaufmann D.* Eugenik-Rassenhygiene-Humangenetik. Zur lebenswissenschaftlichen Neuordnung der Wirklichkeit in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Die Erfindung des Menschen. Schöpfungsträume und Körperbilder 1500–2000 / Hg. R. van Dülmen. 1998. S. 347–365.

[22] *Blasius D.* «Einfache Seelenstörung». Geschichte der deutschen Psychiatrie 1800–1945. Frankfurt am Main, 1994.

[23] См.: *Bogacz T.* War Neurosis and Cultural Change in England, 1914–1922. The Work of the War Office Committee of Enquiry into «Shell-Shock» // J. of Contemporary History. 1989. Vol. 24. P. 227–256; *Stone M.* Shellshock and the Psychologists // The Anatomy of Madness. Essays in the History of Psychiatry / Hg. W.F. Bynum, R. Porter, M. Shepard. Bd. 2. London, 1985. P. 242–271; *Brown E.M.* Between Cowardice and Insanity. Shell Shock and the Legitimation of the

ей — в данном вопросе немецкая армия оказалась более современной[24]. Германские трибуналы состояли из образованных юристов, которые, как и в довоенные годы, привлекали психиатров в качестве экспертов, если возникали сомнения относительно психической вменяемости подсудимых. Как правило, трибуналы принимали во внимание заключения экспертов и отправляли обвиняемых на лечение. В британской армии судьями в трибуналах были офицеры. Они занимали определенное положение в военной иерархии, подчиненной принципу устрашения и превентивных карательных мер, который имел приоритет перед принципами правового государства. Психические заболевания считали проявлениями трусости, соответственно и судили. Английская психиатрия в качестве решающей инстанции, определявшей характер отклонений в поведении военных, как бы оказалась вдалеке от войны, в гражданском обществе. Лишь после войны Shellshock Committee при War Office, учреждение которого стало выражением социальных, культурных и политических изменений в послевоенной Англии, начал заниматься реальностью психических заболеваний, и с этой точки зрения были пересмотрены 346 смертных приговоров, ранее вынесенных военными трибуналами[25].

Понятие «scientific community» в нашем случае указывает на массированное привлечение психиатров к военным. Почти всех психиатров призывали на службу в полевых и тыловых лазаретах, с 1915 г. они работали в новых специально созданных нервных лазаретах и в отделениях университетских клиник для страдающих военными неврозами, а также в специально организованных отделениях государственных и частных психиатрических больниц. Университетские профессора в качестве специалистов-консультантов состояли при нервных стационарах армейских корпусов.

К концу первого года войны через полевые и тыловые лазареты прошли более 100 000 солдат с симптомами, покрывавшими весь известный к тому времени спектр проявлений истерии[26]. Первичный диагноз гласил:

Neuroses in Great Britain // Science, Technology and the Military / Hg. E. Mendelssohn, M. R. Smith, P. Weingart. Dordrecht 1988, S. 323–345.

[24] *Jahr Ch.* Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–18. Göttingen, 1998; mit ähnlichen Ergebnissen zum Verhältnis Armee-Recht-Gesellschaft für den Bereich der Desertion.

[25] См.: *Bogacs*. War Neurosis.

[26] Sanitätsbericht 1914/1918. S. 145.

травматический невроз, центральная нервная система пострадала от механических и психических воздействий, от разрывов снарядов или от зрелища убитых, разорванных в клочья друзей и товарищей[27]. Однако довольно скоро в многочисленных опубликованных в специальных изданиях статьях на тему о военных неврозах появляется новая идея. Авторы сообщают о результатах лечения и об экспериментах, которые они проводили в лазаретах, и контекст совершенно однозначен: неожиданное столкновение врачей с неким массовым феноменом, нехватка мест в клиниках и госпиталях, отсутствие ресурсов и недостаточное время лечения, и, кроме того, давление со стороны военных чиновников и начальников, желавших получить положительные результаты лечения. Начала формироваться дискуссия врачей-практиков, причем концепция органических повреждений не просто была выделена из общего обсуждения роли несчастных случаев как травматических факторов, — обсуждался новый тип интерпретации, сложившийся в ходе дискуссии об истерии, а именно концепция обусловленного желаниями больного, истерического возникновения симптомов без всяких телесных соматических факторов. Болезнь понималась как бегство от действительности войны. В терапии соответственно начали применять принудительное лечение, направленное на укрепление якобы слабой воли пациента. Создали целый арсенал насильственных методов — внушение отвращения, темный карцер, инсценировка хирургической операции, электрический шок. Все это должно было стать для невротика более сильным шоком, чем тот, который он пережил на фронте[28], такими способами надеялись загнать солдата обратно на позиции, где жизнь могла ему показаться сравнительно более выносимой[29].

В конце сентября 1916 г., когда в завершающий период битвы на Сомме психические срывы у солдат нарастали с драматической силой, в Мюнхене состоялось так называемое Военное совещание немецких психиатров и неврологов. На нем было решительно отвергнуто столь популярное прежде объяснение причин психических заболеваний комбинированной

---

[27] Так, например: *Hoche A*. Krieg und Seelenleben. Freiburg, 1915. S. 18.

[28] *Kaufmann Fr*. Die planmässige Heilung komplizierter psychogener Bewegungsstörungen bei Soldaten in einer Sitzung // Münchener medizinische Wochenschrift. Feldärztliche Beilage. 1916. Bd. 63. S. 802–804; ders.: Zur Behandlung der motorischen Kriegsneurosen, ebd. 64, 1917. S. 1520–1523.

[29] Подробнее: *Lerner*. Hysterical Men. S. 145–219; *Riedesser, Verderber*. Maschinengewehre. S. 42–74.

соматической и психической травмой[30]. Эмпирическое наблюдение пациентов и данные о результатах терапии ведущие авторитеты теперь все чаще приводили как доводы в пользу новой концепции — обусловленного субъективным желанием возникновения симптомов истерии. Сюда относят жалобы больных, например, на неспособность ходить, видеть или слышать, эти симптомы объясняются неосознанным или осознанным нежеланием пациента участвовать в боях, желанием отправиться в тыл и получить пенсию. Вспышки неврозов обычно наблюдались не на фронте, а лишь позднее, в лазаретах, и это объясняли тем, что пациент наблюдал истерические симптомы у других больных. В пользу новой концепции говорили отсутствие неврозов у тяжелораненых и у заключенных в лагеря военнопленных, наконец, высокая степень внушаемости так называемых военных истериков, симптоматика которых оказалась устранимой при применении гипноза, то есть могла быть истолкована как функциональное нервное расстройство[31].

И только «испуг без участия представлений» еще признавали фактором, оказывающим — правда, лишь временное, — действие на ЦНС. Воздействие сильнейших психических потрясений на войне медики сводят к мимолетному впечатлению, — такую претензию высказал один из немногих критиков новых воззрений на военном заседании в 1916 г. Но именно эта редукция большинству психиатров представлялось важным результатом войны, в которой видели «величайше-

---

[30] Темой конференции были «Неврозы после ранений». Материалы опубликованы в журн. Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde. 1917. Bd. 56. H. 1–4. S. 1–216. Подробно: *Lerner*. Hysterical Men (Anm. 7). S. 79–144.

[31] Эти данные впоследствии были подтверждены во многих журнальных статьях и диссертациях. См. в частности: *Dörken O*. Ein Beitrag zu dem Kapitel: Traumatische Kriegs-Neurosen und Psychosen. Med. Diss. Kiel, 1916; *Bauer J*. Hysterische Erkrankungen bei Kriegsteilnehmern. Med. Diss. Berlin, 1916; *Finkenrath K*. Ein Beitrag zur Kriegshysterie auf Grund von Feld- und Heimatbeobachtungen. Med. Diss. Marburg, 1920; *Rittershaus*. Zur Frage der Kriegshysterie //Zs für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1919. Bd. 50. S. 87–97; *Stern H*. Die hysterischen Bewegungsstörungen als Massenerscheinung im Krieg, ihre Entstehung und Prognose // ebd. 1918. № 39. S. 246–281; *Pilcz A*. Einige Ergebnisse eines Vergleiches zwischen einem psychiatrischen Materiale der Friedens- und Kriegsverhältnisse // ebd. 1919. № 52. S. 227–240; *Joachim v. Steinau-Steinrück*. Zur Kenntnis der Psychosen des Schützengrabens, ebd., S. 327–370; *Pönitz K*. Die klinische Neuorientierung zum Hysterieproblem unter dem Einflusse der Kriegserfahrungen. Berlin, 1921.

го размаха эксперимент с нервным и психическим здоровьем нашего народа»[32]. В силу колоссального подъема военной техники здоровье каждого фронтового бойца, — говорили участники заседания, — в непосредственной близости или на значительном удалении претерпело ущерб от современных артиллерийских снарядов, ураганного огня, газовых гранат, бомбардировок и огнеметов[33]. Но большинство быстро справлялись с телесными и психическими воздействиями испуга, в том числе и благодаря привыканию и притуплению ощущений. В чем же тогда причины того, что другие солдаты оказались не в состоянии преодолеть последствия испуга на войне?[34] Это и был важнейший вопрос для решения проблемы военных неврозов.

Если большинство солдат преодолевали экстремальную ситуацию, какой является для человека война, то это происходило, по мнению психиатров, прежде всего, благодаря двум принципиально важным особенностям человека. Во-первых, это наличие у него мозга, который превосходным образом доказал на войне свою способность приспособления к внешним вредным факторам. Во-вторых, наличие «нервного аппарата», иначе говоря, механизмов психики, которые в случае переживания тяжелого аффекта, например, при атаке, или в ближнем бою, приводят в действие ослабление сознания или полное отключение аффектов. Сами пострадавшие описывали отключение аффектов как потерю ощущений и одновременную легкость мышления,[35] т.е.

---

[32] *Hoche A.* Über Hysterie // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1916. Bd. 56. S. 331.

[33] Показательно: *Gaupp P.* Referat auf der 8. Jahresversammlung der Gesellschaft Deutscher Nervenärzte // Deutsche Zst für Nervenheilkunde. 1917. Bd. 56. S. 115–150.

[34] *Gaupp R.* Schreckneurosen und Neurasthenie // Handbuch der Ärztlichen Erfahrungen im Weltkriege 1914/1918 / Hg. Otto v. Schjerning. Bd. IV: Geistes- und Nervenkrankheiten / Hg. v. Karl Bonhoeffer. Leipzig, 1922. S. 68–101; ders.: Die Nervenkranken des Krieges, ihre Bedeutung und Behandlung. Stuttgart, 1917. S. 9–10.

[35] В романе «В стальных грозах» Эрнст Юнгер пишет: «Над руинами висел... тяжелый трупный запах, ибо огонь был таким сильным, что о телах погибших никто не заботился. Мы удирали, спасая свою жизнь, и когда я, на бегу, почувствовал этот запах, то ничуть не удивился — он был здесь чем-то неотъемлемым. Кстати, этот тяжелый сладковатый запах не был лишь отвратительным, он, перемешанный с едкой вонью взрывчатки, вызывал почти экстатическое возбуждение, какое способна вызвать у человека лишь крайняя

внешние воздействия, условия войны, не ответственны за возникновение так называемых военных неврозов.

В качестве причины называли как раз другое — внутренний конфликт индивида, о чем пишет Карл Бонхёффер, директор Берлинской Университетской клиники: «...с одной стороны, неизбежное военное принуждение и угрожающая жизни, страшная военная необходимость, с другой стороны, желание выжить, находиться вне зоны огня и боевых действий. Можно считать доказанным войной то, что военная истерия происходит от этого сочетания»[36]. Здесь не новая интерпретация, а почти открытое признание психоаналитического объяснения психической травмы, оно наметилось уже на Мюнхенском совещании военных психиатров в 1916 г. Аналогичную мысль высказал Зигмунд Фрейд в конце сентября 1918 г. на Психоаналитическом конгрессе в Будапеште: «Конфликт в самом “я” разыгрывается между старым мирным и новым военным “я” солдата и становится острым, как только мирное “я” с очевидностью убеждается, что ему грозит огромная опасность быть убитым рискованными действиями своего новообразованного паразитического двойника»[37]. «Здоровый» человек, утверждает психоаналитик Карл Абрахам, «способен», а также готов «пожертвовать своим “я” во имя общности»[38]. Здоровый индивид подавляет свой эгоизм и инстинкт самосохранения в угоду «идеальным сверхценностным представлениям». Тем самым положительная оценка войны

близость смерти. И здесь я сделал наблюдение... что бывает такой ужас, который чужд тебе, словно неведомая земля. Поэтому я чувствовал в те мгновения не страх, а лишь высокую, демоническую легкость и, что удивительно, испытывал приступы смеха, который не мог подавить».

[36] *Bonhoeffer K.* Über die Bedeutung der Kriegserfahrungen für die allgemeine Psychopathologie und Ätiologie der Geisteskrankheiten / Handbuch (Anm. 34). S. 28; *Lewandowsky M.* Die Kriegsschäden des Nervensystems und ihre Folgeerscheinungen. Berlin, 1919. S. 73–95; *Schneider K.* Einige psychiatrische Erfahrungen als Truppenarzt // Zs. für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1918. Bd. 39. S. 307–314. Об исключительно позитивном отношении к «воззрениям Фрейда» по вопросам неврозов см.: *Sauer W.* Zur Analyse und Behandlung der Kriegsneurosen // Zs für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1917. Bd. 36. S. 26–45. Ср.: *Jünger E.* In Stahlgewittern. 34. Auflage Stuttgart, 1993. S. 105.

[37] *Freud S.* Einleitung // Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. 5. Internationaler Psychoanalytischer Kongreß in Budapest, 28.–29. September 1918. Leipzig, 1919. S. 5.

[38] *Abraham K.* Erstes Korreferat, ebd. S. 34.

входит в область внутренней природы, в «механизм психики» всякого здорового человека. Если же механизм не работает, очевидно, есть болезненное нарушение. И оно имеет имя — это психопатологическая конституция или личность, которая считается «отклонением от типа нормального человека»[39].

Психопатическая конституция и личность в системе взглядов на истерию и в концепциях евгеники с последней трети XIX в. служит обозначением определенного типа характера и определенного образа жизни со специфическими социальными чертами. Роберт Гаупп отмечает у так называемых военных невротиков «дефекты этики», в особенности «себялюбие и бесцеремонность»[40], он называет их «безудержными аффективными типами», «асоциальными аутсайдерами», «раздражительными нытиками и склочниками»[41]. Причем поляки и евреи якобы заболевают чаще, чем немцы; жители рейнских областей — чаще, чем обитатели Померании; солдаты — чаще и с более яркой картиной болезни, чем офицеры[42]. Характерно, что расистские взгляды были особенно типичны для австрийских психиатров, которые именно с этих позиций осмысливали и объясняли конфликты в армии многонациональной Австро-Венгрии[43].

Психоанализ также способствовал накоплению дифференцированных характеристик участников войны с психическими заболеваниями. Шандор Ференци указывал на регрессивность личности травмированных, которая соответствует личности «измученного какими-то испугами, склонного жалеть себя, несдержанного, скверного ребенка»[44]. Карл Абрахам утверждал, что военные невротики — это лабильные, потерпевшие неудачу в практической жизни люди со сниженной сексуальной активностью и предрасположенностью к гомосексуализму»[45].

---

[39] *Aschaffenburg G.* Die konstitutionellen Psychopathen // Handbuch (Anm. 34). S. 122.

[40] *Gaupp.* Referat auf der 8. Jahresversammlung (Anm. 30). S. 144.

[41] *Gaupp.* Die Nervenkranken (Anm. 34). S. 12.

[42] *Gaupp.* Referat auf der 8. Jahresversammlung. S. 120, sich auf Forschungen von Kollegen beziehend; ders.: Schreckneurosen // Handbuch (Anm. 34). S. 70. См.: *Jolowicz E.* Statistik über 5455 organische und funktionelle Nervenerkrankungen im Kriege. Gesichtet nach Truppenteilen, Dienstgraden, Alter, Dienstzeit, Nationalität und Berufen // Zs für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1919. Bd. 52. S. 153–154.

[43] См., например: *Wagner-Jauregg J.* Erfahrungen über Kriegsneurosen. Wien, 1917.

[44] *Ferenczi S.* Die Psychoanalyse der Kriegsneurosen // Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen (Anm. 38). S. 28.

[45] *Abraham.* Korreferat //ebd. S. 33.

Сталкиваясь с подобными характеристиками психически больных и видя постоянный рост числа своих пациентов, психиатры не могли быть довольны своей профессией, тем более что им приходилось «в интересах справедливости, а также, исполняя профессиональный долг, поддерживать ужасный отбор», производимый войной[46]. После войны профессор психиатрии Макс Нонне высказался еще яснее: «Старая беда ежедневно возвращалась — война с огромным успехом ежедневно производила дарвиновский отбор, но отбор в обратном смысле: лучшие становились жертвами, физически и психически неполноценные, никчемные и вредители заботливо сохранялись, вместо того чтобы при столь благоприятных обстоятельствах произошло основательное очищение (Katharsis), которое к тому же ореолом героической смерти освятило бы паразитов, сосущих народную силу»[47].

Эти воззрения были распространены и пропагандировались еще до 1914 г. в движении евгеники. Но теперь они становятся результатом научного исследования, «врачебным опытом мировой войны» — так озаглавлен фундаментальный труд по психиатрии, опубликованный в 1922 г. Иначе говоря, констатировалось существование такой реальности, в которой человеческое поведение считается нормальным, если в экстремальной ситуации оно поддается надежному прогнозированию независимо от окружающей обстановки. Результатом отнесения государством к области компетенции психиатрии проблемы так называемых военных невротиков стало то, что последних охарактеризовали как психопатологических личностей. Одновременно и ответственность за решение проблемы взвалили на самих пациентов. Военные неврозы возникают не из-за войны, а из-за якобы неполноценного человеческого материала.

Осмысление Первой мировой войны психиатрической наукой и интерпретации военного опыта в общественном и индивидуальном аспектах после 1918 г.

Психопатическая конституция и неправильная направленность воли — эти ярлыки стали доминирующими в конфликтах, происходивших в Германии периода Веймарской республики, когда начались споры о назначении и размере пенсий участникам войны — конфликт меж-

---

[46] *Gaupp*. Referat auf der 8. Jahresversammlung (Anm. 30). S. 150.

[47] *Nonne M*. Therapeutische Erfahrungen an den Kriegsneurosen in den Jahren 1914–1918 // Handbuch (Anm. 34). S. 112.

ду военными невротиками и экспертами психиатрами[48]. Объяснение, которое психиатрия дала военным неврозам, в известном смысле было адаптировано и стало вариантом пресловутой легенды о кинжальном ударе. В такой форме оно вошло и в националистические интерпретации Первой мировой войны: кинжал в данном случае оказывался в руках неполноценных психопатов, чья близость и даже идентичность социалистам — «мятежникам» 1918 г. была для большинства психиатров несомненной[49].

Противоположные взгляды в обществе были представлены лишь весьма ограниченно, их придерживались немногие:[50] члены Союзов жертв войны, и, судя по психиатрическим экспертным заключениям о случаях военных неврозов, составленным для имперского ведомства социального обеспечения, практикующие домашние врачи и семейные женщины, видевшие непосредственную связь между войной и душевным недугом своих мужей[51].

Оставив в стороне эти немногочисленные и слабые возражения, можно заметить поразительное единство интерпретаций, хотя, в целом, для Германии периода Веймарской республики характерны весьма различные оценки событий и итогов мировой войны. Свой собственный психический кризис или признаки болезни у кого-то из однополчан воспринимались как измена товариществу, окопному братству. В какой бы

---

[48] *Stier E.* Rentenversorgung bei nervösen und psychisch erkrankten Feldzugsteilnehmern // Handbuch (Anm. 34). S. 168–193; Dienstbeschädigung und Rentenreform / Hg. C. Adam. Jena 1919; Die «Unfall-(Kriegs-)Neurose». Vorträge und Erörterungen / Hg. v. Reichsarbeitsministerium. Berlin, 1929; *Weiler K.* Nervöse und seelische Störungen bei Teilnehmern am Weltkriege, ihre ärztliche und rechtliche Beurteilung. Leipzig, 1933. Ср.: *Eghigian G.* Die Bürokratie und das Entstehen von Krankheit. Die Politik und die «Rentenneurosen» 1890–1926 / Stadt und Gesundheit // Hg. J. Reulecke, A. Gräfin zu Castell Rüdenhausen. Stuttgart, 1991. S. 203–223.

[49] Так, например: *Singer K.* Das Kriegsende und die Neurosenfrage // Neurologisches Centralblatt. 1919. Bd. 38. S. 330–334; *Kahn E.* Psychopathen als revolutionäre Führer // Zs. für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1919. Bd. 52. S. 90–106. Vgl. *Lerner.* Hysterical Men. (Anm. 7), S. 346–368; Riedesser, Verderber, Maschinengewehre (Anm. 6). S. 80–90.

[50] *Whalen R. W.* Bitter Wounds. German Victims of the Great War. 1914–1939. Phil. Diss. Cornell University 1982.

[51] Gutachtertätigkeit. Bestand Nervenklinik // Archiv der Humboldt Universität Berlin.

то ни было форме уклоняться от участия в боях, означало трусливо бросать товарищей в минуту грозной опасности.

Этот тип мышления, согласующийся и с выводами медиков о характере военных неврозов, прослеживается в автобиографических записках и в художественной литературе, основанной на автобиографическом материале и посвященной войне, причем независимо от того, является ли позиция автора позитивной или негативной по отношению к войне[52]. Нужно отметить, что здесь более отчетливо, чем в работах психиатров, на первый план выходит та зыбкая грань, за которой уже вполне возможен тяжелый психический срыв. Однако кризисы описываются лишь как временное состояние, аналогично упомянутым выше невротическим реакциям на применение современной военной техники уничтожения. Эрнст Юнгер пережил подобный срыв и описал его в романе «В стальных грозах»: снаряд разорвался в непосредственной близости от автора, кризис преодолен рассказчиком лишь благодаря острой тревоге о подчиненных, сознанию своей ответственности за них; но после отступления он бросился на землю, сотрясаясь от «судорожных рыданий», а затем он «погрузился в чувство предельной безучастности»[53]. Эрих Мария Ремарк в романе «На западном фронте без перемен» описывает приступ острого страха, поразивший унтер-офицера, когда его подразделение было поднято в атаку, и свою собственную реакцию: «...Я живо бросаюсь назад в окоп и нахожу его, он лежит в углу и притворяется раненым, хотя его лишь чуть-чуть задело. Лицо у него как будто его избили. У него приступ страха, он же здесь недавно. Но я взбешен — новобранцы пошли в бой, а он здесь отсиживается. «Пошел!» — ору я. Он не поднимается, его губы, усы дрожат. «Пошел!» — снова ору я. Он подтягивает ноги к животу, всем телом прижимается к стене и скалит зубы точно пес. Я хватаю его за руку и пытаюсь вытащить наверх. Он взвизгивает. И тут нервы у меня сдают. Я хватаю его за горло, трясу точно мешок, так что голова мотается из стороны в сторо-

---

[52] *Prümm K.* Tendenzen des deutschen Kriegsromans nach 1918 // Kriegserlebnis. Der Erste Weltkrieg in der literarischen Gestaltung und symbolischen Deutung der Nationen / Hg. K. Vondung. Göttingen, 1980. S. 215–217. О восприятии посттравматических явлений «доисторическими культуральными парадигмами в различных национальных культурах» см.: *Fussel P.* Der Einfluß kultureller Paradigmen auf die literarische Wiedergabe traumatischer Erfahrung // Ibid. S. 175–187. The Great War and Modern Memory. Oxford, 1975.

[53] *Jünger* // In Stahlgewittern (Anm. 36). S. 253.

ну, и ору ему в лицо: «Подонок, выйдешь ты или нет? Ты, собака, ах ты, мерзавец, спрятаться решил?!». Его глаза стекленеют, я даю ему по ребрам, — вот сволочь! — и выталкиваю, головой вперед выталкиваю из окопа»[54].

Психический шок — то же, что слабость воли и трусость — в этом были глубоко убеждены участники войны, независимо от того, к какому из существовавших тогда политических лагерей они принадлежали. Вот рассказ одного унтер-фицера, попавшего в лазарет. В 1924 г. он сам определил свои переживания на фронте в соответствии с господствовавшим в то время типом психиатрического истолкования. Это описание взято мной не из журнала по психиатрии, а из автобиографии Гитлера, неоднократно издававшейся большими тиражами: «Пришло время, когда каждому надлежало выдержать борьбу между инстинктом самосохранения и зовом долга. И я не избежал этой борьбы. Всегда, когда смерть выходила на охоту, неопределенное нечто во мне пыталось взбунтоваться, старалось предстать в качестве разума слабому телу, и все-таки это лишь трусость в таком обличье пыталась связать отдельного человека. Уже зимой 1915–1916 гг. эта борьба для меня была решена. Воля, в конце концов, победила»[55].

В данной статье я исследовала значение передачи в ведение научных экспертов ряда социальных проблем, что можно считать важным тематическим разделом в истории XX в. При этом были затронуты два случая взаимосвязи проблем и сделана попытка воссоздать период истории науки как истории культуры. В первой части статьи рассмотрено формирование научного знания психиатрии посредством изучения психофизических реакций людей в экстремальной ситуации войны. Исследования психиатров, проходившие в социальных, культурных и политических условиях Первой мировой войны, на практике, то есть в лечении так называемых военных неврозов, определенно носили характер дисциплинарного воздействия. Кроме того, существовавший уже во время Первой мировой войны подход в духе евгеники, а именно разделение людей с точки зрения их полноценности или неполноценности, стал руководящей научно-практической парадигмой; этот вывод представляется не менее важным. Выявление с привлечением критерия непригодности к войне и научное изучение группы людей, признанных неполноценными, оказалось чрезвычайно важным для научной подго-

[54] *Remarque E.M.* Im Westen nichts Neues. Frankfurt am Main, 1980. S. 97.
[55] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1934. S. 181.

товки и поддержки человеконенавистнических социальных программ нацизма, которые в более поздние годы нацисты попытались осуществить в своей политике.

Психиатрическая интерпретация Первой мировой войны, ставшая темой второй части статьи, использовалась в качестве культурологического истолкования и предоставила образчики для систематизации собранного материала по уклонению от воинского долга. Психиатрическая интерпретация нашла широкую поддержку среди ученых в период Веймарской республики и в значительной мере способствовала размыванию принципов гуманизма. Психиатрическая интерпретация Первой мировой войны и ее рецепция — это элементы и проявления кризиса буржуазного общества периода Веймарской республики.

Перевод Г.В. Снежинской

А.А. Федотова

РОССИЙСКИЕ БОТАНИКО-ГЕОГРАФЫ В ГОДЫ «ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

Ботаника — профессия совершенно мирная. Однако мировые войны XX в., нарушившие нормальную жизнь всего Старого Света, не оставили в стороне и ее. В данной статье будет проанализирована деятельность ботанико-географов и ученых смежных специальностей в годы Первой мировой войны на основе, главным образом, опубликованных материалов: научных и научно-популярных журналов тех лет, словаря «Русские ботаники» [1], биографий ученых, отчетов университетов и научных обществ, трудов различных совещаний.

Конец XIX – начало XX в. — время активного развития многих отраслей естествознания в России. Ботаническая география не стала исключением. Происходит быстрый рост числа исследователей, как профессионалов, так и любителей[2]. Если до 1880-х гг. возможность профессионально заниматься ботаникой в России ограничивалась

---

[1] Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь / Сост. С.Ю. Липшиц. Т. 1–4. М., 1947–1952. Корректуры неизданного пятого тома хранятся в библиотеке Ботанического института РАН и в Петербургском филиале архива РАН (Ф. 835. Оп. 1. Д. № 156).

[2] В качестве примера можно привести динамику роста численности сотрудников Ботанического Музея имп. Академии наук. В 1900 г. кроме директора, штат предполагал наличие только двух хранителей (Протоколы заседаний физ.-мат. отд. имп. АН. 1900. 23 февр. § 78.). В 1915 г. кроме директора в штате имелись уже три старших ботаника и три младших. Кроме того, в течение этого (военного!) года в Музее работало 14 человек «по вольному найму», и 37 «посторонних». Эти «посторонние» пользовались гербариями, участвовали в экспедициях и печатались в изданиях Музея. (Отчет о деятельности Академии наук по физ.-мат. и ист.-фил. отделениям за 1915 г. Пг., 1915. С. 68–84). Улучшилось финансирование, и вырос штат исследовательских структур подчинявшихся земледельческому ведомству: Петербургского имп. ботанического сада, специальных бюро Ученого комитета (Бюро по прикладной ботанике, Бюро по микологии и фитопатологии и пр.).
Этот рост продолжился, несмотря на все кошмары войн и революций. Так, если адресная книга Дерфлера (*Dörfler I*. Botaniker-Adressbuch. Wien, 1909) содержит информацию о 270 российских ботаниках, то книга, составленная А.Е. Жадовским в 1926 г. — о 1 390 (Адресная книга ботаников СССР. Л.: Изд. Гос. Бот. Об-ва, 1929.)

немногочисленными кафедрами и садами, то теперь ботаническое знание становится все более востребованным.

Земства, решив производить «рациональное налогообложение» земельных угодий, стали заказывать естественноисторические описания своих территорий. Первый из таких заказов был сделан в 1882 г. Нижегородским земством В.В. Докучаеву. Далее и другие земства последовали примеру Нижнего Новгорода. Описания выполняли, в основном, по образцу докучаевского — они были комплексными и включали геоботаническую часть. Во многих губерниях создавали новые естественноисторические и краеведческие музеи. Так, в 1885 г. на основе коллекций Нижегородской экспедиции Докучаева был основан Нижегородский естественноисторический музей. Его непосредственным создателем был Н.М. Сибирцев — молодой коллега Докучаева. Кроме просветительских задач, в цели таких музеев входили исследовательские.

Провинциальные и столичные власти вводят самые разнообразные должности, связанные с прикладной ботаникой: геоботаников, агрономов, почвоведов и т.д. Должность могла называться по-разному, обязанности были более или менее сходными: систематическое исследование природы, на основе которых можно было проводить практические мероприятия на благо сельского хозяйства. Например, И.К. Пачоский, специалист по растительности Южной России, в 1897 г. был приглашен на должность губернского энтомолога Херсонской земской губернской управы, где успешно проработал около 20 лет. Созданный им Энтомологический кабинет в Херсоне вырос в губернский естественноисторический музей[3].

Создавались новые высшие учебные заведения[4], а при них новые ботанические кафедры и ботанические сады, реформировались старые. К примеру, были реорганизованы Никитский и Сухумский сады, ставшие благодаря этому серьезными исследовательскими центрами.

Быстро росло число ботаников-любителей, лиц связанных с прикладной ботаникой и объединяющих их различных обществ: естествоиспытателей, природоохранных, сельскохозяйственных, краеведческих. В сферу

---

[3] *Пузанов И.И., Гольд Т.М.* Выдающийся натуралист И.К. Пачоский. М., 1965.

[4] Перед началом войны в одном только Петербурге имелось несколько высших курсов (Стебутовские, Каменноостровские, Бестужевские, при лаборатории П.Ф. Лесгафта, при Психоневрологическом институте), где преподавались естественные науки. Ботанические специальности там вели такие ученые, как И.П. Бородин, В.Л. Комаров, В.Н. Сукачев, Н.А. Буш, А.А. Еленкин и др.

деятельности таких обществ обязательно входило естественноисторическое и экономическое изучение края для рационализации сельского и лесного хозяйства. Многие ботаники-профессионалы играли в таких обществах роль организаторов и координаторов, например, А.Н. Краснов и В.И. Талиев в Харьковской губернии, И.К. Пачоский в Херсонской.

Ботаники сочетали интересы прикладной и фундаментальной науки, использовали возросший спрос на их знания. Ботанико-географические обследования лугов производились «в связи с изучением кормовой площади», исследование подвидов погремков (растений, паразитирующих на луговых злаках) — «в местах подвергающихся влиянию сельскохозяйственной культуры»[5]. Сельские и лесные хозяева, в свою очередь, учились использовать ботанические знания.

Первая мировая война, изменив привычный уклад жизни всего общества, вмешалась в развитие ботанических исследований, в их сближение с лесо- и сельскохозяйственной практикой.

«Вторая Отечественная»[6]

В советские годы считалось почти неприличным обсуждать патриотический подъем российской интеллигенции в первые месяцы «империалистической» войны. В биографиях советских лет этот период в жизни ученого обычно описывается весьма кратко — упоминается, что исследовательская деятельность была прервана, или что работа продолжалась, несмотря на трудности связанные с войной.

Однако в 1914 г. война называлась не «империалистической», а «второй отечественной» и «великой битвой народов». Она не оставила в стороне ни одну, самую мирную специальность, и самих специалистов. Профессора и преподаватели, сотрудники музеев и научных обществ занимались сбором пожертвований, читали публичные лекции, устраивали экскурсии в пользу беженцев, раненых и семей погиб-

---

[5] Обычными названиями ботанических изданий и статей тех лет были, например, такие: Материалы по организации и культуре кормовой площади. Вып. 1–16. СПб., 1913–1916; *Цингер Н.В.* Подвиды *Alectrolophus major* Rchnb., живущие в местах, подвергающихся влиянию сельскохозяйственной культуры и их происхождение путем естественного отбора // Труды Тифлисского Ботанического сада. 1913. Вып. 12. Кн. 2. С. 179–190.

[6] В этой части статьи автор не ограничивается только ботанико-географами и обсуждает деятельность ботаников в широком смысле слова, включая исследователей смежных специальностей.

ших. Высшая школа и научные центры предоставляли свои клиники, отдавали помещения под лазареты и т. п.

Я назову лишь несколько примеров участия ботаников в общественной работе. В здании Императорской академии наук при активном участии И.П. Бородина был создан лазарет для раненых. Помещения под лазарет и квартиры для сестер милосердия были выделены Петербургским Императорским Ботаническим садом Петра Великого. В 1914–1915 гг. от имени Ботанического сада поступали пожертвования для оказания помощи семьям сотрудников, ушедших на войну. На службу в Ботанический сад принимали раненых военных[7]. В Казани для беженцев была приспособлена дача директора университетского ботанического сада проф. А.Я. Гордягина[8]. Альголог А.Г. Генкель в летние сезоны 1915 и 1917 гг. вместо отпуска занимался организацией санитарной помощи солдатам, беженцам и пленным. Являясь полковником санитарной службы, он ездил в прифронтовые районы как представитель общественной организации — Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам[9].

Не всем удавалось удержать свои патриотические чувства в цивилизованных рамках. В работах последнего времени рассматривается как Академия наук пыталась сопротивляться захлестнувшей Россию германофобии и не захотела подчиниться постановлению Совета министров об исключении «неприятельских подданных» из состава всякого рода союзов и обществ[10]. Однако далеко не все ученые были так принципиальны. К примеру, Новороссийское общество естествоиспытателей, избрав в марте 1914 г. крупного немецкого ботаника А. Энглера своим почетным членом, осенью того же года исключило его из своих рядов как германского подданного[11].

На фронт были призваны молодые ботаники (сравнительно немногие — в странах австро-германского блока на фронт призывались даже

---

7 Отчет о сост. и деятельности имп. Ботанического сада Петра Великого за 1914, 1915 гг. Пг., 1915, 1916.

8 Годичный отчет о состоянии имп. Казанского ун-та за 1915 г. Казань, 1916. С. 245–248. Гордягиным также была опубликована популярная работа «О заготовке сфагна (торфяного мха) для нужд госпиталей» (Казань, 1917).

9 *Николаев С.Ф.* Доктор ботаники А. Г. Генкель. Пермь, 1959.

10 См. например: *Басаргина Е.Ю.* Вице-президент имп. Академии наук П.В. Никитин. СПб., 2004. С. 259–269.

11 Отчет о деятельности Новороссийского естествоиспытателей за 1914 г. // Отчет о сост. и деят. имп. Новороссийского ун-та за 1914 г. Одесса, 1915. С. 337–348.

профессора)[12]. В действующей армии служили И.Г. Бейлин, П.В. Сюзев, П.П. Попов, Г.Г. фон Эттинген, И.В. Кузнецов, Н.И. Кузнецов (Кузнецов-Владимирский), П.Д. Клейменов, П.П. Бордаков (ушел добровольцем), Г.К. Франц, С.Ю. Туркевич, Б.М. Козо-Полянский[13], Д.Л. Рудзинский[14], Н.А. Безсонов[15]. В.П. Савич был призван на военную службу, но вскоре из-за тяжелой болезни был эвакуирован с фронта и назначен на нестроевую должность в Петрограде. Свой досуг он посвящал работе в Институте споровых растений Ботанического сада[16].

Миколог и фитопатолог К.Е. Мурашкинский в 1917–1918 гг. служил в качестве специалиста по защите растений Терского продовольственного комитета во Владикавказе[17]. Геоботаник А.П. Ильинский в 1916–1917 гг. заведовал Военно-метеорологическим отделом штаба армии.[18] Т.К. Кварацхелия (фитоэколог, садовод) в 1915–1917 гг. служил агрономом на Турецком фронте[19].

В годы войны оставались незанятыми некоторые ботанические должности. Например, в Сухумском саду в 1915 г. оставалась вакантной должность ассистента ботаника[20]. Однако военное время и воинские заслуги не слишком облегчали жизнь политически неблагонадежных. Дважды награжденный Георгиевским крестом и демобилизованный после ранений, И.Г. Бейлин не был утвержден властями в качестве ассистента ни у В.В. Лепешкина в Казани, ни у Б.А. Келлера в Воронеже. Ему вспомнили «противоправительственную агитацию» в 1908 г. В результате, он

---

[12] Так, личные известия «Вестника русской флоры» сообщали о взятых в плен чешском ботанике проф. Подпера и проф. Штарке из Черновец (1915. Т. 1. Вып. 2. С. 107; 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 63).

[13] См. личные известия «Трудов Ботанического сада Юрьевского университета» (1914. Т. 15. Вып. 2–3, 4.) и «Вестника русской флоры» (1915–1917. Т. 1–3.).

[14] *Балашев Л.Л.* Проф. Д.Л. Рудзинский // Селекция и семеноводство. Юбилейный номер, посвященный 25-летию советского семеноводства. 1946. С. 66–69.

[15] Русские ботаники. Т. 1. С. 150–151.

[16] Из текущей деятельности Института споровых растений // Известия имп. Ботанического Сада Петра Великого. 1915. Т. 15. Вып. 5–6. С. 669–672.

[17] Русские ботаники. Т. 5. С. 598–602.

[18] Большая часть его материалов по исследованию лугов Тверской губернии за предшествующие годы осталась неопубликованной. Русские ботаники. Т. 3. С. 458–465.

[19] Русские ботаники. Т. 4. С. 117.

[20] *Маркович В.* Сухумский ботанический (акклиматизационный) сад // Вестник русской флоры. 1915. Т. 1. Вып. 3. С. 180–182.

должен был оставить геоботанику, и поступил на Воронежскую станцию защиты растений[21].

Наряду с молодыми исследователями на фронт уходил технический персонал ботанических садов и опытных станций. Так, в Воронежском отделении Бюро по прикладной ботанике к осени 1915 г. не осталось «ни одного наблюдателя, ни одного служащего вследствие призыва их на военную службу»[22]. Следствием мобилизации стало то, что на работу в научные и опытные учреждения стали принимать женщин.

Потери

Первую мировую войну можно считать косвенной причиной смерти, по крайней мере, двух крупных российских ботаников: А.Н. Краснова и В.А. Ротерта. Создатель и директор Батумского ботанического сада, ботанико-географ А.Н. Краснов из-за войны должен был возвратиться из Франции, куда уехал на лечение. Он вернулся, даже не успев начать курс терапии, и слишком энергично для своего расстроенного здоровья взялся за работу. В декабре 1914 г. Краснова не стало. Анатом и физиолог В.А. Ротерт выгнанный войной сначала из Кракова, а потом из Киева, обосновался в Петрограде. Здесь он простудился, серьезно заболел и умер в начале 1916 г.[23]

Труднее оценить потери среди молодежи и любителей. Информацию об их гибели нужно собирать из «личных известий» разнообразных журналов. В 1915 г. на фронте погиб М.Ф. Короткий — начинающий геоботаник, которого очень ценил его учитель В.Н. Сукачев[24]. Н.В. Маракуев, занимавшийся обработкой некоторых родов для «Критической флоры Кавказа» погиб при аварии парохода, натолкнувшегося на мину. Там же погибла лаборантка Одесских высших курсов Е.А. Морозова, занимавшаяся, главным образом, растительностью Кавказа[25]. В Первую мировую войну был убит В.С. Левицкий[26].

---

[21] *Парнес В.А.* И.Г. Бейлин. М., 1983.

[22] *Мальцев А.* Текущие сведения о Бюро по прикладной ботанике (май–декабрь 1915 г.) // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1916. Т. 9. Вып. 5. С. 248.

[23] *Манойленко К.В.* В. А. Ротерт. Л., 1978.

[24] *Сукачев В.Н.* М.Ф. Короткий (некролог) // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 2/3. С. 185–199.

[25] Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 287.

[26] Левицкий — автор работы «О механических приспособлениях листьев двудольных», опубликованной в «Записках Киевского общества естество-

На фронте погиб А.А. Горбовский, работавший с А.П. Шенниковым в Симбирской губернии[27]. Участник экспедиций Переселенческого управления Д.А. Драницын ушел добровольцем, служил в Красном кресте, и был убит на Кавказском фронте в 1916 г.[28] Миколог и фитопатолог, заведовавший Микологическим кабинетом Салгирской опытной станции в Симферополе, И.Е. Барбарин работал бактериологом в одном из госпиталей и умер на этом посту в конце 1916 г.[29]

В качестве младших офицеров на фронт призывались выпускники Лесного института. Многие из них были учениками Г.Ф. Морозова, а значит сторонниками научного лесоведения. «Лесной журнал» сообщал на своих страницах о гибели В.Г. Шенберга, С.С. Грузова, А.А. Бекреева, В.И. Дилло, А.М. Сергина, С.Н. Климова, И.А. Кублицкого, Н.К. Левальт-Езерского, М.И. Данилова, Н.В. Брыля, В.Е. Звиногродского, В.И. Журавлева, В.И. Николаевского, А.Н. Гуртьева[30].

Был нарушен план экспедиций и стационарных исследований, сократилось финансирование многих их них. Так, «Исследования Крымских Яйл по луговодству, защите склонов от эрозии и лесонасаждению по поручению Партии Крымских водных изысканий» в 1915 г. недополучили две трети запланированных денег[31], а далее и вовсе были свернуты. Были не завершены экспедиции в «колонизационные» районы России (наиболее обширные из которых — экспедиции Переселенче-

---

испытателей». 1910. Т. 20. Вып. 4. 1910. С. 193–238. См.: Русские ботаники. Т. 5. С. 79.

27 *Шенникова М.М., Бобровский Р.В.* Жизнь для науки. Очерк о жизни и деятельности Александра Петровича Шенникова, 1888–1962. Вологда, 1964.

28 Русские ботаники. Т. 3. С. 202–203.

29 *Гарбовский Л.* И.Е. Барбарин // Защита растений от вредителей. 1925. Т. 1. № 6. С. 191–192.

30 Лесной журнал. 1915. Вып. 5. С. 771–773; Вып. 10. С. 1403–1412; 1916. Вып. 3–4. С. 327–330; 1917. Вып. 1–3. С. 15–20.

31 *Яната А.А.* Краткий очерк по луговодству на Яйле в 1915 г. (Из деятельности отд. Луговодства партии Крымских водных изысканий ОЗУ МЗ) // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 4. С. 162–170. Наряду с исследованиями останавливались и практические работы по восстановлению естественной растительности. Хотя в 1915 г. и было «Высочайше утверждено», что капитал войскового старшины С.П. Виденова, завещанный Войску Донскому, будет употреблен на укрепление, обводнение и облесение песков и оврагов (См.: Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1915. № 4. С. 95–96), вряд ли можно полагать, что проект был реализован.

ского управления), должным образом не были обработаны их материалы. Большинство из них были изданы лишь в форме «предварительных отчетов» и «трудов экспедиций». Так, В.В. Сапожников, совершавший экспедиции по Семиречью, предполагал написать большую книгу о его растительности, но работа над ней в военные годы продвигалась очень медленно, а в 1922 г. неоконченная книга и вовсе погибла при пожаре вместе с подготовительными материалами[32].

Надо заметить, что Первая мировая война сама по себе отразилась на ученых и их исследований не так тяжело, как последующий развал империи. При всех трудностях, ботанико-географическая деятельность не была заморожена в эти годы. «Список работ, статей и важнейших рецензий по фитогеографии России за 1915–1917 гг.» составленный Н.А. Бушем насчитывает 391 наименование[33]. По-видимому, он не является исчерпывающим. В районах, незатронутых военными действиями, работа шла довольно активно. Так, в 1916 г. по поручению Отдела земельных улучшений Министерства земледелия Р.И. Аболиным, В.С. Титовым, В.Ф. Мольденгауером и В.Н. Сукачевым велись экспедиционные и стационарные почвенно-ботанические исследования в Семиречье[34]. Активно шло создание Батумского ботанического сада[35].

Войной был нарушен процесс внедрения научных знаний в российскую практику рационального сельского хозяйства и природопользования. В прикладных исследованиях особенно резко сократилось поступление «казенных» субсидий: центральная власть всецело сосредоточилась на обороне государства[36]. В самой тяжелой ситуации оказались исследователи, не имевшие солидных академических постов. Для многих характерен полный пробел в публикациях, начиная с 1915 г. до начала, а то и середины 1920-х гг. Связи ученых с местными властями, с сельскими хозяевами и любителями с таким трудом установленные в инертном бюрократическом обществе царской России в последующие годы были

---

[32] *Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н.* Выдающийся сибирский ученый и путешественник В.В. Сапожников. Новосибирск, 1964.

[33] Журнал Русского ботанического общества. 1918. Т. 3. С. 61–179.

[34] [Ботанические работы в Семиречье] // Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 292–293.

[35] Журналы заседаний Батумского общества сельского хозяйства // Русские субтропики. 1914. № 11/12. С. 30–36.

[36] *Елина О.Ю.* Земства, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожаев // Власть и наука. Ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х гг. СПб., 2003. С. 298–314.

разрушены. В новых условиях советской России взаимоотношение науки и власти, а как следствие — рационализация сельского хозяйства и природопользования, пошло по менее «естественному» пути развития.

На западе Российской империи, где в начале XX в. сциентификация сельского хозяйства шла наиболее успешно, в военные годы гибли опытные поля, питомники и сады. Например, осенью 1914 г. в ходе военных действий в Артвине (недалеко от Батуми) масличный и плодовый питомник был разграблен, дела и бумаги уничтожены, его заведующий В.И. Андронаки убит[37]. В зоне военных действий оказался один из опытных участков (тот, что находился в Петроковской губ.) Бюро по прикладной ботанике. Деятельность многих опытных станций была сокращена или полностью прекращена из-за того, что их сотрудники были призваны на военную службу[38]. Однако, в общем, система опытных сельскохозяйственных учреждений в годы войны не только действовала, но и продолжала расширяться[39].

Война стала причиной многочисленных перемещений организаций, специалистов и коллекций. Из западной части Российской империи эвакуировались университеты и институты вместе со своими ботаническими кафедрами. Например, Варшавский университет осенью 1915 г. переехал в Ростов-на-Дону. Большая часть имущества кафедры ботаники не могла быть вывезена, но ее преподавательский состав переехал почти полностью: профессора В.Ф. Хмелевский и Д.И. Ивановский, ассистенты и лаборанты[40]. В Нижний Новгород был эвакуирован Варшавский Политехнический институт, сотрудником которого был М.С. Цвет[41]. Иногда оказывалось, что эвакуироваться не стоило,

---

[37] Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 287.

[38] Текущие сведения о Бюро по прикладной ботанике (май–авг. 1914 г.) Сост. А. Мальцев // Тр. Бюро по прикладной ботанике. 1914. Т. 7. Вып. 12. С. 792–797. То же за сент.–дек. 1914 г. // Там же. 1915. Т. 8. Вып. 3. С. 296–302.

[39] См. подробнее: *Елина О.Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 40–63.

[40] *Новопокровский И.В.* Ботаническая специальность в РГУ // Юбилейный сборник Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1940. С. 68–84. «Варшавским» университет перестал считаться с июля 1917 г. Также из Варшавы в Ростов переехал микробиолог и фитофизиолог проф. А.Ф. Лебедев, занимавший кафедру агрономической химии (Русские ботаники. Т. 5. С. 55–57).

[41] За 1915–1918 гг. М.С. Цвет вынужден был несколько раз переезжать, что окончательно подорвало его слабое здоровье. Умер он в Воронеже в 1919 г.

и приходилось возвращаться. В конце 1915 г. университет Св. Владимира был вывезен в Саратов и даже проработал там первый семестр 1916 г., а затем вернулся обратно в Киев. Говорить о нормальной исследовательской и преподавательской работе в таких условиях, казалось бы, не приходится, однако попытки к этому делались активные. Вернувшись в Киев, А.В. Фомин, заведовавший кафедрой ботаники, занялся устройством университетского Ботанического сада и школы ученых садовников при нем[42].

Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт с началом военных действий был переведен в Харьков, но эвакуировать имущество не удалось. Погибли библиотека, гербарии, и почти все коллекции института, а также коллекции профессора ботаники Н.В. Цингера и его ассистента В.И. Андреева[43]. Осенью 1915 г. в Москву был вывезен Рижский политехнический институт. Вместе с ним уехал профессор кафедры ботаники Ф.В. Бухгольц, потеряв почти все материалы для работы — свои коллекции[44]. Многие ученые в годы войны вынуждены были по нескольку раз переезжать, а те, кто находился вдали от линии фронта, испытывали серьезные трудности с получением реактивов, оптики, литературы, гербариев, посадочного материала для ботанических садов — всего того, что поступало ранее, в основном, из Германии или через Германию.

В 1915 г. было решено эвакуировать Юрьевский университет. Библиотека и коллекции университета были вывезены в Нижний Новгород, а оттуда в Пермь. Преподаватели университета никуда ехать не хотели, тем более в такую глушь, как Предуралье. Они ссылались на суровый климат и недостаточное, как им казалось, число потенциальных студентов. Профессор Ф.В. Тарановский считал, что даже «Казанский университет, рассчитанный на гораздо более широкий восточный район [...] не достигает комплекта слушателей». А профессор М.Н. Крашенинников заявлял: «Основывать в Перми университет — это [...] все равно, что

См. подробнее: *Сенченкова Е.М.* М.С. Цвет — создатель хроматографии. М.: Янус-К, 1997.

42 Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 286.

43 Там же. Вып. 1. С. 67.

44 Военные годы Бухгольц проработал в эвакуированном институте в Москве, а в 1918 г. вернулся в Ригу. В 1919 г. он был приглашен в Тарту (Юрьев), где занялся восстановлением сильно пострадавших за военные годы кафедры и ботанического сада. (См.: Русские ботаники. Т. 1. С. 322–326).

сажать пальму в тундре»[45]. В 1918 г. часть преподавателей (в основном, этнические русские) все-таки уехала из уже оккупированного немецкими войсками Юрьева, но не в Пермь, а в Воронеж, куда, в конце концов, попало уцелевшее имущество[46]. На этой базе был создан Воронежский университет. В Перми в 1916 г. университет все же был организован как отделение и потенциальная эвакобаза Петроградского университета. Преподавать ботанику туда приехал А.Г. Генкель.

История Юрьевского университета в годы войны является примером того, как разрушались установившиеся связи между ботаниками. В России с конца XIX в. велись обширные флористические исследования, которые сопровождались активным обменом гербариями. Одним из центров, через которые проходил такой обмен, было Бюро по обмену гербариями Н.И. Кузнецова в Юрьеве. Кузнецов как профессор кафедры и директор университетского Ботанического сада со своими сотрудниками организовал своеобразный «общественный институт изучения флоры Кавказа», объединявший профессионалов и любителей. «Институт» успешно занимался критической переработкой флоры Кавказа.[47] В течение первого года войны кузнецовская группа вынуждена была разъехаться. Деятельность Бюро по обмену гербариями пытались возобновить в Харькове Г.И. Ширяев с И.А. Перфильевым, но не слишком успешно. Публикация работ по переработке кавказской флоры оборвалась в 1917 г. К примеру, так и не была напечатана «Флора Екатеринославской губернии» А.А. Гроссгейма[48].

---

[45] Речь проф. Ф.В. Тарановского на заседании 27 февр. 1916 г. по вопросу об эвакуации Юрьевского университета // Ученые записки Юрьевского университета. 1916. № 3. Офиц. Отд. С. 5; Речь проф. М.Н. Крашенинникова // Там же. С. 4.

[46] О перипетиях переезда Юрьевского университета в Воронеж см.: *Карпачев М.Д.* Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003.

[47] См.: *Трасс Х.Х.* Н.И. Кузнецов и Тартуский университет // Ученые записки Тартуского университета. Труды по ботанике. 1968. Вып. 8. С. 7. Всего за 1901–1916 гг. былы изданы 45 выпусков «Flora Caucasica Critica». Над ними работали: Н.А. Буш, Б. Гриневецкий, И.В. Палибин, П.И. Мищенко, Н.П. Попов, П.П. Попов, Б.А. Федченко, А.Ф. Флеров, А.А. Фомин и мн. др. Эта серия считается «первым русским примером планово осуществлявшегося коллективного труда». (*Липшиц С.Ю.* Н.И. Кузнецов. К 25-летию со дня смерти // Ботанический журнал. Т. 42. № 9. 1957. С. 1311).

[48] В 1917 г. в Юрьеве был издан только сигнальный экземпляр первого тома. См.: Список научных трудов А.А. Гроссгейма // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 3. С. 329–335.

В Юрьеве остались ботаники-любители, вынужденные прекратить сотрудничество с русскими специалистами. Оставил работу над родом *Salix* (ива) П.А. Лакшевиц, сотрудничавший с Н.И. Кузнецовым по «Критической флоре Кавказа» и с Ботаническим музеем АН по «Гербарию русский флоры» и «Флоре Сибири». Для «Гербария русский флоры» присылал материалы из довоенного Юрьева также фармацевт Р. Леберт[49] и другие.

Печальна судьба ботанических коллекций, с которыми работала кузнецовская группа. 762 ящика гербария, вывезенных в 1915 г. из Юрьева, перестали служить материалом для исследований. Около четверти из них (остальное, видимо, было утеряно во время переездов и погибло в годы Гражданской войны) в 1930-х гг. было отправлено из Воронежа в Ленинград, в Ботанический институт АН СССР, и только в 1950-х возвращено в Эстонию[50].

В военные годы происходило одновременно перемещение на Восток специалистов и коллекций, создание там новых центров. Широко разрекламированная большевиками организация многочисленных учебных и научных заведений в первые годы советской власти отчасти обуславливалась этим фактором.

Дубильные вещества и лекарственные растения

В течение первого года войны Россия осознала, насколько ее экономика зависела от зарубежных поставок, в первую очередь, от немецких. В числе прочего, тяжелая ситуация сложилась на рынке дубильных веществ и лекарственных растений. Ботаники приняли активное участие в решении этих проблем.

В 1913 г. три четверти дубильных веществ, потребляемых в отечественной кожевенной промышленности, Россия импортировала, при этом одну четверть от всего объема этих поставок — из Германии (Германия же, в основном, перерабатывала или просто перепродавала сырье

[49] Русские ботаники. Т. 5. С. 32, 68.

[50] Эстонский Государственный архив (Eesti Riigiarchiiv). Ф. 1108. Оп. 5. № 157. Л. 54–85. Эти сведения получил для меня в Эстонском архиве и у сотрудников Университета Эрки Тамиксаар, директор музея Карла Бэра в Тарту. Значительная часть имущества (в первую очередь библиотека) были возвращены в Тарту в 1920 г. по мирному договору с Эстонией (*Карпачев*. Воронежский университет).

из тропических стран)[51]. С началом войны кожевенная промышленность оказалась в критическом положении. Ярким примером успешного использования ботанических знаний в военные годы является деятельность Научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов Кавказа.

Весной 1915 г. для выяснения возможностей заготовки дубильного сырья на Кавказе Главный комитет Всероссийского земского союза командировал туда специалиста по дубильному делу Г.Г. Поварнина[52]. Во время пребывания Поварнина в Тифлисе Закавказским комитетом Земского союза было созвано «особое совещание местных научно-технических сил». Это собрание набросало схему исследований и создало научно-техническую комиссию. Главное интендантское управление Военного министерства заинтересовалось проектом и финансировало его исследования. После отъезда Поварнина с Кавказа председателем Комиссии стал главный ботаник Тифлисского ботанического сада и специалист по флоре Кавказа — П. И. Мищенко, его товарищем — ботаник-физиолог Н.А. Максимов[53].

В Комиссию вошли ботаники, лесники, представители сельскохозяйственных обществ и земств. В различные районы Кавказа были направлены ботанико-географические экспедиции, в которых участвовали В.М. Савич[54], Д.И. Сосновский, Ю.Н. Воронов, А.А. Майоров и др. К концу лета Комиссия сообщила, что для нужд армии уже в настоящее время в пределах Кавказа может быть получено значительное количество ценных дубильных материалов. Некоторые из них никогда ранее не применялись в кожевенной промышленности, но должны быть

---

[51] Синдицированная кожевенная промышленность М., 1922; *К-ий И*. Положение кожевенной промышленности и кожевенного рынка за истекший период войны // Вестник Всероссийского общества кожевенных заводчиков. 1915. № 4. С. 59–61.

[52] Позднее Г.Г. Поварнин много сделал для дубильной промышленности Советской России, заслужив даже отдельную статью во втором издании Большой советской энциклопедии.

[53] Краткий обзор текущей деятельности научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов на Кавказе при Закавказском комитете Всероссийского земского союза. Тифлис, 1915; 1916. Вып. 1, 2.

[54] Позднее, в 1916 г. лесовод В.М. Савич состоял директором дубильно-экстрактного завода в Майкопе (См.: *Юницкий А*. Запросы кожевенной промышленности и отечественные дубильные материалы // Лесной журнал. 1916. Вып. 5. С. 547–557.)

очень перспективны, а их добыча вполне доступна. Результативность работы комиссии была обусловлена неплохой изученностью района. В течение предшествовавшей четверти века Кавказ был любимым объектом исследований для многих российских ботанико-географов.

Ботанико-географические исследования дополнялись опытами дубления, организованными на частном дубильном заводе Адельханова в Тифлисе. Информация экономического характера собиралась ботаниками во время экспедиций, пополнялась данными железнодорожной статистики и специальной анкеты. Комиссия считала целесообразным продолжить исследования не только на Кавказе, но также в Крыму и Туркестане, однако ее работа, в целом, завершилась к весне 1916 г. Были предприняты меры по вывозу дубильных материалов на московские заводы Земского союза, а также меры по созданию завода на Кавказе.

Дубильными материалами занялись Ферганский и Ташкентский военно-промышленные комитеты, Центральное лесное управление. В мае 1915 г. было создано Всероссийское общество кожевенных заводчиков, имевшее «испытательную лабораторию» и издававшее «Вестник». В лаборатории проводились исследования российских таннид-содержащих растений; на страницах журнала появлялись статьи об этих опытах. За культивирование растений, содержащих танниды, взялись лесничества Закавказья, некоторые опытные станции, Батумский и Тифлисский ботанические сады. Вопросом о возможности использования для кожевенной промышленности отходов от лесоразработок заинтересовалось Полевое строительное управление. Впрочем, активная деятельность одних лиц уравновешивалась пассивностью других и вплоть до 1930-х гг. импорт дубильных веществ в Россию оставался существенным[55].

Еще более тяжелая ситуация сложилась на фармацевтическом рынке. Отрезанная от немецких поставщиков, Россия оказалась в положении «лекарственного голода». Лекарственные растения стали одной из приоритетных задач деятельности Министерства земледелия, а затем — Управления начальника Санитарной и эвакуационной части.

---

[55] В 1927 г. было создано акционерное общество «Дубитель». На него было возложено строительство дубильно-экстрактных заводов и заготовка сырья. В течение шести лет было построено 15 заводов, которые почти полностью обеспечили дубителями советскую кожевенную промышленность. См.: *Волков В.А., Лыткин Н.К.* Кожевенная промышленность за годы Советской власти. М., 1957.

14–16 марта 1915 г. Департамент земледелия созвал «Междуведомственное совещание по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений». Председателем совещания был директор Департамента Д. Я. Слободчиков, участниками — ботаники, агрономы, представители ведомств и фармацевтических фирм. Совещание постановило принять меры по материальному и техническому содействию общественным и земским организациям в деле улучшения ситуации на рынке лекарств.

Были изданы порайонные списки видов, рекомендуемых к сбору и культуре, сведения о рынке лекарственного сырья, очерк культуры лекарственных растений за границей. В земские управы, инспекторам сельского хозяйства и правительственным агрономам, сельскохозяйственным обществам были разосланы циркуляры и «вопросные листы» о современном положении в России сбора, культуры и обработки лекарственных растений[56]. Материалы, собранные благодаря «вопросным листам», показали весьма печальную картину: культура трав почти отсутствовала, сбор дикорастущих растений не был организован, цены случайны и полностью зависели от скупщиков. Даже там, «где были до войны заметны некоторые признаки организованного дела, в настоящее время жизнь замерла, т.к., оказывается, весь товар вывозился в Германию, которая значительную часть его после <...> обработки, а иногда и без всякой обработки возвращала нам по дорогой цене обратно»[57].

В Петроградском Имп. Ботаническом саду Петра Великого в 1915 г. был создан Отдел лекарственных растений под руководством Н.А. Монтеверде. Его ассистентом был В.Н. Любименко. В Отделе имелись справочное бюро, лаборатория и опытный участок «с целью получать семена и черенки и рассылать затем лицам, которые пожелают заняться их культурой». Монтеверде (старший и младший), а также Любименко совершали ботанические экскурсии по изучению лекарственных расте-

[56] Труды Междуведомственного совещания 14–16 марта по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений. Стенографический отчет. Пг., 1915. 20–22 мая 1915 г. Департамент созывал совещание по вопросам сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и лекарственных растений с участием представителей науки, земских и общественных учреждений.

[57] *Фаворский А.Е.* Некоторые соображения по организации учреждения для исследования эфирных масел и лекарственных растений // Отчеты о деятельности КЕПС. 1917. № 8. С. 183.

ний, рассылали семена, публиковали справочные и популярные работы, консультировали частных лиц и организации[58].

Справочные и популярные работы по лекарственным и техническим растениям ботаники публиковали также через КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук)[59].

В феврале 1916 г. «Особое совещание по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации и их использования и сбыта» было созвано Верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем П.А. Ольденбургским[60]. В нем принимали участие профессора Военно-медицинской академии и университетов, специалисты Департамента земледелия, ботанических садов и опытных станций, представители земств и фармацевтических фирм. Из ботаников на Совещании работали: А.А. Фишер фон Вальдгейм, В.К. Варлих,

---

[58] Некоторые справочные работы, изданные Департаментом земледелия: *Монтеверде Н.А.* Порайонный обзор лекарственных растений Европейской России, Кавказа и Туркестана. Юрьев, 1915. № 1–7; Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России. Пг., 1915.

В Отдел лекарственных растений за консультациями обращались: начальник санитарной и эвакуационной частей принц П. А. Ольденбургский, Военно-промышленный комитет, Министерство торговли и промышленности, КЕПС АН, земские управы, сельскохозяйственные общества, опытные станции, учебные заведения. «В общем Отделом были получены запросы почти из всех областей... России, что указывает на быстрое распространение интереса среди населения... к поднятию и развитию промысла, культуры и сбора лекарственных растений». (Отдел лекарственных растений // Отчет о состоянии и деятельности Имп. Ботанич. сада Петра Великого за 1915 г. Пг., 1916. С. 134.)

[59] В КЕПС вошли следующие ботаники: А.С. Фаминцын, И.П. Бородин, В.И. Палладин, В.Н. Сукачев, Н.А. Буш, Д.Н. Прянишников, Г.Ф. Морозов, Н.А. Монтеверде. Представителями от Министерства земледелия были: от Ученого комитета — А.А. Шульц, Е.Ф. Лискун, Р.Э. Регель; от Департамента земледелия — почвовед К.Д. Глинка; от лесного департамента — К.Д. Суходский; от Ботанического сада Петра Великого — В.Л. Комаров. (Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 2. С. 115).

[60] Труды Особого совещания созванного по повелению принца П.А. Ольденбургского по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации и их использования и сбыта 22–28 февраля 1916 г. Стенографический отчет, журналы Совещания и материалы. Сост. Б.А. Андреевым, А.Д. Будогодским и Ф.А. Сацыперовым под ред. А.И. Шахназарова. Пг., 1917.

Н.А. Монтеверде, Р.Э. Регель, Н.И. Кузнецов, А.Х. Роллов, В.В. Маркович, В.Л. Комаров, В.Н. Любименко, Я.Я. Мушинский, В.В. Пашкевич, и др. При Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части была создана Организация по сбору и культуре лекарственных растений (Лекарственная организация). Ее уполномоченным по России был назначен вице-директор Департамента земледелия А.И. Шахназаров; районными уполномоченными — К.И. Шашковский, А.И. Щербаков, В.Г. Ростмистров, А.Д. Воейков, В.В. Пашкевич, Е.М. Вальнев, Д.В. Антонов. Для организации химико-фармацевтической промышленности в России был учрежден особый отдел[61].

В том же году ботаниками по поручению Лекарственной организации были совершены экскурсии: В.И. Липским и В.А. Дубянским — по Туркестану, Н.Н. Монтеверде — по Среднему и Нижнему Поволжью, В.Н. Любименко — по Таврической губернии, а также некоторые другие[62]. Эти обследования дали возможность, во-первых, немедленно приступить к планомерным заготовкам сырья, а во-вторых, подготовить почву для дальнейших работ, в том числе по культуре лекарственных растений.

Интерес к вопросу был столь высок, что экскурсии предпринимались не только на правительственные средства, но и на средства научных обществ. Во время экспедиций по лекарственным и дубильным растениям велись также и вполне «академические» наблюдения за флорой и растительностью.

Лекарственные растения не были совершенно новым объектом исследований для российских ботаников. В.Н. Любименко, работая в Никитском саду в 1908–1912 гг., ставил эксперименты для выяснения влияния внешних факторов на образование эфирных масел у «душистых» растений. Опыты по разведению некоторых лекарственных растений ставились Петербургским фармацевтическим обществом, В.К. Фер-

---

[61] Его заведующим был назначен проф. В.К. Анреп, консультантами — академики В.С. Курнаков и В. И. Ипатьев, проф. В.К. Варлих; сотрудниками — профессора В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворский, Л.А. Чугаев и Л.Ф. Ильин.

[62] См. предварительные отчеты об этих командировках: *Дубянский В.А.* Исследования лекарственной флоры Закаспийской обл. Пг., 1917; *Липский В.И.* Исследование флоры Туркестана в смысле техническом и лекарственном. Пг., 1917; *Монтеверде Н.Н.* Исследования лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья. Пг., 1917; *Любименко В.Н.* Обследование возможности развития промысла, сбора и культуры лекарственных растений в Таврической губ. Пг., 1918; *Федченко Б.А.* Изучение лекарственных растений Южного Туркестана. Пг., 1917; и др.

рейном (главой фармацевтической фирмы) в своем имении под Москвой и некоторыми другими лицами и организациями[63].

Еще до войны научные общества и ботанические сады старались убедить власти в том, что стоит всерьез заниматься лекарственными травами. Петербургский Имп. Ботанический сад Петра Великого в 1913 г. пытался получить у Главного управления землеустройства и земледелия деньги на создание специальной опытной станции лекарственных растений. Но тогда Управление решило, что специальная станция — это излишество, и вполне достаточным будет ввести эту проблематику в задачи Бюро по прикладной ботанике и музея Сада[64]. Только острое положение военного времени наконец-то убедило власти в необходимости финансировать эту область.

В военные годы работа по лекарственным и техническим растениям (при финансовой поддержке Министерства земледелия, Лекарственной организации, а также некоторых земств) была начата во многих ботанических учреждениях. В Никитском ботаническом саду она велась под руководством Н.И. Кузнецова, Е.В. Вульфа и регулярно приезжавшего туда В.Н. Любименко. В Тифлисском саду — Д.И. Сосновским, А.А. Майоровым и А.Х. Ролловым. В Сухумском — В.В. Марковичем и Я.Я. Мушинским[65]. В Киеве профессор зоологии Н.Ф. Кащенко на средства Департамента земледелия создал небольшой акклиматизационный сад лекарственных растений[66]. Показательный питомник лекарственных

---

[63] Труды Междуведомственного совещания по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений.

[64] Отдел лекарственных растений // Отчет о состоянии и деятельности Имп. Ботанического сада Петра Великого за 1915 г. Пг., 1916. С. 130–144. Бюро по прикладной ботанике в военные годы также расширило свою справочную и публикационную деятельность по лекарственным растениям. См. например: *Регель Р.Э.* О ромашке и клещевине // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1916. Т. 9. Вып. 1. С. 26–30.

[65] Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 2. С. 114.

[66] Кащенко, и раньше увлекавшийся акклиматизацией, настолько серьезно и успешно работал в этой области, что в 1918 г. даже был избран действительным членом АН Украины по кафедре акклиматизации и в последние годы жизни отошел от зоологии. В 1925–1926 гг. его сад занимал четыре изолированных друг от друга участка. (Русские ботаники. Т. 3. М., 1950. С. 113–116.). В 1916 г. при саде Кащенко были устроены курсы, которые прослушали 35 человек. (*Пашкевич В.В.* Деятельность организации по заготовке лекарственных растений Северо-Западного района. Отчет за 1916 г. Пг., 1917.).

растений был создан в Московском зоологическом саду[67]. П.И. Гавсевич и Н.Н. Ворошилов организовали опытную станцию при Лубенском обществе сельского хозяйства[68]. Питомники и опыты по культуре лекарственных растений были организованы при Воронежском сельскохозяйственном институте, при Пензенском и Уманском сельскохозяйственных училищах, в Ботанических садах Харьковского, Московского и Юрьевского университетов, при Гагринской климатической станции, при Управлении Государственных имуществ в Ташкенте, при Ковенском обществах сельского хозяйства и т.д.[69]

Важной проблемой стало повышение ботанического образования фармацевтов, садовников, агрономов. Ботаниками, фармацевтами и врачами были организованы курсы и популярные лекции во многих городах: при Московском Имп. университете и Народном университете им. Шанявского, при Имп. Ботаническом саде Петра Великого, при Одесском опытном поле и т. д.[70]

В Юрьевском университете, по инициативе попечителя Рижского учебного округа А.И. Щербакова, на средства Министерства земледелия весной 1916 г. для фармацевтов и учителей были организованы «Курсы распознавания, собирания и культуры лекарственных растений», состоявшие из ботанического и фармацевтического отделов. Заведующим курсами и руководителем ботанического отдела был приват-доцент кафедры ботаники университета Н.П. Попов. На двухмесячных курсах прошли обучение 75 человек. В программу входили экскурсии в окрестности Юрьева, практические занятия на специально выделенном для этого участке, а по окончании курсов была совершена ботаническая экскурсия в Дагестан[71]. Успех весенних курсов помог получению средств от Лекарственной организации на проведение более обширных годичных курсов и на создание показатель-

---

[67] Указатель к показательному питомнику лекарственных растений в Московском зоологическом саду. М.: Русское общество акклиматизации животных и растений, 1915.

[68] Собирание и культура лекарственных трав на Лубенщине. Вып. 2. Лубны, 1916. Составил П.И. Гавсевич. Станция успешно работала в советские годы.

[69] *Комаров В.Л.* Что сделано в России в 1915 г. по культуре лекарственных растений. Пг., 1916.

[70] Изучение лекарственных растений России // Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 290–292

[71] Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 291–292.

ного завода[72]. Аналогичные краткосрочные курсы при поддержке Лекарственной организации были созданы в Екатеринбурге, в Киеве при саде Кащенко, в Сызрани при Воейковской садовой школе, при Тифлисском ботаническом саде и пр. Это помогло в течение 1916 г. подготовить для Лекарственной организации необходимое количество сотрудников[73].

Не оставались в стороне фармацевты и медики. Весной 1915 г. при терапевтической клинике Московского университета была организована выставка лекарственных препаратов. Лаборатория фармацевтической фирмы В.К. Феррейна определяла качество российского сырья. В Психоневрологическом институте в 1915 г. было открыто фармацевтическое отделение с учебным планом, рассчитанным на три года[74]. В работе отделения (ставшего затем Химико-фармацевтическим институтом) принимали непосредственное участие сотрудники Петроградского Имп. Ботанического сада Петра Великого, в первую очередь, — В.Л. Комаров.

Разумеется, никто из профессионалов не считал, что проблему можно решить в ближайшее время, но именно в эти годы дело было сдвинуто с мертвой точки. Многие из начинаний тех лет не только пережили мировую войну и революционные потрясения, но и выросли в крупные институты. Так, маленький питомник лекарственных растений, заложенный на Саратовской опытной сельскохозяйственной станции весной 1917 г. уцелел в Гражданскую войну и успешно развивался в 1920-е, а в 1931 г. стал одной из основных зональных станций только что созданного ВИЛАРа (Всесоюзного института лекарственных и

---

[72] Курсы начали работу в сентябре 1916 г. Завод был оборудован в здании Университетского манежа и к концу 1916 г. был почти закончен. На заводе происходило практическое обучение слушателей курсов, проводились многочисленные экскурсии с подробными разъяснениями и демонстрациями для учащихся, крестьян и т.п. Курсисты получали заказы на сбор и заготовку лекарственных растений от Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части, постепенно подключая к этой работе крестьян. Кроме того, на средства Управления руководством Курсов был создан опытно-показательный участок для культуры лекарственных растений. См.: Организация по сбору, заготовке и культуре лекарственных растений в Северном районе. Отчет по Северному району. Юрьев, 1917.

[73] Организация по сбору, культуре и заготовке лекарственных растений. Отчет о деятельности в 1916 г. Пг., 1917.

[74] *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. СПб., 1999. С. 185.

ароматических растений ВАСХНИЛ)[75]. Отдел лекарственных растений Ботанического сада в Петрограде, которым продолжал заведовать Н.А. Монтеверде, успешно работал и в советское время. В 1919 г. он был преобразован в Лабораторию по изучению растительных продуктов и лекарственных растений[76]. Успешно занимались в советское время лекарственными растениями В.В. Пашкевич, А.Д. Воейков, Ф.А. Сацыперов, уже упомянутый Н.Ф. Кащенко и другие. В годы Второй мировой войны многие «академические» ботаники вновь занялись лекарственными растениями.

В результате действий, предпринятых Департаментом земледелия и Лекарственной организацией в 1916 г., высокие цены и твердый спрос создали благоприятную почву для развития культуры и сбора лекарственных растений. Однако в 1917 г. из-за полной дестабилизации общества отрасль пришла в упадок. На плантациях лекарственные растения выпалывались как сорняки, а на их месте сажали картофель и рожь[77].

Кроме профессионалов, статьи по борьбе с «лекарственным голодом» публиковали и дилетанты, желавшие таким «непыльным» трудом внести свой вклад в «великую битву народов». Некоторые видели в лекарственных растениях путь к быстрому обогащению (не обязательно собственному), очередной проект по борьбе с нищетой нашего крестьянства, один из тех «волшебных» проектов, каких было много еще до войны. В печати появлялись неграмотные рекомендации. «Энтузиасты» советовали сажать «фармакологически ценные» магнолию, бамбук, инжир, петрушку[78]. Е.В. Вульф писал, что ажиотаж доходил

---

[75] См. *Короткевич-Гладкая А.П.* Культура лекарственных растений на участке отдела прикладной ботаники Саратовской областной опытной сельскохозяйственной станции // Изв. Саратовской областной опытной сельхоз. станции. 1919. Т. 2. Вып. 1–3. С. 60–83; Труды по лекарственным и ароматическим растениям. Т. 1. Саратов, 1932.

[76] *Монтеверде Н.Н.* Н.А. Монтеверде (биография) // Известия Главного Ботанического Сада СССР. 1929. Т. 30. Вып. 1–2. С. 6–9.

[77] См.: *Львов Н.А.* Культура лекарственных растений на Полтавщине, ее перспективы и современное положение // Лекарственные и технические растения СССР. М., 1926. С. 183–193. Советское правительство начало принимать меры к развитию сбора лекарственных растений в 1919 г. С 1922 г. возобновился экспорт лекарственных растений. (БСЭ. Т. 36. М., 1938. С. 280).

[78] Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1915. № 5. С. 123–124; *Андреев В. Н.* Изучение лекарственных растений России. Обзор литературы // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 4. С. 176–203.

до спекуляции семенами лекарственных растений, до желания уничтожать существующие посадки ценных культур, чтобы на их месте посадить лекарственные — все ради пользы отечеству[79].

Деятельность Лекарственной организации зачастую наталкивалась на бюрократические препоны. Не увенчались успехом усилия А.Д. Воейкова (уполномоченного по Юго-Восточному району) получить на место своего старшего помощника Н.И. Кузнецова (Кузнецова-Владимирского), известного своими работами по флоре Сибири, Средней и Северной России. Весной 1916 г. Кузнецов уже служил в качестве «нижнего чина» в Организации по закупке хлеба для армии. Перевести его в Лекарственную организацию не удалось. Не удалось спасти от призыва и другого помощника Воейкова — А.А. Горбовского, вскоре погибшего на фронте[80].

Русское ботаническое общество

Подъем патриотических настроений способствовал организации общенационального ботанического общества и его журнала. В начале XX в. работы по ботанике публиковались в немыслимом количестве самых различных изданий столичных и провинциальных университетов и научных обществ. Издания эти могли иметь прикладной или местный характер, слишком узкую или наоборот слишком широкую тематику, к тому же не всегда выходили регулярно. Следить за ними было сложно. Труды русских ботаников часто доходили до коллег через немецкие журналы, имевшие международный статус.

В России существовало несколько специальных журналов, в том числе «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» (1900–1914), создателем и редактором которого был Н.И. Кузнецов[81]. При своем небольшом объеме «Труды» имели содержательные библиографический и реферативный отделы. Несколько лет (1908–1915) выходил «Русский ботанический журнал», издаваемый в Петербурге Борисом и Ольгой Федченко. А.Н. Бекетов и Х.Я. Гоби в 1886–1916 гг. издавали «Ботанические записки» на кафедре ботаники Петербургского

---

[79] *Вульф Е.В.* К культуре лекарственных растений в Крыму // По Крыму. 1916. Сб. 3. С. 27–53.

[80] *Воейков А.Д.* Отчет по Юго-Восточному району. Организация по сбору, культуре и заготовке лекарственных растений. Сызрань, 1917.

[81] В 1915–1917 гг., работая в Никитском саду, Кузнецов издавал журнал с той же программой — «Вестник русской флоры».

университета. Однако, и эти специальные журналы, и ботанические разделы естественнонаучных изданий, зависели от деятельности конкретного человека. Война усложнила жизнь этим (фактически частным) инициативам, сократив финансовые их возможности, а также сделала недоступными немецкие журналы.

В связи с вышеописанными трудностями, а также на волне патриотизма и «организационного объединительного движения», которое, как писал Н.К. Кольцов «не могло не захватить и русских ученых»[82], киевские ботаники распространили среди коллег «циркуляр». В нем они призвали к созданию национального профессионального общества с собственным журналом[83]. Киевская инициатива не прошла незамеченной. В декабре 1915 г. после разного рода бюрократических проволочек при Академии наук было основано Русское ботаническое общество (РБО). Историю создания Общества освещена в литературе[84]. Хочу остановиться лишь на двух частных вопросах: на проблеме языка журнала РБО и на создании разнообразных комиссий.

Язык. С одной стороны, ученые привыкли к немецким журналам, имевшим международный характер. Российские ботанические публикации (особенно по флористике и по ботанической географии) занимали существенную их часть, и это было признаком достойного уровня исследований. Очень многие считали, что журнал должен быть рассчитан, прежде всего, на специалистов, а национальность последних не имеет значения. Следовательно, печататься надо на международных языках науки — на немецком, латыни, французском. С другой стороны, ботаники хотели расширять аудиторию среди русских читателей,

---

[82] *Кольцов Н.К.* Ученые общества и научные журналы в России // Природа. 1916. № 2. С. 251. «Организационное объединительное движение» захватило не только ботаников. См. об этом и о формировании самодостаточной российской науки: *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

[83] Циркуляр киевских ботаников, подписанный С.Г. Навашиным, Е.Ф. Вотчалом и А.В. Фоминым был опубликован неоднократно. См. например: Журнал РБО. 1916. Т. 1. Прилож. С. 13–16; Вестник русской флоры 1915. Т. 1. Вып. 3. С. 177–179.

[84] *Манойленко К.В.* И.П. Бородин. М., 2005; *Лавренко Е.М., Заленский О.В.* Ботаники — организаторы Русского ботанического общества: (к 50-летию ВБО) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 9. С. 1751–1768.

не обходя вниманием студентов и любителей, которые языков могли не знать[85]. Создатели «Журнала РБО» остановились на русском языке и, скорее всего, патриотические настроения сыграли здесь свою роль. Не последним фактором было и возросшее количество российских ботаников. Чтобы не изолировать себя от мировой науки, было решено, что статьи будут сопровождаться резюме на иностранном языке, которые редакция должна отсылать для публикации в международные «реферативные органы». В конце 1916 г. было решено, что «иностранным языком» будет французский. Диагнозы видов могли печататься на латыни[86]. А «Труды Бюро по прикладной ботанике», в мирное время публиковавшие многие статьи параллельно на двух языках (русском и немецком) осенью 1914 г. оповестили своих авторов, что резюме принимаются «исключительно на английском, латинском или французском языках». Немецкий уже не мог считаться ни «основным европейским языком», ни, тем более, международным языком науки.

Комиссии. Среди создателей Русского ботанического общества была сильна потребность «организовывать» коллег, унифицировать терминологию и методики. В те неспокойные годы образовалось множество самых разнообразных комиссий. Связать это можно с тем, что традиционные связи («невидимые колледжи») ученых были нарушены многочисленными перемещениями, а также с институализацией ряда новых специальностей. Большинство комиссий успевало только провозгласить свое создание и спланировать деятельность. При Русском ботаническом обществе была создана «Постоянная флористическая комиссия». Она собиралась заниматься следующими задачами: выработкой русской ботанико-географической терминологии, методикой записи при иссле-

---

[85] Подобного рода дилемма возникала неоднократно и ранее, например, при работе над флорой какого-либо региона. Кому должно быть адресовано издание: международной науке или своим согражданам? В 1900 г. Н.И. Кузнецов, обсуждая на страницах «Трудов бот. сада Юрьевского университета» проект издания «Флоры России», поднимает среди прочих и вопрос о языке издания. Кузнецов тогда склонялся к традиционному языку систематики — латыни. Однако не все были с ним согласны, и в 1913 г. Ботанический музей АН начал печатать «Флору Сибири и Дальнего Востока» (первую часть запланированной «Флоры России») на русском, дублируя диагнозы на латыни.

[86] Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений созванного при АН 20 и 21 дек. 1915 г. // Журнал РБО. 1916. Т. 1. Вып. 1/2. Прилож. С. 7–11; Протоколы Годичного собрания в Москве РБО в 1916 г. // Журнал РБО. 1916. Т. 1. Вып. 3/4. Прилож. С. 20–34.

довании растительных сообществ, «нормальной этикетки», принципов ботанической картографии, составлением каталога флористической и ботанико-географической литературы по губерниям, адресной книги русских флористов и ботанико-географов. «Постоянная комиссия по стационарному изучению растительности» собиралась заниматься планированием исследований и, кроме того, организацией ботанических станций и заповедников при них. Предлагалось также учредить «Постоянную комиссию по собиранию материалов по истории ботаники». «Постоянная комиссия по исследованию растительности Кавказского края (с включением смежных областей Персии и Турции)» должна была «планомерно организовать» исследования областей Турции и Персии, сопредельных с Кавказом, занятых русскими войсками, ввиду их «научной и государственной важности»[87].

Охрана природы

Еще перед войной научно-популярные журналы отводили на своих страницах место для рубрики «Охрана природы» («Природа», «Бюллетень Харьковского Общества любителей природы», «Лесной журнал» и др.). Во время войны там появлялись заметки об уничтожении памятников природы и лесов в зоне ведения боевых действий, о судьбе зубров Беловежской пущи, о влиянии отравляющих газов на растительность и т.д. Среди авторов таких публикаций были как крупные ботаники (В.И. Талиев, Н.И. Кузнецов, И.П. Бородин и др.), так и рядовые специалисты. Однако на фоне проблем военного времени задачи охраны природы, восстановления естественных ландшафтов и рационального природопользования теряли актуальность в глазах общественности.

Непосредственно перед войной благодаря усилиям ряда ученых, в первую очередь, И. П. Бородина, был создан центральный природоохранный орган — Постоянная природоохранная комиссия Русского географического общества. Из ботаников в ее состав вошли (кроме

[87] Протокол II заседания постоянной Флористической комиссии РБО. 8 февр. 1917 г. // Журнал РБО. 1918. Т. 2. № 1/2. Прилож. С. 21–23; Протоколы Годичного собрания в Москве РБО в 1916 г. // Там же. 1916. Т. 1. Вып. 3/4. Прилож. С. 20–34. Впрочем, занятые русскими войсками области Турции и Персии интересовали не только РБО, но и Переселенческое управление (См., например: *Сапожников В.В.* Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск, 1917).

Бородина) Н.А. Буш, Н.И. Кузнецов, В.Н. Сукачев, В.И. Талиев и создатель научного лесоведения Г.Ф. Морозов.

В военные годы при участии Комиссии был создан Баргузинский заповедник, предпринимались усилия по сохранению уже существующих заповедных участков, обосновывались проекты по созданию новых, реализованные уже в советские годы. Впрочем, мировая война оказалась для немногочисленных российских заповедников меньшим бедствием, чем анархическая деревня, взбудораженная событиями 1917 г. [88]

Ботаники не забывали о природоохранной тематике во время решения прикладных проблем. Комиссия по дубильным веществам Кавказа считала, что рациональная добыча сырья не разорит кавказские леса, а наоборот, может повысить ценность насаждений. Дуб, в основном, исключался из списка потенциального сырья, т.к. равнинные дубравы уже уничтожены, а использование горных лесов неприемлемо, в связи с тем, что они выполняют слишком важную защитную роль[89]. Давая советы о сборе дикорастущих лекарственных растений, Н.И. Кузнецов (как и многие его коллеги) советовал воздерживаться от сбора редких видов (орхидные, валериана), т.к. это приведет к быстрому их уничтожению. Гораздо лучше заложить хотя бы небольшие плантации в собственных садах[90]. Однако призывы эти оставались, в основном, на бумаге.

Заключение

Ботаническая география — наука, казалось бы, крайне далекая от милитаризма, но две мировые войны показали, что даже она может быть поставлена на службу армии. Ее знания становятся необходимы госу-

---

[88] Подробнее об истории создания Комиссии, ее составе и деятельности, а так же о «кошмарных эксцессах» 1917 г. см.: *Манойленко К.В.* И.П. Бородин. М., 2005; *Вайнер Д.* Экология в советской России. М., 1991.

[89] *Савич В.М.* Проект питания дубильными материалами экстрактного завода в Черноморско-Кубанском районе в связи с лесоохранением. Доклад, составленный зав. Дубильным отд. закавказского Комитета Всероссийского Земского союза по поручению Уполномоченного Главы Комитета гр. Ю.А Олсуфьева. Тифлис, 1915; Краткий обзор текущей деятельности научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов на Кавказе при Закавказском комитете Всероссийского земского союза. Тифлис, 1915, 1916. Вып. 1, 2.

[90] *Кузнецов Н.И.* Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на Южном берегу Крыма. Серия брошюр, издаваемых Ботаническим кабинетом и Ботаническим садом Никитского сада. № 6. Ялта, 1917.

дарству, чья экономика полностью трансформируется в годы войны. Никто не может оставаться в стороне. Ричард Говард в своей статье «The role of botanists during World War II in the Pacific theatre»[91] продемонстрировал, что во время Второй мировой войны эта тенденция стала еще более мощной — фактически любой специалист мог работать на армию.

В последнее время принято говорить, что именно в годы Первой мировой войны начала складываться та форма взаимодействия науки и власти, которая была характерна для советской России и вообще науки XX в.[92] Происходило усиление связей с центральной властью, которое позднее превратилось в тотальную бюрократизацию науки; существенно продвинулось обособление национальных научных сообществ. Ботаники представляют собой неплохую иллюстрацию для этой гипотезы. Было создано всероссийское профессиональное объединение, центральный журнал; русский язык стал почти единственным языком публикаций; ботаники принимали участие в работе над правительственными заказами.

При этом нестабильность военного времени и последующих революционных лет разрушала естественно сформировавшиеся связи ученых с местными властями и землевладельцами в области прикладной ботаники и рационального природопользования. Исследования и практические работы, в начале XX в. имевшие непосредственную поддержку «снизу», от сельских и лесных хозяев, от местных общественных деятелей, были в значительной мере свернуты. В советские годы сциентификация землепользования насаждалась сверху, что имело минусы любой бюрократической реформы. Если фундаментальная наука, несмотря на все катаклизмы, продолжала успешно развиваться, то прикладная ботаника, а также практическая деятельность по развитию «адаптивного» сельского хозяйства и рационального природопользования были отброшены далеко назад.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей Э.И. Колчинского и Н.Г. Сухову (СПбФ ИИЕТ РАН).

---

[91] *Howard Richard A.* The role of botanists during World War II in the Pacific theatre // Science and the Pacific War / Ed. by Roy M. MacLeod. Kluwer Ac. Publ., 2000. P. 83–118.

[92] *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX в. // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-составитель Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 291–334 и др.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА

М. Шелези-Янце

КОНСУЛЬТАНТ, АГЕНТ, БИЗНЕСМЕН? ФРИЦ ХАБЕР, ФИРМА BASF И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА НИТРОСОЕДИНЕНИЙ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Еще до окончания Первой мировой войны, в апреле 1918 г., Фриц Хабер размышлял о характере отношения, существовавшего между германской наукой и германской армией[1]: «Это отношение до войны было несовершенным. Фигурально выражаясь, генерал жил в бельэтаже, с ученым, обитавшем в том же доме, он, конечно, раскланивался, но внутренней связи между ними не было. В целях посредничества генерал обращался к промышленнику, также проживавшему в доме».

Пожалуй, Хабер, как никто другой, успешно занимался налаживанием упомянутой «внутренней связи», и неслучайно он подчеркивает посреднические функции представителей индустрии. Вклад Хабера в развитие германской военной промышленности обычно обсуждается на фоне ведущей роли этого ученого в деле применения отравляющих газов. Ведь именно Хабер, специалист по физической химии, стал первым исследователем, увлеченно работавшим над созданием средств массового уничтожения. Еще более значительной была его роль в развитии военной экономики, оказавшей существенное влияние на ход Первой мировой войны. И дело не только, как полагают многие, в том, что Хабер впервые осуществил синтез аммиака. Благодаря его активному участию Германия в сентябре 1914 г. преодолела кризисную ситуацию с обеспечением армии боеприпасами и, вообще, смогла вести войну в течение длительного времени. Кроме того, еще до окончания

---

[1] *Haber F.z.* Das Verhältnis zwischen Heereswesen und exakten Naturwissenschaften. Vortrag aus der 24. Hauptversammlung der Deutschen Bunsen-Gesellschaft in Berlin, 8.–10.4.1918 // Chemiker-Zeitung. 1918. Bd. 42. S. 197.

войны в стране возникла совершенно по-новому структурированная индустрия взрывчатых веществ — по производителям, объемам, организации и размещению.

Фриц Хабер и обеспечение Германии селитрой

В первую очередь, необходимо отметить неформальный характер военно-экономической деятельности Хабера. Он был и остался директором Института физической химии и электрохимии Общества кайзера Вильгельма, то есть не перешел в аппарат Военного министерства, он не руководил каким-то учрежденным в то время «Бюро Хабера», о чем иногда ошибочно пишут[2]. Сам он свою тогдашнюю позицию определил метко и точно — «консультант Военного министерства»[3]. Итак, прежде всего, важна личность, ее опыт и контакты с представителями промышленности и науки. На Хабера были возложены общие задачи, не ограниченные рамками организационных структур бюрократии. Не занимая официальной должности, он имел возможность действовать очень активно и гибко, принимать решения самостоятельно, никому не подчиняясь. Фактически это означало огромную власть. Много позже, в августе 1933 г., будучи психически и физически тяжело больным человеком и давно покинув пост директора Института, Хабер описал направления своей деятельности во время Первой мировой войны:[4] «...я был одним из самых могущественных лиц Германии. Я значил больше, чем великий полководец, больше чем капитан индустрии. Я был основателем промышленных отраслей; моя работа имела существенное значение для экономической и военной экспансии Германии. Все двери были передо мной открыты».

С середины августа 1914 г.[5] Хабер в качестве добровольца работал на Военное министерство, на первых порах в Отделе фабрик (B 5) и в Отделе полевого материального снабжения, которые, помимо прочего, занима-

---

[2] См., в частности: *Borkin J.* Die unhellige Allianz der I.G. Farben. Eine Interessegemenischaft im Dritte Reich. Frankfurt am Main;New York, 1981. S. 19; *Stolzenberg D.* Fritz Haber: Chemiker, Nobelpreisträger, Deutscher, Jude. Weinheim; usw., 1994. S. 232, 242.

[3] Archiv zur Geschichte der Max-Planck-Gesellschaft, Berlin (далее ArMPG). V. 13. Haber (Haber-Sammlung, далее HS) 2297: Haber в Leopoldina, 6.7.1927, Anlage: Lebenslauf anlässlich der Akademiemitgliedschaft. S. 3.

[4] *Weizman C.* Memoiren. Das Werden des Staates Israel. Zürich, 1953. S. 517.

[5] ArMPG, I 1 A, 639: Haber Харнаку (Harnack), 8.8.1914.

лись удовлетворением спроса на взрывчатые вещества[6]. У Отдела фабрик вскоре появился конкурент — возглавлявшийся Ратенау Отдел военного сырья (далее OBC, Kriegsobstoffabteilung — KRA). 30 августа Хабер предложил свои услуги и этому отделу[7]. К октябрю 1914 г. после некоторых споров о разделении полномочий этот отдел играл главенствующую роль в снабжении армии сырьем для производства боеприпасов[8].

В первые месяцы войны Хабер активно занялся вопросами «военных химикатов», т.е. химического сырья для производства боеприпасов — серы, селитры, глицерина, толуола, целлюлозы и др. Наиважнейшее место здесь занимала азотная кислота, т.к. порох и взрывчатка являются ее производными. До войны азотную кислоту получали в основном путем обработки серной кислотой природной импортируемой из Чили селитры. Установленная Англией морская блокада разом отрезала возможность импорта. Приготовления Германии к войне, как известно, не включали в себя экономических и снабженческих мероприятий, рассчитанных на долговременное ведение военных действий. К тому же сельское хозяйство поглотило почти все запасы селитры — еще до начала войны, весной, они пошли на удобрение сельхозугодий. Когда в сентябре 1914 г. война приняла характер позиционной, окопной, в ход были пущены огромные количества взрывчатых веществ, в результате разразился кризис снабжения войск боеприпасами. Понятно, что главной задачей OBC стало в кратчайшие сроки и даже без учета рентабельности построить установки для производства синтетической азотной кислоты. Отдел поручил Нобелевскому лауреату химику Эмилю Фишеру провести научную экспертизу всех принятых в то время методов производства азотной кислоты и дать им компетентную оценку[9].

Исходная ситуация была не слишком обнадеживающей. Прямой путь получения азотной кислоты — окисление содержащегося в воздухе азота

---

[6] Handbuch über den Königlich Preußischen Hof und Staat für das Jahr 1914. Berlin, 1913. S. 171, 1011; *Burchardt L.* Eine neue Quelle zu den Anfängen der Kriegswirtschaft in Deutschland 1914. Tradition, 1971, № 16. S. 72–92; S. 82.

[7] Центральный Архив Москвы / Sonderarchiv: Nachlaß Walter Rathenau, 634-1-67: Rathenau an Haber, 31.8.1914. Я благодарю проф. Эрнста Шулина (Ernst Schulin), который указал мне на эти документы.

[8] *Burchardt L.* (см. 6). S. 91.

[9] Bundesarchiv Koblenz (далее BArch), архив 158: Wichard von Moellendorff. № 103: Moellendorff, Tätigkeitsbericht über Kriegschemikalien. Ergänzungen zu dem am 26.1.1916. in der KRA vorgetragenen Referat, o.D. (nach Marz 1917). S. 7ff.; *Burchardt L.* (см. 6). S. 82, 92.

с использованием электроэнергии. Для многих других аналогичных методов было характерно то, что все они требовали очень дорогостоящего оборудования, строительство заводов занимало много времени, а эксплуатация была связана с большими затратами электроэнергии. В то время в Германии не было таких заводов, они имелись в странах, где было налажено производство дешевой электроэнергии на ГЭС, например в Норвегии. Несмотря на явную заинтересованность представителей энергетики, в особенности АЕГ (Общество всеобщей электрофикации — Allgemeine Elekrizitätsgesellschaft), указанные методы в Германии почти не развивались и по плану 1917 г. должны были дать лишь около 7 % всего производства азота; в дальнейшем мы на них не останавливаемся[10].

Другой, более сложный путь — получение азотной кислоты из аммиака: смесь газообразного аммиака и воздуха пропускается через раскаленный катализатор, полученная таким способом окись азота, пройдя еще несколько стадий, превращается в кислоту. Вильгельм Оствальд еще на рубеже веков разработал этот метод с применением платинового катализатора. Работая вместе с предприятиями, производившими взрывчатые вещества, Оствальд применил свой способ в широких масштабах. Однако в начале войны по методу Оствальда работало всего одно предприятие — Химические заводы каменноугольной шахты Lothringen в Вестфалии, где производили материалы для взрывных работ на шахтах и рудниках[11]. Платина была дефицитной и стоила дорого, поэтому осенью 1913 г. фирма Баденская фабрика анилина и соды (далее — БАСФ; BASF — Badische Amilin- und Soda-Fabrik), начала применять собственный метод с использованием другого, дешевого катализатора и менее дорогостоящей аппаратуры. Весной 1914 г. был найден подходящий состав смеси с окисью железа. Однако к началу войны, кроме лаборатории БАСФ, не было ни одной опытной установки, не говоря уже о применении метода в промышленных масштабах[12]. Известное самоуверенное обещание

---

[10] BArch, NL 158/103: Moellendorff, Tätigkeitsbericht. S. 7; см. более подробно: *Eucken W*. Die Stickstoffversorgung der Welt. Eine volkswirtschaftliche Untersuchung. Stuttgart;Berlin, 1921. S. 95 f.

[11] О разработке данного метода подробнее см.: *Ostwald W*. Lebenslinien. Eine Selbstbiographie. Teil 2. Leipzig 1887–1905. Berlin, 1927. S. 282, 287ff.

[12] См. обзорную статью: *von Nagel A*. Stickstoff. Die technische Chemie stellt die Ernährung sicher. (Schriftenreihe des Firmenarchivs der BASF. Bd. 3). Ludwigshafen, 1969. S. 55ff.

Карла Боша и фирмы БАСФ от 28 сентября 1914 г., адресованное военному командованию в связи с учреждением акционерного общества по производству военных химикатов[13], было дано наобум и довольно-таки рискованно.

Под давлением внешних обстоятельств того времени Э. Фишер в своем экспертном заключении рекомендовал как можно скорее построить заводы по производству азотной кислоты, в которых применялись бы оба способа ее получения из аммиака — способ Оствальда и способ БАСФ. Фактор риска — конкуренцию со стороны БАСФ Фишер игнорировал. Экономическая рентабельность заводов была настолько мала, что для их строительства, безусловно, требовалась государственная финансовая поддержка в виде субсидий или займов[14]. БАСФ и каменноугольная шахта Lothringen получили устное распоряжение: приступить к работе немедленно и за шесть месяцев построить завод, способный производить 5 000 т натриевой селитры в месяц. Одновременно, в октябре 1914 г. начались переговоры с целью заключения контракта[15].

В ходе этих переговоров Ф. Хабер играл примечательную двойную роль. Продолжая свое многолетнее сотрудничестве с БАСФ, он конфиденциально информировал директоров фирмы обо всех проходивших в Военном министерстве совещаниях по данному вопросу, о предложениях других фирм и о внутриминистерских решениях. Словом, он передавал БАСФ ценнейшие сведения, обеспечивая ей фору в смысле информированности, и фирма неплохо эту фору использовала. В то же время Хабер, как государственный уполномоченный ОВС, вел переговоры о заключении контрактов со всеми заинтересованными предприятиями, то есть и с БАСФ.[16] Уже в конце ноября[17] переговоры завершились

---

[13] Эти даты, а также факт разногласий в Военном министерстве по вопросу о компетентности установлены на основании: HS 2196: Haber an BASF 2.10.1914 и Депеша от BASF Хаберу от того же числа, также см.: Moellendorffs Kriegstagebuch // *Burchardt L.* (см. 6). S. 88, 91.

[14] ArMPG, X/12: архив Emil Fischer, Film 2 (Оригинал в The Bancroft Library, University of California, Berkeley): Fischer–Denkschrift 1.10.1914. S. 4f., 9f.

[15] HS 2196: Fischer an Aufschläger/Kriegschemikalen AG, 11.10.1914; Fischer an Bosch, 15.10.1914; Bosch an Fischer, 20.10.1914.

[16] См.: *Burchardt L.* (См. 6), S. 91f.; HS 2196: Haber an Bosch; 18.10.1914; BASF an Haber, 21.10.1914.

[17] 24 октября в Людвигсхафене Хабер согласовал предварительный проект договора; окончательная редакция текста была завершена к середине ноября, однако подписание состоялось лишь в середине января 1915 г. Причиной

заключением очень выгодного для БАСФ контракта на строительство в кратчайшие сроки, до мая 1915 г., завода по производству синтетической селитры. На эти цели БАСФ получила от государства потерянную субсидию в размере 4 (или 6) млн марок. Произведенную селитру завод должен был продавать государству по себестоимости, «отказавшись от прибыли», — это обстоятельство фирма постоянно подчеркивала. Интересна здесь твердо установленная договором цена на аммиак, получаемый по способу Хабера–Боша: 1,10 марок за килограмм. Реальные затраты на его производство фирма БАСФ сохраняла в тайне, а ввиду постоянно возраставшего спроса на аммиак со стороны военных, эти затраты со временем, конечно, снизились бы[18]. Помимо финансовых, Хабер оговорил для БАСФ и другие привилегии и льготы, например, правительственную поддержку при расширении строительства, освобождение от призыва или даже возвращение с фронта инженеров и квалифицированных рабочих-специалистов и т. п.[19]

Тогдашние достижения можно считать поистине беспримерными — даже пацифист Альберт Эйнштейн не удержался от восторженной оценки «замечательной изобретательности немецких ученых»[20]. Построенный фирмой БАСФ в Оппау завод по производству селитры уже в мае 1915 г. заработал на полную мощность.[21] Война оказалась выгодной для фирмы. На основе дешевых импортных материалов и

этого затягивания было то, что из-за возрастающего спроса на взрывчатые вещества нужно было предусмотреть расширенное, по сравнению с первоначальными планами, строительство заводов.

[18] HS 2196: BASF an Haber, 26.10.1914; HS 2198: Haber an Hüttenmüller/BASF, 13.11.1914 (mit beiliegendem Vertrag); HS 2204: BASF an Bayerisches Staatsministerium, 9. 12.1914. HS 2206.

[19] Примеры см.: HS 2196: BASF an Haber, 26.10.1914 также Записка Hüttenmüller/BASF 29.10.1914; HS 2198: Haber an BASF, 1. 11. 1914, то же BASF an Haber, 3.11.1914.

[20] Цит. по: *Armin H.* Einstein. Der Weltweise und sein Jahrhundert. Eine Biographie. München; Zürich, 1994. S. 32.

[21] Первый блок производительностью 4 т азота в день был запущен уже в начале февраля 1915 г. В мае того же года производство достигло 150 т азотной кислоты в виде натриевой селитры (азотнокислого натрия). В 1916 г. в Оппау был построена еще одна установка для сжигания аммиака, она вступила в эксплуатацию в июне 1917 г. См.: *A. Nagel* (см. 12). S. 59f; Unternehmensarchiv der BASF (далее ArBASF): Walter Voigtländer-Tetzner: Chronik der BASF 1865–1939/40. Ms.o.J. [1940]. S. 651f.

при государственной финансовой поддержке в кратчайшие сроки удалось внедрить новую технологию, и в результате, как технология, так и химическая промышленность получили в свое распоряжение прибыльный сектор экономики — производство взрывчатых веществ[22].

Еще в ноябре Хабер добился от руководства БАСФ того, что еще две фирмы, входившие в этот триумвират, Байер (Bayer (Farbenfabriken vorm. Friedrich Bayer & Co) и Агфа (Agfa — Aktiengesellschaft für Anilinfabrikation), приступили к производству селитры по способу БАСФ. Им были предоставлены технология, ноу-хау, планы строительства, и очень скоро Байер и Агфа построили свои заводы-гиганты. Фриц Хабер с середины ноября лично вел переговоры об условиях контрактов, в принципе таких же, как в договоре с БАСФ[23]. В начале 1916 г. производство селитры по технологии БАСФ шло уже на 10 заводах, вместе они производили 30 400 т селитры ежемесячно, что вызвало и колоссальный рост производства исходного сырья — аммиака[24].

Синтез аммиака или нитрат калия?

В то время для производства аммиака существовало две принципиальные возможности. Метод, применявшийся в каменноугольной шахте Lothringen, при котором аммиак выделяется как вторичный продукт из отходящих газов при коксовании угля путем возгонки аммиака из кипящей воды, через которую пропускается газ. Получаемый таким способом аммиак в 1913 г. дал 110 000 т связанного азота, это было рекордное достижение в германском производстве азота. Большее количество удавалось получить только из импортной чилийской селитры — 750 000 тонн, что соответствует 116 250 т связанного азота. Иначе говоря, за методом Оствальда стояли каменноугольные шахты Рейнско-Вестфальского и Верхнесилезского угольных бассейнов, а также экономическое объединение германских газовых предприятий,

---

[22] См.: *Plumpe G.* Die I.G. Farbenindustrie AG. Wirtschaft, Technik und Politik 1904–1945. (Schriften zur Wirtschafts-und Sozialgeschichte, Bd. 37). Berlin, 1990. S. 64, 83 f.

[23] HS 2198: Haber an BASF, 1.11.1914; Fischer an BASF, 1.11.1914; HS 960: Haber an Duisburg, 14.11.1914; Duisburg an Haber, 16.11.1914; HS 2206: BASF an Bayer, 8.1.1915; BASF an Haber, 14.1.1915; BASF an Agfa, 14.1.1915; HS 2208: BASF an Reichsleitung, 27.1.1915.

[24] *Plumpe G.* (см. 22). S. 69.

которые занимались продажей аммиака при посредничестве находившегося в Бохуме Германского объединения по продаже аммиака во главе с директором Эмилем Зоном. Характерно, что для технического усовершенствования метода Оствальда косвенным путем использовался научный потенциал Института исследования угля Общества кайзера Вильгельма (г. Мюльгейм). Однако преимущества использования вторичных продуктов коксования не были однозначными — данный способ зависел от коксования угля, а значит и от производства железа, повысить которое можно было лишь очень незначительно[25].

Напротив, производство аммиака по методу Хабера–Боша, в принципе, можно было увеличивать неограниченно. БАСФ производила аммиак по этой технологии, в Оппау с сентября 1913 г., но в небольших объемах, — производство обходилось недешево. В условиях рынка это сырье для производства удобрений не могло конкурировать с импортной чилийской селитрой, к тому же у него еще не было преимуществ перед аммиаком, добываемым при коксовании угля. Положение разом изменилось с началом войны. БАСФ, выдвигая технические аргументы, не желала расстаться с аммиаком, получаемым по методу Хабера–Боша, — сырьем для получения селитры. Таким образом, строительство и расширение заводов, производящих селитру методом БАСФ, было связано с необходимостью увеличения производства аммиака по методу Хабера–Боша, при условии государственной финансовой поддержки[26].

Имелся, правда, еще один метод промышленного получения аммиака, очень сложная и дорогостоящая технология, предложенная Адольфом Франком и Никодемом Каро. Карбид кальция, получаемый по этому методу с большими затратами электроэнергии, соединяется при высокой температуре с азотом воздуха. Полученный в результате реакции нитрат калия можно использовать как минеральное удобрение, а можно разложить при нагревании в водяном паре и получить аммиак. Самое значительное предприятие по производству нитрата калия, доля которого в общем объеме производства азота в довоенной

---

[25] Количественные показатели по: ArBASF, B 4/457: BASF, Zum Stickstoff-Handelsmonopol, April 1915, S. 3. BArch, Findbuch zu R 10/IX: Stickstoffsyndikat, Vermerk vom 10.12.1968; ArMPG, X/12, NL Fischer, Film 6: Franz Fischer: Kurzer vorläufiger Bericht über die Tätigkeit des KWI für Kohlenforschung vom 1.8.1914 bis 1.8.1915, 23.8.1915; *Eucken W.* (См. 10), S. 90, 100ff.

[26] ArMPG, X/12, NL Fischer, Film 2: Fischer-Denkschrift, 1.10.1914, S. 5f.; *Eucken W.* (См. 10), S. 102.

Германии была приблизительно такой же, как доля азота, произведенного фирмой БАСФ, — это основанные в 1908 г. Баварские азотные заводы в Тростберге. Руководил ими разработчик технологии Н. Каро. Однако отсутствовал соответствующий метод производства селитры, и этот стратегический недостаток индустрия азота должна была исправить, что и удалось, поскольку за Баварскими азотными заводами стоял банковский консорциум во главе с «Дойче Банк»[27].

Таким образом, сложилась непростая ситуация в смысле конкуренции в сфере предложения — между каменноугольными баронами, производителями красителей и нитрата калия, причем на стороне последних выступал «Дойче Банк». Государственным чиновникам взаимозависимости между техническими методами были малопонятны. Им поневоле приходилось обращаться за разъяснениями к научно-техническим экспертам. Государство утратило свою принципиально главенствующую позицию почти эксклюзивного покупателя и полновластного хозяина в распределении сырьевых ресурсов. Это произошло, во-первых, из-за невероятно усиливавшейся эскалации войны, во-вторых, потому что, как гражданские, так и военные бюрократические структуры медленно овладевали необходимыми научными и техническими знаниями. Но, прежде всего, в ходе переговоров о расширения производства аммиака начались разногласия между государственными инстанциями, преследовавшими различные цели, благодаря этому предприятия смогли с выгодой использовать свои преимущества и привлечь на свою сторону различных государственных чиновников. Хабер и в данной ситуации сыграл немаловажную роль.

Уже в октябре стало насущно необходимым повышение производства аммиака, которое должно было залатать две пробоины: во-первых, насытить армию, нуждавшуюся в азотной кислоте для производства снарядов и других боеприпасов, а во-вторых, удовлетворить потребность страны в азотных удобрениях. Министерство сельского

---

[27] В разработке метода Франка и Каро первоначально участвовала компания по производству цианида, основанная по инициативе Сименса и Хальске вместе с Адольфом Франком и Германским предприятием по добыче золота и серебра. См.: ArBASF, B4/4567: BASF Zum Stickstoff-Handelsmonopol, April 1915. S. 3. *Walter Voidtländer-Tetzner*: Die Bindung des Luftstickstoffs 1895–1940. Ms. o.J. [1940], S. 323f.; *Fritz Welch u. a.*: Geschichte der chemischen Industrie. Abriß der Entwicklung ausgewählter Zweige der chemischen Industrie von 1800 bis zur Gegenwart. (Chemie für Lehrer, Bd 13) Berlin (Ost) 1981, S. 129; *D. Stolzenberg* (См. 2), S. 138, 235.

хозяйства Пруссии, которое наряду с армейским командованием вышло на переговоры в качестве участника со стороны государства, опасалось снижения урожайности в 1915 г. из-за нехватки удобрений как минимум на одну треть, а так как импорт зерна прекратился, возникла угроза продовольственного кризиса[28]. Возможности расширения производства аммиака при коксовании угля были ограничены, поэтому угольные бароны оказались в известном смысле вне игры, и разгорелась ожесточенная борьба между БАСФ и Баварскими азотными заводами (Bayerische Stickstoffwerke).

Каро, реалистически оценивая несовершенство своего метода, все свои предложения по расширению производства связал с двумя оборонными стратегиями, рассчитанными на применение после окончания войны. А именно, в ожидании дешевого импортного азота он потребовал установления защитной таможенной пошлины в размере 60 марок за тонну как для нитрата калия, так и для сульфата аммония. Для обеспечения выгодных условий на внутреннем рынке Каро потребовал гарантировать договором твердые государственные цены на ближайшие 15 лет и объем сбыта в размере 150 000 т азота на ближайшие 10 лет. Хабер достаточно хорошо разбирался в экономике, чтобы понимать, чем это соглашение может обернуться для фирмы БАСФ. Он поднял тревогу в дирекции, конфиденциально проинформировал руководство фирмы о предложениях Каро и передал директорам протоколы закрытых заседаний комиссии. БАСФ «не захотела просто так позволить Каро заключить такую сделку», и незамедлительно отреагировала, сумев использовать информационное преимущество[29].

Во-первых, БАСФ заявила Министерству сельского хозяйства, что длительная финансовая поддержка государством убыточного производства не принесет пользы земледелию[30]. Во-вторых, Хабер и БАСФ начали хитроумную контратаку, столкнув интересы командования армией и Министерства сельского хозяйства. БАСФ через Хабера со-

---

[28] ArMPG, X/12, NL Fischer, Film 2: Протокол заседания die Kommission zur Vorbereitung Verträge zwecks Steigerung der Stickstoffproduktion (далее сокращенно: Stickstoffkommission) am 30.11.1914, S. 1f.; подробнее также в Протокол заседания Salpeterkommission, 20.9.1915, Anlage 4.

[29] HS 2196: Haber an BASF, 16.10.1914; Vermerk Hüttermüllers vom 29.10.1914; HS 2198; Haber an BASF, 1.11.1914; ArBASF, T 14/1: Vermerk Büro Dr. Michel, 12.11.1914; *W. Voigtländer-Tetzner* (См. 21), S. 665f.

[30] ArBASF, T 14/1: Büro Dr. Michel: Entwurf einer Eingabe, 4.11.1914.

общила Военному министерству, что до конца 1915 г. не сможет обеспечить в Оппау требуемый рост производства аммиака до 6 000 тонн в месяц[31].

«К сожалению, мы сегодня видим, что наши денежные средства значительно уменьшились в связи с увеличением производства на 3 000 тонн, и этих средств, которые мы должны тратить крайне бережно в виду чрезвычайных требований, которые предъявляет война к нашей готовности идти на жертвы, решительно не хватит на строительство последней очереди нашей фабрики в Оппау, которое обошлось бы в 35–40 миллионов. ...Так что мы должны временно, то есть до окончания войны, отказаться от этого проекта, если только государство не предоставит нам необходимую сумму в размере 40 миллионов в виде процентной ссуды, возвращение которой предусматривалось бы вскоре после заключения мира».

Для БАСФ, несомненно, очень важно было «провалить» проект Каро[32], желавшего получить гарантии государства в отношении цен, тем более что в конце ноября Каро потребовал установления твердых цен для планируемого ежегодного сбыта азота в объеме 250 000 тонн. И, главное, по его мнению, государство должно было признать, что «когда речь идет о новом производстве азота, в первую очередь следует привлекать нас».

Поэтому BASF связала свое требование пятипроцентной ссуды в размере свыше 35 млн немецких марок с включением в договор пунктов, согласно которым правительство признало бы необходимость свободной конкуренции и отказалось от заключения договоров о покупке продукции с другими германскими производителями азота[33]. В ходе дальнейших переговоров БАСФ не сомневалась, что ее дело в надежных руках. В конце ноября 1914 г. была образована «Комиссия по подготовке договоров с целью повышения производства азота», в нее вошли семь человек — пять представителей компетентных министерств и два научных консультанта Э. Фишер и Ф. Хабер. Для организации германской военной экономики показательно то, как отреагировали члены комиссии, когда на первом заседании 30 ноября 1914 г. Хабер честно упомянул о своей личной заинтересованности в производстве синтетического аммиака: на каждом килограмме он

[31] HS 2202: BASF an Haber, 17.11.1914.
[32] HS 2200: BASF an Agfa und Bayer, 1.12.1914.
[33] HS 2200: BASF an Landwirtschaftsminister von Schorlemer, 26.11.1914.

зарабатывал 1,5 пфеннига. Члены комиссии не оставили без внимания сказанное Хабером, но все же не решились отказаться от сотрудничества с компетентным экспертом[34].

Впоследствии Хабер, по-прежнему играя двойную роль, участвовал в подготовке контрактов по производству селитры. Он активно продвигал предложения БАСФ и поставлял фирме ценную информацию о поведении конкурентов и настроениях в министерстве. Переговоры о контракте с БАСФ провел, правда, не он, а Э. Фишер, также весьма позитивно настроенный по отношению к крупной химической промышленности. Однако Хабер находился в постоянном контакте с руководителями фирмы БАСФ, и к нему обращались, когда требовалось выработать конкретные формулировки, касавшиеся условий предоставления государственного кредита[35]. 18 декабря 1914 г. был окончательно подготовлен договор между БАСФ и Министерством сельского хозяйства о расширении завода по производству аммиака в Оппау. В условиях оговаривалось предоставление государством пятипроцентной ссуды в размере не менее 35 млн марок и предусматривался срок ее погашения — в период от двух до десяти лет после заключения мира. На период войны устанавливалась максимальная цена за килограмм азота — 1,25 марки. Входившие в тройственный союз БАСФ фирмы Байер и Агфа выступали поручителями, и тем самым проект становился внутренним делом концерна. Лишь пункт об отказе государства от заключения контрактов с другими германскими поставщиками азота не был включен в договор. Впрочем, согласие с данным условием было предварительно получено в устной форме вне протокола[36].

Значение личности Хабера для БАСФ можно оценить по тому, что случилось однажды, когда он не был стратегически задействован на переговорах. Представитель Министерства сельского хозяйства, проводивший переговоры с Баварскими азотными заводами, высказал свои опасения: в связи с возрастанием потребностей армии мог

---

[34] ArBASF, T 14/1: BASF an Haber, 2.12.1914; ArMPG, X/12, NL Fischer, Film 2: Protokoll der Stickstoffkommission. Цит.: S. 4.

[35] См. ArBASF, T 14/1: BASF an Haber, 2.12.1914; BASF an Fischer, 15.12 и 21.121914; ArMPG X/12, NL Fischer, Film 2: Protokolle der Verhandlungen im Finanzministerium, 5.12.1914, sowie der Sitzungen der Stickstoffkommission, o.J. [11.12.1914] und 16.12.1914; HS 2208: BASF an Haber, 20.1.1915.

[36] Текст договора см.: HS2204 und ArBASF, S. 10 вместе с *G. Plumpe* (См. 22), S. 71.

возникнуть дефицит селитры, необходимой для производства удобрений. Этот представитель уступил настояниям Каро, который вдобавок предложил более приемлемую цену на аммиак, чем та, которую требовала за свой аммиак BASF. В середине января 1915 г. Министерство заключило с «консорциумом», в чьих интересах выступал Каро, договор о ежегодных поставках 300 000 т нитрата калия. Каро и стоявший за ним «Дойче Банк» выиграли по очкам — ведь, увеличение производства, согласно договору, было связано с гарантированными государственными закупками по твердым ценам на период до 1941 г.[37] БАСФ не подозревала, что в начале 1915 г. к делу подключился председатель правления банка «Дойче Банк» Артур Гвиннер, чьей задачей было консультировать имперское правительство по вопросам финансирования новых азотных предприятий. Гвиннер настойчиво вел дело к принятию государством обязательства по закупке всей продукции, и, в конце концов, он этой цели достиг с помощью своего друга, начальника Военно-морского кабинета адмирала фон Мюллера[38].

Основание имперских азотных заводов и возникновение государственной монополии на торговлю азотом

В это время на сцену переговоров выходит третий государственный представитель, и политика государства в области производства азота приобретает совершенно иной характер. 1 февраля 1915 г. госсекретарем Имперского казначейства стал Карл Хельферих, который со своим собственным проектом вступил в разгоравшуюся борьбу между BASF и Каро. Предварительно Хельферих получил одобрение своих планов у лиц, стоявших во главе ведомств, и у рейхсканцлера. Его целью было обеспечить империи сильную позицию на рынке азота, а именно путем постройки имперских азотных заводов в Пиштерице близ Виттенберга и в Хорцове (Верхняя Силезия). Государство выде-

[37] ArMPG, X/12, NL Fischer, Film 2: Protokoll der Stickstoffkommission, 12.12.1914, S. 5ff.; HS 2208: BASF an Reichsleitung und preußisches Staatministerium.27.1.1915.

[38] Гарантированная государством закупка была для Гвиннера лишь вторичной преференцией. Более всего его устроило бы, если бы Баварские азотные заводы перешли в имперскую собственность. См. об этом: *Feldman G.D.* Die Deutsche Bank vom Ersten Weltkrieg bis zur Weltwirtschaftskrise 1914–1933 // Gall L. u. a.: Die Deutsche Bank 1870–1995. München, 1995. S. 138–314; здесь S. 157.

лило на это 42 млн марок. Сразу же пошли толки насчет связей Хельфериха с «Дойче Банк», в правление которого он входил с 1908 г. Оба завода, способные производить ежегодно соответственно 150 000 т и 75 000 т нитрата калия, не только использовали технологию Франка и Каро, но были построены Баварскими азотными заводами и работали как «смешанные экономические предприятия». Государство, не нарушая принципа свободы предпринимательства, должно было участвовать в чистых прибылях, заключив особые договоры с предприятиями, и контролировать их деятельность, назначив имперского комиссара. Им стал Вихард фон Мёллендорф[39]. Иначе говоря, государство вложило немалые средства, сделав ставку на технически и экономически отсталый метод.[40] Мёллендорф, несмотря на свою приверженность макроэкономическим программам, впоследствии раздраженно отмечал: «... чисто психологически я не могу понять чиновников, которые не видят Боша и ищут Каро...»[41].

В самом деле, получить выгоды для империи от смешанного экономического проекта азотных заводов, вступивших в эксплуатацию уже в начале 1916 г., Хельферих сумел лишь благодаря тому, что обеспечил сделку фиксированными ценами и другими стабилизационными мероприятиями, предусмотренными на период после окончания войны. Строительство имперских азотных заводов подразумевало непременное создание государственной монополии на продажу азота[42]. Соответствующий — и очень неясный — законопроект, внесенный рейхсканцлером, был предложен на рассмотрение рейхстагу еще в марте 1915 г. Дополнительно представленные «Предложения по развитию» оправдали наихудшие опасения БАСФ: бундесрат намеревался учредить монопольное правление, которому давались бы исключительные права на импорт соединений азота из-за рубежа. Отечественным про-

---

[39] См.: *Helfferich K.* Der Weltkrieg. Bd 2: Vom Kriegsausbruch gis zum uneingeschränkten U-Bootkrieg. Berlin, 1919, S. 11–127; *W. Eucken* (См. 10), S. 104 f., 155; *G.Plumpe* (См. 22), S. 72f.; HS2208: Haeser an Hüttenmüller, 30.1.1915; HS 2212: Auszug aus dem Protokoll einer Sitzung im Landwirtschaftministerium vom 12.3.1915.

[40] Из подсчетов, проведенных учеными, уже в 1915 г. было известно, что индустрия кальциевого азота сможет поставлять свою продукцию по цене 0,7 марки за килограмм, а BASF — азот, произведенный по методу Хабера–Боша — по цене 0,5 марки за килограмм. См.: *W. Eucken* (См. 10), S. 155.

[41] Barch, NL 158/140: Möllendorff an Flügge/Kriegsernächrungsamt. 14.6.1917.

[42] *K. Helfferich* (См. 39). S. 120. 126f.

изводителям разрешалось продавать свой продукт лишь монопольному правлению и никому другому, цены устанавливал бундесрат. Далее предполагалось принять еще один закон, устанавливающий контингенты и в производстве азота внутри страны[43].

Невзирая на продолжавшуюся войну, сторонники и противники монополии развернули беспримерную пропагандистскую деятельность. За монополию выступали все, кому внушало опасения массовое производство аммиака конкурентоспособной БАСФ. Это были, прежде всего, производители нитрата калия, аммиака, а также фирмы, торговавшие азотными удобрениями, опасавшиеся появления частной монополии производителей. Противниками были государственные власти Чили, промышленность взрывчатых веществ и крупная химическая промышленность.[44] БАСФ бурно протестовала, используя все регистры своей собственной рекламы: от конференций и впечатляющих меморандумов до агитации в виде экскурсий по заводам для депутатов парламента[45]. Хабер не вмешивался в эти баталии, вероятно, по причине большой занятости, — он в это время интенсивно занимался вопросами химической войны. Э. Фишер, а также Карл Энглер, напротив, употребили на поддержку БАСФ весь свой научный авторитет[46].

Запланированная государственная монополия на торговлю азотом не состоялась. Во-первых, компетентная 7-я комиссия рейхстага, возглавляемая депутатом от социал-демократов Эмануэлем Вурмом, постоянно переносила свои заседания, и, в результате, проект Хельфериха утратил актуальность, а во-вторых, армейское командование после первой французской воздушной атаки на заводы в Оппау (27 мая

---

[43] RT-Drucksache Nr. 47/8 vom 21.8.1915.

[44] Zusammenfassend *W.Eucken* (См. 10), S. 156–158.

[45] См. об этом в особенности дела в HS 2210 и след., и ArBASF, T 14/1. Особенно следует выделить 13-страничное письмо к Хельфериху от 12.04.1915 (HS 2212) — адресованный широкому кругу лиц меморандум «О монополии на торговлю азотом», апрель 1915, протоколы переговоров 7-й комиссии рейхстага с представителями химической промышленности, производителями и поставщиками удобрений от 17 и 18 мая 1915 г. (ArBASF, B 4 /457), а также распространенный 24.07.1915 г. меморандум, направленный влиятельным депутатам рейхстага. (ArBASF, B 4/455).

[46] См.: ArBASF, T 14/2: BASF an Engler, 20.7 и 30.7.1915; RT-Drucksache Nr. 47/4, 13. Legislaturperiode, II. Session 1914/15, 7. Kommission: Gutachen Emil Fischers, 5.5.1915.

1915 г.) уже в июне через Оппенгейма, директора фирмы Agfa, добилась от БАСФ решения о строительстве нового аммиачного завода в центральной Германии. Этому предприятию военные обещали «всяческую поддержку» и, — на тот случай, если все же возникнет торговая монополия, которую продвигал Хельферих, — более высокие цены и гарантированный сбыт аммиака, произведенного БАСФ[47].

Создание заводов Лейна

В сентябре 1915 г. начались переговоры о строительстве заводов, которые позднее стали называться Лейна-Верке (Leuna-Werke, BASF-Ammonialwerk), и снова Ф. Хабер сыграл центральную, правда, несколько изменившуюся роль в качестве доверенного лица военного министерства. БАСФ вначале блокировала переговоры, опасаясь и финансового риска, и появления гигантских мощностей после окончания войны, и участия государства в прибылях. Никто иной, как Хабер наладил контакты с руководством фирмы и лично инициировал переговоры, сообщив о том, что Военное министерство готово финансировать проект. БАСФ заявила, что проект «мало привлекателен», однако согласилась его рассмотреть «из патриотических соображений»[48]. Лишь спустя пять месяцев, Карл Бош, приехав в Берлин, сформулировал свои условия, которые заметно отличались от тех, что предложил Хабер, выступая от имени ОВС. Бош потребовал предоставления беспроцентного займа на строительство завода, который после погашения займа должен перейти в собственность БАСФ. Второе требование — казна должна взять на себя все обусловленные войной расходы и затраты. И, наконец, Бош потребовал надежных гарантий приема продукции по твердым ценам. При этом участие государства в прибылях отвергалось[49].

Военная администрация ответила на эти требования решительным отказом, и тогда БАСФ обратилась к Хаберу, чтобы тот вывел переговоры из тупика. Хабер уже сообщил правлению БАСФ информацию о том, что ОВС намерен заключить сделку именно с БАСФ, а не с ее потенциальны-

---

[47] ArBASF, T 14/2: Oppenheim an Müller, 12.6.1915.

[48] ArBASF, W 1 Haber/Merseburg: Haber an BASF, 6.9.1915; BASF an Haber, 10.9. и 30.10.1915.

[49] В беседе Боша с лейтенантом Шмицем (от ОВС), состоявшейся 4.02.1915 г. Цит. по: *G. Plumpe* (См. 22). S. 74.

ми конкурентами[50]. Хельферих снова встал на защиту интересов Имперского казначейства. Хельферих попытался поставить в зависимость от своего гражданского ведомства ОВС, действовавший как финансово независимая структура, располагавшая утвержденными рейхстагом военными кредитами и не нуждавшаяся в разрешении имперского финансового управления[51]. Но даже если ОВС и был готов принять радикальные требования, выдвинутые БАСФ, то секретарь Имперского казначейства ответил на эти инициативы решительным «нет». Его целью было организовать новый аммиачный завод БАСФ по модели имперских азотных заводов и, как критически сформулировал Хабер, с «технологической и экономической точки зрения» обсудить «соотношение производства синтетического аммиака и нитрата калия», т.е. установить контингенты в производстве азота и достичь соглашения о твердых ценах. Эти требования Хельфериха, опять-таки, были неприемлемы для БАСФ[52].

Хабер по своей инициативе выступил посредником в этом конфликте, на сей раз с декларированной целью — повлиять на БАСФ и достичь согласия между нею и государством. В это время — в марте 1916 г. — Хабер явно склоняется к признанию общеэкономических концепций Мёллендорфа, отмечая в них «логическую четкость и систематическую непреклонность»[53]. Ввиду серьезности военного положения он отказывается принимать во внимание частные экономические резоны БАСФ. К тому же наметилось некоторое взаимопонимание между Военным министерством и Имперским казначейством, а также появилось желание вести переговоры у производителей нитрата калия. Хабер настоятельно рекомендовал правлению фирмы взять за образец модель Хельфериха, построить в центральной Германии имперский завод по производству аммиака и эксплуатировать его, взяв «в аренду». Правление фирмы пришло в такое негодование, что категорически запретило К. Бошу во время поездок в Берлин даже просто встречаться с Хабером[54].

---

[50] ArBASF, W 1 Haber/Merseburg: Haber an BASF, 8.2.1915.

[51] *K. Helfferich* (См. 39). S. 127

[52] ArBASF, W 1 Haber / Merseburg: Haber an BASF, 8.3.1916; BASF an Haber, 9.3.1916 (телеграмма и письмо).

[53] Цит. по: *Braun K*: Konservatismus und Gemeinwirtschaft. Eine Studie über Wichard von Moellendorff // Duisburger Hochschulbeiträge, 1978. Bd. 11. S. 42.

[54] ArBASF, W 1 Haber / Merseburg: Haber an BASF, 11.3.1916; BASF an Haber, 13.3.1916; *G. Plumpe* (См. 22), S. 74f.

А он, опять по собственной инициативе, разработал посредническое предложение, которое и предоставил Хельфериху. В многочисленных посланиях фирме БАСФ он, настаивая на принятии модели Хельфериха, одновременно указывал и другой выход из тупика, и, в конце концов, оба контрагента направились по этому пути[55]. БАСФ согласилась финансировать предприятие в центральной Германии на обычных условиях кредитования, то есть с 5 %. Тем самым фирма отчасти брала на себя ответственность за экономический риск. Был назначен срок погашения кредита — 1923 г. В качестве гарантов-поручителей выступили Байер и Агфа, — таким образом, заводы Лейна вошли в концерн. Хельферих, в свою очередь, принял требование о предоставлении государством не оправдавшей себя субсидии в размере 12 млн на возмещение издержек, вызванных военным положением — повышения оплаты труда и цен на материалы. Однако БАСФ пришлось проглотить обиду — часть выручки за счет превышения лимита цены фирма должна была вернуть в казну, а, кроме того, вести переговоры о согласовании цен с другими производителями азота[56].

Хабер снова предложил фирме свои услуги в качестве осведомителя, чтобы достичь скорейшего заключения договора. Предельная цена, которую нужно было превысить, прежде чем наступал срок сдачи денег в казну, была столь высока, что соглашение, как витиевато выразился Хабер, «в немалой степени приобретало значение к Вашей невыгоде». Руководители БАСФ и сами это понимали. А вот чего они не могли знать — и тут Хабер колоссально укрепил их позиции на переговорах — так это того, что Хельферих тем временем потерял возможность отклонить предложение БАСФ. Потому что уже стало совершенно очевидным, что для работы на заводах по производству нитрата калия необходимо было в 12 раз больше рабочих, чем на предприятиях, где было налажено производство по технологии Хабера и Боша; не вызывало сомнений и то, что имперские азотные заводы достигли весьма малоутешительных технических и экономических результатов[57]. И с этого момента все вдруг пошло очень быстро — дого-

---

[55] ArBASF, W 1 Haber/Merseburg: Tellegrammwechsel Haber–BASF, 15 и 16.3.1916; Haber an BASF, 16.3.1916; BASF an Haber, 28.3.1916.

[56] См.: *G. Plumpe* (См. 22) S. 75f.; ArBASF, W 1 Haber/Merseburg: Haber an BASF, 11.3.1916; BASF an Haber, 28.3 и 11.4.1916.

[57] ArBASF, W 1 Haber / Merseburg: Haber an BASF, 14.4.1916.

вор подписали в апреле 1916 г., строительство началось спустя месяц, а производство — в апреле 1917 г.[58]

В дальнейших переговорах о возобновлении строительства заводов Мерзебург-II и Мерзебург-III Мерзебургского предприятия, которое и само еще не было к тому времени достроено, Хабер почти не принимал участия. Да и к чему? В условиях, сложившихся во второй половине войны, уже никто не нуждался в конфиденциальных посредниках для обмена информацией, функции Военного ведомства, экономики и науки слились и были институциализированы. Третье Верховное армейское командование сделало выводы из неудач азотной индустрии, и в программе Гинденбурга ставку делали уже только на БАСФ[59]. После образования в ноябре 1916 г. военного ведомства, BASF, выходя на переговоры с представителями государства, имела дело уже не со многими соперничавшими между собой людьми, а в основном с имперским комиссаром по вопросам производства азота. Этот чиновник координировал действия всех ведомств, причастных к производству азота, сам, являясь в то же самое время служащим ведомства вооружений и снабжения армии (Wumba). На этот пост был назначен бывший ведущий специалист — химик Германской континентальной газовой компании в Дессау, ротмистр, доктор Юлиус Бюб. Он должен был консультировать производителей, включенных в общий процесс, проходящий через ведомство вооружений и снабжения армии, и «ориентировать» их так, чтобы они оеспечивали азотом и армию, и сельское хозяйство. Кроме того, обязанностью имперского комиссара было проведение экспертизы проектов, связанных с производством азота, и ведение переговоров[60]. Сосредоточение экономической власти у БАСФ достигло невиданных масштабов: после ввода в строй 2-го Мерзебургского завода, согласно общей программе, на долю БАСФ приходилось более половины всего производимого азота, а после ввода 3-го Мерзебургского предприятия — более двух третей. БАСФ должна была предоставить государству огромное, прежде небывалое влияние на сбыт продукции и формирование цен[61].

---

[58] См.: *G. Plumpe* (См. 22) S. 76; *A. Nagel* (См. 12). S. 43f.

[59] См., например, Эрих Людендорфф (Hrsg.): Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916/18. Berlin, 1920, S. 204f., 207f., и W. Eucken (См. 10). S. 108 f.

[60] Barch, NL 158/124: Protokoll der Besprechung über eine einheitliche Stickstoffbewirtschaftung, 2.12.1916; *G. Plumpe* (См. 22), S. 80ff.

[61] К этому: *W. Eucken* (См. 10), S. 109ff.; *G. Plumpe* (См. 22) S. 78ff.

Итоги

Без сомнения, получение синтетического аммиака дало Германии возможность вести войну в течение долгого времени, с другой же стороны, Первая мировая война способствовала стремительному выходу на рынок ранее не имевшему большого значения и дорогостоящему методу получения азота по Хаберу и Бошу. Деятельность Ф. Хабера оказала решающее влияние на то, что еще до окончания войны появилась индустрия азота, совершенно по-новому структурированная в отношении производителей, объемов производства, организации и размещения предприятий[62].

1. Германия, прежде импортировавшая азот, стала крупным его производителем. Если мощность германской азотной промышленности в начале войны составляла 129 000 т азота, то в сельскохозяйственный сезон 1917–1918 гг. она производила уже около 271 000 т. Считая все заключенные во время войны договоры выполненными, получаем суммарный объем производства равный 520 000 т.

2. Производство азота перешло из каменноугольной промышленности, где оно было маломощным и нецентрализованным, в хорошо организованную химическую индустрию.

3. В химической промышленности столкнулись интересы двух сильных противников — индустрии нитрата калия и намного более перспективного получения азота путем связывания азота воздуха, по технологии, применяемой БАСФ. Сравнение производства азота (в тыс. тонн) за сельскохозяйственные годы 1915–1916, 1916–1917 и 1917–1918 показывает, что добыча азота из аммиака при коксовании каменного угля (соответственно: 90, 100, 100 тыс. тонн) не увеличивалась, тогда как производство нитрата калия находилось на подъеме (соответственно 20, 58, и 66). Технология, применяемая BASF, дала рекордные результаты (24, 64, 105).

4. Государство захватывало позиции в индустрии азота. Если раньше лишь города через свои газовые станции, а Прусское государство — через несколько коксовых заводов — участвовали в производстве аммиака при коксовании каменного угля, то теперь главным действующим лицом здесь стала империя, прежде всего, благодаря постройке имперских азотных заводов.

5. Крупнейшие центры германской азотной промышленности за годы войны переместились из Рейнско-Вестфальского угольного бас-

---

[62] См.: *W. Eucken* (См. 10). S. 112–119.

сейна в долину Рейна, где находились важнейшие химические предприятия, а затем, по соображениям безопасности, они были переведены в центральные районы страны, в буроугольный бассейн. Процесс начался со строительством заводов в Пиштерице, завершился созданием заводов Лейна концерна БАСФ.

6. Аналогично тому, как фармакологическое производство начинали фирмы Байер и Хёхст (Hoechst, Farbwerke, vorm. Meister Lucius & Brüning, Hőchst a. M.) или производство фосфора — Агфа Басф, приступив к производству азота, разработала свой собственный план первого значительного этапа диверсификации химической промышленности. Во время войны БАСФ увеличила свой акционерный капитал с 36 до 90 млн марок[63] и после окончания войны, в условиях разразившейся инфляции, смогла без каких-либо затруднений вернуть взятые ранее кредиты. Обусловленное войной отключение зарубежных конкурентов и государственное финансирование селитренных и азотных предприятий позволили развернуть крупномасштабное производство и значительно снизить затраты. После Первой мировой войны БАСФ, а затем концерн полностью захватили германский рынок азота.

Перевод Г.В. Снежинской

[63] См.: *F. Welch* (См. 27). S. 133ff.

И.С. Дмитриев

БЕНЗОЛЬНОЕ КОЛЬЦО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СОЗДАНИЕ КОКСОБЕНЗОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Военно-мыслительная сила в тротиловом эквиваленте

Уже в первые месяцы Первой мировой войны выяснилось, что для удовлетворения растущей потребности фронта в порохах и взрывчатых веществах в России нет в достаточных количествах ни азотной, ни серной кислот, ни бензола, ни толуола, ни многого другого, а нормы мобилизационных запасов были «катастрофически занижены»[1].

Впрочем, проблема обозначилась еще до начала войны. Так, например, во Всеподданнейшем докладе генерал-инспектора артиллерии вел. князя Сергея Михайловича от 20 февраля 1913 г. было, в частности, сказано, что «представляется необходимой также постройка нового завода взрывчатых веществ»[2].

При этом в докладе вообще не говорилось о необходимости расширения соответствующих химических производств и, в частности, коксобензольного. Более детальную информацию о производстве порохов и взрывчатых веществ накануне и в первые полтора года войны можно найти в «Своде сведений о снабжении армии порохом» (составлен в ноябре 1915 г. и дополнен в феврале 1916 г.) и в «Своде сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами» (составлен в декабре 1915 г. и дополнен в феврале 1916 г.). Оба «Свода» были составлены одним из членов следственной Верховной комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии (создана 25 июля 1915 г.).

Согласно второму из указанных выше «Сводов», до 1909 г. в России существовал только один — Охтенский — завод взрывчатых веществ, который до 1908 г. производил 10 тыс. пудов мелинита (пикриновый кислоты) в год. После того, как для снаряжения фугасных снарядов

---

1 *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М., 2002. С. 50.

2 РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 72. Л. 1–14. (Цит. по: Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Сб. документов / Под ред. Р.Ш. Ганелина. Сост. Л.Я. Сает и др. М., 2004. С. 433–434; далее сокр. ВПР).

стали применять тротил (тринитротолуол) завод этот был в 1908 г. перепрофилирован и к началу войны производство тротила на нем достигло 15 тыс. пудов в год. В 1909 г. было начато строительство нового завода взрывчатых веществ близ Самары (у станции Томылино Самаро-Златоустовской железной дороги) на 20 тыс. пудов тротила в год. Отдел по производству тротила этого завода (его называли также Сергиевским Самарским или Самаро-Сергиевским) начал давать продукцию в 1912 г., а отдел по производству тетрила заработал в 1913 г.[3]

К августу 1914 г. оба завода — Охтенский и Самарский (после расширения производства) производили 75 тыс. пудов тротила в год (первый — 15 тыс., второй — 60 тыс.)[4]. Кроме того, в 1911 г. с Шлиссельбургским заводом (единственным в России частным производителем тротила) был заключен контракт на поставку в 1912–1914 гг. до 30 тыс. пудов тротила в год с правом ГАУ (Главного артиллерийского управления) требовать в случае необходимости до 55 тыс. пудов в год. В действительности же от этого частного завода поступало ежегодно до 80 тыс. пудов тротила, т. е. больше, чем от двух казенных заводов вместе взятых.

Следователи Верховной комиссии, изучив документы и показания свидетелей и обвиняемых, пришли к выводу, что «в мирное время не было установлено никаких норм потребности во взрывчатых веществах на случай войны, а потому и не существовало предположений, какова должна быть, в зависимости от этой потребности, производительность этих заводов во время войны. Запасов взрывчатых веществ (тротила и тетрила) установлено не было»[5].

В данной следователю Верховной комиссии объяснительной записке бывший начальник ГАУ генерал Д.Д. Кузьмин-Караваев оценивал потребность в тротиле во время войны в 115 тыс. пудов в год и считал, что казенные заводы вполне могли осилить такое задание, притом его выполнение, по словам генерала, «могло быть обеспечено толуолом Донецких заводов, поставлявших 40 тыс. пудов»[6]. В начале войны на совещании чинов Артиллерийского комитета генерал-лейтенант П.П. Нечволодов заявил, что запасы тротила «некуда девать». «Никто, — замечает

---

[3] Тетрил (тетранитродиметиланилин) использовался во взрывателях фугасных тротиловых снарядов.

[4] В марте 1915 г. Самарскому заводу были выделены средства из военного фонда на увеличение производства тетрила с 2 до 6 тыс. пудов в год.

[5] РГВИА. Ф. 962. О. 2. Д. 128. Л. 506–518. (Цит. по: ВПР. С. 761–762).

[6] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303–324. (Цит. по: ВПР. С. 641).

Кузьмин-Караваев, — из этих сведущих артиллеристов не подозревал, что в современных боях появятся бомбометы, минометы и будет предъявлено требование на ручные гранаты по миллиону в месяц»[7].

Информацию Д.Д. Кузьмина-Караваева дополняют показания помощника начальника 2-го хозяйственного отдела ГАУ генерал-майора И.К. Ястребова (от 14 и 16 ноября 1916 г.): «Потребности армии во взрывчатых веществах в мирное время были следующие: на практическую стрельбу — на что требовалось до 5 тыс. пудов взрывчатых веществ в год, и на образование комплектов по новым формированиям. Эта общая потребность мирного времени могла удовлетворяться лишь при помощи заказов тротила Шлиссельбургскому частному заводу.

Исходное вещество для получения тротила — толуол — изготовлялось в России средствами частной промышленности, и притом в незначительном количестве, всего до 3 тыс. пудов в месяц, что было достаточно лишь для изготовления тротила, требовавшегося на практику мирного времени (5 тыс. пудов в год) и частью для образования боевых комплектов.

Все остальное количество толуола, потребное для производства тротила, привозилось исключительно из Германии. Мне неизвестно, почему в мирное время военное ведомство не предприняло мер к тому, чтобы обеспечить казенные заводы взрывчатых веществ и Шлиссельбургский — толуолом, исключительно приготовляемым в России, и притом в количестве, вполне удовлетворяющем в нем потребность.

Запасов взрывчатых веществ, а равно и сырых продуктов для них для надобностей военного времени военным ведомством установлено не было. Хозяйственные же запасы имелись перед началом настоящей войны, но были сравнительно незначительны. Мне представлена сейчас надлежаще заверенная копия сведений ГАУ о ручных гранатах и взрывателях..., в коей указаны упомянутые запасы к началу войны, а именно: тротила — 8 280 пудов, тетрила 75 пудов, толуола — 17 435 пудов и диметиланилина — 31 пуд. Сведения эти я подтверждаю.

Потребности армии во взрывчатых веществах во время настоящей войны выразилось в следующем. За первые шесть месяцев войны, т.е. приблизительно по конец января 1915 г., для снаряжения всех фугасных снарядов потребовалось до 350 тыс. пудов взрывчатых веществ, т.е. до 60 тыс. пудов в месяц»[8].

---

[7] Там же. (Цит. по: ВПР. С. 641).

[8] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 54. Л. 270–275об. (Цит. по: ВПР. С. 614–615).

Отвечая на вопрос следователя, имелись ли в ГАУ планы расширения деятельности казенных заводов взрывчатых веществ на случай войны и хотя бы предположительное исчисление потребностей армии в этих веществах во время войны, генерал Ястребов заметил, что таких планов «не было и не могло быть», поскольку ГАУ исходило из того, что «годовое количество взрывчатых веществ, вырабатывавшихся заводами в мирное время, должно удовлетворить потребность армии в них в тот же срок во время войны»[9]. На деле же месячная потребность армии во взрывчатых веществах намного превышала годовую потребность в них в мирное время.

Однако, в своих показаниях И.К. Ястребов был не вполне точен. Что касалось «исчислений потребностей армии», хотя бы и «предположительных», то это, действительно, была далеко не самая сильная сторона деятельности ГАУ в предвоенные годы. Но вместе с тем, нельзя сказать, что ГАУ вообще ничего не предпринимало в данном направлении. Так, по показаниям Д.Д. Кузьмина-Караваева (подтверждаемых документально), в 1913 г., «по получении сведений о предстоящем усилении полевой и тяжелой артиллерии, ГАУ было разрешено приступить к усилению Сергиевского [Самарского] завода и к разработке проекта третьего завода взрывчатых веществ»[10].

Однако Охтенский завод взрывчатых веществ, производительность которого по тротилу в 2–5 раз уступала Самарскому, после мощного взрыва 16 апреля 1915 г., разрушившего больше половины зданий тротилового производства, вообще прекратил выпуск тротила[11].

Что же касается идеи строительства нового завода взрывчатых веществ, то до начала войны дело ограничилось лишь ее обсуждением и только 1 декабря 1914 г. ГАУ секретным предписанием (№ 4793) поручило начальнику Самарского завода составить проект, который 5 января 1915 г. был представлен в Артиллерийское ведомство. После внесения в него некоторых изменений ГАУ 11 марта 1915 г. вошло с соответствующим представлением в Военный совет. Стоимость постройки нового завода оценивалась в 9 582 тыс. руб. плюс 500 тыс. руб. на покупку земельного участка[12].

---

[9] Там же. (Цит. по: ВПР. С. 615) Об истоках подобных предположений я упоминал выше.

[10] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303–324. (Цит. по: ВПР. С. 641).

[11] После восстановительных работ в течение лета 1915 г. вместо тротила на Охтенском заводе стали производить тринитроксилол.

[12] РГВИА.Ф. 369. Оп. 1. Д. 299. Л. 55–56. (Цит. по: ВПР. С. 611).

Но, в целом, следует признать, что ни ГАУ, ни правительство не приняли накануне войны всех необходимых мер по обеспечению армии взрывчатыми веществами и созданию отечественного производства соединений, требующихся для их изготовления (бензола, толуола, азотной и серной кислот и др.) Поэтому всё приходилось делать в экстремальной ситуации военного времени.

Были размещены заказы на взрывчатые вещества (в первую очередь на тротил) и вещества для их производства (толуол) за границей. Так, согласно контрактам августа–сентября 1914 г. из Англии предполагалось получить 46 тыс. пудов толуола и 37 218 пудов тротила, осенью 1914 г. 125 тыс. пудов тротила было заказано в США в фирме Барковского и т. д. Всего ГАУ в начале войны заказало за рубежом 2 749 870 пудов взрывчатых веществ. Но из этого количества в Россию в период с августа 1914 г. по 1 декабря 1915 г. было поставлено только 722 585 пудов, включая 64 118 пудов тротила, 367 575 пудов аммонала, 262 719 пудов аммиачной селитры. Причина недопоставок и срыва договоренностей — нехватка указанных материалов для собственных нужд (как это имело место в случае Англии) или невозможность развернуть производство в необходимых масштабах за короткое время (такова была ситуация в США).

Что касается исходных материалов для изготовления взрывчатых веществ (толуола, бензола, фенола и т. д.), то по заграничным заказам Россия получила за первые 15 месяцев войны только 152 209 пудов.

Здесь обращает на себя внимание еще одна особенность функционирования госаппарата империи — непредусмотрительность. Как вспоминал начальник ГАУ генерал Д.Д. Кузьмин-Караваев, только «из письма начальника Генерального штаба от 21 июля 1914 г. я впервые узнал, что требуется приступить к незамедлительному изготовлению боевых припасов сверх установленных на время войны норм снабжения»[13]. Почему-то для военных чинов стало неожиданностью, что «в современных боях появятся бомбометы и минометы», что к заводу необходимо тянуть железнодорожную ветку, а «необходимость раздробления опасных производств» была принята во внимание («выяснена») только после взрыва на Охтенском заводе, не говоря уж о ситуации, сложившейся с обеспечением производства взрывчатых веществ отечественными исходными материалами, особенно бензолом, толуолом и азотной кислотой, на чем я остановлюсь детальней далее.

[13] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303–324об. (Цит. по: ВПР. С. 653).

Доказывая Министерству финансов необходимость постройки в Уфе еще одного казенного завода взрывчатых веществ Военное ведомство ссылалось на то, что «не всегда будет столь благоприятная политическая группировка держав, которая могла бы допускать выпуск и морскую перевозку заграничных предметов»[14]. Иными словами, когда России после победы над Германией придется делить добычу с бывшими союзниками, вот тут-то и понадобятся снаряды, пушки, взрывчатые вещества и проч. и проч., причем в достаточных количествах. Ибо одно дело — защищать свою землю (по крайности, на оккупированных территориях можно всегда разжечь «пожар народной войны» и создать оккупантам невыносимые условия существования) и совсем другое — делить с друзьями чужую. Тут оплошать нельзя.

Теперь — о производстве исходного сырья для получения взрывчатых веществ.

Алхимия военно-промышленной статистики

До Первой мировой войны Россия получала бензол из-за границы, главным образом, из Германии и — в меньших количествах — из Великобритании[15]. В предвоенные годы импорт бензола Россией неуклонно увеличивался, благо Германия постоянно наращивала его производство и могла часть полученного продукта реализовывать на внешних рынках. В 1911 г. в Германии было получено 5 млн пуд. сырого бензола (т.е. бензола с примесью, главным образом, толуола и ксилолов), в 1914 г. — свыше 10 млн пуд., а в 1915 г. — 1 600 млн пуд[16].

В российском таможенном тарифе 1906 г. проводилось различие между сырым бензолом и очищенным (90 %) — на первый пошлина составляла всего 30 коп. с пуда, на второй — 1 руб. 50 коп. (при средней стоимости очищенного бензола в Западной Европе около 2 руб. 40 коп. за пуд). Такое различие в таможенном обложении было сделано с целью

---

[14] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5415. Л. 186–187. (*Поликарпов В.В.* Военная промышленность России в начале XX века // ВПР. С. 7–30; С. 22).

[15] Франция в 1911 г. прекратила поставки бензола за границу.

[16] В еще больших количествах бензол производился в США: до войны там вырабатывалось до 1 110 тыс. пуд. сырого продукта в год, в 1916 г. его производство достигло 5 500 тыс. пуд. (*Шахно А.П.* О желательности привлечения наших газовых заводов для служения целям обороны // Вестник прикладной химии и химической технологии, 1916. Т. I. № 4. С. 235–238; С. 235).

«вызвать к жизни и поддержать промышленность очистки и ректификации иностранного сырого бензола, раз не было возможности получать собственное сырье»[17]. Естественно, импорт сырого бензола стал преобладать над импортом очищенного. Кроме того, иностранные фирмы обходили таможенные рогатки, искусственно загрязняя поставляемый продукт (бензол или толуол) небольшой добавкой легко отделимой смолы.

В России бензол начали получать только накануне войны, в последнем квартале 1913 г., и в незначительных количествах. По данным А.П. Шахно, в этом году было произведено 6 949 пуд. неочищенного бензола,[18] а по другим, более достоверным источникам — и того меньше: 2 363 пуд[19]. Согласно цитированным выше показаниям генерала И.К. Ястребова, толуола в России изготовлялось (средствами частной промышленности) до 3 тыс. пудов в месяц[20], а все остальное количество толуола — около 50 000 пудов — привозилось почти исключительно из Германии.

На следующем допросе И.К. Ястребов дополнил свои показания: «...с 1912 г. и до войны толуол, необходимый для изготовления тротила на казенных заводах — Охтенском и Самарском, заказывался этими заводами по контракту русским фирмам — Тентелевскому химическому заводу в Петрограде и бензоло-анилиновому в г. Кинешме, причем в контракты включалось условие, что к поставке толуол допускается только русского производства»[21]. Однако, далее, генерал Ястребов вы-

---

[17] *Фокин Л.Ф.* Обзор химической промышленности в России. В 2-х частях. Ч. II. Вып. 1. Пг., 1922. С. 53.

[18] *Шахно А.П.* О положении бензольного дела в России в 1915 г. // Вестник прикладной химии и химической технологии, 1916. Т. I. № 2. С. 92–95; С. 92.

[19] РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Л. 13–14; *Похитонов В.И.* Современное состояние русской химической промышленности // Журн. Русского физико-химического общества, 1914. Т. 46. Вып. 7. С. 201–209; С. 204. Впрочем, согласно И.П. Шимкову, «в Донецком районе в 1906 г. было добыто сырого бензола около 100 тыс. пуд., а в 1913 г. добыча его упала до 8 000 пуд.» (*Шимков И.П.* Таможенные тарифы и химическая промышленность в России // Вестник прикладной химии и химической технологии, 1916. Т. I. № 9/10. С. 521).

[20] Иными словами, частные заводы России получали в год около 36 000 пудов толуола. Учитывая, что из одного пуда толуола получается примерно 1,8 пуда тротила, можно сказать, что из толуола, полученного в России, накануне войны вырабатывалось около 65 000 пудов тротила в год. — *И. Д.*

[21] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 54. Л. 270–275об. (Цит. по: ВПР. С. 617).

сказал вполне правдоподобное предположение — хотя заводы взрывчатых веществ получали толуол от российского химического завода (Тентелевского), последний, тем не менее, закупал его «большею частью из-за границы, и, надо полагать, из Германии»[22]. Впрочем, генерал оговаривал, что импортный толуол мог поставляться лишь частному Шлиссельбургскому заводу, тогда как «количество... толуола, поставляемого по контрактам вышеназванными фирмами на казенные заводы, могло быть русского происхождения, судя по количеству сырого бензола, из коего приготовлялся толуол, каковое количество бензола производилось в Донецком бассейне и шло упомянутым фирмам для выработки толуола»[23].

Любопытное признание. Если верить этим показаниям, то, учитывая, что перед войной казенные заводы реально давали: в 1912 г. — 32 тыс. пудов тротила в год, а в 1913 г. — 57 тыс. пудов[24], а также принимая во внимание, что из 100 пудов сырого бензола в зависимости от его сорта, получалось от 13 до 76 пудов толуола, — уже в 1912 г. в Донецком районе должно было быть получено как минимум 25–30 тыс. пудов сырого бензола (в предположении, что весь этот бензол содержал максимальное (72–76 %) количество толуола)[25]. Откуда бензольчик-то, если

---

[22] Эти показания дополняются рассказом В.Н. Ипатьева: «... При заготовлении для военного ведомства взрывчатого вещества тротила был дан заказ одному частному заводу, где было указано, что тротил должен быть заготовлен из толуола отечественного происхождения. Правление завода, соглашаясь взять заказ, сообщило, что толуол оно будет брать с завода Рихарда Мейера в Ревеле; военное ведомство было, видимо, уверено в том, что в Ревеле получается надлежащих качеств толуол, исходя из русского сырья, на самом же деле завод Рихарда Мейера только фракционировал толуол из сырого бензола, привозимого из Германии» (*Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Часть I (Составлена акад. В.Н. Ипатьевым). Пг., 1921. С. 5).

[23] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 54. Л. 270–275об. (Цит. по: ВПР. С. 617).

[24] Согласно «Своду сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 506–518). (Цит. по: ВПР. С. 761).

[25] Допустим, что из 100 пудов сырого бензола получается 70 пудов толуола, из коих, в свою очередь, можно получить 70x1,8 = 126 пудов тротила. Следовательно, для получения 32 000 пудов тротила потребуется около 25–30 тыс. пудов «высокотолуольного» сырого бензола, и чем меньше в нем толуола, тем больше его требуется. Поскольку «до войны единственным источником толуола, пригодным для изготовления тринитротолуола, считался сырой

по сведениям специальной комиссии ГАУ, командированной в Донбасс в июле–августе 1914 г. (о чем см. далее), в 1912 г. сырого бензола в России не было произведено ни пуда, а в 1913 г. — всего 2 363 пуда или около того?

Значит, либо бензол и для казенных заводов был в действительности импортным, но каким-то образом числился как отечественный (предположение вполне резонное, ибо, по признанию генерала Ястребова, «наблюдения со стороны военного ведомства за тем, чтобы толуол ... изготовлялся в России, не существовало»[26]), либо что-то не так с учетом и статистикой, и на самом деле ситуация с бензолом и толуолом была не так плоха, как казалась. Без дополнительных архивных изысканий сказать что-либо определенное пока нельзя, но, скорее всего, имела место имитация импорта под отечественную продукцию, что, кроме всего прочего, создавало у военных властей видимость, если не относительного благополучия с наличием сырья для производства тротила, то, по крайней мере, наличия соответствия между количеством сырья и нормами снабжения армии взрывчатыми веществами[27].

Напомню, что на допросе у следователя генерал Кузьмин-Караваев заявил: «два казенных завода могли выработать в год 75 тыс. пудов тротила, изготовление коего могло быть обеспечено толуолом

50-процентный бензол (содержащий 40–50% толуола)» (*Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... . С. 62), то для получение указанного выше количества тротила необходимо около 40 тыс. пудов 50%-го сырого бензола, а для выработки 57 000 пудов тротила требуется не менее 70 тыс. пудов сырого бензола.

[26] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 54. Л. 270–275об. (Цит. по: ВПР. С. 617).

[27] Ситуация отчасти проясняется цитированной выше заметкой И.П. Шимкова: «Стоимость железнодорожного фрахта из Донецкого района до тех же (т.е. Балтийских. — *И. Д.*) портов на сырой бензол — 53 коп. за пуд, ...а стоимость морского фрахта от Гамбурга до Ревеля — 16 коп. за пуд... Это повлекло за собой следующее: в Ревеле и в Петрограде открылись бензольно-перегоночные заводы, которые разгоняли германский 50 % бензол на отдельные фракции. Германский бензол в Петрограде в 1913 г. обходился в 1 руб. 60 коп. — 1 руб. 80 коп. за пуд. Из него выделяли 25 % толуола, который поставляли Артиллерийскому ведомству (т.е. ГАУ. — *И. Д.*) по цене от 7 до 9 руб. за пуд, а в остатке получали бензол, который оказывался уже оплаченным за счет толуола. Из этого бензола начали изготовлять анилин и его соли. Таким образом, все производство тринитротолуола (тротила — *И. Д.*) и анилина до войны у нас покоилось на германском бензоле» (*Шимков И.П.* Таможенные тарифы...).

Донецких заводов, поставлявших 40 тыс. пудов»[28]. О каких 40 тыс. пудов толуола идет речь? И Кузьмин-Караваев, и Ястребов ссылаются на тот, уже упоминавшийся выше, факт, что в четвертом квартале 1913 г. в Донбассе было получено около 2,4 тыс. пудов сырого бензола и далее его выработка в целом увеличивалась:

1-е полугодие 1914 г.	3-й квартал 1914 г.	4-й квартал 1914 г.
7,7 тыс. пудов	3,7 тыс. пудов	36,2 тыс. пудов

Это по заведомо неполным данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России[29]. Но и тогда общая цифра по толуолу для довоенного его производства никак не дотягивает до 40 тыс. пудов.

По другим данным, за первые 10 месяцев 1914 г. на трех донецких предприятиях, имевших бензольные заводы было произведено 185 тыс. пудов сырого бензола[30]. Но даже этого количества бензола оказалось недостаточно для обеспечения нужд фронта в тротиле[31].

Впрочем, Кузьмин-Караваев пишет, что «могло быть обеспечено», а не «было обеспечено», а чтобы эта возможность превратилась в действительность, надо было резко увеличить количество бензольных заводов в Донбассе и реконструировать коксовальные печи. В начале же войны там имелось всего 1 082 печи с рекуперацией на 11 заводах, но лишь три установки с 358 печами имели бензольные заводы[32].

Как справедливо заметила Е.В. Трофимова, «тот факт, что до войны отечественное производство взрывчатых веществ работало на привозном сырье, привел к тому, что в начале войны никто в правительстве

---

[28] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303–324об. (Цит. по: ВПР. С. 641).

[29] *С. Б.* Получение побочных продуктов коксования на юге России в 1914 году // Горно-заводское дело. 1915. № 28 (от 15 июля). С. 11436–11438; С. 11436.

[30] РГВИА. Ф. 507. Оп. 2. Д. 115. Л. 1об.–3, 5, 7об.–8, 9об.

[31] Необходимо также иметь в виду, что, как отметил А.П. Шахно, «донецкие спекающиеся угли дают на имеющихся заводах значительно меньше бензола, чем германские и особенно английские.
Содержание бензола 1 куб. литра газа:
Заграничных каменных углей обыкновенно..... 25–28 грамм
Донецких ..... около 18»
(*Шахно А.П.* О положении бензольного дела в России в 1915 г. С. 94). Зато серы в донецких углях было 1,5–3 раза больше, чем в германских и английских.

[32] *С. Б.* Указ. соч. С. 11436.

и военном ведомстве толком не знал, каковы были возможности отечественной коксобензольной промышленности в начале войны, чего и сколько она производила, каковы перспективы увеличения ее производства.., могла ли она обеспечить производство взрывчатых веществ необходимым количеством толуола»[33].

Более того, по словам В.Н. Ипатьева, в России до начала войны, «несмотря на существование особого Министерства торговли и промышленности, не было такого органа, который направлял бы развитие различных отраслей промышленности сообразно нарастающим потребностям страны... В особенности в Министерстве торговли и промышленности были скудны сведения относительно нашей химической промышленности, которая, впрочем, была к тому времени в самой начальной стадии своего развития»[34]. Не было ни надлежащей статистики производства, ни «плана по созданию... таких заводов и фабрик, которые должны были быть построены у нас», зато «было слишком формальное отношение к делу», «отсутствовала... живая творческая работа», «развитие того или другого производства шло независимо от общих государственных задач, большею частью случайно»[35].

Поэтому с началом войны, когда поставки бензола и толуола из Германии прекратились, а взрывчатых веществ армии требовалось все больше, пришлось принимать экстренные меры.

Бензольный аврал

В конце июля 1914 г., т.е. сразу после того, как генерал Кузьмин-Караваев узнал страшную тайну Генштаба, что воевать, собственно, нечем, ГАУ направило в Донецкий бассейн специальную комиссию в составе из двух человек: профессора химии, генерал-майора А.В. Сапожникова и делопроизводителя Артиллерийского комитета при ГАУ капитана М.М. Костевича. Им было поручено выяснить, есть ли в Донбассе запасы сырого бензола и предложить меры для налаживания в короткие сроки производства бензола и толуола. Почему комиссию направили именно в Донбасс? Наиболее распространенным способом получения ароматических углеводородов было коксование каменного

---

[33] *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 51.

[34] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении...Ч. I. (Составлена акад. В.Н. Ипатьевым). С. 3–4.

[35] Там же. С. 4.

угля, в процессе которого выделялись газы, содержащие бензол и его гомологи, а также аммиак и другие вещества. Донецкие угли были коксующимися (в отличие от углей московского бассейна)[36], да, и донецкий регион развивался в начале XX в. довольно интенсивно.

Выбор же председателя комиссии диктовался тем обстоятельством, что Алексей Васильевич Сапожников (1868–1935), во-первых, имел военное образование и высокое воинское звание (в 1893 г. он окончил Михайловскую артиллерийскую академию, где впоследствии и служил в качестве ординарного профессора)[37], а во-вторых, он был известным специалистом по взрывчатым веществам (в 1899 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Исследование пироксилина и пироксилиновых бензольных порохов»). Возможно, сыграло роль и то обстоятельство, что в 1896–1899 гг. Сапожников преподавал химию великим князьям Андрею Владимировичу и Михаилу Александровичу.

Приехав в Харьков, Сапожников связался с Советом Съезда горнопромышленников юга России, который обратился с соответствующими телеграфными запросами к администрации заводов и рудников. Выяснилось, что только три завода получают сырой бензол из коксующегося угля: Щербиновский, Государево-Байракский и Петровский завод в Енакиево. По словам представителя бельгийской фирмы «Э. Коппе», «... все производство сырого бензола, кроме Щербиновки, находится в настоящее время в наших руках, и мы давно бы построили все рекуператоры, а если этого не сделали, то потому только, что никакого спроса на бензол никогда не было, исключая Товарищество Русского бензоло-анилинового завода в Кинешме и Акционерное общество Рихарда Мейера в Ревеле, ... и Товарищество Тентелевского химического завода в Петербурге, требующий 50 % бензол в самое последнее время»[38].

Итак, первая причина слабого развития коксобензольной промышленности в России — отсутствие широкого спроса на бензол и его гомологи. Действительно, производство бензола в мирное время было

---

[36] Залежи коксующихся углей находились также на Урале и на Алтае, но организовать там в короткие сроки производство бензола и его транспортировку было практически невозможно.

[37] Кроме того, он был экстраординарным профессором Института инженеров путей сообщения.

[38] Цит. по: *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 52.

ориентировано на нужды в первую очередь российской анилиновой промышленности, связанной к тому же с германской сложными договорными отношениями и практически не нуждавшейся в отечественном бензоле[39].

Вторая причина слаборазвитости бензольного производства в России была связана с тем, что «все договоры иностранных строительных фирм с владельцами рудников на устройство коксовых печей одновременно оговаривали за этими фирмами исключительное право на постройку при печах бензольных заводов»[40], что ставило всю российскую коксобензольную промышленность, дававшую всего 3 % от требуемого количества бензола, в полную зависимость от иностранных (в первую очередь, германских) фирм.

И, наконец, третья причина, сдерживавшая развитие российской коксобензольной промышленности, состояла в том, что 1880-х – начале 1890-х гг. многие отечественные технологи ошибочно полагали, что печи с утилизацией летучих продуктов давали кокс худшего качества, чем обычные, открытие печи[41]. И предрассудок этот держался довольно долго.

В итоге, как заметил Л.Ф. Фокин, «простое, казалось бы, улавливание продуктов коксования каменного угля вошло в практику не только наших, но и западноевропейских заводов сравнительно недавно и даже до последнего времени не приобрело универсального значения. <…>. Конструкция коксовых печей с улавливанием аммиака и тяжелых смол начала вводиться в практику лишь в 80-х годах [XIX в.]… , а улавливание бензола и других легких ароматических углеводородов стало на прочную ногу лишь в первые годы нынешнего столетия. Так обстояло дело в Западной Европе, а у нас постройка печей с улавливанием приняла широкие размеры во втором десятилетии текущего века»[42].

По данным статистики, в США в начале 1914 г. из 102 650 печей только 5 021 печь была приспособлена для улавливания продуктов

---

[39] Кроме того, по российскому таможенному тарифу 1906 г. пошлина на импортируемый анилин возросла в четыре раза и потому иностранные фирмы стали производить его в России (*Фокин Л.Ф.* Обзор химической промышленности…Ч. II. Вып. 2. Пг., 1922. С. 9, 69).

[40] *Урибес Э.* Коксобензольная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 46–72; С. 49.

[41] *Крупский А.К.* (просмотрено Д.И. Менделеевым). Кокс // Энциклопедический словарь: В 41 т. (82 кн.). / Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1890–1904. Т. 15 (кн. 30). СПб., 1895. С. 632–647; С. 642.

[42] *Фокин Л.Ф.* Обзор химической промышленности… С. 8.

коксования[43], в Великобритании тогда же на 9 210 простых печей приходилось 7 765 рекуперативных, в России на начало 1915 г. из 5 754 печей 1 013 могли проводить рекуперацию[44].

Выяснив, что запасы 50 %-го сырого бензола в Донбассе составляют всего 3 500 пудов, а толуола около 1 500 пудов (плюс 1 620 пудов толуола неизвестного происхождения) и что регулярное производство сырого бензола, начиная с августа 1914 г., составляло 2 850 пудов в месяц (и из них можно получить 1 300 пудов толуола), комиссия Сапожникова ограничилась общими констатациями того, что в силу ограниченности производства бензола и толуола расширить это производство в сжатые сроки не представляется возможным. Поэтому в ГАУ, ознакомившись с выводами комиссии, решили пойти по пути закупок нужного сырья за границей. С этой целью Сапожников был послан в США, а Костевич — в Англию для закупок бензола и толуола. Зачем было посылать капитана Костевича в туманный Альбион, если уже было доподлинно известно, что экспорт ароматических углеводородов оттуда запрещен (даже по ранее заключенным договорам) — непонятно[45].

Диспропорция между производством взрывчатых веществ и исходных материалов для их получения и потребностями фронта ставила Российскую империю в неравное положение не только перед противником, но и в зависимое положение от союзников, которые по окончании войны могли стать противниками. Да к тому же, европейские союзники России сами нуждались во взрывчатых веществах. Что же касается США, то там бензольная промышленность только начала набирать обороты (не в последнюю очередь за счет европейских, в том числе и российских заказов) и не могла полностью удовлетворить внешний спрос.

---

[43] Правда, из указанного числа печей работало только 44 450 обычных и 667 с рекуперацией. В 1915 г. в США имелось 93 946 печей с рекуперацией, причем, как правило, немецкой или бельгийской конструкции.

[44] *Шахно А.П.* О желательности привлечения наших газовых заводов... С. 235. По другим данным к началу войны в Донбассе имелось 5 989 печей, из них 1 082 (18 %) с рекуперацией (РГВИА. Ф. 507. Оп. 2. Д. 115. Л. 1–1об.).

[45] В Англии в это время шли интенсивные поиски способов получения взрывчатых веществ, не требующих для своего производства сырья, отсутствующего на территории Великобритании. Наиболее важные результаты были получены Х. Вейцманом, будущим первым президентом Израиля, а тогда преподавателем Манчестерского университета.

По поводу результатов работы комиссии Сапожникова В.Н. Ипатьев писал: «Надо только удивляться, насколько поверхностно они отнеслись к возложенной на них задаче, и причина крылась, конечно, в том, что они были мало знакомы с технологией коксования»[46].

Действительно, А.В. Сапожников, человек весьма эрудированный и компетентный в химических и химико-технологических вопросах, не имел, однако, достаточно опыта в решении технико-экономических и юридических задач в сфере химического производства. Но дело, на мой взгляд, не только в этом. Сказалось, разумеется, различие в организаторском напоре Сапожникова и Ипатьева, возглавившего вторую донбасскую комиссию (о чем речь пойдет далее). Кроме того, Ипатьева накануне войны неоднократно приглашали в качестве консультанта многие заводы и промышленные компании, в том числе нефтяная фирма братьев Нобель, фирма «Дюпон» и другие, а по своему служебному положению он должен был заниматься вопросами организации химических производств[47].

Но было еще одно обстоятельство, на которое указал в своих показаниях генерал Кузьмин-Караваев: «Для обследования Донецкого бассейна в августе 1914 г. были командированы генерал Сапожников и капитан Костевич. Собранные ими сведения указали, что частная промышленность без значительного субсидирования от правительства не даст увеличения выхода сырых материалов (и кроме того, комиссия сочла, что для налаживания производства бензола и толуола в Донбассе потребуется около полутора лет. — *И. Д.*). Тогда Главным артиллерийским управлением было испрошено образование полномочной комиссии профессора генерала Ипатьева с правом широкого расходования денег, и затратой 3,5 млн руб. ему удалось прочно установить частную промышленность и приступить к постройке двух казенных заводов»[48]. Итак, с одной стороны комиссия из двух человек «для обследования» Донбасса, а с другой, — «полномочная комиссия с правом широкого расходования денег». Почувствуйте разницу. И разница эта была обусловлена положением на фронте и в тылу в конце 1914 г.: разгром русских войск в Восточной Пруссии (потери составили 245 тыс. чел., в том числе пленными 135 тыс. чел.), большие потери в Галицийской операции и т. д.

---

[46] *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1. Нью Йорк, 1945. С. 438.

[47] РГВИА. Ф. 310. Оп. 1. Д. 6232. Л. 6–8.

[48] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303–324об. (Цит. по: ВПР. С. 652).

На формирование этой второй комиссии в Донбасс, которую поручили сформировать и возглавить профессору органической химии Михайловской артиллерийской академии, генерал-майору В.Н. Ипатьеву, ушло более месяца. «Немало надо было обойти подводных камней, — вспоминал Владимир Николаевич, — чтобы добиться вхождения в её состав тех людей, которые были необходимы»[49]. В итоге, во вторую комиссию вошли в качестве членов: капитан О.Г. Филиппов — помощник заведующего отделом Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства; инженер-технолог В.Ю. Шуман — представитель Министерства торговли и промышленности, правительственный инспектор на заводе взрывчатых веществ и инженер-технолог Л.Ф. Фокин — преподаватель Технологического института Императора Николая I.

Комиссия выехала в Донбасс 17 ноября 1914 г. Перед ней стояла задача разработать меры по «наискорейшей установке максимальной добычи бензола и толуола для нужд военного ведомства»[50]. Работа этой комиссии и последующие мероприятия по созданию отечественного коксобензольного производства уже были предметом детального рассмотрения в цитированной выше мемуарной и историко-научной литературе. Поэтому далее я остановлюсь лишь на наиболее существенных аспектах указанной деятельности.

Комиссия обследовала коксовые заводы Донбасса в течение месяца. Результаты были доложены В.Н. Ипатьевым 19 декабря 1914 г. в Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства в присутствии генерал-инженера А.П. Вернандера (помощника военного министра), генерала от артиллерии Д.Д. Кузьмина-Караваева, генерал-лейтенанта А.С. Лукомского (начальника канцелярии Военного министерства), генерал-майора Е.К. Смысловского (начальника Хозяйственного отдела ГАУ), начальников главных управлений и других заинтересованных лиц.

Прежде всего, Комиссия, посетившая 11 из 12 имевших рекуперационное оборудование донецких коксовых заводов, собрала и систематизировала обширную технико-экономическую и юридическую информацию. Все коксовые заводы Донбасса были разделены Ипатьевым на три группы:

— группа I: заводы с полной рекуперацией (всего 358 печей общей производительностью 185 тыс. пудов сырого бензола в год и 2 905 пудов толуола ежемесячно);

---

[49] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 14.

[50] РГВИА. Ф. 507. Оп. 2. Д. 115. Л. 1.

— группа II: заводы с неполной рекуперацией, т.е. с утилизацией только образующихся при коксовании смолы и аммиака — подразделялась в свою очередь на две совокупности:

— группа II А: крупные коксовые предприятия, не имевшие бензольных заводов, но способные после реконструкции давать свыше 100 тыс. пудов сырого бензола в год каждое (что отвечает выработке около 25 тыс. пудов толуола в год);

— группа II Б: средние предприятия, также не добывавшие бензол, но после реконструкции способные вырабатывать каждое от 25 до 35 тыс. пудов сырого бензола в год (около 5 тыс. пудов толуола);

— группа III: заводы без рекуперации, которые составляли большинство (около 5 000 печей).

Опираясь на полученные данные, Комиссия предложила использовать дифференцированный подход к каждой группе заводов. Так, для предприятий первой группы предлагалось ввести строгий надзор со стороны ГАУ за непрерывностью работ, а также тщательный учет производимой продукции, т.е. Ипатьев, фактически, предложил взять под контроль военных гражданские предприятия, в том числе и принадлежавшие иностранцам. Другого выхода не было, потому как от Министерства торговли и промышленности, как уже было сказано, никакой помощи — даже просто какой-либо достоверной информации — получить было невозможно. Как писал А.А. Маниковский, «главным довольствующим управлением Военного ведомства пришлось на своих плечах вынести всю тяжесть создавшегося положения»[51].

Кроме того, Комиссия предложила внести некоторые изменения в технологический процесс, а также поручить В.Ю. Шуману провести лабораторные опыты по нитрованию ксилолов, т.е. расширить перечень сырья для производства взрывчатых веществ[52], и использовать нитрование ксилолов на Шлиссельбургском пороховом заводе. Наконец, предлагалось разработать промышленный способ превращения бензола в фенол (через хлорбензол), из которого затем получали пикриновую кислоту[53].

---

[51] *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну: 1914–1918. В 3-х частях. Ч. I. М., 1920. С. 394.

[52] Ксилолы оставались в заметных количествах в сольвенте после перегонки сырого бензола.

[53] Пикриновая кислота (2,4,6 — тринитрофенол) была получена впервые, возможно, в 1771 г. и поначалу использовалась как желтый краситель для шелко-

Что касается заводов с неполной рекуперацией, которые добывали в качестве побочных продуктов только смолу и аммиак, то в отношении них меры были очевидны: установить на всех печах простейшее рекуперационное оборудование по улавливанию только сырого бензола.

Но мало было уловить бензол, из него разгонкой необходимо было получить чистые бензол, толуол и ксилолы. Комиссия сочла технически и экономически нецелесообразным строить при каждом, даже крупном предприятии второй группы свой ректификационный завод, гораздо эффективней было построить один такой завод, но большой мощности, который располагался бы в центре коксопроизводящего района и давал продукцию необходимой по техническим условиям степени чистоты. При этом экономились бы не только деньги, но и время, в частности, на изготовление и отладку аппаратуры. Наиболее подходящим местом для строительства такого завода Комиссия сочла Макеевку, т.к. там уже имелись и источники энергии и расположенные неподалеку металлургическое и машиностроительное производства. Затраты на строительство ректификационного завода и переоборудование печей Комиссия оценила в 1 млн рублей. В случае реализации предложений Комиссии реконструированные печи предприятий групп II А и II Б с новым ректификационным заводом и вместе с уже действовавшими бензоловыми заводами могли бы давать в год до 140 тыс. пудов толуола.

Главная мысль доклада Ипатьева — «немедленно приступить к постройке сооружений для улавливания бензола на тех заводах, где это могло быть сделано в течение 5–6 месяцев. Если частные заводы отказались бы это делать, то это должно сделать за счет казны на самом большом коксовом заводе в Кадиевке...»[54], на что потребовалось бы около полумиллиона рублей и 6–7 месяцев.

Но высокопоставленные слушатели Ипатьева не торопились с решением. Совещание «не нашло возможным, — возмущался Владимир Николаевич, — тут же решить, хотя бы в принципе, приступить немедленно к постройке хотя бы только одного бензолового завода в Кадиевке»[55], который один мог бы дать 180–200 тыс. пудов сырого бензола в год.

вых и шерстяных тканей. С конца XIX в. ее стали применять как взрывчатое вещество. Соединение это известно под разными названиями: шимоза — в Японии, мелинит (от греч. melinos — желтый) — во Франции (и этот же термин чаще всего использовался в России), лиддит — в Англии.

[54] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 15.

[55] Там же.

А.П. Вернандер, выслушав доклад Ипатьева, спросил его: «Чем Вы, генерал, можете гарантировать осуществление этой постройки в течение столь краткого времени? На что докладчик ответил: «Я не капиталист, Ваше Превосходительство, и гарантировать его денежной неустойкой не могу. Единственное, что я могу предложить в залог, это — мою голову»[56].

В конце концов, совещание согласилось образовать при ГАУ специальную комиссию для решения вопроса о производстве бензола и толуола в Донбассе, а также выработать инструкцию, определяющую деятельность этой комиссии. На переписку по поводу прав и обязанностей комиссии ушло почти полтора месяца — военные власти опасались, как бы не дать ей «лишних» полномочий. В результате комиссия получила лишь консультативно-совещательный статус при ГАУ.[57] Официально ее утвердили 6 февраля 1915 г. с названием Комиссия по заготовке взрывчатых веществ[58].

Почему же решение столь очевидно важного и неотложного вопроса так затягивалось? Чего ждали? По свидетельству Ипатьева — скорого окончания войны[59], когда снова можно будет покупать за рубежом все необходимое для армии и гражданской жизни. Странная позиция, учитывая, что ситуация на фронтах в конце 1914 г. наводить на подобные ожидания никак не могла.

Поэтому Ипатьев, хорошо знакомый с неразворотливостью госаппарата империи и менталитетом основной массы российского генералитета, организовал, как сейчас бы сказали, неформальную группу, названную ее участниками Комиссией по бензолу, в которую кроме него самого вошли Л.Ф. Фокин, В.Ю. Шуман и О.Г. Филиппов. Видимо, идея созрела еще во время поездки в Донбасс, и там же , возможно, состоялись первые заседания. Комиссия по бензолу наметила программу строительства бензольных заводов и начала действовать «на свой страх и риск»[60].

---

[56] *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика... Т. I. С. 439.

[57] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 16.

[58] Председателем был утвержден В.Н. Ипатьев, делопроизводителем — Л.Ф. Фокин, членами — В.Ю. Шуман, О.Г. Филиппов, проф. А.А. Солонина, начальник Научно-технической лаборатории Морского министерства С.П. Вуколов и представители других заинтересованных ведомств. Собирались еженедельно на квартире Ипатьева. Средства Комиссии, как и ее права, были ничтожны — 2–3 тыс. руб. на канцелярские расходы и наем переписчиков.

[59] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 16.

[60] Там же.

Ипатьев и его помощники, будучи в Донбассе, начали переговоры с владельцами коксовых заводов на предмет создания коксобензольного производства. Дело шло туго. Основных препятствий было два. Первое — юридическое. Владельцы металлургических заводов и рудников сами строительством коксовых печей и предприятий по улавливанию побочных продуктов коксования не занимались. Это делали приглашенные иностранные фирмы, главным образом, немецкие. Договора же этих фирм с владельцами рудников (заводов) на устройство коксовых печей оговаривали исключительное право строительной фирмы на постройку при печах бензольных заводов. Но это полбеды. Беда для российской военной промышленности была в том, что иностранные концессионеры бензольных заводов, как правило, не строили. «Весьма сложные юридические отношения, — вспоминал впоследствии Ипатьев, — существовавшие между владельцами рудников, владельцами коксовых печей и строителями и временными владельцами сооружений для улавливания побочных продуктов коксования, большая часть которых была создана иностранными фирмами, в том числе и германскими, представляли для нас большие затруднения»[61]. Фирмы «не решались нарушить права германских концессионеров, которые могли бы возбудить иск о нарушении их интересов»[62], и военным, когда они вмешивались в дела частных фирм, приходилось считаться с этим обстоятельством.

Иностранные же компании старались, в первую очередь, блюсти свои интересы. И в этом коренится второе — экономическое — препятствие, с которым столкнулась комиссия Ипатьева. «Нам пришлось убедиться, — писал Владимир Николаевич, — что немецкая фирма Копперс, которая до войны сооружала у нас коксовые печи, не старалась на всех заводах, где имелись богатые коксовальные угли, строить рекуперационные заводы для добывания бензола и толуола. ... Фирмы сознательно оберегали интересы Германии, которая поставляла бензол и толуол для нашей промышленности взрывчатых веществ и красок...»[63].

Но дело не только в позиции и интересах германских фирм. Предприниматели, «не будучи уверены в возможности развития в России тех отраслей химической промышленности, которые могут явиться потребителями бензола, толуола, нафталина и других ароматических

---

[61] Там же. С. 17.

[62] Там же.

[63] *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика... Т. I. С. 437–438.

углеводородов»[64], не спешили реконструировать свои предприятия, опасаясь перепроизводства своих продуктов. К этому следует добавить и опасения относительно перепроизводства кокса (Германия во время войны столкнулась с этой проблемой). По расчетам инженера А.П. Шахно, предельное количество рекуперационных печей составляло примерно 3 200, «дальнейшее увеличение числа печей неминуемо вызвало бы перепроизводство кокса, который было бы крайне трудно использовать в нашей слаборазвитой промышленности»[65].

Получался замкнутый круг, своего рода бензольное кольцо, в котором оказалась российская химическая промышленность — производство красителей, медикаментов и взрывчатых веществ работало на импортном сырье (бензоле, толуоле и т. д.), потому что не было своего, тогда как производители сырья — реальные и потенциальные — не могли развивать свое производство, поскольку не было сбыта для их продукции. Разорвать эту цепочку могли только экстраординарные действия. В России они возможны только когда страна оказывается в экстраординарной ситуации, на грани национальной катастрофы. Во время войны как раз и сложились такие условия, когда государству для военных нужд срочно потребовались ароматические углеводороды, причем в громадных количествах и в ситуации невозможности использования внешних источников их приобретения.

Поскольку владельцы коксовых печей отказывались устанавливать оборудование для улавливания ароматических углеводородов, оставался единственный выход (не считая реквизиции) — попытаться «пробить брешь в инертности частных каменноугольных промышленников»[66], т.е. попытаться договориться хотя бы с одной фирмой, пример которой инициировал бы процесс создания бензольных заводов на других предприятиях. И такая возможность ипатьевской комиссии представилась. После долгих переговоров владелец коксового завода, расположенного близ деревни Макеевка (Таганрогского уезда), бельгийский подданный О. Пьетт согласился на предложение военного ведомства[67].

---

[64] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 17.

[65] *Шахно А.П.* О желательности привлечения... С. 236. Даже с учетом того, что основной потребитель кокса — металлургия — не стоит на месте, производство кокса в случае интенсивного развития коксобензольной промышленности неизбежно будет опережать его потребление.

[66] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 17.

[67] Переговоры от имени фирмы вел инженер Пирон.

7 января 1915 г. Ипатьев представил в ГАУ необходимые документы: рапорт, чертежи и смету строительства бензольного и ректификационного заводов при макеевских печах, а также составленный еще во время поездки по Донбассу проект контракта Охтенского завода взрывчатых веществ с фирмой «Оливье Пьет»[68]. Проектом предусматривалось, что фирма построит завод по улавливанию сырого бензола с годовой производительностью не менее 80 тыс. пудов, а также завод для фракционирования и ректификации ароматических углеводородов, который перерабатывал бы не только макеевский, но и поставляемый с других коксовых заводов сырой бензол. Количество привозимого на разгонку в Макеевку сырого бензола оценивалось в 300 тыс. пудов. Разумеется, в контракте оговаривалась обязанность фирмы поставлять Военному ведомству продукты перегонки полученного ею сырого бензола. При этом за переработку одного пуда привезенного на макеевский ректификационный завод сырого бензола казна обязывалась платить по 50 коп. Для сравнения — за ту же операцию частному Тентелевскому химзаводу в Петрограде казна платила по 9 руб. за пуд.

Инициатива Комиссии Ипатьева была поддержана ГАУ и Военным советом. В выписке из журнала Военного совета от 17 января 1915 г. было сказано, что Оливье Пьетту, владельцу макеевского коксового завода, предоставляется право изготовления и поставки 175 тыс. пудов продуктов, из них 125 тыс. пудов толуола в течение 5 лет и 50 тыс. пудов бензола в течение двух лет, считая начало поставки с 1 мая 1915 г.[69], всего на сумму 630 тыс. руб. Ежемесячная поставка должна составить не менее 2 083 пуда того и другого продукта. Цена за пуд толуола и за пуд бензола определялась в 3 руб. 60 коп., что, как было подчеркнуто, ниже цен мирного времени[70]. Впрочем, что касается слов «ниже цен мирного времени», то в них есть некое лукавство: пуд очищенных ароматических углеводородов (бензола и толуола) до войны стоил в Европе — в переводе на рубли по действовавшему курсу — 2 руб. 40 коп., и только потому, что таможенная пошлина на них в России составляла 1 руб. 50 коп., в сумме набегало 3 руб. 90 коп. Не мог донецкий бензол,

---

[68] По практике того времени само Военное министерство не заключало напрямую договоры с частными производителями.

[69] Из-за бюрократической волокиты контракт был окончательно оформлен лишь 21 февраля 1915 г., что, в свою очередь, отодвинуло пуск бензольного завода в Макеевке до июня 1915 г.

[70] *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 67.

вырабатываемый частной фирмой в военное время в условиях колоссального спроса на него, стоить дешевле импортного довоенного.

К сентябрю 1915 г. окончилась постройка ректификационного завода. «Уже с февраля месяца, — писал Ипатьев, — ранее утверждения контракта Военным советом и получения аванса, «Пьет» приступил к работе по постройке завода и повел столь успешно дело, что в конце июля и в начале августа стал сдавать бензол и толуол в казну»[71]. Т.е. когда речь шла о постройке сравнительно небольшого бензольного завода фирма ждала официального утверждения контракта и только после этого начала работы. Иначе обстояло дело в случае ректификационного завода, предприятия крупного, монопольного (по крайней мере в пределах региона) и потому обещающего большую прибыль — тут медлить было нельзя. Это свидетельство, возможно, проливает свет на характер аргументации Ипатьева в переговорах с фирмой.

Однако, кроме заключения договоров с частными производителями, необходимо было незамедлительно начать строительство в Донбассе казенных заводов, что было много труднее. Главные надежды Ипатьев связывал с Кадиевским коксовым заводом, самым крупным в Донбассе, принадлежавшим Южно-Русскому Днепровскому металлургическому обществу, с которым велись «энергичные переговоры» о заключении договора с казной на поставку бензола и толуола. Обществу предлагалось построить только установку для улавливания сырого бензола, фракционировать его планировалось в Макеевке. Переговоры велись в Харькове и в Петрограде. Сначала все шло неплохо. Общество соглашалось потратиться на строительство бензольного производства, но поскольку сам коксовый завод был им арендован у германской фирмы «Копперс», то Военному министерству предлагалось сначала реквизировать германскую собственность, а затем разбираться с претензиями этой фирмы. Общество же в этой истории предпочло бы выступать только в роли подрядчика по постройке и арендатором нового завода. Кроме того, оно было готово за свой счет поставлять на его строительство необходимые материалы и рабочую силу.

Но в начале января 1915 г. Южноднепровское общество вдруг вспомнило, что право использовать все побочные продукты коксования на 10 лет также принадлежат фирме «Копперс». Поэтому оно вынуждено было отказаться от подряда, но готово было безвозмездно уступить казне на три года участок земли под строительство бензоль-

[71] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 17.

ного завода. Когда 8 января 1915 г. Ипатьев доложил об этом на заседании Комиссии по бензолу, после некоторого замешательства, решено было «изыскать способ производства работ по постройке завода и представить соображения к следующему заседанию»[72].

Кадиевские печи могли давать до 200 тыс. пудов сырого бензола в год, поэтому отказываться от строительства именно там нового завода было бы нерационально. Тогда оставался один путь — убедить Военное министерство начать это строительство «хозяйственным способом». Однако юрисконсульты министерства ссылались на права немецкой фирмы на газы коксовых печей. Конечно когда идет война в отношении противника все позволено, но что потом? Ипатьев парировал это возражение, упомянув о «полной неизвестности» того, что ожидает империю после войны.[73] Видимо, его слова надо понимать так — если Германия проиграет войну, то предъявлять ей претензии к России будет, скорее всего, бессмысленно, а если войну проиграет Россия, то тем более. Но как бы то ни было, аргументация Ипатьева помощника юрисконсульта убедила и в феврале 1915 г. Военное министерство утвердило план постройки первого в России казенного бензольного завода и открыло кредит на его строительство в размере 425 тыс. руб. Была также создана специальная Временно-хозяйственная строительная комиссия во главе с Ипатьевым[74]. Строителем завода был приглашен инженер-технолог Петроградского газового завода И.И. Лохонский.

Предполагалось, что постройка завода обойдется казне примерно в 200 тыс. руб. Окончание строительства планировалось на начало октября 1915 г., но дело шло быстро, как выразился директор Кадиевского завода И.А. Крыжановский, «по-американски». В итоге, новое предприятие было открыто 20 августа 1915 г., на полтора месяца раньше срока, и в начале сентября была получена «первая капля бензола»[75].

Однако пока Ипатьев и его помощники боролись за эту «первую каплю» отечественного бензола, произведенного казенным заводом, Комиссия по заготовке взрывчатых веществ получила в феврале 1915 г. от ГУГШ (Главного управления Генерального штаба) новое задание: увеличить производство взрывчатки до 60 тыс. пудов в месяц. Это означало,

---

[72] РГВИА. Ф. 507. Оп. 2. Д. 72. Л. 11.

[73] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 18.

[74] В ее состав вошли также А.А. Солонина, Л.Ф. Фокин и инженер В.М. Орнатский.

[75] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 18.

что производство сырого бензола требовалось довести до 705 тыс. пудов в год, а толуола — до 130 тыс. пудов в год.

По расчетам Комиссии этого можно было добиться лишь при условии переоборудования всех печей на всех 11 коксовых заводах Донбасса. Удастся ли организовать бензольное производство в таких масштабах? В принципе, развитие событий вселяло оптимизм, поскольку строительство кадиевского казенного завода, окупившееся меньше чем через полгода, переломило ситуацию — владельцы коксовых печей убедились в серьезности намерений правительства развивать производство ароматических углеводородов и в военное, и в мирное время[76].

Впрочем, хотя «процесс пошел», но далеко не так гладко, как хотелось бы. В отчетном докладе Центрального военно-промышленного комитета (Химический отдел которого начал работу 8 июля 1915 г.) сказано: «Вопрос усиления добычи сырых материалов для взрывчатых веществ Отделом был поставлен в первую очередь, для чего и были созданы три подкомиссии: коксовальная, нефтяная и кислотная... Коксовальная комиссия выяснила, что для выполнения поставленной задачи необходимо перестроить все имеющиеся в Донецком бассейне простые коксовальные печи на рекуперационные с улавливанием побочных продуктов и снабдить уже имеющиеся рекуперационные печи бензоловыми фабриками.

Этот большой вопрос встретил настолько значительное затруднение в своем проведении в жизнь, что работа Военного ведомства, направленная к тому, чтобы привлечь к перестройке печей представителей углепромышленных предприятий, не встречала никакого отклика.

Военное ведомство не желало идти навстречу промышленности широкой финансовой поддержкой, а представители углепромышленных предприятий считали годичный срок переоборудования крайне недостаточным, высказывая соображения о невозможности получить на рынке нужное количество огнеупорного кирпича и других строительных материалов. Отдел обследовал... этот вопрос... и выяснилась не только возможность выполнения перестройки всех печей юга России на рекуперацию в желательные для Военного ведомства сроки, но и выгодность этого дела с экономической стороны. ... Из числа 1 600 печей,

---

[76] *Ипатьев В.[Н.]* Работа химической промышленности на оборону... С. 7. При этом бензольные заводы строились не только на Донбассе, но и в Сибири (*Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 71, 79–80).

которые нужно было построить в Донецком бассейне, в настоящее время заявлено к постройке свыше 1 100 печей на Юге России и 100 печей в Кузнецком бассейне, а из 340 печей с рекуперацией, не имевших бензольных заводов, строятся таковые при 240 печах, что дает увеличение производства сырого бензола на 75 000 пудов в месяц»[77].

В итоге, начиная с июня 1915 г., в России происходит заметный рост коксобензольной промышленности. Однако, анализируя состояние этого производства и сопряженного с ним производства взрывчатых веществ, Ипатьев вынужден был признать, что «увеличение выработки взрывчатых веществ было исключительно достигнуто оборудованием частных заводов, производительность которых возросла чуть ли не в 50 раз, в то время как казенные заводы увеличили производительность к сентябрю 1915 года только в два раза»[78]. Однако сам факт развития казенного производства сыграл важную роль — частные предприниматели потеряли монопольное положение на рынке (хотя, в известном смысле вся коксобензольная промышленность была по обстоятельствам своего возникновения монополизирована Военным ведомством). Казенные заводы сбивали цену частных производителей и стимулировали строительство новых химических заводов в негосударственном секторе.

В то же время производство сырого бензола росло неравномерно, со сбоями. Если падение выработки в апреле–мае 1915 г. можно объяснить началом реконструкции печей, то ноябрьский спад обусловлен иными причинами: недостаточным обеспечением коксовых печей углем, вагонами и топливом, недостатком рабочих рук и т.д.[79] Договоры поставщиками угля не выполнялись, что мотивировалось сокращением угледобычи и необходимостью обеспечить углем собственные нужды и нужды железных дорог и флота. Но при этом поставщики «забыли», что «коксовый уголь» портит топки, а потому является вредным для паровозов и флота. «Сохранение существующего порядка снабжения топливом, — писал Ипатьев, — грозит свести к нулю всю работу по организации отечественного производства бензола и толуола и делает совершенно невозможным расширение означенных производств в будущем»[80]. В результате, в декабре 1915 г. не удалось выйти на расчетную максимально возможную месячную выработку бензола (60,35 тыс. пудов).

---

[77] АВИМАИВ и ВС. Ф. 13. Оп. 87.5. Д. 29. Л. 28.

[78] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 21.

[79] *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 84.

[80] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 273. Л. 8.

И тем не менее, начало было положено, что имело важные последствия для всей российской индустрии. Как сказано в «Своде сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами», составленным следователем Верховной комиссии в декабре 1915 г., «благодаря громадной энергии, проявленной Комиссией [по заготовке взрывчатых веществ], сравнительно в короткий срок ей удалось создать целый ряд заводов для производства взрывчатых веществ, оборудуя для этого частные химические заводы, и, кроме того, создать в России совершенно новую промышленность по выработке толуола и бензола.., тогда как до войны первый из этих продуктов почти исключительно привозился из Германии.

Таким образом, деятельность Комиссии, кроме прямого ее [предна]значения — снабжения армии взрывчатыми веществами, — подвинула вперед разрешение вопроса об освобождении русской промышленности от немецкой зависимости»[81].

К сказанному следует добавить, что по мере развертывания этой коксобензольной истории комиссиям Ипатьева пришлось столкнуться почти со всеми отраслями тогдашней химической промышленности, которые постепенно втягивались в заготовительные операции ГАУ, в частности, Комиссии по заготовке взрывчатых веществ пришлось самым серьезным образом заниматься производством азотной и серной кислот[82].

Однако, поскольку фронту требовалось все больше снарядов[83], а следовательно, и взрывчатых веществ, то уже в июне 1915 г. Комиссия получила новое задание — довести производство взрывчатых веществ до 165 тыс. пудов в месяц. Это означало, что производство сырого бензола надо было в кратчайшие сроки увеличить в четыре раза, до 3 млн пудов в год (250 тыс. пудов в месяц). По оценкам специалистов, даже если бы все имевшиеся к середине 1915 г. коксовальные печи Донбасса полностью улавливали бы весь бензол и круглый год работали на полную мощность, то годовое производство составило бы 3,4 млн пудов[84].

---

[81] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 506–518. (Цит. по: ВПР. С. 767).

[82] *Трофимова Е.В.* Создание и деятельность Химического комитета... С. 90–107.

[83] Если за первые пять месяцев 1915 г. армия потратила 311 тыс. снарядов, то за тот же период 1916 г. уже 2 229 тыс. К концу 1916 г. производство снарядов достигло 3,5 млн. в месяц (при запасе в 3 тыс. снарядов на трехдюймовое полевое и в 3,5 тыс. на горное орудие того же калибра, см.: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию [1907–1917]. М., 2003. С. 181).

[84] *Тихвинский М.М.* Ароматизация нефти // Вестник прикладной химии и химической технологии. 1916. Т. I. № 5. С. 300–305; С. 304.

Но это явно завышенная цифра, т.к. она была получена в предположении 80 %-го выхода кокса, тогда как в действительности для донецких углей выход кокса составлял около 50–60 %.

Учитывая все это, Комиссия по заготовке взрывчатых веществ решила, что 2 млн пудов сырого бензола можно получить за счет развития коксобензольной промышленности, а 1 млн пудов придется получать пирогенетическим разложением нефти. В последнем случае конечный продукт обходился много дороже, хотя и дешевле импортного. Но это уже другая история.[85]

В заключение несколько слов стоит сказать о том, что же именно способствовало успеху деятельности В.Н. Ипатьева по созданию коксобензольной промышленности на юге России (кроме, разумеется, таких его личных качеств, как энергичность, трудолюбие, настойчивость, организаторский талант и компетентность)?

Во-первых, сам «снарядный голод» толкал власти на экстренные и экстраординарные меры, в результате чего продуманные инициативы Ипатьева получили, хотя и не без некоторого сопротивления, поддержку ГАУ и военного руководства.

Во-вторых, с каждым месяцем войны, особенно в 1915 г., характерные для довоенного времени надежды на то, что все необходимое можно будет приобрести за границей становились все более иллюзорными, как и упования на скоротечность военного противостояния.

В-третьих, речь шла об организации производства таких веществ, на которые и в мирное время имелся устойчивый спрос, что стало веским аргументом для предпринимателей.

В-четвертых, предложенный Ипатьевым проект создания коксобензольного производства на Донбассе при всей его масштабности был все же сравнительно недорогим предприятием. Д.Д. Кузьмин-Караваев, напомню, называл цифру 3,5 млн. руб. Но пусть даже казна потратила реально вдвое больше, все равно это составило бы лишь пятую часть стоимости одного линкора.

В-пятых, Ипатьев избрал совершенно правильную тактику действий, которая предусматривала:

— подбор во все возглавлявшиеся им комиссии инициативных и знающих помощников;

— сбор и систематизацию обширной и достоверной технико-экономической информации, ее анализ;

---

[85] *Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.* Химический комитет... С. 28–30.

— концентрацию ресурсов на главных направлениях;

— «точечную» (избирательную) направленность организационных усилий (сначала был заключен договор с владельцем одного, но крупного предприятия, которое становилось лидером в создании нового производства, тогда как остальные заводчики следовали его примеру);

— трезвый расчет и умение убеждать собеседника экономическими доводами с легким намеком на возможную в принципе реквизицию.

Именно совокупность этих факторов и обстоятельств на фоне роста отечественной химической промышленности в целом способствовали, на мой взгляд, крупному успеху в рассмотренном выше направлении деятельности академика В.Н. Ипатьева, успеху, который стал важным этапом в становлении отечественной химической индустрии.

Ф. Эспозито

«КРЫЛАТЫЕ МЕЧИ». ГЕРОИ И ТЕХНИКА: ОТ ТРАДИЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ

> То, что такой мир, лишенный мифа, смог сформироваться во время войны, продемонстрировав торжество современной индустрии, материализма и механики, говорит об аномалии, достойной нашего рассмотрения[1].

Наиболее распространенные представления о Первой мировой войне неразрывно связаны с окопами и воронками, гранатами и пулеметами, заграждениями из колючей проволоки и с массовой гибелью неизвестных солдат. В архаическом, изрытом кратерами ландшафте солдаты подвергаются силовому воздействию, сами — бессильные перед всемогуществом техники и материала. Однако уже в двадцатых годах начинает формироваться иной образ воина: «Великий летчик, человек в танке, технически грамотный командир ударного отряда»[2]. Эрнст Юнгер и другие апологеты войны видели в этих мужчинах людей нового поколения: «...оно строит машины и противостоит машинам, машины для него — не мертвое железо, а органы власти, которыми оно владеет с холодным рассудком и горячей кровью»[3]. Они восхваляли войну как эру рождения «нового человека», который «привык жить более полной жизнью благодаря машине»[4]. Наблюдения Юнгера можно считать своего рода картой, которая поможет разобраться в переплетении текстов о Первой мировой войне.

«Потерянная победа» и «позорные условия мира» стали движущей силой немецких реваншистских устремлений. Взгляды вновь обратились на «внутренних врагов», нанесших коварный удар кинжалом в спину немецкому Зигфриду. Но, кроме того, появилось убеждение, что обнаружена «Ахиллесова пята» самой армии, слабость, которая не дала Германии победить, а именно, отсутствие у «героев» позитивно-

---

1 *Fussel P.* The Great War and Modern Memory. New York, 1975. P. 115.

2 *Jünger E.* Das Wäldchen 125. Eine Chronik aus den Grabenkämpfen 1918. Berlin, 1930. S. 3.

3 Ibid. S. 19.

4 Ibid. S. 78.

го отношения к технике. Техника не была освоена, и это также стало причиной поражения немцев[5]. Покорившая многие умы концепция «тотальной войны» вскоре проникла в описания минувшей Первой мировой[6]. Ее герои были осмыслены как прототипы воинов будущей битвы, авангард победоносного блицкрига.

В 1920–1930-х гг. расплывчатый технократический проект предстоящей войны служил ориентиром для немецкого «военного» дискурса[7]. Воспоминания о Первой мировой войне омрачались тенью поражения, но их окружал контекст будущей войны, которая, как предполагали, должна увенчаться победой и смыть позор поражения. Эта непрерывная линия, направлявшая восприятие и поведение современников, четко проявляется в историографии[8]. То, что Третий рейх не был ни «аварией на производстве», ни внезапно одолевшей немцев бесовщиной, стало ясно как раз благодаря выявленной непрерывности. Но при этом наиболее яркие ее разрывы, и сам характер Первой мировой войны, как рубежа эпох, оказались вне поля зрения. Пропасть, разверзшаяся во

---

[5] *Radkau J.* Technik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 1989. S. 239–254. Радкау упоминает о «“квази-легенде кинжального удара” сторонников техники».

[6] An der Schwelle zum totalen Krieg. Die militärische Debatte über den Krieg der Zukunft 1919–1939 / Hg. S. Förster. Paderborn, 2002.

[7] Этот проект постоянно возвращался к причинам поражения и, таким образом, включал в себя и миф о «кинжальном ударе», и «позитивные результаты», иначе говоря «дух 1914 года», который должен был служить важнейшим элементом идеи «народного сообщества», а кроме них — фронтовое братство и «мужское товарищество». Во всяком случае, это вполне верно в отношении правых или умеренно революционных кругов, чьи глашатаи, очевидно, имели большее влияние на общественность (за исключением немногочисленных пацифистов, таких как Эрнст Фридрих, или, по крайней мере, критиков войны, как Эрих Мария Ремарк).

[8] Перечислить огромное количество работ, посвященных поиску в истории Первой мировой войны истоков национал-социализма и причин Второй мировой войны, здесь, разумеется, невозможно. Достаточно указать на книгу Фрица Фишера «Порыв к мировому господству» (*Fischer F.* Griff nach Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961) и напомнить о вызванной ее публикацией дискуссии, а также о ставшем популярным в недавнее время тезисе о «второй Тридцатилетней войне» (См.: *Wehler H.-U.* Der zweite Dreißigjährige Krieg. Der Erste Weltkrieg als Auftakt und Vorbild für den Zweiten Weltkrieg // Spiegel Special, 2004. Bd. 1. S. 138–143.).

время войны между «миром вчерашним» и миром сегодняшним, зачастую не воспринималась современниками, поскольку сохранялись их личные, биографические связи с прошлым и, как будет показано ниже, семантический камуфляж. Война, которая смела с земли последние остатки старых режимов (ancien régimes), сделала необратимым общественный и культурный прорыв к современности, который произошел самое позднее на рубеже XIX–XX вв.[9] Сосуществование «четырех политических поколений»[10] в период между двумя мировыми войнами и позднее еще служило мостом между «двумя утесами». И если события буквально опережали друг друга, то менталитет изменялся в гораздо более медленном темпе.

Далее будет показано, как некоторые «героические летчики» интерпретировали свою личность сами, и как ее оценивали другие люди; и что преодолеть разрыв с прошлым позволили интерпретационные стереотипы, ныне ставшие анахронизмами. Были возобновлены и продолжены старые, прерванные традиции, инсценировалась преемственность, поскольку это было необходимо для преодоления разрыва. Литературное отображение действий военно-воздушных сил можно считать свидетельством как того, что разрыв с прошлым состоялся, так и того, что через пропасть наводились мосты и переправы. Можно сформулировать и по-другому: работники средств массовой информации[11] осуществляли перевод с языка прошлого на язык современности, эти «переводчики» непосредственно участвовали в войне или были только наблюдателями событий. Далее рассматриваются книги о воздушной войне и тот контекст, в котором они возникали и существовали.

---

[9] *Eksteins M.* Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. Boston, 1989.

[10] *Peukert D.* Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987.

[11] В понятии «работник средств массовой информации» представлен как экономический аспект процесса производства массовой литературы, так и техническая сторона ее создания. Как будет показано ниже, книги о войне стали литературой нового рода. Предполагаемого читателя они привлекали оформлением, нередко крикливо-яркой обложкой, многочисленными фотографиями, которые должны были не только иллюстрировать текст, но и служить подтверждением его правдивости. См. об этом: *Segeberg H.* Literatur im technischen Zeitalter. Von der Frühzeit der deutschen Aufklärung bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1997; Literatur im Medienzeitalter. Literatur, Technik und Medien seit 1914. Darmstadt, 2003.

Война по бросовой цене — марка за штуку

Жажда самовыражения и желание печататься у самозваных писателей впервые проявили себя в ура-патриотических стихах и прозаических сочинениях августа 1914 г., но они оказались безграничными. С невиданной производительностью заработали печатные станки, выпуская в свет невероятное количество военной «литературы»[12]. Официальные сообщения, журналистские репортажи и вдохновленные войной стихотворные опусы доморощенных поэтов, взывавших к героизму и самопожертвованию во имя отечества, дополнялись довольно заметными явлениями литературного стиля. В стороне от публицистики, балансируя на грани пропагандистских текстов, журналистики и литературы, создавались повествования, издававшиеся в виде книг. Аутентичность (мнимая) и реализм (предполагаемый) отличали эти книги о войне от текстов минувшего века. Тем самым шел общий процесс в развитии немецкой литературы, который можно назвать «усилением журнализма» или «эпохой свидетельств»[13].

В ходе этой литературной мобилизации летчики написали целый ряд «военных книг», удовлетворяя тем самым не только запросы населения, хотевшего получать «аутентичные» сообщения с фронта, но и потребность авторов письменно переработать свои переживания и оставить личное свидетельство о «великом времени»[14]. Воины вели дневники, писали письма домой. Из-за прибыльности самого предприятия и в соответствии с национальными интересами издательства охотно ре-

---

[12] По свидетельству современника, в первые недели войны каждый день в редакции газет и журналов поступало около 50 000 стихотворений на военные темы. *Fries H.* Deutsche Schriftsteller im Ersten Weltkrieg // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. M. Michalka, 1994. S. 827; См. также: *Schneider Th. F.* Zur Kriegsliteratur im Erstem Weltkrieg // Kriegserlebnis und Legendenbildung. Das Bild des «modernen» Krieges in Literatur, Theater, Photographie und Film. Bd.1 (Vor dem Ersten Weltkrieg; Der Erste Weltkrieg) / Hg. Th. F. Schneider. Osnabrück, 1999. S. 101–114.

[13] *Fries H.* Deutsche Schriftsteller und der Erste Weltkrieg. S. 827.

[14] *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. Essen, 1997. О феномене военных книг см.: *Schneider Th.F.* Zwischen Wahrheitsanspruch und Fiktion. Zur deutschen Kriegsliteratur im Ersten Weltkrieg // Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918 / Hg. R. Spliker, B. Ulrich. Bramsche, 1998. S. 142–153; Endlich die «Wahrheit» über den Krieg. Zur deutschen Kriegsliteratur // Text und Kritik. 1994. № 124. S. 38–51.

дактировали дневники и полевые письма и готовили их к публикации. При этом издатели ничем не рисковали. Война открыла для них новый рыночный сектор, и вскоре появились так называемые военные библиотеки. Книги о войне, в любом случае, — это продукт издательской деятельности, подчиняющейся законам рынка, чтиво, на которое есть спрос. Издательство Ульштайн, выпустившее в свет, пожалуй, наиболее успешную серию военных книг, продавало читальням военные приключения по цене одна марка за штуку, однако доставляло свою продукцию и в окопы, так как книги разрешалось пересылать полевой почтой.

Большой популярностью у читателей пользовались, например, книги о новых видах вооружений. Усилиями прессы имена авторов были у всех на устах. Если авторы не отличались компетентностью в литературе, то читатели открывали в них другую, даже более ценную особенность. Авторами чаще всего были прославленные офицеры, места, где они «покрыли себя славой», уже стали широко известны благодаря репортажам с театра военных действий. Их тексты, хотя и не обязательно соответствовали, но и не противоречили пропаганде. А так как авторы, чьи книги принимались к опубликованию в военных сериях, разумеется, не подвергали войну критике, то цензура в основном ограничивалась тем, что переделывала некоторые собственные имена и названия или просто их вычеркивала. У читателя складывалось впечатление, что ему открывают некие военные тайны, но всегда лишь в той мере, в какой это разрешено, чтобы не подвергать опасности известные лица или воинские подразделения, если паче чаяния, книга «попадет в руки врага». Читателю было лестно такое отношение.

Авторы неплохо зарабатывали на своих сочинениях и считали, что воссоздают подлинную картину войны. Они явно претендовали на правдивость. Читателю обещали неприкрашенную реальность войны: «военные книги» издательства Пертес в Готе, как гласила реклама, находились «на передовой». Туда же переносило воображение и читателя. Впечатление непосредственности, аутентичности, а также «объективности» усиливали рекламные тексты, такие, например, как следующий, напечатанный на обложке книги «Полевые летчики на фронте»:

«От всей души рекомендуем эту книгу всем, кто хочет представить себе, что значит “летать” и, узнать, какие великолепные деяния свершает в небе военный летчик. Читатели, не располагающие специальными техническими знаниями, основательно и в то же время в увлекательной форме познакомятся со всеми необходимыми понятиями. Специалисты-техники с удовлетворением обнаружат, что не кто-

нибудь, а их “коллега” создал прекрасные образы боевых летчиков, и смогут пополнить свои знания или же удостовериться в правильности прежнего опыта. Адольф Виктор фон Кербер, пилот, награжденный железным крестом, увековечил тех, кто ныне сражается и каждую минуту, каждый день и час, днем и ночью жертвует своей жизнью, он создал памятник бойцам, лучше которого и быть не может»[15].

Официальная пропаганда, публицистика, издатели и авторы, окрыленные «духом 1914-го года», как видно, проводили общую линию. Все они старались придать смысл войне, в которой день ото дня смысла становилось все меньше. Их описания позволяли осмысленно интегрировать военные события в жизненные судьбы создателей текстов, а также адресатов этой информации. Солдаты, а вместе с ними все общество, шли на войну, как известно, с заранее сформированными ожиданиями, однако, самое позднее, после битвы на Марне реальность опрокинула их надежды. Разумеется, из-за этого не произошел отказ от устаревших к тому моменту, весьма далеких от реальности представлений о войне. Скорей, речь шла об их модификации, о переосмыслении и адаптации к новым условиям первоначально созданных текстов. Исследованные нами книги о воздушной войне, однако, не были инструментами для воздействия государства на общественное мнение[16]. Они представляли собой словесно-речевые объективации отношения к войне участников или очевидцев военных событий. Словесность была поставлена на службу войне[17]. Язык, являющийся посредником в общении и хранилищем общественного знания, семантически структурировал опыт войны, переживания становились познаваемыми, пригодными для передачи другим людям, для воспоминаний и напоминаний[18]. Сконстру-

---

[15] Рекламный текст на обложке книги: *Koerber A.V. von.* Luftkreuzer im Kampf. Leipzig, 1916.

[16] *Lipp A.* Die staatliche Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Göttingen, 2003.

[17] *Heise J.* Sprache im Dienste des Völkerringens. Linguistische Perspektiven zum Ersten Weltkrieg // Krieg und Literatur V (1999). S. 37–54; *Reimann A.* Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000.

[18] См. в этой связи: *Berger P.L., Luckmann Th.* Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main, 1969. Социология знания, предложенная Бергером и Лукманном, стала теоретической базой разработанного Тюбингенским исследовательским

ированные пропагандистские образы опять входили в общественный запас знаний и вновь служили поддержкой для интерпретаций.

Ход и картина войны в этих книгах представлены однозначно, облик войны персонализирован. Военные будни, жизнь персонажей — рассказчиков давали читателям возможность идентификации. Тем самым далекое и непостижимое «великое событие» становилось более доступным для восприятия. Рассказ о совершении подвига, как правило, велся от лица самого героя[19]. Сюжеты незамысловаты. В них редко обнаруживается конфликт интересов, и он обычно состоит в том, что будущему герою по каким-то внешним причинам не удается сразу стать летчиком. Очевидно слияние интересов героев историй с течением истории. Радостное служение отечеству, исполнение долга, — таковы старые

проектом «Военный опыт. Война и общество в Новое время» понятия (военного) опыта, которое используется нами в данной статье. См. также: *Latzel K.* Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Uberlegungen zur erfahrungsgeschichten Untersuchung von Feldpostbriefen // MGM. 1997. № 56. S. 1–30; а также Deutsche Soldaten — nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis — Kriegserfahrung 1939–1945. Paderborn, 1998; Die Erfahrung des Krieges. Von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg. Perspektiven einer Erfahrungsgeschichte / Hg. N. Buschmann, H. Carl. Paderborn, 2001.

[19] Если герой погибал, рассказ о нем вели родные, выступая в роли издателей дневников или писем. Такие сборники, а также «портреты» отдельных героев иногда издавались различными союзами (например, Немецким союзом воздушных флотов) или профессиональными литературными работниками. В качестве материала исследования нами проанализированы следующие книги: *Boelcke O.* Hauptmann Bölckes Feldbriefe. Gottha, 1916; *Buddecke H. J. El Schahin (Der Jagdfalke).* Aus meinem Fliegerleben. Berlin, 1918; Das fliegende Schwert. Wesen, Bedeutung und Taten der deutschen Luftflotte in Wort und Bild / Hrsg. Deutscher Luftflottenverein. Oldenburg, 1917; *Eddelbüttel F.W.* Artillerieflieger. Dresden, 1918; Kreuz wider Kokarde. Jagdflüge des Leutnant Udet / Hg. E.F. Eichler. Berlin, 1918; Deutschland in der Luft voran! Fliegerbriefe aus Feindesland / Hg. H. Floerke, G. Gärtner. München, 1915; *Gottschalk R.O.* Boelcke, Deutschlands Fliegerheld. Schilderung seines Lebensweges und seiner Heldentaten im Luftkampf. Leipzig, 1916; *Heydemarck G.* Doppeldecker C 666. Als Flieger im Westen. Berlin, 1916; *Immelmann M.* Meine Kampfflüge. Selbsterlebt und selbsterzählt. Berlin, 1916; *Killinger E.* Die Abenteuer des Ostseefliegers. Berlin, 1916; Fliegerleutnant Heinrich Gontermann / Hg. L. Müller. Barmen, 1918; *Plüschow G.* Die Abenteuer des Fliegers von Tsingtau. Berlin, 1916; *Richthofen M. von.* Der rote Kampfflieger. Berlin, 1917.

образцы, к которым обращались авторы, чтобы показать, каким было вторжение войны в их жизнь[20]. Эти доблести авторы и превозносят.

Актуализация доблестей, новая версия образа героя-воина исполняли традиционную, стародавнюю функцию. Тексты, сочиненные летчиками, живописуют идеальный образ мужественного воина. Показывая, что достижение такого идеала почетно, полезно и ведет к славе, авторы служили делу мобилизации общества и поддержанию воли к победе. Было актуально подражать внешнему виду и поступкам героев, а, кроме того, воспринимать и образчики интерпретации этих образов. Герои служили примером для молодежи. Они должны были повышать стойкость и уверенность в победе. В предисловии к книге «Наши военно-воздушные силы», вышедшей в 1917 г., говорится:

«В книге делается попытка в особом свете представить отдельные подвиги и достижения великой войны, — на первый взгляд это невероятно, ведь вряд ли у кого-то может возникнуть сомнение в том, что эта война, колоссальнейшая из всех битв мировой истории, есть великое откровение немецкого героизма <…> Наша книга посвящена новейшему оружию германского войска и флота военно-воздушным силам, которые достойно встали рядом со своими старшими собратьями и воистину помогли сохранить в незапятнанной чистоте славный щит древней воинской славы немцев. Ныне стремления многих и многих направлены на то, чтобы обучить нашу подрастающую молодежь отлично владеть оружием. Предлагаемая вниманию читателей книга внесет в это дело свой вклад; ибо, что может лучше закалить молодежь для грядущей борьбы за жизнь, если не постоянное воодушевление великими деяниями нынешней мировой войны, а равно восприятие и усвоение ее героического духа! Именно таков замысел нашей книги, и потому мы надеемся, что скоро у нее появится много друзей»[21].

Войну в воздухе, — что будет показано в дальнейшем изложении — описывали как мужественное состязание и неудержимую радость, увлекательное, на редкость заманчивое занятие. Возможные сомнения

---

[20] Например, в письме Генриха Гонтерманна к отцу от 24 июня 1915 г. говорится: «Надеюсь, благодаря радостному труду для отечества твои нервы стали по-настоящему воинскими. <…> Какое великое счастье нам выпало — жить и трудиться в столь грандиозное время!» *Müller L.* Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. Barmen, 1918. S. 45.

[21] *Funk.* Unsere Luftwaffe. Ihr Wesen und ihre Entwicklung, mit Beiträgen berühmter Flieger und Führer von Luftschiffen, zugleich Jahrbuch des Luftfahrerdank. e. V. Leipzig, 1917.

в правдивости изображенных картин подавлялись тем, что авторы снова и снова торжественно заверяли читателей в своей правдивости: война такова, какой ее изображают, ибо авторы лично в ней участвовали, хотя многие и погибли.

Далее, при рассмотрении важнейших тем, так или иначе затронутых в этих книгах, мы будем постоянно обращаться к вопросу об интегрирующей, стабилизирующей и семантической функции авторских интерпретаций. «Общие места», которые в подновленном виде постоянно воспроизводились в книгах летчиков, можно считать матрицей, определявшей восприятие авторов-участников событий и помогавшей интерпретировать военные впечатления и переводить их в резерв своего опыта. Это справедливо в отношении авторов-летчиков, а также журналистов и читателей — реципиентов текстов. Поскольку события воздушной войны преобразовывались в повествования, построенные по традиционным сюжетным схемам, они переставали вызывать ужас, теряли свою новизну и становились понятными. Необходимо помнить о том, что тексты, созданные летчиками, были эффективны и имели успех у читательской аудитории исключительно на фоне актуальных событий, происходивших тогда на земле. Воздушная война была противоположностью позиционной войны. Тягостное пребывание в окопах, гибель обезличенных солдатских масс, страх перед грозной новой техникой и явно бессмысленная борьба за узкую полосу «ничьей» земли в повествованиях о воздушной войне оказывались диалектически снятыми.

Истолкование воздушной войны: от происхождения к будущему

«Кто же они такие, летчики? Они рождены огромным войском, которое на передовых позициях, в окопах, сражается под вечным огнем, они составляют элиту, образовавшуюся из стремления ко всё более отважным формам битвы. Среди них есть бывшие кавалеристы, худощавые всадники с резкими чертами лица, с блестящими моноклями. Им надоело сидеть в тылу, в селах да замках, бездельничая в ожидании нового наступления. По ним сразу видно — это выходцы из древних фамилий, с незапамятных времен дух конных сражений у них в крови, они свысока поглядывают на части, которые ведут наступление, двигаясь вслед за машинами и стрелками с автоматическим оружием, им видится тут что-то не вполне достойное их сословия. И говорят даже, они лучше разбираются в охоте и стрельбе, чем в техническом обслужи-

вании двигателей. Но есть и другие летчики, они выросли в задымленных кварталах близ крупных индустриальных предприятий, они сызмальства хорошо знают орудия и энергии нашего века. Они глубже постигли наш новый мир, скрывающий под холодной поверхностью пламенные тайны и чудеса; они чуют приближение стихийного духа огня, его пробуждение в атомах стали и взрывчатых веществ, в треске и искрах мотора. <…> Самолет им послушен, как бумеранг австралийцу»[22].

Вернемся к карте Э. Юнгера — на ней отмечен путь, по которому направились образы и представления о воздушной войне. Мы же пройдем этим путем в обратном направлении. Кавалеристы, по происхождению дворяне, знавшие толк в охоте, но не в моторах, и буржуа, которые лучше разбирались в машинах, нередко встречаются на страницах книг о войне. Социальные типы, с пафосом воспетые Юнгером, отражают состав ВВС[23] и во многих отношениях соответствуют стилизованным образам летчиков, созданным во время войны[24]. Эти два типа

---

[22] *Jünger E.* Das Wäldchen 125 // Werke. Bd. 1. Tagebücher 1, Der Erste Weltkrieg. Stuttgart, 1960. S. 369.

[23] Эти осмысления, как и всякая интерпретация, были «привязаны» к реальности, несмотря на то, что передают лишь фрагмент действительности. Как известно, представители буржуазии шли служить преимущественно во флот, можно предположить, что и ВВС обладали для бюргеров известной притягательностью. В ВВС, как и в военном флоте, структура не была чрезмерно жесткой, традиции не имели большого значения, то есть не отдавалось исключительное предпочтение дворянам. Напротив, как раз солдаты выходцы из буржуазии, особенно дипломированные специалисты, промышленники и, в первую очередь, инженеры, которых в стране становилось все больше, были более востребованы, поскольку у них, в отличие от выходцев из поместного дворянства, имелись соответствующее образование и необходимое знание техники. Численность военных летчиков из дворян заметно возросла, когда изменился характер военных действий и, еще в начале Первой мировой войны, кавалерия утратила военное значение.

[24] Например, следующий текст о Генрихе Гонтерманне, как две капли воды, похож на текст Э. Юнгера: «Такой была атмосфера, в которой родился и рос наш Генрих Гонтерманн. Дым, поднимающийся из фабричных труб, пляшущие языки пламени вагранок, гул силовой станции и скрежет валов, которые, медленно вращаясь, острыми резцами снимают с детали металлическую стружку до тех пор, пока деталь не станет правильной и округлой. В такой обстановке подрастал мальчик и юноша. Здесь всюду полная силы жизнь, движение, здесь требуется серьезное отношение к делу, работа связана с риском, необходимы сосредоточенность и внимание. Хорошая школа для всякого, у кого

различаются по своему социальному происхождению, но оба восходят к одной и той же матрице, определявшей представление об офицерах и обеспечивавшей известную однородность[25]. Кроме того, оба типа характеризуются стилем, свойственным всему поколению, опасениями, надеждами и ролевыми представлениями, которые определяли их изображения в литературе, создавали и продолжали их традицию[26].

«Герои-летчики», в основном, были людьми, родившимися в 1889–1895 гг.; в начале войны им было от 19 до 25 лет. Детские их впечатления восходят к временам эйфории, связанной с подъемом на рубеже веков, а молодость была омрачена страхом перед будущим и проходила в атмосфере шовинизма и великодержавных устремлений, характерных для Германии предвоенных лет[27]. Эти люди росли в благополучных, но стеснявших развитие личной активности условиях, не имея возможности проявить мужскую отвагу, удовлетворить жажду приключений. Нарастало недовольство молодежи ограничениями и обязанностями цивилизации, которые были навязаны поколением отцов и учителей, суровыми, авторитарного стиля мужчинами, требовавшими дисциплины и покорности, построившими мощную, динамичную нацию и считавшие это своей высочайшей заслугой. Эти фоновые условия были общими

есть задатки инженерно-промышленной профессии, чей дух осознанно или безотчетно желает достичь господства над материей, будь то распиливание доски или разрезание металлического блока, или же — уверенное плавание по воздушному океану. Такими были в конечном счета задатки нашего Генриха, и они сохранились на всех этапах его пути, приведшего в конце концов к покорению воздушной стихии». (Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. S. 5).

[25] См.: *Funck M.* Vom Höfling zum soldatischen Mann. Varianten und Umwandlungen adeliger Männlichkeit zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus // Adel und Moderne. Deutschland im europäischen Vergleich im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. E. Conze, M. Wienfort. Köln, 2004. S. 205–235; *Stoneman M. R.* Bürgerliche und adelige Krieger. Zum Verhältnis zwischen sozialer Herkunft und Berufskultur im wilhelminischen Armee-Offizierkorps // Hg H. Reif. Adel und Bürgertum im 19. und 20. Jahrhundert: Entwicklungslinien und Wendepunkte II. Berlin, 2001. S. 25–63; *Ostertag H.* Bildung, Ausbildung und Erziehung des Offizierskorps im deutschen Kaiserreich 1871 bis 1918. Eliteideal, Anspruch und Wirklichkeit. Frankfurt am Main, 1990.

[26] О «стиле поколения» см.: *Herbert U. Best.* Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903–1989. Bonn, 1996.

[27] *Wohl R.* The Generation of 1914. London, 1979; *Peukert D.J.K.* Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987. S. 25–31; *Herbert U. Best.* , 1996.

у летных офицеров, чье личное развитие состоялось лишь на войне. На ее фронтах они служили стране, которая давно уже переступила порог новой эпохи, однако, казалось, все еще противилась совершившемуся перевороту[28]. По крайней мере, в военных книгах разразившаяся война предстает как избавление. Она дала молодежи возможность испытать свое мужество и готовность к самопожертвованию.

Популярность летчиков, уже немалая к началу войны, не была результатом военных достижений. Ведь эти достижения ограничивались, прямо скажем, не «самой увлекательной» областью оперативной разведки. Разведкой занимались летчики на невооруженных, очень ненадежных и маломощных летательных аппаратах[29]. Именно новизна, риск и ненадежность техники породили восхищение профессией летчика[30]. Книги о воздушных сражениях воспроизводят довоенный контекст, т.е. увлечение воздухоплаванием, когда широкие слои населения охватила «горячка скорости»[31]. Авиационные парады, как и автомобильные, велосипедные и мотоциклетные гонки привлекали тогда

---

[28] О понятии модернизма Германии, очищенном от шелухи нормативных коннотаций, см.: *Eley G.* German History and the Contradictions of Modernity: The Bourgeoisie, the State, and the Mastery of Reform // Society, Culture, and the State in Germany, 1870–1930 / Hg. G. *Eley*. S. 67–130.

[29] Вопреки противоположным мнениям верховного командования, вскоре оказалось, что военные возможности самолета отнюдь не сводятся к перечисленным недостаткам. Недальновидность генералитета, который считал авиацию лишь одним из видов спорта, вполне понятна, если принять во внимание, какие самолеты были тогда на вооружении: обтянутый полотном складной каркас, прозванный «голубь-тарахтелка». О строительстве ВВС см.: *Köhler K.* Organisationsgeschichte der Luftwaffe von den Anfängen bis 1918 // Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939 / Hg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, München, 1979. S. 283–311; *Groehler O.* Geschichte der Luftkrieges 1910 bis 1980. Berlin (Ost), 1981; *Morrow J. Jr.* German Air Power in World War I. Lincoln NE, 1982; *Kilduff P.* Germany's First Air Force 1914–1918. London, 1991; *Potempa H.* Die Königlich-Bayerische Fliegertruppe 1914–1918. Frankfurt am Main, 1997.

[30] *Ingold F.Ph.* Literatur und Aviatik. Europäische Flugdichtung 1909–1927. Frankfurt am Main, 1980; *Fritzsche P.* A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination. Cambridge MA 1992; *Reinicke H.* Zeppelin, Karl May und die deutschen Auffahrten nach Dschinnistan // Fleigen und Schweben. Annäherung an eine menschliche Sensation // Hg. D.R. Bauer, W. Behringer. München, 1997. S. 317–343.

[31] *Kern S.* The Culture of Time and Space 1880–1918. London, 1983; *Ingold F.Ph.* Literatur und Aviatik. Europäische Flugdichtung, 1909–1927. Frankfurt am Main.

огромные массы зрителей. Невероятно популярные спортивные праздники и до войны отражали соперничество между народами, а с 1914 г. спортивная погоня за рекордами в воздухе стала смертельно опасным соревнованием в количестве сбитых машин[32]. У летчиков остались прежние манеры щеголеватого спортсмена, вызывавшие восторги публики. Летчики сами окружили себя этой аурой. Описания их военных подвигов нередко проникнуты духом спортивной состязательности:

«Шестнадцатый упал. Итак, я опередил все истребители. К этой цели я стремился. Об этом годом раньше в шутку говорил моему другу Линкеру во время совместных тренировочных полетов, он тогда спросил: "Какова ваша цель? Чего вы хотите достичь как летчик?" Я ответил шутливо: "Да вот, думаю, лететь впереди всех истребителей, наверное, очень недурно!»[33]

Быть впереди, возглавлять таблицу — такова личная мотивация летчиков. Вдобавок, участие в состязании обещало многие поощрения. Было бы заблуждением оценивать поведение летчиков по «штатским» критериям. Пилоты истребителей были профессиональными военными, молодыми офицерами, для которых война являлась единственным полем приложения их сил и способностей. Война была их работой, следовательно, они имели профессиональные стимулы и побуждения. Как видно из следующего отрывка, наряду с личными и профессиональными мотивами, существовали и социальные ролевые ожидания, которые надо было оправдать на практике:

«Я хочу стать профессиональным военным не для того, чтобы жить, а только чтобы попытаться стать кем-то дельным! Покамест я исполняю свой долг перед отечеством, сражаюсь. И буду сражаться до последней капли крови. Если бы я сполна не осознал этого во время войны, то потом, в мирные годы, никогда не смог бы исправить свою ошибку и утратил бы чувство собственного достоинства и самоуважение. <...> Если правильно понимать честь, которую дает

1980; *Fritzsche P.* A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination. Cambridge, MA. 1992.

[32] Сочетание этого восторженного отношения к технике с национализмом, а также важная связь националистических мечтаний с технико-модернистскими картинами будущего в Германии находили широчайший отклик в массах, что выразилось, прежде всего, в увлечении цеппелинами, ставшем настоящим культом. См.: *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. S. 22–29.

[33] *Richthofen M. von.* Der Rote Kampfflieger. S. 106.

звание офицера, то ее можно сравнить с древним немецким посвящением в рыцари»[34].

Война позволила молодежи вырваться из душных домашних стен и пуститься на поиски приключений, которые могли снискать одобрение отцов и признание в обществе. Таких приключений ожидали от войны многие молодые люди, ставшие добровольцами. Они думали, их ждет что-то вроде очередной «поездки в Париж», — таким легким развлечением считали войну 1870–1871 гг. Самое позднее — после битвы на Марне — с иллюзиями было покончено. Когда солдаты засели в окопах, выставив наружу дула пулеметов, традиционное представление о героизме также было отброшено. Старые воинские доблести в битве техники и материалов ни на что не годились. Нужны были стойкость и терпение. Готовность к самопожертвованию под ураганным огнем была востребована больше, чем отвага и лихость. Война сама создавала своих героев. Одним мифом о Лангемарке, который по-настоящему прославился лишь позднее, невозможно было поддерживать стойкость и веру в победу. «Как раз когда все уже считали войну только кровавой работой безымянного оружия, при которой любой личный подвиг, любое личное достижение растворяются без следа, в отдельных областях вновь совершались те чисто личные героические поступки, что давно были похоронены вместе с рыцарством, и думалось, похоронены навеки»[35].

---

[34] Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. S. 40.

[35] «Flieger Richthofen gefallen» // Vorwärts. 24.4. 1918 (Nr. 112). S. 2. Цит. по: *Schilling R.* Kriegshelden. S. 253. Сходную характеристику см.: *Wegener G., Hauptmann B.* Der Wall von Eisen und Feuer. Bd. II. Champagne–Verdun–Somme. Leipzig. 1918. S. 332: «Эта война с ее чудовищным массовым воздействием, как ни одна война доселе, наделена чем-то безличным. Разумеется, мы хорошо понимаем, что повсюду на фронте война порождает героев в таком изобилии и столь великих, как еще никогда не бывало в истории человечества, однако слава одиночки растворяется в общности; примечательно, что за эти два года так мало имен стало народными, блистающими, любимыми. Исключение составляют боевые летчики. Самых успешных среди них народ знает по имени и любит каждого из них, следит за каждым их деянием и ликует, когда число побед увеличивается. И это вполне понятно. Ведь здесь отчетливее, чем в любом другом роде войск выступает достигнутое каждым в отдельности и то, что его достижение является абсолютно личным. Его собственная храбрость и удальство, решительность и присутствие духа, его знание самолета, мастерская стрельба служат порукой жизни и успеха летчика; никто его место не заступит. Он знает, что к его нервам там, в воздухе,

В течение 1916 г. летчики превратились в «звезд»[36] тогдашней прессы. Причиной этого было не только деморализующее воздействие гекатомб Вердена и Соммы, но и предшествовавшее колоссальным битвам техническое развитие самолетов и систем вооружения в 1915 г.,[37] а также изменения стратегии и тактики применения ВВС. Если в окопах правила бал механизированная смерть, то в небесах успешно развивалась форма ведения боя, которую уже считали отжившей, и ее герои пожинали славу.

«Мгновенно решившись, я поднялся на значительную высоту и над Мюльхаузеном в одиночку атаковал эскадрилью из восемнадцати вражеских самолетов, “кодронов” и “фарманов”, на полной скорости я ринулся с высоты прямо в центр эскадрильи, самого жирного взял на мушку и метров с пятидесяти сделал первый выстрел. Результат — противник загорелся и, ярко вспыхнув, рухнул вниз, на Мюльхаузен. Не умею описать чувство, которое я испытал, я был готов кричать от гордости и радости»[38].

Если солдатская масса воспринимала войну как торжество грандиозной силы, то в книгах о войне, написанных летчиками, такое представление отсутствует. Летчики не были задействованы могучей анонимной машиной смерти, они действовали самостоятельно. И если простой солдат нередко видел противоречие между общими «задачами войны» и своими личными целями и ожиданиями, то для асов смерть противника была поводом для гордости и радости. Судя по книгам, какого-то расхождения интересов не наблюдалось. Чем больше число сбитых самолетов врага, тем больше слава и популярность летчика.

«Вот и прошли эти славные дни. Но не последствия славы! Невероятно растет количество писем. Каждый хочет услышать мои рассказы,

---

предъявляются такие требования, которым может удовлетворить лишь самый умелый, и даже тот — лишь в момент расцвета своих юношеских сил».

[36] *Schüler-Springorum S.* Vom Fliegen und Töten. Militärische Männlichkeit in der deutschen Fliegerliteratur 1914–1939 // Heimat–Front. Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege / Hg. K. Hagemann. S. Schüler-Springorum. Год. S. 211–217.

[37] Следует упомянуть о разработанной Э. Фоккером конструкции пулемета, который был прочно связан с мотором самолета. Стрельба производилась синхронно с вращением пропеллеров. С этого изобретения, а также применения летом 1915 г. самолета модели Фоккер Е 1 началась эпоха истребителей. На истребителях достигли своих первых побед пилоты Бельке и Иммельманн.

[38] Kreuz wider Kokarde. S. 38.

каждый хочет узнать подробности. Совершенно невозможно ответить хотя бы немного подробнее. <...> Никогда бы не подумал, что известность связана с такими неудобствами. О других, мелких знаках уважения, которые ежедневно и ежечасно мне оказывают в иных формах, просто не могу тебе рассказать»[39].

Летчики стали кумирами и поп-звездами, если использовать сегодняшнее выражение, ими восхищались женщины, на них сыпались ордена и прочие награды, военная и дворянская элита добивалась их расположения[40]. В книгах летчики успешно поддерживали представление о войне, которое было привито им воспитанием: не кровь, смерть, жертвы, раны и поражения несет война людям, а медали, славу и почести, да еще фотографии крупным планом на обложках журналов. Летчикам и читателям их книг не довелось пережить крушение иллюзий, в отличие от пехотинцев, которые разочаровались в войне уже давно. Их надежды не были обмануты, потому что традиционные интерпретационные образчики удалось применить к воздушной войне, причем не возникло кричащих противоречий. Традиционные образы не разрушились, столкнувшись с жестокой реальностью, а, напротив, окружили восприятие войны некой аурой, которая не давала осознать и понять новую реальность.

---

[39] *Immermann M.* Meine Kampfflüge. S. 87.

[40] «14 ноября я был приглашен на обед у кронпринца Рудольфа Баварского. Присутствовали король Саксонии и принц Эрнст Генрих. <...> Несколькими днями ранее пришла телеграмма, которой военный министр Фалькенхайн поздравил меня и сообщил, что император пожаловал меня рыцарским крестом. <...> Король Саксонии лично обратил мое внимание на то, что это — совершенно особенная награда Его Величества, которой я могу гордиться чрезвычайно. Высочайшие персоны подолгу беседовали со мной, каждый в отдельности, я снова и снова должен был рассказывать о сражениях в воздухе. <...> В десять часов я пришел на аэродром отделения. Тут же ко мне бросились два фотографа и попросили оказать им честь — позволить сделать снимки. Щелкнули не менее двадцати раз, да еще и кино сняли. <...> Сначала сняли кинокамерой меня возле моего “англичанина”, сбитого при четвертом вылете, потом сняли с капитаном Розенмюллером, а напоследок — во время беседы с королем. <...> Король прибыл в 10 час. 30 мин. Он подошел прямо ко мне, сначала с радостным удивлением осмотрел “англичанина” номер четыре, затем снял меня на фоне “англичанина”. Представляешь, король меня фотографировал! И то же самое — некоторые другие важные персоны и генералы». *Immelmann M.* Meine Kampfflüge. S. 84. Подобные акции способствовали не только прославлению летчиков, но и популярности правителей.

Судя по книгам летчиков, война была сценой, на которой проходили испытания стойкости, славные подвиги, приключения и мужественные поступки. Таковы семантические основы этой литературы. В ней не находили отражения изменившиеся условия и характер современной войны, однако тем полнее она соответствовала представлениям людей, не желавших осознавать эти изменения. Рассказы о воздушных битвах возвращали войне волшебство, которое она начала терять, окружали ее аурой славы и блеском. Они дали повод воспринимать войну и, что самое важное, уничтожение людей как игру мускулов и состязание. Себастиан Хаффнер писал, например:

«<…> сравнение с футбольными болельщиками очень богато. Действительно, тогда, в детстве, я “болел” за войну в точности, как болеют за футбольную команду. <…> Важно было восхищение воинскими состязаниями, в которых имелись свои таинственные правила, и счет пленных, завоеванных территорий, покоренных крепостей и потопленных кораблей играл примерно ту же роль, что забитые и пропущенные голы в футболе или очки в боях боксеров. Я был жадным читателем военных сообщений, и “пересчитывал” все, опять же сообразуясь с очень загадочными, иррациональными правилами: например, десять взятых в плен русских равнялись одному пленному французу или англичанину, 50 самолетов стоили одного крейсера-броненосца… То была неясная, таинственная игра <…> Я и мои товарищи играли в нее на протяжении всей войны, четыре года, безнаказанно и беспрепятственно. <…> Война как великая, волнующая и вдохновляющая игра народов, которая дает более глубокое развлечение и более приятные эмоции, чем что-либо другое, что может предложить мирная жизнь; с 1914 по 1918 год таким был ежедневный опыт немецких школьников, родившихся в одном десятилетии»[41].

Молодеческие подвиги, мужество и лихость авиаторов, казалось, еще давали результаты. Как можно заключить из книг о войне, в воздухе все еще шло единоборство воинов, рыцарские поединки. Однако недолго — вскоре и в воздухе решающее значение приобрела

---

[41] *Haffner S.* Geschichte eines Deutschen. Die Erinnerungen 1914–1933. München, 2002. S. 21. Далее Хаффнер пишет: «… и это стало основным позитивным образом при нацизме. <…> Многое позднее помогло нацизму и модифицировало его сущность. Но вот где его корни: не в “фронтовых впечатлениях”, а в восприятии войны немецкими школьниками… Подлинным поколением нацизма <…> являются те, кто родился в 1900–1910 гг., те, кто воспринимали войну как большую игру, будучи совершенно не затронутыми ее реальностью».

массовость[42]. Фактически противостояли друг другу целые эскадрильи, а не отдельные пилоты. На воздушной войне вопрос о победе или поражении также не решался только способностями индивида. Главное значение принадлежало качествам техники и искусной тактике[43]. Но хитроумная тактика, разумеется, не входила в число «рыцарских» доблестей. Большинство побед в воздухе достигалось благодаря неожиданности нападения, а вовсе не в поединке между достойными друг друга противниками.[44] Тем не менее, в описаниях этой формы боя постоянно использовались сравнения с дуэлью и рыцарским турниром: «Едва я сел, он (сбитый противник. — *Авт.*) подошел ко мне. Он пожал мне руку и сказал, что я “real sportsman”. Мы выкурили по хорошей английской сигарете с приятным запахом, потом он заявил, что “ньюпорт” теперь ни на что не годен, и ушел в сопровождении двух солдат в серых полевых шинелях» [45].

К семантике рыцарственного поведения авиаторов относятся также описания братаний летчиков враждующих армий. В этом случае также

---

[42] Под Верденом в распоряжении Пятой армии находилось 168 самолетов, на Сомме у немцев было 110 машин, тогда как у армий Антанты 300. См.: *Groeler O.* Geschichte des Luftkrieges. S. 37; *Neumann G.P.* Die deutschen Luftstreitkräfte im Weltkrieg. Berlin, 1920. S. 466.

[43] Рихтгофен пишет: «Имея малоопытную эскадрилью в целом просто невозможно подавить ни одного англичанина. Остаешься в одиночестве и должен смотреть в оба, как бы убраться целым и невредимым». *Richthofen M. von.* Luftkampftaktik // *Richthofen M.* Ein Heldenleben. Berlin, 1920. S. 169. О мифе рыцарской воздушной войны см. также: *Schilling R.* «Kriegshelden». S. 255.

[44] Сбитые вражеские самолеты по большей части были плохо вооруженными, маломаневренными и низкоскоростными транспортными машинами. Задачей истребителей было как раз их подавление. Истребители делали свое дело, не помышляя о рыцарском благородстве. Эйхлер описывает: «...один, кажется, заметил меня, потому что отстал <...>, а вот другой заметил меня слишком поздно. И по его полету я понял, что имею дело с тупым новичком. <...> Так как он летел гораздо медленнее, я мигом его догнал и оказался совсем близко. Я увидел, как летчик в ужасе обернулся и будто загипнотизированный уставился на мой самолет. О поворотах и прочих штучках он и не думал, он, словно, дожидался моей пулеметной очереди. Может быть, машина у него бронированная, вот он и вообразил, будто ничто ему не грозит. <...> С расстояния 40 метров я дал очередь, затем у англичанина отвалилось крыло <...> Противник пролетел еще метров пятьсот “в сем мире”, с прошитой пулями грудью». (*Eichler E.F.* Kreuz wider Kokarde. S. 90).

[45] *Eichler E.F.* Kreuz wider Kokarde. S. 76.

используются сравнения и прочие стилистические средства спортивной тематики; от «честной игры» неотъемлемо обращение с побежденным в соответствии с кодексом, принятым среди офицеров. Здесь книги летчиков свидетельствуют о господствовавшем в их среде кастовом сознании и о наличии социальных различий между нижними чинами и офицерами. Летчики дистанцировались от масс, воевавших на земле, и укрепляли свое положение элиты. Подчеркивание «красивого» рыцарского отношения к противнику должно было также опровергнуть обвинения в варварстве, на которые не скупилась пропаганда противника. Кроме того, очевидно, что этот камуфляж скрывал стратегическую задачу оправдания. Чем больше тот или иной летчик сталкивался с непрочностью понятий о цивилизованности в условиях войны, со своими собственными «архаическими» инстинктами, тем более важным становилось соблюдение форм, в которых по видимости сохранялись вежливость и культурность, сознание собственного «приличного поведения». Семантика рыцарства и спорта затемняла суть убийств и жестокостей войны, делала их как бы более приемлемыми. Сочувствие и жалость также были соединимы с идеалом мужественности того времени в семантическом контексте рыцарства и военного товарищества, хотя в целом эпоха не терпела проявлений «сентиментального слюнтяйства».

Использование понятий, связанных с семантикой рыцарства, требует более широкого их истолкования, если попытаться поместить их в контекст общественного переворота, катализатором которого явилась война. Впервые созданные тогда ВВС происходили из мира индустрии и техники, были порождены как раз «цивилизацией», против которой вела внутреннюю и внешнюю войну империя как носитель культуры. ВВС нуждались в собственной традиции, и она была найдена в идеализированной эпохе немецкого средневековья.[46] Многие офицеры из дворян, столкнувшиеся с тем, что кавалерия утратила свое значение, а с нею ушла в прошлое целая эпоха, пополнили ряды «крылатых мечей»; анахроническая идеализация средневековья дала им возможность найти себя и освоиться в новой, современной, технической сфере деятельности. Эта старая военная элита, которой грозило вымирание, снова обратилась к эффектным символам уходящей эпохи.

Однако если принять во внимание высокий процент офицеров — выходцев из буржуазии среди служивших в ВВС, то подчеркнутое

[46] В известном смысле происходило «изобретение традиции». См.: The Invention of Tradition / Hg. E.J. Hobsbawm. Cambridge, 1983.

рыцарство летчиков выступает в ином свете. На семантическом и символическом уровне произошла «феодализация» буржуазии. Описывая воздушные сражения, буржуа сами «посвящали» себя в рыцари и, претендуя на свойственную рыцарству ведущую роль, присваивали себе символику старой элиты. Буржуазная среда, из которой в основном происходили литераторы и издатели, а также летчики, создала своих героев и навела на них глянец, использовав наиболее существенные элементы аристократической «образцовой культуры». Воздушные «дуэли», метафоры, заимствованные из лексикона охотников, а также гербы, знаки и рисунки, которыми украшали самолеты, убедительно свидетельствуют о том, что капитал символов минувшей эпохи был пущен в дело для основания традиции, необходимой современному роду войск, для примирения дворянской знати с новыми людьми и укрепления позиций буржуазии.

Эти герои обнаруживают как раз те доблести индивида, на которые притязала буржуазия: испытанность в деле, решительность, усердие, труд с выгодой для себя и, особенно, для общества. И они доказали, что соответствуют представлениям о мужественности, которые в отношении других бойцов война уже поставила под сомнение[47]. Так как летчики были профессиональной элитой, то есть принципиально открытой функциональной группой, они прекрасно могли служить примером и для рабочих. Как явствует из военных книг, они принадлежали «к лучшим людям немецкого народа», их социальное происхождение не играло роли, важны были только успехи и личные качества. И действительно, случалось, что бывшему «шоферу» или унтер-офицеру из частей технического обслуживания выпадало счастье стать летчиком-истребителем, пусть даже и не столь горячо любимым в народе, как другие.

Вполне очевидно что, литературная продукция, посвященная воздушной войне, отражала существенные аспекты социального переворота. Коренные преобразования, ускоренные войной, поставили перед современниками сложнейшую задачу интерпретации событий. Прежде чем сформировались и были усвоены новые трактовки, традиционные фильтры восприятия и интерпретационные образцы подверглись проверке на реалистичность. Эти структуры сохранялись, пока с их помощью удавалось придавать текущим событиям тот или иной смысл.

---

[47] *Schilling R.* Kriegshelden. S. 15–33, 252–271; *Schüler-Springorum S.* Vom Fliegen und Töten.

В случае летчиков особенно заметный успех имел архаический типаж рыцаря, именно он оказался поливалентным и способным исполнять целый ряд функций в разнообразных контекстах. Большой успех военной литературы у читателей говорит о том, что существовала потребность в подобных, опиравшихся на семантические анахронизмы, мистификациях войны, уже утратившей привлекательность. Массовое чтиво, адресованное представителям любых слоев общества, предлагало востребованный образ, противоположный индустриализированной, технизированной, анонимной смерти на полях сражений, удовлетворяло жажду романтики и открывало путь к бегству от гнетущей действительности. Воздушная битва стала антагонистом позиционной войны, служила как своеобразный антидот. Унылое сидение в окопах, бессмысленная массовая гибель людей, технические средства уничтожения получили диалектическое дополнение и снятие в литературном изображении воздушной войны.

Это обстоятельство выступает отчетливей, если обратить внимание на пространство и (военный) ландшафт, над которым парили в вышине летчики. Глаза армии — именно ими были военные летчики, — покоряя третье измерение, способствовали появлению нового отношения к пространству. Реализация мечты человечества — взлететь в небо подобно птице, по видимости, освобождала человека от привязанности к земле. Достаточно представить себе тяготы бытия окопных солдат, чтобы стало понятно: мобильность летчиков была решающим фактором их популярности. На символическом психологическом уровне летчики играли компенсаторную роль. Взиравшие с земли на летчика пехотинцы, а также читатели, видели свободное существо, вознесшееся над землей, где властвовал и вершил судьбы демон техники. Летчик — подвижное, не загнанное в тесные окопы создание, плывущее по воздушному океану, свободное и, казалось бы, ничем не связанное, — мог видеть все в целом, охватывал взглядом театр военных действий, в отличие от массы бойцов на земле. Герои воздушной стихии были «зрячими», а не «слепцами». Этот атрибут, способность видеть, но еще больше — мобильность обеспечивали летчикам статус героев[48]. Они могли летать над нейтральными полосами, не зная страха и гнетущей тоски окопных солдат, и вскоре это положение стало восприниматься летчиками как вполне привычное и естественное, несмотря на все опасности. Бойцы на позициях, а также население в тылу, жаждавшие

[48] *Reimenn A.* Der groβe Krieg der Sprachen. S. 68.

решительного прорыва немцев, находились в зависимости от летчиков, от того, насколько те способны в третьем измерении преодолевать неподвижность войск, дислоцированных на плоскости — земле. Только в третьем измерении, казалось, человеку дана свобода передвижений и возможность пересекать любые границы. Такое понимание воздушной войны служило основой для трансцендирования страданий и позорных поражений, происходивших на земле[49], а также для упований на своего рода «бога из машины», который, ринувшись с небес, мог решить исход битвы, а то, глядишь, и всей войны.

Такие описания и рассказы, обещавшие читателю аутентичное и реалистичное повествование о военных действиях, способствовали созданию весьма далекой от реализма картины войны. Парадоксально, однако, главным орудием «устранения реализма войны»[50] были тексты, посвященные передовой военной технике. Авторы создали образы летчиков, по сути, персонифицирующие переломную эпоху, однако эти персонажи остались почти не затронутыми проблемой утраты смысла и ориентиров, которую поставила война перед большинством воинов. Это обстоятельство также способствовало упрочению героического статуса летчиков, смельчаков, не ведающих сомнений и нерешительности. Их семантическая связь со старым, гибнущим миром представлена как нерушимо прочная. Очень хорошо иллюстрируют это показанные в книгах отношения человека и машины.

---

[49] Эрик Лид пишет: «В условиях окопной войны обострился и вообще значительный интерес к внешнему виду неба, солнечным восходам и закатам, к атмосферным явлениям, которые Раскин выделил в качестве наиболее важных тем живописного отображения. <...> Небо и земля постоянно предлагали неисчерпаемый запас патетических или иронических контрастов между спокойствием и смятением, вечным и бренным, неизъяснимым и материальным. Пристальное внимание к небу и его обитателям могло лишь усилиться в земном мире, где смерть грозит его обитателям чуть не каждую минуту. <...> Многие полагали, что за пределами их собственного узкого поля зрения существует некое божественное око, некий левиафан, чуждый страданиям, не испытывающий того, что испытывают они, некое создание, наделенное волей и целью, в отличие от их собственного бессилия и бесполезности. Если они и осознавали иррациональность, которая присуща перенесению на творения фантазии всего того, чего эти люди лишились, то сама эта возможность обеспечила появление труднейшей проблемы войны — проблемы продолжения существования и непрерывности смысла». *Leed E.J.* No Man's Land, Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 136.

[50] *Virilio P.* Krieg und Kino. Logistik der Wahrnehmung. Frankfurt am Main, 1989.

Все авторы с огромным воодушевлением пишут о своих первых полетах, а также об открывающемся с высоты птичьего полета ландшафте и арене военных действий[51]. Самолет как бы становится органическим дополнением физических способностей авиатора, «протезом» и средством достижения власти[52]. Однако ни расширение возможностей человека благодаря машине, ни революционный пересмотр отношений субъекта и пространства не стали предметом размышлений авторов. Если фронтовики на позициях знали, что «автоматы» грозят им гибелью, а разрушительная сила мощной техники может вернуть их к состоянию первоначальной материи, то в небе над окопами парило некое двойственное, механически-органическое существо. В описаниях, вышедших из-под пера летчиков, это новое отношение к машине отражено редко. Их тексты все еще питает вера в прогресс, которая до войны выразилась в охватившем всю Германию восхищении дирижаблями (цеппелинами)[53]. С тех пор технический прогресс находил лишь безоговорочное одобрение. Достоинства летчиков это позитивное отношение к технике не умаляло, напротив, давало им преимущества. «Беспрепятственное применение (техники) как необходимой составной части эффективных действий»[54] для летчиков не было связано с преодолением чего-

[51] Например, Рихтгофен пишет: «Мы приехали на аэродром. Я впервые сел в самолет. Поднятый пропеллером ветер ужасно меня раздражал. Переписываться с пилотом было невозможно. Все вылетало из рук. Стоило взять клочок бумаги, он тут же исчезал. Шлем у меня съехал набекрень, шарф размотался, куртка была плохо застегнута, словом, вид аховый. Я еще не приготовился к старту, а пилот вдруг дал полный газ, и машина начала разгон. Все быстрее, быстрее. Я судорожно вцепился в сиденье. И вдруг тряска прекратилась, машина поднялась в воздух. Земля внизу мчалась прочь. <…> Я потихоньку начал присматриваться к местности внизу. Люди крошечные, дома, будто из детского конструктора, все — такое хорошенькое и изящное. <…> Кельнский собор — игрушка. Все-таки возвышенное чувство — вот так парить над всем. Кто мне теперь может быть опасен?» *Richthofen M. von.* Der rote Kampfflieger. S. 45.

[52] «В это время все, у кого руки срослись с рычагами управления, патрулировали здесь, подстерегая добычу», — писал Удет. Kreuz wider Kokarde. S. 115. Аналогичное наблюдение находим в книге Буддеке: «Что до моей эскадрильи, то я придавал большое значение летной подготовке пилотов. Находясь в воздухе, пилот должен срастаться с машиной так, чтобы все движения и повороты делать совершенно автоматически и механически. Это главнейшее условие успеха». (*Buddecke H.J.* El Schahin. S. 99).

[53] *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. S. 9–59.

[54] *Rohrkrämer Th.* Eine andere Moderne. S. 244.

то, в отличие от окопных солдат, которым применение новых материалов несло гибель и которых повергало в растерянность сознание своего бессилия перед техникой и тщетности сопротивления ей. Летчики, особенно выходцы из буржуазии, видели в военных машинах просто осуществление своей мечты о технической игрушке[55]. Самолет стал осуществлением всех желаний; новый, лучший мотоцикл, новый, более быстрый автомобиль — это были вершины в ощущении интенсивности жизни. Молодые авиаторы, настоящие дети своего времени, века восторженного поклонения технике, в войне нашли свой идеал жизни[56]. Для описаний машин характерен тот же контекст, что существовал и до войны. Борьба и личная победа определяют стилистику текстов и воспроизведение в них традиционных понятийных схем, которые препятствовали осмыслению наставших перемен в отношениях между человеком и техникой. Эти описания не обладают прогностическими качествами, они обращены в прошлое, что особенно очевидно при их сравнении, например, с появившимися в то время текстами футуристов.

В этих книгах над полями сражений не кружит ницшеанский человек будущего, тот, «кто строит машины и противоборствует с машинами, для кого машины — не мертвое железо, а органы власти, которыми он владеет с холодным рассудком и жаркой кровью»[57]. Такая интерпретация появилась уже в условиях послевоенного времени, когда

---

[55] Бельке пишет о своем новом «фоккере», как о подарке на Рождество: «Это была последняя современная машина, на которой я еще не летал; теперь я, выходит, освоил все модели, какие есть у нас в Германии. “Фоккер” стал замечательным подарком мне на Рождество. Теперь у меня два аппарата: большой биплан для дальних полетов, маленький “фоккер” для поддержки действий артиллерии. <...> Сейчас двое моих деток мирно стоят под шатром, и малыш немного зарылся, а хвост подсунул под крыло большого». (*Boelcke O.* Hauptmann Bölckes Feldberichte. S. 26).

[56] Например, Иммельманн пишет: «Тон, настроение, которые окружают меня здесь, преисполняют меня удовлетворением. Непрерывно гудят двигатели, куда ни посмотри — везде только моторы, авто, грузовики, самолеты всех систем, воздушные корабли, короче, ты здесь по-настоящему в деле... Моя материальная сторона сполна получает свое. Я, так сказать, нахожусь в самой гуще моторов. Езжу то на мотоцикле, у нас их три, то на автомобиле. Или — летаю. <...> А уж до чего мне по вкусу это занятие, наверное, и говорить не нужно». (*Immelmann M.* Meine Kampfflüge. S. 10, 21).

[57] *Jünger E.* Das Wäldchen 125. Eine Chronik aus Grabenkämpfen 1918. Berlin, 1930 (1. Auflage 1925/ 5. Auflage). S. 19.

нужно было заново выработать позитивное отношение к технике. Это требование понятно лишь ввиду наставшего крушения иллюзий. Однако летчиков Первой мировой войны еще воодушевляло «наивное» изумление чудесами техники, свойственное эпохе веры в прогресс. Механическое обогащение жизни, более динамичное существование, культ скорости, а также видимость антибуржуазной позиции, которая обнаруживается в текстах военных летчиков, это выражение декадентства и вольнолюбия эпохи модерна. Только благодаря дискурсу новой войны на смену спортсменам и бонвиванам, любителям приключений пришли изрыгающие огонь железные ястребы. Реальные и семантические параллели и взаимосвязи между “vivere pericolosamente” Д’Аннунцио, формулировкой «атака — это все» Рихтгофена, юнгеровской «бьющей через край витальностью», фашистским превознесением насилия и культом техники наводят на мысль о неотвратимости процесса развития, которой в действительности не было. Летчики не были протофашистами, однако, и такие апологеты войны, как Юнгер, и национал-социалисты легко могли найти у них черты, позволявшие переосмыслить в своем духе образ воина и героя.

«Машины качало очень неприятно. Упасть они, конечно, не упадут, об этом позаботятся сто пятьдесят “лошадей”, но все-таки не очень-то весело знать, что на борту столько взрывчатки и бензина. Наконец, мы достигли более спокойных воздушных слоев и понемногу начали получать удовольствие от полета нашего бомбардировщика. <...> После сброса бомб было чувство: ты что-то совершил, тогда как после вылета истребителя, если никого не удавалось подбить, иногда приходилось говорить себе: мог бы справиться и лучше. Я очень любил сбрасывать бомбы. <...> Мы оставили про запас одну бомбу, чтобы с особой пользой применить ее при возвращении. <...> Мы делаем несколько отклонений от курса, ищем расположение войск, ведь на редкость приятно побеспокоить пулеметным огнем этих господ внизу. Полуварварские племена, какими являются азиаты, паникуют куда больше, чем образованные англичане. Особенно интересно стрелять по вражеской кавалерии. <...> Мой наблюдатель отлично стрелял по братишкам из пулемета, мы здорово повеселились»[58].

Рихтгофен описывает бомбардировку, свой «праздник стрельбы», и сегодня это описание приводит на память страницы книг о событиях Второй мировой войны или Вьетнама. Но Рихтгофена нельзя считать

[58] *Richthofen M. von.* Der rote Kampfflieger. Berlin, 1917. S. 83.

типичным представителем касты летчиков Первой мировой войны. «Красный барон»[59] был одним из тех энергичных радикалов, кто воплощал переход от «вчерашнего мира» к новому времени, хотя на семантическом и символическом уровне они выступают как противники этого развития. В фигуре Рихтгофена, и в этом его парадигматическое значение, заявила о себе новая эпоха, хоть и предстала она еще в старом, аристократическом одеянии. Его бестселлер «Красный истребитель», 30-й номер в военной серии издательства Ульштайн, вышел в 1917 г., и до окончания войны, то есть всего за год, тираж в 400 000 экземпляров был полностью распродан. Рихтгофен создал образ закаленного, безоглядно храброго воина, его агрессивность говорит о презрении к жизни. Очевидно, он знает лишь свое дело, и тут он усерден, как настоящий «мастер из Германии». Но ничего подобного его холодности, механического восприятия своей работы — убийства — нет ни в одной из всех изученных нами книг, написанных летчиками. Если впоследствии Рихтгофен стал самым известным летчиком, оставив позади других знаменитых асов, то объясняется это отчасти тем, что его красный самолет, как символ, был поливалентным и с успехом использовался в различных контекстах[60]. Тот факт, что из целой когорты героев Первой мировой войны нацисты выбрали именно Рихтгофена, подтверждает наш тезис о наличии в его личности черт переходного характера. Но это же говорит и о том, что тогдашнее обращение к истории Первой мировой войны[61] решительным образом определило характер воспоминаний о ней; ранние картины затерялись под позднейшими наслоениями.

Авиаторы играли заметную роль в новом дискурсе 1920–1930-х гг., — пусть привязанном к Первой мировой войне, но полном актуальной взрывчатой силы. Успешное внедрение техники в жизнь, ставшее характерной чертой современности, было существенным фактором мировоззренческого соперничества различных общественных систем. Как на Западе и Востоке, так и в фашистском «клине», вбитом между этими системами, летчики служили репрезентантами общества, демонстрировали свое соответствие требованиям современности и уверенность в предстоящей

---

[59] Так прозвали Рихтгофена, потому что его самолет был выкрашен в красный цвет. Политической символики цвет в данном случае не имел.

[60] Имена Бельке и Рихтгофена носят сегодня в ФРГ эскадрильи истребителей ВВС.

[61] См.: *Schilling R.* Kriegshelden. S. 289–374.

победе своей системы, не исключая и победы военной, в случае новой войны.[62] Летчик тут был оптимальным типажем, так как его популярность обеспечивала широкий общественный резонанс. Но лишь в некоторых странах эстетически привлекательный образ воина-героя, вооруженного современной техникой, стал неотъемлемой составной частью проектов, посвященных настоящему и будущему общества. В Германии летчик воплощал примирение с прошлым и будущее. В образе летчика можно было соединить рыцарский идеал и национальное прошлое с требованиями, предъявляемыми к новому homo technicus.

Оживив анахронические представления о воинских доблестях, удалось представить летчика как властелина техники, которую он (заново) сделал своим орудием. Поставленная на промышленные рельсы война сохраняла коннотацию спортивного состязания. В книгах обсуждалась не обеспеченная развитием техники эскалация разрушений, а принцип дуэльной состязательности, испытание силы и стойкости. Восприятие техники как грозной «силы, подвластной своим законам» (Карл Шмитт), летчикам было чуждо — самолеты для них были самодвижущимися протезами. И потому созданный в книгах летчиков образ романтически идеализированного нового века отчасти обусловил тот чуждый рационализму культ техники, который пышным цветом расцвел после войны. Возвышение техники и отношения к ней человека с помощью средневековых рыцарских образов можно считать эмблемой той неудовлетворенности своим временем, которое, все более нарастая после 1918 г., нашло выражение в понятии «реакционного модернизма».[63] Поскольку в литературных образах статус и военные действия асов интерпретировались с помощью архаичных, во всяком случае, несовременных символов, этот процесс, пусть в иной связи, был уже подготовлен. Но лишь в условиях поражения Германии «реакционный модернизм» принес свои весьма проблематичные плоды. Образцы интерпретаций, заимствованные у одряхлевшего старого мира, в который попытались, было, вдохнуть новую жизнь, теперь стали лозунгами борьбы против всего нового. Новое же вознамерились подавить, поскольку оно ощущалось как навязанное чуждыми силами. Романтический ореол, увлечение стариной и попытка оживить

---

[62] См. например, о советских героях-летчиках: *Günter H.* Der sozialistische Übermensch. M. Gorkij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993.

[63] *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. New York, 1984.

канувшие в прошлое традиции затрудняли понимание того, что мир прошлого невозвратимо потерян. Не в последнюю очередь это было характерно для новых правых. Они отклонили нормативные элементы проекта просвещения и уничтожили в нем стремление к либерализму и эмансипации. Эти движущие силы модернизма стали идентифицировать с победителями или с «внутренними врагами» и, тем самым, всемерно их дискредитировали. В итоге от прежнего проекта нового человека остались лишь его научные и технические аспекты, приправленные изрядной долей романтизма. Но оказалось, что без нормативных ограничений достижения модернизма и, прежде всего, техника может быть использована для поистине варварских целей. Нигилистическим языком тотального господства и разрушения, который вскоре зазвучал со всей своей мощью, летчики Первой мировой войны еще не говорили. Но если не слова, то дела летчиков стали причиной того, что именно они явились прообразами тех, кто вскоре возвысился в Германии. И потому, в конечном счете, нам достался амбивалентный образ химеры, возникший в переломный момент истории, и составленный из противоречия между мифом, который вокруг него вырос, и реальностью, в которой он существовал.

Перевод Г.В. Снежинской

Е.Л. Желтова

АВИАЦИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОЖДЕНИЕ НОВОГО КУЛЬТУРНОГО МИФА

В самом начале XX в. в брошюре «Будущность России» сотрудник немецкого Статистического управления Рудольф Мартин отметил, что русская православная вера несовместима с веком техники, что она тормозит технический прогресс[1]. Это наблюдение известного эссеиста было вполне справедливо и в отношении воздухоплавания и авиации — адепты христианской веры не поддерживали их развитие.

Немного спустя (в 1907 г.) Мартин опубликовал фантастическую повесть «Берлин–Багдад», которая неожиданно вселила немецкому народу безусловную (но не оправдавшую себя во время войны) веру в несокрушимость немецких цеппелинов[2]. Так, Мартин невольно пробудил способность человеческой души, практически противоположную указанной им ранее,— боготворить летящую машину.

История восприятия авиации в культуре России первой трети XX в. ярко иллюстрирует обе способности. В преддверии и во время Первой мировой войны христианская вера давала элите общества веские основания не разделять восторженного отношения к авиации; после окончания Первой мировой, а затем Гражданской войн религиозность и суеверность народа позволили советским властям создать общенациональный культ вокруг авиации.

О том, как совершался в русской культуре поворот от отторжения авиации к ее возвеличиванию, как происходила смена культурных мифов об авиации и какую роль в этом сыграла Первая мировая война, пойдет речь в настоящей статье.

Особенности восприятия авиации в русской культуре (предвоенный период)

Русское правительство решило содействовать развитию авиации после знаменитого перелета французского авиаконструктора Луи Блерио через Ла-Манш. В 1909 г. Всероссийскому аэроклубу было присвоено звание Императорского; стали организовываться авиационные состязания, выставки; были основаны первые авиационные школы.

---

1 *Мартин Р.* Будущность России. М., 1906. С. 103.

2 *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. London, 1992. P. 38–41.

Несомненно, нарождавшийся в эти годы в России технически образованный слой общества видел в авиации важное техническое новшество, способное преобразовать не только жизнь государства и его граждан, но и ход будущих войн. Однако в русской культуре в целом отношение к авиации было более сложным.

В России, как и в Европе, первые полеты аэропланов взбудоражили культурную жизнь: если в Париже авиационные шоу собирали tout le Paris, то на первых авиационных состязаниях в Петербурге можно было встретить представителей всех сословий, включая цвет русского общества.

Люди стремились на авиационные шоу, так как не могли осознать, что управляемая человеком тяжелая крылатая машина способна лететь по воздуху. А когда они видели летящий аэроплан, то невольно воспринимали это как что-то невероятное, как чудо, и были готовы поверить и в то, что не сегодня–завтра авиация покажет еще большие чудеса. Аэроплан возрождал мечты человека о полете. Поэтому часто представления о грядущих в связи с авиацией переменах рождались не из рациональных оценок экспертов, а из древних как мир мечтаний и интуиций человека о полете. Мысль о том, что аэроплан приближает человека к высшему, быть может, божественному миру, витала в воздухе и наиболее полно была раскрыта в литературе и поэзии. Приветствовавшие авиацию поэты и писатели России нередко проецировали на аэроплан свои грезы о полете духа.

Так Леонид Андреев в рассказе «Полет», который позднее счел «одним из самых показательных» для своего творчества[3], описывает то, как летчик совершает переход к вечной, духовной жизни. Летчик — герой рассказа — вполне счастлив в своей земной жизни, но вот он — в полете, и он начинает ощущать и осознавать как любовь только свою душу. Он познает высшую любовь и прозревает, что полет на аэроплане — это прямой путь к воссоединению с высшим, божественным началом. И летчик летит все выше и выше, переживая последовательность духовных превращений, наполненных образами из языческой и христианской мифологии, и приходя к естественному пониманию, что уже не вернется на Землю. Финал — гибель летчика, но гибнет лишь отмеченная падением плоть, а дух устремляется ввысь[4].

---

[3] Впервые рассказ Л. Андреева «Полет» был опубликован под заглавием «Надсмертное» в журнале «Современный мир». 1914. № 1.

[4] *Андреев Л.* Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 313–316.

Символист Валерий Брюсов написал во славу авиации несколько стихотворений. Ему казалось, что авиация, утолив древнюю мечту человека о полете, открывает новую радостную эру, где человек станет возвышеннее, где будут уничтожены границы между государствами и где народы заживут дружественной жизнью, стремясь лететь все выше и выше, к звездам[5]. В стихотворении «Краткий дифирамб» поэт помещает аэроплан в одно пространство с мифами о полете: «Руль моноплана / Соперник Феба»[6]. А в стихотворении «Первым авиаторам» Брюсов вполне созвучен распространившемуся в это время в европейской литературе мифу о том, что в XX в. на смену трагически упавшему в море Икару пришли победоносные летчики: «Наш век вновь в Дедала поверил, Его суровый лик вознес...»[7].

Эго-футурист Игорь Северянин мыслит себя «песнопевцем-авиатором», полет поэтического духа и полет на аэроплане для него тождественны[8]. Поэт видит в гибели летчика особую красоту и величие (быть может, в чем-то схожую с вознесением, описанным Леонидом Андреевым) и призывает всех, «кто в смерти ищет красоты», последовать примеру летчика[9]. Северянин, как и другие футуристы (Велимир Хлебников, Елена Гуро, Василий Каменский), экспериментирует со словами на авиационную тему и создает метафоры, обозначавшие футуристический взгляд на современный ему мир.

Больше других увлекался авиацией и пропагандировал ее поэт-футурист Василий Каменский. После своего первого полета на аэроплане поэт говорил о «божественности ощущения», о «райских галлюцинациях» во время полета[10], но наряду с чисто футуристическими поэтическими экспериментами (см., например: В. Каменский «Улетан») и идеями, он неосознанно переносил на полет на аэроплане миф о райской жизни. В предсказании будущего в связи с авиацией поэт пишет, что за первые 200 лет существования авиации люди в совершенстве овладеют полетом на самолете; через 200 лет «каждый человек со дня рождения будет иметь свой аэроплан, как органическую необходимость», через 500 — аэропланы исчезнут, и все люди переродятся в человеко-птиц

---

[5] *Брюсов В.* Избранное. М., 1983. С. 133–134, 209, 211, 242.
[6] *Брюсов В.* Собр. соч., М. 1974. Т. 3. С. 369.
[7] Там же. С. 536.
[8] *Северянин И.* Трагедия Титана. Космос. Берлин; М., 1923. С. 16.
[9] Там же. С. 43.
[10] *Каменский В.В.* Его–моя биография великого футуриста. М., 1918. С. 111.

«с большими белыми крыльями», мир станет подобен «птичьему раю», наступит «блаженное время», когда будет познан смысл бытия; через 1 000 лет, «в силу естественного перерождения», человеко-птицы выродятся в обыкновенных птиц, тогда же среди обезьян появится одна, похожая на человека, которую впоследствии назовут Адамом». С этого момента эволюционный цикл начинается с начала[11]. Для Каменского такая картина будущего авиации представлялась вполне реальной.

Видение в летчиках людей, приближающихся к божественному миру, было распространено в России — в народе их часто называли небожителями. Но вот представитель образованного слоя русского общества Владислав Ходасевич смотрит на проносящегося «над полями, лесами, болотами» «небожителя–героя–человека» недоверчиво и заклинает его не возноситься в небо, а упасть и неприглядной чисто человеческой смертью разрушить миф о летчике-небожителе[12].

Против смешения полета духа и полета на аэроплане высказывались многие русские поэты. Об этом писали Александр Блок, Андрей Белый, Константин Фофанов[13].

О грядущих воздушных войнах, в отличие от Германии, в русской литературе и поэзии было написано очень мало. Ужасный образ будущих войн в нескольких строчках предвидел Александр Блок:

Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?»[14]

Образ аэроплана, несущего земле «молнии и пожары», можно встретить у находившегося под сильным влиянием воинствующей поэзии и прозы Маринетти Вадима Шершеневича[15]. Вл. Семенов опубликовал на тему воздушных войн дилетантский роман[16]. О немецкой художествен-

---

[11] *Каменский В.* Аэропророчество. (Рождественское предсказание пилота-авиатора В. Каменского). 1908–1917. Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 1497. Оп. 1. Д. 142.

[12] *Ходасевич В.* Авиатору (30 марта 1914 г.) // *Ходасевич В.* Собрание стихов. М., 1992 . С. 142–143.

[13] *Чуковский К.И.* Летучие листки // Речь. 1911. 8 (21) мая. С. 3.

[14] *Блок А.А.* Стихотворения, поэмы, театр. Л., 1936. С. 208–209.

[15] См. стихотворение Вадима Шершеневича «Землетрясение» (1913 г.) // *Шершеневич В.* Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль, 1996. С. 99.

[16] *Семенов В.* Цари воздуха. СПб.; М., 1909.

ной литературе, воспевшей военную мощь цеппелинов, в России станет известно лишь во время Первой мировой войны[17]. Несмотря на то, что русские военные находились в паническом ужасе от военной силы немецких цеппелинов, публицисты периодически печатали заметки о будущих войнах в воздухе (в основном, перепечатывая западные статьи), а русский читатель мог почерпнуть представление об ужасах будущих воздушных войн из известного, дважды изданного в преддверии войны в России романа Герберта Уэллса «Война в воздухе»[18], тема воздушных войн в русскую культуру глубоко не проникла.

В те годы русские писатели, поэты, философы были озабочены вопросом о том, как в век наступающей техники сохранить духовные ценности человека. Следуя этому общему направлению мысли, восторженно настроенные в отношении авиации поэты, писатели, публицисты видели в аэроплане, прежде всего, удивительный инструмент для усовершенствования человека и общества. Они были поглощены именно этими радужными перспективами и оказались не подготовлены к тому, что авиация может обмануть их ожидания и обернуться мощным смертоносным оружием.

Авиация в культуре России в период Первой мировой войны

19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. Россия вступила в войну с вполне внушительным числом самолетов на вооружении — 244 (133 ньюпора и 91 фарман)[19], но, в основном, устаревшей конструкции. Авиапарк нуждался в регулярных поставках авиационной техники по контрактам из Франции и Англии, что в условиях войны не осуществлялось.

Важным отличием русских воздушных сил от европейских являлось то, что в первые два года войны на их вооружении не было истребителей. Русские летчики не вели бои в воздухе с противником из огнестрельного оружия, как это делали европейские летчики обеих воюющих сторон вслед за первым летчиком-асом Роланом Гарро. Известна реплика немец-

---

[17] *Фриче В.* Немецкие фантазии о набеге Цеппелинов // Рус. ведомости. 1915. 11 января. № 8. С. 3.

[18] *Уэллс Г.* Война в воздухе. М., 1909; *Уэллс Г.* Война в воздухе // Собр. соч. Т. 11. СПб., 1910.

[19] *Higham R., Kipp J.W.* Soviet aviation and air power. A historical view. London, 1978. P. 20.

кого аса барона фон Рихтгофена о том, что летные миссии на Восточном фронте, который контролировала русская авиация, воспринимались немецкими летчиками как «сплошной праздник»[20]. Наиболее успешными в русском воздушном флоте были действия эскадры воздушных кораблей, сформированной из известных теперь всему миру самолетов Сикорского «Илья Муромец». Тяжелые «Муромцы» осуществляли задачи разведки и бомбардировки на Северном, Северо-Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах[21].

Война всколыхнула религиозные идеалы русской культуры — практически все русские писатели и поэты увидели свой долг в публикации произведений, мобилизующих духовные силы русского народа на победу. Появилось большое количество литературных произведений, отображавших войну сквозь христианские представления о священном долге, добре и зле.

В отличие от Европы, культурные центры России находились вдали от военных действий авиации, и отношение к ней в русской культуре формировалось газетными и журнальными публикациями и свидетельствами очевидцев, которые сконцентрировали внимание на разрушительной силе авиации и воздухоплавания на бомбардировках.

В религиозном контексте аэроплан, ассоциировавшийся только с бомбардировками, воспринимался посланником воинствующих сил зла, носителем невиданных ранее бед и появлялся в произведениях ведущих поэтов Серебряного века лишь как знамение беды.

В сборнике стихов о войне, куда вошли стихотворения А. Ахматовой, К. Бальмонта, В. Иванова, В. Брюсова и других известных поэтов, мы встречаем образ аэроплана в войне только у Александра Блока в стихотворении «Антверпен». Все земное, благостное предстает поэту как обманное, так как наверху, «в клочке лазури» уже виднеется «предвестник бури — кружащийся аэроплан»[22]. Это стихотворение Блока будет перепечатано в других изданиях[23]. Ушедший добровольцем на фронт поэт Николай Гумилев на первых же страницах своих «Заметок кавалериста» пишет: «Неприятельский аэроплан, как ястреб над спрятав-

---

[20] Цит. по: *George M., Sheppard V.* Russian's Air Forces in War and Revolution // Cross and Cockade. 1986. Vol. 17. P. 145–152 (P. 148).

[21] *Михеев В.Р.* Историческое введение // Сергей Никольский. На воздушном Корабле. М,. 2001. С. 8.

[22] О войне. Стихи современных поэтов. Пг., 1915.

[23] Современная война в русской поэзии. Пг., 1915.

шейся в траве перепелкой, постоял над нашим разъездом и стал медленно спускаться к югу. Я увидел в бинокль его черный крест»[24]. В 1915 г. М. Волошин, живя в Париже, пишет книгу стихов о войне. В одном из них он рисует воистину адский образ военной техники и первых в истории бомбардировок: «железные кишели пауки»; «падали на землю разрывные и огненные яйца»[25].

Кардинально меняют свое отношение к авиации и те поэты, которые до войны восторгались ею. В конце июля 1914 г. в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости» уезжает в Варшаву В. Брюсов. С первых дней влюбленный в авиацию и связывавший с ней самые светлые надежды на будущее всего мира, он приходит в негодование, поняв, каким варварским оружием стала авиация:

Казалось: уничтожив грани
Племен, народов, государств,
Жить дружественностью начинаний
Мы будем — вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.

И что же! Меж царей лазури,
В свои владенья взявших твердь,
Опасней молний, хуже бури,
Те, что несут младенцам — смерть.

Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками
Свергают свой огонь с высот![26]

В декабре 1914 г. поэт своими глазами видел бомбардировку Варшавы. Он с негодованием написал о ней в своем очерке в газете «Русские ведомости» за 16 декабря 1914 г. и в стихотворении «Аэропланы над Варшавой»:

С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы![27]

---

[24] *Гумилев Н.* Записки кавалериста. Омск, 1991. С. 9.

[25] *Волошин М.* Аполлiон. В: Максимильан Волошин. ANNO MUNDI ARDENTIS. М., 1916. С. 47–49.

[26] *Брюсов В.* К стальным птицам. С. 349.

[27] *Брюсов В.* Аэропланы над Варшавой // *Брюсов В.* Собр. соч. М., 1974. Т. III. С. 150.

Перестает восторгаться авиацией Игорь Северянин. Он, как и многие другие, был в ужасе перед открывшейся разрушительной силой авиации:

Царь голод, и процессии гробов
……
И танки, и Ньюпор, и цеппелины,
И дьявол, учредивший фирму Крупп[28].

И даже Василий Каменский, который, в целом, оставался верен футуристическим идеалам идеи полета, на какое-то время раскаивается в том, что был летчиком:

…Господи,
Меня помилуй
И прости.
Я летал
На аэроплане[29].

Теперь уже все значительные поэты и писатели России отвернулись от авиации. Они не могли и помыслить о том, чтобы воспеть летчика, который, в их представлении, превратился в жестокое, безнравственное существо, беспечно летающее над священным полем битвы и с легкой душой бросающее бомбы во все живое. Поэт Осип Мандельштам ярче других описал этот новый в истории поворот человечества к бесчестью и варварству:

А вам, в безвременье летающим
Под хлыст войны, за власть немногих —
Хотя бы честь млекопитающих,
Хотя бы совесть ластоногих.
И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя[30].

В высшем эшелоне русской культуры не возникло нового героя — летчика.

Европа, в отличие от России, в годы войны переживала связанный с авиацией последний в своем роде период героической романтики. В начале апреля 1915 г. французский летчик Ролан Гарро (Roland Garros), направленный командованием на защиту Парижа, в одиночку один

---

[28] *Северянин И.* Трагедия Титана. Космос. Берлин; М., 1923. С. 183.
[29] *Каменский В.* Моя молитва ‖ Поэзия русского футуризма. СПб., 1999. С. 253.
[30] *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. 1991. Т. 1. С. 147.

за другим сбил пять самолетов противника, и первым в мире был назван асом. С этого времени внимание европейского общества сконцентрировалось на летчиках-истребителях, ведших бой с противником в воздухе из огнестрельного оружия. Жизнь летчиков всем представлялась, выражаясь словами американского писателя Торнтона Уайдлера, «гомерической», в том смысле, что именно о такой молодой, блистательной, полной опасностей жизни была написана «Илиада». Многие европейские поэты и писатели стремились написать свою «Аэроилиаду» новой мировой войны. Произведения о первых военных летчиках имели в Европе феерический успех. Например, в Германии три из шести лучших бестселлеров о Первой мировой войне были написаны о летчиках[31].

О летчиках Первой мировой войны слагались поэмы, легенды, песни. Имена летчиков-асов были известны больше, чем имена генералов, командовавших фронтами. В действительности, впечатляющие героические поединки летчиков в небе ассоциировались в европейском сознании с рыцарскими турнирами, в своем высшем «небесном» проявлении. Недаром летчиков в Европе часто называли «воздушными рыцарями». Летчики Первой мировой войны находились в привилегированном по отношению к солдатам положении: их число на фронтах исчислялось десятками, их действия не были жестко регламентированы, и они вели воздушные бои не по указанию свыше, а в соответствии с собственными морально-нравственными принципами и выбором. Летчики часто демонстрировали уважительное и благородное отношение друг к другу вне зависимости от принадлежности к воюющей стороне, чем приводили в восторг всю Европу. Таким образом, летчики оказались последним форпостом, ярко и благородно противостоявшим страшной тенденции новой войны — массовой варварской гибели людей, сопровождавшейся деперсонализацией героев и жертв.

В России не возникло культурного феномена летчика-аса. Тем не менее, участие авиации в войне не прошло незамеченным в русской культуре. Большинство ведущих газет, таких как «Русские ведомости», «Речь», «Новое время», «Русское слово», регулярно публиковали хронику бомбардировок и воздушных боев, печатали обзорные статьи и размышления о роли авиации в современной и будущих войнах. Тема авиации постоянно звучала в ведущем литературно-художественном журнале «Нива», присутствовала на страницах специализированного журнала «Воздухоплаватель». Об авиации писали и в других журна-

[31] *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. P. 235.

лах. В журналах печатались рассказы и стихи малоизвестных поэтов и писателей о жизни летчиков, об их миссии в войне.

Самым примечательным явлением первых двух лет войны было то, что в ответ на призыв известных деятелей литературы публиковать о войне как можно больше и считать публикации о ней патриотическим актом[32] многие дилетанты в области поэзии и литературы стали издавать собственные сборники стихов и рассказов об авиации. Иллюстрированные книжечки небольшого формата с привлекательными названиями «Песни воздушного боя», «Война в воздухе», «Битва в воздухе» появлялись на прилавках книжных магазинов во многих городах. Энтузиаст авиации И.М. Радецкий даже стал издавать в Херсоне специальный журнал «Заря авиации», посвященный исключительно русской военной авиации.

Это спонтанное творчество дилетантов шло в унисон с общим подъемом национального духа, продолжавшимся до весны–лета 1915 г., а после лета 1916 г., когда в России разразился кризис, подобные публикации уже не появлялись.

Авиация, безусловно, была знаменательным явлением новой войны, что было понятно и для многих составителей серьезных сборников стихов и прозы о войне. И, несмотря на их дилетантский уровень, стихи о летчиках и авиации включались в солидные издания. Так известный поэт Вл. Ходасевич завершил составленную им антологию «Война в русской поэзии», куда вошли стихотворения самых знаменитых русских поэтов от В.А. Жуковского и П.А. Вяземского через А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова до стихов современных ведущих поэтов, стихотворением Б.А. Садовского, посвященным памяти летчика А.В. Самсонова. В обширный сборник стихов «Современная война» (составитель Б. Глинский) вошло несколько стихотворений о летчике П. Нестерове. В литературно-художественном альманахе «Война» было опубликовано стихотворение Н. Моварской о гибели четырех немецких авиаторов.

Несмотря на то, что в первый год войны практически единственным русским летчиком, атаковавшим и сбившим самолет противника, был знаменитый Петр Нестеров[33], главной темой многочисленных публикаций об авиации была именно тема летчика-героя.

Большинство авторов писали о подвиге Нестерова, героически погибшего 25 августа 1914 г. Он поднялся в воздух навстречу трем не-

---

[32] *Цехновицер О.* Литература и мировая война. 1914–1918. М., 1938. С. 99–100.

[33] 27 августа 1913 г. в Киеве П. Нестеров впервые в мире продемонстрировал мертвую петлю.

мецким аэропланам, стремясь отогнать противника от расположения русских войск. Нестеров настиг один из немецких самолетов и ударил своим шасси. Немецкий аппарат стремительно полетел вниз. Самолет Нестерова был задет пропеллером неприятеля и вошел в штопор, летчик выпал. «Картина была такая величественная, что я не забуду ее во всю жизнь», — писал один из очевидцев гибели Нестерова[34].

В многочисленных стихах и рассказах П. Нестеров был воспет как храбрый и незабвенный герой[35], величием своего духа во имя победы презревший смерть[36]. Он погиб в жертвенном падении, исполненном, по мысли некоторых авторов, высшего смысла[37], по-видимому, того мистического смысла, который вкладывал в смерть летчика Леонид Андреев.

В связи с подвигом Нестерова, авиация впервые предстала в двух (вполне традиционных для религиозно-мифологических представлений о полете) ипостасях: вражеская авиация виделась как темная, разрушительная сила, а авиация России и союзников — как светлая и спасительная. В одном из стихотворений подвиг Нестерова описывается так:

У одного был ястребиный,
Жестокий, медленный расчет,
А у другого лебединый,
Светло-восторженный полет[38].

Эта линия раздела авиации на «злую» и «добрую» развивалась и в других рассказах и стихах, не связанных с именем Нестерова[39]. Иногда аэропланы врага ассоциировались со злыми демонами, вполне в соответствии с христианским представлением о летающих в воздухе силах зла[40]; иногда — с образами летящей нечистой силы из русских народных преданий и сказок. Так в рассказе Б. Никонова «Лебединая песнь старого собора» самолеты врага налетают на поселение мирных жителей в точности, как Соловей-разбойник в русских сказках: «С воем и

---

[34] Воздухоплаватель. 1914. № 10. С. 606.

[35] Война в воздухе. Рассказы очевидцев. М., 1914. С. 6–7.

[36] *Черевков Вл.* Песнь о Нестерове // Современная война в русской поэзии. Пг., 1915. С. 126.

[37] *Рославлев А.* Памяти Нестерова // Там же. С. 125.

[38] Там же.

[39] См., например: *Павлов Г.* Дуэль // Нива. 1916. № 19. С. 329–332.

[40] *Танковид В.* Неприятельский летчик // Доброволец. Еженедельная газета-журнал. 1915. № 22. С. 9.

свистом летят смертоносные птицы... и разрушают дома, и жгут их и убивают людей»[41].

Помимо Нестерова, в первый год войны в России у всех на устах было имя французского летчика Ролана Гарро. До России докатились волны восторгов, которыми Париж приветствовал победы Гарро. Заметки о подвиге Гарро и его фотографии печатались во многих журналах и газетах, а в небольшом сборнике стихов «Песни воздушного боя» были опубликованы два восторженных дилетантских стихотворения, прославлявших французского летчика[42]. Но век героя оказался недолгим — он был сбит 19 апреля 1915 г. «Героическая гибель Гарро, ценою своей жизни погубившего неприятельский воздушный дредноут «Цеппелин», приковывает к себе взоры всего мира», — писал автор небольшой брошюры «Битва в воздухе»[43].

Линия летчика-героя присутствовала в публикациях об авиации и безотносительно к конкретным именам. Хотя практически все авторы видели в летчиках особых людей, «людей другого измерения»[44], в описаниях образа летчика-героя не было единой тенденции. Чаще всего летчиков сравнивали с птицами, с гордыми и сильными орлами. Встречаются и народные образы, такие как летчик-богатырь, можно было увидеть образ летчика — обреченного на смерть героя, с христианским смирением принимающего свою судьбу. Иногда просматривается тенденция к его обожествлению[45].

Летом 1916 г. специальным распоряжением при каждом русском авиаотряде было организовано подразделение из двух (а затем нескольких) истребителей. В России начинают появляться летчики, сбившие по пять и более самолетов противника, — асы, как их называли во время войны во Франции. К ноябрю 1917 г. — моменту, когда Россия прекратила воздушные действия в войне, официально насчитывалось 18[46] (по некоторым источникам 19) русских асов[47].

---

[41] *Никонов Б.* Лебединая песнь старого собора // Нива. 1914. № 40. С. 764–766.
[42] Песни воздушного боя. М., 1914?. С. 3–4.
[43] Битва в воздухе. М., 1914. С. 9.
[44] *Качанов В.В.* гостях у авиаторов // Русские ведомости. 1915 г. 16 ноября. Приложение к № 263. С. 1.
[45] См., например: *Ярославский А.* Памяти погибшего летчика // Доброволец. Еженедельная газета-журнал. 1914 г. №7. С. 2.
[46] *Демин А.А.* Ходынка: взлетная полоса русской авиации. М., 2002. С. 291.
[47] *Nicolaou S.* Aviateurs dans la Grande Guerre. Paris, 1998. P. 119.

На лето 1916 г. пришелся последний всплеск публикаций об авиации, связанный с царским указом об учреждении 18 июля ежегодного праздника Русского военно-воздушного флота. Некоторые журналы опубликовали подборку фотографий и статей в честь вновь учрежденного «Дня авиатора». Но в этих, практически последних, публикациях об авиации уже чувствовалось, что тема войны отходит на второй план, уступая место проблемам, связанным с надвигавшимися политическим и экономическим кризисами. Это явилось еще одной причиной отсутствия в России всеобщего восторга и преклонения перед героическими поединками летчиков-истребителей.

Летом 1916 г. И.М. Радецкий попытался издавать журнал «Заря авиации», однако, вышел только первый номер. Радецкий дал, пожалуй, самый яркий пример восприятия авиации через призму христианского мировоззрения. По его мнению, полет на самолете стал возможен с благословения Бога и приблизил человека к Нему. В «Гимне Божественной Силе Русского Летчика», посвященном «Его Императорскому Высочеству Великому князю Александру Михайловичу», Радецкий пишет:

Прости мне, Боже, дерзость духа:
Твой глас святой коснулся слуха, —
И я познал тебя душой...
Паря свободно над землей,
Тебя я словом прославляю —
И зрю чудесный мир большой[48].

В эссе «К небесам» Радецкий заверяет, что «русский летчик, летя на механическом аппарате,... остается всегда поклонником небесной божественной силы». Многочисленные произведения Радецкого пронизаны христианской символикой и патриотическими чувствами. По поводу назначения «Дня авиатора» на 18 июля (день Ильи Пророка по церковному календарю) он писал: «Святой Пророк Илья, первый завоеватель воздушной стихии — бесконечного пространства мироздания — верховный, небесный покровитель воздухоплавания и русских летчиков»[49].

В связи с празднованием «Дня авиатора» во многих журналах вновь зазвучали темы «доброй» и «злой» авиации, летчиков-героев, их удивительной, прекрасной и возвышенной гибели. Но появилась и новая тема — об истинном предназначении авиации. Автор одной из главных

[48] Заря авиации. 1916. № 1. Июль. С. 5.
[49] Там же. С. 8.

статей в посвященном «Дню авиатора» номере журнала «Нива» размышлял так: «Я понял высокое предназначение этой самой удивительной и мудрой, я сказал бы, самой философской машины.

Созданная не острой потребностью узкого быта, как многие иные, но прекрасной и бесцельной мечтой человечества, может быть, тем тайным, что живет в душе нашей, как след дыхания Божьего, всегда влекущего к высоте, она исполняет благостную миссию — окрыляет наш ум, расширяет горизонты мысли, слишком прикованной к земле, обновляет ее сладким обетом безгранной свободы. И только наше непонимание ее сокровенного смысла и привычка нищих узко утилизировать всё дают ей иное назначение, часто унижающее ее. Таковым, например, я считаю ее участие в войне...

Разве для того, чтобы принести зло, лелеяло тысячелетиями человечество высокую и прекрасную мечту — быть подобно птицам небесным? А они — радость очей Господних»[50].

Война еще не закончена, а уже возникают более мирные, вечные сцены, авиация, вопреки предупреждениям ведущих русских поэтов, окутывается радужным божественным ореолом. Но этот воображаемый образ до поры до времени остается в стороне от реальных событий истории.

Тем временем в России растут антивоенные, пацифистские настроения. Россия ввергается в политический кризис. Стремительный рост авиации, переживаемый всеми странами-участницами войны, оказывается в русской культуре неосмысленным. Редкие публикации об авиации носили в этот период только информационный характер. На страницах газет и журналов, печатавших материалы об авиации («Новое время», «Русское слово», «Воздухоплаватель»), время от времени появлялись лишь описания поражавших воображение воздушных поединков[51]. Но о том, какие перспективы авиация открывает для гражданской жизни и для войн, речь не шла.

В феврале 1917 г. в России был свергнут царский режим. Активизируют свою деятельность Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков и вместе с ней пролетарские писатели. Они ведут яростную антивоенную пропаганду — выпускают и распространяют газеты «Окопный набат», «Окопная правда», «Солдатская правда», печатают антивоенные сборники стихов и прозы. В хаосе, голоде и море жертв,

---

[50] *Амнуэль А.* Белая птица // Нива. 1916. № 34. С. 568–569.

[51] См., например: Воздухоплаватель. 1916. № 6. С. 239.

которые принесла война России, голоса большевиков и их адептов давали надежду. Суть большевистской идеологии, призывавшей к прекращению войны, полному разрыву со старым режимом и построению нового мира, отвечала духовному настроению многих — большевистский миф о коммунизме реанимировал чаяния русского народа о земном рае.

Большевистские пропагандисты вывели на сцену новых, выбранных по классовому признаку, коллективных обезличенных культурных героев — Рабочего, Крестьянина, Солдата и Матроса. Летчики же, которые в большинстве своем были офицерами царской армии, представителями высших слоев общества, волею судеб находившиеся во время войны в привилегированном по отношению к солдатам положении, и которых не коснулась страшная тенденция Первой мировой войны — деперсонализация жертв — рассматривались как классовые враги. Хаос и жестокость последних месяцев участия России в войне трагически сказались на судьбах летчиков: кто-то перелетал прямо на самолетах на сторону союзников, кто-то подчинялся новой власти и переходил на сторону красных, кто-то бежал за границу, многие пропадали без вести, подвергались уничтожению, иногда кончали жизнь самоубийством[52].

Рождение советского мифа об авиации

Классовая ненависть и непонимание значения авиации привели к тому, что в первые месяцы после Октябрьской революции среди большевистских лидеров появилось мнение о необходимости уничтожить авиацию как элемент царского режима. Был даже подготовлен проект декрета о переводе авиационных заводов на производство мебели[53]. Однако в декабре 1917 г. большевики принимают решение взять воздушный флот под контроль и создать из летчиков, которых удалось удержать на своей стороне, красные авиаотряды. Весной 1918 г. Лев Троцкий был назначен народным комиссаром по военным делам, и в воздушном флоте было введено единоначалие[54]. Троцкий был одним из немногих политических лидеров новой власти, кто прекрасно осознавал, какое революционное значение оказала Первая мировая война на развитие авиации и

---

[52] *Демин А.А.* Ходынка: взлетная полоса русской авиации. М., 2002. С. 307–309.

[53] Красный воздушный флот. Юбилейный сборник. С. 14–19, 33–35.

[54] *Гороховская Е.А., Желтова Е.Л.* Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика, массовое сознание // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 63–78.

какие перспективы в связи с этим открывались для будущих войн и гражданской жизни: «Накануне великой империалистической бойни авиация едва вышла из стадии первых экспериментов и полетов напоказ. Мощное развитие авиации целиком совпадает с годами войны. К концу ее авиация достигает поистине поразительного расцвета. Можно сказать, что последняя война, взятая в целом, почти не использовала авиации, а только создала ее. Если бы, при нынешнем состоянии авиационной техники, начать с начала, т.е. с июля 1914 года, весь ход военных операций был бы иной. В этом смысле авиация целиком — орудие будущего.

Но не только в этом. Хозяйственная и культурная служба воздушного флота едва лишь успела наметиться»[55].

И в самом деле, Первая мировая война полностью изменила представления об авиации и возможностях самолетов. К концу войны мощность моторов в 200 лошадиных сил считалась вполне реальной. Появились и эскадры маневренных одноместных истребителей с рейсовой скоростью 170 км в час и высотой полета в 7 000 метров. Стало очевидно, что не за горами тот день, когда появятся регулярные авиалинии между континентами. Соседние страны находились в страхе перед возможностью быть атакованными с воздуха[56].

Советские власти из-за разразившейся Гражданской войны были не в состоянии обратить серьезное внимание на авиацию. Только в ходе Гражданской войны они убедились в решающем значении авиации в современной войне[57]. Это существенное запаздывание по отношению к западным странам в осознании значения роли авиации, привело к возникновению ужаса перед возросшей мощью авиации зарубежных стран. В те годы большевики не без оснований боялись, что капиталистические страны могут напасть на советскую Россию и уничтожить советский строй и уже понимали, что авиация способна сыграть в этом решающую роль. Одновременно они начинали видеть в авиации важнейшую силу будущей мировой пролетарской революции, в свершение которой в большинстве своем искренне верили. Таким образом, создание воздушного флота молодой советской страны стало жизненно важной, первостепеннейшей задачей[58].

---

[55] *Троцкий Л.Д.* Авиация — орудие будущего. Екатеринбург. 192?. С. 1.

[56] *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. London, 1992. P. 38–41. С. 59–60.

[57] *Кондратьев В., Хайрулин М.* Авиация гражданской войны. М., 2000.

[58] *Гороховская Е.А., Желтова Е.Л.* Советская авиационная агиткампания 20-х гг. С. 63–78.

Осенью 1922 г. Троцкий решает, что для строительства авиации есть лишь один путь — тотальная мобилизация нации. В феврале 1923 г. он предлагает создать Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ), и это предложение утверждается Революционным военным советом СССР, который он возглавлял. 8 марта 1923 г. ОДВФ учреждается и становится первой общественной организацией в СССР. Главными задачами, возложенными на ОДВФ, были всенародный сбор средств на строительство самолетов, широкая агитация и пропаганда авиации[59].

Голодная, полуразрушенная, малограмотная страна была призвана принести героическую жертву во имя строительства авиации, и для этого необходимо было средствами пропаганды поднять авиацию на духовную высоту, достойную такой жертвы.

Авиация получила государственную санкцию на возвеличивание. Одновременно в рамках развернувшейся жестокой антирелигиозной кампании шло вполне откровенное замещение якобы устаревших и тормозящих прогресс религиозных верований и символов на новые советские.

В одном из своих обращений «Ко всем безбожникам» Е.М. Ярославский призывал: «Мы, безбожники, должны построить хотя бы один самолет. Пусть это будет самолет “Безбожник”. Пусть “Безбожник”... борется с теми ангелами-архангелами, богами, богинями и прочими выдуманными существами, которыми попы всех вер и одураченные ими люди населили небеса и землю»[60]. И тут же возникали ответные богоборческие призывы в духе высказывания одного из первых планеристов России А. Шиукова: «Наша религия — аэроплан»[61].

Таким образом, склонность русской культуры к мистификации и обожествлению авиации, к видению в ней атрибута грядущей райской жизни получила официальное поощрение с одним лишь, но непременным условием, что творимый культ авиации должен был полностью вписываться в советскую идеологию.

С весны 1923 г. на страницах центральных и местных газет развертывается широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания. По всей стране гремят лозунги «Трудовой народ, строй воздушный флот!», «Пролетарий — на самолет!». ОДВФ создает свои ячейки

---

[59] Там же. С. 65.

[60] *Ярославский Е.* Ко всем безбожникам // Антирелигиозник. 1927. № 8. С. 3.

[61] Даешь мотор. 1925. № 5. С. 30.

во многих районах и городах страны, организует издание центрального ежемесячного журнала «Самолет», местные отделения Общества издают свои журналы: «Красный пилот», «Даешь Сибири Красные Крылья!», «Даешь мотор!», «Авиадруг». Организуются агитполеты в отдаленные уголки страны, печатается множество плакатов, снимаются кинофильмы, даже ряд товаров массового спроса — папиросы, печенье, карамель — выпускаются с призывами и символикой ОДВФ.

Теперь в пропаганде авиации советские политические лидеры, пропагандисты и деятели искусства действовали в едином порыве. Всех их объединяла вера в идею созидания нового коммунистического будущего, в победу мировой пролетарской революции, и они видели в авиации мощное и чудесное орудие, сулящее осуществление этих замыслов не только в прозаическом земном, но и в чудесном, наполненном полетом духа и тела воздушном измерении.

«Да здравствуют крылья мировой коммуны — Красный Воздушный Флот!»; «Красный Воздушный Флот — Октября оплот!»; «Советский самолет — всех трудящихся оплот!»; «За диктатурой на земле к диктатуре в воздухе!», — кричали лозунги[62].

Им вторили поэты-авангардисты:

Наше дело — весь мир рабочий
Защитить широким крылом.
.....
Подымайся же, красный летчик,
Выше всех, выше мыслей прочих;
Пусть рабочей страны рука
Голосует за облака!

— призывал поэт Николай Асеев[63].

Летчики, летчики, молодые летчики!
Крепкие крылья коммуны мировой

— заканчивал первый советский авиамарш поэт Сергей Третьяков[64].

Владимир Маяковский написал целую фантастическую поэму об авиации, наполненную призывами и лозунгами:

---

[62] *Гороховская Е.А., Желтова Е.Л.* Советская авиационная агиткампания 20-х гг. С. 69.

[63] *Асеев Н.* Стерегите облака // Лет. Авио-стихи. М. 1923. С 4.

[64] *Третьяков С.* Авиамарш // Ibid. С. 60.

Наш флаг
меж звезд полощется,
рабочью власть растя,
Мы — летчики,
мы — летчицы
рабочих и крестьян![65]

6 апреля 1925 г. в Большом Академическом театре отмечалась вторая годовщина ОДВФ. В конце торжественного заседания Владимир Маяковский прочитал первую часть своей поэмы «Летающий пролетарий». «Даешь небо!» — скандировал Маяковский со сцены Большого театра. Фотографии поэта, читающего поэму, были опубликованы во многих газетах.

Пропагандисты тиражировали воззвание о том, что Красный Воздушный Флот поможет всем трудящимся СССР «отстоять завоевания Октября и на деле осуществить заветы Ильича о международной Пролетарской Революции!»[66]

И вновь в унисон звучали призывные голоса поэтов. «Пилот — заоблачный лазутчик и агитатор РКП» — восклицал один из лидеров Пролеткульта Александр Жаров[67].

«Звездных крыльев каждый росчерк
Пишет
Выше, выше
Лозунги мира и труда...»

— с ликованием описывал «Взлет СССР» поэт Сергей Городецкий[68].

Естественно, что в ходе всей кампании советская авиация мыслилась как добрая, справедливая, несущая спасение трудящимся всего мира, а авиация капиталистических стран — как орудие зла и насилия.

Иные массовые советские акции направляли религиозные чувства народа на авиацию. Так 1 июня 1924 г. было организовано грандиозное зрелище при передаче эскадрильи «Ленин» из 19 самолетов XIII съезду РКП(б). Кампания по созданию двух боевых эскадрилий «Ленин» развернулась сразу после смерти В.И. Ленина в целях «увековечения

---

[65] *Маяковский В.* Соч. в двух томах. М., 1988. Т.2. С. 310.

[66] *Гороховская Е.А., Желтова Е.Л.* Советская авиационная агиткампания 20-х гг. С. 69–70.

[67] *Жаров А.* Гладиаторам воздуха // Лет. Авио-стихи. М., 1923. С. 15.

[68] *Городецкий С.* Взлет С.С.С.Р // Там же. С. 13.

памяти Ильича по линии ОДВФ». Передача 1-й эскадрильи «Ленин» состоялась в Москве на центральном аэродроме им. Л.Д. Троцкого (позже переименованном в аэродром имени М.В. Фрунзе) во время работы XIII съезда РКП(б). Собралось огромное множество людей: 20 000 на аэродроме и 100 000 человек вблизи, на Октябрьском поле.

На торжественном заседании, состоявшемся прямо на аэродроме, из крупных политических фигур того времени выступили Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, С.С. Каменев, М.И. Калинин, А.П. Розенгольц (начальник Военно-воздушных сил СССР). «Мы создали стальных революционеров в виде аэропланов», — вполне в поэтическом духе приветствовал эскадрилью председатель Совнаркома А.И. Рыков. «Следуя заветам Ильича, который учил нас, что диктатура пролетариата спасает и спасет Россию, мы укрепляем свою диктатуру на земле, и теперь мы должны создать и воздушную диктатуру пролетариата»; «Да здравствует имя Ленина везде и всюду, да здравствует пролетарская диктатура на земле и в воздухе», — скандировали лидеры. После заседания «спортивными пролетарскими организациями Красной Пресни было устроено народное гуляние с играми, пением, музыкой и впечатляющей театрализованной постановкой на тему «Ленин умер, жив ленинизм!»

«Перед зрителями появляются траурные рабочие колонны, исполнявшие похоронный марш: Ленин умер..., — писала газета “Правда”. — Этот момент совпадает с моментом подъема в воздух девяти стальных птиц... И наэлектризованная масса, как один человек, оглашает поле криками: “Жив ленинизм!” Один за другим поднимаются ввысь аэропланы, выстраиваются в кильватерную колонну, образуя различные живописные группы, делают на головокружительной высоте необычные по смелости “мертвые петли”»[69].

Взмывшие вверх самолеты символизировали бессмертие в прямом соответствии с религиозно-мистическим смыслом полета, примерно так же, как это мыслили Леонид Андреев в своем рассказе «Полет» и другие авторы, писавшие в Первую мировую войну о бессмертии летчиков.

Средствами советской пропаганды авиация была призвана вселять в души людей чувства гордости, захватывающего восторга, преклонения перед почти сверхъестественным могуществом Советской власти, устанавливавшей господство над воздухом, обретавшей способность побеждать врагов не только на земле и на море, но и в небе и слать по воздуху своих посланников в самые дальние уголки мира.

---

[69] Эскадрилья «Ленин». М., 1924. С. 14–17.

И, конечно же, авиация виделась как предвестница грядущей чудесной «воздушной эры». Многие советские политические деятели, пропагандисты ОДВФ и сами летчики верили в то, что авиация открывает новую эпоху для человечества и при этом человек новой «эпохи Аэрокультуры» станет лучше, прекраснее, обретет более совершенные качества души[70]. А.В. Луначарский писал: «Неизмеримы те влияния, которые будет иметь авиация ... для превращения самых различных элементов человечества в некоторое высокое единство...»[71].

В советской литературе того времени, образ почти райского коммунистического будущего, в котором все только и делают что летают, был расхожей темой.

Футуристы наиболее вдохновенно воплотили эту мечту в своих стихах. В. Каменский в поэме «Академия красного воздушного флота» уверен, что каждый «за спиной чует алые крылья» и что скоро «аэропланная жизнь/распахнет свои двери» и все увидят, «какие творит чудеса/ Академия воздушного флота»[72]. В. Маяковский в поэме «Летающий пролетарий» целую главу посвящает чудесному «будущему быту» аэропланной эры, где все летают, где жизнь невыразимо легкая, воздушная и где происходят разные чудесные вещи. В конце поэт вновь призывает:

Рабочий!
  Крестьянин!
        Поверь на ощупь,
что
  и небеса —
        твои!
Стотридцатимиллионною мощью
желанье
лететь
  напои!
Найдем —
        разгуляться где бы!
Даешь
        небо![73]

---

[70] *Гороховская Е.А., Желтова Е.Л.* Советская авиационная агиткампания 20-х гг. С. 63–78.

[71] Добролет. 1923. С. 42.

[72] *Каменский В.* Академия красного воздушного флота // Лет. Авио-стихи. М., 1923. С. 16.

[73] *Маяковский В.* Соч. в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 347–348.

Так в Советской России возникал тоталитарный миф об авиации, в котором наряду с чисто идеологическими лозунгами и призывами находили воплощение мечты и фантазии религиозно-мифологического происхождения, сопровождавшие авиацию в России с первых ее дней. В этот ранний, коллективистский период еще не возникло образа летчика как культурного героя — он появится позднее, в конце 1920-х гг. И в нем проявятся некоторые черты, которые мы видели в образе летчика-героя периода Первой мировой войны.

* * *

Россия восприняла участие авиации в Первой мировой войне со своими особенностями. В первые два года войны, когда в России шел общенациональный духовный подъем патриотических сил, проникнутая христианским мировоззрением культурная элита общества сконцентрировала внимание только на разрушительной стороне авиации. Появление же русских летчиков-истребителей, сбивших пять и более самолетов, пришлось на 1916–1917 гг., когда культурная жизнь страны развернулась от проблем войны к внутриполитическим и экономическим проблемам. В результате, в отличие от Европы, в России не возникло культурного феномена летчика-аса.

Выведенная Первой мировой войной первейшая задача — противостоять авиации противника — была осознана пришедшими в России к власти большевиками со значительным опозданием по отношению к европейским странам. В сложившейся ситуации, при особой инициативе Л.Д. Троцкого, советские власти нашли единственно действенный путь скорейшего создания воздушного флота — страна была тотально мобилизована на строительство авиации не только физически, но и духовно. В духовном пафосе этой первой общенациональной кампании советских властей нашла выражение всегда существовавшая особенная тенденция русской культуры — воспринимать авиацию через призму связанных с полетом языческих и христианских мифов и поверий. Существование такой тенденции позволяло производить замену языческих и христианских мифов о полете на новые, проникнутые богоборческим духом, мифы о титаническом всемогуществе советской авиации, что и производилось в советской культуре.

Предостережения поэтов Серебряного века против обожествления авиации остались в прошлом, как остались в прошлом их голоса, возмущенные варварским применением авиации в войне.

И.Ф. Цветков

РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. крупнейшие державы мира (Англия, Франция, США) сохраняли нейтралитет, и Россия фактически оказалась в условиях политической изоляции. Нейтралитет сохраняла и Германия, но благодаря родственным связям Вильгельма II с царской семьей Романовых и тайному сговору двух императоров (Бьеркский договор 24.07.1905) Германия продолжала оказывать военно-техническую помощь России, которая значительно расширилась после Портсмутского мирного договора, заключенного 23.08 (5.09). 1905 г.[1]

Потеряв почти весь свой флот, Россия энергично приступила к его восстановлению. Для постройки первых четырех минных крейсеров был выбран проект германского миноносца, разработанный заводом «Вулкан» в Штеттине. В целях соблюдения секретности в документах его стали именовать «паровой яхтой водоизмещением в 500 т.» Проектная документация этого германского миноносца была тайно переправлена в Россию.

Для строительства минных крейсеров был выбран завод «Ланге и сын» в Риге, недавно приобретенный казной у Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка и простаивавший из-за отсутствия заказов. Хотя акции верфи были проданы банком казне, формально завод «Ланге и сын» продолжал считаться частным предприятием, и это обстоятельство давало определенные преимущества при установлении связей с зарубежными поставщиками оборудования из нейтральных стран.

Сроки сдачи четырех минных крейсеров установили последовательно в январе, феврале, марте и апреле 1905 г. Кораблям присвоили названия «Украина», «Войсковой», «Туркменец Ставропольский» и «Казанец». Общая контрактная стоимость постройки крейсеров составляла 2 млн 976 тыс. руб. (без стоимости вооружения). Корабли строились

---

[1] *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 25–38; *Фей Сидней.* Происхождение мировой войны. Пер. с англ. В 2-х томах. Т. 1. М., 1934. С. 81–162.

на добровольные пожертвования населения России, а их названия соответствовали территориям, где собирались денежные средства.

Главные размерения «паровой яхты 500 т.» составляли 73,2 х 7,23 х 2,3 м, скорость — 25 узлов, вооружение — два 75-мм орудия и два однотрубных торпедных аппарата диаметром 457 мм. Радиотелеграфная станция системы «Телефункен» обеспечивала дальность радиосвязи до 25 миль. После сдачи флоту первых четырех кораблей на заводе «Ланге и сын» заложили еще четыре минных крейсера («Стерегущий», «Страшный», «Донской казак», «Забайкалец»). Всего рижский завод «Ланге и сын» построил восемь кораблей этого типа.

Вторым германским предприятием, которое участвовало в строительстве минных крейсеров, был судостроительный завод «Ф. Шихау» в Эльбинге. Это предприятие взяло на себя разработку конструкторской документации и изготовление паровых котлов, главных и вспомогательных механизмов, а также поставку их русским судостроительным заводам-строителям «паровых яхт».

Для строительства кораблей по проектной документации германской фирмы «Ф. Шихау» выбрали общество «Сандвикский корабельный док и механический завод» в Гельсингфорсе и Общество Путиловских заводов в Петербурге. Водоизмещение «паровых яхт» фирмы «Ф. Шихау» составляло 570 т. Несколько изменился и состав вооружения — были добавлены еще три 57-мм орудия. Общество «Сандвикский корабельный док и механический завод» построило четыре минных крейсера («Финн», «Эмир Бухарский», «Генерал Кондратенко», «Сибирский стрелок»), а Общество Путиловских заводов — два корабля («Москвитянин», «Доброволец»). По чертежам фирмы «Ф. Шихау» было построены еще два корабля на заводе «Крейтон и К°» в Або (Турку) — «Охотник» и «Пограничник».

Третьим германским предприятием, принявшим участие в строительстве минных крейсеров, была фирма «Ф. Крупп», владевшая судостроительной верфью в Киле. В октябре 1904 г. с ней был заключен договор на постройку двух минных крейсеров («Всадник», «Гайдамак»). Фирма «Ф. Крупп» также обязалась разработать общие и детальные чертежи корабля и поставить листовую и фигурную сталь верфи «Германия». Кроме того, с фирмой «Ф. Крупп» была достигнута договоренность о поставке всех частей корпуса, котлов и механизмов еще для двух кораблей («Амурец», «Уссуриец»), сборка которых производилась «Машино-, мосто- и судостроительным обществом» в Гельсингфорсе.

Таким образом, с помощью германских фирм было построено 20 минных крейсеров. Они являлись наиболее совершенными миноносными кораблями русского флота. Дальнейшее совершенствование тактико-технических элементов кораблей этого типа потребовало перейти от паровых поршневых машин к турбинным двигателям, что резко увеличило их скорость, и многотрубным торпедным аппаратам, которые значительно повысили эффективность торпедной стрельбы[2]. Таким кораблем явился эскадренный миноносец «Новик», спроектированный и построенный с помощью германского судостроительного завода «Вулкан» в Штеттине.

При проектировании и постройке «Новика» были решены две основные задачи технических условий, а именно: снижена масса корпуса за счет применения более прочных материалов и априори увеличена масса механизмов, которые могли быть установлены на корабле; значительно увеличено отношение длины корпуса к ширине, что открывало широкие возможности повышения скорости корабля. Масштабная модель корабля успешно прошла испытания в Опытовом бассейне в Бремерхафене.

В апреле 1912 г. эскадренный миноносец «Новик» был предъявлен к ходовым испытаниям, однако на мерной миле близ Ревеля корабль не достиг контрактной скорости 37,0 узлов. Члены приемной комиссии пришли к выводу, что котельная установка имеет недостаточную паропроизводительность и не обеспечивает турбины количеством пара, необходимым для развития полного числа оборотов турбин. В связи с этим завод «Вулкан» предложил за свой счет заменить котлы на «Новике» новыми с большей паропроизводительностью. Завод также принял на себя обязательство выполнить все работы по корпусу, связанные с заменой котлов.

В мае 1913 г. «Новик» был направлен на германскую военно-морскую базу Свинемюнде, где специалисты завода «Вулкан» повторили испытания и убедились, что корабль не в состоянии развить контрактную скорость. Командир «Новика» капитан 1-го ранга Д.Н. Вердеревский нанес визиты датскому консулу К. Штурму, выполнявшему обязанности русского вице-консула в Свинемюнде, и военному коменданту города полковнику Ф. Дювалю. После официального обмена приветствиями полковник Ф. Дюваль пригласил офицеров «Новика»

---

[2] *Цветков И.Ф.* История отечественного судостроения. В 5-ти томах. СПб., 1995. Т. 3. С. 63–86.

на обед в военное собрание гарнизона. Из Свинемюнде «Новик» 11 мая 1913 г. прибыл в Штеттин, где завод «Вулкан» установил новые котлы. Паропроизводительность вновь установленных котлов была повышена на 15 %, изменена также конструкция гребных винтов. 21 августа 1913 г. при испытаниях на мерной миле близ Свинемюнде «Новик» показал рекордную по тому времени скорость 37,3 узла, которая превысила контрактную. Эскадренный миноносец «Новик» вошел в историю, как головной корабль, открывший строительство многочисленной серии скоростных турбинных миноносцев российского флота[3].

В 1908 г. в России была принята «Малая судостроительная программа», которая предусматривала постройку четырех линейных кораблей-дредноутов. В открытом мировом конкурсе на лучший проект этих кораблей приняла участие германская судостроительная фирма «Блом унд Фосс». Проект линейного корабля должен был удовлетворять следующим главным требованиям: водоизмещение — 23 000 т, скорость — 23 узла, вооружение — 12 артиллерийских орудий калибра 305 мм в башнях, толщина главного броневого пояса не менее 250 мм.

Проект линейного корабля фирмы «Блом унд Фосс» был признан Морским министерством наилучшим из 18 проектов, представленных на конкурс. Когда в Германии стало известно об этом, кайзер Вильгельм II направил администрации фирмы «Блом унд Фосс» поздравительную телеграмму, а затем она получила заказ на два линейных корабля для германского флота. Французское правительство выразило протест, полагая, что фирма «Блом унд Фосс» получит заказ на строительство четырех линейных кораблей для русского флота. Как пишет известный кораблестроитель академик А.Н. Крылов в книге «Мои воспоминания», «французская пресса кричала о том, что не для того Франция разместила у себя русские займы, чтобы Россия передавала ее деньги Германии». В результате, по требованию правительства России Морское министерство выкупило германский проект за 250 тыс. руб. и от дальнейших услуг фирмы отказалось, а для строительства дредноутов был выбран проект Балтийского завода в Петербурге[4].

6 июня 1912 г. после бурного обсуждения в Государственной думе была принята «Большая судостроительная программа», на которую правительство России ассигновало более 500 млн золотых рублей. Вскоре после этого поистине исторического события кайзер Вильгельм II

---

[3] *Цветков И.Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. С. 29–71.

[4] *Цветков И.Ф.* Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983. С. 28–58.

нанес визит в Россию. На яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении новейшего линейного крейсера «Мольтке» он прибыл в Балтийский порт (ныне Палдиски, Эстония). На рейде в это время находились царская яхта Николая II «Штандарт» и два русских линейных корабля «Император Павел I» и «Андрей Первозванный». Обменявшись салютом наций, императоры нанесли взаимные визиты. Морской министр адмирал И.К. Григорович в книге «Воспоминания бывшего морского министра» вспоминает: «В один из дней пребывания германского императора я по приказанию государя сопровождал его при осмотре крейсера «Мольтке». Германский император откровенно доказывал мне, что для нас совершенно необходимо заказать часть нашего флота у них в Германии и что они дадут нам первоклассные образцы новейшего типа судов и построят скоро и хорошо, как все, что у них в Германии делается»[5].

Результатом притязаний Германии на строительство русского флота был заказ на постройку двух легких крейсеров водоизмещением 4 600 т, а также паровых турбин для эскадренных миноносцев и дизельных двигателей для подводных лодок. Легкие крейсера («Адмирал Невельской», «Муравьев Амурский») Морское министерство заказало фирме «Ф. Шихау» в Эльбинге. Для согласования спецификации и подписания контракта в Петербург 17 ноября 1912 г. приехал директор фирмы «Ф. Шихау» К. Лейкс. Первая мировая война нарушила планы строительства крейсеров для России. Они были реквизированы германским правительством, достроены и зачислены в состав германского флота под названиями «Эльбинг» и «Пиллау»[6].

Фирма «Ф. Шихау» проявляла повышенный интерес к строительству русского флота. В начале 1912 г. владелец немецких заводов «Ф. Шихау» Карл Цизе обратился в Морское министерство России с предложением о создании в окрестностях Риги (Латвия) судостроительной верфи для постройки турбинных эскадренных миноносцев. Морское министерство не отклонило предложение К. Цизе, но одновременно сообщило, что в состав правления верфи, администрации и рабочих иностранные подданные допущены не будут. Фирма «Ф. Шихау» быстро подыскала подставного русского «владельца» отставного контр-адмирала Карла Иессена и получила разрешение на покупку земли и строительство верфи. В марте 1913 г. новая верфь, которую назвали Мюльграбенской,

---

[5] *Григорович И.К.* Воспоминания бывшего морского министра. Под ред. И.Ф. Цветкова. СПб., 1993. С. 82–111.

[6] *Цветков И.Ф.* Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Л., 1990. С. 141–149.

получила заказ на восемь эскадренных миноносцев. Но эта верфь не успела построить ни одного корабля. С началом Первой мировой войны верфь со всем оборудованием и недостроенными миноносцами была реквизирована русским правительством.

16 ноября 1913 г. Путиловская верфь выделилась из состава Общества Путиловских заводов и стала самостоятельным независимым предприятием. В строительстве Путиловской верфи принимала участие германская фирма «Блом унд Фосс». Среди наиболее крупных сооружений верфи был открытый шатровый эллинг, позволявший строить одновременно два линейных корабля или четыре легких крейсера, судостроительная мастерская, оборудованная станками последних моделей, склад судостроительной стали, разбивочный плаз, турбинная и котельная мастерские. Кроме того, верфь имела четыре открытых стапеля для строительства эскадренных миноносцев. При сооружении Путиловской верфи были использованы новейшие германские технологии. Судостроительный материал в процессе обработки двигался из склада, от станка к станку вплоть до окончательной установки на строящееся судно, все время в одном и том же направлении. Верфь была оборудована многочисленными мощными мостовыми кранами. Из заказанных Путиловской верфи двух легких крейсеров и восьми эскадренных миноносцев на ней (до 1917 г.) сумели построить и сдать флоту лишь три эскадренных миноносца. Основная причина низкой эффективности работы верфи заключалась в медленном освоении производства турбин и остром дефиците материалов для их изготовления.

Германские специалисты также оказывали техническую помощь в организации производства паровых турбин Металлическому заводу в Петербурге, который получил заказ Морского министерства на восемь турбинных эскадренных миноносцев. В сентябре 1912 г. на завод прибыли немецкие специалисты во главе с директором известной германской фирмы АЕГ доктором Лашэ и директором гамбургского завода фирмы «Вулкан» доктором Бауэром. С ними велись переговоры об оборудовании турбинного цеха и лицензии на право постройки паровых турбин системы «Кэртис-АЕГ-Вулкан». Переговоры закончились успешно, и Металлический завод быстро освоил производство турбин этой системы[7].

Тем не менее, всем русским заводам, строившим турбинные эскадренные миноносцы, Морским министерством было разрешено зака-

[7] *Цветков И.Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». С. 92–96, 97–101, 111–115.

зать турбины для головных кораблей в Германии, так как постройка корпусов кораблей опережала изготовление турбин. Наряду с паровыми турбинами в Германии были заказаны дизельные двигатели для головных подводных лодок типа «Барс».

С началом Первой мировой войны консультации немецких специалистов и поставка заказанного в Германии оборудования, естественно, прекратились. Это обстоятельство существенно замедлило строительство кораблей, предусмотренных «Большой судостроительной программой» 1912 г., и значительно ослабило российский флот на Балтийском море.

Как нетрудно видеть, военно-техническое сотрудничество Германии и России было односторонним, что обусловливалось крайней отсталостью промышленности России, которая к началу Первой мировой войны не производила ни паровых турбин, ни дизельных двигателей большой мощности, пригодных для подводных лодок. Даже гребные электродвигатели для подводных лодок изготавливались германской электротехнической фирмой «Сименс унд Шуккерт» в Петербурге.

Морское министерство России нельзя обвинять в непредусмотрительности, так как у него не было альтернативы. Заводы Англии были загружены собственными заказами. Кроме того, они поставляли паровые турбины для линейных кораблей и эскадренных миноносцев, строившихся на Черном море.

Сведения об авторах

Байрау Дитрих (Dietrich Beyrau) — почетный профессор (Emeritus) Тюбингенского университета. Область научных интересов: новейшая история Восточной Европы, главным образом России, Советского Союза и Польши: социальная и военная история, сравнительная история диктатур, история интеллигенции. Основные публикации: «Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungesschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985» (Göttingen, 1993); «Approximation of a Comparison: Stalinism, National Socialism and Their Intellectual Servants», In: Borejsza, Jerzy W., Ziemer, Klaus (eds.), Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century (New York, Oxford, 2006); статьи в российских журналах «Отечественная история» (1994), Ab Imperio (2002).

Виноградов Юрий Абрамович — историк-архивист, в 1956–1992 гг. научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, в 1992–1997 гг. — учёный секретарь Санкт-Петербургского союза учёных, научный редактор. Автор работ об истории Академии наук и ее архива.

Вольф Стефан Л. (Stefan L. Wolff) — доктор, лектор Мюнхенского университета и научный сотрудник Немецкого музея (Deutsches Museum) в Мюнхене. Область научных интересов: история физики XIX–XX вв., в особенности история кинетической теории и история эмиграции физиков в период нацизма. Основные публикации: «Einshtein verlässt Deutschland. Vetreibung und Exil von Physikern während des “Dritten Reichs”». In: C. Driks, H. Simon (Hrsg.) Relativ judisch. Albert Einstein, Jude, Zionist, Nonkonformist (Berlin, 2005); «Der Situation der deutschen Universitätsphysik während des Ersten Weltkriges». In: T. Maurer (Hrsg.). Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg. (Stuttgart, 2006).

Голиков Юрий Павлович — кандидат биологических наук, директор Музея истории Института экспериментальной медицины РАМН. Область научных интересов: история медицины, в особенности в Санкт-Петербурге. Основные публикации: «Медицинский Петербург» (в соавт. с Т.И. Грековой) (СПб., 2001), «Принцы Ольденбургские в Петербурге» (в соавт. с Э Л. Анненковой) (СПб., 2004).

Дмитриев Александр Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естество-

знания и техники РАН, редактор журнала «Новое литературное обозрение». Автор книги «Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа, 1920–1930 гг.» (СПб., 2004) и ряда статей по интеллектуальной истории и истории науки России и Европы.

Дмитриев Игорь Сергеевич — доктор химических наук, директор Музея-архива Д.И. Менделеева при Санкт-Петербургском государственном университете. Автор книг: «Неизвестный Ньютон: Силуэт на фоне эпохи» (СПб., 1999), «Искушение святого Коперника. Ненаучные корни научной революции» (СПб., 2006) и статей по истории европейской и отечественной химии и физики.

Желтова Елена Леонидовна — кандидат технических наук, научный сотрудник Института истории естествознания и техники (Москва). Автор статей по истории техники (электрификации, авиации и др.) в России и СССР.

Иванов Анатолий Евгеньевич — доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва). Автор книг и статей по истории образования в России, в том числе «Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв.» (М., 1991), «Ученые степени в Российской империи, XVIII в. — 1917 г.» (М., 1994), «Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба» (М., 1999).

Кауфманн Дорис (Doris Kaufmann) — профессор новой и новейшей истории Бременского университета. Область научных интересов: история культуры и науки, в особенности наук о человеке и психиатрии. Основные публикации: «Katholisches Milieu in Münster 1928–1933 (Düsseldorf, 1984)»; «Frauen zwischen Aufbruch und Reaktion. Protestantische Frauenbewegung in der ersten Hälfte des 20.Jahrunderts». (München, Zürich, 1988); «Aufklärung, bürgerliche Selbsterfahrung und die Psychiatrie in Deutschland, 1770–1850» (Göttingen, 1995).

Колчинский Эдуард Израилевич — доктор философских наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: история эволюционной теории, социальная история российской науки и философия биологии. Основные публикации: «Эволюция эволюции» (в соавторстве с К.М. Завадским) (Л., 1977), «Развитие эволюционной теории в СССР. 1917–1970-х гг.» (редактор-составитель) (Л., 1983), «Эволюция биосферы» (Л., 1990), «В поисках

советского «союза» философии и биологии: дискуссии и репрессии 1920 – начала 30-х гг.» (СПб., 1999); «Неокатастрофизм или селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза?» (СПб., 2002), «Наука и кризисы» (СПб., 2003), «Эрнст Майр и современный эволюционный синтез» (СПб., 2006), «Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века» (СПб., 2007).

Корнелиссен Кристоф (Christoph Cornelißen) — профессор новой и новейшей истории Кильского университета. Область научных интересов: история Европы, особенно Германии и Великобритании, историография, история миграций. Основные публикации: Gerhard Ritter. Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert (Düsseldorf, 2001); Geschichtswissenschafte n. Eine Einführung (Frankfurt, 2000); Diktatur – Krieg – Vertreibung. Erinnerungskulturen in Tschechien, der Slowakei und Deutschland seit 1945 (Essen, 2005) (совм. с R. Holec, J. Pescaronek).

Лайус Юлия Александровна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Область научных интересов: история рыбохозяйственной науки, морских и полярных исследований, экологическая история. Основные публикации: Морские биологические станции на Русском Севере» (2006, в соавт. с С.И. Фокиным и А.В. Смирновым) и ряд статей в отечественных и зарубежных изданиях.

Маурер Труде — профессор новой истории и истории Восточной Европы Гёттингенского университета. Область научных интересов: история евреев в Германии и Восточной Европе, социальная история России, сравнительная история образования. Основные публикации: «Ostjuden in Deutschland 1918–1933» (Hamburg 1986); «Die Entwicklung der jüdischen Minderheit in Deutschland (1781–1933). Neuere Forschungen und offene Fragen» (Tübingen 1992); «Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte» (Köln, Weimar, Wien, 1998); «Leben in zwei Kulturen. Akkulturation und Selbstbehauptung von Nichtrussen im Zarenreich» (Wiesbaden, 2000) (ред. совм. с E.-M. Auch); «Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg» (Stuttgart 2006) (ред.).

Россиянов Кирилл Олегович — кандидат биологических наук, научный сотрудник Института истории естествознания и техники (Москва). Автор статей по социальной и культурной истории российской и советской биологии, главным образом, генетики и антропологии, биологической этики в отечественных и зарубежных изданиях.

Сироткина Ирина Евгеньевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института истории естествознания и техники (Москва). Автор монографии «Ставя диагноз гению: история психиатрии в России в 1880–1930 гг.» (Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880-1930. (Baltimore and London, 2002)) и статей по истории наук о человеке в России.

Федотова Анастасия Алексеевна — научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Автор статей по истории отечественной ботаники, ботанической географии и сельского хозяйства.

Фукс Экхардт (Eckhardt Fuchs) — доктор, директор по научной работе Института международных исследований учебной литературы им. Георга Эккерта (Georg-Eckert-Institut für internationale Schulbuchforschung) в Брауншвейге. Область научных интересов: история образования и международной политики в сфере образования и науки, историография. Основные публикации: Bildung International: Historische Perspektiven und aktuelle Entwicklungen (Würzburg, 2006); Writing World History, 1800–2000 (Oxford, 2003) (ред. совм. с B. Stuchtey); Across Cultural Borders: Historiography in a Global Perspective (Lanham, 2002) (ред. совм. с B. Stuchtey).

Цветков Игорь Федорович — доктор исторических наук и доктор технических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Область научных интересов — история военного судостроения и вооружения кораблей, история радиоэлектроники и информационных систем управления. Основные публикации: «История отечественного судостроения, 1905–1925 гг.» (СПб., 1995), «Организационные структуры и организационно-мобилизационные органы ВМФ России» (СПб., 2000), «Подводные лодки типа “Барс”» (СПб., 2007).

Шеллези-Янце Маргит (Margit Szöllösi-Janze) — профессор новой истории Кёльнского университета. Область научных интересов: история науки в Германии. Основные публикации: «Geschichte der Arbeitsgemeinschaft der Großforschungseinrichtungen 1958–1980» (Frankfurt, New York? 1990); «Fritz Haber (1868–1934). Eine Biographie». (München, 1998); «Science in the Third Reich» (Oxford, New York, 2001) (ред. совм. с H. Trischler); «Zwischen “Endsieg” und Examen. Studieren an der Universität Köln 1943–1948. Brüche und Kontinuitäten» (Nümbrecht, 2007) (ред.).

Штрупп Кристоф (Christoph Strupp) — доктор, научный сотрудник Исследовательского института современной истории (Forschungsstelle für Zeitgeschichte) в Гамбурге. Основные труды: «Johan Huizinga. Geschichtswissenschaft als Kulturgeschichte» (Göttingen, 2000); «Universität der Gelehrten — Universität der Experten. Adaptionen deutscher Wissenschaft in den USA des neunzehnten Jahrhunderts» (Stuttgart, 2005), (ред. совместно с Ph. Löser); «Taxation, State, and Civil Society in Germany and the United States from the 18th to the 20th Century» (Baden-Baden, 2007), (ред. совм. с A. Nützenadel).

Эспозито Фернандо (Fernando Esposito) — научный сотрудник программы «Опыт войны» Тюбингенского университета, работает над диссертацией по истории авиации в Италии и Германии в первой половине XX в. в связи с историей фашизма.

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны

Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус

Редактор *В.П. Мартыненко*
Компьютерная верстка *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать 20.09.2007. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Mysl.
Усл.-печ. 31,5. Тираж 700 экз. Заказ № 645.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., Розенштейна ул., д. 21
тел.: (812)622-01-23